

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Археологический ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1974 ГОД

Основан в 1957 г.
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

«Археографический ежегодник за 1974 год» содержит материалы по вопросам археографии, архивоведения и специальных исторических дисциплин: статьи и сообщения о личной библиотеке В. И. Ленина, о публикациях документов по истории Белоруссии, летописей и актов, по истории научно-исторических обществ России, об изучении бумаги древних рукописей и советских документов, о деятельности выдающихся археографов О. А. Добиаш-Рождественской, А. Н. Насонова; обзоры справочных изданий и личных фондов ученых. «Тихомировские чтения» посвящены 250-летию Академии наук СССР, архивным материалам и публикациям документов по истории Академии наук.

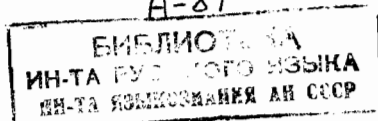
В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие сотрудники Археографической комиссии Ю. В. Андрияшайтите, Н. А. Долдобанова, В. Б. Павлов-Сильванский, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ, С. Н. ВАЛК,
Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДБЯКОВ, Б. Г. ЛИТВАК, В. А. ЧЕРНЫХ

8(п)

A-87

70759

І. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Ю. П. Шаранов

ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ЛЕНИНСКИХ МАРГИНАЛИЙ

В каталоге личной библиотеки В. И. Ленина в Кремле учтено около 8,5 тыс. книг, журналов, газет и других произведений печати¹. В нем зафиксированы, разумеется, далеко не все издания, которыми пользовался В. И. Ленин. В указателях литературы Полного собрания сочинений В. И. Ленина отмечено свыше 16 тыс. книг, брошюр, статей, периодических изданий, документов, писем более чем на двадцати различных языках. В это число входит 12 тыс. названий литературы на русском языке и 4 тыс. — на иностранных языках.

В. И. Ленин был энергичным, активным читателем — об этом свидетельствуют пометки Владимира Ильича на книгах. Книг, журналов, газет с ленинскими пометками в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС хранится около 900. В настоящей статье анализируются некоторые маргиналии на книгах, журналах, газетах из личной библиотеки В. И. Ленина в Кремле.

Н. К. Крупская писала о Ленине как читателе: «Во время подготовки к выступлениям и вообще занимаясь, любил подчеркивания, пометки, выписки и конспекты и прибегал к ним часто и много. Они часто были коротки и выразительны»². Систематизация и изучение ленинских пометок на книгах — дело чрезвычайно трудоемкое, посильное лишь десяткам специалистов, которые, каждый по своей отрасли знания или теме, могут проследить дальнейшую трансформацию ленинских маргиналий. После выхода в свет Каталога библиотеки В. И. Ленина в Кремле появилось немало книг, брошюр и статей, в которых обобщен опыт работы над этим ценным изданием. Исследователи Ленинианы оценили эти работы.

Прежде всего следует назвать книгу «Как В. И. Ленин готовил свои труды». В ней есть раздел «Пометки на книгах»³, содержащий неопубликованные данные. Интересны исследование А. Шамаро о пометках В. И. Ленина на географических картах⁴, обзор В. Листова изданий по кинематографии, входящих в ленинскую библиотеку⁵, сообщение С. Дрейдена о книгах по музыке⁶, заметка М. Астафьевой «Архитектура и строительство в книгах личной библиотеки В. И. Ленина»⁷. Представляет интерес обзор Ю. Яковсона⁸, посвященный литературе об Иванове и ивановских рабочих в кремлевской библиотеке В. И. Ленина. Вместе с исследованиями местных историков и публицистов (по Азербайджану

¹ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961.

² Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, изд. 2. М., 1968, стр. 483.

³ «Как В. И. Ленин готовил свои труды». М., 1969, стр. 96—117.

⁴ А. Шамаро. Если бы карты рассказали. . . М., 1969.

⁵ В. Листов. Уголок кремлевской библиотеки. — «Искусство кино», 1970, № 2.

⁶ С. Дрейден. Книги о музыке в библиотеке Ильича. — «Музыкальная жизнь», 1962, № 8.

⁷ «Архитектура СССР», 1969, № 2.

⁸ Ю. Яковсон. В личной библиотеке Ильича. — «Талка». Литературно-художественный сборник. Иваново, 1962.

Средней Азии, Сибири, Дальнему Востоку и т. п.) эта литература насчитывает около полусотни наименований.

Однако обобщающий труд, который раскрывал бы изучение В. И. Лениным литературы по истории, отсутствует. А ведь только по истории СССР в кремлевской библиотеке В. И. Ленина насчитывается 704 названия! ⁹ Этот сюжет затрагивается в V главе монографии Е. Н. Городецкого «Ленин — основоположник советской исторической науки» (М., 1970), в книге А. Г. Черных «В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России» (М., 1969), в статье С. О. Шмидта ¹⁰ и др. В библиографическом словаре «Воспитанники Московского университета — соратники В. И. Ленина» (М., 1973) отмечено, какие книги и брошюры своих соратников — питомцев университета читал и изучал Владимир Ильич.

Между тем представители других общественных наук более активны. Экономист Л. А. Леонтьев в книге «О ленинских «Тетрадах по империализму». К характеристике творческой лаборатории В. И. Ленина» (М., 1962) едва ли не первый в Лениниане проанализировал на примере одного фундаментального труда, одной отрасли знания, что и как читал В. И. Ленин. Автору удалось наглядно показать, какие мощные пласты изученной, переработанной литературы лежат в основании ленинского труда об империализме. Эти данные автор включил в свою монографию «Ленинская теория империализма» (М., 1969).

В области философской литературы, изученной В. И. Лениным, такую же капитальную работу проделал акад. Б. М. Кедров в книге «Из лаборатории ленинской мысли. Очерки о «Философских тетрадах» В. И. Ленина» (М., 1972).

Перейдем к ленинским маргиналиям. Нас прежде всего интересуют вопросы общие: каков характер отзывов В. И. Ленина на литературу? Какие пометки делал Владимир Ильич? Как эти оценки и пометки развивались в дальнейшем в ленинских произведениях?

Отклик читателя на книгу — это либо устная оценка в частной беседе, в выступлении, в докладе, либо письменный отзыв — рецензия или предисловие, в котором книга прямо рекомендуется читателю (например, ленинское предисловие к книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» ¹¹). В данном случае эта оценка или отклик ясны, так сказать, сразу. Другое дело, когда, сделав пометки на полях и весьма часто в выводе под чертой после текста книги, Ленин развивает свои мысли о прочитанном впоследствии в трудах, докладах. В этом случае оценки В. И. Ленина представляют интерес вдвойне — не только в связи с тем, как они были воплощены в последующих трудах, ибо они носят принципиальный характер, но и сами по себе.

Так, в книге Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» напротив определения, данного автором, «Капитализм есть антагонистическая, противоречивая система» В. И. Ленин пишет на полях: «Архиветочно. Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» ¹². А по поводу бухаринского определения войн Владимир Ильич написал: «Полная путаница, проистекающая от чрезмерной любви автора упражняться в игре понятиями, выдавая это за «социологию» ¹³.

⁹ Подсчеты источников и книг по источниковедению см.: Б. Г. Литвак. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина. — В кн.: «Источниковедение истории советского общества». М., 1964, стр. 23.

¹⁰ С. О. Шмидт. В. И. Ленин — читатель В. О. Ключевского. — В кн.: «Проблемы истории и историографии общественного движения». К 70-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1971.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 48.

¹² «Ленинский сборник», XI, стр. 357.

¹³ Там же, стр. 355.

Когда же Бухарин пытается уверить читателя, что крах мировой капиталистической системы может начаться с наиболее слабых в социально-экономическом развитии стран, Владимир Ильич пишет на полях: «неверно: с *«средне-слабых»*. Без известной высоты кап[итали]зма у нас бы ничего не вышло»¹⁴.

Как принципиально важны эти ленинские замечания! Они не только подвергают критике Бухарина, но и помогают исследователям глубже разобраться в социально-экономической структуре дореволюционной России, соотношении классов, в вопросах подготовки к Великой Октябрьской социалистической революции, в определении войн.

В годы первой мировой войны В. И. Ленин неустанно разоблачал социал-шовинистов, обманывавших рабочий класс своей лживой пропагандой «защиты отечества», а на самом деле защищавших интересы капиталистов. Естественно, что каждое выступление, направленное против социал-шовинистских лозунгов, привлекало внимание Владимира Ильича.

9 ноября 1915 г. В. И. Ленин направил письмо А. М. Коллонтай, находившейся тогда по поручению партии в Нью-Йорке. Владимир Ильич просил ее издать в Америке брошюру (и она была издана) с изложением циммервальдской платформы. «Это должно быть, — писал В. И. Ленин, — первое выступление *ядра левых* социал-демократов *всех* стран, имеющих ясный, точный, полный *o т в е т* на вопрос, что делать и куда идти»¹⁵. Владимир Ильич поручил А. М. Коллонтай связаться с газетой «Appeal to Reason» в Канзасе: «Газетка их иногда *недурна*. Пощупайте их непременно с нашей резолюцией «Циммервальдской левой». А что такое Eugene *Debs*? Пишет он иногда революционно. Или тоже тряпка à la Каутский?»¹⁶

Газета американских социалистов «Appeal to Reason», основанная в 1895 г. в штате Канзас, в годы первой мировой войны занимала интернационалистическую позицию. Комплект газеты за эти годы хранит следы ленинского карандаша — одни статьи обведены, другие подчеркнуты, третьи — испещрены знаком NB.

В. И. Ленин внимательно следил за появляющимися время от времени в этой газете статьями одного из лидеров американских социалистов Дебса. Воззвание Дебса против войны, озаглавленное «Никогда не будь солдатом» и опубликованное 25 августа 1915 г., В. И. Ленин вырезал из газеты и написал внизу выходные данные. Статья Дебса «Когда я буду сражаться» (11 сентября 1915 г.) отчеркнута Владимиром Ильичем¹⁷. Он трижды ссылаясь на нее в своих речах и статьях — в речи на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г. (Полн. собр. соч., т. 27, стр. 233—234), в «Письме к американским рабочим» (Полн. собр. соч., т. 37, стр. 59), в «Открытом письме Борису Суварину» (Полн. собр. соч., т. 30, стр. 267—268). В номере от 25 декабря 1915 г. отчеркнута статья Дебса «Единственная война, в которой я приму участие». Ленин подчеркнул слова автора, что такой войной будет социалистическая революция¹⁸. В другой статье Дебса Владимира Ильича привлекли такие слова Дебса, он отчеркнул их: «Наш враг не за океаном, отнюдь нет, он у нас дома»¹⁹. Возвращаясь к этой теме, Дебс пишет: «Единственный способ спастись — это узнать, как проголосует хозяин, а затем проголосовать иначе». И далее: «Почему Рокфеллеры и Морганы должны любить свою страну? Ведь они владеют большей частью ее»²⁰.

Дебс отдавал себе отчет в том, как сильна в США рабочая аристокра-

¹⁴ Там же, стр. 397.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 163.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Литературная газета», 1 октября 1963 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

тия. Это по ее адресу он писал, что те, кто получают по два доллара в день, мыслят по-капиталистически и тормозят развитие социализма; капиталисты же не задерживают это развитие, наоборот, они содействуют ему. Эти слова В. И. Ленин отметил знаком №.

В речи на интернациональном митинге в Берне 8 февраля 1916 г. В. И. Ленин прочитал собравшимся, что писал Юджин Дебс, популярнейший вождь американских социалистов, кандидат американской социалистической партии на пост президента республики, в газете «Призыв к Разуму» от 11 сентября 1915 г. Владимир Ильич напомнил слова Дебса в своем «Письме к американским рабочим», — «что он, Дебс, дал бы себя скорее расстрелять, чем вотировать кредиты на теперешнюю, преступную и реакционную войну; что он, Дебс, знает лишь одну священную, законную, с точки зрения пролетариев, войну, именно: войну против капиталистов, войну за освобождение человечества от наемного рабства»²¹.

Этот пример, как и многие другие, наглядно показывает, как важны ленинские маргиналии, как много дают они исследователю²².

Изучение научной и ведомственной литературы, которую читал В. И. Ленин в советское время, позволяет представить круг вопросов, интересовавших Владимира Ильича как руководителя восстановления народного хозяйства, вникающего в детали развития различных отраслей экономики.

Необходимо обратить внимание на то, как изучал В. И. Ленин литературу, пытавшуюся обобщить первые шаги, первый опыт социалистического строительства, какие пометки на этих книгах делал, что выделял, что считал удачей, на каких просчетах заострял внимание.

В первую очередь Владимира Ильича интересовал практический, положительный опыт, пусть скромный, пусть небольшой, в масштабе уезда или губернии, но завоеванный, закрепленный, внедренный в жизнь.

Так, в ленинской статье-рецензии «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» на книгу А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом» (Весьегонок, 1918) подробно разбираются ее достоинства. «Описание хода революции в захолустном уезде, — писал В. И. Ленин, — вышло у автора такое простое и вместе с тем такое живое, что пересказывать его значило бы только ослаблять впечатление»²³. Вместо этого Владимир Ильич выделяет в весьегоновском опыте события и детали общероссийского значения, поднимает их до государственного уровня.

В. И. Ленин приводит в статье большой отрывок из книги Тодорского, в котором рассказывается, как местные власти привлекли к полезной деятельности трех молодых, энергичных и дельных промышленников, которые, поняв, что имеют дело не с «двухнедельными случайными гостями», а с настоящими хозяевами, согласились работать. Слова автора «Это — еще полдела, если мы ударим эксплуататоров по рукам, обезвредим их или «доканаем». Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать, и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть»²⁴ В. И. Ленин подчеркнул, на

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 59.

²² Издательство «Мысль» выпустило в свет книгу В. Быкова «Юджин Дебс» (М., 1971). В ней дано наиболее полное в советской исторической литературе жизнеописание и характеристика деятельности Дебса. Автор указывает в библиографии к своему труду, что статьи Дебса, собранные В. И. Лениным, хранятся в ЦПА ИМЛ, однако не упоминает о ленинских пометках на статьях Дебса, хотя ко времени выхода книги они были уже опубликованы («Книга». Исследования и материалы, 1970, № 20, стр. 220—221).

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 407.

²⁴ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 408.

полях отчеркнул тремя чертами и поставил знак **NB**²⁵. «Замечательные слова,— так охарактеризовал Владимир Ильич формулу Тодорского о том, что буржуазию надо заставить на нас работать,— показывающие, что даже в городе Вельегонске, даже в 1918 году, было правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией»²⁶.

Высмеивая старый утопический социализм за то, что он полагал строить новое общество «из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей», В. И. Ленин писал: «Мы не можем построить коммунизма иначе, как из материалов, созданных капитализмом, иначе, как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому неизбежно бывает пропитан — раз речь заходит о человеческом материале, как части культурного аппарата — буржуазной психологией. В этом трудность построения коммунистического общества, но в этом же гарантия возможности и успешности его построения»²⁷.

В. И. Ленин решительно отделял политическое недоверие к представителям буржуазного аппарата, которое он считал законным и необходимым, от возможности использовать буржуазных специалистов: «Отказ использовать их для дела управления и строительства есть величайшая глупость, несущая величайший вред коммунизму»²⁸.

Остается подчеркнуть, как точно и метко назвал В. И. Ленин свою рецензию на книгу Тодорского — «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов!»

Впоследствии В. И. Ленин не раз вспоминал книгу А. И. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом». Наиболее подробно говорится о ней в Политическом отчете ЦК, с которым В. И. Ленин выступил на XI съезде партии 27 марта 1922 г.

В. И. Ленин внимательно следил за первыми успехами социалистического строительства. Владимир Ильич внимательным образом изучил отчет «Положение нефтяной промышленности Бакинского района к концу 1920 года. Доклад уполномоченного Совета Труда и Рабоче-Крестьянской Обороны по добыче и вывозу нефти» (Баку, 1920). Ленин написал на титульном листе книги: «См. особ. стр. 1, с. 11, 12 и 17. Стран. 34, 35, 43, 45, 46, 47, 48»²⁹. Буквально на каждой его странице — ленинские пометы. В. И. Ленина беспокоит падение производительности труда, ничтожная проходка скважин в августе, недостаток фуража для лошадей, добыча нефти по республике в целом.

В то же самое время Ленин выделяет крупицы первых успехов. К 1 ноября 1922 г. в Хоросанском районе предполагалось добыть свыше 10 млн. пудов нефти. Владимир Ильич четырежды отчеркивает эту цифру, ставит два восклицательных знака и **NB**. Знаком **NB** он отмечает тот факт, что применение электроэнергии на бакинских промыслах значительно превышает американские показатели. Если до 70% всех бакинских скважин эксплуатировались в ту пору электромоторами, то в США эта цифра не превышала тогда 20%³⁰.

Буквально испещрил своими пометками Владимир Ильич полученную им из Харькова в корректуре книгу С. И. Гусева «Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат»³¹, изданную политотделом Юж-

²⁵ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», стр. 305; см. об этом: «К истории написания В. И. Лениным статьи «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов». Подготов. А. Ф. Бессонова, В. Д. Чернышов.— «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 3.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 97.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 409.

²⁸ Там же, стр. 410.

²⁹ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», стр. 418, № 4812.

³⁰ «Ленинский сборник», XX, стр. 141.

³¹ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», стр. 308, № 3279.

ного фронта (Харьков, 1920). В ней 64 страницы; пометки, подчеркивания и отчеркивания В. И. Ленина на стр. 29, 30, 32—37, 40—56, 61—63 — красным и синим карандашом.

О другой брошюре С. И. Гусева «Очередные вопросы хозяйственного строительства. (О тезисах ЦК РКП(б). Материалы к 9-му съезду РКП(б)» ([Саратов], 1920) В. И. Ленин говорил в докладе ЦК на IX съезде РКП(б) 29 марта 1920 г. Владимир Ильич высоко оценил ее: «...Она хороша не только со стороны формальной, не только тем, что написана к нашему съезду»³². В. И. Ленин отметил и недочеты брошюры, массу ошибок. Ленинский вывод, однако, был таков: «Но несмотря на эти ошибки, это — лучшая вещь, потому что в ней в центре внимания поставлен основной хозяйственный план восстановления промышленности и производства всей страны, потому что в ней основному хозяйственному плану подчинено все. Центральный Комитет внес в свои тезисы, которые сегодня розданы, целый параграф, который он целиком взял из тезисов тов. Гусева»³³.

К тезисам по докладу Гусева Владимир Ильич добавил:

«а) + план электрификации

б) + электрификация»³⁴.

Принципы социалистического хозяйствования вырабатывались Коммунистической партией, В. И. Лениным постепенно. В новой экономической политике нашла свое продолжение и развитие политика партии и Советского правительства, обоснованная Лениным еще в марте—апреле 1918 г. Об этом свидетельствует и ленинская критика книги Бухарина «Экономика переходного периода» в мае 1920 г. Ознакомившись с ней, Ленин критиковал автора «за отход от марксистского определения политической экономии, подчеркивая необходимость познания объективных экономических закономерностей и после свержения капитализма»³⁵.

Характеризуя капиталистическое производство как производство ради прибыли, Бухарин противопоставляет ему социалистическое производство, цель которого — удовлетворение общественных потребностей. В. И. Ленин делает против этих слов такую пометку: «Прибыль тоже удовлетворяет общ[ест]в[енные] потребности. Надо было сказать: где *приб[авочный] продукт* идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им»³⁶. Суть в том, в чьих интересах осуществляется производство и распределение. Социалистическая экономика по природе своей такова, что и прибавочный продукт попадает в руки самих производителей, служа в конечном счете удовлетворению их общественных потребностей.

Известно, как высоко ценил традиции борьбы рабочего класса Владимир Ильич, как презрительно отзывался он об Иванах Непомнящих, забывавших прошлое. Представляют значительный интерес пометки В. И. Ленина на книгах и брошюрах, авторами которых являлись ветераны партии, бывшие профессиональные революционеры, ставшие во главе социалистического строительства.

В перечне литературы по истории КПСС в библиотеке Владимира Ильича мы находим работы А. С. Бубнова, В. И. Невского, Б. М. Волина, А. М. Коллонтай, В. В. Воровского, М. С. Ольминского и др. Соратники и друзья, ученики и воспитанники В. И. Ленина считали за честь вручить Владимиру Ильичу свои книги. Большой частью это были воспоминания, записки о дореволюционной партийной работе, брошюры о практическом опыте первых лет Советской власти.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 256.

³³ Там же, стр. 257.

³⁴ «Ленинский сборник», XXXV, стр. 114.

³⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 1 (1921—1929 гг.). М., 1970, стр. 44; см.: «Ленинский сборник», XI, стр. 345—403.

³⁶ «Ленинский сборник», XI, стр. 381—382.

В. И. Ленин внимательно ознакомился с этими книгами, использовал их в своих трудах. Делал он это сразу, едва выходила та или иная книга.

Летом 1921 г. К. Уханов и Н. Борисов, бывшие рабочие завода «Динамо», коммунисты с дореволюционным стажем, направляют Владимиру Ильичу свою книгу «Из жизни и деятельности Совета Р. и К. Д. Рогожско-Симоновского района г. Москвы (март 1917 г. — январь 1921 г.)». На титульном листе дарственная надпись: «Дорогому тов. Владимиру Ильичу Ленину. 2/VII—1921 года. К. Уханов. Борисов».

В сопроводительном письме авторы писали В. И. Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Удели минуту, посмотри нашу брошюру. Думаем, что для истории организации Советской власти будет иметь кое-какое значение. Скажи свои замечания»³⁷.

Получив эту книгу, Ленин вскоре ответил ее авторам, о чем сделал пометку на обложке, поставив дату — 17 июля.

Более трех десятков страниц книги испещрены ленинскими пометками, подчеркиваниями, знаками NB. В первую очередь В. И. Ленин обратил внимание на описание революционных событий в районе, начиная от Февральской революции до Великого Октября (стр. 2—9, 12—23, 29—31, 33—35, 37, 38). Привлекла Владимира Ильича статистика, характеризующая работу пленума Совета в 1918—1920 гг. За эти три года пленум обсудил 340 вопросов, из них политических — 18, экономических — 106, организационных — 104 (стр. 43—44). На стр. 47—50 В. И. Ленин познакомился с тем, как Рогожско-Симоновский районный Совет Москвы занимался вопросами обороны.

Поблагодарив авторов за присылку книги и дружественного письма, В. И. Ленин дал оценку: «Книгу прочел с интересом. Несомненно, для истории организации Советской власти она будет иметь значение»³⁸.

Затем Владимир Ильич дал авторам задание. Послав им только что опубликованный закон о районных экономических советах и Наказ СТО о проведении новой экономической политики, Ленин посоветовал дать материал статистику, проверить его работу, затем дополнить ее очерками местных товарищей, чтобы к осени отпечатать отчет о содержании и итогах экономической работы райсовета. В. И. Ленин выразил надежду, что почин этот будет проявлен и что Рогожско-Симоновский район окажется одним из первых «в деле развития местного хозяйственного строительства»³⁹.

Полезно сопоставить с этим письмом и пометками на книге К. Уханова и Н. Борисова ленинскую реакцию на отчет о работе Моссовета в 1920 г. Владимир Ильич внимательно изучил этот отчет, сделал около десятка пометок, одна из которых весьма характерна. На странице восьмой книги «Краткий обзор деятельности Московского Совета» (М., 1920) говорилось, что с 11 июня по 1 октября 1920 г. Исполком Моссовета обсудил 67 вопросов, из них экономических 8, а организационных — 46. Ленин подчеркнул эти цифры и написал на полях против них: «Уродство», а выше, сделав отсылку, добавил: «Должно быть наоборот». Мало того, увидев в приложении к отчету диаграмму, изображающую соотношение организационных (9), политических (8) и экономических (3) вопросов, обсуждавшихся на пленумах Моссовета, Владимир Ильич написал: «А надо» и нарисовал свою диаграмму — самый маленький столбик — организационные вопросы, чуть побольше — политические и в пять раз больше — экономические⁴⁰.

Так внимательно относился В. И. Ленин к экономике, хозяйственному строительству. Пафос ленинских речей и докладов 1921 г. — надо на-

³⁷ «О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания (1900—1902)». М., 1963, стр. 610.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 40.

³⁹ Там же.

⁴⁰ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», стр. 375, 377, № 4224.

учиться хозяйствовать, научиться торговать, овладеть наукой управления — основывался, наряду с другими источниками, на глубоком, пристальном изучении текущей литературы, отражавшей успехи, жизненные тенденции, увлечения и ошибки работников на местах.

Читательское внимание, читательские интересы В. И. Ленина постоянно находились в центре той идеологической борьбы в стране, которая развернулась в годы перехода к новой экономической политике. Не было буквально ни одной заслуживающей внимания книги, брошюры, журнальной статьи по вопросам идеологии, которая не попала бы в орбиту ленинского чтения. При этом открыто, а тем более скрыто враждебные писания привлекали особое внимание Владимира Ильича. Он завел специальную «белогвардейскую полку», как он ее назвал, куда складывал вновь поступающие издания из-за рубежа, а также продукцию частных издательств, которых в ту пору было немало в стране и которые нередко выпускали в свет идеологически враждебные или путаные «произведения».

Фамилия П. А. Сорокина впервые встречается в ленинских сочинениях в известной статье «Ценные признания Питирима Сорокина», написанной 20 ноября 1918 г.⁴¹

В 1922 г. приват-доцент Петроградского университета Сорокин написал статью «О влиянии войны» и напечатал свои «социологические» исследования в журнале «Экономист» № 1, издававшемся XI отделом Русского технического общества. Владимир Ильич оценил журнал так: «...Журнал является, не знаю насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.»⁴².

Сорокинская статья была посвящена, в частности, статистике браков и разводов. «...Автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии»⁴³, — квалифицировал В. И. Ленин «социологические» обобщения П. Сорокина. В. И. Ленина эта статья возмутила еще и потому, что, как писал он далее об авторах подобных «исследований», «вероятно, не малая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста»⁴⁴.

В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин по достоинству оценил «якобы «социологические» исследования» П. Сорокина.

Попробуем теперь проследить за ходом ленинской мысли, когда Владимир Ильич читал сборник «Утренники» (Пб., 1922) с речью П. Сорокина, произнесенной 21 февраля 1922 г. на 103-й годовщине Петроградского университета. Владимир Ильич сделал несколько пометок, подчеркиваний. Подчеркнуты слова: «наше отечество лежит в развалинах»⁴⁵. Слова оратора, предостерегавшего слушателей против суррогатов науки, также подчеркнуты. Тирада «против «псевдознаний, заблуждений», то «буржуазных», то «пролетарских», которые в изобилии преподносят Вам тьмы фальсификаторов», также отмечена, против нее стоит знак NB.

В. И. Ленин подчеркнул и поставил знак NB против «откровений» П. Сорокина о героях, которым надлежит следовать молодежи: «Я бы взял в качестве таковых таких лиц, как Нил Сорский, Сергей Радонежский — носители идеала старца Зосимы; как Толстой и Достоевский. Такие «спутники», по моему мнению, — не обманут»⁴⁶.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 188—197.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 31.

⁴³ Там же, стр. 33.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Неделя», 1970, № 40, стр. 3.

⁴⁶ Там же, стр. 2.

Внимание В. И. Ленина к тому, какими идейными и нравственными идеалами должна руководствоваться советская молодежь, проявилось с первых же дней Октября. «Какими людьми прошлого восхищены, кому хотели бы подражать?»⁴⁷ — спрашивал Владимир Ильич делегатов I съезда комсомола.

На обороте обложки сборника «Утренники», который читал В. И. Ленин, сообщалось, что в следующих книгах примут участие: Н. А. Бердяев, Е. Д. Кускова, А. А. Кизеветтер, А. В. Пешехонов, Н. Е. Эфрос и др. Эти фамилии Владимиром Ильичем подчеркнуты, так как он хорошо знал политические позиции этих авторов.

Строчка «Изд. М. С. Кауфман» подчеркнута двумя чертами и против нее поставлен знак вопроса. Не случайно в февральские дни 1922 г., прочитав в газете, что в Москве зарегистрировано свыше 143 частных издательств, В. И. Ленин поручил Н. П. Горбунову проверить, «каков личный состав ответственных за каждое издательство администрации и редакции, какова их гражданская ответственность, а равно ответственность перед судами вообще, кто заведует этим делом в Госиздате, кто ответственен за это»⁴⁸.

Председатель редколлегии и заведующий политическим отделом Госиздата Н. Л. Мещеряков 7 февраля 1922 г. сообщил В. И. Ленину, что «частные издательства работают на основании декрета от 12 декабря 1921 года». Для надзора над ними учреждены политотделы, типографии не имели права выпускать книги, «если рукопись не была разрешена политотделом»⁴⁹. Однако Н. П. Горбунов справедливо не удовлетворился этой справкой и снова запросил Н. Л. Мещерякова, «кто в Московском Губиздате персонально отвечает за разрешение тех или иных издательств»⁵⁰.

Из книг, выпускавшихся частными и кооперативными издательствами, основную часть (34%) составляла художественная литература и книги по искусству (23%)⁵¹. Надо было повысить идейный уровень этой литературы, дать более широкую возможность печататься представителям новой, советской литературы. Не зря Н. Л. Мещеряков смотрел на политический контроль как на чрезвычайно «деликатное и кропотливое дело»⁵².

Так, в мае 1922 г. В. И. Ленин писал Ф. Э. Дзержинскому: ««Новая Россия» № 2. Закрыта питерскими товарищами.

Не рано ли закрыть? Надо разослать ее членам *Политбюро* и обсудить *внимательнее*... Конечно, *не все* сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу.

Вот другое дело питерский журнал «Экономист», изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев»⁵³. Указав, что на обложке напечатан список сотрудников журнала, Владимир Ильич добавил: «Это, я думаю, *почти все* — законнейшие кандидаты на высылку за границу»⁵⁴.

Ленинские маргиналии нередко помогают историку уточнять события, вносят новый аспект в толкование уже известных фактов. В фундаментальном труде В. П. Наумова «Летопись героической борьбы» (М., 1972), посвященном советской историографии гражданской войны и империалистической интервенции в СССР, в главе II рассматривается первый этап изучения истории гражданской войны и военной интервенции. Автор исследует труды С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского, Н. И. Подвойского, Л. Л. Ключева, Г. Д. Гая и др., но одна интересная брошюра, к сожалению,

⁴⁷ «Встречи комсомольцев с В. И. Лениным». М., 1956, стр. 17.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 155—156.

⁴⁹ См. там же, стр. 609—610.

⁵⁰ Е. Диверштейн. Положившие первый камень. М., 1972, стр. 76—77.

⁵¹ Там же, стр. 77.

⁵² Там же.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 265—266.

⁵⁴ Там же, стр. 266.

не была использована автором. Речь идет о лекции М. Н. Тухачевского, прочитанной в конце 1919 г. История ее небезынтересна.

19 декабря 1919 г. В. И. Ленин принял командующего 5-й армией М. Н. Тухачевского и беседовал с ним⁵⁵. М. Н. Тухачевский писал в докладной записке заместителю председателя Реввоенсовета республики Э. М. Скляинскому: «Товарищ Ленин поручил мне разработать те основания, которыми мы руководствовались в 5-й армии при подготовке коммунистического командного состава, и подать их в виде доклада на Ваше имя»⁵⁶.

А 24 декабря того же года М. Н. Тухачевский прочитал в Академии красного Генерального штаба лекцию «Стратегия национальная и классовая». Она была издана в 1920 г. в Ростове-на-Дону отдельной брошюрой в объеме 19 страниц. В. И. Ленин прочитал ее, надписал на обложке фиолетовым карандашом «Экз. Ленина»⁵⁷.

Источниковедческий анализ пометок В. И. Ленина на книгах в его личной библиотеке в Кремле показывает, что эти пометки, во-первых, нередко имеют самостоятельное методологическое значение, а во-вторых, чаще должны привлекаться наряду с другими источниками для всестороннего обоснования того или иного факта биографии В. И. Ленина, а также других исторических событий.

Желательна более широкая публикация Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ленинских пометок на книгах.

Советская историческая наука уже вплотную подошла к созданию фундаментального, обобщающего труда о В. И. Ленине — читателе исторической литературы, о методах работы Владимира Ильича над историческими источниками.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 461.

⁵⁶ Цит. по автореферату канд. дисс. А. П. Кладта «Проблемы источниковедческого анализа документов о военно-организаторской деятельности В. И. Ленина». М., 1973, стр. 21.

⁵⁷ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», стр. 393, № 4470.

З. Ю. Копыцкий

**СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ,
ИЗДАННЫЕ В БССР
(1921—1971 ГГ.)**

Одной из областей советской исторической науки уже в годы ее становления в республике стала публикация сборников документов по истории Белоруссии.

Первую советскую публикацию, близкую к такого рода изданиям, — «Революционная борьба в Гомельской губернии. Исторические материалы», выпуск 1 (Гомель, 1921 г.), подготовила Гомельская губернская комиссия по собиранию и обработке материалов по истории революции и Российской коммунистической партии (большевиков). В последующие 50 лет было издано несколько десятков сборников¹:

	По периоду феодализма	По периоду капитализма	По советско- му периоду	Итого *
Всего изданий	4	11	16	31
В них: томов	8	12	18	38
документов	2448	3812	6801	13061

Принципиально важной, новой чертой белорусской советской археографии является публикация документов по истории Белоруссии советского периода. Эти публикации по количеству изданий и помещенных в них документов превосходят издания по феодальному и капиталистическому периодам, взятым вместе.

Чтобы более обстоятельно рассмотреть проделанную в республике археографическую работу, обратимся к важнейшим публикациям по каждой исторической эпохе². Первым крупным научным изданием по истории Белоруссии эпохи феодализма был «Беларускі архіў» (см. табл. 1). Характеристика этого издания дана в книге Н. Н. Улащика⁴. Нуждается

¹ В таблицу не включены издания правительственных учреждений, ведомств, а также сборники воспоминаний, статистических материалов. Эти виды публикаций требуют специального рассмотрения.

² Кроме указанных здесь, вышли сборники «Хрестоматия по истории БССР» (ч. 1—2. Минск, 1961—1962) и «Документы облачают» (Минск, 1964), которые по причине широких хронологических рамок содержащихся в них документов не могут быть отнесены ни к одной из групп. Включая эти сборники, за 1921—1971 гг. в БССР было опубликовано 33 издания, насчитывающие 41 том и в них около 13,5 тыс. документов.

³ Некоторые вопросы данной темы рассмотрены в статье Л. В. Аржаевой «Публикации исторических источников в БССР» («Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР. Материалы научной конференции архивистов и историков, посвященной 50-летию архивного строительства в СССР». Минск, 1971).

⁴ Н. Н. Улащик. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973, стр. 250—259.

Таблица 1

Сборники документов по истории феодализма в Белоруссии

Название сборника	Место, год издания	Количество документов	В том числе впервые опубликовано	Хронологические рамки документов	Тип издания	Вид издания
«Беларускі архіў», т. I	Менск, 1927	140	125	XVI—XVII вв.	научное	тематическое
То же, т. II	Менск, 1928	392	392	1530—1538 гг.	»	пофондовое
То же, т. III	Менск, 1930	247	224	XVI—XVII вв.	»	тематическое
«Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах», т. I	Менск, 1936	396	3	IX—XVIII вв.	научно-популярное	»
«Белоруссия в эпоху феодализма», т. 1	Минск, 1959	219	35	IX—XVII вв.	»	»
То же, т. 2	Минск, 1960	326	81	XVII—нач. XIX в.	»	»
То же, т. 3	Минск, 1961	262	199	1772—1861 гг.	»	»
«Русско-белорусские связи»	Минск, 1963	466	408	1570—1667 гг.	научное	»

в дополнении оценка предисловий сборника. Хорошо известно принципиальное значение предисловия в сборнике документов. В письме В. В. Адоратскому от 2 августа 1921 г., готовившему к публикации сборник писем К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин указывал на важность таких элементов предисловия, как анализ и краткое комментирование публикуемых документов, сравнение их с другими источниками, четкость формулировок⁵.

Задача предисловий к первому и второму томам сборника «Беларускі архіў» сводится к тому, чтобы показать «историческую ценность наиболее сложных и потому трудных документов»⁶. К этой категории отнесены документы I и III разделов первого тома. Им и уделено основное внимание. В предисловии подробно пересказывается содержание документов, но не раскрывается их классовая сущность. Некоторые заключения не вытекают из содержания текстов. Так, ни один из документов первого тома не дает оснований считать, что Брестский сейм 1566 г. решительно отстаивал самостоятельность «Белорусско-Литовского государства»⁷. Состав сейма исключает такое определение Великого княжества Литовского, не отвечает реальной структуре земель и народов, составлявших это государство с момента образования до заключения Люблинской унии в 1569 г.

Предисловие ко второму тому рассматриваемого сборника содержит обстоятельную археографическую характеристику опубликованных актов. Но в нем лишь вскользь затронут первостепенной важности вопрос об отражении в публикуемых документах процесса усиления феодальной зависимости. Не выделены в самостоятельную группу документы о борьбе крестьян против крепостнического гнета. Нет даже формально-юридических оснований считать областные привилегии Витебской и Полоцкой земель «конституционными хартиями»⁸. Провозглашенное в них признание старины и обязательство «не вводить новин» не отвечало действительному положению вещей, так как старый порядок был нарушен рядом нововведений (магдебургское право в Полоцке, должность войта в Витебске и др.).

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 86—87.

⁶ «Беларускі архіў», т. I, стр. XIII.

⁷ Там же, стр. XVIII.

⁸ Там же, т. II, стр. XV.

Вызывает возражение группировка документов II раздела первого тома. Например, отнесенные к 1-й группе документы 2, 3, 5, 9 следует, исходя из их содержания, отнести к 5-й группе. Нет оснований для такого выделения в самостоятельные 1-й, 6-й, 7-й групп, ибо в них нет существенных признаков содержания документов. Заголовки ряда документов также не отражают их содержания, социального смысла событий (док. № 4, 6, 38, 44, 46, 52 и др.).

Недостатки этих изданий свидетельствуют, что сборники документов по истории Белоруссии эпохи феодализма, изданные в 20-е годы, несли на себе, как справедливо отметил Н. Н. Улащик⁹, печать традиций дореволюционной археографии.

Иной характер носит сборник «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах». Составители попытались совместить научно-популярное издание с учебным пособием, чтобы «дать нашим историкам, студентам исторических факультетов и преподавателям-историкам пособие по истории Белоруссии, вооружить их соответствующим фактическим материалом... по основным вопросам истории Белоруссии эпохи феодализма»¹⁰.

В центре внимания составителей сборника социальные проблемы: классовая структура общества, классовая борьба в Белоруссии. Средствами документальных свидетельств они попытались показать несостоятельность буржуазно-националистических теорий «золотого века», «единого потока». Такой подход к задачам сборника документов отражал идейный рост научных сил республики, утверждение марксистско-ленинского понимания сущности исторического процесса.

Убедительно показана в сборнике феодально-крепостническая сущность общества и государства, антифеодальная борьба крестьянства Белоруссии. Однако невыразительными остались разделы, посвященные городу и особенно культуре. Ряд заголовков не отражает содержания документов (например, разд. II, док. № 6; разд. III, док. № 3; разд. IV, док. № 13; разд. X, док. № 32 и др.). Иногда заголовок продиктован стремлением придать описываемому в тексте событию желаемую социальную направленность (например, разд. VI, док. № 25, 26, 28, 48; разд. X, док. № 14, 23, 46 и др.).

Недостатки предыдущих изданий были учтены коллективом научных сотрудников Института истории АН БССР, Архивного управления БССР, ЦГИА БССР при подготовке сборника «Белоруссия в эпоху феодализма»¹¹. К этому времени историки республики достигли новых рубежей в исследовании истории Белоруссии в эпоху феодализма, особенно таких вопросов, как национально-освободительная борьба белорусского народа за воссоединение с Россией, история городов, периодизация этапов развития феодального общества.

С предыдущим сборником эту трехтомную публикацию сближает научно-популярный характер издания. Но важное отличие придает ему то обстоятельство, что во всех трех томах последовательно проводится принцип отражения с помощью документов эволюции феодального способа производства. Разностороннее освещение получили в этом издании социальная структура общества, города и их функции, классовая борьба, народные движения, развитие культуры. В этот сборник вошло более 300 впервые публикуемых документов, тогда как предыдущий включал лишь 3 новых текста. Накопленный опыт и утвержденные в 1936 г. правила издания документов позволили составителям квалифицированно провести археографическую обработку документов. Предисловие в каждом томе

⁹ Н. Н. Улащик. Указ. соч., стр. 251, 255.

¹⁰ «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах», т. I. Менск, 1936, стр. X. О сборнике см.: Н. Н. Улащик. Указ. соч., стр. 273—282.

¹¹ «Белоруссия в эпоху феодализма», т. 1—3. Минск, 1959—1961.

содержит научную оценку публикуемых материалов и четко раскрывает их значение в понимании исторических событий.

Археографическим явлением более высокого порядка следует признать сборник «Русско-белорусские связи»¹². Его подготовили научные сотрудники кафедры истории БССР Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина и Центрального государственного архива древних актов. Из всех документальных изданий по истории Белоруссии в эпоху феодализма данный сборник наиболее полно отвечает требованиям научной публикации. Материалы, помещенные в разделе «Комментарии», существенно дополняют документы сборника. Данные публикации раскрывают наиболее важные стороны русско-белорусских связей во второй половине XVI — первой половине XVII в. Сборник содержит ряд прямых и косвенных свидетельств о городах Белоруссии, их внешнем облике, численности и составе городского населения. Много ценных сведений и о положении крестьян в Белоруссии. Сборник отличает квалифицированная археографическая обработка документов.

В научных публикациях по эпохе феодализма преобладают документы XVI—XVII вв. Предыдущие и последующие столетия представлены в них весьма незначительной группой источников.

Заметно больше было сделано в области публикации документов и материалов по истории капитализма в Белоруссии (см. табл. 2).

Сборники, вышедшие в конце 20-х годов, страдали существенными недостатками. Подбор документов создавал одностороннее, а потому и неверное представление о событиях, которым был посвящен сборник. Этому способствовала и примитивная, порой, оценка событий в предисловиях. Так, в предисловии к сборнику «1863 год на Меншчыне» говорится, что изданные в сборнике документы являются источниками по «истории польского населения Белоруссии»¹³, в то время как они отражают события восстания 1863 г. Составители сборника «1905 год на Беларусі»¹⁴ отметили в предисловии, что в публикуемых документах, исходящих от представителей царских властей, искажено действительное содержание описываемых событий. Но они не показали, в чем выражается это искажение, каковы его причины. Без такого разъяснения сборник отражал не столько ход революции, сколько ее оценку полицией и жандармерией. Крайне слабо показано в сборнике крестьянское движение. Отсутствует археографическая обработка документов. На сборнике «1905 год на Аршаншчыне»¹⁵ сказалось влияние бундовского восприятия событий его составителями.

Сборники 30-х гг. освещали более широкий круг исторических явлений. Двухтомное издание по истории мануфактуры открывало возможность изучения генезиса капитализма в Белоруссии¹⁶. Материалы, приведенные в сборнике, отчетливо показывают, что мануфактурная стадия капиталистической формации утвердилась в Белоруссии как одно из следствий воссоединения Белоруссии с Россией. К сожалению, составители сборника не поняли этой связи явлений. По их мнению, процесс разложения феодализма и зарождения капитализма проходил, «несмотря на колониальное положение» Белоруссии. Как известно, взгляд на Белоруссию как колонию России был ошибочным.

Современный уровень разработки всей проблемы мануфактурной стадии в Белоруссии, достигнутый советскими историками, предъявляет новые требования к документальной публикации, но в то время сборник, несомненно, сыграл положительную роль.

¹² «Русско-белорусские связи». Минск, 1963.

¹³ «1863 год на Меншчыне». Минск, 1927, стр. 5.

¹⁴ «1905 год на Беларусі». Минск, 1926.

¹⁵ «1905 год на Аршаншчыне». Ворша, 1926.

¹⁶ «Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распаду феодалізму», т. I (1796—1840 гг.), т. II (1793—1864 гг.). Минск, 1934—1935.

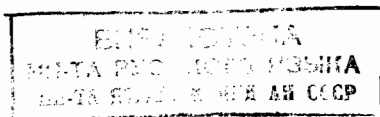
Таблица 2

Сборники документов по истории капитализма в Белоруссии

Название сборника	Место, год издания	Количество документов	В том числе впервые опубликовано	Хронологические рамки документов	Тип издания	Вид издания
«1905 год на Беларуси»	Менск, 1926	413	413	1905 г.	популярное	тематическое
«1905 год на Аршаншчыне»	Ворша, 1926	16	16	1905 г.	»	»
«1863 год на Меншчыне»	Менск, 1927	124	124	1863 г.	научное	пофондовое
«Соцыялістычны рух на Беларусі ў пракламацыях 1905 г.»	Менск, 1927	114	—	январь 1905 г.—декабрь 1905 г.	»	»
«Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распада феодалізма», т. I*	Менск, 1934	54	43	1796—1840 гг.	»	тематическое
То же, т. II*	Менск, 1935	114	101	1793—1864 гг.	»	»
«Бесправіе трудящихся Белоруссии в царской России»	Минск, 1938	64	64	1905—1912 гг.	популярное	»
«Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II*	Мінск, 1940	686	348	1772—1903 гг.	научно-популярное	»
«Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III	Минск, 1953	1199	829	1900—март 1917 г.	»	тематическое
«Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.»	Минск, 1955	610	518	1905—1907 гг.	научное	»
«Революционные события в Гомеле и Гомельской области в годы первой русской революции (1905—1907 гг.)»	Гомель, 1955	161	49	1901—1908 гг.	научно-популярное	»
«Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)»	Минск, 1959	252	251	1861—1862 гг.	научное	»

* Эти сборники включены в таблицу потому, что опубликованные в них документы отражают процесс становления и развития капиталистического способа производства в Белоруссии.

Среди научно-популярных изданий более зрелым решением задач отличается сборник «Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II (1772—1903 гг.), изданный в Минске в 1940 г. В нем приводятся данные, которые отражают главные явления, присущие капиталистическому способу производства. Правда, слабо показаны в сборнике рабочее движение, деятельность социал-демократических организаций. Весьма нерав-

номерно представлены различные территории Белоруссии: в одних разделах преобладают данные по западным губерниям, в других — по восточным. В целом, однако, сборник явился ценным пособием по истории Белоруссии эпохи капитализма.

Ряд новых черт отличает сборники по истории Белоруссии эпохи капитализма, изданные в послевоенные годы. Они содержат значительно больше документов. Если в изданных до войны семи сборниках было опубликовано 1476 документов, то в четырех сборниках, вышедших в 1953—1959 гг., — 2222. В довоенных сборниках было впервые опубликовано 1109, а в послевоенных — 1647 документов. Широкое освещение получила борьба крестьян в сборнике «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)» (Минск, 1959), а также в сборниках совместной советско-польской комиссии¹⁷.

В рецензии Улащика¹⁸ на сборник «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)» наряду с положительными моментами отмечались и недостатки. К ним справедливо отнесены неточность переводов некоторых текстов, ошибки в примечаниях, несоответствие заголовков части документов их содержанию. В предисловии к сборнику дана противоречивая оценка экономики Белоруссии накануне реформы 1861 г., неверно характеризуются крестьянские повинности. Некоторые другие замечания Н. Н. Улащика вносят важные поправки в работу его составителей и редколлегии.

Обстоятельные публикации, вышедшие в 1953—1955 гг., были посвящены первой русской революции. В трех сборниках опубликовано свыше 1 тыс. документов¹⁹, т. е. в два с лишним раза больше, чем в довоенные годы. Это позволило показать события каждого этапа революции. Особенно важным явилось включение в сборники большой группы листовок и прокламаций местных большевистских организаций. Широко представлены в послевоенных публикациях материалы об аграрном движении, борьбе белорусского крестьянства в революции 1905—1907 гг. Критика отметила научные достоинства сборника «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.», его значение для понимания одного из важнейших этапов истории трудящихся масс Белоруссии. Но серьезным недостатком рецензенты считают отсутствие в предисловии научно обоснованного разъяснения содержания документов, включенных в сборник. Мало документов о деятельности большевиков. Допущены фактические, хронологические неточности²⁰.

Существенным недостатком всей группы сборников по эпохе капитализма является отсутствие выразительных материалов, отражающих характерные изменения в экономике, социальной структуре общества. Столь же мало было уделено внимания сравнительным данным. Крайне слабо представлены в сборниках материалы о состоянии просвещения и культуры в эпоху капитализма.

Важным достижением публикаторской работы в послевоенные годы является издание сборников по истории Белоруссии советского периода (см. табл. 3). Они отличаются значительным тематическим разнообразием. Вместе с тем отчетливо выступает ведущая роль начального этапа истории

¹⁷ «Русско-польские революционные связи», т. I, II. М., 1963; «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.». М., 1964; «Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг.». М., 1965.

¹⁸ Н. Н. Улащик. Сборник о крестьянском движении в Белоруссии. — «Исторический архив», 1960, № 3.

¹⁹ «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III. Минск, 1953; «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.». Минск, 1955; «Революционные события в Гомеле и Гомельской области в годы первой русской революции (1905—1907 гг.)». Гомель, 1955.

²⁰ В. Скоробогатый, М. Шкляр. О сборнике документов «Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.». — «Коммунист Белоруссии», 1955, № 11.

Таблица 3

Сборники документов по истории Советской Белоруссии

Название сборника	Место, год издания	Количество документов	В том числе впервые опубликовано	Хронологические рамки документов	Тип издания	Вид издания
«Революционная борьба в Гомельской губернии. Исторические материалы», вып. 1*	Гомель, 1921	25	25	ноябрь 1917 г.— январь 1919 г.	популярное	тематическое
«Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 г.»	Минск, 1947	196	194	1918 г.	научное	»
«Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР»	Минск, 1954	638	324	март 1917— февраль 1919 г.	»	»
«Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии»:						
т. I. «Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль — октябрь 1917 г.)»	Минск, 1957	812	340	февраль — октябрь 1917 г.	»	»
т. II. «Победа социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г.—март 1918 г.)»	Минск, 1957	705	257	октябрь 1917— апрель 1918 г.	»	»
«Комитеты бедноты в Белоруссии»	Минск, 1958	582	477	январь 1918— март 1919 г.	»	»
«Революционные комитеты БССР. Июль — декабрь 1920 г.»	Минск, 1957	452	335	июль — декабрь 1920 г.	»	»
«Революционные комитеты БССР. Ноябрь 1918 — июль 1920 г.»	Минск, 1961	329	279	ноябрь 1918— июль 1920 г.	»	»
«Восстановление народного хозяйства в Гомельской губернии (1921—1925 гг.)»	Гомель, 1960	312	246	1921—1925 гг.	»	»
«Письма трудящихся Белоруссии В. И. Ленину», изд. 1-е	Минск, 1960	185	158	октябрь 1917— январь 1924 г.	»	»
То же, изд. 2-е, доп.	Минск, 1969	241	185	То же	»	»
«Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР», т. I	Минск, 1962	414	241	1921—1929 гг.	»	»
«Борьба за Советскую власть в Белоруссии», т. I	Минск, 1968	464	387	февраль 1918— февраль 1919 г.	»	»
То же, т. II	Минск, 1971	409	366	февраль 1919— 1920 г.	»	»

Сборники по истории Великой Отечественной войны

«Зборник лістовак усенароднай партызанскай барацьбы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны»	Минск, 1952	323	323	1941—1945 гг.	»	видовое
«Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии»	Минск, 1963	144	99	1941—1944 гг.	»	тематическое

* В сборнике много места занимают воспоминания участников революционного движения и гражданской войны.

Т а б л и ц а 3 (окончание)

Название сборника	Место, год издания	Количество документов	В том числе впервые опубликовано	Хронологические рамки документов	Тип издания	Вид издания
«Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии»	Минск, 1965	221	22	1941—1944 гг.	научное	тематическое
«Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны», т. I	Минск, 1967	351	332	июнь 1941—ноябрь 1942 г.	»	»

советского общества, когда шла борьба за победу и упрочение завоеваний социалистической революции, власти Советов. Этой проблеме историки и архивисты республики посвятили основную часть сборников. Из всех опубликованных документов по этому периоду на долю данной группы изданий приходится около 70%. В сборниках по советскому периоду иная структура источников. Если основу публикаций по досоветской тематике составляют ведомственные документы, то среди источников по советской тематике важная роль принадлежит свидетельствам участников событий, письмам трудящихся, документам, отражающим деятельность общественных организаций. Следовательно, структура источников здесь гораздо сложнее. Кроме того, в ней теряют былое значение судебные материалы, акты, выписки, полностью преобладающие в сборниках по ряду тем феодальной и капиталистической эпох.

Многообразие и значительное количество зачастую впервые привлекаемых источников позволило широко осветить важнейшие стороны процесса становления и развития советского общества и государства в Белоруссии. Сборники дополняют, а иногда продолжают друг друга. Так, двухтомник «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии» (Минск, 1957) продолжает и вместе с тем полнее раскрывает тему сборника «Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР» (IV том серии «Документы и материалы по истории Белоруссии», Минск, 1954). Двухтомник в значительной мере восполнил пробелы, которые были отмечены в рецензиях на предшествовавший ему сборник²¹. Высоко оценен достоинства сборника, рецензенты правильно отметили ряд погрешностей в расположении материала, в археографической обработке. Справедливой критике были подвергнуты составители за произвольное, не оговоренное сокращение текста отдельных документов²².

Дальнейшим развитием этой большой и важной темы явилась публикация тома документов о комитетах бедноты в Белоруссии²³. В сборнике предисловие наиболее полно выполняет свою роль исторического введения к публикуемым документам. Авторы предисловия хорошо показали значение издания для понимания классово-экономической сущности комбедов, особенностей их возникновения.

²¹ И. И. Саладков. И история установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР.— «Вопросы истории», 1955, № 7; Н. В. Мансветов. Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР.— «Исторический архив», 1955, № 3.

²² В. Ивашин, С. Скопцов. Документы великих исторических событий.— «Коммунист Белоруссии», 1958, № 3; В. А. Круталевич. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии.— «Исторический архив», 1958, № 4.

²³ «Комитеты бедноты в Белоруссии». Минск, 1958.

Два сборника «Революционные комитеты БССР»²⁴ не только дополнили друг друга хронологически, но значительно расширили источниковую базу для изучения роли и значения революционных комитетов в борьбе за власть Советов²⁵.

После издания семи сборников, содержащих более 3,5 тыс. документов о борьбе за победу и укрепление власти Советов, новая публикация, казалось, будет повторять предыдущие. Но материалы, помещенные в двухтомном сборнике «Борьба за Советскую власть в Белоруссии», вышедшем в Минске в 1968 и 1971 гг., убеждают, что тема эта поистине неисчерпаема²⁶. Оба тома включают наибольшее в сравнении с предыдущими сборниками количество впервые публикуемых документов. Двухтомник содержит ряд данных, которые освещают ранее неизвестные либо слабо изученные события. Особенно важна роль сборника для понимания характера и направления подпольной деятельности большевистских организаций в условиях оккупации. Новые данные расширяют представление о размахе классовой и национально-освободительной борьбы трудящихся масс Белоруссии, направленной против внутренней и внешней контрреволюции. Документы второго тома содержат новые факты о подготовке к провозглашению независимости Белоруссии. Несомненный интерес представляют и те документы этого тома, которые позволяют уточнить представление о ходе военных действий в июле—октябре 1920 г., о масштабе военных операций по ликвидации банд С. Н. Булак-Булаховича, об обстановке в оккупированных областях Белоруссии. Предисловие четко ориентирует читателя в сущности событий, освещаемых сборником, показывает то новое, что содержат помещенные в нем документы.

Большой человеческой силы документы, помещенные в сборнике «Письма трудящихся Белоруссии В. И. Ленину. 1917—1924 гг.» (изд. 1-е—Минск, 1960; изд. 2-е—Минск, 1969), раскрывают причину жизненности нового социалистического общественного строя, показывают глубоко народный характер социалистической революции.

В тематике опубликованных сборников по всем этапам истории Белоруссии заметно преобладают вопросы социально-политического развития. Выделяется сборник документов «Восстановление народного хозяйства в Гомельской губернии (1921—1925 гг.)», вышедший в Гомеле в 1960 г. Объединение усилий историков и архивистов позволило создать интересную публикацию. В сборнике помещено много статистических сведений, отражающих состояние экономики в данный период и изменения в различных ее областях.

Документы сборника показывают наиболее важные стороны восстановительных процессов, авангардную роль партийных организаций, инициативу трудящихся масс. Правда, сборник следовало пополнить документами о субботниках и воскресниках, проводившихся в губернии²⁷.

Разносторонне освещена документальными материалами главная тема сборника «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР» (т. I, Минск, 1962). Средствами статистики в I разделе убедительно показана экономическая

²⁴ «Революционные комитеты БССР. Июль—декабрь 1920 г.». Минск, 1957; «Революционные комитеты БССР. Ноябрь 1918—июль 1920 г.». Минск, 1961.

²⁵ См. рецензии: В. А. Дорогин, А. А. Головки, М. И. Злотник. Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (июль—декабрь 1920 г.).— «Советское государство и право», 1957, № 11; П. Петриков. Сборник исторических документов.— «Коммунист Белоруссии», 1962, № 4; А. Е. Антонов. Документальная публикация по истории революционных комитетов БССР.— «Вопросы истории», 1962, № 7.

²⁶ См. рецензии: А. Соколова. Полезное документальное издание.— «Советские архивы», 1969, № 2; П. Селиванов. Борьба за Советскую власть в Белоруссии 1918—1920 гг.— «Военно-исторический журнал», 1970, № 6.

²⁷ См. рецензию: А. Ковалев. Из истории Гомельщины.— «Коммунист Белоруссии», 1962, № 9.

отсталость Западной Белоруссии, примитивный уровень крестьянского хозяйства, массовая нищета и как одно из ее следствий — эмиграция. Данные раздела объясняют социально-экономическую основу борьбы трудящихся Западной Белоруссии против эксплуатации и национального гнета²⁸. Размах и формы этой борьбы широко отражены в документах II и III разделов. Хорошо выполнена археографическая сторона издания.

Особое место среди сборников по истории Советской Белоруссии занимают публикации по теме Великой Отечественной войны. Ведущей формой в этой области являются сборники воспоминаний, требующие специального рассмотрения. Сборников же документов пока издано всего три. Первое издание включает в себя листовки²⁹. Весь документальный материал расположен в сборнике по двум признакам: в I—IV разделах листовки различаются по ведомственной, так сказать, принадлежности, в V разделе собраны листовки, обращенные к войскам противника. Замыслу сборника более полно отвечал бы, как нам кажется, тематический принцип либо деление на разделы с учетом основных этапов истории Великой Отечественной войны. Но независимо от структуры сборника сами по себе листовки имеют огромную ценность, они — важный и яркий свидетель мужества и воли, проявленных белорусским народом в борьбе с фашистскими захватчиками за свою социалистическую Родину. В листовках рельефно выступает руководящая роль партии в формировании и развитии партизанского движения в Белоруссии. Многие сведения в листовках раскрывают реакционный характер оккупационного режима, изобличают звериный облик фашизма.

Теме партизанской войны посвящен сборник «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны», т. I «Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны» (июнь 1941 — ноябрь 1942. Минск, 1967). Документы позволяют составить отчетливое представление о ходе и формах, средствах и методах борьбы с фашистскими захватчиками. Предисловие хорошо обобщает данные документов и на их основе раскрывает сущность и формы борьбы с врагом на первом этапе, охватывающем июнь 1941 — ноябрь 1942 г. В сборнике выдержаны все элементы научной публикации. обстоятельную характеристику немецко-фашистского оккупационного режима в Белоруссии содержит сборник документов «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии» (Минск, 1963, 1965). Здесь каждый документ изобличает кровавую, грабительскую сущность фашизма. Раздел «Комментарии» содержит главным образом разъяснение понятий, терминов, должностей, званий, а также названия организаций, встречающихся в текстах документов. Археографическая обработка произведена в соответствии с действующими правилами публикации документов. Однако не все их требования были полностью соблюдены³⁰.

* * *

Рассмотренные нами публикации, изданные в БССР за 50 лет, позволяют сделать некоторые общие выводы и оценки.

Сборники обращены к наиболее важным явлениям и процессам истории Белоруссии.

По-разному сложилась структура изданий. В досоветской тематике преобладает тип научно-популярного сборника документов, тогда как в советской — тип научного издания. Однако далеко не все сборники, вышедшие в республике, достаточно полно отвечают требованиям, предусмотренным правилами публикации исторических документов. Значи-

²⁸ См. рецензию: *Е. Шорохов*. «И 414 документов». — «Неман». Минск, 1963, № 2, стр. 152—154.

²⁹ «Зборнік лістовак усенароднай партызанскай барацьбы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны». Минск, 1952.

³⁰ См. рецензию: *Е. Ф. Шорохов*. Такое забыть нельзя. — «Советские архивы», 1966, № 2, стр. 107—108.

тельная часть сборников лишена главного признака — максимальной полноты документов и материалов по избранной теме.

Опубликованные сборники научного типа отражают сравнительно узкий круг вопросов истории Белоруссии. Так, в эпохе феодализма внимание составителей сборников было сконцентрировано на вопросах экономики, в эпохе капитализма — на рабочем движении и революционных событиях в целом, в советском периоде — на политической истории первых лет развития советского общества и государства.

Критика справедливо отмечала, что предисловия к сборникам далеко не всегда выполняют полностью свои функции, допускаются ошибки, порой грубые, в указателях, примечаниях. Документы издаются в переводе и нередко с ошибками.

Накопленный опыт позволяет достигнуть более высокого уровня изданий. Для феодальной эпохи первостепенное значение имеет освещение социальной структуры общества, всесторонняя характеристика аграрных отношений, политической истории, классовой борьбы. Особый интерес представляет такое собрание источников, которое позволило бы проследить развитие того или иного явления в динамике, например характерные черты развития феодального хозяйства и феодальных отношений, рыночных связей за длительный период. Такую же возможность предоставил бы сборник цеховых уставов для изучения эволюции ремесленного производства и социально-экономического развития города в эпоху феодализма.

Столь же необходимы сборники, содержащие материал для оценки различных конкретных форм развития экономики, социальной структуры, сложившейся в Белоруссии в эпоху капитализма.

Советский период настоятельно требует подготовки сборников по экономике восстановительного периода, периода реконструкции народного хозяйства, послевоенного развития, истории общественных организаций, развития советской науки.

По всем периодам истории Белоруссии необходимы сборники демографических документов и материалов.

Среди публикаций научного типа преобладает тематический вид издания. В дальнейшем желательно расширить пофондовую публикацию, учитывая ее огромное значение для исследования истории Белоруссии.

Научно-популярные издания, опубликованные в рассматриваемый период, интересны не только широтой охвата исторических явлений, но и значительным удельным весом впервые публикуемых документов. Однако серьезным недостатком является отсутствие такого типа сборников по эпохе социализма. Настоятельная необходимость ощущается в серии сборников документов, раскрывающих во всем разнообразии историю создания социалистической экономики, развития социалистического общества и государства в БССР.

Лишь первый шаг сделан в публикации изданий учебного типа. Необходимо разработка более обширной «Хрестоматии по истории Белоруссии» и других видов учебных изданий сборников документов.

Немало сложных задач предстоит решить археографам республики, учитывая особенности процесса документообразования, а также изменения, которые произошли в ходе полувекового развития белорусского языка. Вопросы, поднятые в статье Е. Ф. Шорохова³¹, должны стать предметом совместного обсуждения археографов, архивистов, лингвистов и историков республики.

Несомненно, однако, что сборники, изданные в БССР в 1921—1971 гг., отразили новый этап развития археографии, подлинно научный подход к публикации источников по истории белорусского народа.

³¹ Е. Ф. Шорохов. Об актуальных вопросах развития археографии в БССР. — «Советские архивы», 1973, № 5, стр. 18—24.

С. В. Чирков

ВОПРОСЫ ПУБЛИКАЦИИ ЛЕТОПИСЕЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИЕЙ В НАЧАЛЕ XX В.

Систематическая разработка истории русской археографии началась относительно недавно, но определенный исследовательский фонд и опыт¹ уже накоплены. Основательному изучению подвергалась деятельность некоторых публикаторских учреждений дореволюционной России, в том числе и Петербургской Археографической комиссии² — «наиболее авторитетного до революции археографического учреждения», по словам С. Н. Валка. Однако поздний (дореволюционный) период деятельности Археографической комиссии в литературе специально не освещался. Отдельные, правда в высшей степени ценные, замечания о нем находим в работах С. Н. Валка³, П. Г. Софинова⁴; краткие сведения имеются в «Очерках истории исторической науки в СССР»⁵. Этот период деятельности Комиссии остался, к сожалению, не рассмотренным в учебном пособии Московского государственного историко-архивного института «История археографии в дореволюционной России» (М., 1969).

А между тем важность исследования деятельности Археографической комиссии в дореволюционное время объясняется хотя бы тем, что Комиссия уже в XIX в. занимала «важнейшее, а по сути дела... единственное научное место в деле издания документов древнего периода русской истории»⁶. В начале же XX в. существенно изменяются ее организационная структура, личный состав и методы работы, происходит значительное оживление публикации исторических источников. Изучение истории Комиссии этого времени позволяет лучше представить причины отмеченного советской историографией явления — сохранения Археографической комиссией своего значительного положения среди публикаторских учреждений России в советские годы⁷. Это изучение дает материал для выяснения закономерности эволюции представленной Комиссией формы организации науки. Наконец, исследование этого вопроса может в известной мере за-

¹ С. Н. Валк. Советская археография. М. — Л., 1948; *он же*. Судьбы «археографии». — «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962; П. Г. Софинов. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957; И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960.

² И. И. Корнева. Очерки деятельности Петербургской Археографической комиссии по собиранию и изданию исторических источников в 30—50-х гг. XIX ст. Автореф. канд. дисс. М., 1950.

³ С. Н. Валк. Советская археография, стр. 21—22, 41—42, 132—137; *он же*. Судьбы «археографии», стр. 459—460.

⁴ П. Г. Софинов. Указ. соч., стр. 109—110, 150—151.

⁵ К. В. Сивков. Архивное дело. Публикация письменных источников. — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 598—604; В. А. Кондратьев, К. В. Сивков. Архивное дело и публикация исторических источников. — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 583.

⁶ С. Н. Валк. Советская археография, стр. 21—22.

⁷ Л. В. Иванова. Археографическая комиссия 1917—1931 гг. — «Проблемы истории общественного движения и историографии». М., 1971, стр. 401—402.

полнить лакуны, образовавшиеся в картине развития русской археографии.

Археографическая комиссия с начала издания ею «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ) (1841 г.) сделалась наиболее крупным учреждением, публиковавшим летописные памятники. Закономерно выделить в истории Археографической комиссии деятельность ее по изданию этих самых древних и сложных источников русской истории в особый предмет изучения. В указанный период эта деятельность была весьма оживленной и принесла значительные результаты как в виде конкретных изданий, так и в смысле постановки некоторых важных вопросов археографии. Исследование летописной археографии приобретает и практический смысл в связи с ныне осуществляющимися изданиями летописей⁸. Обобщающее изучение истории летописной археографии стоит на очереди; одна из задач настоящей статьи — дать некоторые материалы для такого изучения.

В работе помимо самих изданий летописей использованы извлечения из протоколов, опубликованные в «Летописи занятий Археографической комиссии», документы из архива Комиссии, материалы некоторых личных фондов ученых — членов и сотрудников Комиссии.

Сравнительно с 50—60-ми годами XIX в., когда в связи с подъемом буржуазной исторической науки деятельность Археографической комиссии переживала бурный расцвет, а результаты ее трудов были высоко оценены русской прогрессивной мыслью⁹, последние десятилетия XIX в. представляются периодом зстоя и упадка Комиссии. По словам очевидца — С. Ф. Платонова, «положение Комиссии поколебалось. Предоставленная сама себе, она должна была осуществлять программу деятельности, в которой было много темного, искать средств на стороне, привлекать капиталы в помощь издательской своей деятельности. Было время, когда только имя [А. Ф.] Бычкова поддерживало Комиссию»¹⁰. Другой современник, В. Г. Дружинин, в ярких чертах охарактеризовал плачевное состояние Комиссии в 80-х годах в своих воспоминаниях¹¹.

Особенно отрицательно этот материальный и организационный упадок сказался на ходе публикации летописей, выпуск которых значительно сократился¹²; дальнейшие перспективы их издания не разрабатывались. Со второй половины 90-х годов положение Комиссии исподволь и крайне медленно начало меняться к лучшему. Привлеченные к работе в ней свежие ученые силы (В. Г. Дружинин, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. П. Лихачев, С. Ф. Платонов) оживили дело издания актов, делопроизводственных источников, памятников Смуты и раскола. Председательство в Комиссии А. Ф. Бычкова и Л. Н. Майкова обеспечило осуществление начинаний этих археографов. Издание же летописей почти не двигалось до последних лет XIX в.¹³ — сказывался недостаток средств, так что члены Комиссии прибегали к полуофициальному сбору пожертвований на ее нужды. Назрели вопросы о пересмотре компетенции и штатов Комис-

⁸ В. И. Буганов. Об издании русских летописей. — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 17.

⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, стр. 405.

¹⁰ С. Ф. Платонов. Обзор источников русской истории летописного типа. Лекции, читанные в Археологическом институте в 1904/05 уч. г. СПб., 1905, стр. 26.

¹¹ Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 167, оп. 1, д. 6.

¹² За десятилетие 1871—1880 гг. из 33 изданных томов 7 составляли летописи; в 1881—1890 гг. — соответственно 37 и 3; в 1891—1900 гг. — 24 и 2. Для сравнения приведем данные за 1901—1910 гг.: из 62 изданных томов 10 занимали летописи («Подробный каталог изданий Археографической комиссии», изд. 6. Пг., 1918).

¹³ В 1898 г., например, было решено «новых изданий в этом году не предпринимать и принять возможные меры для сокращения расходов по изданиям» («Летопись занятий Археографической комиссии» (далее — ЛЗАК) за 1895—1899 гг., вып. 12. СПб., 1901, стр. 160).

сии. «Правила» ее деятельности, утвержденные в 1837 г., безнадежно устарели.

Начало нового этапа существования Археографической комиссии приходится на первые годы XX в. и связано с рядом как административных, так и научно-организационных изменений. Важно подчеркнуть, что инициатором перемен был научный персонал Комиссии. Ее члены организовывали совещания для разработки новых нормативных документов о работе Комиссии еще начиная с 60-х годов. Комиссия «безуспешно ходатайствовала о новом «Положении» о ней более 40 лет¹⁴. В 1900 г. вновь было созвано совещание, и выработанный им проект наконец получил ход. В 1904 г. было утверждено новое «Положение» о Комиссии¹⁵, в значительной мере отменившее стеснительную регламентацию «Правил» 1837 г. Немалую роль в изменении статуса Комиссии сыграли личные научно-организационные качества С. Ф. Платонова, А. А. Шахматова (член Комиссии с ноября 1900 г.), В. Г. Дружинина (правитель дел с марта 1903 г.). Определенным образом повлияло на осуществление назревших перемен и назначение в ноябре 1900 г. председателем Комиссии С. Д. Шереметева (пробыл на этом посту до 1917 г.) — мецената, близкого к царскому двору. Назначение это, безусловно, имело целью поставить научную деятельность Комиссии под двойной правительственный контроль, еще теснее связать ее с интересами феодально-бюрократической верхушки империи. Но, с другой стороны, от такого назначения Комиссия вправе была ожидать и немедленных выгод в смысле улучшения материального положения.

Эти ожидания вскоре оправдались. С. Д. Шереметев, пользуясь своим положением при дворе, не раз обходил бюрократические заслоны (например, он провел утверждение нового «Положения» о Комиссии помимо Министерства народного просвещения, которому она официально подчинялась¹⁶). Уже в ноябре 1901 г. удалось добиться дополнительных ассигнований на издательские нужды, а с 1905 г. бюджет Комиссии увеличился более чем вдвое (с 12 805 руб. на 1898 г. до 30 000 руб. на 1905 г.; из них 20 тыс. руб. предназначались на издательские нужды), предоставлено было и новое помещение (Надеждинская, 27).

Факты прямого «высочайшего» давления на Комиссию тесно связаны с этими правительственными дотациями. Так, получив 8 тыс. руб. из «собственных» средств царя, Шереметев сообщил о пожелании того ускорить выпуск Макарьевских четых мишей, что заставило признать вопрос о них выдвинутым «на первый план»¹⁷. Следует, разумеется, иметь в виду, что подобная практика взаимоотношений правительства и научных организаций характерна для того времени, когда многие исследовательские учреждения и ученые общества становятся «императорскими». Значительное увеличение ассигнований на издательские нужды положительно сказалось на работе Комиссии, составив финансовую основу расширения публикаторской деятельности в начале XX в. Тому же содействовало и привлечение в Комиссию новых сотрудников, среди которых были С. А. Адрианов, Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков, Б. А. Тураев, активно работавшие в последующие годы.

Таковы были внешние предпосылки развития Археографической комиссии в начале XX в. Рассмотрим несколько подробнее борьбу передовых ученых за изменение ее организационной структуры. Вопрос этот тесно связан с ходом издательской работы Комиссии.

Организация работы Археографической комиссии не соответствовала выдвигавшимся на новом этапе задачам расширения и более систематиче-

¹⁴ ЛЗАК за 1911 г., вып. 24. СПб., 1912, стр. 9.

¹⁵ «Свод законов» по продолжению 1906 г., т. 1, ч. 2, стб. 433.

¹⁶ ЛЗАК за 1911 г., стр. 11—12.

¹⁷ ЛЗАК за 1902 г., вып. 15. СПб., 1903, стр. 3—4.

ского характера публикации исторических источников. Обсуждение на каждом заседании Комиссии большого числа вопросов об издании разнотипных памятников, причем результаты такого обсуждения, как видно, зачастую зависели от диктуемого председателем прямого правительственного «заказа», — не могло не затруднять ход эдичионной работы. Застывшие формы изжитой структуры не позволяли «посторонним» ученым участвовать в работе Комиссии.

Резко выступил против такого положения А. А. Шахматов, еще в 1900 г. предложив изменить традиционную организацию Комиссии. Первоначально в частном случае издания западнорусских летописей он высказал намерение «устроить маленькую для ... подготовительных работ комиссию, в которую могли бы быть приглашены от лица Археографической комиссии не принадлежащие к ее составу специалисты...»¹⁸. Однако это предложение натолкнулось на противодействие С. Ф. Платонова и других — они мотивировали свое несогласие беспрецедентностью подобных организаций. Изменить официальную структуру Комиссии Шахматову на первых порах не удалось, но уже в ходе работы его план осуществился фактически. Сохранились свидетельства о частных совещаниях для обсуждения вопросов описания и издания летописей, собиравшихся по инициативе Шахматова зачастую на его квартире. На них собирались многие видные историки и филологи, а также научная молодежь. В конечном счете в 1904 г. Археографической комиссии пришлось выразить свое одобрение предпринятому Шахматовым способу ведения подготовительных работ по изданию летописей.

Совещанию, работавшему над проектом нового «Положения», удалось широко сформулировать первую статью. Археографической комиссии было предоставлено самой установить подробные правила своей деятельности и порядок распределения занятий, причем достаточно было их утверждения председателем. Последний назначался императором — поэтому у членов Государственного совета, утверждавших «Положение», пункт этот сомнений не вызвал.

Из переписки А. А. Шахматова и В. Г. Дружинина видно, что перодовые ученые Археографической комиссии не замедлили воспользоваться открывшейся возможностью. Дружинин нашел в бумагах Комиссии черновики записки о подготовительных комиссиях, вероятно, фигурировавший еще в предложении Шахматова в 1900 г., и, отредактировав проект, переслал его Шахматову. «Мне очень дорого то, — писал Дружинин, — что Вы приняли это дело так близко к сердцу»¹⁹. Шахматов, в свою очередь отредактировав проект, выразил желание, чтобы его имя в докладе Комиссии не упоминалось, вероятно, в связи с неудачей в 1900 г. Дружинин писал ему 19 января 1904 г.: «Выраженное Вами желание о том, чтобы не упоминать Вашего имени, я, конечно, должен исполнить, хотя не без сожаления, и приму указанную Вами редакцию»²⁰. Отсюда видно, что Шахматов принял ближайшее участие в учреждении редакционных совещаний (как стали они называться).

22 января 1904 г. В. Г. Дружинин прочел на заседании Археографической комиссии докладную записку; в ней подчеркивалась необходимость «выработать план издания материалов, который, будучи приведен в исполнение, сообщил бы последующим изданиям Комиссии характер систематического издания материалов». С целью избежать случайностей при выборе издаваемых памятников, а затем выработать строгий план издания предлагалось обсуждать вопрос об издании того или иного памятника «в частных собраниях подкомиссий, которые носили бы название редак-

¹⁸ ЛЗАК за 1900 г., вып. 13. СПб., 1901, стр. 25.

¹⁹ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (далее — ЛО ААН СССР), ф. 134, оп. 3, д. 483, л. 1.

²⁰ Там же, л. 8.

ционных комиссий, в которых по приглашению могли бы принимать участие сотрудники Комиссии и посторонние лица». Намечалось организовать пять таких подкомиссий по видам источников, причем председателями их могли быть члены Комиссии, «которые были бы признаны наиболее компетентными в деле издания того или иного рода материалов»²¹. Таким образом практически достигалось изъятие всей научной работы Комиссии из ведения ее председателя; заседания самой Комиссии получали административный характер, а дело издания источников передавалось в руки специалистов с чисто нормативным подчинением власти председателя. Научная деятельность Комиссии получала большую независимость от влияния правительства; ослаблялась ее прежняя замкнутость²² путем привлечения «посторонних лиц» к работе. Кроме того, предложение Дружинина отвечало намечавшимся в науке тенденциям к специализации отдельных отраслей источниковедения.

Комиссия приняла это предложение и вынесла решение учредить предварительно три редакционных совещания; 1) по изданию летописей и памятников литературных, во главе с А. А. Шахматовым; 2) по изданию четьих миней — с Б. А. Тураевым; 3) по изданию актов и памятников юридических — с А. С. Лаппо-Данилевским. В дальнейшем число совещаний было увеличено до семи, однако не все они действовали регулярно. Тем не менее такая форма работы Комиссии оказалась весьма удачной. Уже после революции, когда встал вопрос о расширении задач Археографической комиссии на «петербургский период» русской истории, тогдашний ее председатель С. Ф. Платонов полагал, что она «нуждалась бы для этого в значительном расширении и усложнении своих «редакционных совещаний» и своего личного состава...»²³.

Но, разумеется, основное значение в улучшении работы Археографической комиссии по изданию летописей на рассматриваемом этапе имела деятельность ее членов и сотрудников, прежде всего А. А. Шахматова и его последователей. Шахматов уже на следующем заседании после избрания его в Комиссию выступил с новой программой издания летописей.

Как было сказано выше, в 70—80-х годах Комиссия почти прекратила издание Полного собрания русских летописей, новые издания древнейших летописных сводов выходили без указаний на принадлежность к общей серии изданий²⁴, продолжалось (трудами К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Ф. Бычкова и С. Ф. Платонова) только издание Никоновской летописи и Летописи Авраамки (X—XII, XVI тома ПСРЛ).

Шахматов предлагал восстановить издание летописей в составе одной общей серии, которую он предложил называть по-прежнему «Полным собранием русских летописей». «В этом названии заключается программа, — считал ученый, — оно требует от учреждения, предпринявшего такое издание, целесообразных усилий для его выполнения». Полное собрание предполагало, по мысли Шахматова, «хотя и постепенное, но систематическое издание всех русских летописей». Сохранение связи между отдельными томами летописей Шахматов находил важным для установления единообразного способа их издания, а также для общих работ над летописными памятниками²⁵. Очередной задачей в области издания летописей было осуществление публикаций, потребность в которых давно уже назрела, например, переизданий Ипатьевской и Новгородской IV летописей,

²¹ ЛЗАК за 1904 г., вып. 17. СПб., 1907, стр. 7.

²² Уже в 1907 г. в работе Комиссии участвовали 11 «посторонних» ученых (ЛЗАК за 1908 г., вып. 21. СПб., 1909, стр. 8).

²³ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 585, оп. 1, д. 490, л. 6.

²⁴ «Летопись по Ипатскому списку». СПб., 1871; «Летопись по Лаврентиевскому списку». СПб., 1872 (перезд. 1897); «Новгородские летописи». СПб., 1879; «Новгородская летопись по синодальному харатейному списку». СПб., 1888.

²⁵ ЛЗАК за 1900 г., стр. 33.

западнорусских и украинских летописцев. Эти памятники решили печатать в составе ПСРЛ.

С продвижением работы над томами ПСРЛ, состав которых был давно определен, вставал вопрос о содержании дальнейших томов. В разрешении его большую роль сыграли археографические разыскания А. А. Шахматова и его последователей. Одной из предпосылок замечательных открытий Шахматова в области истории русского летописания явилось серьезное расширение им археографической основы исследования, вовлечение в научный оборот массы неопубликованных и даже не известных науке текстов, содержащихся в несистематизированном виде в отечественных архивах и книгохранилищах. Разумеется, огромная задача собирания и приведения в известность всего открывавшегося материала была не под силу одному ученому. Шахматов еще в конце XIX в. начал устанавливать связи с исследователями, самостоятельно занимавшимися археографическими поисками (С. Ф. Платоновым, А. Е. Пресняковым и др.), вовлекал в эту работу научную молодежь. С начала XX в. он перенес центр этой работы в Археографическую комиссию, тесно связывая ее с задачами издания ПСРЛ. Открытие Шахматовым Симеоновской летописи, Московского свода, находки Пресняковым Эттеровского списка Львовской, Типографской летописей обеспечили серию фондом материалов на ближайшее время, причем материалов, актуальных с научной стороны; слабая изученность позднего летописания во многом объяснялась недостатком изданий.

В последующие годы план публикации летописей не раз дополнялся и уточнялся. Новые издания неизменно включались в рамки ПСРЛ (исключение составляли учебные издания Повести временных лет и подготовленные еще Л. Н. Майковым Сибирские летописи), однако долгое время программа издания ПСРЛ в целом виде не фиксировалась. Лишь в 1912 г. редакционное совещание пересмотрело состав томов ПСРЛ (с III по VI) для нового их издания, постановив в III том включить Новгородские I, II и III летописи, в IV том — Новгородскую IV, в V том — Псковские летописи, а в VI том — две Софийские. Тома большого объема разрешалось делить на части в соответствии с установившейся практикой²⁶.

Новый пересмотр плана издания ПСРЛ относится уже ко времени первой мировой войны. На заседании 17 мая 1916 г. В. Г. Дружинин информировал редакционное совещание о нехватке в продаже и в библиотеках томов летописей и о тяжелом положении их исследователей, а с другой стороны, о все растущей стоимости типографских работ (следствие инфляции), что ведет к сокращению издательских возможностей Комиссии. Тем не менее на специально созванном редакционном совещании, несмотря на уменьшение средств, была принята широкая программа публикации: решено было повторить издания I, II томов, отпечатать учебное издание Повести временных лет со стереотипа I тома, продолжить издание IV, V, XV, XXIV томов, представить планы новых изданий Псковских, Воскресенской, Никоновской летописей, а ряд вновь найденных списков воспроизвести в печатающихся томах²⁷. Как видно, редакционное совещание вовсе не собиралось свертывать обнаружение летописей, напротив, оно готово было пожертвовать для его расширения изданием, например, чetyх миней. 7 декабря 1916 г. совещание постановило временно приостановить печатание последних²⁸.

В своей первой программе издания ПСРЛ, исходя из того, что в собрание должны входить не случайные, произвольно подобранные памятники летописания, Шахматов выдвинул задачу ввести в состав ПСРЛ «путем полных изданий или только извлечений, описаний все памятники нашего

²⁶ ЛЗАК за 1912 г., вып. 25. Пг., 1915, стр. 23.

²⁷ ЛЗАК за 1916 г., вып. 29. Пг., 1917, стр. 25—27.

²⁸ Там же, стр. 27.

летописания»²⁹. Определение состава ПСРЛ, таким образом, ставилось в зависимость от описания всего фонда летописных текстов.

Первым практическим шагом в выполнении этой задачи стало рассмотрение Шахматовым (в 1903 г.) рукописных сборников, содержащих летописные тексты, доставленных из разных архивохранилищ в Археографическую комиссию. Ученый дал описания четырех из них, обнаружив в их составе весьма ценные тексты: список XV в. Новгородской I летописи, Ермолинскую летопись, список Летописца начала царства и сборник Иоасафа³⁰. Сообщив результаты своего обследования, Шахматов «довел до сведения Комиссии, что среди лиц, занимающихся историей литературы, возникла мысль заняться описанием летописных сборников, находящихся в разных книгоохранилищах»³¹ (15 декабря 1902 г. на квартире Шахматова состоялось довольно широкое обсуждение этого вопроса³²). По предложению ученого Комиссия постановила составлять описания летописных сборников и печатать их в «Летописях занятий Археографической комиссии», а впоследствии выпускать отдельными томами. Первоначальная программа описания, разработанная учеными, группировавшимися вокруг А. А. Шахматова, и написанная последним в ноябре 1903 г., не была в свое время опубликована³³. Эта программа ставила «на первую очередь» описание летописных списков и сборников, «которые сходятся с печатными изданиями» и могут быть поэтому описаны «с желательной полнотой в смысле указания на их отличия от печатных текстов». Отмечая, что такое сравнение не всегда возможно из-за недостаточного количества изданных текстов, составители программы выразили пожелания о новых изданиях «в возможно широких пределах». Так выясняется конечная задача описания — всемерно двигать вперед обнаружение важного исторического материала, «лежащего до сих пор под спудом». Однако широкая постановка дела описания летописных источников ограничивалась недостатком материальных средств:

В Археографической комиссии сотрудник ее В. В. Майков занимался в последующие годы описанием сибирских летописей, в 1906 г. П. Н. Шефферу было поручено описание летописных сборников Публичной библиотеки³⁴. В. Г. Дружинин предложил организовать работу на основе сотрудничества Комиссии с Академией наук, воспользовавшись академическими стипендиями для привлечения к работе студентов. В подобных научных начинаниях рождалась и крепла мысль, что «наука-то ведь одна, и пора бы работать рука об руку без разделения науки по учреждениям»³⁵. Приступивший к работе в 1905 г. А. А. Шилов напечатал через пять лет первый выпуск «Описания рукописей, содержащих летописные тексты»³⁶, куда вошли рукописи Библиотеки Академии наук и Археографической комиссии³⁷. Тематическое описание всех хранилищ так и не было осуществлено.

Археографические разыскания, предпринятые для описания летописных сборников, положительно сказались на пополнении рукописного фонда издания летописей. Однако расширение планов издания шло и в другом направлении. В 1904 г. появился проект, первоначально высказанный В. Г. Дружининым, — заняться изданием памятников, которые

²⁹ ЛЗАК за 1900 г., стр. 34.

³⁰ ЛЗАК за 1903 г., стр. 22—23.

³¹ Там же.

³² Об этом свидетельствуют приглашения, направленные Н. П. Лихачеву, С. П. Романову (ЛЮ ААН СССР, ф. 134, оп. 4, д. 62, л. 8; ф. 246, оп. 3, д. 324).

³³ «Археографические проекты А. А. Шахматова». — «Археографический ежегодник за 1973 год». М., 1974, стр. 293—296.

³⁴ ЛЗАК за 1906 г., вып. 19. СПб., 1908, стр. 50.

³⁵ Письмо В. Г. Дружинина к А. А. Шахматову от 26 января 1905 г. — ЛЮ ААН СССР, ф. 134, оп. 3, д. 483, л. 25 об.

³⁶ ЛЗАК за 1909 г., вып. 21. СПб., 1910.

³⁷ С. Н. Волк. Советская археография, стр. 143.

необходимы при историко-литературном изучении летописей. А. А. Шахматов горячо поддержал и развил эту мысль, указав состав памятников для такого издания³⁸. В представленной записке он предложил поручить издание Еллинского летописца К. К. Истомину, Хронографу — С. П. Розанову, а на себя взял разработку плана публикации Толковой палеи. В 1906 г. А. А. Шахматов предложил издать еще один важный источник древнейшего летописания — Киево-Печерский патерик³⁹.

Состав изданий летописей, выпущенных Археографической комиссией в начале XX в., очень разнообразен. Частично происходило завершение ранее начатых публикаций. В 1901 г. вышел готовившийся С. Ф. Платоновым с 1898 г. XII том ПСРЛ (Никоновская летопись). Платонов продолжил издание этой летописи (в XIII и XIV томах ПСРЛ), окончив его в 1910 г. При подготовке издания помимо собственных разысканий историк использовал данные исследований А. Е. Преснякова о Лицевом летописном своде, обсуждал текстологические вопросы с А. А. Шахматовым⁴⁰. Подробное знакомство с проблемами текстологии Никоновской летописи сделало Платонова крупным знатоком позднего летописания, внесшим существенный вклад в его изучение⁴¹. Сильно затянулся выпуск в свет сибирских летописей, тексты которых были подготовлены (и отпечатаны) еще Л. Н. Майковым, а указатели составлены В. В. Майковым к 1900 г.⁴² Издание вышло только в 1907 г. отдельным томом. В том же году опубликован указатель к первым восьми томам ПСРЛ, над которым около 10 лет работал С. А. Адрианов.

А. А. Шахматов начал свою деятельность в Комиссии с предложения издать западнорусские летописи, сославшись на давнее постановление Комиссии об этом издании (инициатива его принадлежит А. А. Кунику и относится к 1864 г.). Определению состава публикации предшествовала сложная текстологическая работа⁴³: первоначально Шахматов хотел включить в нее отрывки из польских хроник и русских летописей, обнаруживающих литовское происхождение; но постепенно состав тома определился точнее. А. А. Шахматов привлек к работе С. Л. Пташицкого, нашедшего некоторые новые тексты⁴⁴. Западнорусские летописи составили т. XVII ПСРЛ, который вышел в свет в 1907 г.

План нового издания Ипатьевской летописи был представлен А. А. Шахматовым в декабре 1900 г.⁴⁵ По мысли ученого, Ипатьевская летопись должна была составить 1-й выпуск II тома ПСРЛ. Во второй выпуск он думал включить Густынскую и другие украинские летописи (ссылаясь на постановление Комиссии еще в 1861 г. о издании «Летописей малороссийских»). Проект издания украинских (или южнорусских) летописей обсуждался не раз⁴⁶, но осуществлен не был. В основание переиздания Ипатьевской летописи Шахматов намеревался положить Ипатьевский список и настаивал на необходимости подвести к нему варианты из возможно большего числа списков. Исходя из признания Ипатьевской летописи переработкой Южнорусского летописного сборника, имевшего общие источники с рядом московских летописей, Шахматов хотел отмечать в редакционных примечаниях тождественные места их текстов. Это имело целью реконструкцию древнейших сводов. Кроме того, Шахматов предлагал дать в примечаниях свод критических мнений о неясных местах Ипатьевской летописи. Вероятно, стремление придать изданию летописи характер

³⁸ ЛЗАК за 1904 г., стр. 32, 38—41.

³⁹ ЛЗАК за 1906 г., стр. 51.

⁴⁰ ЛЗАК за 1901 г., вып. 14. СПб., 1902, стр. 39.

⁴¹ Н. Ф. Лауров. Заметки о Никоновской летописи. — ЛЗАК за 1926 г., вып. 1 (34). Л., 1927, стр. 55—63.

⁴² ЛЗАК за 1900 г., стр. 11.

⁴³ Там же, стр. 39—49.

⁴⁴ ЛЗАК за 1903 г., стр. 12.

⁴⁵ ЛЗАК за 1900 г., стр. 36—39.

⁴⁶ ЛЗАК за 1906 г., стр. 69—72; ЛЗАК за 1907 г., вып. 20. СПб., 1908, стр. 31.

научного исследования не нашло одобрения в Комиссии. В дальнейшем Шахматов печатал Ипатьевскую летопись в традиционном для ПСРЛ виде; том вышел в 1908 г. Уже в 1911 г. весь тираж тома был распродан. Встал вопрос о новом издании⁴⁷. При этом Шахматов решил ограничиться вариантами к Ипатьевской летописи только из Хлебниковского списка и некоторое время колебался в выборе приемов передачи текста⁴⁸. К 1915 г. был напечатан 1-й выпуск этого нового издания⁴⁹, вышедший в свет в 1923 г.

Вопрос о новом издании Новгородской IV летописи был возбужден в упоминавшейся уже издательской программе А. А. Шахматова в 1900 г. Редактирование было поручено А. Е. Преснякову, который в январе следующего года составил план издания, доложенный А. А. Шахматовым в Комиссии⁵⁰. Основываясь на изучениях Шахматова, Пресняков предложил взять за основной Строевский список летописи, а для вариантов и в описаниях привлечь еще 18 списков. В том же году, после консультаций с Шахматовым, Пресняков изменил первоначальный план, в основу издания предложил положить Новороссийский список Новгородской IV летописи. Однако из-за того, что Синодальная библиотека не прислала нужные рукописи, издание приостановилось. Возобновил его в 1906 г. Шахматов, представив план публикации по Новороссийскому списку⁵¹, но «пристальное изучение всех этих списков» убедило ученого, что все они, включая и Новороссийский, отразили позднейшие этапы редактирования летописи. Шахматов вернулся к Строевскому списку как основному⁵². К работе был привлечен Ф. И. Покровский, и издание (печатание начато с 1907 г.) выходило под его редакцией и «под смотрением» А. А. Шахматова. Первая часть IV тома ПСРЛ выходила выпусками с 1915 до 1929 г.; последние два выпуска редактировал уже один Покровский.

В апреле 1901 г. Г. З. Кунцевич предложил издать Казанский летописец⁵³, ссылаясь на постановление Комиссии, состоявшееся в 1870 г. Кунцевич по инициативе Шахматова уже занимался подготовкой этого издания в Академии наук, поэтому оно было осуществлено в весьма краткий срок: в ноябре 1901 г. был представлен окончательный план издания, а в 1903 г. XIX том ПСРЛ, содержащий Казанский летописец, вышел в свет. Некоторую задержку вызвало предисловие, представлявшее собой исследование издаваемого памятника. Но затем, после консультаций с С. Ф. Платоновым и В. Г. Дружининым⁵⁴, Кунцевич придал ему более традиционную форму.

В ноябре 1901 г. А. Е. Преснякову было поручено издание Симеоновской летописи⁵⁵. Он представил план публикации, основанный на исследованиях А. А. Шахматова. В 1904 г. Шахматов предложил дополнить издание, напечатав в приложении конец Вологодско-Пермской летописи с 1472 г.⁵⁶ Сделано это не было, хотя варианты по трем спискам Вологодско-Пермской в издании подведены. Из-за защиты Пресняковым в 1909 г. магистерской диссертации печатание затянулось. Летопись (т. XVIII ПСРЛ) увидела свет в 1913 г.

Вопрос об издании Львовской летописи обсуждался в феврале 1904 г.⁵⁷

⁴⁷ ЛЗАК за 1911 г., стр. 4—5.

⁴⁸ Там же, стр. 5, 17, 33.

⁴⁹ ЛЗАК за 1915 г., вып. 28. Пг., 1916, стр. 12.

⁵⁰ ЛЗАК за 1901 г., стр. 8, 16—21.

⁵¹ Ср. ЛЗАК за 1907 г., стр. 23. План сохранился в архиве (ЛО ААН СССР, ф. 134, оп. 1, д. 139).

⁵² ЛЗАК за 1907 г., стр. 23.

⁵³ ЛЗАК за 1901 г., стр. 39, 45—51, 66—68.

⁵⁴ ЛЗАК за 1903 г., стр. 15—16.

⁵⁵ ЛЗАК за 1901 г., стр. 55, 59—62.

⁵⁶ ЛЗАК за 1904 г., стр. 19.

⁵⁷ Там же, стр. 16, 19.

Редактирование издания было поручено С. А. Адрианову. А. Е. Преснякова просили представить план. В основание публикации был положен найденный Пресняковым Эттеровский список, а варианты подводились по изданию Львова. Напечатан уже часть текста, Адрианов обнаружил типографский оригинал, с которого печаталось издание Львова⁵⁸. Поэтому окончание издания (2-й выпуск) печаталось с вариантами к вновь найденной рукописи, варианты к отпечатанной части текста приведены в приложении. Издание Львовской летописи в т. XX ПСРЛ завершено в 1914 г.

П. Г. Васенко начал в апреле 1904 г. подготовку порученного ему издания Степенной книги⁵⁹. В плане издания Васенко разделил известные списки памятника на три редакции, положив в основу лучший список первого типа, а варианты подводя по наиболее исправным спискам двух других типов. Печатание т. XXI ПСРЛ (в двух выпусках), в который вошла Степенная книга, закончилось в 1913 г.

Выполняя план публикации литературных памятников — источников русского летописания, С. П. Розанов в ноябре 1905 г. представил записку об издании Хронографа редакции 1512 г.⁶⁰ Издание намечалось вести по двум спискам выделенной редактором пространной редакции с вариантами по ряду списков. В 1909 г. Розанов счел нужным дополнить публикацию приложением ряда летописных отрывков из рукописей Хронографа⁶¹. Решено было печатать Хронограф в т. XXII ПСРЛ, первая часть которого появилась в 1911 г. Вторая часть тома, включившая Хронограф западнорусской редакции, вышла в 1914 г.

Во исполнение того же плана К. К. Истомина готовил издание Еллинского летописца 2-го вида. Значительная часть издания была подготовлена⁶², оно печаталось отдельным томом, церковнославянским шрифтом.

После описания А. А. Шахматовым Ермолинской летописи в 1903 г. встал вопрос об ее издании⁶³. Поначалу издание было отложено, так как «наиболее интересные места уже напечатаны в описании». Но затем, в феврале 1906 г., решено было начать издание по трем спискам с Ермолинским в основе⁶⁴. К работе над ним был привлечен Ф. И. Покровский, который редактировал летопись (т. XXIII ПСРЛ) «под смотрением» А. А. Шахматова и П. Н. Шеффера. Том вышел в свет в 1910 г.

В 1906 г. Н. П. Лихачев начал работу по подготовке издания Рогожского летописца, включенного в т. XV ПСРЛ (1-я часть)⁶⁵. Печатание, задержанное войной, окончилось только в 1922 г.

В том же году А. А. Шахматов внес предложение об издании Новгородской V летописи в т. IV ПСРЛ⁶⁶. Редактирование издания поручили П. Н. Шефферу. Новгородской V летописью, по определению Шахматова, был назван свод, лежащий в основании Хронографического списка (Новгородская IV «особого состава»). Первый выпуск Новгородской V летописи вышел в 1917 г.

В 1907 г. А. А. Шахматов «указал на так называемый Типографский летописец как на подлежащий изданию в первую очередь»⁶⁷. Этот памятник был к тому времени обследован А. Е. Пресняковым. С учетом резуль-

⁵⁸ ЛЗАК за 1909 г., стр. 29.

⁵⁹ ЛЗАК за 1904 г., стр. 20, 24.

⁶⁰ ЛЗАК за 1905 г., вып. 18. СПб., 1907, стр. 25.

⁶¹ ЛЗАК за 1909 г., стр. 20—25.

⁶² Р. П. Дмитриева. Библиография русского летописания. М.—Л., 1962, стр. 206, № 1465.

⁶³ ЛЗАК за 1904 г., стр. 19.

⁶⁴ ЛЗАК за 1906 г., стр. 10.

⁶⁵ Там же, стр. 56; ЛЗАК за 1907 г., стр. 31. Во вторую часть тома должно было войти новое издание Тверской летописи, порученное А. Е. Преснякову; осуществлено оно не было.

⁶⁶ ЛЗАК да 1906 г., стр. 61.

⁶⁷ ЛЗАК за 1907 г., стр. 24.

татов его исследования С. П. Розанов представил в 1913 г. план издания⁶⁸, в основу которого была положена рукопись «из библиотеки типографии» (Синод. № 789) с вариантами по сборнику Публичной библиотеки. Издание осуществлялось «под смотрением» А. А. Шахматова, а после его кончины — А. Е. Преснякова. Вышло оно в свет (т. XXIV ПСРЛ) в 1921 г.

В 1910 г. было осуществлено учебное издание Повести временных лет путем перепечатки ее текста со стереотипа отдельного издания Лаврентьевской летописи. Редактировал учебное издание Н. М. Каринский⁶⁹.

По инициативе А. А. Шахматова П. Г. Васенко представил в 1912 г. план нового издания Софийской I летописи⁷⁰ (т. VI ПСРЛ). Сохранившиеся списки летописи разделены на две редакции, в основу издания положен список Оболенского. Первый выпуск летописи вышел в 1925 г.

Таковы практические результаты деятельности Археографической комиссии по изданию летописных источников.

В рассматриваемый период в практике издания летописей Комиссией были затронуты некоторые проблемы эдических принципов и техники.

К числу важнейших проблем относился вопрос о выборе текста при издании того или иного летописного памятника. Известно, что изменявшиеся взгляды на задачи изучения летописей и на самую историю летописания отражались на приемах издания⁷¹. Трудом А. А. Шахматова, произведшим переворот в изучении русского летописания, был выдвинут истинно научный подход к делу публикации летописей: всякому изданию должна была предшествовать тщательная работа по изучению состава подлежащих изданию рукописей с точки зрения их места в общей истории летописания. История эта разрабатывалась предварительно, а нередко и параллельно. Обнаруженные генетические связи сложной истории возникновения и редактирования летописных сводов служили ключом к определению взаимоотношения издаваемых списков летописи. Поэтому, хотя общая история летописания разрабатывалась в основных трудах Шахматова, он всегда считал нужным предпосылать тому или иному изданию краткую сводку результатов своих исследований. Так, в записках об издании Ипатьевской летописи, западнорусских и украинских летописей находим обстоятельные текстологические очерки; не раз изменявшийся план издания Новгородской IV летописи отражал развитие взглядов Шахматова на проблемы истории общерусского летописания.

На исследованиях А. А. Шахматова основывались и другие редакторы ПСРЛ, прежде всего его последователи. Так, в записке об издании Новгородской IV летописи в 1901 г. А. Е. Пресняков мотивировал необходимость ее новой публикации не только возможностью привлечь новые материалы, но и «тем общим представлением об этом памятнике, которое установлено в исследовании А. А. Шахматова и существенно отличается от представлений о нем первых издателей»⁷². Издание Симеоновской летописи Пресняков считал нужным строить на основах, заложенных исследованием Шахматова «Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в.», привлекая к публикации сохранившиеся фрагменты Троицкой летописи. Руководствуясь данными работ Шахматова, Пресняков проводил отбор рукописей для неосуществленного издания Московского летописного свода (списка Эрмитажного собрания) и для подведения к нему вариантов⁷³. С. П. Розанов пользовался помощью Шахматова при выборе текстов для публикации Хронографа и приложений к нему, Типографского и Архангелогородского летописцев. П. Г. Васенко при подготовке текстов

⁶⁸ ЛЗАК за 1913 г., вып. 26. СПб., 1914, стр. 45—48.

⁶⁹ ЛЗАК за 1909 г., стр. 28.

⁷⁰ ЛЗАК за 1912 г., стр. 23, 28—30.

⁷¹ С. Н. Valk. Советская археография, стр. 132—134.

⁷² ЛЗАК за 1901 г., стр. 17.

⁷³ ЛЗАК за 1908 г., стр. 18—19.

Софийской I летописи руководствовался наблюдениями Шахматова над ее списками. Иногда вопросы отбора текста решались коллегиально, на редакционных совещаниях: при обсуждении плана издания той же Софийской I ценные соображения относительно Воскресенского ее списка высказал А. Е. Пресняков.

Предложенные Шахматовым и проводившиеся им и его последователями критерии отбора текстов не стали, однако, обязательными в работе Комиссии. Н. М. Каринский, представив в 1907 г. план издания Лаврентьевской летописи, формулировал его в двух вариантах. В первом из них Каринский выдвинул цель воспроизведения «не текста Лаврентьевской рукописи, а текста первоначального оригинала Лаврентьевского списка». Для установления такого текста ему казалось достаточным исключить из этого списка «ошибки и поправки позднейшего времени», пользуясь «всеми известными нам списками начальной летописи»⁷⁴. Другой, компромиссный вариант предусматривал издание Лаврентьевского списка целиком, с подведением вариантов по изданию А. Ф. Бычкова (по Радзивилловской летописи, Московско-Академической и Троицкой). Этот вариант был одобрен редакционным совещанием. Впоследствии, при новом издании I тома ПСРЛ, Е. Ф. Карский вновь привлек для подведения вариантов к Лаврентьевской летописи Радзивилловскую⁷⁵. Это вызвало возражения в печати, так как в издании были смешаны разные летописные своды⁷⁶.

Правила передачи текста источников были другой сложной проблемой издательской деятельности Комиссии. Как отметил А. И. Андреев, официально действовавшие к началу XX в. правила издания летописей были выработаны главным образом Н. Г. Устряловым и Я. И. Березниковым еще в 30-х годах XIX в. на основании правил, которыми руководствовались при печатании летописей в 1811—1812 гг. Р. Ф. Тимковский⁷⁷. Естественно, они сильно устарели, что заставило Комиссию (по инициативе А. Ф. Бычкова) провести в 1869—1870 гг. опрос видных историков и филологов о их взглядах на правила издания⁷⁸. После обсуждения их мнений Комиссия установила 15 пунктов правил. Они, однако, были явно недостаточны, что побуждало редакторов вновь выходящих томов ПСРЛ особо оговаривать свои правила в предисловиях к томам⁷⁹.

А. А. Шахматов уже в первой своей издательской программе наметил некоторые приемы передачи текста Ипатьевской летописи. Он высказался за возможно точное воспроизведение списка-оригинала. Отступления допускались небольшие: словоразделение, унификация разных видов титла и синтаксических знаков, употребление прописных букв для собственных имен и т. д.⁸⁰ Комиссия в этом случае ограничилась определением печатать летописи «сходно по орфографии» с издаваемой рукописью⁸¹. Но и у Шахматова, как видно, эдичионные приемы не сразу сложились в готовую систему. К заседанию 5 мая 1901 г. он представил четыре образца набора одной и той же страницы т. XVII ПСРЛ⁸². Образцы имели отличия и в размещении на поле страницы текста и в передаче его. Видимо, тогда уже наметилось резкое различие в передаче древнейшего текста (Ипатьевской летописи) и более позднего (западнорусских летописей).

⁷⁴ ЛЗАК за 1907 г., стр. 28—29.

⁷⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2. М.—Л., 1926.

⁷⁶ С. Н. Валк. Советская археография, стр. 135—137.

⁷⁷ А. И. Андреев. О правилах издания исторических текстов.— «Архивное дело», 1926, вып. 5—6, стр. 92—94.

⁷⁸ Обзор их мнений см.: ЛЗАК за 1867—1871 гг., вып. 5. СПб., 1880, отд. III, стр. 111—127.

⁷⁹ См. ПСРЛ, тт. XV, XVII, XIX.

⁸⁰ ЛЗАК за 1900 г., стр. 35—36.

⁸¹ Там же, стр. 25.

⁸² ЛО ААН СССР, ф. 133, оп. 1а, д. 20, лл. 156—159.

В Комиссии ощущалась нужда в унификации эдичионных приемов, в выработке единых правил. Так, на редакционном совещании 30 апреля 1904 г. редакторы XX и XVIII томов ПСРЛ С. А. Адрианов и А. Е. Пресняков⁸³ просили указаний по приемам издания, а 21 января 1905 г. В. Г. Дружинин представил записку об отсутствии точных правил издания для руководства редакторов⁸⁴. Указания, дававшиеся редакторам, не всегда совпадали; варьировалось даже число столбцов на листе издания, пока наконец не было решено печатать текст в один столбец⁸⁵.

Дело выработки правил издания летописей требовало, конечно, участия наиболее эрудированных и авторитетных издателей. Понятно поэтому, что за него взялся А. А. Шахматов, в ходе публикации Ипатьевской и западнорусских летописей, фототипического издания Радзивилловской летописи (в ОЛДП) приобретший немалый опыт, большую сумму эдичионных приемов. Редакционному совещанию 1 марта 1905 г. Шахматов представил проект правил для издания летописей⁸⁶, решено было его отпечатать и «разослать на заключение членам и сотрудникам Комиссии». Проект был приложен к протоколу вместе с оттиском его текста на множительном аппарате, но в «Летописи занятий» не напечатан⁸⁷. Унифицируя правила расположения текста и научно-справочного аппарата в издании, проект провозглашал принцип точной передачи текста основного списка летописи. Текст древнейших рукописей — до XV в. включительно — передается «с соблюдением палеографических особенностей», с сохранением сокращений, с введением букв, не имеющих в гражданском шрифте, и т. д. При передаче текстов позднейших рукописей рекомендовалось прибегнуть к некоторым научно-критическим приемам: заменять устаревшие буквы, сокращения раскрывать без скобок с соблюдением правил современного правописания, ошибки и описки рукописи исправлять в примечаниях.

Проект не был утвержден Комиссией. Рассмотрение его продолжалось в январе 1906 г.⁸⁸, а затем в начале 1907 г., когда С. А. Адрианов составил проект дополнительных статей к правилам⁸⁹. Между тем вновь осуществлявшиеся издания по-прежнему требовали определения их приемов. Так, при представлении К. К. Истоминым первого листа корректуры Еллинского летописца вновь заходила речь о расстановке знаков препинания, обозначении киноварных написаний, порядке подведения вариантов⁹⁰. Особенно затрудняло отсутствие правил редакторов, недостаточно опытных в работе с летописями: из писем В. Г. Дружинина А. А. Шахматову видно, что за работами С. Л. Пташицкого, К. К. Истомина необходимо было осуществлять контроль⁹¹.

Вероятно, к 1911—1912 гг., когда был вновь возобновлен вопрос о правилах издания⁹², относится еще один их проект, составленный и отпечатанный в Комиссии⁹³. Основное его отличие от предыдущего в том, что он предусматривал для каждого издания летописного текста, основные списки которого старше середины XV в., специальное определение Ко мис-

⁸³ ЛЗАК за 1904 г., стр. 23.

⁸⁴ ЛЗАК за 1905 г., стр. 5.

⁸⁵ ЛЗАК за 1904 г., стр. 24.

⁸⁶ ЛЗАК за 1905 г., стр. 5. А. И. Андреев (Указ. статья, стр. 94) называет 1915 г. (вероятно, опечатка); та же дата в работе П. Г. Софинова (Указ. соч., стр. 151).

⁸⁷ «Археографические проекты А. А. Шахматова». — «Археографический ежегодник за 1973 год», стр. 296—297.

⁸⁸ ЛЗАК за 1906 г., стр. 4.

⁸⁹ ЛЗАК за 1907 г., стр. 14—15.

⁹⁰ ЛЗАК за 1906 г., стр. 42—43.

⁹¹ ЛО ААН СССР, ф. 134, оп. 3, д. 483, лл. 44 об., 50.

⁹² ЛЗАК за 1911 г., стр. 32.

⁹³ «Правила для изданий имп. Археографической комиссии. Проект», б/г. Ознакомлением с ними автор обязан любезности С. Н. Валка. «Правила» хранятся также в ЛО ААН СССР (ф. 133, оп. 1, д. 1232, лл. 35—36).

сией правил издания. Для передачи текста более поздних рукописей сохранялись научно-критические приемы, предложенные А. А. Шахматовым, в новом проекте значительно детализированные. Редакторы ПСРЛ, видимо, пользовались в работе этим проектом: больше вопрос о правилах издания не обсуждался на заседаниях, в очередных томах исчезли оговорки, касающиеся приемов воспроизведения текста. Дальше проектов правил издания Археографическая комиссия в дореволюционные годы не пошла, однако проекты, составленные Шахматовым и его продолжателями, важны с точки зрения развития археографической методики. Эдидционные принципы, выработанные Шахматовым, высоко оценены советской наукой⁹⁴, а о степени их влияния говорит хотя бы то, что Е. Ф. Карский в упоминавшемся втором издании т. I ПСРЛ ссылаясь на авторитет Шахматова в объяснении своих издательских приемов⁹⁵.

Рассмотренные данные приводят к выводу, что в начале XX в. изменения в структуре, составе сотрудников и методах деятельности Археографической комиссии в известной мере способствовали достижению этим учреждением уровня, отвечавшего научным потребностям того времени. Работа в Комиссии передовых русских ученых, прежде всего академика А. А. Шахматова, позволила осуществить обнародование значительного числа летописных источников, ввести в научный оборот целые группы малоизученных памятников. Параллельно с количественным пополнением изданий возрастали научные требования к их качеству: проводилось предварительное изучение истории летописания, совершенствовалась эдидционная техника. Увеличение фонда летописных источников — главный результат деятельности Археографической комиссии, положительно сказавшийся на развитии исторической науки, особенно в советское время. Постепенно зарождались задачи Комиссии как самостоятельного центра разработки методики описания и издания источников русского средневековья, но слишком еще сильная традиция узкой корпоративной замкнутости не дала им развиваться. Археографической комиссии не удалось еще разрешить многих проблем — не был выработан единый план описания и издания летописей, правила их издания не были приняты, — но ей принадлежит заслуга постановки этих проблем, переданных в наследство советской археографии.

⁹⁴ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале древнерусской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 472, 483.

⁹⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2. Л., 1926, стр. III.

А. Д. Степанский

К ИСТОРИИ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ¹

Советская историография, наряду с исследованием путей развития советских исторических учреждений и организаций, уделяет большое внимание изучению истории дореволюционных центров исторической науки². Деятельность некоторых из них уже освещалась на страницах «Археографических ежегодников»³. Цель настоящей статьи — дать краткий обзор научно-исторических обществ (НИО), игравших важнейшую роль в организации исторической науки, в том числе археографии, архивного и музейного дела, охраны памятников в дореволюционной России.

Историография НИО относительно небогата⁴ и состоит преимущественно из работ по истории отдельных обществ. Обобщающий характер носит статья А. М. Разгона «Исторические общества в России и СССР»⁵ в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ), весьма содержательная, но ограниченная в объеме рамками энциклопедической заметки. К статье приложен список русских исторических обществ, включающий 113 организаций. Составление этого списка является серьезной научной заслугой автора, однако наряду с пропусками отдельных обществ мы находим здесь организации, причисление которых к историческим обществам вызывает возражения.

СИЭ определяет исторические общества как «объединения историков-профессионалов и любителей»⁶. Это расплывчатое и неполное определение не отражает специфику исторических обществ и их многообразие. При определении исторических обществ нужно прежде всего учитывать то, что они являлись общественными организациями. Неправомерно отнесение к числу обществ объединений, не носивших общественного характера

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный 9 января 1973 г. в Институте истории СССР АН СССР.

² А. Д. Степанский. К изучению организации исторической науки в дореволюционной России. — «Труды МГИАИ», т. 30. М., 1974, стр. 96—103.

³ О. И. Шведова. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 377—433; Н. В. Бржостовская. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России. — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 89—105.

⁴ «История исторической науки в СССР. Дореволюционный период». М., 1965. Ссылки на работы, включенные в этот указатель, в дальнейшем, как правило, не приводятся. Кроме того, в 1971—1974 гг. студентами МГИАИ защищен ряд дипломных работ по истории: Исторического общества при Петербургском университете (З. Н. Степанова), РИО (Н. А. Федосова; Е. А. Васильева), РВИО (А. Н. Абаймов), ООИД (З. И. Кильштейн), РАО (Л. М. Литвинова), МАО (Е. И. Тарасова; В. Н. Шаханова; В. Р. Клейн), ОДИ при Московском публичном музее (Н. Н. Сливаковская), Историко-археологического общества при Тульской епархиальной палате (Г. П. Присенко), Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (Н. В. Кондюрина) и др.

⁵ СИЭ, т. 6, стб. 548—551.

⁶ Там же, стб. 545.

ра (Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, церковно-археологические комитеты). Говоря же о подлинных обществах, следует различать собственно исторические общества и общества, «занимавшиеся историей», т. е. такие, для которых история была лишь одним из занятий. В списке А. М. Разгона большое место занимают общества последнего типа — краеведческие, востоковедческие, славяноведческие, некоторые естественнонаучные и др. Почти все эти организации внесли свой вклад в историческую науку и заслуживают историографического изучения, но они должны рассматриваться отдельно от исторических обществ — в противном случае мы столкнемся с несопоставимостью данных и невозможностью обобщений. Заметим, кстати, что обществ, «занимавшихся историей», было гораздо больше, чем указано в СИЭ: назовем общества филологические, архитектурные, антропологические, Юридическое и Педагогическое общества при Московском университете, Общество естествоиспытателей и врачей при Томском университете и др. Могут быть отнесены к числу исторических довольно распространенные историко-филологические общества, так как филологическая проблематика там обычно носила исторический характер.

Собственно исторические общества в свою очередь делились на научные и просветительные. Разделение это в известной мере условно, потому что почти все научные общества вели просветительную работу, а некоторые просветительные занимались и исследованиями. Но, как правило, одна из этих двух функций была в деятельности общества основной и определяющей. Так, об Обществе ревнителей военных знаний Л. Г. Бескровный писал, что «главной целью общества была пропаганда исторических и общих военных знаний, а не глубокое изучение военно-исторических проблем»⁷. К числу просветительных могут также быть отнесены Палестинское общество, Киевское общество древностей и искусства, Общество ознакомления с историческими событиями России и др. В дальнейшем мы будем говорить только о научно-исторических обществах, т. е. общественных организациях, главной функцией которых являлась научно-исследовательская работа в области истории.

По нашим подсчетам, в 1759—1917 гг. в России действовало 71 НИО. Первые два общества, возникшие в XVIII в., оказались недолговечными⁸. Непрерывная история русских НИО начинается с 1804 г., когда появилось *Общество истории и древностей российских при Московском университете* (МОИДР), но это общество в течение трех десятилетий пребывало в одиночестве, если не считать двух остзейских обществ, созданных в 1816 и 1824 гг. Определенный перелом произошел в 30—40-х годах — в период организационной перестройки русской исторической науки (создание исторических кафедр в университетах, историко-филологического отделения Академии наук, реформы архивного дела и др.). В 1834—1846 гг. появилось пять новых НИО, прошла реорганизация МОИДР, однако наступившая в 1848 г. реакция положила конец этому оживлению. Активное развитие НИО началось лишь в пореформенную эпоху. В 1863—1904 гг. возникло 35 новых обществ (в 1863—1866 гг. — 5, 1872—1881 гг. — 8, 1888—1889 гг. — 3, 1893—1904 гг. — 19). В 1905—1915 гг. появилось еще 26 НИО. Часть обществ оказалась нежизнеспособной и прекратила свою деятельность еще до революции.

В нашем распоряжении нет сводных данных о составе членов НИО. В большинстве случаев отсутствуют и обобщающие сведения по отдельным обществам. Исключение составляет Московское археологическое общество, выпустившее биографический словарь своих членов⁹. Ведущие

⁷ Л. Г. Бескровный. Очерки военной историографии России. М., 1962, стр. 312.

⁸ А. Д. Степанский. Первые исторические общества в России. — «Вопросы истории», 1973, № 12, стр. 204—209.

⁹ «Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования», т. 2. М., 1915.

общества обычно насчитывали в своем составе от 100 до 200 действительных членов одновременно, но активную работу, как правило, вело меньшинство членов.

В состав членов НИО входили как историки-профессионалы (преподаватели высших и средних учебных заведений, работники архивов, библиотек, музеев и др.), так и любители. Едва ли не во всех обществах имелся заметный процент «мертвых душ» (представителей аристократии и бюрократической верхушки), входивших в ряды членов по всякого рода ненаучным соображениям и в лучшем случае не приносивших пользы. Основная тяжесть работы обычно лежала на профессионалах, но в ряде обществ тон задавали дилетанты и меценаты. Особо следует выделить группу «великосветских» обществ (Русское историческое, Русское генеалогическое, Общество любителей древней письменности, Общество ревнителей русского исторического просвещения и др.), где руководящую роль играли аристократы и сановники, а ученые находились на положении исполнителей. Следует, однако, подчеркнуть, что наибольших научных успехов добивались общества, руководимые крупными учеными.

В идейном отношении НИО не выходили за рамки дворянско-буржуазной историографии. Демократически настроенные историки редко попадали в общества и не могли оказать решающего влияния на их направление. В большинстве обществ либералы мирно уживались с консерваторами. Некоторые общества по своему составу были откровенно консервативными — такие общества усиленно насаждались в конце XIX — начале XX в.

Организационное устройство и деятельность НИО детально регламентировались уставами. В дореформенный период уставы, как правило, утверждались царем, с 1863 г. — министром народного просвещения (иногда другими министрами). В соответствии с Правилами об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. уставы НИО регистрировались губернскими по делам об обществах и союзах присутствиями. Наряду с утверждением уставов правительственные органы применяли и другие формы контроля за деятельностью НИО: согласование повестки дня заседаний, цензуру изданий, регулирование публичных мероприятий. Кроме того, почти все общества зависели от казенных субсидий. Политическая умеренность далеко не всегда спасала НИО от различных неприятностей и ограничений.

Основными формами работы НИО являлись заслушивание и обсуждение научных докладов и сообщений, выпуск периодических и непериодических изданий, соби́рание и выявление исторических источников и памятников, создание библиотек, музеев и архивов, проведение лекций и других просветительных мероприятий, в ряде случаев организация экспедиций и мер по охране памятников. Важнейшим итогом деятельности НИО служили их «Труды», «Записки» и т. п., где помещались научные исследования (преимущественно те, которые слушались на заседаниях), публикации источников, протоколы заседаний, отчеты и другие материалы. Количество и качество «Трудов» и «Записок» могут служить важными критериями оценки уровня обществ. К сожалению, мы не имеем библиографического указателя изданий НИО, аналогичного упомянутому указателю О. И. Шведовой для губернских ученых архивных комиссий. Имеются только указатели по отдельным обществам, а также «Список изданий Государственной Академии истории материальной культуры, Археологической комиссии, Русского археологического общества, Российского Палестинского общества и Русского генеалогического общества» (Л., 1926).

Исследовательские работы, обсуждавшиеся и публиковавшиеся НИО, по своему значению и общему объему занимали очень видное место в русской исторической литературе. Лучшие из них сохраняют свое научное значение и используются советскими историками. Необходимо подчеркнуть, что многие исследования выполнялись специально для обществ.

Выдающееся место заняли НИО и в истории русской археографии, опубликовав огромное количество источников как отдельными изданиями, так и в периодике.

Проблематика исследовательской и публикаторской деятельности НИО складывалась более или менее стихийно, в соответствии с интересами членов обществ, что нередко порождало параллелизм в работе обществ. Однако у наиболее активных обществ обычно довольно четко вырисовывался определенный круг основных интересов, специфический для данной организации. Коренным недостатком проблематики НИО была узость, локальность сюжетов, перераставшая зачастую в прямое мелко-темье. В целом научное наследие НИО требует строго критического отношения, тщательного отбора наиболее ценных его элементов.

По задачам и содержанию своей деятельности НИО могут быть разделены на две категории: общества универсальные (общейсторические) и общества специализированные, занимавшиеся разработкой отдельных исторических дисциплин и проблем. Универсальными являлись НИО, состоявшие при университетах и других высших учебных заведениях и включавшие представителей всех кафедр соответствующих факультетов. Старейшим и влиятельнейшим из этих обществ было МОИДР — единственное русское НИО, отмечавшее 100-летний юбилей. Несмотря на длительное существование и высокий авторитет МОИДР, его история в сущности еще не написана.

МОИДР было создано со специальной задачей издания русских летописей, но впоследствии его функции расширились. До середины 30-х годов общество работало вяло. В 1815—1837 гг. вышли восемь частей «Трудов и записок», где печатались протоколы заседаний и исследования членов общества. Исторические источники печатались в сборниках «Русские достопамятности» (3 тт., 1815—1844). Перелом наступил в 1836 г., когда секретарем и фактическим руководителем МОИДР стал М. П. Погодин. В 1837 г. общество получило субсидию и смогло развернуть широкую издательскую деятельность. В 1837—1844 гг. было издано 7 томов (22 книги) «Русского исторического сборника», а с 1846 г. начало выходить наиболее известное издание общества — «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (ЧОИДР), редактировавшееся О. М. Бодянским. Публикация в ЧОИДР записок Дж. Флетчера вызвала в 1848 г. недовольство министра просвещения С. С. Уварова. Издания общества подверглись общей цензуре, а вместо «Чтений» стал выходить «Временник ОИДР» (редактор И. Д. Беляев). В 1857 г. издание ЧОИДР возобновилось и продолжалось до 1918 г. Во второй половине XIX в. ЧОИДР являлись важнейшим периодическим историческим изданием в России. К изданиям МОИДР имеется ряд указателей, наиболее совершенным из которых является указатель С. А. Белокурова, доведенный до 1915 г. (ЧОИДР, 1916, кн. 2).

В 1854 г. Н. Г. Чернышевский писал, что «многочисленные издания имп. Московского общества истории и древностей российских приобрели ему право на глубокую благодарность всех, занимающихся родною историею»¹⁰. Роль МОИДР в развитии русской археографии обстоятельно показана в учебном пособии И. И. Корневой, Е. М. Тальман и Д. М. Эпштейн «История археографии в дореволюционной России» (М., 1969). Наряду с публикациями ценнейших источников на страницах ЧОИДР увидели свет и многие крупные научные монографии — такие, как «История русской церкви» Е. Е. Голубинского, «История экономического быта древнего Новгорода» А. И. Никитского, «Областная реформа Петра Великого» М. М. Богословского, работа С. А. Белокурова о Ю. Крижаниче и др. Большой интерес научной общественности вызывали и заседания МОИДР,

¹⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, стр. 318.

особенно с тех пор, как в 1893 г. председателем общества стал В. О. Ключевский, стремившийся повысить научный уровень заседаний. МОИДР собрало ценную коллекцию древних рукописей¹¹.

Продуствовало МОИДР до 1929 г. Архивный фонд общества находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ф. 203).

В первой половине XIX в. примеру Московского университета последовал только Дерптский, при котором в 1838 г. образовалось историко-филологическое *Ученое Эстонское общество*, основанное эстонским просветителем-демократом Ф. Р. Фельманом. Устав общества провозглашал его основной задачей «изучение прошлого и настоящего эстонского народа, его языка и литературы и населяемой им территории»¹². С помощью этого общества Ф. Р. Крейцвальдом был издан народный эпос «Калевипоэг». Однако работа общества (как и всего Дерптского университета) велась на немецком языке, на этом же языке издавались труды и протоколы общества и оно не имело тесных связей с русскими учеными.

Ученое Эстонское общество существовало до 1950 г. Его архивный фонд находится в Центральном государственном историческом архиве ЭССР (ф. 2569).

Во второй половине XIX в. НИО появились при всех российских университетах, кроме Томского, не имевшего историко-филологического факультета. Первыми проявили активность киевские историки. Еще в 1841 г. ректор университета св. Владимира М. А. Максимович составил проект устава Киевского общества истории и древностей словенно-русских, но проект был отклонен правительством, которое предпочло создать в Киеве Временную комиссию для разбора древних актов. Лишь в конце 1872 г. был утвержден устав *Исторического общества Нестора-летописца*, в 1874 г. присоединившегося к университету.

Круг интересов Общества Нестора-летописца был сравнительно широк и разнообразен (включая вопросы всеобщей истории). Однако центральное место занимали здесь проблемы истории Киевской Руси и Правобережной Украины. Активными деятелями общества были В. Б. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. С. Иконников, И. В. Луцицкий и др. Работа общества долгое время тормозилась отсутствием средств. По этой причине за 15 лет удалось издать лишь две книги «Чтений» (в 1879 и 1888 гг.). Многие доклады остались неопубликованными. В 1889 г. общество получило субсидию и приступило к регулярному выпуску «Чтений». Всего до 1914 г. было издано 24 книги. В работах ряда членов общества сказывалось влияние буржуазного национализма.

Архивные материалы Общества имеются в фонде Киевского университета в ЦГИА УССР (ф. 708). Общество Нестора-летописца имело свое рукописное собрание¹³ (ныне — в ЦГИА УССР, ф. 222). Общество работало до 1917 г.

Для двух других университетских обществ, возникших в 70-х годах, характерна ярко выраженная региональность проблематики. *Историко-филологическое общество при Харьковском университете* (1877) львиную долю своих усилий уделяло истории Левобережной Украины. Наиболее заметным трудом в этом плане была публикация Д. И. Багалея «Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства». Сюжеты из русской и всеобщей истории также находили ме-

¹¹ Е. И. Голубцова, Е. Н. Ошанина. Коллекция Общества истории и древностей российских. — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 13. М., 1952, стр. 3—29.

¹² Э. Лаугасте. Связи Ф. Р. Фельмана и Ф. Р. Крейцвальда с Тартуским университетом. — «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 35. Тарту, 1954, стр. 126—127.

¹³ С. И. Маслов. Описание рукописей Исторического общества Нестора-летописца. Киев, 1908.

сто в работе общества. Среди членов общества мы находим Н. Я. Аристова, Д. И. Багалея, В. П. Бузескула, И. И. Дитятина, М. С. Дринова, М. В. Довнар-Запольского, А. Я. и П. С. Ефименко, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. А. Потембу, Н. Ф. Сумцова, Д. И. Эварницкого и др. С 1886 г. общество издавало свой «Сборник» (до 1914 г. вышел 21 том), а в 1911—1914 гг. — «Вестник» (5 выпусков). В 1955 г. опубликован «Систематический указатель к периодическим изданиям Историко-филологического общества при Харьковском университете».

В ведении общества находился Харьковский исторический архив. В 1905 г. был открыт этнографический музей. Общество работало до 1919 г. Его архивный фонд находится в ЦГИА СССР (ф. 746).

IV археологический съезд, состоявшийся в 1877 г. в Казани, послужил толчком к созданию *Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете* (1878 г.). Устав объявлял задачей общества изучение «прошедшего и настоящего русского и инородческого населения в территории бывших царств Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского, а также Сибири и Средней Азии». Основных успехов общество добилось в области этнографии народов Поволжья, Урала и Сибири. К этой работе широко привлекалась местная (в том числе национальная) интеллигенция. По линии археологии главное внимание уделялось изучению и охране болгарских памятников. Собственно исторические исследования занимали в обществе незначительное место (в частности, изучались материалы частных архивов).

При Казанском обществе имелись археологический музей, нумизматический кабинет, отдел манускриптов, ценное собрание географических карт. В 1878—1916 гг. вышло 29 томов «Известий» общества, тома 30—34 вышли уже в 1919—1929 гг. К «Известиям» имеются указатели, изданные в 1906 (тт. 1—21) и 1928 (тт. 22—33) гг. Архивные материалы общества находятся в рукописном отделе Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского университета.

Политическая реакция 80-х годов затормозила создание новых НИО. Представленное в 1880 г. ходатайство об учреждении такого общества в Одессе пролежало под сукном восемь лет. Лишь в декабре 1888 г. был утвержден устав *Историко-филологического общества при Новороссийском университете*¹⁴. Одесское общество отличалось от других периферийных обществ своей проблематикой. Региональной историей здесь занимались мало, а основными направлениями исследований стали славяноведение и византиноведение — области, в которых Новороссийский университет располагал крупными научными силами (Ф. И. Успенский, А. И. Кирпичников, Ф. Е. Корш, Ф. И. Леонтович, В. М. Истрин, П. А. Лавров). В 1891 г. в обществе было создано специальное Византийское отделение, преобразованное в 1898 г. в Византийско-славянское. Общество издавало свою «Летопись» (за 1890—1916 гг. вышло 25 томов).

С большим опозданием обзавелись своим обществом историки Петербургского университета. Долгое время они сотрудничали в различных петербургских и иногородних обществах, пока в 1889 г. не появилось *Историческое общество при Петербургском университете* во главе с Н. И. Кареевым (председатель) и А. С. Лаппо-Данилевским (секретарь). Подробный обзор деятельности этого общества дан в статье Н. Н. Кононовой «Историческое общество при Петербургском университете»¹⁵. Поэтому мы остановимся лишь на том месте, которое занимало это общество в общей системе русских НИО.

¹⁴ «Історія Одеського університету за 100 років». Київ, 1968, стр. 404—408.

¹⁵ «Очерки по истории Ленинградского университета», II. Л., 1968, стр. 138—151; см. также: А. Г. Слонимский. Возникновение исторического общества при Петербургском университете. — «Ученые записки исторического факультета Таджикского государственного университета», вып. 1. Душанбе, 1974.

По своей программе и идейной направленности Петербургское общество заметно отличалось от своих предшественников, отражая начало нового этапа в развитии русской буржуазной исторической науки. При ознакомлении с уставом общества обращают на себя внимание две вновь поставленные задачи: «разработка теоретических вопросов исторической науки» и «обсуждение вопросов, имеющих соприкосновение с преподаванием истории в учебных заведениях». На первом же заседании нового общества были заслушаны и вызвали оживленные прения программные доклады Н. И. Кареева «О разработке теоретических вопросов исторической науки» и Я. Г. Гуревича «История как наука и как предмет преподавания».

Подобная проблематика в то время справедливо рассматривалась как новаторская. Однако беда общества заключалась в том, что разработку теоретических вопросов истории оно вело преимущественно с позиций позитивизма, а это, естественно, не могло привести к успеху. В конце концов обсуждение теоретических проблем (как и педагогических) прекратилось «за отсутствием желающих». При обсуждении некоторых конкретно-исторических сюжетов в обществе происходили дискуссии между народниками и легальными марксистами, что также было необычным и ставило Петербургское общество в положение самого либерального НИО.

Правительственные репрессии, следовавшие за студенческими волнениями 1899 г., нанесли Петербургскому Историческому обществу тяжелейший удар и поставили его на край развала. С 1903 г. вся работа общества проходила в секциях (русской истории и всеобщей истории), обсуждавших преимущественно узкоспециальные вопросы. Из-за нехватки средств издававшееся обществом «Историческое обозрение» оказалось не журналом, а неперiodическим сборником. В 1890—1916 гг. вышел 21 том. Общество работало до 1917 г. Фонд его находится в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ) (ф. 219).

Под влиянием Исторического общества при Петербургском университете появились педагогические отделы в ряде НИО (Харьковском, Одесском и др.). С этим же влиянием связан и почти беспрецедентный факт создания второго НИО при Московском университете. Устав *Исторического общества при Московском университете* был утвержден 27 сентября 1893 г., но первое его заседание состоялось только 23 января 1895 г. Выступая на этом заседании, основатель общества В. И. Герье разъяснил, зачем историкам Московского университета нужно, помимо МОИДР, еще и Историческое общество. По словам Герье, новое общество предполагало изучать те проблемы, которыми МОИДР не занималось, — теоретические вопросы истории, вопросы всеобщей истории и исторической педагогики¹⁶. Переключившись с Петербургским обществом здесь очевидна.

Список членов нового общества насчитывал очень большое число — 250, но реальные результаты оказались незначительными. В 1896 и 1898 гг. были выпущены 2 тома «Изданий Исторического общества при Московском университете», содержавшие преимущественно рефераты по частным вопросам историографии всеобщей истории. Затем общество впало в летаргию, продолжавшуюся почти 20 лет, и вновь заработало лишь в январе 1916 г. В 1916—1917 гг. обществом издавался журнал «Исторические известия».

Второе НИО появилось и при Юрьевском (б. Дерптском) университете. Проведенная в конце XIX в. русификация этого университета способствовала возникновению параллельно с Ученым Эстонским обществом и русского гуманитарного общества. В 1897 г. образовалось *Учено-литературное общество при Юрьевском университете*, объединявшее исто-

¹⁶ В. Герье. Новое общество истории при Московском университете. — «Вестник Европы», 1895, № 4, стр. 433—446.

риков, филологов и юристов. Состав общества был небольшим, связи с эстонской и латышской общественностью налажены не были. За 1898—1916 гг. вышли в свет 22 тома «Сборника» общества. Историческая тематика здесь представлена в первую очередь работами по славяноведению.

Наконец, в 1900 г. было создано *Общество истории, филологии и права при Варшавском университете*. Наряду с обычными функциями НИО устав возлагал на него и обязанности, которые в других местах выполняли губернские ученые архивные комиссии, — отбор ценных документов из материалов, выделенных учреждениями к уничтожению. В 1902—1914 гг. вышли 7 выпусков «Записок» Варшавского общества. Работ исторического содержания здесь мало, и большого интереса они не представляют.

Наряду с университетами общеисторические НИО существовали еще при двух высших учебных заведениях. В 1894 г. возникло *Историко-филологическое общество при Институте кн. Безбородко* в Нежине. Научные и материальные возможности этого общества были очень невелики. В вышедших в 1896—1911 гг. 7 томах «Сборника» наибольший интерес представляли публикации фольклорных материалов. Нежинская городская дума передала обществу архив бывшего греческого магистрата. Общество работало до 1919 г. Его архивный фонд хранится в Государственном архиве Черниговской области (ф. 347).

В 1913 г. начало свою деятельность *Общество этнографии, истории и языковедения при Тифлиских высших женских курсах*. В обществе заслушивались доклады как по истории Кавказа, так и по русской истории. Материалы общества печатались в «Известиях» курсов.

Специализированные НИО, как правило, не были официально связаны с учебными заведениями. В составе этих обществ был велик удельный вес различных любителей, оказывавших активное влияние на их деятельность. Во многих специализированных обществах явно проявлялась реакционная политическая тенденция. Сказанное относится прежде всего к обществам археографическим, генеалогическим и военно-историческим.

Археография занимала видное место в жизни большинства НИО, но для некоторых обществ она стала основным, почти единственным занятием. Первым специализированным археографическим обществом стало *Русское историческое общество* (РИО), основанное в 1866 г. по инициативе крупного сановника А. А. Половцова. Среди 12 членов — основателей РИО — 9 были чиновниками и лишь 3 историками. Только после 1905 г. число историков и чиновников в обществе сравнялось. По своему внутреннему устройству РИО больше походило на правительственную комиссию, чем на общественную организацию.

Устав РИО объявлял его задачами собирание, обработку и распространение документов и материалов по русской истории. Учредители общества подчеркивали, что их цель — защищать самодержавие, публикуя документы об его «исторических заслугах». Основное внимание РИО отдавало эпохе XVIII—XIX вв., почти не разрабатывавшейся дворянской историографией до того времени.

Основным проявлением деятельности РИО стало издание «Сборника РИО» (за 1866—1918 гг. вышло 148 томов). На его страницах увидело свет огромное количество ценнейших, ранее недоступных исследователям источников, но политическая задача РИО осталась невыполненной. Несмотря на тщательный подбор публикуемых документов, содержащиеся в них факты часто свидетельствовали против самодержавия.

Публикаторская деятельность РИО проанализирована в работах Д. М. Эпштейн, к которым мы и отсылаем читателя¹⁷. Наряду с изда-

¹⁷ Д. М. Эпштейн. Археографическая деятельность Русского исторического общества в 60—80 годах XIX в. (Автореферат канд. дисс.). М., 1951; И. И. Корнева,

нием документов общество осуществило некоторые другие начинания. Широкую известность приобрел издававшийся РИО «Русский биографический словарь» (РБС). Впервые вопрос об его издании был поднят в 1875 г., практическая работа началась в 1880 г., а I том вышел только в 1896 г. До 1918 г. появилось 25 томов, издание осталось незаконченным.

В 1911 г. на РИО была возложена разработка вопроса о положении архивного дела в России. В 1912 г. при обществе появилась Особая комиссия для обсуждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов. В своей работе Особая комиссия опиралась преимущественно на губернские ученые архивные комиссии (ГУАК). В 1914 г. РИО организовало первый съезд их представителей¹⁸. На заседаниях Особой комиссии и съезда выявилась тяжелая картина состояния русских архивов, но предлагавшиеся меры не шли дальше отдельных улучшений. После Февральской революции Особая комиссия была закрыта, а ее материалы переданы вновь образовавшемуся Союзу Российских архивных деятелей¹⁹.

Тесная связь РИО с верхушкой государственного аппарата отрицательно сказалась на судьбе общества. Вскоре после Октября оно фактически развалилось. 4 сентября 1920 г. общему собранию Российской Академии наук было доложено заявление членов РИО о закрытии общества и передаче всего его имущества Академии²⁰. Архивный фонд РИО находится в ЦГИА СССР (ф. 746), часть материалов — в архиве ЛОИИ (ф. 113).

Если РИО сосредоточило основные усилия на русской истории XVIII — XIX вв., то более ранними периодами занялось близкое ему по духу *Общество любителей древней письменности* (ОЛДП), основанное в 1877 г. Основатели общества (среди них четыре графа Шереметевых, граф С. Г. Строганов, граф А. В. Бобринский, фельдмаршал кн. Барятинский, митрополит Макарий и др.) заявляли, что они вдохновлялись идеями славянофилов и стремились почерпнуть в истории допетровской Руси доказательства русской самобытности для борьбы с «вредными учениями» 1870-х годов.

Устав ОЛДП возлагал на него задачу «издавать памятники лицевой и нелицевой древнерусской и славянской письменности как духовного, так и светского содержания..., а также исследования и описания рукописей». Труды общества выходили в двух сериях. «Издания ОЛДП» представляли собой точные воспроизведения соответствующих рукописей или публикации текстов. В «Памятниках древней письменности» печатались преимущественно сообщения, сделанные на заседаниях общества (в 1878—1925 гг. вышло 190 выпусков «Памятников»).

ОЛДП издало ряд ценных памятников древней письменности — «Изборник Святослава», «Хронограф Георгия Амартола», «Кенигсбергскую летопись», «Книгу Козьмы Индикоплова» и др. Были опубликованы и такие исследования, как «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» Н. П. Лихачева, «Источники русской агиографии» Н. П. Барсукова, «Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских» В. В. Стасова. В изданиях общества принимали участие Ф. И. Буслаев, А. Ф. Бычков, В. О. Ключевский, Л. Н. Майков, А. Н. Пыпин, С. Ф. Платонов, М. Н. Сперанский, И. В. Ягич и др.

ОЛДП располагало обширным собранием древних рукописей²¹ (ныне — в ГПБ). Имело общество и богатый музей, помещавшийся в доме графа

Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн. Указ. соч., стр. 193—197; см. также: «Императорское русское историческое общество. 1866—1916». Пг., 1916.

¹⁸ С. Назин. Из истории архивного дела в дореволюционной России. — «Архивное дело», 1936, № 39, стр. 26—37.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 746, оп. 1, ед. хр. 231, л. 135 (Документ сообщен Е. А. Васильевой).

²⁰ Там же, ед. хр. 206, л. 5 (Документ сообщен Е. А. Васильевой).

²¹ Х. Лопарев. Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности, ч. 1—3. СПб., 1892—1899.

С. Д. Шереметева. После революции ОЛДП некоторое время работало под названием Общество древней письменности и искусства ²².

К числу археографических обществ можно условно отнести и *Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III* (ОРРИП), созданное в 1895 г. по инициативе реакционных кругов, близких к РИО и ОЛДП ²³. ОРРИП делилось на три отделения: Историческое (цель — изучение истории царствования Александра III), Исполнительное (занимавшееся созданием библиотек, укомплектованных книгами религиозно-монархического содержания) и Издательское. Сколько-нибудь эффективной оказалась деятельность только Издательского отделения. Основным плодом работы ОРРИП стал сборник «Старина и новизна» (за 1897—1917 гг. вышло 22 книги). Влиятельное положение членов общества позволяло им вводить в научный оборот труднодоступные материалы из архивов Зимнего дворца, Сената, МИД и др. Широко разрабатывались семейные архивы членов общества. Тематика публикаций не была ограничена хронологическими рамками. В то же время для «Старины и новизны» характерны явная тенденциозность в освещении исторических событий и комплектовании источников. В 1900—1904 гг. ОРРИП издавало также свои «Известия». Общество существовало до 1918 г., его фонд находится в ЦГИА СССР (ф. 747).

Общество ревнителей истории было основано в 1911 г. и состояло преимущественно из любителей. В 1914—1916 гг. вышли 3 выпуска «Вестника» этого общества, где были опубликованы некоторые интересные материалы, в основном по русской истории XIX в.

Особое внимание «любителей истории» привлекала история дворянства. Отсюда вытекало повышение интереса к генеалогии и появление соответствующих организаций.

В 1895 г. видные дипломаты и знатоки генеалогии А. Б. Лобанов-Ростовский и К. А. Губастов приступили к созданию *Русского генеалогического общества*. Устав общества был утвержден в 1897 г., а заседания начались в 1898 г. Среди членов общества ученых было мало. Наиболее крупной и активной фигурой являлся Н. П. Лихачев.

Русское генеалогическое общество наметило широкую программу изучения «политической, бытовой и родословной истории дворянства». Наряду с собственно генеалогией предполагалось разрабатывать вопросы геральдики, сфрагистики, дипломатики и пр. Однако практическая деятельность общества протекала вяло. В 1900—1911 гг. вышли 4 тома «Известий» общества, заполненных преимущественно материалами по генеалогическому источниковедению. Общество было озабочено плохим состоянием дворянских архивов и обратилось к предводителям дворянства с извещением, что оно принимает на хранение исторические документы. В результате были собраны некоторые материалы. Общество существовало до 1922 г. Документы его хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) (ф. 1293) и в составе фонда Ю. В. Татищева (ф. 131) в архиве ЛОИИ.

Московские любители генеалогии объединились в 1904 г. в *Историко-родословное общество*, главным деятелем которого был Л. М. Савелов. Общество было тесно связано с черносотенными кругами Москвы, в его состав принимались только потомственные дворяне. В 1905—1915 гг. общество издавало свою «Летопись». В 1912 г. Е. Ф. Соллогуб был выпущен указателем к «Летописи» за 1905—1909 гг. Обществом были собраны некоторые фамильные архивы.

Характеризуя деятельность генеалогических обществ, член-корреспондент АН СССР В. Л. Янин писал: «Прикладной характер исследова-

²² «Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 гг.». Л., 1925.

²³ Автор выражает благодарность Э. В. Колосовой за сведения об ОРРИП.

ний был присущ обоим центрам русской генеалогии, он был декларирован и в их уставах. Однако в то время как деятельность Историко-родословного общества целиком была посвящена разработке позднейших дворянских родословий XVIII—XIX вв., Русское генеалогическое общество понимало свою задачу шире, обратившись к изучению родословной истории служилого класса допетровской Руси»²⁴.

Предложение о создании в России военно-исторического общества впервые выдвигалось еще в 50-х годах, но одобрения начальства не получило. Безуспешной оказалась и попытка, предпринятая уже в 90-х годах Н. Ф. Дубровиным, Д. Ф. Масловским и Н. К. Шильдером. Правительство не желало открытого обсуждения проблем военной истории²⁵. Положение изменилось только после первой русской революции.

27 августа 1907 г. был утвержден устав *Русского военно-исторического общества* (РВИО). Это общество занимает едва ли не первое место по количеству работ, посвященных его истории в советской исторической литературе²⁶. РВИО выделялось среди других НИО своими размерами: в 1913 г. оно насчитывало 890 действительных членов. Основную работу в обществе вели профессиональные военные историки—преподаватели Военной академии, сотрудники военно-исторического отделения Главного управления Генштаба, военных музеев и архивов. РВИО имело 12 местных отделов. В составе общества были образованы разряды: истории войн, полковых и корабельных историй, военной археологии и археографии.

В 1910—1914 гг. выходил «Журнал РВИО». Кроме того, издавались «Труды РВИО» (за 1909—1912 гг. вышло 7 томов), «Труды Московского, Орловского, Варшавского отделов РВИО. Киевский отдел издавал «Военно-исторический вестник» (1909—1914). В 1911—1914 гг. вышли 3 тома «Записок» разряда военной археологии и археографии (археографический материал здесь представлен недостаточно). Документальные публикации РВИО были посвящены преимущественно Северной войне и Отечественной войне 1812 г.

Положительной чертой РВИО было то, что оно почти целиком посвятило себя разработке военной истории России, изученной тогда еще недостаточно. Деятельность общества явилась крупным вкладом в развитие русской военной историографии. Вместе с тем на судьбе РВИО отрицательно сказались общие пороки тогдашней военно-исторической науки, а также тесная связь с Военным министерством. Значительная часть усилий общества уходила на издание всякого рода популярных брошюр в монархическом духе.

Начало первой мировой войны, когда большинство членов общества ушло на фронт, привело к фактическому свертыванию деятельности РВИО, хотя формально оно существовало до Великой Октябрьской социалистической революции. Архивный фонд РВИО находится в архиве Артиллерийского исторического музея (АИМ) в Ленинграде (ф. 95).

Одним из важнейших мероприятий РВИО явилось участие в организации юбилей Отечественной войны 1812 г. Этот юбилей способствовал возникновению некоторых узкоспециализированных обществ, занятых изучением событий 1812 г. В феврале 1913 г. образовалось *Общество потомков участников Отечественной войны*, ставившее своей целью проведение исследований и публикацию источников о войне, а также «укреп-

²⁴ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III. М., 1963, стр. 634.

²⁵ Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 310—311.

²⁶ Г. С. Габаев. Русское военно-историческое общество.— «Военно-исторический журнал», 1940, № 4; А. Н. Кочетков. Русское военно-историческое общество.— «Военно-исторический журнал», 1965, № 9; В. А. Дьяков. О возникновении, составе и деятельности Русского военно-исторического общества.— «Проблемы истории общественного движения и историографии». М., 1971, стр. 275—288; Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 312—314; И. И. Корнева, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн. Указ. соч., стр. 223—224.

ление в русском обществе религиозно-патриотических начал». В общество принимались потомки не всех участников Отечественной войны, а только офицеров. По своему составу общество приближалось к «великосветским». Едва ли не единственным профессиональным историком в нем был его председатель Л. М. Савелов. В 1914 г. общество издало I выпуск своего «Сборника», содержащий некоторые материалы из личных архивов членов.

Общество потомков участников Отечественной войны передавало 20% своего дохода *Бородинскому обществу*, возникшему почти одновременно (в марте 1913 г.). Это общество специализировалось на изучении Бородинского сражения и охране его памятников²⁷. Бородинское общество не успело осуществить свои планы.

При Московском отделе РВИО с 1909 г. действовал *Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г.*²⁸

К военно-историческим обществам примыкало *Терское общество любителей казачьей старины*, созданное во Владикавказе в 1909 г. В 1911 г. Терское общество выпускало «Труды», в 1912 г. — «Сборник», а в 1914 г. — «Записки».

Самую большую группу специализированных НИО составляли археологические общества²⁹. Надо иметь в виду, что до революции археологические общества не принято было относить к историческим. В этом проявлялся существовавший тогда разрыв между историей и археологией. По словам А. В. Арциховского, «буржуазные археологи не были и не считали себя историками. Значительное большинство буржуазных историков в свою очередь содействовало этому противоестественному расколу науки, полностью или почти полностью игнорируя археологические материалы»³⁰. Не случайно некоторые НИО назывались обществами «истории и археологии». Тем не менее между собственно историческими и археологическими обществами не существовало китайской стены — исторические порой занимались археологическими сюжетами и наоборот.

Родоначальником археологических обществ в России можно считать *Одесское общество истории и древностей* (ООИД), созданное в 1839 г.³¹ Задумано это общество было как общеисторическое, но практически ведущим направлением в его деятельности стала археология. ООИД проводило довольно много раскопок в районах Причерноморья. Одним из первых в России ООИД занялось учетом и охраной исторических памятников. Обществом были созданы три музея. Много внимания уделялось публикации описаний памятников. В 1844—1919 гг. вышло 33 тома «Записок» ООИД. Существовало ООИД до 1922 г. Его преемником объявило себя Одесское археологическое общество, созданное в 1959 г. Архивный фонд ООИД находится в Государственном архиве Одесской области (ф. 93), рукописное собрание — в Отделе рукописей ГПБ АН УССР³².

В 1846 г. в Петербурге появилось *Археолого-нумизматическое общество*, основанное 22 учеными и любителями, среди которых были А. С. Уваров, А. А. Куник, Х. Д. Френ, Б. В. Кене и др. Первые годы существования общества характеризовались засильем в нем иностранцев. Доклады делались и труды издавались по-немецки и по-французски. К тому же члены-иностранцы интересовались не русской, а классической археоло-

²⁷ Устав Бородинского общества опубликован в «Сборнике Общества потомков участников Отечественной войны», вып. I. М., 1914, стр. 45—52.

²⁸ М. В. Иванов. Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. М., 1915. Архивные материалы кружка см.: ЦГВИА, ф. 474, оп. 1, д. 1311—1323.

²⁹ С. А. Жебелев. Введение в археологию, ч. 1. Пг., 1923, стр. 122—129; Л. А. Ельницкий. Археологические общества в России и СССР. — СИЭ, т. I, стб. 839—840.

³⁰ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III, стр. 586.

³¹ М. С. Силицын. Развитие археологии в Одессе. — «Записки Одесского археологического общества», т. I (34). Одесса, 1960, стр. 9—10.

³² «Збірник оглядів фондів відділу рукописів». Київ, 1962, стр. 49—61.

гией и особенно нумизматикой. В 1851 г. русские члены добились реорганизации общества, и оно разделилось на три отделения: 1) русской и славянской археологии; 2) восточной археологии; 3) древней и западной археологии. В 1866 г. Археолого-нумизматическое общество было преобразовано в *Русское археологическое общество* (РАО), в составе которого в 1904 г. было создано нумизматическое отделение.

РАО располагало крупнейшими научными силами, но руководящие посты в обществе занимали сановники, придававшие ему казенный дух. Во второй половине XIX в. РАО работало вяло, многие проекты оставались на бумаге. Наибольшую активность проявляло Восточное отделение, ставшее под руководством В. Р. Розена ведущим центром русского востоковедения в целом. Деятельность общества заметно оживилась в начале XX в., когда был организован ряд крупных археологических экспедиций.

В 1847—1858 гг. РАО издавало «Записки» (14 томов), в 1859—1884 гг. — «Известия» (10 томов), в 1886—1901 гг. — «Записки. Новая серия» (12 томов). В 1887—1921 гг. выходили «Записки Восточного отделения» (25 томов). В 1855—1898 гг. это же отделение издавало «Труды» (22 тома). В 1851—1887 гг. и 1903—1918 гг. выходили «Записки Русского отделения» (12 томов), в 1904—1917 гг. — «Записки классического отделения» (9 томов), в 1906—1913 гг. — «Записки нумизматического отделения» (2 тома).

После Великой Октябрьской социалистической революции РАО продолжало свою работу преимущественно силами Восточного и Нумизматического отделений (остальные отделения собирались редко). В 1919 г. общество получило субсидию от Наркомпроса. В 1922 г. был издан отчет о Ванской экспедиции 1916 г. 17 июля 1924 г. Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК) направила во ВЦИК письмо с сообщением о ликвидации РАО. Музейные собрания общества поступили в Эрмитаж, архив и библиотека — в РАИМК³³. В настоящее время фонд РАО хранится в архиве Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) (ф. 30), рукописная коллекция в архиве ЛОИИ (колл. 13).

Гораздо более активным и популярным, чем РАО, стало *Московское археологическое общество* (МАО), созданное в 1864 г. по инициативе А. С. Уварова. Наряду с такими историками, как М. П. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров и многие другие, в МАО входили крупные филологи, географы, естествоиспытатели. Как и в других археологических обществах, видное место здесь занимали искусствоведы и архитекторы. С середины 80-х годов руководящую роль в обществе играл Д. Н. Анучин, который был не только большим ученым, но и замечательным организатором, весьма популярным среди передовой интеллигенции. Одним из первых мероприятий МАО была организация I Археологического съезда, состоявшегося в 1869 г. Последующие съезды также проводились при руководящем участии МАО. Роль МАО в проведении археологических съездов поставила его в положение одного из ведущих НИО страны. Оно, в частности, издавало труды многих съездов.

В отличие от РАО научные интересы МАО были связаны почти исключительно с археологией России, которая изучалась здесь в широких территориальных и хронологических рамках. Наряду с организацией собственных раскопок МАО регулярно заслушивало сообщения о раскопках, проведенных другими организациями и лицами. В результате через общество прошла значительная часть археологических открытий второй половины XIX в. Большое значение придавало МАО разработке инструкций и правил, направленных против кустарничества в раскопках. В 1890 г. при обществе была создана Комиссия по сохранению древних памятников. Тесную связь поддерживало МАО с Историческим музеем.

³³ Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, д. 75, лл. 5—7 (Документ сообщен Л. М. Литвиновой).

С самого начала своего существования МАО не ограничивалось чисто археологической проблематикой и интересовалось также некоторыми вопросами истории и этнографии, памятниками письменности и языка. Эта тенденция усилилась к концу XIX в., что нашло свое отражение в появлении при обществе нескольких комиссий, игравших во многом роль самостоятельных научных центров.

В 1887 г. была образована Восточная комиссия³⁴. Основателем и главным деятелем ее был М. В. Никольский, до этого долго и безуспешно боровшийся за создание самостоятельного востоковедческого общества в Москве.

В работе комиссии, объединившей всех московских востоковедов, чувствовался филологический уклон. Важнейшим ее достижением явилась публикация М. В. Никольского «Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н. П. Лихачева».

Историко-филологической по интересам была и Славянская комиссия, созданная в 1892 г. Археологическая проблематика здесь практически отсутствовала. Н. К. Гудзий отмечал, что Славянская комиссия «вела энергичную и успешную работу по изучению древнерусских и древнеславянских литератур и языков»³⁵.

В 1896 г. по предложению 23 членов МАО возникла Археографическая комиссия, поставившая своей задачей разработку широкого круга проблем архивоведения, археографии, палеографии, дипломатики, геральдики, сфрагистики, истории учреждений и др. В трудах Комиссии публиковались преимущественно статьи о состоянии различных русских архивов.

В 1909 г. возникла Комиссия по изучению старой Москвы, а в 1901 г. — Кавказское отделение МАО в Тифлисе, что явилось результатом многолетней деятельности общества в области кавказской археологии. МАО регулярно выпускало свои труды под названием «Древности» (за 1865—1916 гг. вышло 25 томов). Отдельными сериями выходили труды комиссий: «Древности восточные» (за 1889—1915 гг.—5 томов), «Древности. Труды Славянской комиссии» (за 1895—1911 гг.—5 томов), «Древности. Труды Археографической комиссии» (за 1898—1913 гг.—3 тома), «Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников» (за 1907—1915 гг.—6 томов), сборник «Старая Москва» (за 1912—1914 гг.—3 выпуска), «Известия Кавказского отделения» (за 1904—1921 гг.—6 выпусков). В 1888—1916 гг. издано 12 томов «Материалов по археологии Кавказа». В 1867 г. МАО выпускало «Археологический вестник», а в 1893—1899 гг. — «Археологические известия и заметки». В 1915 г. вышел составленный В. К. Трутовским «Список изданий имп. Московского археологического общества за 50 лет его деятельности с указанием их содержания». МАО существовало до 1923 г. Его архивные материалы находятся в Центральном государственном архиве (ЦГА) Москвы (ф. 454) и Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) (ф. 104). Материалы Комиссии по изучению старой Москвы находятся в фонде Московского областного бюро краеведения (ОР ГБЛ, ф. 177)³⁶.

Одновременно с МАО — в том же 1864 г. — в Москве появилась другая археологическая организация — *Общество древнерусского искусства при Московском публичном музее*. Согласно уставу общество должно было заниматься собиранием и изучением «памятников русской древности и древнерусского церковного и народного искусства». Практически основ-

³⁴ А. П. Базилану. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973, стр. 166—190.

³⁵ Н. К. Гудзий. Изучение русской литературы в Московском университете. М., 1958, стр. 54.

³⁶ С. Б. Филимонов. Материалы о А. С. Пушкине в фонде Московской краеведческой организации. — «Советские архивы», 1974, № 5, стр. 82.

ное внимание уделялось памятникам церковной архитектуры и иконописи, а также духовной музыки. В 1866 и 1873 гг. вышли 2 выпуска «Сборника» общества, а в 1874—1876 гг. издавался «Вестник Общества древнерусского искусства» — журнал общепалеонтологического содержания. Деятельность общества протекала крайне вяло, оно явно не выдерживало соревнования с МОИДР и МАО. В конце концов в 1877 г. общество решило присоединиться к МОИДР³⁷. Его архивный фонд хранится в ОР ГБЛ (ф. 202).

Новая попытка создать второе археологическое общество в Москве была предпринята в 1912 г., когда появилось *Московское общество по исследованию памятников древности им. А. И. Успенского при Московском археологическом институте*. Целью общества было «исследование древностей по преимуществу г. Москвы и Московской губернии». Наибольшую активность развила комиссия по исследованию подземных сооружений во главе с И. Я. Стеллецким. Имелись в обществе также архивная комиссия и подкомиссия для исследования старинных колоколов. Издательской работы общество не вело³⁸.

В провинции археологические общества возникали, естественно, в тех местах, где имелось значительное количество археологических памятников. Следующее после Одессы местное общество появилось в Тифлисе. В 1873 г. по инициативе известного кавказоведа А. П. Берже было создано *Общество любителей кавказской археологии*. Наиболее активным его деятелем являлся Д. З. Бакрадзе — первый представитель грузинской буржуазной историографии. При обществе имелся музей. В 1875 г. оно выпустило I том «Записок», а в 1877 г. — I выпуск «Известий». После V Археологического съезда, состоявшегося в Тифлисе в 1881 г., общество было преобразовано в *Кавказское общество истории и археологии*. В 1882—1884 гг. вышли 2 выпуска «Известий» этого общества, но затем его деятельность заглохла, что объяснялось недостатком научных сил. Впоследствии оставшиеся члены общества вошли в состав Кавказского отделения МАО.

В 1878 г. А. С. Уваров, производивший раскопки в Пскове, предложил создать здесь общество на базе археологической комиссии при губернском статистическом комитете, существовавшей с 1872 г. В результате в 1880 г. появилось *Псковское археологическое общество*. В 1881 г. оно организовало празднование 300-летия обороны Пскова от войск Стефана Батория. В 1896 г. им была издана Псковская судная грамота. В 1902—1916 гг. вышли 12 выпусков «Трудов» общества. В ведении общества находился музей, помещавшийся в Поганкиных палатах. Общество существовало до 1918 г. Его архив, хранившийся в музее, погиб в годы Великой Отечественной войны³⁹.

Открывшееся в 1894 г. *Новгородское общество любителей древности* деятельности почти не проявляло и в 1904 г. закрылось. В 1908 г. появилось новое общество под тем же названием, приступившее к изданию своего «Сборника». После революции это общество, не меняя названия, превратилось в обычную краеведческую организацию, свидетельством чему явился 9 выпуск «Сборника», изданный в 1928 г.

В 1903 г. возникло небольшое *Общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края*, организовавшее несколько раскопок с участием А. А. Спицына и других приезжих археологов. При обществе имелся археологический музей. Общество существовало до 1918 г. Его преемником стало *Общество изучения Чердынского края*.

Вхождение в состав России Средней Азии стимулировало интерес

³⁷ ЧОИДР, 1878, № 1, стр. IX—X.

³⁸ «Известия имп. Археологической комиссии», прибавление к вып. 46. СПб., 1912, стр. 16—18.

³⁹ Л. А. Творогов. Сокровищница старой русской книжности. Псков, 1957.

русских исследователей к археологическому изучению этого района. Вслед за столичными научными центрами в эту работу включились и вновь созданные местные общества. Первым и виднейшим из них стал *Туркестанский кружок любителей археологии* (ТКЛА), открытый в 1895 г. Деятельность ТКЛА всесторонне исследована Б. В. Луниным⁴⁰.

Достаточно известен советским историографам и *Закаспийский кружок любителей истории и археологии Востока*, функционировавший в Ашхабаде в 1901—1903 и 1914—1917 гг.⁴¹ В 1907 г. возник *Самаркандский кружок любителей археологии, истории и этнографии*, интересовавшийся прежде всего археологическими памятниками Самарканда и Бухары. Во главе кружка стоял В. Л. Вяткин.

Своеобразную разновидность археологических обществ составляли общества церковно-археологические, порой выходившие за узкоцерковные рамки⁴². Первым из них стало *Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии*, созданное в 1873 г., а в 1901 г. преобразованное в *Церковно-историческое и археологическое общество*. Другие духовные академии этому примеру не последовали. С середины 90-х годов Синод стал широко насаждать церковно-исторические и церковно-археологические органы (комитеты, комиссии, общества) в епархиях⁴³. Соответствующие общества появились в епархиях Волынской (1893), Ставропольской (1894), Тульской (1898), Калужской (1900), Подольской (1903), Бессарабской (1904), Орловской (1905), Казанской (1906), Новгородской (1913), Саратовской (1913), Симбирской (1914). Некоторые из них издавали свои «Труды». Идейное направление церковно-археологических обществ было, конечно, глубоко консервативным.

К археологическим обществам тесно примыкали общества нумизматические и охраны памятников. В 1885 г. в составе МАО возник Московский кружок нумизматов, в 1888 г. превратившийся в самостоятельное *Московское нумизматическое общество*. Центральную роль в нем играл А. В. Орешников, трудами которого, по словам В. Л. Янина, «был определен тот расцвет нумизматики, который нашел отражение в многосторонней деятельности Московского нумизматического общества»⁴⁴. В 1893—1901 гг. общество выпустило 3 тома «Трудов», а в 1911—1915 гг. — 3 тома «Нумизматического сборника».

Московское нумизматическое общество включало в свои ряды не только исследователей, но и коллекционеров монет. Общество имело право проводить оценку монет и коллекций, устраивать продажи и аукционы. Коллекционерские интересы преобладали в деятельности двух нумизматических обществ, появившихся в XX в., — *Общества любителей нумизматических знаний* в Москве (1909) и *Российского общества нумизматов* в Петербурге (1911).

Усиление интереса общественности к историческим и культурным памятникам, охрана которых была поставлена в царской России совершенно неудовлетворительно, способствовало возникновению в начале XX в.

⁴⁰ Б. В. Луни. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917). Ташкент, 1958; *он же*. Библиографический, именной и географический указатель к протоколам и сообщениям ТКЛА. — В кн.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1959, стр. 231—255.

⁴¹ В. А. Литвинский. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. — «Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», вып. 14, 1957, стр. 157—167; Е. К. Бетгер. Указатель к «Протоколам заседаний и сообщениям» членов Закаспийского кружка... — «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 360—372.

⁴² Л. А. Ельницкий. Указ. статья, стб. 840.

⁴³ К. Я. Здравомыслов. Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях... СПб., 1908.

⁴⁴ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III, стр. 629.

группы специализированных обществ⁴⁵. Первым из них стало *Общество охранения древностей* в Варшаве (1907), ставившее своей целью «охранять от порчи и истребления и научно разрабатывать все вообще древности, а в особенности те, которые находятся в пределах Царства Польского»⁴⁶. Общество имело Петроградский отдел.

В 1910 г. появилось *Киевское общество охраны памятников старины и искусства*, включавшее в свой состав виднейших киевских историков. Деятельность общества освещалась на страницах «Военно-исторического вестника». Киевское общество существовало до 1919 г., когда оно уступило место Всеукраинскому комитету по охране памятников искусства и старины (ВУКОПИС). Архивный фонд общества находится в ЦГИА СССР (ф. 725).

Всероссийское значение приобрело *Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины*, созданное в Петербурге в 1909 г. и имевшее филиалы в Туле, Орле, Казани, Вильне, Ярославле, Ростове (Ярославском). Это общество было тесно связано с журналом «Старые годы». В работе его активно участвовали А. Н. Бенуа, И. Э. Грабарь, Н. К. Рерих, А. В. Щусев. Все три общества занимались прежде всего регистрацией памятников и пропагандой их значения, в ряде случаев давали заключения о возможности их сноса и реконструкции. При всем энтузиазме членов обществ реальные их возможности были невелики.

В феврале 1914 г. в Москве образовалось *Общество любителей старины*, считавшее своими задачами «изучение произведений художественной старины и вообще предметов старины, разработку вопросов истории искусства, объединение в совместной деятельности лиц, интересующихся стариной»⁴⁷. Опубликованный устав является, видимо, единственным следом существования этого общества.

Особую группу российских НИО составляли национальные общества. В XIX в. возможность создания таких обществ имели только остзейские немцы, которые широко использовали эту привилегию. Помимо уже упоминавшегося Ученого Эстонского общества, в Прибалтике действовали еще девять исторических и историко-филологических обществ⁴⁸. Эти общества проделали определенную работу по организации археологических раскопок, собиранию и публикации источников, но общее направление их деятельности было антинаучным, шовинистическим, ориентированным на доказательство «исторических прав» немцев-остзейцев на Прибалтику. После первой русской революции возникло несколько грузинских, армянских и других обществ, деятельность которых должна быть рассмотрена специалистами по национальной историографии.

НИО играли в целом положительную роль в развитии русской исторической науки примерно до конца XIX в. На рубеже столетий в деятельности обществ стали проявляться черты упадка. В этом факте нашел свое отражение не только кризис дворянско-буржуазной историографии, но и кризис организации науки царской России. Научные общества — первичная форма объединения ученых — уже не могли обеспечить широкого и планомерного развития исследований, соответствовавшего требованиям жизни. На повестку дня встал вопрос о создании сети научно-исследова-

⁴⁵ А. М. Разгон. Охрана исторических памятников в дореволюционной России. — «Труды НИИ музееведения», вып. 1. М., 1957, стр. 106—110.

⁴⁶ «Устав общества охранения древностей». Варшава, 1907, стр. 1.

⁴⁷ «Устав Общества любителей старины». М., 1914, стр. 1.

⁴⁸ Курляндское общество литературы и искусства (1816), Латышское литературное общество (1824), Общество изучения истории и древностей русских остзейских провинций (1834), Эстляндское литературное общество (1842), Нарвское общество древностей (1863—1868), Общество по изучению Эзеля (1865), Феллинское литературное общество (1881), Общество по изучению древностей в Пярну (1896), Общество хранения Ярвских древностей (1904).

тельских институтов ⁴⁹. Решить эту задачу смогла только Великая Октябрьская социалистическая революция.

После 1917 г. многие старые НИО продолжали свою деятельность. Однако в этот период они оказались в стороне от главной магистрали развития советской исторической науки. Появление новых научных учреждений делало существование обществ в ряде отношений излишним. Политический и научный консерватизм членов обществ приводил к застою в их внутренней жизни. Академик Л. В. Черепнин, посещавший в конце 20-х годов заседания МОИДР, свидетельствует, что, «сыграв за время своего существования большую роль в развитии культуры, оно после Октябрьской революции явно не смогло уловить новые жизненные запросы и представляло собой как бы застывший уголок старой Москвы» ⁵⁰.

К началу 30-х годов старые исторические общества прекратили свое существование. Их рукописные и музейные собрания были переданы государственным научным учреждениям.

⁴⁹ М. С. Бастракова. Организационные тенденции русской науки в начале XX в.— В кн.: «Организация научной деятельности». М., 1968, стр. 150—186.

⁵⁰ «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971, стр. 188—189.

Т. В. Дианова

МЕТОД ДАТИРОВКИ ДОКУМЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ И ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ ФИЛИГРАНЕЙ

Настоящая статья посвящена двум вопросам филологии: методу датировки источников на основе водяных знаков бумаги и принципам публикации водяных знаков в справочниках. Они нуждаются в обсуждении, так как изучение филологии имеет теоретическое и прикладное значение и к ним обращаются с одной стороны специалисты, разрабатывающие эти проблемы, а с другой — исследователи, которым бумага лишь помогает датировать интересующий их источник. В теоретическом и прикладном филологическом основном вопросом остается метод датировки рукописных источников с помощью водяных знаков бумаги. Только ясное представление о хронологических возможностях водяных знаков бумаги позволяет получать достоверные данные и правильно их интерпретировать. Общеизвестно, что дата филологии, даже содержащих в своем рисунке год отлива бумаги, отнюдь не является датой документа или книги. Метод датировки на основе филологии требует обязательно учитывать срок возможной залежности бумаги, т. е. время с момента ее изготовления до времени ее использования. В классических трудах Ш. Брике, К. Я. Тромонина, Н. П. Лихачева и В. Н. Щепкина ставится вопрос о залежности бумаги и решается следующим образом. Брике определяет не среднюю, а максимальную залежность — 15 лет, хотя для большинства рукописей обычного формата залежность, по Брике, будет не выше 5 лет, а средняя — равна 10 годам. Н. П. Лихачев считал десятилетие при датировке предельной точностью и то лишь в том случае, если рукопись заключает несколько водяных знаков. В. Н. Щепкин поддерживал предложенный Тромониным принцип десятилетия для русских рукописей ± 5 лет. Щепкин заключает: «Претендовать практически на точность, большую чем десятилетняя, вообще не следует, ибо как бы ни был ограничен статистический материал, на котором Тромонин и Лихачев первоначально основали этот вывод, дальнейшие наблюдения русских палеографов успели подтвердить его»¹.

С. А. Клепиков, изучив почти 9 тыс. показаний водяных знаков с XIII до XVI в. на материале справочников Ш. Брике и В. А. Мошина, получил следующие данные по залежности бумаги: для XIII—XIV вв. — 4,5 года; для XV—XVI вв. — 6 лет, выводив среднюю для всего этого периода в 5,8 лет, а максимальную залежность в пределах ± 7 лет².

Наблюдения и сопоставления датированных документов с филологиями, в состав рисунка которых входит дата отлива бумаги, позволили С. А. Клепикову установить время залежности бумаги для позднего периода — XVIII—XIX вв. Основой для статистической обработки по-

¹ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 208.

² С. А. Клепиков. Использование филологии в работе с недатированными рукописными и печатными книгами XV—XVI вв. — «Советские архивы», 1968, № 6.

служили материалы из его собственных работ, а также из работ М. В. Кукушкиной, З. В. Участкиной, латвийского ученого Г. А. Енша. Вывод следующий: в большинстве случаев (87,4% — для рукописных и 88,4% — для печатных документов) разрыв между датой отлива и датой использования бумаги составляет 3 года³. Только от 3 до 6% документов приходится на разрыв свыше шести лет, что и определяет залежность бумаги.

Вопросы залежности бумаги для XVII в. в литературе получили меньшее освещение в связи с тем, что для этого времени филиграния с годом отлива в рисунке большая редкость и в опубликованных справочниках единичны. Работа по изучению рукописных и печатных книг XVII в., хранящихся в Отделе рукописей ГИМ, позволила нам выявить новые, дополнительные материалы по интересующему нас вопросу. Всего, по нашим материалам, выявлено 9 различных типов-наименований филиграний, составной частью рисунка которых является год отлива бумаги. На эти 9 типов падает 26 филигранодат. Если учесть, что до начала XVII в. обнаружено всего 109 знаков, то наша цифра — 26 — немала. Нами разработана таблица⁴, из которой видно, что наиболее часто год отлива бумаги встречается на филигрании типа «кувшин». Установлено 13 разновидностей этого знака с датами от 1596 до 1619 г., употреблялись они с 1600 до 1622 г. Лишь два случая показывают залежность свыше 10 лет, что, вероятно, объясняется особыми историческими условиями Смутного времени.

Даты отлива бумаги при остальных восьми различных типах наименований филиграний за весь период XVII в. показывают, что срок залежности не превышает 10 лет, а в среднем составляет 5 лет. Особый интерес представляют те редкие типы филиграний, в которых год отлива «подвижный», т. е. в них на протяжении определенного периода времени изменяется год отлива, а рисунок знака остается неизменным. Хронологические показания этих филиграний наиболее достоверны и ценны. Мы располагаем двумя типами таких филиграний.

Первый тип — гербовый щит с цветком лилии; один вариант дает год отлива 1631; обнаружен этот знак в рукописи, написанной в 1635 г., — таким образом, залежность составила 4 года. Другой вариант этого же типа филиграния дает дату отлива 1635 г.; этот знак обнаружен в книге, напечатанной в 1635—1636 гг. Залежность составила 1 год.

Второй тип, содержащий «подвижную» дату, — монограмма из нескольких букв с надписью над ней; «Hermansdorf». Он имеет три варианта: филигрань с датой «1660» найдена в документе 1666 г.; с датой «1663» также в документе 1666 г.; с датой «1670» — в документе 1676 г. Соответственно залежность определяется шестью, тремя и шестью годами. Таким образом, средняя залежность бумаги в XVII в. не превышает 10 лет.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно с уверенностью сказать, что для всего длительного периода бумажной письменности время средней залежности не превышает десятилетия и основной метод датировки, базирующийся на водяных знаках «черных» дат в справочниках или «белых» дат в рисунках филиграний, должен учитывать эти 10 лет.

В связи с выходом в 1966 г. в Штутгарте монографии немецкого ученого Г. Пиккара⁵, посвященной изучению одного типа филиграния, а именно «головой быка», в некоторых печатных работах и устных высказываниях появилось мнение о том, что метод датировки, предложенный в классических работах, устарел, а материалы Пиккара дают возможность проводить датировку в более узких временных рамках. Несостоятельность этого мнения очевидна и вытекает из того положения, что сам Пиккар, применяя иной, чем было принято до сего времени, принцип публи-

³ С. А. Клепиков. Филигранология на службе архивиста. — «Советские архивы», 1967, № 3, стр. 56.

⁴ См. стр. 60.

⁵ G. Piccard. Die Ochsenkopf — Wasserzeichen. 3 Teilen. Stuttgart, 1966.

кации водяных знаков, подтверждает своим многочисленным материалом метод приближенной датировки до 10 лет. Полемизируя с итальянским специалистом Роберто Ридольфи, работа которого о филигранях инкунабул — «Le filigrane dei paleotipi Saggio metodologie» — вышла во Флоренции в 1958 г., Пиккар считает, что Ридольфи пришел к неверному выводу о возможности бумагой инкунабул датировать исследуемый источник с точностью до года. Пиккар расценивает такую возможность как исключительную и вероятную лишь в Италии⁶. В своей работе он утверждает, что лишь на основе большого количества водяных знаков одного типа с учетом всех обмеров знака возможна датировка с приближением до 10 лет, т. е. основной метод датировки по водяным знакам Брике лишь подтверждается Пиккаром на огромном материале — около 4000 вариантов и разновидностей — в пределах одного типа знака «голова быка».

Новым в работе Пиккара является принцип публикации филиграней. Известно, что математизация охватила различные области гуманитарных наук. В филиграноведении мы имеем дело со сложной системой передачи информации, а любая передача информации неизбежно сопровождается помехами: они возникают при извлечении или считывании водяных знаков филиграноведом из датированных материалов как результат неточного первичного прочтения филигранны или погрешности анализа. Вторично этот путь проходит специалист, изучающий недатированный материал, извлекающий филигранны для датировки по ним исследуемого источника. Чтобы правильно истолковать полученные данные, необходимо и в первом, и во втором случае избавиться от искажений.

В работе Пиккара применительно к типу знака «голова быка» предложено шесть параметров, на основе которых необходимо проводить отождествление найденных филиграней с филигранями справочника:

1 — расстояние между широкими линиями сетчатой формы для изготовления бумаги (понтюзо-вертикали);

1a — положение филигранны в отношении понтюзо;

2 — h — высота знака;

3 — c — расстояние между наиболее широко отстоящими точками знака по горизонтали;

4 — b — в применении к данному знаку расстояние между рогами и ушами;

5 — густота вержеров, т. е. узких горизонтальных линий сетчатой формы для изготовления бумаги⁷.

Если Пиккар данные параметры успешно применяет в отношении одного типа знака, то другие иностранные ученые предлагают принцип публикации и отождествления на основе измерений сделать универсальным для всех типов филиграней по различным эпохам.

В зарубежной литературе по этому вопросу происходила полемика. Американский специалист Даниэль Уо предложил 6 параметров для репродуцирования и идентификации филиграней:

1 — расстояние между вертикалями (понтюзо),

2 — расположение знака по отношению к вертикалям,

3 — обмеры знака,

4 — количество горизонтальных линий на определенное количество миллиметров бумажного листа,

5 — размер листа бумаги,

6 — точки соединения бумажного знака с формой⁸.

Целесообразно ли вводить эти параметры при публикации всех типов филиграней? На наш взгляд, сразу отпадает обмер бумажного листа.

G. Piccard. Die Ochsenkopf—Wasserzeichen. 1 Teil, S. 8—9.

⁷ *Ibid.*, S. 40.

⁸ *D. C. Waugh. Soviet Watermark Studies: Achievements and Prospects.— «Kritika». Cambridge, Mass., vol. VI, N 2, 1970, p. 93.*

В истинном первоначальном размере его нельзя быть уверенным, так как для филиграней, извлеченных из рукописных или печатных книг, этот обмер дать невозможно: при переплете книги бумажный лист обрезался, а при повторном переплете еще раз. Об этом говорят лишь следы первоначальной потетрадной пагинации. Далее, что касается горизонтальных линий дна сетчатой формы, или вержеров, и их измерений, то датирующим признаком они могут служить лишь для древнейшей бумаги, включая XIV в. Следовательно, эти изменения нужно давать только при публикации филиграней раннего периода. Филиграням XV — XVIII вв. в бумаге сопутствуют частые вержеры, и, хотя расстояние между нитями не строго определено, показателем времени они служить не могут. Таким образом, при публикации филиграней XV — XVIII вв. данные густоты вержеров указывать не обязательно. Более существенным при этом представляется измерение расстояний между понтюзо (вертикалями) и расположение знака по отношению к ним. Этот обмер важен для таких типов филиграней, которые, несмотря на многочисленность в вариантах, просты по своему рисунку, имеют слабую эволюцию в течение большого хронологического периода и при репродуцировании нуждаются в дополнительных данных (например, филигрании «три горы», «готическая буква Р» и др.).

У филиграней сложного рисунка, употреблявшихся только на протяжении нескольких десятилетий, как, например, некоторые гербовые щиты, размеры между понтюзо и расположение знака по отношению к ним вряд ли имеют существенное значение для определения времени бытования знака.

И последнее, — о параметрах, связанных с измерением водяного знака и точками соединений его с бумажной формой. Считать, что эти измерения необходимы при публикации всех типов филиграней, на наш взгляд, неверно. Целый ряд типов филиграней, имеющих четкую усложняющуюся эволюцию во времени, не нуждается в таких обмерах. Например, варианты 20-х, 40-х и 60-х годов XVII в. типа «кувшинчик» столь отличны в своих деталях, что не нуждаются ни в каких обмерах для правильной датировки.

Суммируя все сказанное, считаем, что система учета параметров при публикации и отождествлении филиграней не универсальна, а применима лишь к отдельным типам филиграней. Форма публикации водяных знаков одного типа может отличаться от формы публикации сборника филиграней, содержащего различные типы с широким охватом нескольких эпох. Необходимость применения системы параметров выступает на первый план лишь в том случае, когда накоплено показаний филиграней одного типа столько, что их не может одновременно обработать человеческий глаз и мозг, и тогда часть полезной информации теряется. Критерием эффективности обработки массового материала может служить опыт. И таким положительным опытом является работа Пиккара, посвященная одному типу филигрании. Применение системы параметров позволило увеличить подробность поданного материала — с одной стороны, с другой — суммировать его в отдельные группы с их временными характеристиками. Проблема точной идентификации филиграней, дающая возможность правильно решить вопрос о времени написания исследуемого источника, прежде всего должна основываться на самом достоверном, с учетом всех мельчайших деталей рисунка филигрании, воспроизведении ее в справочнике. Именно на дублетах, совпадающих контурами, строит свои отождествления Брике. До сих пор для исследуемых русских материалов одним из лучших остается справочник Н. П. Лихачева, построенный без учета всех названных параметров для позднего времени, с учетом — для раннего и чрезвычайно точно воспроизводящий водяные знаки.

В работах советских исследователей А. А. Гераклитова⁹, Э. В. Учас-

⁹ А. А. Гераклитов. Филигрании XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

Срок залежности бумаги, установленный по филиграммам с годом отлива в рисунке, использовавшимся в XVII в. *

№ типа филиграммы	Тип филиграммы	Год отлива бумаги	Год использования бумаги	Срок залежности бумаги	Источник (собрания ГИМ)
I	Кувшин	1596	1600	4 года	И. Н. Царского А 36
»	»	1598	1600	2 »	»
»	»	1598	1602	4 »	А. И. Хлудова печ. 41
»	»	1598	1604	6 лет	П. В. Щапова 20
»	»	1598	1615	17 »	Меншие 1037
»	»	1600	1602	2 года	А. И. Хлудова печ. 41
»	»	1600	1609	9 лет	А. Д. Черткова печ. 352
»	»	1601	1610	9 »	П. В. Щапова 1100
»	»	1601	1615	14 »	Меншие 468
»	»	1613	ок. 1615	2 года	А. И. Хлудова печ. 60
»	»	1613	1621	8 лет	Меншие 751
»	»	1619	1620	1 год	Меншие 474
»	»	1619	1622	3 года	Синодальное печ. 50
II	Сфера или круг под трилистником	1613	1618	5 лет	Меншие 1310
III	Вебрь (1-й вариант)	1625	1626	1 год	И. Н. Царского А 82
»	» (2-й вариант)	1625	1626	1 »	»
IV	Виноград между столбов	1629	1632	3 года	А. С. Уварова 875—4***
V	Герб Сангушко	1631	1637	6 лет	И. Н. Царского А 108
VI	Гербовый щит с лилией	1631	1635	4 года	Е. В. Барсова 1149**
»	» » »	1635	1635—1636	0—1 год	А. Д. Черткова печ. 338
VII	Шляпа кардинала	1637	1637	0	Синодальное печ. 153
VIII	Монограмма, над ней «Hermansdorf»	1660	1666	6 лет	Синодальное печ. 263
»	То же	1663	1666	3 года	П. В. Щапова 450
»	То же	1670	1676	6 лет	Коллекция филиграмм Н. П. Тихомирова**
IX	«Allemoderpapier»	1683	1687	4 года	»
»	»	1684	1685	1 год	»
»	»	1684	1686	2 года	»

* Таблица составлена автором на основании рукописей и печатных книг Рукописного отдела ГИМ.

** Отмеченные источники представляют собой рукописи, все остальные — печатные книги.

киной¹⁰, Э. Т. Лауцявичюса¹¹ продолжены традиции классического воспроизведения и расположения филиграмм.

Несомненно перспективным является бета-радиографический метод репродуцирования филиграмм, разработанный Д. П. Эрастовым¹². Его преимущества заключаются в том, что рисунок филиграммы воспроизводится совершенно неискаженным и правильно воспроизведения не зависит от текста, покрывающего лист. К сожалению, этот метод приме-

¹⁰ Z. V. Uchastkina. A History of Russian Hand Paper-mills and their Watermarks.— «Monumenta», IX. Hilversum, 1962.

¹¹ E. Laucevičius Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967.

¹² Д. П. Эрастов. Бета-радиографический метод воспроизведения филиграмм с документов.— В кн.: «Новые методы реставрации и консервации документов и книг». М.— Л., 1960.

няется только в Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР.

Метод публикации филигранных, предложенный С. А. Клепиковым¹³ в его исследованиях и использованный в работах М. В. Кукушкиной¹⁴, продолжает вызывать возражения. Этот метод отдает преимущества литературному сопровождению филигранных, данных в описательном плане.

Вопросы точного, достоверного воспроизведения самого рисунка филигранны в справочнике и отождествление по нему водяных знаков остаются самыми основными в принципах репродуцирования филигранных. В первую очередь, это относится к альбомам, посвященным изучению не одного, а большого количества различных типов филигранных, бытовавших в тот или иной период истории. Поэтому главной задачей остается публикация новых работ, в которых так настоятельно нуждаются исследователи всех областей гуманитарных наук.

¹³ С. А. Клепиков. Филигранны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959.

¹⁴ М. В. Кукушкина. Филигранны на бумаге русских фабрик XVII — начала XIX в.— В сб.: «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. 2. М.— Л., 1958.

Р. В. Костина

ОБ ИЗУЧЕНИИ БУМАГИ СОВЕТСКИХ ДОКУМЕНТОВ 1917—1920 ГГ.

На необходимость изучения внешних признаков документов советского периода в нашей исторической литературе указывалось еще в 20—30-е годы XX в.¹ Во второй половине 50-х годов вопрос о необходимости разработки специальных исторических дисциплин советского периода встал с новой остротой. Наряду с дискуссиями о перспективах их развития² шло накопление конкретных наблюдений над внешними признаками советских документов. Появился ряд работ, в которых при анализе источников были учтены и сыграли большую роль в установлении подлинности и происхождения документов особенности бумаги, письма, делопроизводственного оформления документа, орфографии и т. д.³

Под руководством академика М. Н. Тихомирова в Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР были подготовлены сборники статей о внешних признаках советских документов, которые, к сожалению, до сих пор не опубликованы. Изданы статьи Е. И. Каменцевой и А. Н. Луппола по истории советского герба⁴. Вопросы сфрагистики и эмблематики советского периода получили отражение в ряде работ украинских авторов, в статьях Е. И. Каменцевой⁵.

¹ *Н. Авдеев*. О научной обработке источников по истории РКП и Октябрьской революции.— «Пролетарская революция». М., 1925, т. 8; *А. Сергеев*. Методология и техника публикации документов.— «Архивное дело», вып. I—II (30—31). М., 1932; *И. Ф. Колесников*. Палеография документальной (архивной) письменности.— «Архивное дело», вып. IV (52). М., 1939.

² «О критике исторических документов. Обсуждение доклада А. Ц. Мерзона в МГИАИ».— «Исторический архив», 1957, № 5; *В. П. Данилов, С. И. Якубовская*. Источниковедение и изучение истории советского общества.— «Вопросы истории», 1961, № 5; *А. А. Введенский*. Вспомогательные исторические науки в работе архивистов.— «Вопросы архивоведения», 1962, № 2; *Л. И. Гукоский*. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины.— «Вопросы архивоведения». М., 1964, № 2.

³ См., например, *С. Н. Валк*. Документы 25 октября 1917 г.— «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958; *Е. А. Луцкий*. Воспроизведение декрета о земле в советских публикациях.— «Проблемы источниковедения», т. XI. М., 1963; *Т. В. Шепелева*. Научная обработка и хранение документов В. И. Ленина в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— «Исторический архив», 1961, № 2.

⁴ *А. Н. Луппол*. Из истории советского государственного герба.— «Ежегодник Государственного исторического музея». М., 1960; *Е. И. Каменцева, А. Н. Луппол*. Как создавался советский герб.— «Вопросы истории», 1962, № 12; *А. Н. Луппол*. Первый советский герб.— «Молодая гвардия». М., 1963, № 7.

⁵ *Е. И. Каменцева*. Проблемы советской эмблематики.— В кн.: «Научная конференция по вопросам архивного дела в СССР. Москва, 1964». Труды, т. 2. М., 1965; *Б. Зайцев*. Перший герб Радянської України.— «Архіви України». Київ, 1967, № 4; *А. Бабенко*. Радянські емблеми як історичне джерело.— «Архіви України». Київ, 1967, № 2; *Б. Зайцев*. Печатки штабів харківської Червоної гвардії.— «Архіви України». Київ, 1967, № 1; *М. Г. Яреженко*. Печатки Рад і фабзавкомів Донбасу 1917—1920 рр.— «Історичні джерела та їх використання». Київ, 1968, вип. 3, и др.

Независимо от историков решались проблемы исследования внешних признаков документов криминалистами, накопившими большой опыт визуальных и физико-химических способов исследования по основным направлениям, интересующим палеографию: бумаге, чернилам, почеркам.

Разработанные криминалистикой методы дают возможность сравнить цвет представленных образцов бумаги, степень белизны, светопрозрачности, лоска; определить вес и толщину листа, состав бумаги по волокну, тип проклейки, наличие лигнина в составе бумажной массы. С помощью этих методов можно различать чернила в штрихах, для чего используются ультрафиолетовые, инфракрасные и рентгеновские лучи, фотографии в различных зонах светового спектра, электронно-оптические приборы.

Разработана методика идентификации почерков отдельных лиц, выявления типа пишущей машины, на которой напечатан текст, и индивидуальных особенностей печатающего. Определены методы исследования подлинности печатей и штампов, заверяющих документ. Начато использование кибернетики и математической статистики в судебном почерковедении⁶.

Однако применение в историческом исследовании методов криминалистической экспертизы не всегда возможно не только потому, что некоторые из них связаны с порчей документа, но и вследствие отсутствия систематизированных сведений о важнейших признаках, характеризующих бумагу, материал для письма, типы пишущих машин и пр. на различных отрезках времени. И если криминалистами сделаны попытки установить такие общие признаки для последних лет (так, общие признаки почерка учащихся разных классов на различных этапах его формирования рассмотрены киевскими исследователями; в диссертации А. М. Питиримова собрано 73 рецепта различного вида чернил, изготавливаемых советской промышленностью в последние годы)⁷, то историки еще не приступили к конкретной разработке вопросов палеографии документов новейшего времени, продолжая дискуссию о возможности ее распространения на этот период. Л. П. Жуковская, исходя из определения палеографии как учения «о древнем письме, изучающем изменение отдельных начерков букв во времени», отрицает возможность распространения палеографических методов исследования на документы, относящиеся ко времени позже середины XIX в.⁸ Ей возражают М. В. Кукушкина⁹ и Л. В. Черепнин¹⁰

⁶ См., например, «Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств». М., 1962. (Библиография в конце разделов); С. М. Соколов. Судебно-химическая экспертиза вещественных доказательств. М., 1964. (Библиография в конце разделов); А. И. Винберг. Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940; З. Г. Самошина. Систематика идентификационных признаков при криминалистическом отождествлении пишущих машин. М., 1956; Н. П. Яблоков. Исследование машинописных текстов.— «Теория и практика криминалистической экспертизы», сб. 4. М., 1960; Н. А. Новоселова. Криминалистическая идентификационная экспертиза. Минск, 1966; «Статистические методы в криминалогии и криминалистике. Тезисы докладов и сообщения на симпозиуме 20—21 апреля 1966 г.». М., 1966; С. Д. Павленко. Криминалистическое исследование оттисков печатных форм. Киев, 1970; «Судебно-почерковедческая экспертиза». М., 1971.

⁷ А. М. Питиримов. Исследование документов — вещественных доказательств методом люминесцентного анализа в красной и инфракрасной области и диффузионно-копировальным методом. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 15; «Неидентификационные исследования в почерковедческой экспертизе». Киев, 1972.

⁸ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). М., 1963.

⁹ М. В. Кукушкина. Советская палеография.— «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. 1. Л., 1968.

¹⁰ Л. В. Черепнин. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.— «Источниковедение отечественной истории». Сб. статей, вып. 1. М., 1973; он же. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины.— «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР». Сб. статей. М., 1974.

и др. С. А. Рейсер¹¹ в своих работах сделал попытку наметить перспективы развития палеографии нового и новейшего времени.

В дискуссии, развернувшейся вокруг вопроса о предмете и задачах палеографии как специальной исторической дисциплины, о расширении рамок палеографического анализа на рукописные документы XIX—XX вв.¹², решающее слово, как справедливо утверждает М. В. Кукушкина, должно принадлежать палеографическому исследованию документов нового и новейшего времени в разных аспектах палеографии. Одним из таких аспектов является изучение бумаги документов новейшего времени.

Классическая палеография для датировки рукописей и старопечатных книг использовала водяные знаки на бумаге, изучение которых привело к созданию особой отрасли палеографии — филигранологии, представленной значительным количеством работ дореволюционных и советских исследователей¹³. Работы С. А. Клепикова и О. Я. Мацюка в отличие от других авторов, ограничившихся изучением бумаги XIV — начала XIX в., включили в круг исследования штемпели и филигранные (украинской бумаги) второй половины XIX и начала XX в. В дополнении к своей работе, опубликованной в 1959 г., С. А. Клепиков пересмотрел свою точку зрения о том, что филигранные имели значение для датировки бумаги лишь до середины XIX в., когда их заменяют штемпели, указав, что «штемпель как средство товарной маркировки писчей и почтовой (но не печатной) бумаги приобретает решающее значение в качестве одного из факторов для датировки бумаги с 1840-х — по конец 1880-х годов», а затем его вытесняет возродившийся бумажный водяной знак¹⁴. В последующих работах С. А. Клепикова по изучению филигранных и штемпелей отдельных предприятий знаки маркировки прослеживаются во второй половине XIX — начале XX в.¹⁵ Несколько филигранных на документах периода гражданской войны на Украине выявлены О. Я. Мацюком¹⁶.

Некоторые замечания, касающиеся внешних особенностей бумаги документов советского периода, сделаны в отмеченных выше работах С. А. Рейсера, но они носят общий характер.

В предлагаемой статье, являющейся частью работы по изучению внешних признаков советских документов, начатой по инициативе академика М. Н. Тихомирова, ставится задача на основе наблюдений над бумагой рукописных документов 1917—1920 гг. выявить возможные пути ее палеографического изучения. Опыт такого обследования предпринимается впервые и, естественно, не может претендовать на окончательность выводов. Для наблюдения были использованы фонды земельных отделов Звенигородского, Московского и Нарофоминского уездов Московской об-

¹¹ С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии нового времени.— «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962; *он же*. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.

¹² М. В. Кукушкина. Советская палеография.— «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. 1. М., 1968. (Библиография в подстрочных примечаниях).

¹³ Библиографию см. в кн.: С. А. Клепиков. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959; С. А. Клепиков. Новые работы по филигранологии и филигранографии.— «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 26. М., 1963 и др.; М. В. Кукушкина. Советская палеография; О. Я. Мацюк. Папір та філіграні на Українських землях (XVI — початок XX ст.). Київ, 1974.

¹⁴ С. А. Клепиков. Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX — XX вв. (Дополнение к таблице, опубликованной в 1959 г.).— «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968.

¹⁵ С. А. Клепиков. Филигранные бумажной фабрики Земских-Мещаниновых (1752—1900 гг.).— «Советские архивы», 1973, № 1.

¹⁶ О. Я. Мацюк. До історії папірних і водяних знаків на Україні періоду Жовтневої революції і Громадянської війни.— «Історичні джерела та їх використання», Київ, 1967, вып. 3.

ласти, Можайского и Сергиево-Посадского ревкомов, Волоколамского уездного Совета рабочих и красноармейских депутатов ¹⁷.

При просмотре указанных материалов выяснилось, что бумага, маркированная штемпелями и филигранями, еще имела распространение в 1917—1920 гг. Выявленные штемпели и филигранные сводены в таблицы (см. табл. 1 и 2).

При сравнении штемпелей и филиграней, обнаруженных на бумаге документов 1917—1920 гг., с выявленными С. А. Клепиковым выясняется, что часть штемпелей, встречающихся в рассматриваемые годы, совпадает с приведенными С. А. Клепиковым.

Вместе с тем несколько штемпелей отличаются от указанных С. А. Клепиковым. Так, например, Горбатская фабрика, по данным С. А. Клепикова, имела в конце XIX — начале XX в. десять различного вида знаков холодного тиснения, но ни один из них не совпадает с встретившимся нам в 1919—1920 гг. Вместо фамилии фабриканта, стоявшей раньше на знаках этой фабрики, в 1919—1920 гг. ставится название предприятия: «Горбатская» — по месту нахождения фабрики в имении Горбатка Судогодского уезда Владимирской губернии. Штемпель «Писчая бумага» (табл. 1, № 10) сходен с клепиковским № 144, 145 только текстом. В нем другой характер рамки, а в верхней части в центре изображена корона. Слева и справа от короны — две одинаковые цифры, обозначающие номер бумаги. Документы с этим знаком датируются 1918—1919 гг.

К 1919 г. относится штемпель с изображением пятиконечной звезды (табл. 1, № 9). Возможно, что он был введен в годы Советской власти и содержит эмблему Советской республики — пятиконечную звезду.

Штемпель Окуловской фабрики отмечен С. А. Клепиковым для 1917 г. (№ 133). В 1918—1920 гг. он встречается в измененном виде. В одном случае в тексте слово «фабрик» заменено словом «Окуловка», и весь текст читается: «Говарищество Окуловск. П Ф Окуловка» (табл. 1, № 15). В другом — «Окуловск. № Т° ОПФ Окуловка» (табл. 1, № 16). Характер рамки остается неизменным. Последний вид знака встретился нам на бумаге низкого качества.

Выявлена разновидность штемпеля с надписью «KUMMEN» (Клепиков, № 216—1912, 1914 гг.), имеющая другую форму и надпись: «Акц. общ./КЮМЕНЕ» (табл. 1, № 7). В документах 1920 г. на рижской бумаге обнаружен знак холодного тиснения с измененной рамкой и текстом: «ЭБ и К° ПФ/Рига» (табл. 1, № 12), не указанный С. А. Клепиковым.

Таким образом, из 16 штемпелей 8 (№ 3, 6, 7, 9, 10, 12, 15, 16), т. е. половина, не отмечены в таблице С. А. Клепикова. О некоторых из них можно говорить как о новых.

В выявленных филигранных обращает на себя внимание одна особенность. Большинство из них дают в литерной части полную фамилию фабриканта или название предприятия. Причем эта литерная часть располагается чаще всего вместе с рисунком, если он есть, составляя с ним неразрывное целое.

Как показывают приведенные данные, ни один из водяных знаков полностью не совпадает с филигранными, выявленными С. А. Клепиковым (только одна филигрань (табл. 2, № 4) — имеет одинаковую литерную часть и рисунок, но во встретившемся нам варианте рисунок окаймлен надписью, содержащей название фабрики).

Для компаний Говарда, КАНГАС, фабрики Миркова, Горбатской С. А. Клепиков отмечает только штемпели. На бумаге же 1918—1920 гг. встречаются и филигранные этих предприятий (см. табл. 2).

¹⁷ Государственный архив Московской области (далее — ГАМО), ф. 719, 805, 690, 2253, 4340, 678. Для просмотра были использованы отдельные единицы хранения этих фондов.

Таблица 1

Штемпели на бумаге 1917—1920 гг.*

Текст знака, рисунок	Характер рамки штемпеля	Шифр хранения документа	Дата документа	№ штемпеля и годы в таблице Клепикова***
1. № [двуглавый] орел [Ц] Говарда	Фигурный овал	ф. 805, оп. 1, д. 49, л. 4; ф. 678, оп. 1, д. 67, лл. 1**, 3; д. 87, л. 38; ф. 4340, оп. 1, д. 6, лл. 5**, 159**; д. 7, лл. 13, 24**; ф. 4340, оп. 1, д. 6, лл. 235, 239; ф. 690, оп. 1, д. 6, л. 29; д. 27, л. 85; ф. 719, оп. 1, д. 46, л. 55; д. 43, лл. 78**, 78a**, 79**, 80**, 84**, 85**	1917 1918 1920 1919	№ 47, 1901—1904 гг.
2. [корона]/Гончаров/ № [Ц]	Фигурный овал с вогнутым дном и выступающей крышкой, боковые стороны надрезаны	ф. 690, оп. 1, лл. 40, 122, 144	1920	№ 51, 1876, 1906, 1895, 1992 гг.
3. [Ц]/ Горбатской фаб.	Фигурный овал	ф. 805, оп. 1, д. 228, л. 66; ф. 678, оп. 1, д. 16, л. 2	сентябрь 1919	
4. КА/[Медведь]/ № [Ц]	Фигурный прямоугольник	ф. 719, оп. 1, св. 3, д. 59, л. 22	не датирован	№ 287
5. Товарищество /№/ [лев, стоящий на 4-х лапах, с поднятым хвостом] [Ц] Кувшинова	Прямоугольник со скошенными углами	ф. 678, оп. 1, д. 3, лл. 6, 11, 120 там же, л. 162	1918 не датирован	№ 110, 1893, 1902, 1908 гг.
6. 912 Б /-во/ Кувшинова Т	Без рамки	там же, л. 192	1918	
7. /Ц/ [прямоугольник под короной]—[Ц]/ Акц. общ. /КЮМЕНЕ	Без рамки	ф. 719, оп. 1, д. 52, лл. 3, 4, 5**, 6**, 7**, 16	1918	
8. № [Ц]/Мюр/ и /Мерилиз	Фигурный прямоугольник	ф. 4340, оп. 1, д. 7, л. 116	1917	№ 116, 1903 г.
9. [пятиконечная звезда] /Писчая/ № [Ц]	Фигурный прямоугольник	ф. 690, оп. 1, д. 6, л. 6	1919	—
10. [Ц] [корона] [Ц] /Писчая/ бумага	Фигурный овал	ф. 719, оп. 1, д. 54, лл. 5, 6, 7**, 8**; д. 50, лл. 1, 3, 4, 11; д. 59; л. 28; д. 57, л. 1; д. 63, лл. 2**, 7 ф. 679, оп. 1, д. 3, лл. 137, 163 д. 87, л. 3 там же, л. 13 ф. 719, оп. 1, д. 43, лл. 48, 50 ф. 4340, оп. 1, д. 7, лл. 238**, 270**, 276**	1919 1918 не датирован 1918 1919 1918	—

Т а б л и ц а 1 (окончание)

Текст знака, рисунок	Характер рамки штемпеля	Шифр хранения документа	Дата документа	№ штемпеля и годы в таблице Клепикова***
		там же, л. 409**	не датирован	
		ф. 4340, оп. 1, д. 6, лл. 88**, 151, 152; ф. 4340, оп. 1, д. 7, лл. 161**, 171**	1918	
11. КРПФ**// № [крылатый лев, стоящий передними лапами на тюке] [Ц] //Рига	Круг на вытянутом прямоугольнике	ф. 805, оп. 1, д. 270, л. 87; ф. 678, оп. 1, д. 3, л. 169; ф. 2253, оп. 1, д. 10, л. 19	1919	№ 2, 1908—1916 гг.
12. № [Ц]/ЭБ и К° ПФ/Рига	Вытянутый по горизонтали шестиугольник на правильном шестиугольнике	ф. 690, оп. 1, д. 9, л. 144; ф. 719, оп. 1, д. 54, л. 24	1920	—
13. Фабрики /Соколы/ № [Ц]	Фигурный прямоугольник	ф. 4340, оп. 1, д. 7, л. 86 там же, л. 81 там же, л. 79; д. 6, л. 18 ф. 805, оп. 1, д. 32, л. 1	1916 1917 1918 1919	№ 188, 1912 г.
14. Фабрика/ наследников /Сумкина	Фигурный прямоугольник	ф. 690, оп. 1, д. 2, лл. 18, 20, 48; ф. 4340, оп. 1, д. 7, л. 220	1918	№ 202, 1869, 1909 гг.
15. Товарищество//№ Окуловск. ПФ [Ц]// Окуловка	Круг на вытянутом прямоугольнике	ф. 678, оп. 1, д. 1, л. 14; ф. 690, оп. 1, д. 2, лл. 30, 41 ф. 805, оп. 1, д. 204, л. 8	1918 1919	
16. Окуловск.//№Т°ОПФ [Ц]// Окуловка	Круг на вытянутом прямоугольнике	ф. 690, д. 6, л. 68**; д. 27, л. 22	1920	

* Штемпели расположены в алфавите фамилий владельцев предприятий. Если она отсутствует — в алфавите инициалов или названия места, где находилось предприятие. Штемпели, не содержащие фамилии владельца, инициалов или названия предприятия, — в алфавите имеющегося в них текста.

Текст и описание изображения дается последовательно сверху вниз. Концы строк отделяются косой чертой. В случае, если текст, идущий по кругу или овалу, прерывается и нижняя половина идет опять слева направо, — в конце первой половины текста ставится двойная косая черта. Описание изображения дано в квадратных скобках. Буква «Ц», поставленная в квадратные скобки, означает, что сортность бумаги в штемпеле указана. Ссылки даны на документы ГАМО.

** Штемпели на этих листах нечеткие.

*** С. А. Клепиков. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII — XX вв. М., 1959.

**** Компания Рижских писчебумажных фабрик.

Рижская бумага имеет несколько видов филигранных (табл. 2, № 5, 6, 7, 8).

Штемпели и филигранные, отмеченные в данной статье как новые, являются таковыми, прежде всего, по сравнению с выявленными С. А. Клепиковым. Их появление можно объяснить различно: либо они просто не были обнаружены раньше, либо действительно появились в 1917—1920 гг. Вопрос этот требует специального исследования на основе более многочисленных архивных материалов.

Просмотр рукописных документов 1917—1920 гг. показал, что марки-

Т а б л и ц а 2

Филиграни на бумаге 1917—1920 гг. *

Описание филиграни	Шифр хранения документа	Дата документа
1. Двойная окружность. Между окружностями надпись: «Компания В. Говарда существует с 1790 г.», в круге орел	ф. 4340, оп. 1, д. 6, л. 208 ф. 719, оп. 1, д. 46, л. 199 ф. 805, оп. 1, д. 260, лл. 54—56, 58—60; ф. 719, оп. 1, д. 46, л. 102	1918 1919 1920
2. В верхней части листа орел, держащий в лапах скипетр и державу; под орлом царская корона. В нижней части листа две перекрещивающиеся литеры П. Вокруг них надпись по кругу: «Добрушская фабрика». Все литеры изображены двойными штрихами	ф. 690, оп. 1, д. 9, лл. 27 **, 72 **, 77 **; д. 27, лл. 24, 83 **, 113, 118	1920
3. Тройная окружность. В центре изображение льва, стоящего на задних лапах на мече. В правой лапе льва меч, поднятый над головой, левая выгнута вперед. Между двумя внутренними окружностями надпись: «Писчебум. фабрика ак. общ. вь Финляндии Кангас». Над окружностью «фабричный знак», под окружностью: «trade mark». Справа и слева от окружности изображение маленьких пятиконечных звездочек	ф. 719, оп. 1, д. 46, л. 2 **, ф. 690, оп. 1, д. 2, л. 127 **; ф. 678, оп. 1, д. 3, л. 149 **	—
4. Двойная окружность. В центре изображение конверта, лежащего на якорях. Между окружностями надпись «Мирков» двойными штрихами	ф. 719, оп. 1, д. 43, л. 93	—
5. Двойная окружность. В центре крылатый лев, стоящий передними лапами на тюке. Между окружностями надпись: «Компания рижских писчебумажных фабрик». Над окружностью «фабричный знак» ***	ф. 805, оп. 1, д. 142, л. 12	1918
6. Крылатый лев, стоящий передними лапами на тюке. Изображение окаймлено надписью по направлению сторон ромба: «Компанія Рижских // писчебумаж. фабрикъ». В правой половине листа: «Original ligat mills»	ф. 805, оп. 1, д. 138, лл. 34, 46, 47, 52	1918
7. Тройная окружность, в центре ее монограммы ЭБ и ПФ, между внутренними окружностями: «Писчебумажная фабрика // вь Риге». Все литеры написаны двойными штрихами	ф. 719, оп. 1, д. 54, л. 24	1919
8. Та же филигрань, но все литеры изображены одинарными штрихами	ф. 719, оп. 1, д. 52, лл. 36, 37; ф. 678, оп. 1, д. 87, л. 37	1919
9. Двойная окружность. Внешняя — имеет в верхней части выступ. В центре круга — изображение льва с короной на голове, стоящего на задних лапах и опирающегося передними лапами на посох. В выступающей части круга надпись «Т-во», между окружностями надпись: «Горбатск. Писчеб. фаб. Способина и Кротова». Над окружностями: «Утвержд. привит.»	ф. 4340, оп. 1, д. 7, л. 9 Там же, д. 6, л. 126	1917 1918
10. Окружность. В центре изображение льва, шагающего на задних лапах. Под окружностью надпись: «KUMMENE»	ф. 805, оп. 1, д. 54, л. 3	1917

Т а б л и ц а 2 (окончание)

Описание филигранны	Шифр хранения документа	Дата документа
11. Монограмма «МТР». Надпись по вертикальной оси листа справа «Lettres Papier»	ф. 690, оп. 1, д. 2, лл. 61, 120	1918
12. Лев, стоящий на задних лапах. Передними опирается на щит. Голова льва повернута назад, пасть раскрыта. На щите надпись: «МКГ», под щитом — «STONE MILL.»	ф. 4340, оп. 1, д. 6, л. 134; д. 7, лл. 126, 127, 210	1918
	ф. 719, оп. 1, д. 6, л. 61	1920

* Филигранны расположены в соответствии с тем же принципом, что и штемпели (см. прим. к табл. 1). Филигранны с латинским текстом помещены в конце таблицы, в латинском алфавите. В случае, если литерная часть филигранны, идущая по кругу, прерывается, после первой части ставится двойная косая черта. Описание изображения дано вместе с литерной частью в соответствии с отмеченной выше особенностью филигранны документов 1917—1920 гг.

** Филигранны на этих листах нечеткие.

*** Полное изображение филигранны на одном листе не встречалось.

рованная бумага составляет небольшой процент от общего количества листов. Основная масса документов написана на бумаге, не имеющей штемпелей и филигранны. В связи с этим возникает необходимость найти признаки бумаги рукописных документов первых лет Советской власти, не связанные с маркировкой бумаги.

Одним из таких признаков может служить качество бумажной продукции, которое резко изменилось по сравнению с предреволюционным временем. Для сравнения приведем данные о качестве бумаги в России конца XIX — начала XX в.

К производству бумаги из тряпья с примесью механической древесной массы и целлюлозы Россия приступила во второй половине XIX в. Качество бумаги зависело от состава бумажной массы. Так, бумага из чистого льняного тряпья имела высокую прочность, эластичность, плотность, хорошую звучность. Хлопчатобумажное тряпье делало бумагу рыхлой, малозвучной. Включение в состав бумажной массы примеси целлюлозы уменьшало прочность тряпичной бумаги, хотя и улучшало ее внешний вид. Механическая древесная масса увеличивала ломкость, ускоряла пожелтение бумаги, делала ее шероховатой. Появилось большое количество сортов бумаги различного целевого назначения. По подсчетам Доливо-Добровольского, в начале XX в. русская промышленность вырабатывала 109 сортов бумаги¹⁸.

Писчая бумага подразделялась на несколько сортов. Фабрики, изготовлявшие ее, имели каждая свой ассортимент, обозначавшийся особой нумерацией. Обычно первым номером считался высший сорт тряпичной бумаги. Затем, по мере снижения качества, увеличения примесей к тряпью шли номера от 2 до 9. Иногда включались № 6^{1/2}; 7^{1/2}. Сортность, обозначенная номерами от 1 до 9, была наиболее распространенной. Номер включался в рисунок штемпеля. При просмотре материалов ГАМО выявлены четко видимые на штемпелях № 4, 5, 6, 7, 8. 6-й и 7-й номера писчей бумаги были наиболее распространенными в обиходе сортами¹⁹. Ряд русских фабрик имел другое обозначение сортности. Так, фабрика Кувшинова маркировала бумагу номерами 916А, 912Б, 812А, общество писчебумажной фабрики Сочевка — номерами 26, 205, 153, 142, 7А, 7Б²⁰ (см. табл. 3).

¹⁸ В. Н. Доливо-Добровольский. Бумажная промышленность. Пг., 1922, стр. 43.

¹⁹ Н. П. Мельников. Писчебумажное, древесномассовое, целлюлозное и картонное производство. 60 образцов бумаг, бумажных масс и картонов. СПб., 1905, стр. 88. В этой книге представлены образцы бумаги довоенного качества.

²⁰ Н. П. Мельников. Исследование бумаги и картона. СПб., 1906, стр. 40—41.

Таблица 3

Основные виды писчих бумаг, использовавшихся в начале XX в.
Военным ведомством России *

Предприятие	Бумага I разряда	Бумага II разряда	Бумага III разряда			Бумага IV разряда		
	Вес стопы** в фунтах							
	26	21	16	14	12	12	11	9
Фабрика бр. Варгуниных	—	—	—	№ 8	—	—	№ 12	—
Дитятковское Т-во	—	№ 210	—	—	№ 6	—	—	№ 8
Фабрика Гончарова	—	—	—	№ 4	№ 6	—	№ 6	№ 7
» Кувшинова	—	—	№ 916A	—	№ 912A	№ 812A	—	—
Мирковская фабрика	—	—	№ 141	—	—	—	№ 7	—
Фабрика Моэс	—	—	—	№ 2	—	—	—	—
» Первушина	—	—	№ 3	—	№ 6 1/2	—	№ 7	—
Т-во Ржевской писчебумажной фабрики	—	—	№ 1A	№ 1B	—	№ 13	—	—
Компания Рижских писчебумажных фабрик	вечная	—	№ 10	№ 10	№ 6	—	№ 6 1/2	—
Т-во Сергеева	№ 100	№ 101	—	№ 4	—	—	—	№ 8
Общ-во писчебумажной фабрики	вечная	прочная	№ 153	№ 142	—	—	№ 7A	№ 7B
Сочевка	№ 26	№ 26	—	—	—	—	—	—
Фабрика Ятес	—	—	—	—	№ 6	—	—	—

* Н. П. Мельников. Исследование бумаги и картона, стр. 40—41.

** Стопа составляла 480 листов.

Несмотря на то, что государственных стандартов качества бумаги в России до революции не существовало, производственная и торговая практика выдвигали определенные требования к качеству бумаги разного назначения. Когда в 1904 г. Военное ведомство России выработало инструкцию о качестве писчих бумаг, используемых ведомством, в специальной таблице были указаны названия фабрик и сорта их продукции, соответствующие установленным требованиям (см. табл. 3). Она дает представление об основных видах писчих бумаг, производившихся бумажными фабриками России. Бумага, принимаемая Военным ведомством, делилась на четыре разряда.

Бумага I разряда — для вечного хранения; всеподданнейшие доклады, приложения к ним, высочайшие грамоты и другие важные документы; бумага II разряда — для документов, подлежащих хранению 15 лет и больше; бумага III разряда — для переписки, подлежащей хранению до 15 лет; бумага IV разряда — для переписки, не требующей хранения.

Бумага I и II разрядов должна быть белая, подцветивание допускается лишь самыми прочными красками (высший сорт ультрамарина), при этом бумага не должна изменяться в цвете от весьма продолжительного действия света и воздуха. Бумага I и II разрядов должна быть высокой и самой тщательной отделки; поверхность ее должна быть чистая и однородная, просвет бумаги не должен казаться облачным.

На этой бумаге должны быть непременно отчетливые настоящие водяные знаки, обозначающие фирму фабрики и имеющие буквы:

- 1) на бумаге I разряда ДВВ 1 (для Военного ведомства, первый разряд);
- 2) на бумаге II разряда ДВВ 2 (для Военного ведомства, второй разряд).

Бумага III разряда должна быть также белая, а бумага IV разряда может быть полубелая или серая, отделка бумаги этих двух разрядов

должна быть хорошая. На бумаге III и IV разрядов должно быть непременно фабричное клеймо, обозначающее фирму фабрики и номер бумаги. Бумага всех четырех разрядов должна быть хорошо проклеена и в ней не должно быть присутствия свободных кислот и хлора.

Кроме того, Военное ведомство определило размер листа бумаги (8 × 10 вершков)²¹ и состав бумажной массы: для I разряда — чистое тряпье; для II — допускалась примесь целлюлозы; для III — целлюлоза без ограничения количества, но без примеси древесной массы; для IV — древесная масса не более 50%²².

Опубликовавший в 1905 г. рекомендации по производству бумаги, Н. П. Мельников также отмечал, что древесная масса обычно прибавляется к тряпью лишь при фабрикации низких сортов бумаги — № 7¹/₂, 8 (в размере от 25 до 50%)²³. Кроме Военного ведомства бумагу определенного качества использовали в России Почтовое ведомство, Министерство финансов, Экспедиция государственных бумаг.

Первая мировая война и пришедшая с ней хозяйственная разруха тяжело отразились на русской бумажной промышленности. Ее производство сократилось с 217,2 тыс. т в 1913 г. до 137 тыс. т в 1917 г.²⁴ Стало ухудшаться качество бумаги, что было связано с недостатком сырья и полуфабрикатов.

До войны больше половины общего количества целлюлозы на русский рынок давала фабрика Вальдгоф, расположенная в Лифляндской губернии. Военные события лишили русскую промышленность этого и ряда других поставщиков. Вместо 10 млн. пудов древесной целлюлозы Россия получала теперь от своей промышленности 2,5 млн. пудов²⁵. Из-за недостатка извести сократилось производство беленой целлюлозы, не хватало древесной массы, так как значительная ее часть вырабатывалась в западных районах страны. Большие затруднения испытывали фабрики с доставкой соды и едкого натра, необходимых для отбеливания, недоставало гарпиуса (канифоли), использовавшегося для проклейки бумаги. Сократилось количество каолина, который включался как наполнитель, улучшающий структуру бумажной массы. Его единственным источником стали запасы на юге России, откуда доставка сильно затруднялась. Журнал «Писчебумажное дело» — орган союза писчебумажных фабрикантов России, в № 2 за 1917 г. отмечал, что «белые бумаги (из беленых тряпья и целлюлозы) почти совершенно исчезли с рынка и заменены бумагами военного времени»²⁶.

В 1918 г. молодая Советская республика снабжалась бумагой только за счет фабрик, находившихся в центре страны. Уральские и южные фабрики подключились к ним лишь со второй половины 1919 г., а юго-западные — со второй половины 1920 г. Выработка бумаги и картона за эти годы выражалась в следующих цифрах.

1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
4650 тыс. пуд.	2638 тыс. пуд.	2275 тыс. пуд.	2050 тыс. пуд. ²⁷

Число работавших фабрик колебалось от 42 в 1918 г. до 28 в 1921 г.²⁸ Еще хуже стало положение с сырьем и полуфабрикатами. Если во время первой мировой войны недостаток целлюлозы и древесной массы как-то компенсировался за счет привоза их из-за границы, то после Октябрьской

²¹ 1 вершок = 4,5 см.

²² «Интендантский журнал», 1904, № 5, стр. 30.

²³ Н. П. Мельников. Писчебумажное древесномассное, целлюлозное и картонное производство, стр. 88—89.

²⁴ Д. Н. Тягай. Бумага и бумажная промышленность СССР. М., 1937, стр. 309.

²⁵ «Писчебумажное дело», 1917, № 2, стр. 60.

²⁶ Там же.

²⁷ «Материалы к технико-экономическому съезду бумажной промышленности 15 февраля 1922 г.». М., 1922, стр. 12.

²⁸ Там же, стр. 13.

революции этот ввоз прекратился в связи с экономической блокадой Советской России, организованной капиталистическими странами.

В бумажной промышленности перестали употреблять в нужном количестве каолин, так как даже южные запасы его в России нельзя было использовать в условиях гражданской войны. Истощились запасы гарпиуса. В «Материалах к технико-экономическому съезду бумажной промышленности 15 февраля 1922 г.» сообщалось, что в 1920 г. была сильно уменьшена проклейка бумаги и многие сорта бумаги стали вырабатываться неклееными²⁹. На качество бумаги влияла изношенность оборудования. В 1918—1919 гг. в числе работающих фабрик были: Говарда (Калужская губ.), Гончарова (Калужская губ.), Сергеева (Пенза), Невская (Петроград), Голодаевская (Петроград), вырабатывавшие в эти годы высокие сорта бумаги, но сократившие производство на 50%. Фабрики Кувшинова (в Москве и Тверской губ.) и Окуловская (Новгородская губ.) находились в угрожаемом положении из-за расстройств транспорта, истощения запасов колчедана, хлорной извести, гарпиуса, а также из-за изношенности так называемой «одежды» машин (сетки, сукна). Царскославянская (Петроградская губ.) и Дерюгинская (Курская губ.) фабрики стояли, так как не имели совсем «одежды» машин. Неповская (Петроградская губ.), Копелевские (Новгородская губ.), Милятинская (Калужская губ.), Кондровская фабрика (Тамбовская губ.) вырабатывали желтую и серую оберточную бумагу³⁰.

Сплошное обследование 562 листов рукописных документов 1917—1920 гг. в ГАМО выявило 71 лист сильно пожелтевшей, иногда почти коричневого цвета, облачной на просвет, плохо проглаженной бумаги. 184 листа — типа газетной и оберточной бумаги (№ 7^{1/2}, 8).

Состав по волокну маркированной бумаги, имевшей распространение в 1917—1920 гг., не всегда соответствовал сортности бумаги, указанной в штемпеле. Но некоторые фабрики сохранили довоенное качество бумаги. В этом можно убедиться при осмотре документов 1917—1920 гг. Данные о качестве бумаги различных фабрик представлены в табл. 4 и 5.

Как показывают данные таблиц, бумага со штемпелем фабрики Говарда, встречающаяся в документах 1917—1920 гг., отличается хорошим цветом и внешней отделкой, чаще всего однородна на просвет, имеет четкую сортность. Вся бумага с филигранями компании Говарда, относящаяся к этим годам, также обладает высоким качеством.

Хорошее качество имеет бумага со штемпелем и филигранями рижских фабрик, но и здесь встречается облачная на просвет.

Высокое качество имеет редко встречающаяся бумага со штемпелями фабрик наследников Сумкина (Вологодская губ.), с филигранями «МКГ STONE MILL», «Т-в» Горбатск. Писчеб. фаб. Способина и Кротова» и др.

Наиболее распространенным в просмотренных материалах 1917—1920 гг. был штемпель «Писчая бумага», им отмечены листы, датированные 1917—1919 гг. Среди них есть бумага № 4, 5, 6, 8. Судя по штемпелю, мы имеем дело с продукцией какой-то одной фабрики, среди листов которой нет однородной на просвет бумаги, все листы плохого «военного» цвета. № 5 по качеству хуже № 6.

Бумага со штемпелем Окуловской фабрики насчитывает 6 листов с № 5, 6, 7, 8. Они датируются 1918—1920 гг. Хотя Окуловская фабрика и соблюдала сортность бумаги, качество ее продукции было низким.

Штемпелем «Фабрика Сокол» (Вологодская губ.) отмечено несколько листов с № 5 и 7. Эта фабрика также выпускала бумагу сниженного качества.

²⁹ «Материалы к технико-экономическому съезду бумажной промышленности 15 февраля 1922 г.», стр. 3—4.

³⁰ «Рабочий писчебумажник», 1919, № 3-4, стр. 112—118.

Таблица 4

Качество маркированной штемпелями бумажной продукции отдельных предприятий*

Название предприятия или надпись на штемпеле	Сорт бумаги	Качество			
		цвет	плотность	гладкость	однородность на просвет
Говарда	№ 4	белый, голубоватого оттенка	хорошая	хорошая, блестящая	однородная и облачная
	№ 6	белый, кремоватого оттенка	средняя и ниже средней	хорошая, матовая и блестящая	однородная
	№ 7	белый, желтовато-серого оттенка	тонкая, полупрозрачная	машинная (бумага не проглаживалась на специальном каландре)	облачная
	№ 8	желтовато-серый	очень тонкая, полупрозрачная	машинная	»
«Писчая бумага»	«раскучрочная»				
	№ 4	желтоватый	хорошая	матовая	»
	№ 5	желтовато-бурый с волокнами древесины	средняя	машинная	»
	№ 6	более светлый, чем у № 5, без вкраплений древесных волокон	ниже средней	машинная	»
Окуловская	№ 5	желтоватый	хорошая средняя	матовая	»
	№ 6	»	средняя	машинная	»
	№ 7	»	типа газетной, тонкая	»	»
	№ 8	желто-серый	оберточная, тонкая	»	»
«Сокол»	№ 5	желтый	средняя	матовая	»
Горбатская	№ 7	»	тонкая	машинная	»
Рижские фабрики	№ 8	серый и желтый	газетная оберточная	»	»
Наследников Сумкина			Качество всех сортов бумаги высокое		
Способина и Кротова			»		

* Источники, на основании которых составлена таблица, см. в табл. 1.

Совсем редко встречалась в наших документах бумага со штемпелями Горбатской фабрики. Качество ее также низкое. Однако бумага с филигранями этой фабрики — хорошего качества.

Бумага с филигранями писчебумажной фабрики акционерного общества в Финляндии «КАНГАС» и «Добрушской фабрики» облачна на просвет, цвет ее хуже, чем у бумаги с филигранью компании Говарда, водяной знак очень нечеткий.

Среди бумаги, имеющей марку в виде штемпеля или филиграния, можно выделить две группы: 1) бумага хорошего качества, белого цвета, нормальной плотности и однородная на просвет; 2) бумага со снижен-

Таблица 5

Качество маркированной филигранями бумажной продукции отдельных предприятий*

Фабрика	Качество бумаги			
	цвет	плотность	гладкость	однородность на просвет
Говарда	белый	хорошая	матовая и блестящая	однородная, встречается облачная
Рижские фабрики	»	»	То же	То же
Способина и Кротова	»	»	»	»
Добрушская	желтоватый	средняя	матовая	облачная
КАНГАС	»	»	»	»
MKG STONE MILL	белый	хорошая	матовая и блестящая	однородная

* Источники, на основании которых составлена таблица, см. в табл. 2.

ным качеством, желтоватая, облачная на просвет. К первому виду относится бумага со штемпелями и филигранями фабрик Говарда, рижских фабрик, наследников Сумкина, Миркова, с филигранями Горбатской фабрики, с филигранью MKG STONE MILL. Ко второму виду — со штемпелем «Писчая бумага», фабрики Сокол, Окуловской и Горбатской фабрик, акционерного общества «КАНГАС» в Финляндии и Добрушской фабрики.

Изменения качества бумаги мы рассматривали только относительно наиболее распространенной в обиходе писчей бумаги, соответствующей IV и отчасти III разряду, по классификации Военного ведомства.

Просмотр архивных материалов показал, что нехватка высококачественного сырья для бумаги (тряпья, целлюлозы), химикатов для отбелики, каолина, гарпиуса, недостаток оборудования для размола сырья, сеток, сукон привели к снижению качества бумаги. Высокими номерами стала маркироваться бумага сниженного качества; для письма использовалась бумага низших сортов; газетная, раскурочная, оберточная. Хронологические рамки использования такой бумаги нельзя ограничить 1917—1920 гг., так как ухудшение качества бумаги началось еще в годы первой мировой войны. Однако, несмотря на разруху в народном хозяйстве страны, несколько фабрик обеспечивались необходимым сырьем и давали продукцию довоенного качества.

Для характеристики бумаги рассматриваемого периода можно использовать данные о наиболее распространенных форматах бумаги. В. Н. Доливо-Добровольский³¹ указывает, что до революции в России, по приблизительному подсчету, имелось 1500 разных форматов. Первой попыткой ограничить этот разнородный был установлен для печатных бумаг союзом русских писчебумажных фабрикантов в 1903 г. 19 форматов, хотя на практике этого ограничения не произошло. На рынке продолжала распространяться разноформатная бумага. Однако обмер писчей бумаги в просмотренных нами архивных материалах свидетельствует все же о существовании наиболее распространенных ее форматов. Преобладает писчая бумага, размер листа которой 220 × 350 мм (отклонения ± 10 мм). На такой формат писчей бумаги как обычный указывал и ряд авторов, занимавшихся этим вопросом (например Н. Икономов, В. Н. Доливо-Добровольский)³². Те же размеры указывало для бумаги и Военное ведомство.

³¹ В. Н. Доливо-Добровольский. Указ. соч., стр. 61.³² Н. Икономов. Новые стандарты форматов бумаг и их применение. — «Труды Института техники управления НК РКИ СССР», т. II. М., 1929, стр. 14; В. Н. Доливо-Добровольский. Указ. соч., стр. 61.

Личные бланки и бланки отдельных учреждений и предприятий дореволюционной России делались на заказ, поэтому у них свои, особые форматы. Так, бланк Путиловского завода имеет формат 172×224 мм, бланк правления Народного дома в Риге — 212×270 мм (бумага лучших сортов). Бланки советских учреждений, встречавшиеся нам, либо равны $1/2$ размера листа писчей бумаги, например 175×215 мм — бланк инструктора землемерно-технических работ Звенигородского уезда, либо представляют собой небольшие листы бумаги размером 171×105 мм (экономический отдел Звенигородского исполкома), 160×105 мм (земельный отдел того же исполкома).

Постановлением от 2 ноября 1918 г. Главный комитет бумажной промышленности ввел нормы размеров и веса бумаги разных сортов, допущенных на рынок. Размеры эти соответствовали уже указанным, наиболее распространенным³³.

Писчая	8×10	вершков
Писчая двойная	$10\frac{1}{4} \times 16\frac{1}{2}$	»
Писчая четвертная	$16\frac{1}{2} \times 20\frac{1}{2}$	»
Почтовая	$10\frac{1}{4} \times 13\frac{1}{2}$	»
Почтовая двойная	$13\frac{1}{2} \times 20\frac{1}{2}$	»

Первые стандартные форматы, разработанные Технико-экономическим советом бумажной промышленности, были опубликованы ВСНХ в 1924 г. По этим форматам лист писчей бумаги имел размер 220×350 мм³⁴.

До 1929 г. в основе наших форматов лежал производственный принцип, т. е. они исходили из интересов производства, не учитывая интересов потребителя. С 1 октября 1929 г. стали действовать новые стандарты, построенные по принципу учета интересов потребителей. ОСТ 636, введенный в качестве обязательного с 1 октября 1929 г., устанавливает для общей писчей бумаги форматы³⁵ A_4 — 210×297 мм и A_3 — 420×297 мм с допусками в 2 мм для A_4 и 3 мм для A_3 .

Линовка бумаги, встречающейся в архивных материалах 1917—1920 гг., очень разнообразна. Цвет ее; серый, разной интенсивности фиолетовый и голубой, зеленый. При линовке в одну линию интерлиньяж³⁶ чаще всего равен 9—10 мм. Число линий в листе писчей бумаги равно 32—36 в зависимости от величины верхних и нижних полей и высоты листа. Размеры верхних и нижних полей колеблются от 17 до 33 мм нижние и от 19 до 34 см верхние. В листах, высота которых равна 20—21 см, величина нижних полей 13—18 мм, верхних — 19—25 мм.

Разлиновка в клетку имеет те же цвета. Размеры клетки: 5×5 мм; 3×9 мм; 6×6 мм; 4×4 мм; 10×10 мм; 8×8 мм; 5×9 мм.

ОСТ 636 (1929 г.) вводит следующие виды линовки: в одну линию и в клетку. Интерлиньяж при линовке в одну линию; 8 мм (допускается 6,5 мм). Общее число линий на одной странице — 33, ширина верхнего и нижнего полей — по 20,5 мм. При интерлиньяже 6,5 мм число линий — 41, ширина верхнего и нижнего полей — по 18,5 мм.

Размеры клетки 5×5 . Допуски по линовке ± 1 мм по каждому расстоянию между линиями, но не более 2 мм на странице.

ОСТ устанавливает и цвет линовки — голубоватый.

Анализ бумаги нескольких фондов документов периода гражданской войны позволяет, как нам представляется, сделать первые предположения о возможных путях ее палеографического обследования. Прежде всего необходимо отметить, что для палеографического описания бумаги

³³ «Рабочий писчебумажник», 1918, № 1, стр. 23.

³⁴ И. Икономов. Новые стандарты форматов бумаг и их применение. — «Труды Института техники управления НК РКИ СССР», т. II, стр. 24.

³⁵ Литерой «А» обозначается основной формат бумаги. Индекс 3, 4 означает, во сколько раз данный формат меньше основного.

³⁶ Расстояние между линиями.

этого времени сохраняют, видимо, какое-то значение филигранный и штемпели. Выявление возможности их использования требует расширения документальной базы и изучения истории бумагоделательных предприятий и их знаков маркировки, уже практикуемого советскими исследователями.

Важное место в этом описании займет такой признак, как снижение качества бумаги, определение которого станет возможным с дальнейшей разработкой физических методов обследования структуры вещества без разрушения самого этого вещества.

Завышенная сортность бумаги, разлиновка, форматы являются дополнительными признаками, позволяющими дать более точное палеографическое описание документов первых лет Советской власти. Таким образом, для бумаги документов 1917—1920 гг. палеографические методы обследования возможны как в их классической форме, так и в новых формах, связанных с изменением качества, оформления бумаги и с развитием физических методов обследования.

Г. И. Вадорнов

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА¹

Письменных источников по средневековому русскому искусству, находящихся в архивах, очень мало и все или почти все древние источники уже опубликованы. И все-таки архивные фонды не исчерпаны. Большой интерес для истории художественной культуры Древней Руси представляют материалы XIX и особенно начала XX в., накопленные нашими недавними предшественниками².

Первостепенное значение имеют неизданные труды известных ученых: статьи, заметки, рецензии, публикации документов, большие исследования.

В 1971 г. при составлении сборника статей видного деятеля в области охраны и изучения древнерусского искусства Александра Ивановича Анисимова (1877—1937) наряду с учетом его изданных сочинений была сделана также попытка разыскать и неопубликованные труды. Из письма А. И. Анисимова к П. П. Муратову от 20 ноября 1913 г. было известно, что он подготавливал монографию о фресках XIV в. в новгородской церкви Феодора Стратилата³. Поскольку полного издания фресок церкви после их открытия в 1910—1912 гг. так и не появилось, хотелось разыскать в первую очередь это исследование. К сожалению, в личном архиве А. И. Анисимова нашлась только писарская копия обширной незаконченной главы об иконографическом составе росписи церкви⁴. Но не менее ценными оказались и другие ранее неизвестные материалы: текст речи «Открытия в области древнерусской живописи и их значение для научной истории русского изобразительного искусства» (1919)⁵, краткий, но содержательный отчет «Работы по раскрытию памятников живописи древнего Пскова» (1930)⁶ и рецензия на книгу Ф. Швейнфурта «Geschichte der russischen Malerei in Mittelalter» (1930)⁷. Все они, несмотря на то, что написаны давно, сохраняют познавательный интерес. А. И. Анисимов был выдающимся знатоком истории памятников, вдумчивым исследовате-

¹ Статья подготовлена на основе доклада «Древнерусское искусство и архивы», прочитанного 29 ноября 1973 г. в Институте истории искусств Министерства культуры СССР (Москва) на конференции, посвященной некоторым итогам и перспективам изучения древнерусского искусства.

² Эти материалы находятся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее — ОР ГТГ), Институте русской литературы (Пушкинском Доме) и других учреждениях АН СССР, фондах Наркомпроса в Государственном историческом музее и Центральном Государственном архиве РСФСР, в Центральном Государственном архиве литературы и искусства, областных архивах (например, Ярославском, Вологодском, Владимирском), в областных и районных музеях и, наконец, в частных собраниях.

³ ИРЛИ АН СССР, разр. III, оп. 2, № 756, л. 1.

⁴ ОР ГТГ, ф. 68, № 240, лл. 1—33.

⁵ Там же, № 214, лл. 1—20.

⁶ Там же, № 72, лл. 1—2 об.

⁷ Там же, № 236, лл. 3—6.

лем, а сообщаемые им сведения являются следствием его личного ознакомления с произведениями искусства.

Другим примером, свидетельствующим о том, какие ценные и неожиданные находки могут быть сделаны в архивах, являются материалы, связанные с именем Николая Михайловича Щекотова (1884—1945). В 1914 г. в № 2 петербургского журнала «Русская икона», издававшегося С. К. Маковским, была напечатана статья Н. М. Щекотова «По поводу собраний икон И. С. Остроухова и С. П. Рябушинского (иконопись как искусство)». Статья посвящена двум наиболее значительным московским коллекциям икон, которые, в отличие от предыдущих собраний, составлялись не как хранилища памятников иконографии и церковного культа, а как музеи забытого, но прекрасного искусства. Естественно, что Н. М. Щекотов писал не столько обзор этих собраний, сколько программную работу о новом в истории мирового искусства художественном явлении. В «Русской иконе» была опубликована лишь первая часть этой статьи. Она содержала отрицательную характеристику трудов представителей иконографической школы, а редактор «Русской иконы» С. К. Маковский, не желая терять расположения влиятельных в Петербурге столпов иконографического направления; находивших поддержку в правительственных и церковных кругах, вероятно, счел за лучшее не печатать продолжение статьи. Н. М. Щекотов в это время находился на фронте, а затем в немецком плену (1915—1918) и не имел возможности хлопотать о напечатании продолжения своей работы в другом журнале.

И. С. Остроухов, высоко ценивший и новую интерпретацию иконописи, и программные заявления Н. М. Щекотова, разыскал вторую половину его статьи⁸. Нелишне будет привести его отзыв о работе Н. М. Щекотова: «Это чудесная статья, и как не стыдно было С. Маковскому, претендующему на роль прогрессивного деятеля в этой области, так трусливо уступать Кондакову и кондаковцам, которые всею своею деятельностью доказали полную свою несостоятельность в познании нашей древней иконописи, плутая слепо и косно, доплутавшись до «итало-критских» дебрей и окрестив, наконец, наше *мировое* гениальное искусство названием «кустарного». Я с восторгом и благоговением читал и перечитывал статью Щекотова...»⁹ К сожалению, продолжение статьи так и не было опубликовано.

Не повезло и другому исследованию Н. М. Щекотова — об иконе «Троица» Андрея Рублева. Статья была подготовлена им уже после возвращения из Германии и после вторичной расчистки иконы. Она предназначалась, вероятно, для журналов «Художественная жизнь» или «Искусство», которые издавались в 1918—1919 гг., но из-за нехватки бумаги скоро прекратили свое существование. Статья о «Троице» была набрана и уцелела в виде верстки с авторскими исправлениями и дополнениями¹⁰. Частично она опубликована в 1963 г. издательством «Советский художник» в сборнике избранных трудов Н. М. Щекотова¹¹. По-видимому, следует опубликовать исследование о «Троице» полностью и в специальном издании, как и обе части его статьи об иконописи.

В архиве Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника хранится текст неизданного доклада историка искусства Николая Григорьевича Порфиридова «К вопросу о запрестольном деисусе Нередицкой церкви»¹². Этот небольшой доклад был прочитан в Новгородском общест-

⁸ См. в фонде И. С. Остроухова: ОР ГТГ, ф. 78, № 13, лл. 1—40 (машинописный экземпляр с авторскими исправлениями).

⁹ Из письма И. С. Остроухова к П. И. Нерадовскому от 29 декабря 1916 г. — ОР ГТГ, ф. 31, № 1196, л. 2.

¹⁰ Там же, ф. 78, № 59, лл. 1—27.

¹¹ Н. М. Щекотов. Статьи, выступления, речи, заметки. М., 1963, стр. 36—43.

¹² Архив Новгородского музея, ф. Новгородского общества любителей древности (далее — ф. НОЛД), № 3542.

ве любителей древности в сентябре 1919 г. Он посвящен объяснению необычного состава деисуса в алтарной нише церкви, где слева представлен Иоанн Креститель, а место традиционной Марии справа занимает Марфа. Задолго до Н. П. Сычева, который предложил аналогичное истолкование этой загадки в 1932 г., Н. Г. Порфиридов высказал мнение о патрональности передицкого деисуса, так как строитель и заказчик росписи церкви князь Ярослав Владимирович был назван в крещении Иоанном, а его супруга — Марфой. Н. Г. Порфиридов затронул также вопрос о национальности мастеров, работавших в Нередице. Он указал, что стиль фресок не имеет ничего общего с византийскими памятниками монументальной живописи конца XII в. Но фрески отличаются настолько большой спецификой в деталях и в целом, что было бы методологически неверно предполагать в Новгороде в эту эпоху существование мастеров, которые уже отошли от греческих или киевских образцов и выработали собственный, ни на что не похожий, новгородский стиль. Н. Г. Порфиридов сделал вывод, что передицкие фрески были, возможно, выполнены не греческими и не русскими художниками, а представителями неизвестной нам третьей школы. Аргументом в пользу своей точки зрения он считал также надписи на фресках Нередицы, из которых АЛЬКОСА при изображении св. Алексия была бы невозможна для русского мастера.

В тексте доклада не уточняется, откуда Н. Г. Порфиридов был склонен выводить мастеров Нередицы, но, судя по обзору прений¹³, он думал преимущественно о восточнохристианских основах стиля росписи Нередицы, которые, как мы знаем, оказывали существенное воздействие на живопись Малой Азии, Кавказа, Афона, Балканского полуострова и России. Предположение молодого ученого показалось ему самому настолько смелым, что он не только напечатал исследования, но и в машинописном тексте доклада, предназначенном для архива Общества любителей древности, решительно перечеркнул две страницы, где им излагалась мысль о происхождении мастеров Нередицы. Вопрос о том, кем были эти мастера, неоднократно обсуждался в научной литературе в последующие годы, но до сих пор ученые не пришли к единому мнению. Нередицкие фрески еще долгое время будут предметом горячих споров. И поэтому, конечно, заслуживает дальнейшей научной жизни забытая даже ее автором небольшая статья о Нередице, написанная более полувека назад в Новгороде.

Другую обширную группу архивных материалов представляют официальные документы; протоколы научных заседаний и комиссий, отчеты специализированных музейных отделов и экспедиционные дневники, регистрационные описи и акты, докладные записки и служебная переписка. Эти источники могут показаться неинтересными. Но в действительности такое мнение ошибочно, и систематически подобранный официальный материал обладает, как правило, немалой познавательной ценностью.

Кто бывал в Новгороде и его окрестностях, тот, несомненно, обращал внимание на высокие каменные опоры посреди Волхова на речном пути из Новгорода в Юрьев монастырь и на такую же высокую песчаную насыпь, которая начинается примерно от Синичьей горки и продолжается на другом берегу реки около Нередицы. Эти сооружения — остатки железнодорожной линии Орел—Петроград, спешно строившейся в годы первой мировой войны для обеспечения столицы и фронта хлебом и сырьем из центральных областей России. Выбирая место для постройки моста и насыпи в одном из наиболее величественных исторических пейзажей Новгорода и в непосредственной близости от церкви Спаса Нередицы с ее знаменитыми фресками XII в., царское правительство не думало о том, что оно нанесет непоправимый ущерб русской культуре. Поэтому ни одно из археологических обществ не было своевременно оповещено о предпола-

¹³ Там же, № 1979.

гаемой трассе через Новгород, и голоса протеста слышались только тогда, когда строительство уже шло полным ходом и на него были затрачены миллионы рублей. Постепенно, в течение 1916 г., в полемику и бесконечные совещания и переписку о железнодорожном полотне близ Нередицы были втянуты периодическая печать, специалисты и представители обществности. Все прогрессивные люди возмущались вандалским отношением к Новгороду. Поскольку, однако, линия имела стратегический характер, изменить ее направление значило бы задержать ее сдачу в эксплуатацию. Представители Генерального штаба, Совета министров и Министерства путей сообщения высказались о невозможности изменения проекта, и Николай II приказал продолжать строительство.

Историю долгой, но бесплодной борьбы за сохранение исторического ландшафта близ Нередицы и за безопасность ее росписи можно представить в драматических документах. Наиболее полно она изложена в «Исторической записке» на эту тему, составленной в 1918 г. председателем Новгородского общества любителей древности И. В. Аничковым¹⁴, и в обширном докладе П. П. Покрышкина «О способах и мерах по сохранению фресок церкви Спаса Нередицы», написанном в 1919 г.¹⁵ Сохранился еще один выразительный документ, датированный 6 мая 1916 г. Это «Обращение» Новгородского общества любителей древности в имп. Археологическую комиссию¹⁶.

Множество ценных материалов, преимущественно делопроизводственного характера, находится в местных музеях, где они часто не составляют особых архивных фондов. Именно поэтому они нередко остаются неизвестными не только для специалистов, но и для самих музейных работников¹⁷. В 1968 г. в фондах Вологодского областного краеведческого музея

¹⁴ Архив Новгородского музея, ф. НОЛД, № 3422.

¹⁵ Архив ЛО Института археологии АН СССР, ф. 67, № 8, лл. 59—74 об.

¹⁶ Вот его текст: «Новгородское общество любителей древности получило совершенно достоверные сведения, что железнодорожные линии Нарва—Валдай и Петроград—Орел, проходя мимо Новгорода, обойдут город с южной стороны и пересекут Волхов мостом между Юрьевым монастырем и Городищем. Если этому проекту суждено будет осуществиться, то Русская земля лишится одного из самых замечательных видов своих, с которыми могут сравниться только виды с набережной Невы на Зимний дворец, Петропавловскую крепость и Биржу, виды из Замоскворечья на Москву-реку с Кремлем и храмом Василия Блаженного и на Днепр от памятника св. Владимиру в Киеве, т. е. такие исключительные по своей цельности сочетания природы и культуры, которые характеризуют собою целые эпохи в истории народа и которые надлежит оберегать как самые дорогие национальные памятники. В том месте, где проектируется железнодорожная линия, Волхов разливается на громадные пространства, и высокая дамба, потребная для полотна железной дороги, на несколько верст перервет заливные луга, отделяющие Новгород от берегов Ильмень-озера. Волхов, который в этом месте особенно широк, потребует устройства большого железнодорожного моста, каковой должен будет пройти в ближайшем расстоянии от Городища и замечательнейшего памятника древней Руси — церкви Спаса-Нередицы. Таким образом, дамба и мост лягут между Новгородом и древней резиденцией Рюрика и первых русских князей, Юрьевским собором, Спасом-Нередицей и водным горизонтом истоков Волхова и Ильмень-озера, т. е. разъединят навсегда те части знаменитого исторического ландшафта, которые составляли когда-то одно нерасчленимое культурное целое. Теперь, когда культурные народы стремятся ставить под охрану государства не только местности, покрытые историческими памятниками первостепенной важности, но и просто отдельные уголки природы в воспоминание о том, какой характер носила последняя до встречи с человеческой культурой, нам надлежит с особой бережностью относиться к таким историческим видам, как истоки Волхова у подножия Новгородского Кремля. Проведение моста с северной стороны от города, у Антоньева монастыря, как было предположено ранее, если бы и вызвало некоторые перерасходы по устройству железнодорожной линии, то все же последние были бы неудобством временным, а не таким вопиющим и непоправимым, как уничтожение навсегда исторического вида, отмечающего целую эпоху в жизни всего русского народа. . .» (Архив Новгородского музея, ф. НОЛД, № 3334, отпуск). «Обращение» составлено А. И. Анисимовым.

¹⁷ Одним из немногих исключений является Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, архив которого находится в специальном помещении, имеет инвентарную опись и картотеку.

удалось найти множество документов, которые освещали развитие музейного дела в Вологде начиная с первых лет Октябрьской революции и кончая серединой 1930-х годов. Особенно важными оказались регистрационные описи икон и художественной утвари в церквях Вологды и Вологодского края, которые велись в 1924—1934 гг. хранителем художественного отдела Вологодского музея Иваном Васильевичем Федышиным (1885—1941), а также последующие акты поступления этих произведений в музей¹⁸. И описи, и акты являются неоценимым источником для составления точных паспортных данных о всех иконах Вологодского музея, коллекция которых насчитывает свыше 3 тыс. единиц хранения. Достаточно сказать, что благодаря официальным документам, обнаруженным в Вологде, детально выясняется история находки и начала изучения такого первоклассного памятника древнерусской живописи местного музея, как икона XIV в. «Богоматерь Умиление» из Воскресенской Подкубенской церкви.

По объему и ценности подобных материалов к вологодским хранилищам приближаются собрания Ярославля и Ростова. Их изучение будет, возможно, решающим для установления фонда подлинных ростовских и ярославских икон, а последние явятся, в свою очередь, ядром для будущей истории ростово-ярославской художественной школы. Здесь сравнительно мало регистрационных описей, подобных описям И. В. Федышина, но точные сведения о происхождении наиболее значительных ростовских икон даются в реставрационных протоколах. В Ярославле длительное время функционировал филиал Центральных Государственных реставрационных мастерских, живописную секцию которого возглавлял Николай Иванович Брягин (1885—1933). Он прошел две замечательные школы; реставрации икон учился у Е. И. Брягина в Москве, а музейному делу у П. И. Нерадовского в Петербурге. Н. И. Брягин руководствовался прежде всего государственным значением музейного дела и научными целями открытия древнерусской живописи. Памятником его феноменального трудолюбия являются не только десятки расчищенных им икон и фресок в Ярославле, Ростове, Ленинграде и Москве, но и подробнейшие протоколы их укрепления и расчистки. В Ярославле сохранилось 89 таких протоколов — с 1925 по 1930 г.¹⁹ Уже в первый год пребывания Н. И. Брягина в Ярославле руководство мастерской решило просить его как специалиста отмечать в протоколах не только технические, но и научные наблюдения, сделанные в ходе расчисток. Брягинские протоколы — это научно-технические этюды, где записаны соображения реставратора о местах происхождения икон (чаще всего Ростов), о времени их возникновения, о манерах и стилях, о палеографических приметах древних надписей.

Важный раздел архивных материалов по древнерусской художественной культуре образуют фотоснимки, копии и зарисовки памятников искусства. Все исследователи знают и широко используют в своей работе замечательные фотоснимки А. Н. Павловича и Л. А. Мацулевича с фресок Нередицы, Ковалева, Волотова, Городища, Рождества на кладбище и других новгородских церквей (Ленинградское отделение Института археологии АН СССР) и фотоснимки А. В. Лядова, сделанные им в первые годы Советской власти в церквях Новгорода и Владимира (Музей архитектуры им. А. В. Щусева, Москва). Эти фотоснимки обладают исключительной ценностью, так как многие новгородские храмы, расписанные фресками, разрушены фашистами в годы Великой Отечественной войны. По той же причине возросло значение цветных копий с фресок, бережно хранимых в Русском музее в Ленинграде. Но в целом фототеки и фонды других изобразительных материалов в академических институтах, в музеях и

¹⁸ Эти документы хранятся сейчас в архиве реставрационной мастерской Вологодского областного краеведческого музея.

¹⁹ В настоящее время они хранятся в фондах Ярославского художественного музея.

архивах обследованы недостаточно, и здесь возможны неожиданные находки. В частных собраниях также имеются интересные материалы. Несколько лет назад один из московских реставраторов разыскал в Киеве прекрасно сохранившиеся большеформатные ретушированные негативы с неизданных крестов и резных каменных иконок домонгольской эпохи из бывшей коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко. Некоторые из этих крестов и образков были впоследствии утрачены, и найденные фотоснимки являются теперь единственным источником для их изучения.

Особое место в архивных материалах занимают личные бумаги: воспоминания, дневники и письма. Воспоминания и дневники встречаются редко, но известны такие любопытные образцы, как «Мемуары П. И. Юкина» (подлинное название)²⁰ и дневниковые записи И. В. Федышина, охватывающие десятилетие с 1924 по 1934 г.²¹ Воспоминания Павла Ивановича Юкина существенно дополняют печатные сведения об иконописном и реставрационном деле в селах Владимирской губернии конца XIX — начала XX в., а также содержат интереснейшие сообщения об офенях, о скупщиках старины, о старообрядцах-коллекционерах Городца и Нижнего Новгорода, об иконописной мастерской братьев М. О. и Г. О. Чириковых, о реставрациях в Москве и Новгороде, о собирательстве И. С. Остроухова и С. П. Рябушинского, об экспедициях Всероссийской комиссии по расчистке древней живописи и, наконец, о множестве лиц, связанных с изучением древнерусского искусства в 10-е и 20-е годы XX в. По-своему замечателен и дневник И. В. Федышина, куда он записывал большие и мелкие события музейной жизни Вологды, сообщения ученых, с которыми он встречался, о памятниках искусства и старины, впечатления посетителей об экспонатах Вологодского музея.

Личные бумаги всегда индивидуальны. С упомянутым дневником И. В. Федышина тесно связаны его отчет о стажировке в 1924 г. в московских и ленинградских реставрационных мастерских, а также объемистая пачка записей на отдельных листках под названием «Атрибуции по иконописи»²². Записи датированы 1926—1930 гг. По содержанию это краткие отзывы об иконах Вологодского музея. Они принадлежат ученым, которые посещали в эти годы Вологду и интересовались древнерусской живописью. Происхождение записей таково. Будучи осенью 1926 г. на курсах музейных работников в Москве, И. В. Федышин слушал в Музее изящных искусств лекции В. Н. Лазарева по определению памятников западноевропейской живописи. В. Н. Лазарев советовал своим слушателям записывать мнения приезжих специалистов, чтобы в будущем использовать их для научной атрибуции произведений, хранящихся в провинциальных музеях. Вернувшись в Вологду, И. В. Федышин поспешил воспользоваться советом и на протяжении нескольких лет пополнял собрание своих заметок. Мы находим здесь имена известных искусствоведов и реставраторов; А. И. Анисимова, Л. А. Дурново, М. В. Алпатова, В. А. Богусевича, Е. А. Лютер, Ф. А. Каликина, П. И. Юкина и др. Этот материал имеет большое значение, так как речь идет об очень важных памятниках, например о житийной иконе Дмитрия Прилуцкого начала XVI в. Некоторые оценки представляются сейчас ошибочными, но в целом они обладают особой свежестью и живо приобщают нас к интересам музейной и научной жизни второй половины 1920-х годов.

Наиболее интересный раздел в личных архивах — это, конечно, письма. В большинстве случаев они не предназначались для издания, что определяло их относительно свободное содержание. То, что интересовало и волновало человека, находило непосредственное выражение на страни-

²⁰ ОР ГТГ, ф. 4, № 813, лл. 1—29.

²¹ Находятся в личном архиве И. В. Федышина у его сына Н. И. Федышина в Вологде.

²² Там же.

цах его писем к родственникам, друзьям и товарищам, к единомышленникам по работе, а в более осторожной форме — к лицам, с которыми автор писем был связан служебными либо другими официальными отношениями. Вот почему письма, в отличие от иных документов прошлого, не только содержат ценную информацию об эпохе, но и воспринимаются как своеобразные литературно-бытовые памятники. В умело составленных сборниках и с необходимыми пояснениями о фактах и людях письма читаются с неослабевающим интересом не только специалистами, но и широкими кругами читателей. Древнерусская живопись и другие виды искусства служили предметом увлечения не одних только реставраторов и коллекционеров, но и целого ряда замечательных ученых и музейных деятелей. Это Н. П. Кондаков, Н. П. Лихачев, В. Н. Щепкин, Д. В. Айналов, В. К. Мясоедов, Н. Л. Окунев, Ф. И. Шмит, П. П. Муратов, И. Э. Грабарь, А. И. Анисимов, И. С. Остроухов, Н. П. Сычев, П. И. Нерадовский, В. Т. Георгиевский, Н. Н. Пунин, Н. М. Щекотов, Н. Г. Порфиридов, Ю. Н. Дмитриев. Их переписка насыщена любопытными фактами, а изложению всегда индивидуально и красочно. Такие письма не оставляют равнодушным даже человека, далекого от изучения русского средневекового искусства. По-своему также интересны письма менее известных деятелей. Это М. В. Муравьев, П. Л. Гусев, Н. Д. Протасов, Н. Е. Макаренко, В. Н. Ханенко, К. Ф. Некрасов, К. В. Шероцкий, А. И. Бригин, П. И. Юкин, Н. В. Малицкий, В. А. Богусевич, Н. Н. Репников. Именно в письмах перед нами рисуется общая картина открытия средневекового русского искусства — открытия, совершившегося не избранными лицами, а коллективом людей, работавших не только в столицах, но и в других — больших и малых — городах России.

Все упомянутые архивные материалы могут быть использованы в исследованиях. С одной стороны, это источники для истории науки о древнерусском искусстве. Несмотря на относительно недавнее возникновение, она занимает прочное место в ряду гуманитарных дисциплин, изучающих прошлое нашей Родины. С другой стороны, в архивных материалах содержатся неизвестные либо малоизвестные факты или их интерпретации, которые могут существенно пополнить наши знания об отдельных памятниках и о средневековом русском искусстве в целом. И не только в области иконописи и фресковой живописи, но и миниатюры, шитья, декоративного и прикладного искусства. И не только о древнерусском искусстве, но и о родственных ему византийском, болгарском и сербском искусствах. Изучение архивов и публикация архивных материалов имеют также нравственное значение. Мы должны указать на заслуги своих предшественников. Многие из них работали в трудное время, иной раз лишаясь элементарных условий не только для научных занятий, но и для простого существования. И наша прямая обязанность — сделать все необходимое для того, чтобы их лучшие труды были изданы и получили надлежащую высокую оценку в истории открытия и изучения древнерусского искусства.

Публиковать названные архивные материалы можно по-разному. В общем обзоре достаточно краткой ссылки на документ, содержание которого мы используем в своей работе²³. Но по-настоящему ценный источник надо сделать общедоступным — путем его полной или выборочной публикации. Институт истории искусств Министерства культуры СССР, и в частности его сектор по изучению древнерусского искусства, уже имеют некоторый опыт; в сборниках избранных работ И. Э. Грабаря опубликованы его неизвестные статьи по древнерусской живописи и архитекту-

²³ Подобный обзор, дающий материал для изучения творческого наследия Ф. И. Буслаева, см. в статье: В. Ю. Афиани. Эпистолярное наследие Ф. И. Буслаева в московских хранилищах. — «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 304—314.

ре, а также несколько писем ученого ²⁴. Издан и специальный сборник писем И. Э. Грабаря, охватывающий дореволюционный период его деятельности ²⁵. Но архивных материалов, в которых идет речь о древнерусском искусстве, значительно больше. Возможно, что Институт истории искусств рассмотрит вопрос об издании серии сборников «Материалы для изучения древнерусского искусства», а также трудов наиболее видных ученых недавнего прошлого, в первую очередь А. И. Анисимова и Н. П. Сычева. Это сложное, но нужное дело, и для его осуществления институт мог бы привлечь другие учреждения. В серии «Материалов» предметом публикации должны явиться не памятники и тем более не общие вопросы истории русского средневекового искусства, а именно архивные материалы; выдержки из монастырских и церковных описей, неизвестные и малоизвестные (например, напечатанные в старых газетах и журналах) статьи, записные книжки ученых, подобранные по единому тематическому принципу официальные документы, личная и служебная переписка. Незданные труды и переписку ученых можно выделить в особую серию сборников, аналогичную «Литературному наследству».

Предлагаемая идея новая, но кое-что в этом направлении уже сделано. Еще в 1968 г. во Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных ценностей (ВЦНИЛКР, Москва) была намечена обширная программа составления сборников под общим названием «Материалы и документы по истории выявления, учета, собирания, реставрации и изучения памятников древнерусской живописи». Был подготовлен 1-й том «Материалов», посвященный Вологде, Вологодскому краю и Каргополю в объеме 25 печатных листов с вступительными статьями к некоторым разделам и комментариями. Подбирался также материал для новгородского и ярославо-ростовского томов. К сожалению, несмотря на очевидную необходимость создания группы по подготовке сборников, такая группа не была организована. В дальнейшем работа сконцентрировалась на подготовке «Очерков по истории открытия древнерусской живописи» и составлении сборника писем ученых, реставраторов, коллекционеров и общественных деятелей на ту же тему. Она ведется и сейчас, но еще далека от завершения.

Изучение архивов и публикация архивных материалов — дело очень трудное. Перспективная задача подготовки и издания «Материалов для изучения древнерусского искусства» и сборников статей ученых первой половины нашего века должна осуществляться не отдельными лицами, а коллективом ученых. Было бы желательно привлечь к этой работе всех исследователей средневекового русского искусства, а также опытных архивистов и музейных работников, интересующихся им и желающих сделать что-либо ценное для его изучения и популяризации.

²⁴ *Игорь Грабарь*. О древнерусском искусстве. М., 1966; *он же*. О русской архитектуре. М., 1969. Изданы также письма И. Э. Грабаря к видному пермскому искусствоведу 1920-х годов Н. Н. Серебренникову: А. Г. Будрина, Г. А. Поликарпова. Из неопубликованных писем И. Э. Грабаря. — «Уральский археографический ежегодник за 1970 год». Пермь, 1971, стр. 341—353.

²⁵ *Игорь Грабарь*. Письма. 1891—1917. Ред.-сост. Л. В. Андреева и Т. П. Каждан. М., 1974.

В. П. Бударгин

ХРАНИЛИЩЕ ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЕЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА

(к 25-летию)

В 1949 г. в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР появился новый разряд хранения — древнерусские рукописи. Основу его составили привезенные в том же году с берегов Печоры сотрудником сектора древнерусской литературы В. И. Малышевым 32 рукописные книги XVI—XIX вв. Это была первая археографическая экспедиция института, а усть-цилемские находки стали первыми поступлениями Хранилища древнерусских рукописей.

Создание в Пушкинском Доме Хранилища древнерусских рукописей не было случайностью. Уже с 30-х годов В. И. Малышев, тогда еще студент, начал поиски рукописной книги на Печоре и в целом ряде других исторических и культурных центров Северо-Восточной Руси¹.

Четверть века прошло со времени этой первой экспедиции, более 7000 рукописей XII—XIX вв. насчитывается теперь в Древлехранилище Пушкинского Дома². Двадцать пять лет непрерывных археографических разысканий спасли для науки сотни памятников древнерусской книжности, дополнили наше представление о древнерусской литературе новыми, уникальными произведениями. В 40-е годы были предприняты разведывательные поездки в Карелию. Находки поступали в собрания Библиотеки АН СССР, Карельского филиала АН СССР, пополняли коллекции известных ученых Б. Д. Грекова, А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и др. За это время накапливался опыт археографической работы и вызревало убеждение в необходимости более планомерных поисков рукописной книги, в централизации и скорейшем изучении самих находок. Эти задачи и надлежало теперь решить только что созданному Хранилищу древнерусских рукописей.

Со дня основания и по настоящее время основным источником формирования собрания древнерусских рукописей Пушкинского Дома являются археографические экспедиции. Сначала это были даже не экспедиции, а командировки без выделения средств на покупку материалов, организуемые нерегулярно и на короткий срок. С 1954 г. началось регулярное ежегодное обследование северных районов страны. В 1958 г. были организованы сразу три археографические экспедиции, что позволило не только продолжить работу в уже известных районах, но и проверить наличие рукописной книги в местах будущих поисков. С 1963 г. большую помощь в собирании рукописей оказывают Хранилищу студенты Ленинградского

¹ М. В. Кужушкина. Рукописи Библиотеки АН СССР, собранные при участии В. И. Малышева. — В кн.: «Рукописное наследие древней Руси (по материалам Пушкинского Дома)». Л., 1972, стр. 401—405.

² «Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов)». Сост. В. И. Малышев. М. — Л., 1965; В. И. Малышев. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома. — «Русская литература», 1966, № 2; 1967, № 1; 1968, № 2; 1969, № 2; 1970, № 1; 1971, № 1; 1972, № 2; 1973, № 2; 1974, № 1.

университета, возглавляемые руководителем семинара по древнерусской литературе доцентом Н. С. Демковой и заведующим Отделом редких книг Научной библиотеки им. М. Горького при ЛГУ А. Х. Горфункелем. Ежегодные поездки студентов на Север принесли немало ценных и порой уникальных находок.

В основу собирательской работы с самого начала был положен принцип сплошного археографического обследования районов с преимущественно старообрядческим населением в прошлом. Особенностью данного принципа является, в частности, отказ от «собираательства» рукописей, когда находки становятся самоцелью. Сплошное археографическое обследование предусматривает изучение рукописной традиции, книжной культуры исследуемого района. Не только поиски рукописей, — огромное значение приобретает собирание сведений о местных книгочехах, переписчиках и художниках рукописной книги, выявление состава родовых крестьянских библиотек. Ни одна, даже самая удачная, археографическая экспедиция не может в полной мере справиться с этими задачами. Отсюда — необходимость многократного обследования выявленных центров древнерусской книжности. Но опыт показывает, что и в уже обследованных районах возможны самые неожиданные находки. Поэтому периодически в эти районы организуются контрольные экспедиции, позволяющие дополнить их археографическую характеристику.

С методом сплошного археографического обследования логически связан и территориальный принцип комплектования находок. Существующие в Хранилище Печорское, Пинежское, Карельское, Мезенское, Причудское, Северодвинское и другие собрания объединяют рукописи, сохранявшиеся или переписывавшиеся в селениях, расположенных по берегам рек Печоры, Пинеги, Мезени, Северной Двины, в Карелии или Причудье. Изучение собранного материала позволило, в частности, доказать существование на Севере позднейшей рукописной традиции, которую отличает не только палеографическая индивидуализированность (печорский, северодвинский полуустав, особенности художественного оформления книги), но и существование местных переработок уже известных памятников древнерусской литературы, создание оригинальных местных произведений. Удалось установить основные очаги бытования и пути миграции рукописной книги.

Метод сплошного археографического обследования в собирании рукописей и территориальный принцип, положенный в основу формирования собрания древнерусских рукописей Пушкинского Дома, создают надежные предпосылки для успешного изучения книжной культуры русского Севера. Важным шагом в этом направлении и своего рода итогом всей археографической работы должно стать научное описание территориальных собраний. Начало этой работе было положено В. И. Малышевым, сделавшим научное описание 419 усть-цилемских рукописных книг XV—XX вв.³ Сейчас работа продолжена на материале Красноборского и Причудского собраний. Описание территориальных собраний даст, в частности, возможность атрибутировать впоследствии многие рукописи частных коллекций и отдельных поступлений, ибо большая их часть также связана с северной рукописной традицией.

Завершая разговор об археографических экспедициях, подведем некоторые итоги формирования основных территориальных собраний за 25 лет (учитываются только рукописи, привезенные экспедициями):

- 1) Печорское собрание — 18 экспедиций, 819 рукописей XV—XX вв.
- 2) Пинежское собрание — 8 экспедиций, привезено 369 рукописей XIV—XIX вв.

³ В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. Продолжение описания см.: «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 561—604; т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 442—457.

3) Карельское собрание — 6 экспедиций, доставлено 142 рукописи XVI—XIX вв. Всего Карельское собрание насчитывает 574 рукописи XV—XX вв.

4) Мезенское собрание — 4 экспедиции, привезено 145 рукописей XVI—XX вв.

5) Причудское собрание — 3 экспедиции, 123 рукописные книги XV—XX вв.

6) Северодвинское собрание — 5 экспедиций, 277 рукописей XV—XX вв.

Всего за прошедший период было проведено около 60 археографических экспедиций в Архангельскую, Новгородскую, Псковскую, Вологодскую, Горьковскую, Пермскую и другие области, в Коми АССР, в Карелию и Прибалтику. В территориальных собраниях насчитывается более 3000 единиц хранения.

Несколько обособленно стоит такой источник пополнения Хранилища, как рукописи, официально переданные ему учреждениями. В 1951 г. по решению Президиума АН СССР Пушкинскому Дому было передано 827 рукописей XII—XX вв. собрания Института мировой литературы АН СССР (ИМЛИ), в состав которого входила замечательная коллекция академика В. Н. Перетца (657 единиц). В 1954 г. Президиум АН СССР передал институту из Карельского филиала АН СССР 386 рукописей XV—XIX вв., разысканных в 1940—1950 гг. на территории республики О. Г. Большаковой, Л. А. Дмитриевым, Е. А. Майминым, В. М. Морозовым, В. И. Малышевым и др. В 1967 г. филологический факультет Ленинградского университета пополнил Пинежское собрание 87 рукописными книгами XIV—XX вв., привезенными в разные годы с Пинеги диалектологическими экспедициями.

Значительную часть собрания Пушкинского Дома составляют частные коллекции, подаренные собирателями при жизни или переданные впоследствии их наследниками. Среди них ценнейшая коллекция недавно скончавшегося реставратора Ф. А. Каликина, коллекции историка русской культуры и краеведа М. И. Успенского, этнографа и фольклориста И. С. Абрамова, известного лингвиста-филолога Е. Ф. Будде и др. Этот источник пополнения фондов Хранилища, не являясь основным, не только вводит в научный оборот новые рукописные материалы, но и предусматривает определенную стабильность последующих поступлений в эти коллекции. Из года в год расширяется число самих коллекций. Так, за последние несколько лет в состав Хранилища влились коллекции пермского профессора П. С. Богословского; К. П. и А. Г. Гемп, ученых из Архангельска; В. Ф. Груздева, кандидата медицинских наук, основная часть коллекции которого находится в собрании академика М. Н. Тихомирова, переданном Сибирскому отделению АН СССР; уникальная коллекция Ф. В. Тумилевича, доцента Ростовского педагогического института, содержащая рукописи казаков-некрасовцев; коллекции Н. М. Маслова, известного калужского краеведа; М. Н. Потоцкого, научного сотрудника Института физиологии им. И. П. Павлова, и другие, среди которых особое место занимает привезенная в 1971—1972 гг. с Северной Двины коллекция В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой, насчитывающая 201 рукопись XV—XX вв. Пополнились за этот период коллекции М. И. Успенского, Н. С. Плотникова, К. П. Гемп, С. Г. Евсеева, В. Г. Зыкина, П. С. Богословского и др. Не следует, однако, думать, что поступление и пополнение личных коллекций происходит как бы само собой, стихийно. Это не менее важный участок нашей археографической работы, чем поиски рукописей непосредственно на местах.

Всего в настоящее время в собрании древнерусских рукописей Пушкинского Дома находится 23 личные коллекции, что составляет около 2000 рукописей и рукописных книг XII—XX вв.

Наконец, рукописи, которые заносятся в Хранилище в описи отдель-

ных поступлений. Имеются в виду единичные рукописи, получаемые в дар или приобретаемые от коллекционеров и любителей старины. Это один из очень важных источников пополнения собрания Пушкинского Дома. Дело в том, что большое количество рукописей так или иначе минует государственные хранилища и попадает к частным лицам. В последнее время этот процесс стал более интенсивным в связи с начавшейся модой на старину. Пройдет мода — и рукописи «за ненадобностью» станут доступнее. Есть коллекционеры и любители старины, которым по каким-либо причинам не хочется расставаться с имеющимися у них 3—4 рукописями и которым чаще всего удается все-таки доказать преимущества государственного хранилища перед частной коллекцией. Есть и случайные держатели рукописей, которые даже не подозревают, что лежащая у них книга представляет интерес для науки. Выявление всех такого рода владельцев старинных рукописей, поддержание с ними постоянного контакта, вовлечение их в собирание рукописей не для себя и друзей, а для науки — это еще один аспект археографической работы, еще один район поисков, география которого иногда выходит даже за пределы нашей страны.

Ученые, писатели, журналисты, люди самых различных профессий оказывают активную помощь в пополнении собрания. Среди получаемых от них в дар или приобретаемых рукописей немало замечательных образцов древнерусской книжности, среди них и такие уникальные рукописи, как Пустозерский сборник Заволоко или знаменитое уже Евангелие XIV в. галицко-волынского письма. Из года в год увеличивается число поступлений от коллекционеров и любителей старины. Только за последние три года они передали в Хранилище около 350 рукописей XV—XIX вв.

Последний источник пополнения собрания, который должен быть отмечен, — это материалы, поступающие время от времени в Хранилище из библиотеки, музея и Рукописного отдела Института русской литературы.

Мы кратко остановились на истории комплектования и методах собирания древнерусских рукописей, выработавшихся за четверть века в Древлехранилище Пушкинского Дома. Каковы же результаты большой археографической работы, проделанной за эти годы?

Главная задача, стоявшая перед Хранилищем в момент его создания, заключалась в приобретении памятников исторического и литературного содержания и оказании тем самым помощи сектору древнерусской литературы в его исследовательской работе. О том, насколько успешно была выполнена эта задача, свидетельствуют уже не только сами находки, но и весьма внушительная библиография научных работ, в которых использованы рукописные материалы Хранилища⁴. Большая доля в разработке материалов Древлехранилища принадлежит сотрудникам сектора древнерусской литературы. Не только литературоведы и историки, но и специалисты, занимающиеся древнерусским искусством, музыкой, фольклором, историей языка, палеографией, находят здесь интересующие их материалы.

В собрании представлены оригинальные и переводные повести, сатирическая проза и стихотворные произведения, апокрифическая литература, памятники исторического и естественнонаучного характера, произведения самых различных жанров и областей знаний.

В собрании около 300 датированных рукописей XV—XIX вв., около 400 лицевых и орнаментированных рукописных книг XIV—XX вв. Из общего числа рукописей: XII—XIV вв. — 12, XV в. — 37, XVI в. — около 150.

За 25 лет Древлехранилище Пушкинского Дома не только стало в один ряд с крупнейшими хранилищами письменной старины страны, но и является как бы огромной крестьянской библиотекой Севера, в которой отражены самые разные стороны быта, а также круг чтения и интересов се-

⁴ Библиография за последние 10 лет подготовлена к печати В. И. Малышевым.

вернорусского крестьянина. В Древлехранилище нет ни одной монастырской библиотеки, зато представлены несколько родовых крестьянских библиотек (пинежан Рудаковых, Вальковых, Поповых, Мерзлых, печорцев Михеевых), ведущих свое начало еще с XVII—XVIII вв. Здесь хранятся интереснейшие архивы красноборского художника Н. П. Шестакова и нижнетоемского писца и рисовальщика В. И. Третьякова, памятники народной медицины, документы, крестьянские письма, дневники и пр.

В собрании находятся такие уникальные памятники древнерусской письменности, как уже упоминавшийся Пустозерский сборник Заволоко, содержащий автографы Аввакума и Епифания, новый автограф 2-й части Жития Епифания, «Слово о погибели Русской земли» в сборнике XVI в., пергаменное Евангелие XIV в. галицко-волынского письма, Повесть о Сухане, Архангелогородский и Пинежский летописцы, сборники пословиц и поговорок в списках XVII—XVIII вв., Евангелие, переписанное царевной Софией Алексеевной и оформленное мастерами Оружейной палаты, и многие другие памятники, часто сохранившиеся в одном только списке и ждущие своего исследователя.

Необходимо отметить и такую сторону деятельности Хранилища, как ежегодные тематические выставки и выставки новых поступлений. Они привлекают сотни посетителей, многие из которых становятся потом активными помощниками в археографической работе института.

Печать регулярно информирует читателей как о результатах летних экспедиций, так и о всех наиболее интересных текущих находках и поступлениях. Эта широкая гласность работы археографов способствует выявлению новых имен собирателей старины, новых рукописных материалов.

Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома отмечает свой первый юбилей. И хочется поблагодарить и вспомнить тех, кто помогал при его организации, — В. П. Адрианову-Перетц, Л. М. Добровольского, М. Н. Тихомирова; всех, кто помогал и помогает Хранилищу на протяжении этих 25 лет. Прежде всего это относится к сотрудникам сектора древнерусской литературы. Они не только помогали организовывать экспедиции, но и принимали в них самое активное участие; они первые радовались его успехам, первыми откликнулись на его нужды.

Многое сделано, но с каждым годом возрастает и объем работы Древлехранилища. Какие же направления представляются основными в дальнейшей его работе? Это, прежде всего, продолжение археографических поисков, завершение археографического обследования северных районов страны, поддержание и расширение связей с коллекционерами и любителями старины. Забота о постоянном пополнении собрания — по-прежнему одна из главных задач Хранилища.

Другая, не менее важная, задача — это скорейшее научное описание основных территориальных собраний и личных коллекций Хранилища, что поможет полнее раскрыть содержание и специфику собрания древнерусских рукописей Пушкинского Дома.

И, наконец, нуждаются в систематизации описания рукописных материалов, поступивших в Древлехранилище после 1965 г. и не вошедших в путеводитель. За это время собрание увеличилось почти в 2 раза, и думается, что продолжение работы над путеводителем по новым фондам Хранилища будет вполне своевременным.

Е. Э. Гранстрем

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ В ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЯХ

Описание сборников Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в. и «Указец» книгохранителя Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря старца Арсения Высокого, составленный в 1584 г.¹, принято считать древнейшими памятниками русской библиографии².

Высокоразвитая методика этих двух библиографических работ поражает исследователей. Так, С. А. Рейсер пишет о второй из них следующее: «В этом замечательном библиографическом справочнике XVI века расположено около 40 рукописных «четьих» сборников. Арсений Высокий расположил их «в круг» годового чтения в календарном порядке (т. е. в соответствии с церковным календарем. — *Е. Г.*). Эта обширная работа была вполне оригинальной, Арсений Высокий произвел ее совершенно самостоятельно, не имея какого-либо образца, которому он мог бы следовать. Значение этого указателя для своего времени было очень велико: «Сей указец, в службе, стало зеркало всякому книгохранителю и во веки!». Он давал возможность ориентироваться, «где которые слова и в которых четьих книгах...». Притом в «Указец» составитель включил из сборников не все статьи, а лишь те части, которые могли быть нужны для чтения на определенный день. Таким образом, перед нами нечто вроде рекомендательного аналитического указателя для церковных надобностей»³. Далее С. А. Рейсер обращает внимание на детали библиографических описаний в «Указце» Арсения — приводятся названия отдельных статей, указан формат сборника, место каждой статьи в сборнике и т. п.

Отдавая должное прекрасным качествам названных библиографических работ и умению их составителей, нельзя, однако, согласиться с тем, что историю русской библиографии следует начинать именно с них, т. е. только со второй половины XV в. В настоящей статье внимание обращается на некоторые памятники, которые приучали писцов и читателей ориентироваться в содержании книг и которые следует рассматривать как первые ростки, начатки библиографических знаний⁴.

Все рассматриваемые здесь указатели не являются инвентарными описаниями, составленными для контроля или охраны имущества какой-либо библиотеки, но имеют целью раскрытие содержания книг и облегчение

¹ *Н. К. Никольский*. Описание рукописей Кириллова монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897; *И. А. Шляпкин*. Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого 1584 г. СПб., 1914, стр. 1—28.

² Список отреченных книг XI в. является простым перечнем и, на наш взгляд, не представляет интереса для истории развития библиографии.

³ *С. А. Рейсер*. Хрестоматия по русской библиографии с XI в. по 1917 г. М., 1956, стр. 13. См. также: *Н. В. Здобнов*. История русской библиографии до начала XX в., изд. 2. М., 1951, стр. 25—27.

⁴ О подобных текстах см.: *Е. Э. Гранстрем*. Материалы к истории древнерусской библиографии. — ТОДРЛ, т. XVIII, 1962, стр. 409—411.

поисков необходимого текста⁵. В конце (иногда в начале) рукописей, содержащих чтения из евангелия или апостола, расположенные по дням года в соответствии с церковными службами, часто встречаются указатели чтений, называвшиеся сборниками, синаксарями или месяцесловами.

Остромирово евангелие 1056—1057 гг.⁶ — древнейший датированный памятник русской письменности, написанный в Новгороде или Киеве. На лл. 282—283 помещен сборник, или синаксарь, на июль следующего содержания;

«Месяца июлия. Пат[ос]⁷ свв. безмездника Козме и Дамияноу. Евангелие от Матфея. В оно время призва Иисус. Писан в 1 ноября. 2. Месяца того ж. Положение ризе св. богородица во Влахерне. Евангелие от Луки. Встав Мария. Писан в 8 сентября.

7. Месяца того ж. Пат[ос] св. Еустафию, Поликарпу. Евангелие от Иоанна. Рече Господь: Аще зерно пшени. Писан в 23 февруаря. 8. Месяца того ж. Пат[ос] св. Прокошию. Евангелие от Луки. Глава 45. Конец в 18 октября сему евангелию. Конец: Благоволение пред тобою.

11. Месяца того ж. Собор св. Еуфимии. Евангелие от Луки. Во время оно моляше един от фарисей. Писан в 16 сентября.

14. Месяца того ж. Страсть свв. апостола Акилы и Илария. Евангелие от Матфея. Рече Господь: Слушаяи вас. Писан в 18 октября. 15. Месяца того ж. Пат[ос]. Страсть свв. Кирику и Иулите матери его. Евангелие от Луки. Рече Господь: Се дах вам власть. Ищи суббота 10-ая новому лету...».

Апостол XIV в.⁸ На лл. 111—120 помещены указатели: «Главы, указ како апостолы чести» и «Апостолы общии на коюждо потребу». Ссылки в этих указателях выглядят так: л. 111 — «В четверток великия недели апостол от Деяния, глава 16. Во оны дни рече Петр к людем: Покайтесь. Конец; Быша во Иерусалиме; л. 120 об. — Апостол за мир. К Ефесом глава 147. Братие. Христос есть мир наш. Конец; Духом святым».

Как видно из приведенных примеров (число которых можно значительно увеличить), методика составления указателей была разработана неплохо: сначала указывался день и церковная служба, для которой предназначался определенный текст, далее — название текста, начальные его слова, а нередко и конец. В необходимых случаях давалась отсылка или указание, где именно можно найти предназначенный для той или иной службы отрывок евангельского текста. Заголовки и начальные буквы отсылки часто выделены красными, иногда увеличенными в размере, буквами; встречаются и заставки простейшего рисунка (например, волнистые или прямые черточки). Заставки делались не столько для украшения рукописи, сколько для более четкого выделения различных частей текста или указателя.

Таким образом, в указателях церковных чтений в зачатке обнаруживаются те же самые приемы библиографирования текстов, что и в описаниях рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в. и в «Указце» Арсения Высокого 1584 г.⁹ То обстоятельство, что древнейшие указатели

⁵ Н. К. Никольский. Указ. соч., стр. IX.

⁶ Рукопись хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее — ОР ГПБ) под шифром Р. п. 1.5. Подробнее с сборниками этой рукописи можно ознакомиться по фотолитографическому изданию И. К. Савинкова (СПб., 1883; изд. 2, 1889) или изданию А. Х. Востокова (СПб., 1843).

⁷ Непереведенное греческое слово τὸ πάθος — страсть.

⁸ ОР ГПБ, Погодинское собрание, № 27. Об этой рукописи см.: Г. А. Воскресенский. Погодинский № 27 апостол и Чудовская, усвояемая св. Алексею, рукопись Нового Завета. — «Статьи по славяноведению», вып. 1. СПб., 1904, стр. 1—29.

⁹ На это обратил внимание уже Н. К. Никольский: «Так уже в греческой церкви богослужебные потребности оказали влияние не только на состав и развитие рукописного материала, но отчасти и на историю библиографических указателей к отдельным книгам» (Указ. соч., стр. 50—51). См. также: А. А. Дмитриевский. Пат-

составлялись не ко многим книгам, а к какой-либо одной, не может препятствовать включению их в историю библиографии.

В средние века богослужение было развито слабее, чем в последующее время. Число богослужебных книг было невелико, во многих церквях не хватало не только книг, но и мало-мальски грамотных священников. Поэтому наиболее распространенные книги (евангелие, апостол, псалтирь) нередко заменяли собой все прочие богослужебные тексты; они оказывались единственными в распоряжении мелких (особенно захолустных) церквей. Поэтому, например, евангелие апракос (т. е. евангелие, текст которого был расположен в соответствии с церковными службами) в древней Руси как бы заменяло собой целую библиотеку, а указатели в евангелиях выполняли функции каталога, так как имели целью облегчить поиски нужного текста.

Несколько другой вид указателя встречается в памятниках древнего канонического права. В номоканонах, или кормчих, находятся указатели канонов (правил), касающихся какой-либо одной темы. Такие указатели составлялись византийскими кодификаторами права и канонистами для ориентации в огромной массе императорских и соборных постановлений и в толкованиях к этим постановлениям, принадлежавших перу выдающихся юристов и церковных писателей. В IX в. такой указатель или перечень статей в «Синтагме» константинопольского патриарха Фотия (около 827 г. — около 893 г.) был переведен на древнеболгарский язык Мефодием, братом Кирилла Философа. Ниже приводятся первые десять глав из первой «грань» указателя к «Синтагме»¹⁰: «Титлы правилом сочетанья. Титлы правилом сочетанья и подобным коемуждо титлу главам. Тител сказаеться грань, грань же яснее именуеться сочетание или совокупление. Грань первая.

Глава 1. О богословии и о правоверней вере и правилех и поставлениях. Правило свв. апостол 49-ое, 50-ое; сбора (т. е. собора. — *Е. Г.*) в Костянтине граде (т. е. в Константинополе. — *Е. Г.*) первого правило 1-ое, 3-тье; сбора иже в Ефесе правило 7-ое; сбора иже в Карфагене правило 2-ое; сбора вселеньскаго шестаго при Оустияни (т. е. при Юстиниане. — *Е. Г.*) цесари иже в Труле полатнем (т. е. в Трулльском дворце. — *Е. Г.*) правило 1-ое, 73-тье, 81-ое.

Глава 2. О томь, котораа правила подобають дерьжати. Сбора иже в Халкидоне правило 6-ое; сбора иже в Карфагене правило 1-ое; сбора вселеньскаго шестаго иже в Труле полатнемь правило 2-ое; сбора иже в Никеи втораго правило 1-ое, 2-ое.

Глава 3. О томь, яко хранити подобають, и не писаниемь преданый церковный обычай, яко закон, и о семь, яко не имам нужда хранити Моисеева закона заповедь. Сбора вселеньскаго шестаго собравшаго при Оустияни це-

мосские очерки. Из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894, стр. 226. Несомненно, что методика составления таких указателей перешла из Византии на Русь одновременно с богослужебными книгами и богослужебной практикой. Сведения о библиографических штудиях в Византийской империи не собраны. Два средневековых греческих каталога уже напечатаны (см.: *Е. Э. Гранстрем*. Два неопубликованных средневековых каталога (материалы для истории библиотек в Византии). — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология». Сб. в честь 70-летия Н. В. Пигулевской. М., 1967, стр. 88—96).

¹⁰ По изданию И. И. Срезневского, где текст напечатан по рукописи 1284 г., известной под названием «Рязанская кормчая» (*И. И. Срезневский*. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897, приложения, стр. 139—141). «Рязанская кормчая» хранится в ОР ГПБ под шифром Ф. п. II. № 1. См. также: *А. С. Павлов*. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869, стр. 30 и сл. Древнейший список перевода «Синтагмы» и указателя к ней содержится в «Ефремовской кормчей», датированной концом XI — началом XII в. Рукопись эта хранится в Государственном историческом музее в Москве, Синодальное собрание, № 227/148. О ней см.: *М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюгина, В. С. Гольщенко*. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея, ч. 1. Рукописи русские. — «Археологический ежегодник за 1964 год». М., 1965, стр. 145.

сари в Труле полатнем, в Костянтине граде, правило 82-ое; св. Василия от послания иже к Амфилохию правило 291-ое.

Глава 4. О томъ, яко же от единого епископа, но общим епископам всем собравшимся, изводятся правила. Св. Василья правило 47-ое; св. Григория Нисьскаго правило 6-ое.

Глава 5. О патриарсех и о митрополитех и о глаголемых приватех иже в Африкии. Свв. апостол правило 34-ое; сбора иже в Никеи правило 4-ое, 6-ое, 7-ое; сбора иже в Антиохии правило 9-ое; сбора иже в Костянтине граде правило 2-ое, 3-тье; сбора иже в Ефесе правило 8-ое; сбора иже в Халкидоне правило 9-ое, 17-ое, 39-ое; сбора вселенскаго шестаго иже в Труле правило 36-ое, 39-ое.

Глава 6. О томъ, кто и кья и где поставляеть епископы, ли попы, ли дьяконы и всякыя причетьники, и о семь аще, поставлен быв епископ писаниемъ, отречеться епископства. Свв. апостол правило 1-ое, 2-ое, 35-ое; сбора иже в Никеи перваго правило 4-ое; сбора иже в Антиохии правило 13-ое, 19-ое, 22-ое; сбора иже в Лаодикии правило 5-ое, 12-ое; сбора иже в Ефесе правило 8-ое и епистолии, рекше послание, иже в Памфилии сбора; сбора иже в Средце правило 6-ое; сбора иже в Халкидоне правило 28-ое; сбора иже в Карфагене правило 13-ое, 18-ое, 49-ое, 55-ое, 98-ое; сбора вселенскаго шестаго в Костянтине граде в Труле полатнемъ, правило 33-тье, 37-ое; сбора иже в Никеи второе сошедшагося правило 2-ое; сбора вселенскаго иже в Костянтине граде перваго и втораго нарицаема, в церкви свв. апостол сошедшагося правило 16-ое; св. Василия епистоля, рекше послание, к вселенским епископам; Кирилла Александрскаго от послания иже к Домну глава 1-ая; того ж от послания к сущим в Ливии и в Пентаполи правила 1-ое, 3-тье; Феофила архиепископа Александрьскаго воспоминания правило 6-ое.

Глава 7. О томъ, яко не подобаеть властителем или людем избирати епископа и поставляти, его же хотять. Сбора иже в Лаодикии правило 13-ое; сбора седьмаго иже в Никеи второе собрася, правило 3-тье; сбора иже в Средци правило 3-тье, 4-ое, 5-ое.

Глава 8. О бывшимъ прекословии, сиречь о распревшихся, како подобаеть поставити епископа. Сбора иже в Антиохии правило 19-ое; сбора иже в Карфагене правило 49-ое.

Глава 9. О времени, иже в нем подобаеть поставляти епископа. Сбора иже Халкидоньскаго правило 25-ое.

Глава 10. О томъ, яко не подобаеть никого ж поставити епископа или прозвитера или дьякона, прежд да не створит всех в домоу его хрестьян. Сбора иже в Карфагени правило 36-ое».

Подобно первой части описания рукописей Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в. и «Указцу» 1584 г. указатель к «Синтагме» патриарха Фотия составлен по предметному признаку и имеет рекомендательный характер. Каждая глава этой кормчей посвящена какому-либо одному предмету или одной теме, и к каждой главе указаны соответствующие параграфы различных памятников канонического права. Подобный указатель весьма облегчал средневековому юристу розыски необходимых постановлений и узаконений, выполняя функции библиографического справочника или рекомендательного каталога.

Как синаксари в богослужебных рукописях, так и вышеприведенный (в отрывке) указатель к «Синтагме» патриарха Фотия не только облегчали поиски тех или иных разделов в пределах одной книги, одного текста, но и способствовали умению древнего читателя ориентироваться в содержании книг, умению пользоваться книгой. Понятно, что эти указатели не получили столь законченного характера, как составленные позднее «Описание сборников Кирилло-Белозерского монастыря» или «Указец» старца Арсения Высокого; однако пренебрегать рассмотренными выше памятниками первоначального периода в истории древней библиографии никак не следует.

С. М. Каштанов

РУССКИЕ КНЯЖЕСКИЕ АКТЫ X—XIV ВВ.

(до 1380 Г.)¹

Настоящая статья посвящена истории русских княжеских актов начиная с их возникновения в X в. и до конца XIV в. (1380 г.). Последняя дата выбрана не случайно. После Куликовской битвы 1380 г. наблюдается гораздо более интенсивное, чем прежде, развитие русских актов, как публичных, так и частных. Их число возрастает очень быстрыми темпами. Этот новый период, наступающий с конца XIV в., требует специального исследования. Здесь же мы ограничимся рамками предшествующего, древнейшего этапа.

В X—XIV вв. существовали следующие разновидности русских княжеских актов: 1) договоры с иностранными державами; 2) договоры с церковью в форме уставных грамот или церковных уставов; 3) жалованные грамоты; 4) договорные грамоты князей с Новгородом и договоры, заключенные между князьями; 5) духовные грамоты (завещания) князей.

1. Русско-византийские акты X в.

Древнейшими русскими актами являются договоры Руси с Византией 911, 944 и 971 гг.² Они не сохранились ни в оригиналах, ни в аутентичных греческих или русских копиях, но дошли в составе текста «Повести временных лет» начала XII в., которая в свою очередь восстанавливается по более поздним летописным сводам, представленным списками начиная с XIV в. Договорам посвящена очень большая литература XVIII—XX вв. Из дипломатических работ последнего времени надо упомянуть статьи С. Микуцкого³ (Польша), И. Сорлен⁴ (Франция) и автора настоящих строк⁵.

Весьма интересные выводы дает сравнение летописного текста грамот со схемами византино-иностраных договоров, выработанными в византийской императорской канцелярии. Ф. Дэльгер и И. Караяннопулос приводят четыре типа таких схем⁶. Исследование показывает, что грамота

¹ В основу статьи положен доклад на IV Международном конгрессе по дипломатике в Будапеште (октябрь 1973 г.).

² «Памятники русского права» (далее — ПРП), вып. I. Сост. А. А. Зимин. М., 1952, стр. 6—10, 30—35, 58—59.

³ S. Mikucki. Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne, I [partiel]. — «Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres», N 7, supplémentaire. Cracovie, 1953, p. 1—40; *idem*, II [partiel]. — «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego», N 26. Prace historyczne, z. 4. Kraków, 1960, s. 137—145.

⁴ I. Sorlin. Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle, I—II [parties]. — «Cahiers du monde russe et soviétique», vol. II. Paris, 1961, N 3, p. 313—360; N 4, p. 447—475.

⁵ С. М. Каштанов. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. — «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину». М., 1972, стр. 209—215.

⁶ F. Dölger, J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. I. Abschnitt. München, 1968, S. 97—104.

911 г. наиболее соответствует типу договоров конца X — середины XIII в., заключавшихся в Константинополе без предварительных переговоров византийских послов в месте нахождения резиденции правительства другой договаривающейся стороны. Напротив, грамота 944 г. по своей дипломатической структуре лучше согласуется со схемой договоров того же периода, заключавшихся в Константинополе после предварительных переговоров византийских послов в другой стране. Грамота 971 г. производит впечатление записи клятвы Святослава в ставке императора, где русский князь был представлен своими послами⁷.

В протоколе грамот 911 и 944 гг. различаются лишь интитуляция и инскрипция. В интитуляции основное место занимает перечисление членов посольства, сопровождаемое указанием пославших их князей. В инскрипции названы имена византийских императоров, причем в грамоте 944 г. инскрипция отделена от интитуляции промежуточной фразой, имеющей характер наррации или преамбулы. Протокол грамоты 971 г. начинается с инскрипции, где упомянуто имя императора⁸; интитуляция здесь впервые состоит только из имени русского князя (послы в ней не фигурируют).

Надо иметь в виду, что сохранившиеся в летописях тексты договоров восходят не к хрисовулам как таковым, а к соответствующим им грамотам, составленным от имени русской стороны. Наше различие интитуляции, инскрипции и других компонентов формуляра⁹ относится только к тексту грамот, а не к схеме хрисовулов, где содержание тех же понятий иное, и когда Дэлггер и Караяннопулос отмечают частое отсутствие или неполноту протокола¹⁰, это касается протокола, идущего от лица Византии, но не означает пропуска протокола в посольских грамотах, текст которых включался в состав хрисовула.

Формула, выражающая существо сделки (установление мира), помещена в договорах 911¹¹ и 971 гг.¹² в диспозиции, в договоре 944 г. — в наррации-преамбуле¹³.

Особого внимания требует вопрос о процедуре написания и удостоверения грамот. В схеме хрисовулов X — середины XIII в., в отличие от более поздних, упоминание писца не предусматривалось. В соответствии с этим в грамотах 944 и 971 гг. писец не фигурирует. В грамоте 911 г. говорится: «...Ивановым написанием на двою харатью». Это выражение толкуется в литературе по-разному. Одни исследователи усматривают в слове «Ивановым» указание на писца грамоты¹⁴, другие — искажение слова «киноваревъм» (*διὰ κινναρέως γραμματά*)¹⁵. Упоминание писца, хотя и не

⁷ Об этом подробнее см.: С. М. Каушанов. Указ. соч., стр. 214—215.

⁸ Обоснование там же; ср. ПРП, вып. I, стр. 60—61.

⁹ Ср. S. Mikucki. Op. cit., I pt., p. 14—15, 23—27, 31, 36; I. Sorlin. Op. cit., I pt., p. 352; II pt., p. 455—456, 470—471.

¹⁰ F. Dölger, J. Karayannopoulos. Op. cit., S. 99, 103.

¹¹ «...да умиримся с вами, Греки, да любим друг друга...».

¹² «...утвержаю на свещанье семь ругу свою — хочу имети мир и свершену любовь...».

¹³ «...обновити ветъхий мир...», «...створити любовь...».

¹⁴ Из новейших авторов назовем Д. С. Лихачева («Повесть временных лет», ч. II. М.—Л., 1950, стр. 279: «здесь имеется в виду писец Иван, может быть, переводчик»), С. Микущкого (Op. cit., I pt., p. 19), И. Сорлен (Op. cit., I pt., p. 335, note 88; ср. p. 352).

¹⁵ Впервые это предположение высказал Ф. И. Круг (Ph. Krug. Kristischer Versuch zur Aufklaerung der byzantischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. St.-Pb., 1810, S. 79; ср. S. 108—112, 326), его поддержали Н. М. Карамзин («История государства Российского», т. I. СПб., [1816], стр. 140, 409—410, прим. 327), И. Б. Раковецкий («Prawda ruska», t. II. Warszawa, 1822, s. 7), М. П. Погодин («Нестор». М., 1839, стр. 138—139), Н. А. Лавровский («О византийском элементе в языке договоров русских с греками». СПб., 1853, стр. 121), А. А. Шахматов («Повесть временных лет», т. I. Пг., 1916, стр. 378), Р. Траутманн («Die Altrussische Nestorchronik». Leipzig, 1931, S. 23), Г. Попа-Лиссеану («Cronica lui Nestor». Bucuresti, 1935, p. 54), А. А. Зимин (ПРП, вып. I, стр. 14, 24), Д. Чижевский («Die Nestor-Chronik». Wiesbaden, 1969, S. 300) и др.

принятое в императорской канцелярии X в., встречается в частных и церковных актах. Поэтому С. Микуцкий считает документ 911 г. копией проекта (черновика) договора, подготовленного в среде русской делегации в Константинополе лицом, знакомым с византийской дипломатикой частных актов¹⁶. И. Сорлен отвергает догадку об искажении слова «киноваревъ» на том основании, что определение «Ивановым» содержится якобы во всех списках летописей¹⁷. Но это не совсем точно. Так, в Эттерове списке Львовской летописи вместо «Ивановым» читается «науном убо»¹⁸.

Рассматриваемый вопрос не представляется решенным. Гипотеза Микуцкого о частном происхождении текста документа 911 г. находит некоторые подтверждения в других мелких особенностях формуляра (несвойственное императорской канцелярии указание дня в дате, формула «о бозе» [ἐν Θεῷ] в соединении с титулом «великих... самодержцев») ¹⁹, однако общая структура текста соответствует схеме хрисовулов определенного типа ²⁰, а отдельные отступления от известных правил могут объясняться как позднейшими искажениями при переводе и переписке ²¹, так и неустойчивостью или неполной выработанностью формуляра международных договоров Византии до конца X в.

Конструкция «киноваревъ» сталкивается с не менее существенными трудностями, чем чтение «Ивановым». «Киноварной», а вернее пурпуровой, должна была быть подпись императора, и она, судя по аналогичному, но более ясно сформулированному пункту договора 944 г., ставилась лишь на одном экземпляре. Поэтому выражение «киноваревъ» написанием на двою харатью цесаря вашего и своею рукою» выглядит несколько странно.

Слова «и своею рукою» иногда воспринимаются как свидетельство о подписях русских послов ²². Впрочем, не все летописи имеют «и» перед «своею рукою». Нет «и» в Новгородской IV, Софийской I, Погодинской (Сокращенном своде 1493 г.), Эттерове списке Львовской летописи ²³. Думается, что в грамоте 911 г. речь шла только о собственноручной подписи императора ²⁴. Непосредственно вслед за словами «своею рукою» упомина-

¹⁶ S. Mikucki. Op. cit., I pt., p. 20—23. Оспаривая мнение Круга и других, Фр. Миклошич ссылался на упоминание писцов в сербских документах, во многом подражавших византийским по формуляру (F. Miklosich. Chronica Nestoris. Vindobona, 1860, p. 202).

¹⁷ I. Sorlin. Op. cit., I pt., p. 335, note 88.

¹⁸ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. XX, первая половина. СПб., 1910, стр. 49; ПРП, вып. I, стр. 9, 29.

¹⁹ S. Mikucki. Op. cit., I pt., p. 18—20.

²⁰ Подробнее см.: С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 211—213, 215.

²¹ Весьма вероятно, например, появление в дате числа «2» (указание дня) под пером позднейших переписчиков. В списках ряда грамот можно встретить эту характерную добавку, возникшую в результате прочтения предлога «в» как цифры «ѵ» (2).

²² См., например, переводы С. Х. Кросса («The Russian Primary Chronicle». — «Harvard Studies and Notes in Philology and Literature», vol. XII. Camb., 1930, p. 154: «...your Emperor's and our own signatures»), Д. С. Лихачева и Б. А. Романова («Повесть временных лет», ч. I, стр. 225: «...царя вашего и своею рукою»), А. А. Зиминова (ПРП, вып. I, стр. 14: «...вашего царя и собственноручной»).

²³ ПСРЛ, т. IV, [изд. 2], ч. I, вып. I. Пг., 1915, стр. 23; т. V, изд. 2, вып. I. Л., 1925, стр. 22; т. XX, первая половина, стр. 49; т. XXVII. М., 1962, стр. 180.

²⁴ В большинстве переводов «Повести временных лет» дается именно такая интерпретация (см., например: В. Н. Татищев. История российская, т. II. М.—Л., 1963, стр. 38; J. B. Scherer. Des heiligen Nestors älteste Jahrbücher der Russischen Geschichte. Leipzig, 1774, S. 65; А. Л. Шлецер. Нестор, ч. II. СПб., 1816, стр. 746; Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. I, стр. 140; J. B. Rakowiecki. Op. cit., t. II, s. 7; A. Bielowski. Monumenta Poloniae Historica, t. I. Lwów, 1864, s. 579; K. J. Erben. Nestorův letopis ruský, изд. 3. Praha, 1954 (изд. 1, 1867), s. 44; L. Leger. Chronique dite de Nestor. Paris, 1884, p. 28; R. Trautmann. Op. cit., S. 23; G. Poppa-Lisseanu. Op. cit., p. 54; Fr. Sielicki. Powieść minionych lat. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 238). С. Микуцкий (Op. cit., I pt., p. 15, 20) говорит только об одном подписанном экземпляре. Едва ли прав был Л. Парис, интерпретировавший текст в том смысле, что император подписал каждый из двух экземпляров: «...sur chacune desquelles (chartes. — S. K.) a été apposée la signature du tzar» (L. Paris. La chronique de Nestor, t. I. Paris, 1834, p. 43).

ется скрепление акта по христианскому обряду («...предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего...»), а так как в 911 г. среди русских послов христиан не было, эти слова могли относиться исключительно к византийской стороне.

В грамоте 944 г. сказано: «Мы же свещание се написахом на двою харатью, и едина харатья есть у цесарьства нашего, на ней же есть крест и имена наша написана, а на друзей сли ваша и гости ваша». Выражение «имена наша написана» встречается в договоре 944 г. еще раз и опять-таки относится к императорскому хрисовулу. Здесь подразумевается не интитуляция или инскрипция, а подписи императоров, поскольку 1) этот пункт аналогичен пункту договора 911 г., упоминающему собственноручную (возможно, «киноварную») подпись императора; 2) крест перед именем (символическая инвокация) — характерная деталь удостоверения хрисовулов; 3) в хрисовулах данного типа начальный протокол чаще всего опускался.

Оборот «а на друзей сли ваша и гости ваша», будучи включен в описание способов удостоверения грамоты, тоже, надо полагать, не имеет в виду перечень имен послов и гостей в начале документа. По контексту он может восприниматься как свидетельство о подписях членов русского посольства. Однако свидетельство это не прямое²⁵. Если учесть, что «своею рукою» в грамоте 911 г. не относится к подписям послов, то сомнение в подписной форме удостоверения грамот 911 и 944 гг. послами усилится.

Грамота Святослава 971 г. кончается словами: «...написахом на харатьи сей и своими печатями запечатахом». Грамота являлась греческой записью «речей» Святослава в передаче русских послов, приехавших к императору. Физически «запечатать» эту грамоту печатями могли именно послы, а не сам Святослав. Допустить, что они привесли княжескую печать²⁶, можно, хотя печати фигурируют во множественном числе и названы «своими» в составе фразы, построенной в 1-м лице множественного числа, тогда как основной текст грамоты, идущий непосредственно от имени Святослава, характеризуется употреблением 1-го лица единственного числа. Следовательно, скорее всего, грамота 971 г. была скреплена печатями послов.

Посольские печати упоминаются в договоре 944 г. вне связи с проблемой удостоверения документа: «Яко же им уставлено есть, ношаху сли

²⁵ Многие переводчики буквально передают выражение «сли ваша и гости ваша», не вставляя никаких пояснений: см., в частности, указанные выше (прим. 15, 24) переводы Раковецкого (стр. 17), Беловского (стр. 594), Эрбена (стр. 52), Траутманна (стр. 34), Попа-Лиссеану (стр. 63), Селицкого (стр. 248). Карамзин (т. I, стр. 154) упоминает грамоту, подписанную греческими царями, но не более того. Правда, уже Татищев (т. II, стр. 43) добавил указание на характер удостоверения: «а на другой ваши послы и гости подписались и знамена приложили»; второе упоминание «имен» он относит не к императорам, а к русским послам, превратно толкуя значение слова «наша»: «На другой же хартии суть имена наша русских послов написана». Менее определенно, но в том же смысле переводит последнее предложение Л. Парис (т. I, стр. 63): «Auquel dit traité nous tous avons apposé nos noms». Шерер (стр. 75) дополнил оборот «...сли ваша и гости ваша» только словом «Namen» («имена»): «...auf dem andern aber eurer Gesandten und Gäste Namen». Слово «le nom» («имя») введено сюда и в переводах Л. Париса (т. I, стр. 63) и Леже (стр. 40). Так же интерпретируют текст Д. С. Лихачев и Б. А. Романов («Повесть...», ч. I, стр. 235): «... а на другой — имена послов и купцов наших». Более свободно переводит С. Х. Кросс — «подписали» (стр. 163): «...while your merchants and agents have signed the other». А. А. Зимин ставит в скобках разъяснение — «написали имена» (ПРП, вып. I, стр. 40): «... а на другой (написали имена) ваши послы и купцы». И. Сорлен вставляет в скобках слово «фигурируют» (Op. cit., II pt., p. 451): «...et sur l'autre [figurent] vos ambassadeurs et vos marchands». В исследовании (II pt., p. 455, 471) она прямо говорит о подписании грамоты 944 г. русскими послами и купцами.

²⁶ В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 72; С. Микуцкий считает, что документ был скреплен и княжеской и боярскими печатями (S. Mikućki. Op. cit., I pt., p. 36).

печати злати, а гостье сребрени». Видимо, эти печати играли роль верительных грамот²⁷. Об их функции удостоверительного знака при документе прямых сведений нет, однако к такому выводу подводит сравнение известий грамот 944 и 971 гг. Печати, упомянутые в этих грамотах, В. Л. Янин склонен отождествлять с вислыми буллами²⁸. Образцы посольских булл пока не найдены. Наличие более или менее прямого указания на скрепление грамоты 971 г. печатями послов, при отсутствии намеков на подписание ее послами, позволяет еще больше усомниться в вероятности подписного способа удостоверения грамот 911 и 944 гг. русской стороной. Скрепление персидского экземпляра договора посольскими печатями, а не подписями, засвидетельствовано в известии Менандра о процедуре заключения византино-персидского договора в 561 г.²⁹ Следовательно, практика удостоверения экземпляра, идущего от имени другой стороны, именно печатями послов была известна Византии с давнего времени.

Рассмотренные пункты грамот 911, 944 и 971 гг. мы вправе расценить в качестве корроборации³⁰. В приводимых Дэльгером и Караяннополом схемах хрисовулов конца X — середины XIII в. корроборация не указывается, хотя упоминаются пункты, гарантирующие соблюдение договора, корроборация же как таковая зафиксирована в хрисовулах второй половины XIII—XV в. Думаем, что это обстоятельство дает мало оснований для сомнений в подлинности документов 911, 944 и 971 гг. Фактически корроборация в них не выделена из статей, гарантирующих соблюдение договора. В этих статьях наблюдается своеобразное смешение корроборации и санкции.

В договоре 911 г. сообщается о клятве русских: «Мы же кляхомся... не преступити... от уставленных глав мира и любви». Прошедшее время не позволяет приравнять это место непосредственно к санкции — клятвенной клаузуле ненарушения (clause obligative). Скорее это упоминание способа удостоверения экземпляра русской стороны. Оно следует сразу после характеристики способа удостоверения экземпляра греческой стороны и по существу входит в корроборацию³¹. В договоре 944 г. наряду с подобным же растворением клятвенной клаузулы ненарушения в корроборации («...кляхомся...») встречаются и санкции в чистом виде: угрозы нарушителям (clauses comminatoires) — один раз в начале и два раза в конце грамоты. Клятва некрещеной Руси дана, кажется, в форме чистой клаузулы ненарушения («...да полагають щиты своя...»), но в ней можно видеть и определение ритуала предстоящей клятвы. Предписание послам по прибытии на Русь привести к присяге князя Игоря не тождественно ни санкции, ни корроборации, хотя ближе к последней³². В договоре 971 г. санкция еще более освобождается от рамок корроборации. Обязательство не нарушать выступает здесь как формулируемая («да схраним»), а не упоминаемая норма, но это заявление предваряется ссылкой на состоявшуюся уже присягу князя: «Яко же кляхься...». Последнее выражение употреблено в грамоте 971 г. дважды: в начале диспозиции и в санкции, причем подтверждение клятвы в первой статье диспозиции придает ей характер clause reservative. Угрожающая клаузула аналогична соответствующим клаузулам грамоты 944 г.

²⁷ Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963, стр. 41—44; изд. 2. М., 1974, стр. 41.

²⁸ В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, стр. 15.

²⁹ Dexipri, Eunarii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum. Bonnæ, 1829, p. 364; «Византийские историки Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец». СПб., 1860, стр. 346 (упоминаются восковые перстневые печати).

³⁰ Ср. S. Mikucki. Op. cit., I pt., p. 20, 28—29, 31; I. Sorlin. Op. cit., II pt., p. 455—456, 471.

³¹ Ср. S. Mikucki. Op. cit., I pt., p. 15.

³² Ср. ibid., p. 28.

Кроме угрозы божьего наказания в грамотах 944 и 971 гг. фигурирует угроза смерти от своего оружия, относящаяся преимущественно к некрестившейся части русской знати, что связано с языческим обычаем клятвы на оружии. В договоре 944 г. присутствует еще угроза превращения в раба: «...да будет раб в сий век и в будущий».

Конечный протокол (эсхатокол) есть только в грамоте 911 г. и содержит он дату. В договоре 971 г. компоненты конечного протокола (указание места и даты) соединены с инскрипцией («ко Иоану... в Дерестре ³³, месяца июля...»).

Что касается так называемого договора 907 г., то вопрос о нем неясен. Весьма правдоподобным представляется мнение исследователей, видящих в летописном тексте этого договора плод компиляторской работы самого летописца и отрицающих факт заключения в 907 г. особого договора ³⁴.

2. Внешнеполитические договоры средневековой Руси XII — XIV вв.

В «Истории российской» В. Н. Татищева упоминается договор Владимира I с волжскими болгарами под 1006 г. ³⁵, однако размыкания С. Л. Пештича не подтвердили достоверность этих сведений ³⁶.

Новый этап в истории русско-иностранных договоров начинается с XII в., от конца которого дошел первый договор Новгорода с «Готским берегом» (остров Готланд) и немецкими городами ³⁷. Всего документов новгородской внешней политики XII — XIV вв. (до 1380 г.) сохранилось 18; из них грамот, составленных от имени князей, — 9, упоминающих княжеского наместника — 5, указывающих только республиканские органы власти — 4. Распространение княжеских грамот ограничивается периодом до первой четверти XIV в. включительно, а княжеский наместник начинает фигурировать в новгородских внешнеполитических документах с 30-х годов XIV в.

Четыре княжеские грамоты дошли в подлинниках на пергамене ³⁸, четыре — в списках ³⁹, одна пергаменная грамота, по наблюдениям

³³ В указании места С. Микуцкий усматривает отступление от правил византийской императорской канцелярии X в. (*S. Mikucki. Op. cit., I pt., p. 33; I. Sorlin. Op. cit., II pt., p. 471*), но, может быть, тут надо учитывать, что договор составлялся не в Константинополе. О запутанности начала текста переводчиком см. мнение А. А. Зимина (ПРП, вып. I, стр. 61).

³⁴ К отрицанию договора 907 г. склонялись В. И. Сергеевич, А. Димитриу, А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, С. П. Обнорский, М. Д. Приселков, В. В. Мавродин, А. А. Зимин и др. А. Грегуар вообще отрицал существование договоров Олега — как 907, так и 911 гг. Самостоятельность договора 907 г. признавали В. Н. Татищев, Н. А. Лавровский, В. В. Сокольский, Д. Я. Самоквасов, Х. М. Лопарев, А. В. Лонгинов, Д. М. Мейчик, И. Свенцицкий, А. А. Васильев, Г. Г. Литаврин, Ф. Селицкий и др. Б. Д. Греков колебался в вопросе о самостоятельности договора 907 г. М. И. Корнеева-Петрулан («К изучению состава и языка договоров русских с греками». — «Ученые записки МГУ», вып. 150. Русский язык. М., 1952, стр. 280) считает текст под 907 г. «статьями предварительных переговоров русских с греками перед заключением договора 912 г.». Сходного мнения придерживается М. В. Левченко («Русско-византийские договоры 907 и 911 г.» — «Византийский временник», т. V. М., 1952, стр. 105—126): переговоры тянулись с 907 по 912 г., договор 907 г. — предварительный, договор 911 г. — окончательный. В том же ключе решает вопрос И. Сорлен (*Op. cit., I pt., p. 353, note 141; ср. p. 345*), расценивающая летописный текст под 907 г. как копию проекта самостоятельного договора, послужившего прелюдией к договору 911 г.

³⁵ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 69.

³⁶ С. Л. Пештич. О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года. — «Исторические записки», т. 18. М., 1946, стр. 327—335; ср. *он же*. Русская историография XVIII века, ч. I. Л., 1961, стр. 239.

³⁷ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949 (далее — ГВН и П), № 28.

³⁸ Там же, № 29, 30, 34, 35.

³⁹ Там же, № 28, 31, 33, 38.

С. Н. Валка, подложна ⁴⁰. Среди княжеских грамот преобладают договоры (четыре и один проект договора), но есть и грамоты типа писем (три).

В договорах словесная инвокация отсутствует, однако подлинники свидетельствуют об употреблении символической инвокации в начале документа ⁴¹. Интитуляция в конце XII — XIII в. начинается с формулы: «Се аз, князь...» ⁴². В XIV в. сюда прибавляется определение «великий» (Ореховецкий договор 1323 г.) ⁴³. Впрочем, уже в конце XII в. интитуляция этим фактически не ограничивалась, а расширялась до перечисления светских республиканских властей (посадник, тысяцкий и другие), хотя в наиболее ранней грамоте они выступают как совещательный орган, и упоминание их соединяется с княжеской интитуляцией словами «сгадав с» (посоветовавшись, договорившись) ⁴⁴. В пергаменном списке немецкого перевода проекта договора Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 г. этот оборот передан словами «hebbe geprovet mit» ⁴⁵. Однако, по-видимому, в XIII в. шло изживание рассматриваемой формулы. В подлинной договорной грамоте 1262—1263 гг. вместо «сгадав с» употреблен только предлог «с», непосредственно включающий определение республиканских властей в интитуляцию (так же в грамоте 1323 г.) ⁴⁶. Отсюда был уже один шаг до интитуляции, в которой качественное отличие института княжеской власти не подчеркивалось ничем, кроме первого места, отводимого для имени князя: «От великого князя..., от посадника..., от тысяцкого...» (1301 г.) ⁴⁷.

Инскрипция в большинстве новгородско-княжеских иностранных договоров равнозначна определению контрагентов в творительном падеже с предлогом «с». В конце XII — XIII в. здесь фигурируют только послы, перечень имен которых обычно завершается общим обозначением представляемых ими народов: «...и съ всеми немьцкими сыны, и съ гты, и съ всемь латиньскимь языкомь». В Ореховецком договоре 1323 г. на этом месте поставлено имя шведского короля — «князя»: «съ братом своим съ князем свейским с Магнушем Ориковицем» ⁴⁸. Имена же послов перемещаются из начального протокола в наррацию. Впервые статья такого типа появляется в договоре 1301 г.: «Се приеха Иван Белый из Любка, Адам с Гочкого берега, Инчя Олчять из Ригы...» ⁴⁹. В договоре 1323 г.: «А приехали от свейского князя послове Гернк Дюуровиць, Геминки Оргисловиць...; а ту были от купець с Готского берега Лодвик и Федор...» ⁵⁰.

Формула, выражающая существо сделки (установление мира), находилась в договорах конца XII — начала 60-х годов XIII в. между интитуляцией и инскрипцией ⁵¹, но, возможно, уже с конца 60-х годов XIII в. ⁵² и наверняка в первой четверти XIV в. ее помещали после инскрипции ⁵³, что отчасти связано с выделением имен послов в отдельную статью. В од-

⁴⁰ ГВН и П, № 32; С. Н. Валк. Новгородская проезжая грамота 1269 года. — «Исторические записки», т. 16. М., 1945, стр. 198—202.

⁴¹ ГВН и П, № 29, 34.

⁴² Там же, № 28, 29.

⁴³ Там же, № 38.

⁴⁴ Там же, № 28; ср. Н. А. Казакова. Начальный текст новгородско-немецких договоров XII—XV вв. — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. VI. Л., 1974, стр. 172.

⁴⁵ ГВН и П, № 31.

⁴⁶ Там же, № 29, 38.

⁴⁷ Там же, № 34.

⁴⁸ Там же, № 38. Подробнее см.: J. Friedländer. De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323—1353, en diplomatisk undersökning. — «Historisk Tidskrift». Stockholm, 1946, Hf. 2, s. 97—138.

⁴⁹ ГВН и П, № 34; Н. А. Казакова (Указ. соч., стр. 164) считает, что формула «се приеха» становится типичной лишь с 1392 г.

⁵⁰ ГВН и П, № 38.

⁵¹ Там же, № 28 («подтвердиком мира старого»), 29 («докончахом мир»).

⁵² В немецком переводе проекта договора 1269 г. слова «unde bestedeget den vredhe» («и подтвердил мир») поставлены после перечня послов (там же, № 31).

⁵³ Там же, № 38 («и докончали есмь мир вечный»).

ном кратком договоре начала XIV в. формула докончания отсутствует⁵⁴. Можно отметить текстуальную близость формул докончания («подтвердим мир», «докончаем мир») к определениям в договорах Руси с Византией X в.: «да умиримся с вами», «мир сотворихом» (911 г.), «обновити ветхий мир» (944 г.), «хочю имети мир» (971 г.) и т. п.

Корроборация и санкция в договорах конца XII — начала XIV в. были развиты слабо. Никаких сведений об удостоверении документа не приведено в грамоте конца XII в., немецком переводе проекта договора 1269 г. и в договоре 1301 г.⁵⁵ Впрочем, в договоре конца XII в. заслуживает внимания в интересующем нас плане фраза, идущая сразу после указания немецкого посла: «Послал есмь посла своего Григу на сей правде»⁵⁶. Вероятно, князь отправил своего посла для удостоверения договора в другой стране перед лицом ее ответственных представителей.

Грамота 1262—1263 гг. кончается формулой: «На томъ крест целуем»⁵⁷. В Ореховецком договоре 1323 г. формула крестоцелования непосредственно продолжает формулу докончания в начальной части текста: «...и докончали есмы мир вечный и хрестъ целовали»⁵⁸. Крестоцеловальная формула совмещает в себе функции удостоверения и санкции, нося характер клятвы — *clause obligative*. В грамоте 1262—1263 гг. ей предшествует статья: «А иное грамоты у нас негутъ, ни потайли есмы, ни ведаем». Это определение можно считать формой санкции отращения или непризнания других документов — *clause renonciative*. Угрожающую санкцию (*clause comminatoire*) видим лишь в Ореховецком договоре 1323 г., причем угроза ограничивается обещанием небесной кары: «А хто изменит хрестеноие целование, на того бог и святая богородица».

В русских экземплярах грамот ничего не говорится о подписях, печатях, писцах актов. Судя по подлинникам, скрепление подписями и не производилось, и главным способом удостоверения было привешивание печатей. На сохранившемся в подлиннике договоре 1262—1263 гг. — печати архиепископа⁵⁹ (который в тексте не фигурирует), князя⁶⁰ и новгородского Совета господ⁶¹ (согласно Янину, эти печати были привешены не раньше 1264 г.). На грамоте 1301 г. печати тысяцкого⁶², князя⁶³ и посадника⁶⁴.

Эсхатокол отсутствует во всех договорах, кроме Ореховецкого, где есть описательное указание дня заключения мира («в пятницу за три дни передъ Успением святыя Богородица»), но нет, как и в других документах, упоминания года и места.

Большинство сохранившихся договоров дошло в одном экземпляре. Лишь договор 1301 г. известен в двух русских экземплярах — так называемом Любекском⁶⁵ и Рижском⁶⁶, которые были удостоверены одинако-

⁵⁴ Там же, № 34.

⁵⁵ Там же, № 28, 31, 34.

⁵⁶ Там же, № 28.

⁵⁷ Там же, № 29.

⁵⁸ Там же, № 38.

⁵⁹ В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II. М., 1970. Свод, № 454-1, 2.

⁶⁰ Там же, № 382-1, 2; ср. стр. 9—10.

⁶¹ Там же, № 705-1, 2.

⁶² Там же, № 594-1, 2.

⁶³ Там же, № 393-1, 2.

⁶⁴ Там же, № 672-1, 2.

⁶⁵ Литографированное воспроизведение: «Вестник Европы», ч. 60, 1811, № 23, табл. после стр. 247; П. Иванов. Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма. М., 1844, табл. № 4. Фотомеханическое воспроизведение: «Государственный Румянцевский музей. Путеводитель, I. Библиотека». М.-Пб., 1923, стр. 205.

⁶⁶ Фотолитографированное воспроизведение: «Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригю и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке». Найдены в Рижском архиве К. Э. Напиерским и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1857, табл., № 9. Литографированное воспроизведение: «Художест-

вой серией печатей и, судя по почерку, написаны одним писцом. Текстуально экземпляры идентичны. Оба они вышли из новгородской канцелярии. Их множественность объясняется предназначенностью нескольким контрагентам Новгорода.

Для княжеско-новгородских договоров с иностранными державами среди сохранившихся документов нет соответствующих экземпляров противоположной стороны (немецкий текст проекта договора 1269 г. является переводом экземпляра, составленного от имени князя, посадника, тысяцкого⁶⁷). Правда, один договор (1338 г.), в заключении которого принимали участие посол великого князя Филипп и новгородский «mesenick» (наместник) Феликс, дошел в экземпляре ливонской канцелярии⁶⁸. Он был написан в Дерпте и скреплен печатями немецких рыцарей. Имелся ли равносильный экземпляр русского происхождения, составленный от лица князя, неясно.

Среди грамот по вопросам внешних сношений, упоминающих только республиканские органы власти, три документа в рамках изучаемого периода — договоры, один — послание. Из договоров два (1323 и 1326 гг.) сохранились в экземплярах, написанных от имени противоположной стороны⁶⁹, один (1371 г.) — от имени новгородцев⁷⁰. Большинство грамот, где наряду с новгородскими республиканскими органами фигурирует княжеский наместник, являются договорами (три), один документ — проект договора и один — послание. От имени Новгорода составлено три договора (включая проект)⁷¹, от имени другой стороны — один⁷², однако все экземпляры новгородского типа сохранились в списках в переводе на немецкий язык.

Рассмотрим сначала договоры, возникшие в новгородской канцелярии или написанные по ее канонам. На единственном дошедшем подлиннике (1373 г.) символическая инвокация отсутствует. Для изучаемых актов характерна интитуляция, начинающаяся с титула новгородского архиепископа (1), после которого указывается наместник великого князя (2), затем посадник (3), тысяцкий (4), купеческие старосты (5), все кушцы (6), все новгородцы (7а) или «Весь Новгород» (7б). Из этих элементов в договоре 1342 г. наличествуют титулы 1—2, 4—6, 7а, в проекте договора 1371 г. — титулы 1—6; в договоре 1372 г. — титулы 1—6, 7б, в договоре 1373 г. — титулы 1, 3—4, 7б. В интитуляции такого состава князь заменяется архиепископом, но княжеский наместник ставится выше светских республиканских органов. Стилистически построение интитуляции восходит к двум редакциям грамот предшествующего времени, перечисляющим имена и титулы в именительном падеже без предлога и в родительном падеже с предлогом «от». Первый, более ранний для договоров образец использован в грамоте 1342 г., второй, более поздний — в грамотах 1371—1373 гг.

Типы инскрипций также заимствованы из предшествующих княжеских грамот. Свойственное ранним договорам соединение инскрипции с интитуляцией при посредстве предлога «с» и перечисление имен послов в тво-

венная Россия. Общедоступное описание нашего отечества», т. I. СПб., 1884, стр. 121. См. также: *Н. Д. Боголюбова, Л. И. Таубенберг*. О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского городского архива. — «Ученые записки» Латвийского гос. университета им. П. Стучки, т. 6. Филологические науки, вып. А. Рига, 1960, стр. 15.

⁶⁷ Об этом документе см.: *И. Андреевский*. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855; *C. Stern*. Ein dunkler Punkt im Deutsch-Novgoroder Handelsvertragsentwurf von 1268. — «Hansische Geschichtsblätter», Jg. 62. Weimar, 1938, S. 188—200.

⁶⁸ ГВН и П, № 40. В. Л. Янин («Актовые печати Древней Руси X—XV вв.», т. II, стр. 121—123) считает Филиппа великокняжеским наместником, а Феликса — наместником двинским.

⁶⁹ Там же, № 37, 39.

⁷⁰ Там же, № 45.

⁷¹ Там же, № 41—43.

⁷² Там же, № 40.

рительном падеже наблюдается в грамотах 1342 и 1373 гг.⁷³, в то время как в грамотах 1371—1372 гг.⁷⁴ имена послов указаны в нарративной статье типа «...приехали...» (такие-то), появляющейся в княжеских грамотах лишь в начале XIV в. Вполне традиционно сочетание старого типа инскрипции со старого типа интитуляцией (грамота 1342 г.) и соединение между собой новых типов той и другой (грамоты 1371—1372 гг.). В грамоте 1373 г. интитуляция нового типа («От...») сосуществует с инскрипцией старого типа («с...»), но последняя пространственно удалена от интитуляции и помещена в конце документа, где она предваряет удостоверительную статью.

Формула, выражающая существо сделки, в договорах, заключенных Новгородом в 40—70-х годах XIV в. с участием княжеского наместника и без него, воспроизводит только первую часть формулы княжеских грамот предшествующего времени: «докончали»⁷⁵ (вместо «докончали... мир»). Зато в грамотах в разных местах текста появляются уточнения темы договора: «о воске с примесями» (1342 г.), «о продлении перемирия и о защите» (1372 г.), «о той жалобе...» (1373 г.). Нет уточнения темы лишь в проекте договора 1371 г.

Заметная в княжеских грамотах со второй половины XIII — первой четверти XIV в. тенденция помещать формулу сделки после инскрипции была воспринята составителями договоров 1371—1372 гг., причем, если в акте 1371 г. эта формула находится в традиционной зависимости от интитуляции («И докончали новгородцы с заморскими гостями»), то в документе 1372 г. она прямо подчинена инскрипции, служа определением цели приезда послов (инфинитив «договориться» — «to dagende»). Новое место формулы сделки — перед интитуляцией, в начале всего документа — наблюдаем в грамоте 1342 г.: «Aldus hevet geendighet» («Так докончали»). Сходно построена формулировка существа сделки в грамоте 1373 г., где она встречается дважды: 1) «То есмь с ними доконцялъ»; 2) «То есмь доконцялъ с послом...». Указательное местоимение «то» по положению и функции равнозначно здесь наречию «так» договора 1342 г. Правда, в грамоте 1373 г. формула сделки отделена от интитуляции и во втором случае прямо соединена с инскрипцией, однако, как и в грамоте 1342 г., она функционально связана прежде всего с интитуляцией, в чем сказалось следование обеих грамот старой схеме формулирования инскрипции, ставящей иностранных послов в положение не действующих, а содействующих.

Пояснение к слову «докончали» (уточнение темы договора) помещалось либо непосредственно в контексте с этим словом (1372 г.), либо после инскрипции (1342 г.), либо, наконец, после интитуляции (1373 г.).

В договоре 1342 г. корроборация и санкция отсутствуют. В грамотах 70-х годов XIV в. получила дальнейшее развитие формула крестоцелования, игравшая смешанную роль корроборации и обязательственной санкции (clause obligative). В княжеских договорах XIII — первой четверти XIV в. выражение «крест целуем» (1262—1263 гг.) или «хрестъ целовали» (1323 г.) носит общий, безличный характер и относится скорее к русской, чем к противоположной стороне. В актах 70-х годов XIV в. конкретно названы лица, целовавшие крест, причем в грамотах 1371—1372 гг. фигурируют обе стороны, а в грамоте 1373 г. только немцы. От Новгорода в проекте грамоты 1371 г. в крестоцеловальной статье указаны наместник, посадник и тысяцкий (без повторения их имен), в грамоте 1372 г. — посадник и тысяцкий (с упоминанием имен). Иностранные послы, целовавшие крест, во всех трех грамотах перечислены поименно.

⁷³ Там же, № 41, 45.

⁷⁴ Там же, № 42, 43.

⁷⁵ «доконцялъ» (1373 г.); «hevet geendighet» («докончали») (1342 г.); «hebet gheendighet» («докончали») (1371 г.); «to dagende» («договориться») (1372 г.).

Сообщение о крестоцеловании стоит здесь всюду в прошедшем времени («хръст цѣловалъ» — цит. по грамоте 1373 г.), чем усиливается удостоверительное, corroborационное значение рассматриваемых статей. С этим связано отсутствие санкций, дополняющих обязательство, — формул угрозы и отречения (*clauses comminatoires et renonciatives*). Не наблюдается больше колебаний и в выборе места для крестоцеловальной формулы в тексте документа. Если в княжеских актах она помещалась и в конце (1262—1263 гг.) и в начале (1323 г.) акта, то в грамотах 70-х годов известие о крестоцеловании является либо вообще последней фразой документа (1371 и 1373 гг.), либо непосредственно предшествует эсхатоколу (1372 г.).

Эсхатокол присутствует в договорах 1342 и 1372 гг. и сводится к указанию времени составления документа. Год приводится по эре Дионисия, месяц не упоминается, а день, как и в Ореховецком договоре 1323 г., определяется числом дней, отделяющих его от того или иного церковного праздника. Пользование эрой Дионисия, наряду с чисто западным наименованием праздников, свидетельствует о новгородском происхождении эсхатокола в грамотах 1342 и 1372 гг. Но появился ли такой эсхатокол только в немецких переводах грамот или он был уже в оригинальных русских текстах?

Этот вопрос связан с проблемой различия экземпляров договаривающихся сторон. За исследуемый период сохранилось три договора, составленных не от лица Новгорода. Это его договоры с Ливонским орденом 1323 г. (пергаменный подлинник)⁷⁶, Норвегией 1326 г. (известен лишь по изданиям списка)⁷⁷ и немецкими купцами 1338 г. (пергаменный подлинник)⁷⁸. Все они построены по другим канонам, чем грамоты, происходящие из новгородской канцелярии. Так, в договоре 1323 г. имеются нотификация и салютация, в договоре 1338 г. — нотификация. Корроборация, извещающая о скреплении договора печатями, сочетается с эсхатоколом, где приводится дата по эре Дионисия, а в норвежской грамоте 1326 г. фигурирует еще и указание места составления документа (Новгород).

Судя по корроборациям, грамота 1323 г. была скреплена печатями двух рыцарей, входивших в состав ливонского посольства в Новгород, грамота 1326 г. — печатями новгородского владыки, посадника и тысяцкого, грамота 1338 г. — печатями шести⁷⁹ немецких рыцарей и фогта дерптского епископа. Скрепление грамоты 1326 г. печатями новгородских властей объясняется тем, что этот документ писался в Новгороде, архиепископ, посадник и тысяцкий фигурировали в инскрипции грамоты как договаривающаяся сторона. Удостоверение акта 1326 г. по образцу грамот, составлявшихся от лица Новгорода, позволяет предполагать отсутствие другой редакции договора, где бы имена новгородских властей стояли в интитуляции. Документ 1338 г. писался в Дерпте «перед епископом Дерптским» и ливонскими рыцарями, хотя договор заключали, с одной стороны, послы Любека и Готланда, с другой — новгородцы. Таким образом, при этом документе оказались печати не договаривающихся сторон, а их посредников — дерптских властей. Опять-таки принадлежность печатей определялась местом написания и заверения документа. То же наблюдение подтверждается на примере грамоты 1323 г. Дошед-

⁷⁶ ГВН и П, № 37.

⁷⁷ Там же, № 39. См. также: *И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией.* — «Исторические записки», т. 14. М., 1945, стр. 45—61; *он же. Русско-норвежский договор 1326 года.* — «Скандинавский сборник», XV. Таллин, 1970, стр. 63—72.

⁷⁸ ГВН и П, № 41.

⁷⁹ В корроборации число рыцарей не указано, но на грамоте сохранилось семь разрывов — следы прикрепления семи печатей. В начальной части текста поименно перечисляются шесть ответственных «господ» («herra»), перед лицом которых состоялся договор.

ший экземпляр ее писался в Ливонии после возвращения ливонского посольства из Новгорода и заключения там мира. Печати рыцарей привешивались к этому экземпляру «для указанных выше русских» (владыка, посадник, тысяцкий) и «в подтверждение того, что подлинные русские грамоты... от слова до слова так говорят». Очевидно, данный экземпляр был написан в присутствии новгородского посла, которому и надлежало привезти в Новгород текст, скрепленный печатями другой стороны. В отношении договора 1323 г. не вполне ясно, как строился русский текст — по известным новгородским стандартам, с указанием в интитуляции новгородских властей, или он действительно «от слова до слова» совпадал с немецким экземпляром. Некоторые основания для последнего предположения дает сравнение с договором 1326 г., в интитуляции которого назван норвежский посол, но в корроборации упомянуты печати новгородских властей.

Вся совокупность наблюдений над сохранившимся материалом новгородско-иностранных договоров конца XII—XIV в. (до 1380 г.) приводит к выводу, что порядок их заключения в общем виде был таков: 1) как правило, договор заключался в Новгороде, куда приезжали иностранные послы (единственное исключение — договор 1338 г., составленный в резиденции посредников договаривающихся сторон); 2) в Новгороде же к экземпляру, вручаемому другой стороне, привешивались печати русских властей, при этом могло быть выдано два идентичных экземпляра и больше, если контрагент был коллективным и каждый член коллектива (скажем, города Рига, Любек и т. д.) нуждался в особом экземпляре; 3) когда послы возвращались в свою страну, с ними отправлялся новгородский посол⁸⁰, прием которого членами иностранного правительства сопровождался утверждением другого экземпляра договора, предназначенного для вручения новгородским властям. Именно тогда послы, заключавшие договор с новгородцами, скрепляли его своими печатями. Представляется несомненным, что скрепление печатями производилось лишь в присутствии членов правительства, поскольку эта процедура имела значение ратификации договора.

Специального рассмотрения требуют внешнеполитические договоры смоленских и полоцких князей. Они представлены единичными сохранившимися документами XIII—XIV вв. Смоленские грамоты довольно обстоятельно изучены с текстологической⁸¹, палеографической, лингвистической⁸² и сфрагистической⁸³ сторон, хотя их дипломатический анализ еще далеко не завершен. Полоцкие акты исследованы в меньшей

⁸⁰ О практике отправки послов (для присутствия при утверждении договора другой стороной) говорит уже древнейший дошедший договор 1189—1199 гг. (ГВН и П, № 28). Отъезд новгородских послов из Новгорода вместе с иностранными послами предусматривается в грамоте 1301 г. (там же, № 33). Обмен послами и удостоверение полномочий новгородских послов свидетельствуется в грамоте 1302 г. (там же, № 35). Здесь и в других местах настоящей работы даты документов приводятся в соответствии с последними изданиями. Уточнения датировок новгородско-иностранных договоров изучаемого времени см.: В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 150, 167—168, 178, 202—210; он же. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II, стр. 9—10, 15, 22, 40, 53, 60, 89—91, 97—98, 100, 102, 108, 113, 117, 124, 125.

⁸¹ Из последних работ см.: ПРП, вып. II. Сост. А. А. Зимин. М., 1953, стр. 54—98; «Смоленские грамоты XIII—XIV веков». Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963; В. А. Кучкин. О древнейших смоленских грамотах. — «История СССР», 1966, № 3, стр. 103—114. Редкую публикацию договоров Смоленска с Ригой см.: А. Svabe. Senās Latvijas vēstures avoti, sējums II, burtnīca 1. Rīgā, 1937, lpp. 130—137, N 157; burtnīca 2. Rīgā, 1940, lpp. 295—297, N 319 (указал А. А. Зимин).

⁸² Труды В. И. Боровского, В. Кишарского и др. (библиографию см. в книге «Смоленские грамоты XIII—XIV веков»).

⁸³ В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I, стр. 92—96, 107; он же. К вопросу о датировке экземпляров Д и К «Смоленской Правды». — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 102—108.

степени⁸⁴. В настоящее время А. Л. Хорошкевич подготовила к печати большое комментированное издание полоцких грамот, куда входят и отдельные договоры⁸⁵.

Ранним образцом внешнеполитического договора, заключенного Москвой, является перемиренная грамота литовского великого князя Ольгерда с московским великим князем Дмитрием Ивановичем (1371 г.)⁸⁶. Имя Ольгерда находится в интитуляции, а Дмитрия — в инскрипции, включенной в состав фразы о посылке Ольгердом своих послов к московскому князю, т. е. этот формуляр отражает в большей мере традиции литовской, чем московской великокняжеской канцелярии, хотя в нем запечатлено крестоцелование представителей обеих договаривающихся сторон, и из двух привешенных к грамоте печатей одна — литовская, другая — предположительно митрополита Алексея.

3. Русские княжеские грамоты XII—XIV вв. по вопросам внутреннего управления

К актам внутреннего управления относятся церковные уставы и уставные грамоты, жалованные грамоты, договоры князей с Новгородом и междукняжеские договоры, духовные грамоты князей.

Церковные уставы и уставные грамоты церкви дошли в списках не раньше конца XIII — начала XIV в. Их происхождению посвящены труды С. В. Юшкова, А. А. Зимина, М. Н. Тихомирова, Я. Н. Шапова, В. Л. Янина, польского исследователя А. Поппе и других.

Считают, что в основе церковных уставов Владимира I Святого и Ярослава Мудрого лежали уставные грамоты этих князей, впоследствии дополненные и переработанные. Создание протографов уставов в литературе относят к XII в. Существующие списки уставов Владимира и Ярослава разделены в литературе на ряд редакций⁸⁷. Во многих дошедших списках устава Владимира находим словесную инвокацию, а в списках устава Ярослава — санкцию и апрекацию, однако были ли эти компоненты уже в протографе, сказать трудно. Интересно, что в качестве контрагента Владимира выступал не глава церкви — митрополит, а княгиня Анна, сестра византийских императоров, отданная Владимиру в жены в 988 г. как бы в обмен за его согласие принять крещение (умерла в 1011 г.). Очевидно, и сама грамота являлась по существу (но не по форме) договором с Византией, откуда назначались на Русь первые митрополиты. Не исключено, что третьей договаривающейся стороной были дети Владимира от предшествующих жен. Контрагентом Ярослава был уже митрополит Иларион («сгадал есмь с митрополитом с Ларионом»). Иларион стал митрополитом в 1051 г., а в 1054 г. умер Ярослав Мудрый. Следовательно, Ярославова грамота могла быть выдана между 1051 и 1054 гг. Иларион — первый

⁸⁴ Имеющиеся работы о полоцких грамотах не носят строго дипломатического характера — см., например: *H. Hildebrand. Das deutsche Kontor zu Polozk.* — «Baltische Monatsschrift», Bd. 22, N. F. Bd. 4. Riga, 1873, S. 342—381; *И. Тихомиров. Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII веке.* — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 185, 1876, май, стр. 162—174; *L. K. Goetz. Deutschrussische Handelsverträge.* Hamburg, 1916 и др.

⁸⁵ *А. Л. Хорошкевич. Очерки социально-политической истории Северной Белоруссии в XV веке. Приложения: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.* Докт. дисс. М., 1974 (ГБЛ, машинопись).

⁸⁶ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М. — Л., 1950 (далее — Д и ДГ), № 6; «Грамоты XIV ст.». Упорядочивания, вступная статья, комментарии и словники-показчики М. М. Пешак. Київ, 1974 (далее — «Грамоты XIV ст.»), № 23; подробнее см.: *Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв.*, ч. 1. М. — Л., 1948, стр. 45—51.

⁸⁷ *С. В. Юшков. Исследования по истории русского права*, вып. 1. Новоузенск, 1925; ПРП, вып. I, стр. 235—282; *Я. Н. Шапов. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв.* М., 1972, стр. 28—135, 158—257.

митрополит на Руси, не назначенный константинопольским патриархом из числа византийских церковных деятелей, а выбранный русскими епископами из русской церковной среды.

По мере того, как перерабатывались тексты, протокол с именами первоначальных контрагентов (Владимир — Анна, Ярослав — Иларион) все более и более переставал отражать реальный характер договорных отношений между княжеской властью и церковью. Он становился лишь формой придания документу ореола древности и святости. В содержании уставов законодательный, конституционный момент начинает резко преобладать над договорным. Степень договорности архетипных текстов XII в. трудноопределима, имена реальных контрагентов неизвестны, вся же более поздняя переработка уставов принадлежит скорее истории законов, чем актов.

В XII в. возникли местные церковные уставы: смоленский — князя Ростислава Мстиславича⁸⁸ и новгородский — князя Святослава Ольговича⁸⁹.

В смоленский церковный устав входят три отдельных документа: 1) уставная грамота князя Ростислава Мстиславича; 2) подтверждающая грамота епископа Мануила; 3) дополнительная грамота о размерах погородья и почестья. Новгородский устав в дошедших списках также имеет дополнительную запись о размерах сборов. Как смоленский, так и новгородский уставы характеризуются наличием разработанной санкции, но словесная инвокация присутствует только в смоленской княжеской грамоте.

Бросается в глаза сходство формуляров уставных грамот Святослава Ольговича и Ростислава Мстиславича: основной текст в обеих начинается с наррации, где имеются элементы преамбулы; интитуляция и инскрипция не образовали здесь специальной протокольной части — в четкой форме и с необходимыми элементами (указание имен князя и епископа) они появляются только в санкции; в диспозиции центральное место занимает роспись сборов с определенных территориальных единиц. По-видимому, не случайно и наличие в каждом уставе дополнительных росписей сборов (впрочем, в литературе эти росписи обычно относят к более позднему времени).

Неразвитость протокольной части княжеских грамот свидетельствует о близости их к источникам законодательного вида. В епископской грамоте (Мануила), напротив, наблюдается четкий протокол: договорное начало выступает здесь более явственно. Возможно, именно поэтому приписка частного характера (о пожаловании епископу «Холма») ⁹⁰ была сделана в епископской, а не в княжеской грамоте.

Подлинность двух уставов новгородского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича поставлена под сомнение (А. А. Зимин, В. Л. Янин, Я. Н. Щапов)⁹¹.

В протокольной части обоих уставов есть подробная и не вполне достоверная интитуляция, но четкой инскрипции нет, что показывает близость

⁸⁸ ПРП, вып. II, стр. 37—52; «Смоленские грамоты XIII—XIV веков», стр. 75—80; Я. Н. Щапов. Указ. соч., стр. 136—150; А. В. Попов. Учредительная грамота Смоленской епископии. — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 59—71.

⁸⁹ ПРП, вып. II, стр. 116—123; Я. Н. Щапов. Указ. соч., стр. 150—165; В. Л. Янин. Грамота князя Святослава Ольговича 1137 г. — «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину». М., 1972, стр. 243—251.

⁹⁰ Город Холм или, как думает Я. Н. Щапов (Указ. соч., стр. 141—142), холм внутри города Смоленска.

⁹¹ А. А. Зимин. Уставная грамота Всеволода Мстиславича. — «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952, стр. 123—131; В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 82—93; Я. Н. Щапов. Указ. соч., стр. 165—177; ср. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 169—197.

памятников к источникам законодательного вида. Санкции содержат угрозы небесной кары нарушителям. В уставе о церковных судах имеется апрекация («Аминь»), однако после этого заключительного компонента формуляра идет дополнительная статья, касающаяся епископской юрисдикции (вероятно, она является позднейшей припиской).

Внимание составителей уставов, написанных от лица Всеволода, было сосредоточено не на доходах от эксплуатации земельных владений, как в подлинных уставах XII в., а на торговых пошлинах. Это выделяет данные памятники тематически из круга севернорусских актов источников XII в.

В XII в. появляется новая, до тех пор не бытовавшая на Руси категория актов — жалованные грамоты. От первой половины и середины XII в. дошли четыре жалованные грамоты, выданные князьями двум новгородским монастырям (Юрьеву и Пантелеймонову). Все они предоставляют прежде всего землю. В одной грамоте в числе отчуждаемых объектов фигурируют также люди и кони, в другой — смерды, в третьей — серебряное блюдо. В двух грамотах (Мстислава и Изяслава) содержится к тому же еще и освобождение от пошлин. Жалованная грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю (около 1130 г.) — древнейший русский акт, сохранившийся в подлиннике. Она написана на пергамене, имеет следы прикрепления печати⁹². Отдельно от документа хранится относящаяся к нему серебряная позолоченная печать, которая, по наблюдениям В. Л. Янина, появилась лишь в первой половине XIII в. (принадлежит князю Ярославу Всеволодовичу). Янин предполагает, что печать Ярослава Всеволодовича могла быть присоединена к грамоте Мстислава Владимировича во времена Ивана Грозного, когда возникла угроза секуляризации церковно-монастырских земель⁹³. Текст трех остальных грамот дошел в списках⁹⁴.

Грамоты не имеют даты. В протоколе отсутствует словесная инвокация. Правда, в грамоте Мстислава, сохранившейся в подлиннике, перед текстом — крест (символическая инвокация). Три грамоты начинаются со следующей интитуляцией: «Се аз, князь великий... [далее — имя]». Пергаменная грамота Мстислава, являвшегося в момент выдачи документа киевским великим князем, содержит интитуляцию другого вида: «Се аз, Мьстислав Володимирь сын, държа Русьску землю в свое княжение». Во второй части этой грамоты находится еще одна интитуляция: «А се я, Всеволод». Наличие двух интитуляций объясняется тем, что пожалование земли и пошлин шло от имени Мстислава, князя киевского, а пожалование блюда — от имени его сына Всеволода, князя новгородского.

В недавнее время В. Л. Янин поставил вопрос о сомнительности формулы «князь великий» в интитуляции трех грамот, сохранившихся в копиях. Он полагает, что либо в XII в. титул «князь великий» не имел строго юридического значения, либо определение «великий» появилось под пером позднейших переписчиков⁹⁵.

В пергаменной грамоте Мстислава жалователь связывает свое имя с обозначением объекта пожалования при помощи оборота: «повелел есмь... отдати». Этот оборот обусловлен тем, что в протоколе грамоты инскрипция

⁹² ГВН и П, № 81.

⁹³ В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II, стр. 16—21.

⁹⁴ ГВН и П, № 79, 80, 82; В. И. Корецкий. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю. — «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 204—207; А. И. Семенов. Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю. — «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959, стр. 247.

⁹⁵ В. Л. Янин. Из истории землевладения в Новгороде XII в. — «Культура Древней Руси». Сборник статей, посвященный Н. Н. Ворониному. М., 1970, стр. 313—324, особенно стр. 321; аналогичное мнение см.: К. Raabek Schmidt. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964, S. 441—443.

образуется из имени новгородского князя Всеволода: именно ему («сыну своему Всеволоду») «повелел» Мстислав отдать Юрьеву монастырю село и пошлины. В таком построении протокола обнаруживается близость Мстиславовой грамоты к западноевропейским средневековым актам, составленным в форме посланий монарха местным властям.

От имперской по своему характеру грамоты Мстислава отличаются грамоты Всеволода и Изяслава: здесь инскрипция — это название монастыря («святому Георгию», «святому Пантелеймону»). Имя настоятеля в грамотах Всеволода не фигурирует. В грамоте Мстислава есть обращение к игумену и братии (его можно рассматривать как вторую инскрипцию, стоящую вне протокола) с требованием молить бога за самого жалователя и его детей. В грамоте Изяслава после вотчинной части говорится: «И устроил есми святому Пантелемону монастырь и посадил есми в нем игумена Аркадия»⁹⁶.

Неразработанность инскрипции в какой-то мере сближает жалованные грамоты с местными княжескими уставами XII в. Отсутствие персонализации в инскрипции говорит о неравноправии контрагентов: игумен — еще не такая политическая фигура, чтобы его имя ставилось рядом с именем князя. Договор, фактически возникающий на почве превращения монастыря в земельного собственника, маскируется видимостью полноты княжеской распорядительной власти, унаследованной от эпохи раннефеодального государства. Интересно, что в непротокольной части имя игумена упоминается в тех грамотах, которые предоставляли не только землю, но и иммунитет, делавший настоятеля органом политической власти.

Во всех четырех грамотах присутствует санкция. Угрожающая форма санкции (*clause comminatoire*) сводится всюду к перспективе небесной кары (суд перед богом и св. Георгием или св. Пантелеймоном). В грамоте Мстислава две санкции такого типа, в начальной части текста и в конце: первая — от лица Мстислава, вторая — от объединенного лица Мстислава и Всеволода. В первой санкции упоминается помимо бога богородица, что, возможно, связано с киевским богородичным культом (княжеская Десятинная церковь в Киеве носила имя Богородицы).

В одной грамоте Всеволода есть санкция типа *clause réservative*, утверждающая неподвижность пожалования: «...дал... во веки»⁹⁷. В грамоте Изяслава кроме угрожающей санкции имеется запрещение «вступатися» в пожалованные земли, что близко, но не равно *clause injonctive* или *clause prohibitive*⁹⁸.

В XIX в. в печати появился текст жалованной проезжей грамоты князя Ивана Ростиславича Берладника, владельца Берладского княжества (расположенного в Придунайской области, между реками Серетом и Прутом, и находившегося в вассальной зависимости от Галицкого княжества), «месибрьськым» купцам (из г. Мессемврии на побережье Черного моря в районе позднейшего Бургаса)⁹⁹. В опубликованном тексте есть эсхатокол, где указана дата выдачи документа — 20 мая 1134 г. Ни подлинник, ни аутентичная копия этой грамоты не разысканы. По формуле нотификации («сведчую») и по другим признакам (например, invocации) опубликованный текст грамоты Ивана Берладника сближается с «листами» галицких старост и львовских воевод конца XIV — начала XV в.¹⁰⁰ Большинство специалистов считает так называемую грамоту Берладника позднейшей (XIX в.) подделкой¹⁰¹.

⁹⁶ В. И. Корецкий. Указ. публикация, стр. 204.

⁹⁷ ГВН и П, № 80.

⁹⁸ Там же, № 82; В. И. Корецкий. Указ. публикация, стр. 204.

⁹⁹ Новое издание (по переизданию 1904 г.) см.: ПРП, вып. II, стр. 26.

¹⁰⁰ См., в частности, «Грамоты XIV ст.», № 71, 80.

¹⁰¹ Подробнее см.: Н. А. Могов. Молдавия эпохи феодализма. (От древнейших времен до начала XIX века). Кишинев, 1964, стр. 81—84; I. Bogdan. Scrieri alese. Bucu.

Само определение грамот XII в. как «жалованных» условно и основано на сходстве их содержания с содержанием более поздних грамот. В грамотах XII в. нет формулы «пожаловал есмь», от которой происходит название «жалованная грамота».

От XIII в. жалованных грамот русских князей не дошло, если не считать текст сомнительной рязанской грамоты 1257 г.¹⁰² От трех первых четвертей XIV в. нам известно 12 жалованных грамот, включая упоминания и позднейшие изложения. В подлинниках сохранилось всего три грамоты (кроме того, одна грамота была опубликована в XIX в. по подлиннику, ныне утраченному). В списках дошло пять грамот. Среди жалованных грамот, выданных в XIV в. до 1380 г., совершенно нет актов на земли в пределах центральной части Московского княжества. Грамоты московских великих князей Ивана Даниловича (Калиты) и Дмитрия Ивановича (Донского) относятся к новгородским пределам (Печоре) и к спорным местам на границах Новгородской республики, Тверского и Московского княжеств (районы Волока, Торжка, Костромы)¹⁰³. Остальные акты касаются территорий княжеств Рязанского, Тверского, Ярославского, Новгородской и Псковской республик¹⁰⁴. Роль жалованных грамот XIV в. как орудий княжеской политики прослежена в работах Б. А. Романова и Л. В. Черепнина¹⁰⁵.

В XIV в. наибольшее развитие формуляр жалованных грамот получает в канцеляриях тверских и рязанских великих князей. Словесная инвокация фигурирует только в одной грамоте тверских князей¹⁰⁶. Символическую инвокацию найти не удается из-за плохой сохранности грамот, выданных монастырям. В грамотах Ивана Калиты и тверских князей возникает весьма своеобразный компонент формуляра — богословская преамбула, например: «бога дея и святаго дея Юрья»¹⁰⁷. Этому компоненту посвящена специальная статья автора настоящего доклада¹⁰⁸.

В интитуляции князя обычно выступают с великокняжеским титулом, имя сопровождается отчеством. В двух грамотах Ивана Калиты на новгородские земли впервые употребляется титул великого князя «всея Руси»¹⁰⁹. Это титулование выглядит одиноко на фоне других грамот XIV в., хотя и не неправдоподобно (на княжеских печатях слова «всея Руси» первый раз появляются при Семене Гордом)¹¹⁰. Поскольку обе грамоты дошли в списках, не исключено, однако, предположение, что дополнение к титулу возникло при позднейшей переписке актов. Формула пожалования («пожаловал есмь») сочетается иногда с формулой окончания («докон-

rești, 1968, p. 112—145. За библиографические указания приношу благодарность Ф. А. Грекулу.

¹⁰² «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (далее — АСЭИ), т. III. М., 1964, № 347.

¹⁰³ ГВН и П, № 84, 86; АСЭИ, т. III, № 2, 178, 238.

¹⁰⁴ А. Г. Кузьмин. Древнейшая рязанская грамота XIV столетия. — «Советские архивы», 1967, № 1, стр. 112; см. также: «Сборник документов по истории СССР», ч. II. М., 1971, стр. 16; АСЭИ, т. III, № 116, 190, 311, 314—316, 322, последнюю грамоту см. также: «Грамоты XIV ст.», № 15. Ср.: W. Vodoff. Les débuts de la chancellerie des Grands-princes de Moscou (jusqu'en 1425). [Résumé de communication]. Budapest, 1973, p. 1—2.

¹⁰⁵ Б. А. Романов. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю. — «Проблемы источниковедения», сб. III. М. — Л., 1940, стр. 205—224; он же. Изыскания о русском сельском населении эпохи феодализма. — «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков». М. — Л., 1960, стр. 345—357; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II. М., 1951, стр. 116—132.

¹⁰⁶ АСЭИ, т. III, № 116.

¹⁰⁷ ГВН и П, № 86; АСЭИ, т. III, № 116.

¹⁰⁸ С. М. Кашинов. Богословская преамбула жалованных грамот. — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973, стр. 81—107.

¹⁰⁹ ГВН и П, № 84, 86.

¹¹⁰ Д и ДГ, стр. 567, № 3.

чал есмь»). В инскрипции обязательно указывается настоятель, выступающий по существу в роли политического партнера князя.

В жалованных грамотах XIV в. (до 1380 г.) употреблялись различные формы санкции: повеление не нарушать¹¹¹ (clause injonctive), объявление неподвижности закрепляемых прав¹¹² (clause réservative), отказ от нарушения при помощи новых грамот¹¹³ (clause renonciative), запрещение нарушать, несмотря на будущие постановления¹¹⁴ (clause dérogative), угроза наказания¹¹⁵ (clause comminatoire). По существу тут много новых типов санкций, которых более ранняя русская дипломатика не знала и появление которых связано с дальнейшим развитием аппарата княжеской власти (особенно clauses renonciatives et dérogatives). Clauses comminatoires переходят от угрозы небесной кары, еще встречающейся в жалованных грамотах, к угрозе княжеского наказания («казни»). В западноевропейских дипломах этот переход совершился, как известно, раньше (XII в.)¹¹⁶.

Корроборации и эсхатокола (в том числе даты) в жалованных грамотах изучаемого времени, как правило, нет. Правда, в позднейшем пересказе рязанской грамоты рубежа XIII — XIV вв. есть указание: «А князь Михайло стоял на Тые (река. — С. К.), а владыко Степан тут же князя потчивал»¹¹⁷. В одной грамоте Дмитрия Донского имеется подпись имени Тимофея Васильевича¹¹⁸ (вероятно, Вельяминова, одного из виднейших сподвижников великого князя¹¹⁹). Для скрепления жалованных грамот к ним привешивались печати — металлические или восковые.

Значительный комплекс актов составляют договоры Великого Новгорода с великими князьями. В XIII — XIV вв. (до 1380 г.) Новгород заключал договоры почти исключительно с тверскими князьями. Лишь к началу 70-х годов XIV в. относится одна договорная грамота Новгорода с московским великим князем Дмитрием Ивановичем (Донским)¹²⁰. В одной договорной грамоте начала XIV в. московский князь Юрий Данилович участвует вместе с Новгородом в заключении соглашения с тверским князем Михаилом Ярославичем¹²¹.

Самая ранняя из дошедших договорных грамот Новгорода с тверскими князьями датируется серединой 60-х годов XIII в., самая поздняя — серединой 70-х годов XIV в. В грамоте 60-х годов XIII в. князя Ярослава Ярославича¹²² упоминается более ранняя, несохранившаяся договорная грамота его отца — князя Ярослава Всеволодовича. Все новгородско-тверские договоры — подлинники, написанные на пергамене, одни — с печатями, другие — только со следами их прикрепления. Новгородско-московский договор 70-х годов XIV в. дошел в списке конца XV — начала XVI в.

Даты в документах не указаны. В литературе существуют расхождения в датировке отдельных договоров. Наиболее обстоятельно происхождение договорных грамот изучено в монографии Л. В. Черепнина¹²³.

¹¹¹ АСЭИ, т. III, № 2 (ГВН и П, № 84), 190, 322.

¹¹² ГВН и П, № 86.

¹¹³ АСЭИ, т. III, № 178.

¹¹⁴ Там же, № 116; ср. № 117.

¹¹⁵ Там же, № 2 (ГВН и П, № 84), 238, 322.

¹¹⁶ A. de Voïard. Manuel de diplomatie française et pontificale. Diplomatie générale. Paris, 1929, p. 281.

¹¹⁷ АСЭИ, т. III, № 309.

¹¹⁸ Там же, № 178.

¹¹⁹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 216, 219, 221, 493—495, 497, 506.

¹²⁰ ГВН и П, № 16.

¹²¹ Там же, № 13.

¹²² Там же, № 1.

¹²³ Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. I, стр. 226—317.

Дальнейшую разработку хронологии этих актов дали А. А. Зимин¹²⁴ и В. Л. Янин¹²⁵, причем у последнего в основу исследования положен сфрагистический материал.

Среди новгородско-тверских грамот различаются три группы договоров, касающиеся следующих вопросов: 1) о степени участия князя в управлении Новгородской землей и его правах в ней (9 документов); 2) о военной помощи (2 грамоты); 3) о мире (4 грамоты).

В грамотах первой группы протокол строится от имени Новгорода и начинается с салютации: «Благословение от владыки» (до 1327 г.), «поклон» от посадника, тысяцкого и др. Титулы и имена новгородских властей в родительном падеже составляют интитуляцию, а титул и имя князя в дательном падеже — инскрипцию (с 1307 г. князь титулуется «великим»). Салютации в отдельных документах предшествует символическая инвокация — крест.

Упоминание титула владыки (архиепископа) содержится во всех грамотах этой разновидности до 1327 г. включительно. Имя владыки находим только в одной грамоте — 1327 г. Титул посадника дается во всех грамотах, но имя исчезает с XIV в. (впрочем, в грамотах 1304/05 и 1327 гг. оно есть). Титул тысяцкого отсутствует в одной грамоте — 1270 г. С этого времени перестает вводиться в протокол имя тысяцкого (исключение — грамоты 1304/05 и 1327 гг.). Сотские указываются в первой грамоте (середины 60-х годов XIII в.); «все старейшие» — во всех грамотах, кроме грамоты 1327 г.; «все меньшие» — начиная со второй грамоты (1266/67 г.), однако, как и старейшие, они не значатся в грамоте 1327 г.; «Весь Новгород» представлен во всех грамотах. Интересно, что в протоколе грамоты 1327 г., где интитуляция наиболее персонифицирована, старейшие и меньшие не присутствуют.

В грамотах 60-х годов XIII в. титул князя краткий: «к князю»; с 1270 г. он расширяется: «к господину князю»; с 1307 г. князь титулуется «великим»: «господину князю великому». Имя князя читается во всех грамотах (везде без отчества, кроме грамоты 1304/05 г.).

Начальный оборот протокола «Благословение от владыки» в последний раз встречается в грамоте 1327 г. В следующей по времени и последней сохранившейся грамоте данной разновидности — 1371 г. — протокол усеченный: «Поклон от посадника, и от тысяцкого, и от всех старейших, и от всех меньших, и от всего Новгорода к господину князю великому Михаилу».

Сразу после протокола в грамотах идет статья, определяющая ритуал, необходимый для вступления договора в силу, — крестоцелование. Требование крестоцелования входит в диспозицию. Иногда оно повторяется в конце документа, не приобретая выраженного характера санкции, однако в одном случае, когда говорилось о состоявшейся присяге, известие приобрело значение corroborации¹²⁶. Других форм corroborации и санкции нет. Конечный протокол отсутствует. В грамотах, составленных до 1304/05 г. включительно, и в грамоте 1327 г. крестоцеловальная статья диспозиции призывает князя целовать крест Новгороду: «На семь ти, княже, хръст целовати, на чем то целовал хръст отец твой...»¹²⁷ или: «На семь, княже, целуй хръст к всему Новугороду, на чем то целовали деди и отци и отец твой...»¹²⁸. В грамотах 1307 и 1371 гг. свидетельствуется, напротив, что «Новгород всь хръст целует». Договор 1307 г. дошел

¹²⁴ А. А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. — «Проблемы источниковедения», вып. V. М., 1956, стр. 300—318.

¹²⁵ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 149, 154, 156—160, 179, 196—198, 202—210; *он же*. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II, стр. 9—12, 15, 46—48, 89—94, 98, 100—102, 113—114, 118—119, 122, 125.

¹²⁶ ГВН и П, № 14.

¹²⁷ Там же, № 1, 7.

¹²⁸ Там же, № 2, 3, 6, 14.

в двух текстуально совпадающих экземплярах, на одном из которых печать архиепископа, а на другом — печать князя¹²⁹. Договор 1371 г. дошел в одном экземпляре — с печатями посадника и тысяцкого¹³⁰. Очевидно, имелся и другой экземпляр — с княжеской печатью. Грамоты, призывающие князя целовать крест, сохранились каждая в одном экземпляре. Поскольку на двух из них (1270 и 1327 гг.) печать князя¹³¹, а на двух других (1304/05 г.) — архиепископа¹³², можно предположить, что и грамоты с крестоцеловальным требованием, обращенным к князю, составлялись в двух идентичных экземплярах.

Грамоты второй группы (о военной помощи) представлены двумя экземплярами одного договора рубежа XIII—XIV вв.: княжеской грамотой и новгородской¹³³. В протоколе княжеской грамоты на первом месте стоит салютация («Поклон»), затем идет интитуляция («от князя»), непосредственно соединяющаяся с инскрипцией («к отцю ко владыцѣ»). Грамота имеет нотификацию и по типу приближается к письмам. В новгородской грамоте протокола в строгом смысле нет, но контрагенты обозначены в статье, призывающей князя целовать крест новгородским светским властям (посаднику, тысяцкому и «Всему Новгороду»): «На семь, князь Михаило, целуй крѣст к посаднику...». Корроборация, санкция и конечный протокол отсутствуют. Документы соединены между собой, будучи скреплены одной княжеской буллой.

Грамоты третьей группы (о мире) относятся только к XIV в.¹³⁴ Структура протокола в них напоминает построение первой фразы княжеских договорных грамот с иностранными государствами. Три из этих грамот начинаются с формулы заключения договора: «Се докончал» (или «Се доконча»). В одной грамоте слову «Се» предшествует крест — символическая инвокация¹³⁵. В договоре 1317 г. формула докончания поставлена после интитуляции¹³⁶, которая всюду тут дается в именительном падеже (титул и имя князя). Инскрипция соединяется с интитуляцией при помощи творительного падежа с предлогом «с». В инскрипции фигурируют новгородские власти, а в договоре 1318—1319 гг. к тому же еще и князь Михаил¹³⁷, с которым заключал договор московский великий князь Юрий Данилович, представлявший интересы Новгорода. В договоре 1375 г. имеется clause comminatoire, причем угроза сводится к обещанию только небесной кары¹³⁸. Сообщение о крестоцеловании в смешанной роли санкции (clause obligative) и корроборации встречается в трех договорах¹³⁹. Конечного протокола нет. Грамоты составлялись, по-видимому, в двух идентичных экземплярах (все дошли в одном экземпляре), но в начале XIV в. каждый экземпляр скреплялся печатями обеих сторон (на договоре 1316 г. печати князя и архиепископа), а позднее, возможно, один экземпляр скреплял только князь, а другой только новгородцы (на договоре 1375 г. печати архиепископа и посадника; судя по указанию издателей XVIII в., была здесь и печать тысяцкого, ныне утраченная).

Междукняжеских договорных грамот XIV в. (до 1380 г.) известно всего четыре, самая ранняя из них — 1350—1351 гг., самая поздняя — 1375 г.¹⁴⁰ Три грамоты дошли в подлиннике, одна — в списке XV в. Символической инвокации в этих грамотах не наблюдается. В грамоте

¹²⁹ Там же, № 9, 10.

¹³⁰ Там же, № 15.

¹³¹ Там же, № 3, 14.

¹³² Там же, № 6, 7.

¹³³ Там же, № 4, 5.

¹³⁴ Там же, № 11—13, 18.

¹³⁵ Там же, № 13.

¹³⁶ Там же, № 12.

¹³⁷ Там же, № 13.

¹³⁸ Там же, № 18.

¹³⁹ Там же, № 11, 13, 18.

¹⁴⁰ Д и ДГ, № 2, 5, 7, 9.

1350—1351 гг. на первом месте помещена интитуляция, указывающая титул и имя великого князя. Имена его удельных контрагентов, образующие эквивалент инскрипции, поставлены в творительном падеже с предлогом «с». Формула заключения договора выражается следующими за инскрипцией словами: «целовали есмы межи собе крест». С 1367 г. интитуляция предваряется ссылкой на благословение митрополита, которая носит отчасти характер преамбулы: «По благословенью отца нашего Олексѣя, митрополита всея Руси»¹⁴¹. Эта преамбула дана и в грамоте 1375 г., где дальнейший текст построен, однако, не по типу протокола более ранних междукняжеских договоров, а по типу начальной статьи диспозиции новгородских грамот первой и второй групп (XIII — XIV вв.): «На сем, брате младший, князь великий Михайло Олександрович, целуй ко мне крест, к брату старейшему...»¹⁴². Использование данного формуляра объясняется тем, что Михаил Александрович не был удельным князем московского дома (великий князь Тверской), и договор с ним имел примерно такое же значение, как договор между князем и Новгородом.

Находящаяся в конце договоров московских князей фраза о крестоцеловании составлена в соответствии с редакцией первой части текста: в договорах с удельными князьями она стоит в прошедшем времени, собственном корроборации («...целовали есмы... крест»), в договоре с тверским князем — в повелительном наклонении («... целуй ко мне крест»). В договоре 1350—1351 гг. указаны свидетели, бывшие при заключении договора, из числа духовных и светских лиц¹⁴³. Включение в последующие договоры ссылки на благословение митрополита позволило московским князьям освободиться от обязательного привлечения свидетелей. Конечного протокола в договорах нет. Датировке и выяснению конкретных обстоятельств создания междукняжеских договорных грамот посвящены ценные исследования Л. В. Черепнина¹⁴⁴ и А. А. Зимина¹⁴⁵.

Все договоры дошли в одном экземпляре. Печати большинства из них утрачены. Поскольку при договоре великого князя Дмитрия Ивановича с князем Владимиром Андреевичем сохранились следы прикрепления двух печатей¹⁴⁶, можно думать, что каждый экземпляр договора с удельными князьями скреплялся печатями обеих сторон, но при этом могло быть два экземпляра и более, в зависимости от числа участников соглашения. Тексты экземпляров были, по-видимому, идентичны, ибо статьи, сформулированные от лица великого князя, сочетались со статьями, написанными от имени удельных князей и от объединенного лица контрагентов. В договоре с тверским князем весь текст написан от лица одной стороны, куда входили великий князь московский, удельный князь и Новгород, а на обороте списка отмечено наличие при подлиннике новгородских печатей. Вероятно, это был один из нескольких экземпляров, имевших идентичный текст. Существовал ли экземпляр, составленный от лица тверского князя, сказать трудно.

Самыми ранними образцами княжеских завещаний являются два «рукописания» владими́ро-волы́нского князя Владимира Васильковича около 1287 г., не сохранившиеся в подлинниках, но дошедшие в составе текста Ипатьевской летописи¹⁴⁷. С дипломатической точки зрения в них представляет особый интерес инвокация, переходящая в преамбулу. Факт составления духовной отдельно для каждого наследника свиде-

¹⁴¹ Д и ДГ, № 5.

¹⁴² Там же, № 9.

¹⁴³ Там же, № 2.

¹⁴⁴ Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. I, стр. 20—27, 31—45, 51—58.

¹⁴⁵ А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 279—286.

¹⁴⁶ Д и ДГ, стр. 568, № 5.

¹⁴⁷ ПРП, вып. II, стр. 27—28.

тельствует о слабой еще развитости завещаний как разновидности актов. Корроборация и конечный протокол в дошедших текстах отсутствуют, хотя в летописи упоминается писец: «...повеле писцю своему Федорцю писать грамоты»¹⁴⁸.

Духовные грамоты московских князей появляются с конца 20—30-х годов XIV в. За время с 1339 (или 1327) по 1375 г. их известно четыре¹⁴⁹. Духовные Ивана Калиты и Ивана Красного дошли в двух вариантах. Все шесть текстов сохранились в подлинниках. Обязательным компонентом формуляра духовных была словесная инвокация: «Во имя отца и сына и святого духа». Символическую инвокацию перед ней видим в духовных Ивана Калиты¹⁵⁰. Интитуляция завещаний, идущая вслед за инвокацией, характеризуется упоминанием имени без княжеского титула; перед именем употребляется формула «грѣшный худый раб божий». Иван Калита и Семен Гордый фигурируют без отчеств, но уже Иван Красный и Дмитрий Донской пишутся с отчествами.

Формула, выражающая существо акта, распадается на два оборота: 1) «пишу душевную грамоту» и 2) «даю ряд». Первый оборот либо непосредственно примыкает к интитуляции, либо отстоит недалеко от нее и всегда связан с ней как сказуемое и дополнение с подлежащим. Второй оборот входит в особую статью, указывающую в общей форме контрагентов сделки (кому дается «ряд»: сыновьям, жене). Это упоминание контрагентов утратило здесь характер инскрипции, еще ощущаемый в духовных грамотах Владимира Васильковича.

В духовных XIV в. непременно присутствует санкция типа clause comminatoire с угрозой божьего суда. В грамотах Ивана Красного угроза усиливается заявлением о лишении нарушителя княжеского благословения. В духовных грамотах князей больше, чем в других актах, разрабатывается корроборация: указываются свидетели сделки и писец (нет корроборации только в духовной Семена Гордого). В духовной Дмитрия Донского 1375 г. обычным пунктам корроборации предшествует сообщение, что князь «явил» духовную митрополиту, а тот привесил к ней свою печать. В самом деле, при грамоте две печати — князя и митрополита. Это было нововведением, так как грамоты предшественников Дмитрия скреплены иначе. Каждый вариант духовных Ивана Калиты и Ивана Красного снабжен только печатью самого князя. К печати второй духовной Калиты снизу была присоединена еще свинцовая печать хана Узбека. Эти две печати в настоящее время утрачены¹⁵¹. Духовная Семена Гордого, не имевшего мужского потомства, скреплена великокняжеской и двумя удельнокняжескими печатями (последние принадлежали братьям Семена — Ивану и Андрею Ивановичам, один из которых должен был наследовать престол). Привлечение митрополита к скреплению духовных грамот великих князей показывает расширение церковной юрисдикции (позднее духовные частных лиц тоже заверялись в митрополичьей канцелярии). Эсхатолог в духовных грамотах отсутствует. Датировке княжеских завещаний посвящены блестящие работы Л. В. Черешина¹⁵² и А. А. Зимина¹⁵³.

* * *

Общие итоги развития русских княжеских канцелярий к концу XIV в. состояли в том, что выработался формуляр целого ряда разновидностей

¹⁴⁸ ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стб. 932.

¹⁴⁹ Д и ДГ, № 1 (а, б), 3, 4 (а, б), 8.

¹⁵⁰ «Собрание государственных грамот и договоров» (далее — СГГД), ч. 1. М., 1813, № 21, 22.

¹⁵¹ Д и ДГ, стр. 567, № 16; СГГД, ч. 1, № 22.

¹⁵² Л. В. Черешин. Указ. соч., ч. I, стр. 12—20, 27—31, 58—62.

¹⁵³ А. А. Зимин. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв., стр. 276—281, 285—286.

актов. Устойчивые нормы формуляра сложились в Новгороде еще в XII—XIII вв. Для Пскова конца XIII в. источниками зафиксировано существование княжеского писца, писавшего частные акты, которые при этом скреплялись княжеской буллой¹⁵⁴. В XIV в. формируются традиции московской великокняжеской канцелярии, еще раньше появляются канцелярские штампы в Рязани и Твери. Известны имена отдельных московских писцов XIV в.

Особенностью русских канцелярий было большее развитие сделочной формы актов и меньшее использование жанра посланий, чем на Западе. С этим связано слабое применение такого компонента формуляра, как нотификация. Определенная близость к западным шаблонам заметна в актах, происходящих из новгородской, смоленской, полоцкой и галицко-волинской княжеских канцелярий. Самой неразвитой частью формуляра грамот был конечный протокол. В санкциях угрожающая клаузула (*clause comminatoire*) долго ограничивалась призыванием небесной кары, и лишь в XIV в. распространяется угроза светских наказаний. При всех своих отличиях русские грамоты входят в качестве составной части в наследие средневековой европейской дипломатики, и выяснение их специфики, равно как и черт сходства с западными и восточными актами, требует особого сравнительно-источниковедческого исследования.

¹⁵⁴ ГВН и П, № 331; ср. В. Л. Янин. Вислые печати Пскова.— «Советская археология», 1960, № 3, стр. 242—244; *он же*. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам.— В кн.: Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966, стр. 166—168.

М. А. Усманов

ОФИЦИАЛЬНЫЕ АКТЫ ХАНСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XIV — XVI ВВ. И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

В силу объективных и субъективных причин тюркоязычные нарративные источники, созданные в XIII — XVI вв., то есть в эпоху существования и распада Джучиева улуса¹, до нас не дошли или, по крайней мере, еще не обнаружены². Поэтому историкам, изучающим прошлое многих, в том числе и тюркоязычных, народов средневековой Евразии, приходится иметь дело наряду с археологическими памятниками с письменными источниками, созданными вне пределов указанного региона. Правда, в распоряжении исследователей имеется целый комплекс и автохтонных письменных памятников, аутентичных событиям, которые в той или иной степени привлекались и привлекаются при разработке вопросов социально-экономической, политической и культурной истории тюркоязычных государств средневековья. Это официальные акты ханств Восточной Европы — собственно Золотой Орды и возникших на ее развалинах ханств, прошлое которых в той или иной степени связано с судьбой Джучиева улуса.

Определенная, даже большая часть этих документов — тарханных и жалованных ярлыков, ханских посланий и писем — уже опубликована; имеется и значительное количество исследований по ним. В то же время вряд ли можно признать удовлетворительным состояние изученности этих материалов в целом. Например, одни из них — конкретно взятые ярлыки и послания — публиковались не раз, подвергаясь тщательному анализу квалифицированных филологов, а другие, наоборот, почти не изучены, хотя и среди них есть не менее ценные по содержанию и форме документы. К тому же еще нет такого обобщающего исследования, в котором на основе тщательного анализа каждого документа в отдельности, синтезирующей критики их содержания в целом, давалась бы общая источниковедческая оценка всему комплексу. А это уже неотложная задача, ибо дальнейший успех изучения средневековой истории народов Восточной Европы, Северо-Западной Азии, прежде всего тюркоязычных народов, наравне с вы-

¹ Здесь и далее в понятие «Джучиев улус» (Джучи улус, Улус Джучи) вкладывается содержание «Золотая Орда» в широком значении термина, т. е. вся территория империи Бату-Токтамыша и отколовшихся от нее ханств (Астраханское, Казанское, Крымское и т. д.), являющихся в политическом и общественном отношениях (но не в этногенетическом, хозяйственном и бытовом планах) «осколками» Улуса Джучи. Во-первых, это устраняет возможность сведения термина Золотая Орда лишь к узкому региону — центральной части государства, тем более к Большой Орде конца XV и начала XVI в. Во-вторых, такое условное объединение под одним названием всех ханств Восточной Европы, даже, в узком значении слова, всей Евразии, необходимо и правомерно при разработке общих вопросов источниковедения средневековой истории ряда тюркоязычных народов СССР.

² Некоторые наблюдения и выводы по этому вопросу применительно к судьбе исторической литературы казанских татар см.: М. А. Усманов. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, стр. 9—32.

явлением новых и новых документальных материалов, зависит от совершенствования методики работы с уже известными источниками, в данном случае с актовыми документами Джучиева улуса. И в этой области, к сожалению, имеются существенные пробелы, что особенно ощутимо в отсутствии специальных документоведческих и дипломатических исследований и не только их³.

В данной статье, не пытаясь охватить все актуальные и нерешенные проблемы изучения средневековых тюрко-татарских официальных актов в целом⁴, хотелось бы представить вниманию читателей краткий обзор публикаций и исследований по ханским ярлыкам и посланиям, чтобы установить общую тенденцию развития изучения ярлыков, выявить позитивные и негативные стороны прежних работ, сыгравших ту или иную роль в развитии тюркологии вообще и изучения социально-экономической истории Джучиева улуса в частности. Естественно, что лишь при такой общей и конкретной оценке имеющегося наследия можно выявить подлинные пробелы в изучении интересующих нас материалов и наметить наиболее перспективные области для будущих исследований.

Официальные акты Джучиева улуса стали объектами научного исследования лишь в первой половине XIX в., когда в Европе и в России тюркология переживала период превращения из прикладной филологии в самостоятельную отрасль формирующейся научной ориенталистики.

Правда, и ранее отдельные образцы средневековых официальных актов тюрко-татарского происхождения привлекали внимание русских публикаторов, а материалы некоторых из них использовались исследователями⁵. Однако ни подобные работы, ни многочисленные ссылки на ярлыки в русских летописях и более поздних сочинениях нельзя квалифицировать как специальные научные исследования, ибо и составители летописей, и историографы XVII — XVIII и даже XIX вв. нисколько не затрагивали теоретических проблем источниковедческого характера, практических вопросов дипломатики, археологии и их текстологии. Несмотря на это подобные работы сыграли определенную роль в зарождении и становлении *ярлыковедения* — самобытной и сложной области тюркологии.

В качестве одной из первых работ научного изучения ханских ярлыков и посланий следует назвать публикацию текста тарханного ярлыка Тимур-Кутлуга от 1397/98 г. Уйгурописьменный ярлык с подстрочной транскрипцией текста арабскими буквами был доставлен из Константинополя австрийским дипломатом Антоном фон Раабом, который и передал его из-

³ По этому вопросу см.: М. А. Усманов. Актуальность комплексного изучения актов-источников Джучиева улуса XIV—XVI вв. — «Южноуральский археографический сборник», вып. 1. Уфа, 1973, стр. 151—159.

⁴ Композита «тюрко-татарское» здесь и далее применяется для более четкой локализации материала (причем только актовых материалов), в отличие от таковых по Средней Азии, Турции. Иначе говоря, в нее вкладывается не обобщающее, собирательное значение «тюркское» вообще, как это делалось прежде, а условно привносится новое, конкретизирующее содержание: тюркское по роду и татарское по виду. Такое терминологическое уточнение необходимо по ряду причин: во-первых, неправомерно ставить знак равенства между наиболее ранними актами Джучиева улуса и собственно татарскими документами XV—XVI вв., во-вторых, именно от золотоордынской письменной культуры XIII—XIV вв. отпочковывались литературный язык и традиция делопроизводства у татар более поздних времен; в-третьих, наравне с татарами наследниками золотоордынской письменной культуры являются ногайцы, башкиры, казахи и др. (Подробнее о сложной судьбе композита «тюрко-татарское» и «тюрко-татарское» см.: Г. Ф. Благова. Вариантные заимствования *турок* ~ *тюрк* и их лексическое обособление в русском языке. — «Тюркологический ежегодник, 1972». М., 1973, стр. 93—140).

⁵ В качестве примера можно назвать работы Н. И. Новикова и Н. М. Карамзина, когда первый из них осуществил в «Древней российской вифлиофике» (т. VI. М., 1788) публикацию текстов ханских ярлыков русским митрополитам, а второй в своем известном труде «История государства Российского» в связи с изложением того или иного сюжета неоднократно использовал материалы ярлыков и посланий.

вестному ориенталисту Й. Хаммеру (Гаммеру). Последний для получения необходимых консультаций копию документа направил в Петербург ведущему в то время российскому востоковеду Х. М. Френу, переправившему в свою очередь текст И. Хальфину — преподавателю тюркских языков Казанского университета, с которым он постоянно сотрудничал. И. Хальфин прокомментировал и проанализировал отдельные архаичные термины документа. После этого в 1818 г. Й. Хаммер опубликовал факсимиле, арабскую транскрипцию и немецкий перевод текста⁶, присовокупив к ним хальфиновские комментарии⁷.

Таким образом, история с публикацией ярлыка Тимур-Кутлуга — первой в Европе научной работы по изданию памятников тюрко-татарских актов — весьма показательна: мы встречаемся с фактом плодотворного сотрудничества ученых из разных стран, представителей различных народов. Как увидим ниже, эта добрая традиция продолжалась и позднее. В то же время история с публикацией названного ярлыка свидетельствует и о том, что в те годы научная текстология тюркоязычных письменных памятников средневековья делала лишь первые пробные шаги как в Европе, так и в России. Поэтому не следует удивляться, если в чтении Хаммера обнаружатся ошибки, неточности, а в комментариях Хальфина — наивные рассуждения, ошибочные толкования⁸. Значение этой первой научной публикации в конечном счете заключается не в частных толкованиях, а в том, что в ней заложены первые камни методологии текстологического, историко-сравнительного изучения тюркоязычных актовых источников средневековья. Именно эта публикация Й. Хаммера, несмотря на свои существенные недостатки (отсутствие анализа наиболее достоверной версии текста — уйгурописьменной, археографического описания и др.), стала своеобразным «опорным пунктом» для последующих исследований или объектом принципиальной критики при осмыслении содержания, терминологии ярлыков.

Интенсивное развитие научной публикации текстов ханских ярлыков в России связано с деятельностью Одесского общества истории и древностей. В свою очередь интерес членов Общества к ярлыкам был вызван практической деятельностью русской администрации в Крыму. Например, в конце 30-х годов XIX в. в канцелярию Новочеркасского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова поступали от разных крымских владельцев или общественных учреждений, связанных с ними, старинные юридические акты, в том числе известные ныне тарханские ярлыки Токтамышша и Саадат-Гирая, подтверждающие исконные права татарских феодальных родов на те или иные привилегии. Чтобы убедиться в исторической достоверности подобных документов, граф Воронцов переправлял их, как писал об этом В. В. Григорьев, в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, где переводами их занимался «первый драгоман татарского языка» Я. О. Ярцов⁹. Правда, отдельная информация об этих находках, с приложением переводов текстов, попала в печать несколько раньше¹⁰, чем указанная публикация В. В. Григорьева. Однако не они,

⁶ *Joseph v. Hammer. Uigurisches Diplom Kutlugh Timur's vom Jahre 800 (1397) beiliegend lithographisch nabgestochen und übersetzt.* — «Fundgruben des Orients», VI b. Wien, 1818, S. 359—365.

⁷ *Ibid.*, S. 361—362.

⁸ Поэтому вряд ли следует согласиться с С. М. Михайловой, которая в своей работе «Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья» (Казань, 1972) приписывает всю заслугу издания названного ярлыка лишь одному Хальфину (там же, стр. 138).

⁹ В. Григорьев, [Я. О. Ярцов]. Ярлыки Токтамышша и Сеадет-Гирая. — «Записки Одесского общества истории и древностей» (далее — ЗООИД), т. I, 1844, стр. 338.

¹⁰ «Татарские и турецкие акты, найденные в Крыму». — «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1839, ч. 21, отд. VII, стр. 39—44; Н. Мурзакевич. Письменные памятники Токтамышша. — ЖМНП, 1840, ч. 27, отд. II, стр. 143—148. В первой работе предложен был вниманию читателя сойгуральный

а именно работа последнего, издавшего совместно с Я. О. Ярцовым тексты ярлыков как в оригинале, так и в русском переводе, оказала влияние на дальнейшее изучение этих памятников, так как, несмотря на существенные недостатки прочтения, наличие ошибок в переводе, данная публикация сопровождалась довольно интересным исследованием по ярлыкам и, самое существенное, высококачественными факсимильными копиями подлинников. Что касается отмеченных недостатков, то они вполне закономерны: ведь Ярцову — практику-переводчику, к тому времени не располагавшему навыками текстолога-профессионала, и Григорьеву приходилось первыми в России прокладывать путь научного перевода и изучения одного из самых сложных видов тюркоязычных письменных источников. И надо отметить, что с миссией первооткрывателей они справились в целом успешно.

Между прочим, это было не первое выступление В. В. Григорьева по ханским ярлыкам; например, еще в 1842 г. он опубликовал свое известное исследование, посвященное жалованным ярлыкам, выданным золотоордынскими ханами русскому духовенству¹¹, где со свойственной ему страстью доказал, и в целом правильно, научную ценность этих документов. Несмотря на некоторые торопливые суждения и ошибочные выводы, проистекавшие прежде всего из состояния тюркологии, источниковедения того периода, также из метафизичности его отношения к прошлому, данная работа, безусловно, имела положительное значение, вызвав целую серию исследований по этому комплексу документов, хотя некоторые из них имеют лишь опосредствованное отношение к тюрко-татарской дипломатике¹².

Роль Одесского общества истории и древностей в выявлении и публикации ханских ярлыков не ограничивалась только одной вышеназванной публикацией (ярлыков Токтамыша и Саадат-Гирая). Например, оно обращалось со специальными циркулярами «к членам и корреспондентам своим о доставлении всякого рода официальных бумаг на татарском и турецком языках, рассеянных в значительном числе по рукам частных людей»¹³, и получило из Крыма более десятка таких актов, среди которых было 9 сойургальных и тарханных ярлыков крымских ханов XVI — XVIII вв., причем из каждого столетия по 3 документа¹⁴. Далее Общество опубликовало переводы еще 6 ярлыков XVI в.¹⁵, подлинники которых находились в то время в канцелярии генерал-губернатора. Однако эта последняя публикация не получила того резонанса, что имела прежняя работа Григорьева—Ярцова, так как, во-первых, и новые переводы

ярлык Сахиб-Гирая 1550 г., а во второй — тарханный ярлык Токтамыша, оба в переводе Я. О. Ярцова. Несколько позднее русские переводы тарханных ярлыков Токтамыша и Саадат-Гирая были опубликованы Али-беом Булгаковым на страницах «Таврических губернских ведомостей» (1842, № 48), о чем см.: А. Мурзакевич. Тагриса. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии» (далее — ИТУАК). Симферополь, 1894, № 20, № 192—193.

¹¹ В. Григорьев. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842.

¹² Историю вопроса и позднейшие исследования см.: А. А. Зимин. Краткое и странное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам. — «Археологический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 28—40. Из не учтенных автором работ назову следующие: И. Березин. Тарханные ярлыки, данные ханами Золотой Орды русскому духовенству. — «Казанские губернские ведомости», 1852, № 22; из новейших тюркологических исследований: А. К. Боровков. Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1966, т. XXV, вып. 1, стр. 13—24.

¹³ «Татарские и турецкие акты, доставленные в Общество». — ЗООИД, т. I, 1844, стр. 638.

¹⁴ Там же, стр. 368—369. Например, по два ярлыка Сахиб-Гирая (1549), Давлат-Гирая (1561 и 1576 гг.), подтверждающий ярлык Токтамыш-Гирая (1601 г.) и т. д.

¹⁵ [Я. О. Ярцов]. Ярлыки крымских ханов. — ЗООИД, т. II, 1850, стр. 675—678.

Ярцова имели существенные недостатки (оригиналы текстов не были приложены); во-вторых, совершенно не давались археографические описания подлинников; в-третьих, публикация не сопровождалась специальным исследованием, помогающим раскрыть содержание и значение документов. В результате всего этого опубликованные материалы почти не вошли в широкий научный обиход, а между тем среди них были представлены новые, весьма интересные разновидности жалованных ярлыков¹⁶, представляющих большую ценность как для изучения истории аграрных отношений в татарских ханствах, так и для разработки теоретических вопросов тюрко-татарской дипломатики. Приходится отметить с сожалением, что подлинники более чем 15 ярлыков были «канцеляриею отосланы в Крым для раздачи... владельцам документов»¹⁷ и о судьбе их нынче ничего не известно¹⁸.

Одесское общество работу по выявлению, публикации ханских ярлыков не прекратило и позднее, хотя в этот период инициатива была уже в руках казанских востоковедов, прежде всего И. Н. Березина — одного из крупных русских тюркологов середины XIX в.

Активное включение И. Н. Березина в изучение тюркоязычных актов памятников связано с обнаружением в 1834 г. уйгурописьменного ярлыка-послания Токтамыша (1392—1393 гг.), адресованного польскому королю Ягайло. С тюркоязычным подлинником сохранились русский перевод-противень конца XIV в. и польская версия более поздних времен. Их выявил в Московском главном архиве Министерства иностранных дел М. А. Оболенский, который, развив бурную деятельность по этому случаю, установил контакты с некоторыми отечественными и зарубежными востоковедами, привлекая их к изучению нового документа. В дальнейшем текст ярлыка с качественным литографированным факсимиле подлинника, в арабской, монгольской транскрипциях, в нескольких переводах на современный русский язык, выполненных различными учеными¹⁹, с приложением древнерусского противня и польской версии был опубликован отдельной книгой М. А. Оболенским²⁰. Причем к публикации кроме предисловия, замечаний самого издателя были приложены письма-комментарии М. А. Казембека, О. М. Ковалевского, Д. Банзарова, И. Хаммера, И. Н. Березина и подробное текстологическое исследование последнего ученого²¹. Таким образом, данная публикация в сущности была плодом сотрудничества целой группы ведущих востоковедов середины XIX в. Над ней ученые работали более 10 лет.

Однако, учитывая большой удельный вес и относительно высокий профессиональный уровень исследовательской доли И. Н. Березина в названном издании, его можно было бы именовать в целом «березинским». К тому же при работе именно над этим документом ученый получил подлинное научное крещение, став одним из ведущих специалистов середины XIX в. в области изучения ярлыков. Подтверждением этому является осуществление им нового критического издания текстов вышеназванных ярлыков Токтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Гирая²², которое долгое время служило основным источником и пособием при изучении социально-экономической истории татарских ханств. Сравнительно высокая квали-

¹⁶ Например, сойургальные ярлыки, т. е. акты, представляющие или подтверждающие военно-ленинный иммунитет.

¹⁷ [Я. О. Ярцов]. Ярлыки крымских ханов, стр. 675.

¹⁸ Правда, в личных архивах В. В. Григорьева и других востоковедов удалось выявить рукописные копии (среднего качества) этих и других ярлыков; что же касается их калькированных копий, упомянутых там, то они пока не обнаружены.

¹⁹ Например, М. А. Казембеком, О. М. Ковалевским, И. Н. Березиным.

²⁰ «Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайло, 1392—1393». Издан М. А. Оболенским. Казань, 1850.

²¹ Там же, стр. 41—70.

²² *И. Березин*. Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань, 1851.

фикация И. Н. Березина как текстолога-тюрколога, его глубокая эрудиция в области тюрко-монгольской филологии дали ему возможность исправить многочисленные ошибки, заблуждения прежних публикаторов: Й. Хаммера, Я. О. Ярцова, В. В. Григорьева.

Талант и дальнейший рост опыта И. Н. Березина как текстолога ярко проявились в его позднейших публикациях ярлыков, осуществленных по инициативе Одесского общества истории и древностей. Так, издавая по некачественным копиям испорченные, следовательно труднопопознаваемые, тексты тарханских и жалованных ярлыков Менгли-Гирая (1467—1468 гг.) и Мухаммада²³, он сумел подняться выше своих прежних исследований²⁴.

Кроме историко-филологических исследований текстов И. Н. Березин, развивая отдельные небольшие опыты В. В. Григорьева, уделял немало внимания вопросам палеографии, сфрагистики ярлыков.

И. Н. Березин был также первым востоковедом, активно и широко привлекавшим материалы ханских посланий и ярлыков для специального изучения социально-политического строя Джучиева улуса²⁵. Правда, эти работы ученого страдают схематичностью, в них преобладает лингвистическое начало и в полной мере они не могут отвечать современным требованиям. Но значение их заключается в том, что только на их базе появились позднейшие исследования, находящиеся на более высокой ступени²⁶.

Естественно, и работы И. Н. Березина по ярлыкам не лишены недостатков, ошибок в чтении текстов, комментировании их. Как было отмечено выше, некоторые из них исправил он сам, а другие неточности были скорректированы позднейшими тюркологами (В. В. Радлов, А. Н. Самойлович и др.), третьи же ожидают дальнейших уточнений. В целом деятельность Березина в изучении ярлыков составляет подлинную эпоху не только российской, но и мировой тюркологии вообще, а его названные работы являются, как писал А. Н. Самойлович, «наиболее ценной частью его вклада в сокровищницу нашей культуры»²⁷. В этой оценке деятельности И. Н. Березина нет преувеличения, ибо у многих тюркологов, современников ученого, даже у некоторых представителей более поздних времен не хватало его эрудиции, опыта. Так, ориенталист Г. Вамбери, осуществивший в 1870 г. третью по счету публикацию ярлыка Тимур-Кутлуга²⁸, предлагая лучшее, по сравнению с Й. Хаммером, чтение и толкование его, но, видимо, не зная соответствующих работ И. Н. Березина, допустил ряд существенных ошибок, на что, между прочим, отмечая двадцатилетнюю давность своей работы, указал сам Березин²⁹. Как увидим далее на примере В. Д. Смирнова, Вамбери был не одинок.

²³ *И. Березин*. Тарханские ярлыки крымских ханов.— ЗООИД, т. 8, 1872, прилож. 22, стр. 1—9; *он же*. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирая и Мухаммед-Гирая (далее — *И. Березин*. Ярлыки крымских ханов...)— Там же, Прилож. 23, стр. 10—23.

²⁴ *И. Березин*. Ярлыки крымских ханов..., стр. 14, 16, 24, 22 и др.

²⁵ *И. Березин*. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850; *он же*. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева.— «Труды Восточного Отделения Русского археологического общества», т. VIII. СПб., 1864.

²⁶ См., например: *Я. И. Гурлянд*. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия.— «Известия Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете (далее — ИОАИЭ), т. XX, 1904 и др.

²⁷ *А. Н. Самойлович*. И. Н. Березин как тюрколог (1818—1918).— «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», т. I, 1925, стр. 168. Общую оценку деятельности Березина также см.: *В. В. Бартольд*. И. Н. Березин как историк.— Там же, т. II; *А. Ю. Якубовский*. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.— «Очерки по истории русского востоковедения», сб. I. М., 1953, стр. 41—48 и др.

²⁸ *Herman Vámbéry*. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck, 1870, S. 172—173.

²⁹ *И. Березин*. Ярлыки крымских ханов..., стр. 23.

Одной из значительных публикаций текстов ханских ярлыков-посланий является издание «Материалы для истории Крымского ханства...»³⁰. Документы, включенные в эту объемистую книгу в 950 стр. большого формата, были выявлены в 1858 г., обработаны и подготовлены к печати преподавателем факультета восточных языков Петербургского университета известным татарским просветителем Хусаином Фаизхановым, постоянно сотрудничавшим с востоковедами из Академии наук. Всего в книге представлено 378 документов, из которых 303 относятся к периоду с 1520 по 1742 г. (остальные 75 не датированы). К текстам приложены алфавитные указатели собственных имен, географических названий и специальных терминов, составленные тем же Х. Фаизхановым (38 стр.). Редактором издания и автором предисловия был В. В. Вельяминов-Зернов, которому иногда целиком и полностью приписывают это издание, что не соответствует действительности (тем более сам В. В. Вельяминов-Зернов автором издания считал лишь одного Х. Фаизханова).

Как указывал издатель-редактор, собранные в этой книге документы представляют богатейший материал для изучения взаимоотношений России и Польши с Крымским ханством³¹. Кроме того, что необходимо особо подчеркнуть, эти документы имеют колоссальное значение при историко-сравнительном, источниковедческом исследовании формы и содержания татарских официальных актов XVI — XVIII вв., при ретроспективном же подходе — даже XIV — XVI столетий. Дело в том, что это по существу единственное фундаментальное издание, в котором в одном месте собрано огромное количество татарских актовых материалов одного жанра, исходящих из одного источника, следовательно, дающих возможность проследить развитие и эволюцию делопроизводства в одном из ханств в течение более чем двух столетий. Немаловажное значение будут иметь они при установлении, конкретизации значения, содержания различных тюркских и собственно татарских общественно-политических, социально-экономических терминов, многие из которых бытовали в XIII — XV вв. Одним словом, перед нами настоящий клад первоисточников, представляющих чрезвычайное значение как для исследователя истории межгосударственных отношений, так и для историка-источниковеда. И осуществление этого издания было достойным вкладом Х. Фаизханова, В. В. Вельяминова-Зернова³² в обогащение источниковедческой базы тюрко-татарской дипломатики в целом. Однако, к сожалению, данное издание фактически осталось незавершенным, так как обещание редактора опубликовать отдельной книгой современные подлинникам русские переводы³³ или же, по крайней мере, подробную аннотацию их, составленную им самим³⁴, не было осуществлено, из-за чего содержание сборника в целом до сих пор продолжает оставаться недоступным для историков, не владеющих тюркскими наречиями средневековья. Далее, снижает качество книги отсутствие специального археографического описания опубликованных документов.

В плане текстологического исследования памятников средневековых тюрко-татарских актов большой интерес представляет работа выдающегося отечественного тюрколога В. В. Радлова, который, заново публикуя

³⁰ «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению имп. Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел». Издал В. В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1864 (далее — «Материалы для истории Крымского ханства...»).

³¹ Там же, стр. V, VI, VII.

³² Определенный интерес представляет в плане дипломатики и следующая работа последнего: В. В. Вельяминов-Зернов. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. Приложение к «Запискам Академии наук», т. IV, № 6. СПб., 1864.

³³ «Материалы для истории Крымского ханства...», стр. VI.

³⁴ Там же, стр. VII.

вышеназванные уйгурописьменные акты Токтамыша, Тимур-Кутлуга, дал прекрасный для своего времени образец не только тщательного лингвистического анализа текста, но и общефилологического синтеза при исследовании памятников³⁵. Он существенно уточнил чтения Й. Хаммера, И. Н. Березина, Г. Вамбери, осуществил научную транскрипцию этих трудных для расшифровки текстов; тщательно анализу подверг ряд сложных социально-экономических терминов. В целом, несмотря на некоторые неточности или спорные моменты, настоящая работа В. В. Радлова оказала существенное влияние на дальнейшее изучение тюрко-татарских актов, что можно видеть на примере исследований А. Н. Самойловича, С. Т. Вахидова и др.

Следующий этап выявления, сбора и публикации крымско-ханских ярлыков связан с деятельностью Таврической ученой архивной комиссии, благодаря усилиям которой было собрано большое количество жалованных ярлыков крымских ханов XV — XVIII вв. После Октябрьской революции это богатейшее собрание поступило в Центральное архивное управление Крыма, а несколько позднее было передано в Рукописный отдел Института востоковедения АН СССР.

По заданию Комиссии две серии жалованных ярлыков были опубликованы В. Д. Смирновым. Правда, еще до этого он был редактором сборника документов, относящихся к истории крымских караимов³⁶, для которого написал специальное предисловие, подробно осветив историю взаимоотношения различных религиозных общин в ханстве. В сборник, наравне с другими материалами, были включены оригиналы и русские переводы восьми жалованных ярлыков, выданных в различное время (1608, 1610, 1635 гг. и т. д.) караимским общинам. Как указано в книге, эти тексты издателям были известны в поздних копиях, выполненных специалистами, например простыми муллами.

С самостоятельной работой по ярлыкам В. Д. Смирнов выступил в 1913 г., когда из названного собрания коллекции ярлыков Таврической ученой архивной комиссии опубликовал 15 документов³⁷. Из них три акта относятся к XVI в. (два ярлыка Мухаммад-Гирая II от 1577 г., один недатированный ярлык Газы-Гирая, коронованного в 1588 г.), остальные — к последующим периодам. Публикатор представил лишь русские переводы без каких-либо археографических описаний, текстологических, источниковедческих комментариев. Заслуживают внимания краткие замечания исследователя об особенностях денежного обращения в Крыму.

Следующая работа В. Д. Смирнова по ярлыкам³⁸ является более интересной в источниковедческом плане. На этот раз опубликованы русские переводы трех типичных тарханных ярлыков (Хаджи-Гирая 1459 г., и два акта Менгли-Гирая 1468 и 1485 гг.) и краткие аннотации пяти сойбургальных жалований XVI в. Публикация сопровождается краткими археографическими описаниями, содержащими наблюдения по истории развития письма и почерков в Крыму. Достойны внимания отдельные замечания по содержанию некоторых терминов, топонимов и их употребления в ярлыках³⁹. Вместе с тем в сугубо источниковедческом, текстологическом планах данная работа В. Д. Смирнова также не лишена недостатков.

³⁵ В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга.—«Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. III, вып. 1—2. СПб., 1888, стр. 1—40.

³⁶ «Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русскоподданных караимов». СПб., 1890.

³⁷ В. Смирнов. Крымско-ханские грамоты.— ИТУАК, № 50. Симферополь, 1913, стр. 140—178.

³⁸ В. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии.— ИТУАК, № 54. Симферополь, 1918, стр. 1—19 (далее — В. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки...).

³⁹ Там же, стр. 6, 12, 15.

С одной стороны, в нее вкрался ряд фактических ошибок на что в свое время частично указывал академик А. Н. Самойлович⁴⁰. С другой стороны, без должного внимания публикатор оставил одну из интереснейших разновидностей ханских ярлыков — сойургальные жалования, которые представлены лишь аннотациями, не раскрывающими подлинное историко-ведческое достоинство их. Дело в том, что если до сих пор о сойургальной системе землевладения в Джучиевом улусе и отколовшихся от него ханствах ученые вели и ведут речь по материалам иноземных авторов или опосредствованных местных документов (тарханских ярлыков), то названные выше грамоты в этом плане представляют непосредственные сведения. В-третьих, вызывает сожаление отсутствие в публикации анализа сфрагистического материала, тем более что в распоряжении публикатора, в отличие от В. В. Григорьева, И. Н. Березина, впервые имелись все разновидности ханских знаков — алая тамга, синяя тамга и перстенная печать.

Можно было бы ограничиться этими общими замечаниями относительно анализируемых публикаций. Однако, учитывая то обстоятельство, что почти все первые издания ярлыков, осуществленные И. Хаммером, В. В. Григорьевым, И. Н. Березиным, в дальнейшем неоднократно подвергались уточнениям, исправлениям, чему способствовало наличие тюркоязычных оригиналов в публикациях, а таковые по изданию Смирнова еще не проводились, считаю целесообразным указать на ряд характерных недостатков⁴¹.

Во-первых, в чтении отдельных слов имеются неточности. Например, вместо «*Шах* Мардан» стоит «*Менаг* Мердан»⁴², вместо эпитета «муфакхар» (знаменитый, прославленный) прочитано «Хаккы»⁴³, а караимское имя Abraham в одном и том же документе представлено двояко: Абрагам — Ибрагим⁴⁴ и др.

Во-вторых, в анализируемых переводах отсутствует унификация русской передачи аналогичных фраз, понятий и терминов из однотипных документов. Так, одна и та же стандартная формула тарханских ярлыков, именно 'alufa susun tib almasunlar (пусть не берут [что-либо], говоря, алуфа [и] сусун⁴⁵) каждый раз переведена по-новому: а) «ни алуфы, ни сюсюна, так называемых, не взымали бы»; б) «ни алуфы, ни корма, так называемых, не брали бы»; в) «фуража и корма не требуют»⁴⁶. Непоследовательность прослеживается в переводах формул: 1) *tuar qaralarin ulaḡ ilmäk tutmasunlar*, 2) *atlarin öküzlärin ulaḡ ilmäk tutmasunlar* — 1) «ни скота, ни волов их для подвод арканами не ловили», 2) «лошадей, волов под подводы да не требуют», где перепутаны значения слов *tuar qaḡa* («скот» вообще) и *öküz* (вол), с одной стороны, и введено совершенно ненужное слово «арканы», с другой⁴⁷.

В-третьих, ни исторически, ни лингвистически не обоснован перевод термина *qoluş qoltqa* (разновидность побора в виде «даров») как «поло-

⁴⁰ А. Н. Самойлович. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII веках. — «Записки Института востоковедения Академии наук», т. I. Л., 1932, стр. 125—127.

⁴¹ Переводы сравнивались с подлинниками ярлыков, хранящимися в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР под шифрами Т306, Т308, Т309, Т310, Т312, Т314, Т315, Т317, Т318, Т319 и Т322.

⁴² См.: Т306 и В. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки..., стр. 8.

⁴³ См.: Т318 и В. Смирнов. Крымско-ханские грамоты, стр. 168 (в предыдущем переводе слово прочитано правильно, ср.: Т317 и стр. 167).

⁴⁴ В. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки..., стр. 13, 14.

⁴⁵ Парный термин «алуфа-сусун» означает «фураж и провиант» вообще.

⁴⁶ Ср.: Т306, Т308, Т309 и В. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки..., стр. 9, 11, 13. Лингвистически не оправдано превращение деепричастия «тиб» (говоря, сказав) в «так называемых».

⁴⁷ Там же; из предложенных вариантов перевода в смысловом отношении ближе к тексту второй вариант.

няники рабы»⁴⁸, тем более в том же документе сказано: *jäsir alsa satsa tamğa tartnaq tilämäsünlär* («если купит, продаст ясыря, то ни тамги, ни весового (sic!) да не требуют» — перевод В. Д. Смирнова). Последний пример показывает, что, переводя *tartnaq* как «весовое», В. Д. Смирнов механически следовал предположительному и ошибочному толкованию И. Н. Березина, у которого не было достаточно материала для установления подлинного значения термина.

В-четвертых, имеются явно нежелательные для научных исследований вольности или, наоборот, буквальности. Так, вместо *bitildi* («битилди» — «был написан») публикатор пишет «батылды»⁴⁹, хотя это слово до него правильно транскрибировано В. В. Радловым⁵⁰; вряд ли удачно в научных изданиях применительно к специальному термину «тамга» из сферы письменного делопроизводства употреблять слово «клеймо»⁵¹ из хозяйственной, животноводческой лексики и т. д. и т. п.

В свое время о ярлыке Хаджи-Гирая (1459 г.) из публикации В. Д. Смирнова академик А. Н. Самойлович писал, что он «заслуживает полного издания в Fac-simile с новым переводом, так как перевод В. Д. Смирнова, как показало сличение его с оригиналом, нуждается в некотором исправлении»⁵². Результаты новых сличений показывают, что в таком исправлении нуждаются переводы и других ярлыков.

В. Д. Смирнов известен прежде как крупный специалист по истории Турции и автор некоторых ценных открытий в области турецкой литературы⁵³. Что касается перечисленных выше недостатков, то они, возможно, объясняются, во-первых, эпизодичностью, торопливостью занятий публикатора над ярлыками, во-вторых, отличием языка и терминологии золотоордынско-кыпчакских документов от турецко-османского языка, ибо Смирнов был знатоком именно турецкого языка⁵⁴. Исходя из всего этого, на анализе названных публикаций мы остановились несколько подробнее.

Значительное количество крымско-ханских жалованных ярлыков XVI в. в русском переводе было опубликовано Ф. Ф. Лашковым⁵⁵. Большинство из этих документов относится к разновидности сойургальных актов, следовательно, в сугубо источниковедческом плане представляет некоторый интерес для исследователя. Однако публикатор не подверг их специальному анализу и в другой своей работе⁵⁶, он, видимо, не ставил перед собой такой задачи. К тому же переводы текстов весьма далеки от документальной точности, ибо одна часть их была выполнена в первой половине XIX в.⁵⁷, а другая была осуществлена неспециалистами⁵⁸.

⁴⁸ Ср.: Т309 и В. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки..., стр. 13.

⁴⁹ Там же, стр. 16 и др.

⁵⁰ В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга, стр. 17, 38.

⁵¹ В. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки..., стр. 9, 11, 18.

⁵² А. Н. Самойлович. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII веках, стр. 126, прим. Далее у Самойловича читаем: «...описанный В. Д. Смирновым под № 8 ярлык относится не к XVII, а к XVI веку и принадлежит не Мухаммед-Гирею, а Девлет-Гирею». Это исправление вполне справедливо.

⁵³ О сложном наследии В. Д. Смирнова подробнее см.: А. С. Тверитинова. В. Д. Смирнов — историк Турции. — «Советская тюркология», 1974, № 4, стр. 103—114; Е. И. Маштакова. В. Д. Смирнов — исследователь турецкой литературы. — Там же, стр. 115—123.

⁵⁴ Факты транскрибирования традиционных золотоордынских терминов *век* (*bég*) на турецкий лад как «бей» (множ. ч. — беи) лишний раз свидетельствуют об этом, причем и здесь нет унификации (см.: В. Смирнов. Крымско-ханские грамоты, стр. 169; *он же*. Татарско-ханские ярлыки..., стр. 8 и др.).

⁵⁵ Ф. Лашков. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897 (далее — Ф. Лашков. Сборник документов по истории...) (тексты 15 ярлыков относятся к XVI веку).

⁵⁶ Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.

⁵⁷ Например, переводы Я. О. Ярцова.

⁵⁸ Ф. Лашков. Сборник документов по истории..., стр. 6—7.

Все же, несмотря на невысокий уровень некоторых публикаций, выполненных сотрудниками Таврической ученой архивной комиссии или общественных по ее заказу, необходимо отметить, что после Одесского общества истории и древностей именно Таврическая архивная комиссия сделала очень много, чтобы выявить, собрать памятники средневековых тюрко-татарских актов, а потом, по мере возможности, осуществить публикацию и исследование их. И только благодаря ее активной деятельности ученый мир сегодня располагает значительным количеством крымских жалованных ярлыков XV — XVIII вв., еще полностью неизвестных широкому кругу специалистов.

Круг публикаций текстов официальных актов Джучиева улуса XIV — XVI вв. как в оригинале, так и в поздних ученых переводах на русский язык, также дооктябрьских специальных исследований по ним, ограничивается в основном вышеуказанными работами, среди которых, естественно, не названы частные или неоригинальные высказывания о ярлыках. В то же время следует оговориться, что выше речь шла прежде всего о специальных востоковедческих работах. Дело в том, что кроме подобных работ имеется еще целый ряд публикаций по славянским актовым материалам, куда наравне с русскими и польскими документами включены средневековые канцелярские переводы тюрко-татарских по происхождению документов. Это многочисленные письма ханов, ногайских беков, адресованные русским и литовским великим князьям.

В качестве ранних примеров таких публикаций можно назвать известные «сборники» М. Муханова⁵⁹ и М. А. Оболенского⁶⁰, в которых наравне с русско-славянскими материалами представлены в старых переводах тексты ярлыков-посланий, преимущественно Менгли-Гирая и его наследников, извлеченные большей частью из «Литовской метрики».

Несколько позднее более десяти татарских актов из фондов Московского главного архива было опубликовано в качестве приложения к исследованию известного историка-архивиста А. Ф. Малиновского⁶¹.

Однако наиболее значительным, точнее, капитальным изданием следует считать два объемистых тома из серии «Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранцами», изданные Русским историческим обществом⁶². В этих двух книгах, вышедших под наблюдением Г. Ф. Карпова, наравне с русскими по происхождению документами находятся несколько сот единиц ярлыков-посланий ханов Золотой Орды, Крыма, Казани, Ногайской Орды, также многочисленные письма второстепенных государственных деятелей и вельмож из названных ханств. Научная ценность этих документов заключается не только в том, что они заменяют собой утерянные навсегда тюркские оригиналы, но и в том, что они переведены были в XV — XVI вв. на русский язык высококвалифицированными для того времени толмачами-переводчиками московского великого князя. Как показывают наблюдения, эти переводы обладают рядом существенных преимуществ перед позднейшими, ибо они выполнены толмачами, которые хорошо разбирались в общественных, политических институтах, следовательно, и в специальной терминологии татарских ханств. Они являются не только переводами, но и *толкованиями* в своем роде, так как традиционная устойчивость в передаче на русский язык того или другого термина свидетельствует о практической разработанности принципов перевода, что возможно лишь при полном осмыслении всего текста в целом, отдельных слов в частности.

⁵⁹ «Сборник Муханова». М., 1836; изд. 2, доп. СПб., 1866.

⁶⁰ «Сборник князя Оболенского», т. I. М., 1838.

⁶¹ А. Малиновский. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год. — ЗООИД, т. V, 1863 (Дипломатическое приложение).

⁶² «Сборник Русского исторического общества» (далее — Сб. РИО). СПб., т. 41, 1884; т. 95, 1895.

При малочисленности дошедших до нас подлинников ханских писем и ярлыков-посланий, адресованных московским и литовским князьям, значение таких качественных переводов, осуществленных уверенной рукой современника, еще более возрастает. Данные документы ценны и в том плане, что они охватывают большой отрезок времени — с небольшими разрывами около 50 лет (1474—1521 гг.) из жизни нескольких ханств. Если привлекать документы более поздних времен, например, опубликованные Ф. Лашковым⁶³, Х. Фаизхановым и В. В. Вельяминовым-Зерновым, тогда мы получим возможность проследить эволюцию делопроизводства одного из татарских ханств в течение более чем двух с половиной столетий. Имея такую богатую источниковедческую базу, нетрудно будет методом ретроспекции выяснить ряд вопросов из более ранних эпох, а путем историко-сравнительного анализа восстановить пробелы делопроизводства из других генетически родственных в династийном, политическом отношении с Крымом ханств. Одним словом, при источниковедческом исследовании тюркских оригиналов ханских ярлыков и посланий XIV—XVI вв. вышеназванные русские переводы должны быть также в центре внимания.

При учете наследия по изучению ярлыков достоин внимания еще один комплекс изданий и исследований. Это публикации (как правило, не первичные) текстов ханских ярлыков в трудах татарских авторов. Дело в том, что начиная со второй половины XIX столетия (период становления буржуазной исторической науки у татар) ханские ярлыки стали привлекать внимание и местных историков. Например, известный татарский ученый и просветитель Шигабутдин Марджани в своем сочинении «Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара», представляющем систематизированный свод средневековых восточных известий о прошлом народов Поволжья и Приуралья, как иллюстративный материал представил тексты ярлыков Тимур-Кутлуга и Токтамыша (по изданию И. Н. Березина)⁶⁴.

К ярлыкам чаще обращались татарские историки, особенно в начале XX в., когда буржуазная историческая мысль у татар переживала один из бурных периодов своего развития. Так, например, А. Акчурин, А.-З. Валиди, А. Баттал и другие неоднократно включали тексты ярлыков в свои сочинения⁶⁵, тем самым привлекая внимание читателей к подобным документам.

Несмотря на сугубо иллюстративный характер, слабость в теоретическом плане, названные публикации все же сыграли определенную роль в пропаганде значения актовых источников, так как именно они — эти

⁶³ Ф. Лашков. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь, 1891.

⁶⁴ Ш. Мерджани. مستفاد الاخبار فى احوال قزان و بلغار . القسم الاول . قزان ، ۱۸۸۵ ، ۱۱۲-۱۱۳ هم ۱۱۸ بيتلو .

(Ш. Марджани. Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара, ч. 1. Казань, 1885, стр. 112—113 и 118).

⁶⁵ ع . آقچورين . توقتامش خان يارليغي . — «شورا» ، ۱۹۱۲ ، № ۲ ؛ اول اوق . توقتامش خانمک ۲ — نچى يارليغي . — «شورا» ، ۱۹۱۲ ، № ۱۰ ؛ احمد ذكى وليدى . يارليغلو مناسبتى ايله . — «شورا» ، ۱۹۱۲ ، № ۱۵ ؛ اول اوق . تورک و تاتار تاريخى . ۱ — نچى جزء ، قزان ، ۱۹۱۲ ؛ اول اوق . قسقه چه تورک — تاتار تاريخى . قزان . ۱۹۱۷ . ع . بطال . تاتار تاريخى . قزان ، ۱۹۱۲ .

(А. Акчурин. Ярлык Токтамыш-хана. — «Шура», 1912, № 2; он же. Второй ярлык Токтамыш-хана. — Там же, 1912, № 10; Ахмед Зеки Валиди. Относительно ярлыков. — Там же, 1912, № 15; он же. История тюрков и татар. Казань, 1912; он же. Краткая история тюрко-татар. Казань, 1917; А. Баттал. История татар. Казань, 1912).

повторные публикации — стали стимулом для открытия в 1912 г. тарханного ярлыка казанского хана Сахиб-Гирая (1523 г.)⁶⁶, предварительно опубликованного, видимо, с согласия его первооткрывателя С. Вахидова, в 1914 г. Х. Атласовым на страницах книги «Казанское ханство»⁶⁷. К сожалению, автор книги не сделал каких-либо сообщений ни о месте хранения его, ни об археографических данных, из-за чего эта первая публикация одного из самых значительных письменных памятников эпохи Казанского ханства не получила широкого научного резонанса. Зато в 20-х годах, когда вышеназванный археограф С. Вахидов приобрел подлинник ярлыка и опубликовал специальные статьи⁶⁸, значение открытия было оценено должным образом как со стороны советской научной общестственности⁶⁹, так и за рубежом⁷⁰.

В 20-е годы были осуществлены и другие повторные татарские публикации ханских ярлыков, в которых наблюдался заметный сдвиг в сторону освоения достижений текстологической культуры, научной методики русских востоковедов, прежде всего И. Н. Березина, В. В. Радлова. Речь идет об учебных пособиях А. Рахима, Г. Газиза, где были помещены несколько текстов с краткими исследованиями⁷¹. Однако самым ценным достижением этих лет являются открытие и вышеназванные публикации С. Г. Вахидова — свидетельство того, что в изучение ярлыков включились и национальные кадры. Кроме того, ярлык Сахиб-Гирая оказал большое влияние на изучение социально-экономической истории Казанского ханства в целом, открывая новые возможности в источниковедческом плане⁷².

После Октябрьской революции был опубликован еще ряд специальных работ, в которых лингвистический, исторический анализ текстов, отдельных терминов официальных актов Джучиева улуса поднялся на следующую высшую ступень. Имеются в виду исследования А. Н. Самойловича — одного из видных представителей русской и советской тюркологии. В своих до ювелирности тонких наблюдениях и в филологическом, текстологическом отношении высококвалифицированных статьях он предложил ряд существенных исправлений чтений и толкований текстов некоторых основных ярлыков Тимур-Кутлуга⁷³, Токтамыша⁷⁴, чем внес значительный вклад в изучение ярлыков вообще, сделав крупный шаг вперед

⁶⁶ Историю находки см.: С. Вахидов. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей-хана. — ИОАИЭ, т. XXXIII, вып. 1, 1925, стр. 61.

⁶⁷ ھادی آطلاسوف . قزان خانلغی . قزان ، ۱۹۱۴ ، ۱۳۳ — بیت . Казанское ханство. Казань, 1914, стр. 133).

⁶⁸ С. Вахидов. Ярлык хана Сахиб-Гирейя. — «Вестник научного общества татароведения» (далее — ВНОТ), № 1—2. Казань, 1925, стр. 29—37; он же. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей-хана. — ИОАИЭ, т. XXXIII, вып. 1, 1925, стр. 61—92.

⁶⁹ Например, см.: «Новый Восток» (М., 1925, № 10—14), «Просвещение и жизнь» (Казань, 1929, № 6—7) и др.

⁷⁰ «Türkiyat mecmuası, 1926», С. 2. Istanbul, 1928, s. 85—101.

⁷¹ علی رحیم ، ع . عزیز . تاتار ادبیاتی تاریخی . فییودالیزم دوری . ایکنچی باسمما . قازان ، ۱۹۲۵ . ۷—۵۴ بیتلو .

(А. Рахим, Г. Газиз. История татарской литературы. Период феодализма, изд. 2. Казань, 1925, стр. 54—67).

⁷² См. например: М. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923; Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI в.). Автореферат канд. дисс. М., 1950; он же. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве. — «Ученые записки Казанского университета», т. 122, кн. 2, 1962; «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 78—85 и т. д.

⁷³ А. Н. Самойлович. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга. — «Известия Академии наук», 1918, № 11, стр. 1109—1124. По убеждению автора, этот ярлык дошел до нас не в подлиннике, а в копии (там же, стр. 1122).

⁷⁴ А. Н. Самойлович. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана. — «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии». Симферополь, 1927, т. 1 (58), стр. 141—143.

по сравнению с работами И. Н. Березина, В. В. Радлова. Интерес представляют и его чисто лингвистические исследования, в которых он, используя материалы ярлыков, высказал ряд существенных положений об особенностях литературных языков средневековых татарских ханств и о взаимоотношении их с позднейшими национальными тюркскими языками⁷⁶. Он также дал на основе сведений ярлыков несколько интересных этюдов по социально-экономической терминологии XIV—XVII вв.⁷⁶

Правда, в исследованиях А. Н. Самойловича преобладало лингвистическое начало, что определялось интересами филолога. В целом работы этого ученого, несмотря на небольшой объем и сравнительно частный характер их, озаменовали некоторый итог своего рода всему предшествующему изучению ярлыков вообще.

Определенный вклад в изучение ханских ярлыков и посланий внесли зарубежные авторы, из которых особо отметим турецких ученых, выявивших в богатейших архивах Стамбула большое количество тюрко-татарских официальных документов и доведших их до сведения научной общественности. Правда, некоторые из таких публикаций не отличаются высоким качеством. Таковы, например, издания текстов писем-посланий золотоордынских и крымских ханов, подготовленных Ф. Куртоглу⁷⁷, хотя большую ценность представляют приложенные фотокопии издаваемых документов. Не отличаются оригинальностью публикации Хасана Абдуллаоглу, которые суть перепечатка текстов из публикаций И. Н. Березина, В. В. Радлова⁷⁸. Другие работы, наоборот, выполнены на довольно высоком профессиональном уровне. К таковым относятся прежде всего книги ныне покойного профессора Стамбульского университета А. Н. Курата, который выявил и опубликовал тексты адресованных турецким султанам посланий золотоордынских ханов Улуг-Мухаммада (1428 г.), Махмуда (1466 г.), Ахмада (1477 г.), крымского Менгли-Гирая (три послания от 1469, 1475, 1476 гг.), богатейший по содержанию тарханный ярлык Хаджи-Гирая (1453 г.) и др.⁷⁹ Тексты документов ученый представил в фотокопиях, в арабской и латинской транскрипциях, в переводе на современный турецкий язык, присовокупив к ним подробные текстологические комментарии. Как справедливо указывал С. Е. Малов в своем специальном обзоре, посвященном этому изданию⁸⁰, такая работа смогла выйти лишь в результате освоения А. Н. Куратом всего опыта своих предшественников, в особенности таких ученых, как Я. О. Ярцов, В. В. Григорьев, И. Н. Березин, В. В. Радлов.

Действительно, в работе А. Н. Курата, несмотря на неудачи автора в чтении отдельных слов, толковании некоторых терминов⁸¹, был подведен своего рода итог изучению ханских ярлыков и посланий в целом.

⁷⁵ См. например: А. Н. Самойлович. К истории крымско-татарского литературного языка.— ВНОТ, № 7, 1927, стр. 27—33.

⁷⁶ А. Н. Самойлович. Тийиш (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков.— «Известия Российской Академии наук», 1917, стр. 1277—1278; *он же*. Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII веках, стр. 123—128.

⁷⁷ Fevzi Kurtoğlu. İlk Kırım hanlarının mektupleri.— «Belleten. Türk tarih kurumu» (далее — ВТТК), С. 1, N 3—4. Ankara, 1937.

⁷⁸ Abdullah oğlu Hasan. Birinci Mengli Girey han yarlığı.— «Türkiyat mecmuası» (далее — ТМ), С. IV. İstanbul, 1934; *Ol dur.* Temir-Kutluğ yarlığı.— ТМ, С. III. İstanbul, 1933.

⁷⁹ Akdes Nimet Kurat. Kazan hanlığını kuran Uluğ-Muhammed hanın yarlığı. İstanbul, 1937; *ol dur.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940 (далее — Akdes Nimet Kurat. Topkapı sarayı...).

⁸⁰ С. Е. Малов. Изучение ярлыков и восточных грамот.— Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому, к его семидесятилетию. М., 1953, стр. 187. В конце обзора Малов опубликовал русский перевод ярлыка Хаджи-Гирая (стр. 189—191).

⁸¹ На некоторые из них было указано в сб.: ТМ, 1940—1942, С. VII—VIII. Cüz. 1. İstanbul, 1942, s. 356—362.

К тому же это вторая после березинских исследований работа, в которой довольно подробно текстологическому анализу подвергается целая группа ценнейших тюрко-татарских официальных актов⁸², и, как было только что отмечено, на довольно высоком профессиональном уровне. Наряду с этим А. Н. Курат предпринял некоторые попытки пересмотреть определения ярлыков, отличая от собственно ярлыков (т. е. указов, приказов и т. д.) ханские послания — битики, т. е. письма дипломатического характера⁸³. Преодоление путаницы в определении подвида тюрко-татарских официальных актов вообще, в различении внутри него разновидностей и групп в частности имеет принципиальное значение. Однако и самому Курату не всегда удавалось до конца преодолеть терминологическую путаницу. Не получила должного развития и его попытка охарактеризовать отдельные формуляры ханских посланий. Но в целом книга А. Н. Курата достойна занять самое видное место среди новейших работ, посвященных ярлыкам.

В послевоенные годы советские ученые внесли значительный вклад в выявление и изучение отдельных актов Джучиева улуса. В качестве одного из интересных примеров можно назвать работу К. В. Базилевича, посвященную анализу ярлыка-послания Ахмад-хана (1480 г.)⁸⁴. Ученый убежден, что данный документ является достоверным, однако хотелось бы отметить следующее: текст его по своей форме и стилю перевода стоит особняком среди других тюрко-татарских официальных документов времен Ивана III, когда, как было уже отмечено, московская канцелярия располагала высококвалифицированными толмачами, сумевшими передавать все тонкости ханских посланий⁸⁵. Поэтому возможно, что сохранившийся текст есть или запись свободного устного переложения основного содержания ярлыка, выполненного современником-неспециалистом, или же это вольный перевод-пересказ более поздних времен. Неаутентичным считает его и Э. Кинан⁸⁶, но вряд ли в таком случае этот документ появился бы в Посольском приказе. В целом ярлык-послание Ахмада нуждается в дополнительных исследованиях, прежде всего в плане дипломатики.

Из обобщающих работ последних лет выделяется по своему содержанию и уровню статья С. М. Шапшала, где ученый как бы подвел итоги исследованиям о тарханном институте вообще⁸⁷. Несмотря на спорность некоторых утверждений автора, торопливость его отдельных выводов, данное исследование, основанное на большом комплексе разноязычных источников, может служить в целом хорошим примером анализа содержания терминов и различных социально-экономических, общественно-политических категорий тюрко-татарских ханств. В то же время эта работа показывает, что для подлинного раскрытия сущности и назначения содержания и формы ханских ярлыков настало время применять специальные приемы — приемы дипломатики, ибо старый метод изучения содержания и формы ярлыков уже исчерпывает себя. Ведь не случайно, что такой кропотливый исследователь, как С. М. Шапшал, оперировавший методом традиционного социологического анализа источников, но оставив-

⁸² Ценность известных этих документов отмечена в работах советских авторов: К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 108—112; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М., 1950, стр. 412—413, 423 и др.

⁸³ Akdes Nimet Kurat. Topkapi Sarayı..., s. 3—4.

⁸⁴ К. В. Базилевич. Ярлык Ахмед-хана Ивану III. — «Вестник Московского университета», № 1, 1948, стр. 29—48.

⁸⁵ Ср. например, с многочисленными русскими переводами ярлыков золотоордынских, крымских, казанских ханов, опубликованных в Сб. РИО (т. 41, 95).

⁸⁶ Edward L. Keenan. The Yarlyk of Axmed-xan to Ivan III: a new reading. A Study in Literal Diplomata and Literary Turcica. — «International journal of Slavic Linguistics and Poetics», XII, 1969, p. 33—47.

⁸⁷ С. М. Шапшал. К вопросу о тарханных ярлыках. — «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому, к его семидесятилетию», стр. 302—316.

ший без должного внимания формулы-статьи самих ярлыков, не смог отличить друг от друга различные по содержанию и назначению акты — собственно тарханные ярлыки от жалованных, сойургальных, обычно называемых в средневековом Крыму «муа'аф-наме» (и «мюльк-наме»), которые, как утверждает автор, якобы заменили первые⁸⁸. Это весьма спорно, так как на самом деле две разновидности жалованных ярлыков — тарханные и сойургальные — длительное время существовали синхронно.

Приятным сюрпризом для историков Татарии было обнаружение в фондах ЦГАДА тарханного ярлыка Ибрагим-хана — второго сохранившегося в оригинале татарского акта периода Казанского ханства. Текст его в татарском оригинале с небольшим предисловием и комментариями был предварительно опубликован на страницах журнала «Казан утлары» («Огни Казани»)⁸⁹. Эта находка подтвердила правильность гипотезы Ш. Ф. Мухамедьярова о наличии в Казанском ханстве сойургальной системы землевладения, высказанной им в 50-е годы на основе материалов тарханного ярлыка Сахиб-Гирая⁹⁰. Правда, в тексте Ибрагимовского ярлыка имеются некоторые дефекты, которые характерны для поздних копий более ранних документов, поэтому, несмотря на наличие ханской печати на листе из ЦГАДА, следует предположить, что это не подлинник, а копия с подражательной печатью. Однако о действительном существовании его прототипа — подлинника сомнений быть не может, так как все формуляры и специальные термины говорят в пользу этого. Следовательно, и ярлык Ибрагима, как подобные документы Тимур-Кутлуга, Хаджи-Гирая и другие, не перестает быть вполне достоверным источником.

Из новейших исследований интерес представляет статья А. П. Григорьева, который предложил новую атрибуцию относительно одного из ярлыков⁹¹, опубликованных И. Н. Березиным в 1872 г. на основе плохих копий⁹². Последний относил его с определенной натяжкой к крымскому Мухаммад-Гираю. По мнению же Григорьева, ярлык был издан золотоордынским Улуг-Мухаммадом, что представляется убедительным.

Из самых последних работ по тюрко-татарским актам следует назвать новую (четвертую по счету) публикацию ярлыка Сахиб-Гирая с принципиально новым чтением ряда мест и со значительно улучшенным русским переводом, выполненным Ш. Ф. Мухамедьяровым при участии А. К. Боровкова⁹³. В результате сложный текст ярлыка стал более доступен для исследования. К сожалению, к публикации не приложены специальные текстологические исследования, а обещание автора издать их отдельно еще не выполнено.

Таков краткий по объему и далеко не полный по содержанию обзор специальных исследований и публикаций текстов тарханных, сойургальных, жалованных ярлыков, ярлыков-посланий и писем ханов Золотой Орды, Крыма, Казани, Большой Орды, т. е. тех государств, которые возникли при распаде Джучиева улуса.

⁸⁸ С. М. Шапшал. Указ. соч., стр. 314, 316.

⁸⁹ М. Госманов, Ш. Мөхәммәдьяров, Р. Степанов. Яңа ярлык.— «Казан утлары», 1965, № 8. Отзыв на публикацию и ответ одного из авторов на него см.: «Казан утлары», 1966, № 8; 1967, № 6.

⁹⁰ Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV — первая половина XVI в.). Автореферат канд. дисс.; он же. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958.

⁹¹ А. П. Григорьев. Жалованная грамота Улуг-Мухаммеда.— «Вопросы филологии стран Азии и Африки», вып. 1. Л., 1971, стр. 170—177.

⁹² И. Н. Березин. Ярлыки крымских ханов...

⁹³ Ш. Ф. Мухамедьяров. Тарханный ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1971, стр. 104—109. Предыдущая публикация этого же текста, выполненная на страницах учебного пособия по древнетатарской литературе («Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 354—355), из-за низкого текстологического качества не может претендовать на научность.

Естественно, что к этим специальным работам следует присовокупить и обобщающие исследования, посвященные общим вопросам истории тюркоязычных народов и татарских ханств Восточной Европы. К ним относятся прежде всего широкоизвестные исследования таких ученых, как Й. Хаммер, В. В. Вельяминов-Зернов, А. Ф. Малиновский, В. Д. Смирнов, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Насонов, С. А. Козин, Б. Шпулер, И. П. Петрушевский, Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, М. Г. Сафаргалиев, С. Закиров, И. Б. Греков, Г. А. Федоров-Давыдов и многие другие, которые в той или иной степени использовали материалы актов Джучиева улуса, сделали некоторые наблюдения по ним или подвели определенные итоги изучения различных аспектов истории интересующей нас эпохи и соответствующего региона. Из этих авторов особый интерес в нашем плане представляет новая монография Г. А. Федорова-Давыдова⁹⁴, в которой впервые специально и подробно освещается общественный строй Джучиева улуса и последовательно рассматриваются вопросы терминологии ханских ярлыков.

Это перечисление будет далеким от сравнительной полноты, если не назвать имя выдающегося отечественного востоковеда академика В. В. Бартольда, замечательные исследования которого имеют первостепенное значение для изучения общих и конкретных вопросов истории Монгольской империи в целом, отколовшихся от нее государств, следовательно, и Джучиева улуса в частности.

Не преследуя цель представить здесь перечень арабских, персидских, монгольских, китайских, тюркских, русских и западноевропейских источников, так или иначе касающихся нашей темы (обзоры на них имеются в капитальных трудах В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, Б. Шпулера, М. Г. Сафаргалиева, Г. А. Федорова-Давыдова, а отдельные образцы изданы в известных собраниях В. Г. Тизенгаузена и др.), хотелось бы обратить внимание на такие документы, которые, не имея, на первый взгляд, непосредственного отношения к актам Джучиева улуса, на самом деле имеют с ними глубокую историческую связь. К таковым прежде всего относятся образцы уйгурописьменных деловых документов из Восточного Туркестана⁹⁵, потому что истоком для тюрко-татарского делопроизводства XIII—XVI вв. были исторически именно домонгольская уйгурская письменная культура вообще и делопроизводственная традиция в частности. В такой же степени ценны образцы монгольских официальных документов XIII—XIV вв.⁹⁶

Значительную ценность представляют и персоязычные жалованные ярлыки иранских ильханов, списки которых представлены в общеизвестном «Сборнике летописей» Рашид ад-дина. Безусловный интерес вызывают также некоторые османско-турецкие по происхождению документы, которые, однако, в той или иной степени отражают особенности, специфику золотоордынского делопроизводства⁹⁷.

Наконец, богатейшим подспорьем при терминологическом исследовании являются памятники тюркоязычной художественной литературы XIV—XVI вв., созданные представителями входивших в состав Джучиева улу-

⁹⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

⁹⁵ W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Л., 1928; Л. Ю. Тугушева. Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР. — «Тюркологический сборник. 1971». М., 1972, стр. 244—260.

⁹⁶ Например, известные письма Гуюка, Аргуна, Ульджейту и др., опубликованные и исследованные Абель-Ремюза, И. И. Шмидтом, А. Массе, П. Пеллио, В. Л. Котвичем, С. А. Козиним и многими другими. Библиографические сведения см.: Л. С. Пучковский. Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1289 г.) и Ульджейту (1305 г.). — «Советское востоковедение», т. IV, 1949, стр. 396—399.

⁹⁷ Речь идет, например, о ярлыках Мехмеда II и Сулеймана Кануни, см.: R. Rahmeti Arat. Fatih Sultan Mehmed'in yarlığı. — ТМ, 1936—1939, С. VI. Istanbul, 1939, s. 285—322; Erzi Adnan Sadık. Osmanlılarda «tarhanlık». — BTTR, 1950, С. 14; N 53, s. 91—95.

са народов⁹⁸. Поэтому необходимо постоянно учитывать результаты изысканий таких ведущих тюркологов-филологов, как С. Е. Малов, А. К. Боровков, А. Н. Кононов, Э. Н. Наджиц, А. Зайончковский, А. М. Щербак и другие, которые посвятили этим памятникам специальные исследования.

Таким образом, кроме текстов самих тюрко-татарских официальных актов XIV—XVI вв., в распоряжении ученых имеется богатейший материал вспомогательного характера, дающий возможность для сравнительного и сопоставительного изучения, с одной стороны, и для анализа, затем синтеза — с другой.

Итак, в изучении официальных актов Джучиева улуса XIV—XVI вв. усилиями востоковедов-тюркологов из разных стран, представляющих различные народы, выполнена значительная работа и накоплен богатый опыт. При этом следует особо отметить заслуги таких представителей отечественного востоковедения, как В. В. Григорьев, Я. О. Ярцов, И. Н. Березин, Х. Фаизханов, В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, С. Г. Вахидов, которые своими конкретными трудами в этой области заложили основу специального раздела тюркологии — ярлыковедения. Из зарубежных исследователей необходимо отметить деятельность Й. Хаммера — пионера в изучении ярлыков вообще и А. Н. Курата — автора одной из значительных публикаций.

Благодаря титаническим усилиям (ибо текстология ярлыков представляет из себя чрезвычайно трудоемкую и сложную область тюркологии вообще) названных ученых ныне мы располагаем значительным количеством в той или иной степени обработанных первоисточников по социально-экономической, общественно-политической и культурной истории ряда народов, некогда входивших в состав Джучиева улуса и отдельных ханств, возникших в результате его распада. Автохтонность этих источников, аутентичность их эпохе обеспечивают им первостепенное значение при изучении прошлого многих народов. При почти полном отсутствии местных нарративных исторических памятников XIV—XVI вв. они, представляя богатейший материал для изучения социально-экономической, общественной и культурной истории огромного региона, существенно восполняют характерные пробелы внешних по происхождению письменных источников. Вот поэтому деятельность вышперечисленных ученых в изучении ханских ярлыков и посланий заслуживает в целом самой высокой оценки.

Степень этой оценки не могут снизить и те недостатки, ошибки, на которые было частично указано выше, ибо они при освоении накопленного уже опыта, применении новых методов научного анализа вполне устранимы. Но чтобы успешно устранять их, необходимо создать документальную базу — качественно обработанные тексты самих первоисточников. Отсюда вытекает следующая конкретная задача — создать корпус всех дошедших до нас в тюркском оригинале ярлыков (тарханных, сойургальных, жалованных) и, видимо, присоединить к ним в качестве приложения наиболее ценные и характерные образцы ярлыков-посланий и ханских писем⁹⁹. Это, возможно, самая актуальная задача в данной области, так как одним из существенных недостатков изучения ярлыков до сих пор является отсутствие как обобщающих исследований, так и сводных публикаций текстов. Ведь не секрет, что некоторые публикации и ряд исследова-

⁹⁸ См., например: «Хосров-у Шириш» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Нахдж-ул-фарadis» Махмуда бин Али Булгари, «Гюлстан бит-тюрки» Сайфа Сараи, «Нур-и сдур» и «Тухва-и мардан» Мухаммадьяра и др.

⁹⁹ На это уже обращалось внимание в советской исторической литературе (см. Ш. Ф. Мухамедьяров. Некоторые вопросы источниковедения истории Казанского ханства. — Итоговая научная конференция Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина за 1960 год». Казань, 1961, стр. 46—48).

ний разбросаны по различным изданиям, представляющим иногда библиографическую редкость.

Одновременно следует сказать, что при изучении тюрко-татарских актов XIV—XVI вв. нельзя руководствоваться узкорегionalным принципом, рассматривая лишь памятники самой Золотой Орды или только Казанского ханства и т. д., а необходимо охватить все дошедшие до нас и доступные нам, т. е. уже выявленные, документы, относящиеся ко всему Джучиеву улусу. Необходимость такого широкого, подлинно исторического, а не местнического подхода доказывается и предшествующим опытом — существенных успехов добивались только те исследователи, которые оперировали по возможности большим кругом первоисточников. Лишь при выполнении этого условия можно будет серьезно вести речь о предполагаемом сводном корпусе ханских ярлыков и посланий.

Создание критического корпуса текстов официальных актов Джучиева улуса, издание его в тюркском оригинале с арабским письмом, с транскрипцией на основе латинской графики и в переводе на современный русский язык с соответствующими комментариями — это лишь одна часть большой задачи в области ярлыковедения.

Следующим и основным этапом должно быть комплексное источниковедческое изучение самих текстов, с тем чтобы с максимально большей возможностью извлечь из них необходимую информацию для общих исторических и филологических исследований. Комплексное изучение предполагает кроме текстологической, филологической, историко-сравнительной критики текстов проведение исследований и в специально источниковедческом плане — в плане дипломатики, а также в археографо-палеографическом, сфрагистическом и терминологическом ракурсах. Ибо, это следует особо подчеркнуть, именно данные аспекты изучения ярлыков и посланий, если не считать отдельные этюды и наблюдения, являются наиболее слабо разработанными. Следовательно, лишь при выполнении этих и вытекающих из них требований можно будет тюркоязычные официальные акты Джучиева улуса с максимальной полнотой вводить в научный обиход, т. е. оценивать их не только с внешней стороны, но раскрывать и внутреннее содержание их с установлением соответствия этого содержания реальной исторической действительности.

Все это и является основной задачей ярлыковедения будущего.

Б. М. Клосс

О РУКОПИСЯХ, НАПИСАННЫХ ДЬЯКОМ ДМИТРИЕМ ЛАПШИНЫМ

Исследование деятельности отдельных книгописцев (еще шире — книгописных мастерских) может принести дополнительные данные при изучении источников русского средневековья. Приемы редакторской обработки, круг привлекаемых данным писцом источников, цели, преследуемые при составлении сборников, имеют важное значение для характеристики общественно-политических взглядов составителей, обозрения состава библиотек, установления генеалогии переписываемых текстов. Идентификация почерка конкретной рукописи с почерком известного писца решает одновременно задачу локализации рукописи и ее датировки (при сопоставлении с фактами биографии писца). Метод позволит выяснить происхождение многих рукописных источников, разбросанных в настоящее время по различным книгохранилищам страны.

В последние годы появились работы, посвященные деятельности известных книгописцев XV и начала XVI в.: Ефросина и Гурия Тушина [статьи Я. С. Лурье и Н. А. Казаковой в XVII томе Трудов Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ)], Ивана Черного [см. нашу заметку в 32 выпуске «Записок Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (далее — ГБЛ)]. Творчество Михаила Медоварцева, Исаака Собака и других мастеров в последнее время является предметом изучения Н. В. Синицыной («Древнерусское искусство. Рукописная книга», вып. 1, 2. М., 1972, 1974).

Большие перспективы имеет исследование рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря. О писцах многих из них есть сведения в описях монастырского книгохранилища и в самих рукописях. Монастырский слуга и дьяк Дмитрий Федорович Лапшин привлек наше внимание потому, что с его именем связана переписка ряда выдающихся памятников¹. Он был сыном священника, происходившего из подмонастырской деревни Смолняниново². В источниках он впервые упомянут под 1520 г. в качестве «послуха» при составлении купчей («Иосифова монастыря дъчек Дмитрей Федорав сын») ³. С начала 40-х годов XVI в. Лапшин известен в качестве дьяка, составителя целого ряда актов; в 1540/41, 1541/42, 1546/47, 1547/48, 1548/49, 1549/50, 1551/52, 1552/53, 1553/54, 1554/55, 1555/56, 1560/61 гг.⁴

¹ Настоящая работа возникла по инициативе А. А. Зимина, которому автор выражает глубокую благодарность за предоставленные в его распоряжение биографические данные о Д. Ф. Лапшине и за указание на «Книгу ключей» Иосифо-Волоколамского монастыря, где Д. Ф. Лапшиным написаны некоторые тексты.

² Под одной из грамот он подписался как «Митька попов Федоров сын Лапшин», в другом случае — «Митя Федоров сын Смолнянинов»; см.: «Акты феодального землевладения и хозяйства» (далее — АФЗХ), ч. 2. М., 1956, № 164, 205.

³ АФЗХ, ч. 2, № 432.

⁴ Там же, № 158, 162—164, 192, 196, 201, 205, 209, 212, 214, 236, 239, 245, 252, 258, 282.

Однако этим не ограничивались его служебные функции. Он регистрировал в «Книге ключей» выдачу жалованья монастырским детенышам и слугам (в 1547 и 1551 г.)⁵, исполнял и сам обязанности монастырского слуги-приказчика; около 1546 г. — в с. Белково⁶, в конце 1548 г. — в с. Литвиново, весной 1549 г. — в с. Спасском, в 1552 и 1555 г. — в с. Отчищево, в 1557 г. — в с. Белково, в 1560 г. — в с. Успенском⁷. Конечно, на это время он освобождался от своих обязанностей дьяка.

За 60-е годы XVI в. сведения о Д. Лапшине отрывочны. Известно, что примерно в 1565 г. он сделал вклад в Иосифо-Волоколамский монастырь, о чем имеется запись во вкладной книге: «Дал Митя Федоров сын из Раменки 2 рубля»⁸. Но в сотной выписи 1569 г. при описании села Успенского упомянут «двор монастырской, во дворе слуха Дмитрией Лапшин»⁹.

В 1573 г. Д. Лапшину поручается ответственная миссия; привезти от Н. Р. Захарьина-Юрьева денежный вклад в размере 200 руб.¹⁰. В январе 1574 г. Д. Лапшин действует в качестве локнышского приказчика¹¹, а в феврале делает необходимые закупки для монастыря в Твери¹². С аналогичными целями он совершает поездки в Торжок (ноябрь 1575 г.)¹³ и снова в Тверь (январь—февраль 1580 г., февраль 1582 г.)¹⁴. Отмечена также его деятельность в качестве приказчика в с. Отчищево (в 1576 и 1581 гг.)¹⁵.

Последнее известие о Д. Лапшине — сделанный им в ноябре 1583 г. вклад в Иосифо-Волоколамский монастырь¹⁶. По-видимому, вскоре после этого он скончался¹⁷. Перед смертью он принял пострижение и иноческое имя Никодим¹⁸.

⁵ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 1192, оп. 1, № 1; текст издан: «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века». М. — Л., 1948. Рукой Д. Лапшина написаны начальные слова: «Лета 7056, месяца декабря в 1 день, на Покров святых богородици, по благословению игумена Гурия давал казначей Филофей плотником...» (л. 1); он же составлял списки при раздаче оброка: «Захару Гридину сыну Мельникову, а порука по нем Сусой, а живет на Чещу» (л. 2); «истобнику в Новое село Митьке 2 гривны, порука по нем Левон Судниковской, да в Новое же село Илейке Кудрявому гривна» (л. 58, под 1551 г.); «Третьяку Веряцагину племаннику 4 гривны» (л. 60, под 1551 г.).

⁶ В «Книге ключей» при раздаче жалованья в марте 1547 г. записано: «Село Белково — Окине, как было за Митею за дьяком, без указу, срок обемя Веденьев день» (л. 8 об.).

⁷ Там же, лл. 25 об., 26, 77, 126, 153 об., 182 об.; кроме того, Лапшин упомянут в качестве «поручника» при выдаче жалованья истопникам и конохам (лл. 72, 87, 106 об., 117, 122 об.).

⁸ Государственный Исторический музей (далее — ГИМ), Епархиальное собр., № 418, л. 34 об. Текст на лл. 34 об.— 36, где помещена эта запись, писан одним почерком, а все датированные вклады здесь помечены 1565 г.

⁹ АФЗХ, ч. 2, № 365.

¹⁰ Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР (далее — ЛОИИ), ф. Волоколамского монастыря, кн. 2, л. 27—27 об.

¹¹ Там же, лл. 180, 283.

¹² Там же, л. 193 об.

¹³ ЛОИИ, Собрание рукописных книг, № 1028, л. 80 об.

¹⁴ ЛОИИ, ф. Волоколамского монастыря, кн. 3, лл. 138 об.— 139; кн. 4, л. 133—133 об.

¹⁵ ЛОИИ, Собрание рукописных книг, № 1028, лл. 112—112 об., 154; ф. Волоколамского монастыря, кн. 4, лл. 5 об. — 6.

¹⁶ ГИМ, Епархиальное собр., № 418, лл. 58 об.— 59. Датируется на основании следующей статьи: «Того же месяца ноября 20 день...».

¹⁷ На полях имеется приписка: «Преставися»; а в заключительной фразе вкладной записи: «И как бог пошлет по душе, и игумен его пожалует написати по монастырскому обычаю» слово «пожалует» исправлено на «...пожалова, велеть...».

¹⁸ В синодике Иосифо-Волоколамского монастыря поминается «инок Никодим», причем сверху киноварью написано: «Лапшин слуга» (ЦГАДА, ф. Волоколамского монастыря, оп. 2, № 559, л. 208). В сборнике ГБЛ, Волоколамское собр., № 514 (л. 203 об.) Ефимий Турков сделал помету: «Письмо на правом листе Никиты Лапшина, в иноцех Никодима» (текст на л. 204 действительно написан рукой Дмитрия Лапшина).

В описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря, произведенной в 1573 г., упоминаются некоторые рукописи, написанные Д. Лапшиным (ГБЛ, ф. 79, № 37): 1) «Устав в десть нов, письмо Дмитрея Лапшина; застешки заметные и жуки медены, поволока тим; писан с Савинского устава, что во Твери» (приписано на л. 32 об.); 2) «Псалтырь римские толки в одной же книге вся, письмо Дмитрея дияка Лапшина» (л. 44); 3) «В [другой] ¹⁹ одной книге 10 кафизм [другая половина] ¹⁹, в дестной лист, письмо Мити же дияка Лапшина сначала; заставица и строка золотом прописана» (л. 44—44 об.); 4) «Псалтырь, письмо Дмитрея Лапшина, данье Стефана Копустина, во иноцех Селивестр» (л. 56 об.); 5) «Псалмы, письмо Мити Лапшина» (л. 65); 6) «Да Никонская же книга другие половины, старца Арсения Плещеева, письмо Мити Лапшина» (л. 67); 7) «Книга в десть Иоана Дамаскина, в начале письмо Данила митрополита; да в той же книге приписи иже от Иоана Златоустаго и Ярославским чудотворцом, письмо Мити Лапшина» (л. 74); 8) «Книга Библия словет, в ней же все книги ветхаго и новаго закона, письмо монастырского слугы Никиты Феодорова Лапшина» (л. 80 об.) ²⁰.

Эти же рукописи перечислены в описи 1591 г., но новых сведений о книгах Д. Лапшина здесь не приводится ²¹.

Рукопись, указанная нами под № 7, известна: это сборник ГБЛ, Волоколамское собр. (далее — Вол.), № 490. Первая часть его, занимающая лл. 2—174, писана одним почерком (кроме л. 138 об. и частично л. 143) и содержит в основном сочинения Иоанна Дамаскина. На л. 1 об. имеется запись: «Книга святого Иоанна Дамаскина, письмо Данила митрополита, о 8-ми частех». Вторая часть (лл. 175—421) написана рукою Д. Лапшина, что удостоверяет сравнение почерка этой части с написанными Д. Лапшиным грамотами ²². На л. 421 об. помещена запись: «В лето 7051 написана бысть книга сия в дом Пречистой во Иосифов монастырь»; таким образом, рукопись закончена в 1542/43 г. ²³

Можно предполагать, что к раннему периоду деятельности Д. Лапшина относится переписывание им рукописей № 2 и № 8 (из приведенного выше перечня), поскольку они зафиксированы в монастырской описи 1545 г. ²⁴: «Псалтырь в десть, римские тлькования Брунона епископа и иных святых» (л. 33 об.); «Книга Библия в десть, Митина писма слугы монастырскаго, толста» (л. 45 об.).

Определив почерк Д. Лапшина, можно выявить новые книги, в написании которых он участвовал и о которых не сохранилось указаний в монастырских описях. Одновременно это поможет доказать волоколамское происхождение некоторых рукописей, находящихся ныне в различных собраниях.

Так называемая Симеоновская летопись давно привлекает внимание историков русского летописания (опубликована в XVIII томе Полного

¹⁹ Слова в прямых скобках приписаны позже.

²⁰ Никитой называл Митю Лапшина Ефимий Турков (см. сноску 18), который составил монастырскую опись 1573 г. (отождествлено по почерку).

²¹ Институт русской литературы АН СССР (далее — ИРЛИ), р. IV, оп. 26, № 20.

²² Характерными признаками почерка Д. Лапшина являются: 1) высокий вариант буквы «ять» с опущенной слева перекладиной и остроконечной прямоугольной петлей (таков же рисунок петли в букве «ы»); 2) буква «д» с удлинённой и слегка изогнутой левой ножкой; 3) начертание «е» и «земли» (в виде тройки) с заходящей под строку нижней петлей.

²³ Обе части сборника синхронны друг другу, поскольку в них используется одинаковая бумага (40-х годов XVI в.): 1) перчатка с 8 фестонами под короной — в первой части рукописи на лл. 44—47, во второй части на лл. 176, 182, 195, 198, 208, 213, 217, 264—268 и др.; 2) перчатка с 9 фестонами под короной в первой части на л. 48, во второй части на лл. 177—181, 183—185, 191—193, 197, 199—203, 209—212, 214—215, 219—224 и др.; 3) буква «Р» под трилистником — в первой части на л. 37, во второй части рукописи на л. 187 и др.

²⁴ В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Приложение, стр. 11, 16.

собрания русских летописей). Оказывается, что первые 580 листов сборника Библиотеки Академии наук СССР (далее — БАН) 16.8.25, содержащие текст Симеоновской летописи и ее вводные статьи, переписаны Лапшиным (кроме части текста на лл. 184 об., 185, 186). По палеографическим данным рукопись относится к первой половине 40-х годов XVI в.²⁵ В описях 1545 и 1573 гг. упоминаются несколько летописцев, но сведения о них настолько скудны, что нет возможности выделить из них тот, который переписан Лапшиным.

В сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 791 (середина XVI в.) имеется отдельная тетрадь (лл. 172—179), переписанная Д. Лапшиным и содержащая текст сочинения Иосифа Волоцкого «Послание вельможе Иоанну о смерти князя»²⁶. Судя по водяным знакам, эта часть рукописи относится к началу 40-х годов XVI в.²⁷

В сборнике Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) Q.I.214 (середина XVI в.) рукой Д. Лапшина переписаны лл. 50—92 об., 94—131 об. (отрывки из церковно-поучительной литературы), лл. 203—366 об. (различные полемические сочинения, в их числе два произведения Максима Грека: «Слово о том, яко промыслом божим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устроится» и «Слово на агарянскую прелесть и умыслившего ея сквернаго пса Моамефа»), лл. 367—415 об. («Поставление великих князей Русских», «Чин и поставление на великое княжество», поучение митрополита Макария Ивану IV и Анастасии после венчания, «О поставлении царя Мануила на царство»), лл. 464—486 (ответ митрополита Макария Ивану IV «о недвижимых вещех, в данных богови в наследие благ вечных»), лл. 580—586 (патриарха Мефодия «уставление о еже различными образы и възрасты обрацающихся») ²⁸.

С предыдущей рукописью тесно связан сборник Вол. № 522²⁹. Здесь Д. Лапшиным переписаны произведения, во многом дублирующие уже переписанные им в сборнике ГПБ, Q.I.214: лл. 497—541 об. («Поставление великих князей Русских», «Чин и поставление на великое княжество», поучение митрополита Макария Ивану IV и Анастасии), лл. 542—563 об. (послание Иосифа Волоцкого Б. В. Кутузову)³⁰, лл. 566—593 об. (ответ митрополита Макария Ивану IV о церковном землевладении).

Со сборником ГПБ, Q.I.214 сборник Вол. № 522 связан единством происхождения. Обратим внимание на один почерк (неизвестного переписчика) сборника ГПБ, Q.I.214, которым написаны лл. 132—198, 487—507 об. (начало «Слова кратка» Вениамина)³¹, 534 об.—566 об. (вторая часть послания Иосифа Волоцкого И. И. Третьякову). Тем же почерком,

²⁵ «Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», т. 3, вып. 1. М.—Л., 1959, стр. 337.

²⁶ «Послания Иосифа Волоцкого». М.—Л., 1959, стр. 154—160, где список Син. № 791 использован в разночтениях. Состав сборника Син. № 791 описан в той же книге (стр. 107—109).

²⁷ Водяной знак — голова быка — наиболее близок к приведенному у Пиккара, X, № 258 (1540—1541 гг.).

²⁸ Подробное описание сборника см.: «Описание славяно-русских рукописей гр. Ф. А. Толстого» К. Калайдовича и П. Строева, отд. II, № 12, стр. 215—219. Интересно отметить, что переписанное Лапшиным на лл. 203—246 «Слово Иоанна митрополита Никейского обличительное на Армены» совпадает с написанным митрополитом Даниилом в сборнике Вол. № 490 (лл. 138—159 об.), причем оба списка восходят, по-видимому, к правленному тексту сборника Вол. № 506 (лл. 155—189).

²⁹ Сборник середины XVI в. (см.: *Н. В. Синицына*. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в.—ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, стр. 96).

³⁰ Этот список в издании «Посланий Иосифа Волоцкого» (стр. 208—227) использован в вариантах.

³¹ Список представляет первоначальную редакцию «Слова кратка»: *Я. С. Лурье*. К вопросу о «латинстве» Геннадиевского литературного кружка.— «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961, стр. 68—77; здесь, на стр. 72, воспроизведен и почерк писца.

оказывается, написаны лл. 305—455 в сборнике Вол. № 522, где воспроизведен текст, читающийся на лл. 325 об. — 397 об. рукописи Вол. № 489, — знаменитый «Главник Даниловский», принадлежавший митрополиту Даниилу и привезенный им с собой в Волоколамский монастырь после того, как в конце 1539 г. он был вынужден оставить митрополичью кафедру. Для доказательства этого факта укажем, что в Вол. № 522 разделы «Изложение совещательных глав к царю Иустиниану, сложенных Агапитом диаконом» (лл. 305—323), «Василия, царя греческого, главизны учительны 60 и 6 к сыну своему царю Лву» (лл. 323 об. — 362), «Сократа, мудреца еллинского» (лл. 363—364), «Аристотеля философа от епистолеи ко Александру, царю македонскому» (лл. 364—366), «Генадия, патриарха Константинограда, слово о вере» (лл. 366—380 об.) помечены номерами с 47 по 51, что соответствует номерам глав Вол. № 489; кроме того, пропущенные и вставленные на полях другим почерком слова «ови же своєю яростию злобу изблеваше, неповинныя кровеповинна тя устроят» (л. 354 об.) занимают в «Главнике» (л. 350) в точности две строки, а аналогичный пропуск на л. 362 об. соответствует размеру строки «Главника» (л. 353 об.)³². Послание патриарха Фотия к болгарскому князю Михаилу (лл. 380 об. — 455) также переписано из Вол. № 489 (лл. 363 об. — 397 об.): замены слов и добавления, внесенные в текст Вол. № 489 рукой Даниила (лл. 368 об., 369, 371), отразились в основном тексте Вол. № 522, а некоторые пропуски в тексте последнего (лл. 401, 428; восполнены на полях) соответствуют размеру строки в «Главнике» (ср. лл. 373, 386)³³.

С. Белокуровым описана Толковая псалтырь в переводе Максима Грека (ГБЛ, собр. Е. Е. Егорова, № 346, на 698 лл., в лист). В послесловии писца говорится: «Начяжеса сиа св. книга писати в обители пресвятыя Богородица в потружении преподобнаго отца Иосифа, иже есть близ Ламскаго Волока, лета 7050 осмаго месяца маиа в 12 день, а съвръшися лета 7050 девятого месяца марта в 5 день. А писал сию святую великую книгу Псалтырь тое же обители пречистыя Богородица работник диакишко Дмитреец Феодоров»³⁴. Нам не удалось обнаружить эту рукопись, но, исследовав следующую указанную С. Белокуровым Толковую псалтырь (ГИМ, собр. П. И. Шукина, № 4, в полный лист, на 798 лл., бумага без водяных знаков), убедились, что она целиком переписана Д. Лапшиным. Но здесь отсутствует послесловие писца, и поэтому неясно, существовало ли два экземпляра Псалтыри, написанных Д. Лапшиным, или же рукопись, над которой он трудился с 12 мая 1550 г. по 5 марта 1551 г., и есть ГИМ, собр. Шукина № 4.

Можно указать еще на один фолиант, писанный рукой Д. Лапшина, — ГИМ, Синодальное собр., № 197, содержащий одновременно Пандекты и Тактикон Никона Черногорца. Рукопись не имеет водяных знаков, но ее, по-видимому, как и Толковую псалтырь, следует отнести к середине XVI в. (не есть ли это «Никонская книга», обозначенная в приведенном выше перечне под № 6?).

Д. Лапшин принял также участие в переписывании сборника нравоучительного содержания — Вол. № 514. Впереди на чистом листе запись рукой Е. Туркова: «Лета 7071-го написана бысть книга сиа, глаголема съборник, от многих книг в обители пречистыя Богородици Иосифова монастыря благословением и повелением и последнее руки его прикосновением Феодосия архиепископа Великого Новаграда и Пьскова и учени-

³² Пропущен текст, заключенный между повторенным и стоящим одно под другим словом «человек».

³³ Таким образом, более первоначальным (и старшим) списком Послания Фотия является Вол. № 489, а не Вол. № 522, положенный в основу издания: *Н. В. Синицына*. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в., стр. 96—125.

³⁴ *С. Белокуров*. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, Приложение, стр. ССLVI.

ков его Иеремея и Еуфимиа. . .». Е. Турков в нескольких местах выделил свое собственное письмо (лл. 25, 328, 333 об., 377 об.), почерки архиепископа Феодосия (лл. 223, 334, 378), Иеремея (лл. 8, 333 об.), Феодосия Плещеева (л. 51), Феодорита «юнаго мниха» (лл. 326, 377 об.). Почерком Д. Лапшина написаны лл. 204—212 об., 459—470, причем на л. 203 об. Е. Турков сделал помету о принадлежности почерка Лапшину.

В сборнике Вол. № 572 Д. Лапшиным переписано «Слово от история о некоем мужи, бывшем воеводе в Велицем Риме» (лл. 167—186 об.)— Повесть о Евстратии-Велизарии, весьма распространенная в рукописном составе Иосифо-Волоколамского монастыря³⁵. Сборник Вол. № 572, в основном светского содержания (Пасхалия, выписки из Хронографа, русских летописей, Хроики Г. Амартола), составлен около 1564 г.³⁶; принадлежал Е. Туркову, о чем свидетельствует запись впереди на чистом листе. Рукой Е. Туркова вписан Летописец Иосифа Волоцкого на лл. 62—62 об., он же отредактировал текст «Надгробного слова Иосифу Волоцкому» (лл. 40—61 об.), причем сделал важное указание о принадлежности его Досифею Топоркову: «Списано иноком Досифеем, учеником его и сродником» (л. 40).

Почерк Д. Лапшина встретился нам во вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря — ГИМ, Епархиальное собр., № 419. Рукопись состоит из разновременных частей. Древнейшая часть содержит 278 глав и составлена в 1564 г.: оглавление на лл. 1—16 с описанием содержания первых 278 глав принадлежит Вассиану Кошке, его же рукой написан текст глав 274—278 (лл. 128—129 об.), в которых содержатся сведения о вкладышах, совершенных в 1564 г.³⁷ В выделенной части сведения о более поздних вкладышах имеются лишь на лл. 101—102 об., где отмечены вклады старца Вениамина, совершенные в 1566 и 1567 г. Но текст написан здесь на другой бумаге, а более поздний характер вставки обнаруживается в словах, приписанных в оглавлении другим почерком и другими чернилами: «да старца Венъямина дача» (л. 12 об.)³⁸. После основной части следуют разновременные записи, причем одну из них сделал и сам В. Кошка (лл. 135 об. — 136) — под 1567 г. Последние вклады датируются 70-ми годами XVI в., причем о некоторых из них записал Е. Турков (л. 148—148 об.).

В рукописи ГИМ, Епархиальное собр., № 419 Д. Лапшин записал поминание и список вкладов архиепископа Феодосия, скончавшегося 26 февраля 1563 г. (лл. 86—88). Текст входит в основную часть вкладной книги: раздел пронумерован В. Кошкой (глава 185), а запись произведена на бумаге, которая была использована В. Кошкой при написании оглавления. Таким образом, можно полагать, что запись сделана Д. Лапшиным около 1564 г.

Почерком Д. Лапшина написаны также лл. 1—175 об. сборника ГИМ, Синодальное собр., № 759³⁹. Эта часть сборника состоит из 22 тетрадей (в первой тетради не хватает одного листа), написана на особой бумаге⁴⁰ и имеет свою нумерацию листов. На лл. 1 и 2 помещена запись: «Иосифова монастыря». Текст содержит статьи из Кормчей и толкования на них, антилатинские полемические сочинения.

Еще об одной рукописи Д. Лапшина имеются косвенные свидетельства. В обиходнике Иосифо-Волоколамского монастыря (Синодальное собр.,

³⁵ Р. П. Дмитриева. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1967, стр. 165.

³⁶ В тексте Пасхалии на л. 146 замечено: «От нынешнаго от лета 7062-го».

³⁷ Его же почерком написаны на л. 26 об. последние три строки, л. 89—89 об., вторая строка на л. 119 об., 9—12-я строки на л. 123.

³⁸ Еще одна вставка обнаруживается на лл. 100—102, где использована другая бумага, а нумерация глав 216—218 произведена иначе (отсутствует слово «глава», а пишется только номер) и не рукой В. Кошки.

³⁹ Мы глубоко признательны Н. В. Синицыной, указавшей нам на эту рукопись.

⁴⁰ Типа Брикe, № 11972 (1549 г.).

№ 829), составленном Е. Турковым, имеется статья «О государственном приезде». После окончания текста статьи на л. 31 об. Турков сделал киноварную помету: «А подлинно писано все в списке игуменском, рука Митина Лапшина».

Подводя итоги нашим наблюдениям над книгописной деятельностью Д. Лапшина, можно заключить, что, во-первых, ему как писцу-профессионалу заказывались рукописи значительного объема (летописный свод, Толковая псалтырь в переводе Максима Грека, Тактикон и Пандекты Никона Черногорца, Библия в полном составе); во-вторых, он привлекался для участия в литературной и книгописной деятельности, ведшейся под руководством видных деятелей иосифлянства: митрополита Даниила, архиепископа Феодосия, Ефимия Туркова. Некоторые произведения переписывались Лапшиным в нескольких копиях и в кооперации с другими писцами, что свидетельствует о существовании в Иосифо-Волоколамском монастыре штата профессиональных писцов, занимавшихся делопроизводством и книгописанием.

Л. А. Юзефович

СТЕФАН БАТОРИЙ О ПЕРЕПИСКЕ ИВАНА ГРОЗНОГО И КУРБСКОГО

Недавно Б. Н. Флоря опубликовал несколько отрывков из наказа посольству О. М. Пушкина (апрель 1581 г.), где, в частности, говорится о том, что Курбский, «изменивши, грамоту ко государю невежливо писал»¹. Это еще один факт, свидетельствующий о подлинности переписки Ивана IV и А. М. Курбского, внимание к изучению которой обострилось в исторической науке последнего времени. Р. Г. Скрынников попытался доказать, что упоминающаяся в описи Царского архива грамота Курбского и есть первое послание его царю². Публикация Б. Н. Флоры делает это предположение еще более вероятным.

Свидетельство о переписке Грозного и Курбского находится, кроме того, в послании царю Стефана Батория (август 1581 г.). В нем говорится уже о письме Грозного Курбскому, т. е. подтверждается сам факт существования переписки как таковой. Баторий писал Ивану Грозному³: «Толко себе припомени, якие еси листы, оземши фортелне, а по змове з некоторыми злыми людьми некоторые замки наши у Ифлянтех, кгдысь нас... листом о посланью послов был убезпечил. Паметаешь, яко еси фасливе до нас, и до князя Курбского, и не ведати до кого толко о том еси писал, и то з великою поудливостью»⁴. В послании Баторию, написанном в июне 1581 г., царь упрекнул короля, что он после взятия Великих Лук прислал в Москву грамоту с извещением об этом, «кабы грозя нам и похваляясь»⁵. Король же в цитированном выше послании припомнил грамоту Грозного годичной давности (август 1580 г.), где последний сообщал о взятии русскими ливонского города Крейцбурга. Но в то же время Баторий имел в виду не только и не столько взятие Крейцбурга. Грозный, несомненно, понимал, что захват маленького и обезлюдившего Крейцбурга (Баторий называл его «замочком»⁶) не изменит общего хода войны. И вряд ли бы царь стал использовать этот частный эпизод для широкой письменной пропаганды своих успехов. Скорей всего Баторий в послании 1581 г. сознательно смешивает события 1580 и 1577 гг., когда русские войска совершили победоносный поход в Ливонию и взяли несколько городов. Не случайно Баторий говорит о «замках», а не об одном Крейцбурге. Он упрекает царя также в том, что тот действовал «по змове з некоторыми злыми люд-

¹ Б. Н. Флоря. Новое о Грозном и Курбском.— «История СССР», 1972, № 3, стр. 145.

² Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. (Парадоксы Эдварда Ки-нана). Л., 1973, стр. 88—94.

³ «Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая дипломатические отношения Литвы в государственование Стефана Батория (с 1573 по 1580 год)», ч. 2. М., 1843 (далее — «Метрика»), стр. 199.

⁴ «Попудливость» — высокомерие, гордость. Ср. польск. *porędlivość*.

⁵ «Послания Ивана Грозного». М.— Л., 1951, стр. 224.

⁶ «Метрика», стр. 109, 111.

ми», имея, очевидно, в виду А. И. Полубенского и, может быть, Яна Ходкевича, еще недавно поддерживавших кандидатуру Грозного на польский престол. Именно с помощью Полубенского русские войска в 1577 г. взяли ливонский город Трикат. Грозный постоянно обвинял Батория в сотрудничестве с русскими перебежчиками, в том, что он берет русские крепости «израдой». И король попытался показать царю, что эти обвинения можно обратить и против него самого. В послании Батория 1580 г. о какой-то измене при взятии русскими Крейцбурга ничего не говорится. Очевидно, что король напоминал царю именно о событиях 1577 г.

Говоря о «листах», которые после взятия ливонских городов царь писал «не ведати до кого толко», Баторий, вероятнее всего, имел в виду не столько грамоту 1580 г., сколько обширную группу посланий, отправленных Грозным из Ливонии летом и осенью 1577 г. Эти послания сохранились в составе сборника второй половины XVII в.⁷ Но Я. С. Лурье считает, что они были собраны вместе еще при жизни Грозного и предназначались для широкого распространения, а не только для внутренних нужд Посольского приказа⁸. Послание Батория, таким образом, подтверждает раннее происхождение всего этого комплекса текстов.

Среди посланий царя 1577 г. особую группу составляют написанные в Вольмаре. Кроме посланий Курбскому и самому Баторию в нее входят послания Яну Ходкевичу, Т. Тетерину, Таубе и Крузе. Все они были отосланы в Литву с находившимся в русском плену Полубенским.

Послание Грозного Баторию 1577 г. выдержано в спокойном тоне. Царь даже уверял, что хочет с королем «братские приязни»⁹, хотя вообще в то время решительно отказывался признавать его своим «братом». Грамоту царя о взятии Крейцбурга также нельзя, говоря словами Батория, назвать написанной с «великою попудливостью». Возможно, что король читал еще какие-то из вольмарских посланий царя, которые, будучи отправлены с Полубенским, могли попасть в руки Батория еще до прочтения их адресатами. Во всяком случае послание царя Полубенскому подробно пересказано в Литовской метрике¹⁰. В посланиях Грозного Ходкевичу и Курбскому о военных успехах русских войск в Ливонии действительно говорилось с «великою попудливостью»¹¹. Но само упоминание Баторием имени Курбского свидетельствует в пользу того предположения, что второе послание царя своему бывшему воеводе было известно польскому королю.

Об этом говорит и то внимание, которое в послании Батория уделено русским «израдам» — больному месту царя. Король писал ему о Курбском, Заболоцком и Тетерине: «Знать же подобно инших не велми много маешь; кгда тых так жалосно воспоминаешь!»¹² Царь своих изменников вспоминал отнюдь не «жалосно». Такую трактовку упоминания о них в июньском послании Грозного королю могло подсказать следующее место из второго послания царя Курбскому: «Яко же рекосте: несть людей на Руси, некому стояти. Ино ныне вас нет, а ныне кто претвердые грады германские взимают?»¹³ В августе же 1581 г. о взятии «претвердых градов германских» говорить уже не приходилось.

Таким образом, польский король в своем послании выступает не только как свидетель, но и как возможный читатель переписки Грозного и Курбского.

⁷ Л. В. Тиганова. Подготовка каталога-справочника русско-славянских рукописей. (Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). — Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, стр. 159, прим. 18.

⁸ «Послания Ивана Грозного», стр. 508—509.

⁹ «Метрика», стр. 29.

¹⁰ Там же, стр. 27—28.

¹¹ «Послания Ивана Грозного», стр. 206—211.

¹² «Метрика», стр. 200.

¹³ «Послания Ивана Грозного», стр. 210—211.

В. И. Корецкий

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ДЬЯКЕ ИВАНЕ ТИМОФЕЕВЕ, ИСТОРИКЕ И ПУБЛИЦИСТЕ XVII В.

Биография дьяка Ивана Тимофеева, автора знаменитого «Временника», изучена еще недостаточно. Наиболее полные биографические сведения о нем в дореволюционное время приведены в работах Н. П. Лихачева¹ и С. Ф. Платонова². В 1912 и 1918 гг. было опубликовано несколько документов, характеризующих деятельность дьяка в 1604 г. в приказе Большого прихода³, о которой историки знали уже из публикации 1852 г.⁴ В 1913 г. в печати появился важный документ, проливающий свет на обстоятельства последних лет жизни И. Тимофеева⁵. Однако он остался не замеченным исследователями. В дальнейшем приток новых известий о дьяке замедлился. И. И. Полосин, давший оригинальное исследование творческой истории «Временника», биографией его автора специально не занимался⁶. Не были приведены какие-либо новые данные биографического порядка и О. А. Державиной, осуществившей современное издание «Временника»⁷. Только в 1960 г. Л. В. Черепнин ввел в научный оборот три дела из Стокгольмского архива, освещающие жизнь дьяка в оккупированном шведами Новгороде⁸. А в 1961 г. В. Б. Кобрин обнаружил в верейской писцовой книге 1626/27 г. любопытный факт: И. Тимофеев в 1584 г. приобрел вотчину в Верейском уезде и его настоящая фамилия была Семенов⁹. Несмотря на эти ценные находки, в биографии дьяка остается много неясного. Особенно темн начальнй период его жизни.

¹ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888, стр. 197—199.

² С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник, изд. 2. СПб., 1913, стр. 163—166, 448—449.

³ Л. М. Сухотин. Четвертики Смутного времени. 1604—1617. — «Чтения Общества истории и древностей российских» (далее — ЧОИДР), кн. II, 1912, стр. 8, 41; «Смутное время Московского государства (1604—1613 гг.)», вып. 1; «Акты времени Лжедмитрия (1603—1606)». — «Чтения ОИДР», кн. 1, 1918, стр. 18, 47, 169, 193, 258, 261.

⁴ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. II. СПб., 1852, стр. 814, 837, 877 и др.

⁵ Е. Сташевский. К истории колонизации юга. (Великий боярин Иван Никитич Романов и его слободы в Елецком уезде). М., 1913.

⁶ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII в. — «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. X. Кафедра истории СССР. М., 1949, стр. 135—192; *он же*. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII в. — В кн.: И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. Сб. статей. М., 1963, стр. 263—352.

⁷ «Временник Ивана Тимофеева». Подгот. к печати, перевод и комм. О. А. Державиной. М. — Л., 1951.

⁸ Л. В. Черепнин. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника». — «Исторический архив», № 4, 1960, стр. 162—177; *он же*. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции (далее — Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры). — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XVII. М. — Л., 1961, стр. 454—470.

⁹ В. Б. Кобрин. Новое о дьяке Иване Тимофееве. — «Исторический архив», № 1, 1962, стр. 246.

его служебная карьера при Федоре Ивановиче и царе Борисе. Спорен вопрос, откуда он родом. Одни историки считают, что Иван Тимофеев происходил из Пскова, другие, как например О. А. Державина, — из Новгорода, указывая на любовь дьяка к этому городу¹⁰. Со времени возвращения дьяка из Новгорода в 1617 г. в Москву с документальными свидетельствами об Иване Тимофееве дело как будто обстоит лучше, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что привлеченные в литературе сведения ограничиваются лишь формальными данными о прохождении службы дьяком в тех или иных городах. Неизвестен даже точный год смерти И. Тимофеева. С. Ф. Платонов, а за ним О. А. Державина относят ее к 1629 г. на основании того, что дьяк упоминается в боярской книге 1628/29 г., а в боярской книге 1635/36 г. уже не значится¹¹. Л. В. Черепнин проявляет большую осторожность. Рассматривая сложный вопрос о почерках, которыми написана дошедшая до нас единственная рукопись «Временника», и о возможном наличии там на бумаге с филигранью 60-х годов XVII в. автографа И. Тимофеева, он справедливо замечает: «Вряд ли можно думать, что Тимофеев, который уже во времена Бориса Годунова был дьяком, дожил до 60-х годов XVII в.»¹².

Обнаруженные в фондах Поместного приказа и Новгородской приказной избы ЦГАДА новые материалы о дьяке Иване Тимофееве находятся в составе поземельных дел, в писцовых и платежных книгах. Кроме того, интересные данные о нем содержатся во вкладной и кормовой книге Симонова монастыря. Устанавливаемые на основе этих документов родственные, поземельные и служебные связи не только значительно конкретизируют наши представления о жизненном пути Ивана Тимофеева, той среде, в которой он вращался, отношении к дьяку ряда правительственных лиц, вплоть до всеильного Филарета, но и позволяют полнее понять и процесс создания «Временника», увековечившего его имя.

Наиболее ранние из этих материалов относятся к концу XVI в. и проливают свет на начальный период жизни Ивана Тимофеева. Это содержащиеся в писцовой книге по г. Малоярославцу 1588/89 г. описания двух поместий Ивана Тимофеева, в которых он упоминается еще как подьячий. Ему принадлежали здесь, в Михайловском стане, д. Гриднево, сельцо Кочетово и в Горошошевской волости д. Подольная на речке Талинке¹³. Кроме того, в соседнем Верейском уезде находилась вотчина Ивана Тимофеева, купленная в 1584 г. В сельце Кочетове у И. Тимофеева имелось небольшое собственное хозяйство барщинного типа: «сельцо Кочетово, на реке на Луже, а к нему в припуске по старым книгам деревня Дураковская. А в сельце пашни паханные помещиковы земли 12 чети (худые земли. — В. К.)». Крестьянская пашня отмечена в д. Гридневе — 6 четвертей с полуосминою средней земли и в д. Подольной — 3 четверти худой земли. Здесь же имелось 10 четвертей наемной пашни. В условиях далеко не изжитого в стране хозяйственного разорения большинство земель у И. Тимофеева лежало впусе, перелогом или лесом поросло 130 четвертей в поле, обрабатывалось лишь 20 четвертей. Однако покупка И. Тимофеевым в 1584 г. вотчины, аренда земли, наличие небольшого собственного хозяйства заставляют считать его в своей среде достаточно обеспеченным человеком, медленно, но неуклонно восстанавливающим свое поместное хозяйство. Как увидим ниже, в 1604 г. у И. Тимофеева было «в живущем» уже 300 четвертей пашни в одном поле.

¹⁰ О. А. Державина. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». — В кн.: «Временник Ивана Тимофеева», стр. 363—364.

¹¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник, стр. 165—166.

¹² Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры, стр. 469.

¹³ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. Поместный приказ, писцовая книга по г. Малоярославцу, № 539, лл. 419 об. — 422 об., 695—696. См. также кн. № 540, лл. 388—390, 543—544.

Но значение обнаруженных материалов выходит за рамки определения хозяйственной состоятельности И. Тимофеева, тогда еще подьячего, на рубеже 80—90-х годов XVI в.

Н. П. Лихачев считал возможным отождествить дьяка Ивана Тимофеева — автора «Временника» с тем дьяком Иваном Тимофеевым, который вместе с окольным Никитой Борисовым-Бороздиным в 1574/75 г. составлял десятню по г. Владимиру, сопроводив свое предположение следующим замечанием: «Нельзя думать, что этот дьяк Иван Тимофеев одно лицо с дьяком Иваном Тимофеевичем Клобуковым, так как сохранилось указание, что дьяк Клобуков умер 2 января 1573 г. (надгробные надписи Троице-Сергиевой лавры)»¹⁴. С. Ф. Платонов, пополняя собранные им известия о дьяке Иване Тимофееве данными, приведенными у Н. П. Лихачева, этим предположением не воспользовался, очевидно, полагая маловероятным, чтобы И. Тимофеев, будучи дьяком уже в 1574/75 г., смог дожить до 1629 г., к которому он относил его смерть¹⁵. В своем известном перечне дьяков XVI—XVII вв. С. Б. Веселовский отделил дьяка Ивана Тимофеева, упоминавшегося в 1574/75 г., от дьяка Ивана Тимофеева — автора «Временника», указав, что последний, согласно разрядам, имел прозвище Кол и у него был сын Андрей Тимофеев Колов¹⁶. Новые материалы позволяют окончательно решить этот вопрос. Ни о каком отождествлении в данном случае не может быть и речи, ибо, как установлено, в 1588/89 г. Иван Тимофеев — автор «Временника» был еще подьячим в начале своей служебной карьеры, а дьяк Иван Тимофеев, составлявший с Н. Борисовым-Бороздиным в 1574/75 г. владимирскую десятню, скорее всего, уже окончил свои дни вместе с Н. Борисовым-Бороздиным на плахе осенью 1575 г.¹⁷

Сына Ивана Тимофеева Андрея находим в платежной книге 1613 г. по г. Малоярославцу среди помещиков Окологородного стана; «За Андреем Ивановым сыном Тимофеева в поместье сельцо Кочетово на реке на Лужи, усть реки Талинки, а в нем двор помещиков, пашни паханые помещиковы четверть в поле, а в дву потому ж» и т. п. Среди других земель А. И. Тимофеева указана и пустошь Подольная, которая, как отмечено выше, по книге 1588/89 г., еще будучи деревней, так же, как и сельцо Кочетово, значилась за его отцом Иваном Тимофеевым¹⁸.

В мае 1616 г. жилец Андрей Иванов сын Тимофеев бил челом царю Михаилу Федоровичу о справке его поместного и денежного окладов в Поместном приказе и во Владимирской четверти. В его деле содержатся любопытные данные и о нем самом и о его старшем брате Василии. Так, у выписки А. И. Тимофеев сказал, что «при царе Борисе, как брата ево родново Василья убили в Ярославце Малом разбойники, и царь Борис пожаловал ево Ондрея брата его помесным окладом, а брату ево был помесный оклад 500 чети; а при царе Василье верстан он денежным жалованием («в житие» — сказано в челобитье. — В. К.), а по верстанью велено де ему давати из чети по 8 рублей, и в московское де разоренье тот его помесной оклад и в чети денежной оклад утерялся»¹⁹. Действительно, в кормленной книге Владимирской четверти 1609/10 г. статьи по 9—8 руб. и ниже пропали²⁰. Не был найден Андрей Тимофеев и в жилецком списке

¹⁴ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования, стр. 197—199, прим. 1; Приложения, стр. 68.

¹⁵ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник, Примечания, стр. 448.

¹⁶ Архив Академии наук СССР (далее — ААН СССР), ф. 620 (С. Б. Веселовского), Перечень дьяков XVI—XVII вв. (Машинопись), стр. 327.

¹⁷ В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — «Вопросы истории», 1967, № 5, стр. 36—37.

¹⁸ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, платежная книга по г. Малоярославцу с городами, 1613 г., № 15, л. 1—1 об.

¹⁹ ЧОИДР, кв. II, 1912, стр. 229.

²⁰ Там же, стр. 79, 82.

1610/11 г. Однако в сыске, произведенном в Разрядном приказе, московские дворяне С. В. и Я. В. Колтовские, стряпчий С. А. Марков и ряд жильцов и выборных по г. Коломне подтвердили перед думными дьяками Сыдавным Васильевым²¹ и Михаилом Даниловым сказанное А. И. Тимофеевым у выписи. Из памяти по склейкам дела явствует, что просьба А. И. Тимофеева была удовлетворена; «124(1616)-го мая в 2 день государь пожаловал, велел справить до большого сыску»²².

Известие об убийстве в Малоярославце «при царе Борисе» Василия Тимофеева давно привлекло к себе внимание исследователей. И. И. Смирнов склонен был думать, что в данном случае под «разбойниками» подразумевались участники восстания Хлопка²³. Только ни И. И. Смирнов, ни кто-либо другой из исследователей не связывали Василия и Андрея Тимофеевых с дьяком Иваном Тимофеевым. Теперь мы знаем, что это были его сыновья. После смерти Василия Тимофеева от рук «разбойников» его поместья, в том числе и малоярославецкое, перешло по даче Бориса Годунова к Андрею Тимофееву, очевидно, младшему сыну дьяка. А. Тимофеев продолжал владеть им в 1613—1616 гг.

К этим сообщениям примыкает известие вкладной и кормовой книги Симонова монастыря.

В книге отмечен корм 17 июля по дьяке Иване Тимофееве, одновременно с крупным приказным деятелем Я. М. Бобарыкиным и с дьяками Иваном (в иночестве Ионой) Болотниковым и Михаилом (в иночестве Мисаилом) Смываловым; «В 17 день (июля.— В. К.). По Якове Бобарыкине, да по Иване Болотникове, да по иноке Мисайла Смывалова, да по Иване Тимофееве, да по Ионе корм»²⁴⁻²⁶.

Наличие поместий в Малоярославце у Ивана Тимофеева в конце XVI в., затем перешедших к его сыновьям, а ранее родовых вотчинных владений, потерянных в опричнину, дает возможность считать, что Иван Тимофеев происходил из среды подмосковных служилых людей. Забегая несколько вперед, укажем на то, что вторая его жена также принадлежала к одной из малоярославецких служилых фамилий. Родиной знаменитого дьяка, таким образом, было Подмосковье, а не Новгород или Псков, как предполагали до сего времени исследователи.

Теперь мы можем сказать кое-что определенное и о том, когда и как начал служить Иван Тимофеев. Происходя из подмосковной служилой мелкоты, сильно потерпев во время опричнины, он начал службу в 80-х годах XVI в. подьячим. Возможно, что это произошло в середине 80-х годов: купчая 1584 г. сохранила еще его родовую фамилию — Семенов, оставленную, скорее всего, в процессе служебной деятельности. В дальнейшем во всех известных документах он значится как Иван Тимофеев. Исключение составляют лишь служилая кабала от 1 августа 1608 г., в которой поступающий в кабальную зависимость от дьяка Петр Игнатьев сын Мешков, по прозвищу Ждан, назвал его *Иваном Тимофеевичем* (курсив мой.— В. К.)²⁷, как, очевидно, продолжали звать дьяка в кругу домочадцев и зависимых лиц, и предписание М. В. Скопина, сделанное в сентябре 1609 г. новгородской администрации, в котором все должностные лица названы только по именам и отчествам: «Господину князю Ондрею Петровичю (Куракину.— В. К.), Ивану Васильевичю (Головину.— В. К.), Михаилу Борисовичю (Бобарыкину.— В. К.), Ефиму Григорьевичю (Телеп-

²¹ Дьяк Сыдавной Васильев был с князем М. В. Скопиным-Шуйским в Новгороде и ревизовал там дьяка Ивана Тимофеева (*Л. В. Черепнин*. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника», стр. 176).

²² ЧОИДР, кн. II, 1912, стр. 230.

²³ *И. И. Смирнов*. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, стр. 78, прим. 2.

²⁴⁻²⁶ ААН СССР, ф. 620 (С. Б. Веселовского), оп. 1, № 166, л. 87 об.

²⁷ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, кабальная книга, № 15, л. 95.

неву. — В. К.), Ивану Тимофеевичю (Тимофееву. — курсив мой. — В. К.) Михайло Шуйский челом бьет»²⁸. Из последнего примера видно, что фамилия дьяка возникла из его отчества.

Работа по составлению малоярославецкой писцовой книги 1588/89 г., как установлено О. Шватченко, продолжалась по крайней мере еще в начале 90-х годов. Следовательно, дьяком Иван Тимофеев стал только в последние годы царствования Федора Ивановича, пройдя тяжелый путь черновой приказной работы, познав ее во всех деталях, медленно поднимаясь по служебной лестнице, несмотря на свои исключительные природные способности. Он с чувством глубокой обиды наблюдал, как во времена царствования Бориса Годунова, самозванца и Василия Шуйского вперед пошли быстрыми шагами беспринципные дельцы, взяточники и выскочки, в сущности невежды, отеснив на второй план настоящих, многоопытных дьяков, в знании управления страной следующих за первыми вельможами: «По сих же такожде он (царь Борис. — В. К.), и паче сего тацы же, яже по нем, и второсначалных первым чины, в них же суть быша они, иже вдановластием по избранию благоволения почтеная, самописная сущая, не сущими свене мзды сих превращением изменяху туне. В места же тех — на мздах поставляемых вменяху на лета многа, иже по существу не навывкая, ниже постигшая в чем отнюдь *обученех самоискусне известо меры долгото времен изрядных в державах лет в соображенних делных движений* (курсив мой. — В. К.). . .»²⁹ И далее Тимофеев рисует впечатляющий образ такого нового, «не навывкшего», «не истинного» дьяка, едва умеющего подписаться: «онем же едва токмо вmale, ниже свершене, умети к своего им комуждо имени начертанию по хартиях тростию косо, яко не своею, трясущаяся, провлачати руку, и ино ничто».

Теперь мы знаем, сколь автобиографичны эти строки. Так мог написать лишь человек, сам с азов прошедший многотрудную школу приказной выучки и в совершенстве овладевший не только сутью дела, но и ее внешней, совершенно необходимой, по мнению Ивана Тимофеева, стороной — мастерством скорописи. И действительно, сохранившиеся подписи Ивана Тимофеева на деловых бумагах XVII в. четки, уверенны, даже изящны³⁰. А это значит, что дьяк в наиболее важных случаях мог являть образцы приказной каллиграфии.

От 1598 г. до нас дошло несколько свидетельств уже о дьяке Иване Тимофееве. Самое раннее из них, неизвестное до сих пор в литературе, сохранилось во вкладной и кормовой книге Симонова монастыря:

«Лета 7106 февраля в 18 день государыня царица и великая княгиня инока Александра Федоровна пожаловала прислала в дом Пречистыя Богородицы на Симоново по государе, царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси на монастырское строенье и на церковное двести рублей, а деньги привозили Василей Яковлевич Волинской да Пушкикарского приказу дьяки Григорей Клобуков да Иван Тимофеев, да поручные милостыни братие по рукам по рублю на брата»³¹.

Это первое упоминание в источниках об Иване Тимофееве как о дьяке. Становится известным и то, в каком приказе он служил. Присылка денег в Симонов монастырь с В. Я. Волконским и двумя дьяками Пушкикарского приказа³² за два дня до знаменитого шествия в Новодевичий монастырь —

²⁸ В. И. Корецкий. К истории восстания И. И. Болотникова. — «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 138.

²⁹ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 75, 244.

³⁰ Наблюдения над подписями и скрепами дьяка И. Тимофеева в епифанской десятине 1605 г., новгородских делах и книгах 1607—1610 гг. и в «елецком деле» 1628 г. с несомненностью свидетельствуют, что в данном случае мы имеем дело с его автографами.

³¹ ААН СССР, ф. 620, оп. 1, № 166, лл. 18 об.— 19.

³² Когда в марте 1594 г. царь Федор Иванович прислал в Симонов монастырь милостыню по умершей царевне Феодосии, то деньги привез дьяк Большого прихода Ждан Порошин (там же, л. 11).

свидетельство того внимания, которое уделял Б. Годунов подмосковным монастырям, грозным кольцом окружавшим столицу. Но в то же время это свидетельство известного доверия Б. Годунова к дьяку Ивану Тимофееву и его коллегам. Возможно, что дело не ограничилось выдачей милостыни, а была приведена в боевую готовность монастырская артиллерия и установлены новые пушки. Иван Тимофеев имел основания саркастически отзываться в «Временнике» об обстоятельствах воцарения Бориса Годунова.

С. К. Богоявленский показал, как подолгу служили в Пушкарском приказе подьячие и дьяки в первой половине XVII в.³³ Поэтому не исключено, что в Пушкарском приказе Иван Тимофеев и начал свою служебную карьеру подьячим, став опытным артиллеристом и довольно образованным для своего времени человеком. Понятно то важное значение, которое отведено во «Временнике» артиллерийскому огню при отражении Казы-Гирея в 1591 г. (к организации и проведению его, по-видимому, был причастен и сам И. Тимофеев) и помещенному тут же яркому, подробному, со знанием дела описанию «гуляй-города»³⁴.

Подпись дьяка Ивана Тимофеева имеется на утвержденной грамоте царя Бориса Годунова³⁵. Он участвовал в серпуховском походе нового царя, находясь вместе с дьяком Г. И. Клобуковым «у наряду»³⁶.

Думается, правы те исследователи, которые полагают, что при создании «Временника» И. Тимофеев в разделах, повествующих о событиях в Москве в 1598 г., использовал и свои собственные воспоминания³⁷. Очевидец чувствуется и при описании «прехитрого белосуцаго лянюткания снеговиденаго града» — знаменитого полотняного палаточного городка, разбитого Б. Годуновым на берегах Оки близ Серпухова, в котором царь принимал татарских послов³⁸.

Наблюдательный дьяк, однако, занимал сравнительно невысокое положение на лестнице приказной иерархии. Об этом можно судить и по упоминанию И. Тимофеева в разрядной росписи 1589 г. на втором месте после дьяка Г. И. Клобукова, происходившего из известного в XVI в. дьяческого рода, и по помещению его фамилии в боярском списке 1598/99 г. в перечне дьяков «по приказом» на 17-м месте³⁹, и по записям во вкладной и кормовой книге Симонова монастыря.

О деятельности дьяка Ивана Тимофеева в самом начале XVII в. можно составить представление прежде всего по Государевому разряду 1598—1604 гг. Здесь сказано, что в апреле 1601 г. «в большом тульском разряде» дьяк Иван Тимофеев находился «у наряду» под началом окольного М. М. Салтыкова, князя Ф. Звенигородского и дьяка Григория Клобукова⁴⁰. По-видимому, в это время он продолжал еще служить в Пушкарском приказе. В 1603/04 г., когда в связи с восстанием Хлопка в столице усилились поджоги и выступления городских низов, Иван Тимофеев упоминается среди голов и дьяков, учрежденных «на Москве для огней (борьба с пожарами. — В. К.) и для всякого береженья». Сначала ему совместно с князем Г. А. Ноздреватым был подведомствен район «от Ильинского крестца по Варварскому крестцу». Затем он был заменен дьяком Петром Желябужским. Дьяк же Иван Тимофеев занял место дьяка Богдана Иванова, посланного «з государевым денежным жалованьем в северские города», и ведал совместно с князем М. М. Путятиным районом «от Никитские

³³ С. К. Богоявленский. О Пушкарском приказе. — «Сборник статей в честь Матвея Кузмича Любавского». Пг., 1917, стр. 362.

³⁴ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 36—38, 201—203.

³⁵ «Акты археографической экспедиции», т. II. СПб., 1836, № 7, стр. 45, 53.

³⁶ «Разрядная книга 1475—1598 гг.», подг. к печати В. И. Буганов. М., 1966, стр. 523, 530; см. также: «Разрядные книги 1598—1638 гг.». М., 1974, стр. 26, 32, 36.

³⁷ Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры, стр. 455.

³⁸ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 57, 224.

³⁹ С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский. Боярские списки конца XVI — начала XVII века как исторический источник. — «Советские архивы», 1973, № 2, стр. 94.

⁴⁰ «Разрядные книги 1598—1638 гг.», стр. 103.

улицы по Неглинну»⁴¹. В 1604 г. Иван Тимофеев уже в качестве дьяка приказа Большого прихода взыскивает недоимки с помещиков, посылает «корм» царским послам, греческим старцам и крымским гонцам⁴². В своей челобитной 1615 г., поданной шведским властям, И. Тимофеев сообщал о том, что он «у прежних великих государей царей был во многих приказах на Москве у великих дел»⁴³.

Пока известны два приказа, в которых служил Иван Тимофеев, — Пушкарский и Большого прихода. Скорее всего, дьяк занимался обычной приказной работой, выполняя, впрочем, и отдельные важные поручения, как, например, в напряженные дни, предшествовавшие воцарению Бориса Годунова, занимая и по размерам своего реального землевладения (300 четвертей живущего в одном поле) среднее положение в государевом дворе. В росписи дворовых 1604 г., обнаруженной А. Л. Станиславским⁴⁴, составленной в связи с подготавливавшимся походом против самозванца, он указан среди дьяков «из приказов», выставивших трех конных людей, тогда как одни дьякиставляли 1—2, а другие 6—8 человек, не говоря уже о дьяке В. Щелкалове, выставившем несколько десятков ратников.

Во время военных действий против Лжедмитрия I И. Тимофеев, как опытный артиллерист, находился при «наряде», отправленном из Москвы в Брянск: «... да в большом же полку с нарядом думный дворянин Василий Борисович Сукин да дьяк Иван Кол Тимофеев»⁴⁵. Воеводами большого полка были князь Ф. И. Мстиславский и князь А. А. Телятевский. В Бельском летописце сохранилось известие о том, что позднее из-под Кром, куда были передислоцированы эти войска, в Москву бежали «князь Андрей Андреевич Телятевский да от наряду Василей Борисович Сукин, а с ними розных городов многие дворяне и дети боярские, которые попомнили дом пречистые богородицы и государьское крестное целование и вору Гришке Отрепьеву не похотели крест целовать»⁴⁶. Надо думать, что среди этих беглецов был и дьяк И. Тимофеев. Отношение его к Лжедмитрию I во «Временнике» предельно враждебно⁴⁷, что не мешало дьяку в 1605 г. в правление самозванца вместе с князьями В. К. Черкасским и А. В. Хилковым составить на Туле епифанскую десятню⁴⁸.

Восстание И. И. Болотникова застало И. Тимофеева в Москве. О событиях восстания И. И. Болотникова он писал как очевидец, уподобляя царя Василия, осажденного в столице, птице в клетке, а себя — мухе⁴⁹. Однако напрасно бы мы стали искать во «Временнике» подробные сведения о ходе военных действий. В нем отсутствуют даже упоминания имен И. И. Болотникова и «царевича» Петра. Задача у дьяка была другая. Как представитель господствующего класса, к тому же понесший невосполнимую личную утрату (в Малоярославце в самом начале крестьянской войны был убит его сын Василий), И. Тимофеев стремился осудить «непослушное самовластие рабов», призвать к безжалостному уничтожению восставших крестьян и холопов, рекомендуя «умучивать» их «лютою смертию»⁵⁰.

⁴¹ Там же, стр. 177—178. На стр. 179 сказано, что обезьяние головы назначались «от огня и от всякого соровства (курсив мой. — В. К.) беречи ж».

⁴² ЧОИДР, кн. II, 1912, стр. 8, 41; кн. I, 1918, стр. 18, 47, 169, 258, 261.

⁴³ Л. В. Черепнин. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника», стр. 177.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Столбцы Московского стола, № 1074, стлб. 12. Роспись подготовлена А. Л. Станиславским к печати.

⁴⁵ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121). М., 1907, стр. 133.

⁴⁶ В. И. Корещкий. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова. — «Вопросы истории», 1971, № 5, стр. 145.

⁴⁷ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 48, 66, 72, 83—98 и др.

⁴⁸ «Акты Московского государства», т. I. СПб., 1890, стр. 78. См. также: ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Дела десятен, Епифань, кн. № 223.

⁴⁹ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 113—114, 286—287.

⁵⁰ Там же, стр. 112, 285.

Вскоре после снятия осады с Москвы И. Тимофеев был направлен в Великий Новгород. Сам И. Тимофеев пишет о своем назначении следующее: «Егда же стужающих на град (Москву. — *В. К.*) в мале уляже брань, тогда самохотне о мне изволися цареви. . . кроме воля моя зыскания послати мя умилися (в Новгород. — *В. К.*). . . »⁵¹ Определение времени посылки дьяка на службу в Новгород затруднялось указанием разрядных книг об участии его в походах 1607 г. на Калугу и Тулу⁵² и тем, что первый известный документ о его деятельности в Новгороде датировался мартом 1608 г.⁵³ Единодушия по этому вопросу среди исследователей нет. С. Ф. Платонов склонен был свидетельство «Временника» понимать буквально⁵⁴. И. И. Полосин же полагал, что «царь приказал автору (И. Тимофееву. — *В. К.*) отправиться в Новгород», «когда улеглось восстание»⁵⁵. Л. В. Черепнин отмечает пребывание дьяка в полках под Калугой и Тулой в 1607 г., а затем переходит к новгородскому периоду его деятельности⁵⁶. Материалы, обнаруженные в фонде Новгородской приказной избы, проясняют и этот вопрос. Сохранился отрывок дела по челобитью новгородского помещика Н. И. Калитина, обвинявшего жену своего брата П. И. Калитина Аксинью в насильственном умерщвлении своего мужа⁵⁷. Губному старосте Залесской половины Шелонской пятины Ф. Вельяминову был направлен наказ от 25 февраля 1607 г. новгородских воевод князя П. А. Куракина, окольничего М. И. Татищева и дьяков Е. Телепнева и И. Тимофеева о мерах предосторожности при производстве дальнейшего расследования и препровождении в Новгород возможных убийц П. И. Калитина. Наказ 25 февраля 1607 г. характеризует всю остроту положения в деревне, даже в районе, далеко от основных очагов восстания Болотникова. В нем разрабатывается ряд мер, направленных на усиление борьбы с «воровскими людьми». Весьма характерно, что в составлении этого наказа принял участие и дьяк И. Тимофеев, возможно, опираясь на какое-то общее постановление правительства В. Шуйского, призванное дополнить военные усилия против Болотникова мобилизацией всех средств подавления народного недовольства в тылу⁵⁸. Так, рекомендациям «Временника» о суровых репрессиях против восставших предшествовала в какой-то мере практическая деятельность дьяка во время восстания Болотникова.

Следовательно, уже в феврале 1607 г. И. Тимофеев был в Новгороде. Свидетельство «Временника», таким образом, в основном подтверждается. Но оказывается, И. Тимофеев, сообщая о своем назначении в Новгород царем В. Шуйским после снятия осады со столицы, опустил такую деталь, как свое нахождение зимой 1607 г. под Калугой, откуда он, скорее всего, и попал в Новгород. Именно здесь И. Тимофеев мог впервые сблизиться с князем М. В. Скопным-Шуйским. При М. В. Скопине под Калугой находился также дьяк Сыдавной Васильев, сопровождавший позднее князя в Великий Новгород и ревизовавший там И. Тимофеева.

Новгородское дело, ведшееся в феврале 1607 г. дьяком Иваном Тимофеевым, интересно и в том отношении, что к нему оказалось приклеено более раннее дело времени царя Федора Ивановича 1592 г. о должностных злоупотреблениях и каких-то спекуляциях мехами новгородского тамо-

⁵¹ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 114, 287.

⁵² С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время, стр. 86—88, 143.

⁵³ «Дополнения к Актам историческим» (далее — ДАИ), т. I. СПб., 1846, стр. 266—269.

⁵⁴ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты, стр. 164.

⁵⁵ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII в., стр. 296.

⁵⁶ Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры, стр. 455—456.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стлб. 42747, ч. III, дело из 16 лл., лл. 1—5.

⁵⁸ См. подробнее: В. И. Корецкий. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975, стр. 316—318.

женного головы гостя Степана Иголкина. Позднее, в апреле 1611 г., Степан Иголкин, как известно, выдвинул против дьяка обвинение в неправильной «описи» «опальных животов» убитого в 1607 г. в результате новгородского восстания М. И. Татищева⁵⁹. По-видимому, вражда между дьяком и новгородским купцом, сторонником М. И. Татищева, имела предысторию. Не исключено, что ранее дьяк интересовался поведением С. Иголкина как таможенного головы в 90-х годах XVI в., вызвавшем недовольство новгородских торговых людей. Соответствующее дело было разыскано в архиве Новгородской приказной избы и помещено среди дел начала XVII в., которые вел дьяк Иван Тимофеев, чтобы быть, так сказать, под рукой. Свидетели из числа новгородских торговцев давали весьма не лестную оценку деятельности С. Иголкина на посту таможенного головы: «Да тот же, государь (суд судил новгородский воевода Д. А. Ногтев. — В. К.), Степан Иголкин, сидячи в таможенной избе, торгует всякою мяхкою рухлядью. И как, государь, придет гость с товаром, и он товар держит день и другой в таможенной избе — соболи и рыси, и бобры, и всякий мяхкой товар, для своей корысти. И как, государь, тот товар у гостя купят, и он емлет прибыль сидячи, кому тот товар достанетца. И в том, государь, шлемся на бобровый ряд на весь и на скорнячной и на всех торговых людей, которые мяхкою рухлядью торгуют»⁶⁰. Неприглядный облик гостя С. Иголкина предстает из этого дела совершенно определенно. Впоследствии он активно сотрудничал со шведскими оккупационными властями и ездил в декабре 1611 г. в числе других послов приглашать шведского королевича на русский престол⁶¹.

Побывав в «тульском походе» царя В. Шуйского, во время которого он опять находился при артиллерии, И. Тимофеев вскоре после падения Тулы вернулся в Новгород. Уже в ноябре 1607 г. его имя появляется в новгородских кабальных книгах⁶². Дьяк Иван Тимофеев назван среди других новгородских должностных лиц в грамоте В. Шуйского от 17 декабря 1607 г. Арсеньевскому монастырю⁶³. В феврале—марте 1607 г. им велось дело о передаче дьяку Ефиму Телепневу поместья умершего новгородского помещика В. И. Белеутова в Воскресенском погосте Обонезской пятины⁶⁴. В этом и в нескольких других делах имеются скрепы дьяка Ивана Тимофеева. Упоминаются «дачные книги Шелонской пятины 115-го году за приписью дьяка Ивана Тимофеева»⁶⁵. Последнее из дел, к вершению которых был причастен дьяк И. Тимофеев во время своей службы в Новгороде, относится к февралю 1610 г.⁶⁶

По весьма правдоподобному предположению Л. В. Черепнина, посылка И. Тимофеева в Новгород царем В. Шуйским походила на опалу⁶⁷. Причины этой опалы еще предстоит выяснить, но в Новгороде дьяк оказался под началом не только враждебно настроенного по отношению к нему воеводы окольного М. И. Татищева, но и дьяка Ефима Телепнева,

⁵⁹ Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры, стр. 456—457.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стлб. 42747, ч. III, дело из 16 л., л. 14

⁶¹ Г. А. Замятнин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.). Юрьев, 1913, стр. 21—23.

⁶² С 27 ноября 1607 г. служилые кабалы приносят для записи не только дьяку Ефиму Телепневу, но и дьяку Ивану Тимофееву (ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, кабальная книга № 15, л. 18 об. и сл. В августе — сентябре 1607 г. отпиской поместий у новгородских помещиков, не явившихся на государеву службу под Тулу или сбежавших оттуда, занимались князь А. П. Куракин, М. И. Татищев и дьяк Е. Телепнев (там же, отказная книга № 803, лл. 259—260 об., 338 об. — 339 об.).

⁶³ Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, № 11301, Копийная книга Юрьева монастыря, лл. 117—118; ГПБ, Q IV, л. 217 и Сол. 18/1477, лл. 201—201 об.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стлб. 43898, дело из 20 лл.

⁶⁵ В. И. Корецкий. К истории восстания И. И. Болотникова, стр. 143; см. также стр. 131—132, 134—139.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стлб. 43295, лл. 1—10.

⁶⁷ Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры, стр. 456.

выбившегося совсем недавно в дьяки из новгородских подьячих⁶⁸. Многоопытный столичный дьяк, вынужденный подчиняться своему скороспелому провинциальному собрату, испытывал чувство унижения. «Временник» пронизывает глубокая неприязнь ко всем троим — царю В. Шуйскому, «самовенечнику»⁶⁹, «срамодейственному Василию»⁷⁰, сославшему И. Тимофеева в Новгород, М. И. Татищеву, «волкохищному лжесилентияру»⁷¹, и дьяку Ефиму Телепневу, «злонраводейственному», «злопомнивому», «прелуквенному», «самолюбцу»⁷², начальствовавшим там над ним. Если же учесть, что Е. Телепнев в сравнении с И. Тимофеевым писал крайне небрежно, то придется признать, что, создавая свою уничтожающую характеристику новых приказных деятелей («онем же едва токмо вmale, ниже свершене, умети к своего им комуждо имени начертанию по хартиях тростию косоно, яко не своею, трясущася, провлачати руку, и ино ничто»), И. Тимофеев имел его постоянно перед глазами.

Дьяк страдал от уязвленного самолюбия, но материально в годы своей службы в Новгороде при царе Василии был обеспечен довольно неплохо. Он увеличивал число своих кабальных, похолопив в 1608—1609 гг. трех человек, выдав кабалы на сумму в 5 руб.⁷³ Заметим, что дьяк Е. Телепнев в эти же годы выдал служилых кабал на сумму вдесятеро большую⁷⁴.

В начале марта 1610 г. служба дьяка И. Тимофеева в Новгороде закончилась⁷⁵. Однако в Москву он не выехал. Дьяк Ефим Телепнев отправился в Москву навстречу блестящей политической карьере, а дьяк Иван Тимофеев остался в Новгороде, где ему суждено было, пройдя через бедствия шведской оккупации, пережить тяжкие лишения и страдания, испытать горячую любовь к родимой земле, написать «Временник» и обрести бесмертие.

Чем была вызвана задержка дьяка в Новгороде? О. А. Державина объясняет ее нехваткой у И. Тимофеева денежных средств⁷⁶, основываясь на следующем тексте «Временника»: «... медлением зде на долзе закосне скудостью ми возможных к подъятию действ»⁷⁷. Но мы видели, что деньги у дьяка были, иначе он не увеличивал бы число своих кабальных. Поэтому предпочтительнее толкование Л. В. Черепнина, согласно которому в данном случае И. Тимофеев имел в виду «не недостаток денежных средств, а то, что он не мог действовать свободно, не мог поступать, как ему хотелось»⁷⁸. Л. В. Черепнин предполагает далее наличие «какой-то внутренней связи» между неожиданной смертью Скопина-Шуйского в Москве в апреле 1610 г. и затруднениями, с которыми столкнулся Тимофеев, желавший примерно в то же самое время попасть в Москву⁷⁹.

⁶⁸ Как подьячий упоминается еще 16 апреля 1604 г. (ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, кабальная книга, № 14, л. 99). Впервые о нем говорится как о дьяке в разрядной записи 1604/05 г. (С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время, стр. 74).

⁶⁹ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 101, 274.

⁷⁰ Там же, стр. 124, 296.

⁷¹ Там же, стр. 101, 273.

⁷² Там же, стр. 105, 278.

⁷³ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, кабальные книги, № 15, лл. 52—53, 94 об.—95 об. и № 16, л. 119 об.; см. также «Новгородские записные кабальные книги», стр. 431.

⁷⁴ «Новгородские записные кабальные книги», стр. 431.

⁷⁵ С 12 марта в Новгороде отмечается деятельность другой администрации — воеводы князя И. Н. Одоевского (Большого), князя Г. К. Волконского, дьяков Чулка Бартевева и Корнилы Иевлева (ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 43295, по г. Пскову, лл. 183—185. В этом столбце находятся новгородские дела).

⁷⁶ О. А. Державина. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник», стр. 354.

⁷⁷ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 114, 288.

⁷⁸ Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры, стр. 457.

⁷⁹ Там же.

По уточненной хронологии, дьяк был освобожден от своей должности в Новгороде уже в начале марта 1610 г. Но в сущности догадка Л. В. Черепнина верна. Царь В. Шуйский не хотел, чтобы «партия» М. В. Скопина-Шуйского усиливалась в столице. А дьяк был одним из наиболее рьяных сторонников молодого полководца. Ему он посвятил из «Временника» восторженные страницы. Близость его к М. В. Скопину-Шуйскому доказывается и документальными материалами, обнаруженными Л. В. Черепниным в Стокгольмском архиве⁸⁰. Но можно продолжить наблюдения. Интересно отметить, что наряду с восторженными отзывами о Скопине (дьяк называет его «великим»⁸¹) во «Временнике» прославляется другой полководец, на сей раз XVI века, — князь М. И. Воротынский. Весьма знаменательно, что если отдельные критические замечания в адрес Скопина за его побег из Новгорода вместе с М. И. Татищевым все-таки делаются, то в отношении князя М. И. Воротынского панегирик полный — ему вменяется, даже вопреки истине, изобретение гуляй-города со ссылкой на сведущих людей — «ведцев»⁸². А ведь дьяк предельно скуп на имена и славословия. Достаточно сказать, что во «Временнике» не упомянуты ни Пожарский, ни Минин. Не менее знаменательно и то, что ставку на М. В. Скопина-Шуйского в это время делал сын знаменитого полководца XVI в. князь И. М. Воротынский, большой почитатель И. Тимофеева и его «Временника»⁸³. Он избрал Скопина в крестные отцы своему новорожденному — Алексею⁸⁴. Именно на этих крестинах у князя И. М. Воротынского и была поднесена на «перепитии» Екатериной Шуйской, женой завистливого брата царя Дмитрия, та злополучная чаша, испив которую, Скопин тяжело занемог. Позднее князь И. М. Воротынский объявил В. Шуйскому о низложении.

В свете сказанного обнаруживается не только общность отношения князя И. М. Воротынского и дьяка И. Тимофеева к Скопину, но и глубокая близость их между собой. По-видимому, рассказы И. М. Воротынского были использованы дьяком во «Временнике» и тогда, когда он давал исключительно высокую оценку военной деятельности его отца (если только И. Тимофеев сам не принимал участия в битве на Молодях под начальством князя М. И. Воротынского), и тогда, когда, характеризуя положение в оккупированной поляками Москве, в которой И. Тимофеев, как известно, сам не был, писал о страданиях в осаде патриарха Гермогена и всего «синглита», «иже по чином несчислимое число различия вся разности порога царска, *величества его достойная и довленная* (курсив мой. — В. К.), и числом необъятное люди множество»⁸⁵.

На эту мысль наводит сопоставление соответствующих мест «Временника» с тем, что Воротынский говорил Гонсевскому на встрече послов в 1615 г. Во «Временнике», например, читаем: «Вожди же и наставницы быша толику злу предипомянутые гады два, василиск и аспид; еще же *скажут* (курсив мой. — В. К.) и превзошед сих некий и явися злобою козмик нечто от мельчайших, своеименен, зельством яко и яйцо василисково; с ними же и ины нецыи таемницы, их же всех последний день объявит»⁸⁶. О. А. Державина склонна видеть в «василиске и аспиде» М. Салтыкова и Ф. Андропова, упоминающихся ниже как «ересиархи»⁸⁷, а в «козми-

⁸⁰ Там же, стр. 457—459.

⁸¹ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 104, 277.

⁸² Там же, стр. 37—38, 202—203.

⁸³ С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. О Записном приказе. М., 1903, стр. 62—63.

⁸⁴ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. XIII. СПб., 1909, стлб. 1333.

⁸⁵ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 144, 321.

⁸⁶ Там же, стр. 142, 319.

⁸⁷ Там же, стр. 144, 321.

ке» — того же Ф. Андронова, что противоречит предыдущему толкованию⁸⁸. Ключ к расшифровке этого текста находится, на наш взгляд, в следующих словах И. М. Воротынского, обращенных к А. Гонсевскому: «Только (ты. — *В. К.*) пришедши сядешь, а возле себя посадишь *своих советников, Михайлу Салтыкова, князя Василья Мосальского, Федьку Андронова, Ивана Грамотина с товарищи. . . а дьяков старых всех ты отогнал прочь*. И то была нам всем бояром смерть, что к тому *недостойный торговый детина Федька Андронов* (курсив мой. — *В. К.*) придет и сядет с нами, с Мстиславским и со мною, Воротынским, и с иными нашими братьями, и нам указывал, и мимо нас распоряжался»⁸⁹. Два первых советника — «аспид и василиск» — М. Салтыков и князь В. Мосальский достаточно, по понятиям Тимофеева, родовитые, злобный «козмик некто от мельчайших» — выделенный И. М. Воротынским особо — «недостойный торговый детина» Ф. Андронов. Не одобряет И. М. Воротынский совсем в духе «Временника» и замену Гонсевским старых дьяков новыми.

Тем самым конкретизируются высказывания тех исследователей, которые видели во «Временнике» отражение боярской идеологии⁹⁰. На многие события Смуты, ее причины, на тех или иных деятелей того времени дьяк действительно смотрел глазами Воротынского и его круга, но позиции здесь полностью никогда не совпадали. Очевидно, вопрос о связях И. Тимофеева с князьями М. И. и И. М. Воротынскими требует дальнейшего изучения. Но важно отметить, что именно у сына князя И. М. Воротынского — Алексея Ивановича намеревались разыскивать список «Временника», когда в этом возникла необходимость в 60-х годах XVII в. в связи с созданием Записного приказа⁹¹.

Пребывание И. Тимофеева в захваченном шведами Новгороде подробно рассмотрено Л. В. Черепниным. Оккупация не сломила его⁹². Поэтому ограничиться лишь некоторыми соображениями относительно того, кто в Москве мог предпринять попытку вызвать дьяка из плена в феврале 1615 г. Тогда в Новгород к шведским властям пришло письмо Джона Мерика, английского дипломата, посредника в русско-шведских переговорах, с просьбой разрешить вернуться в Москву вместе с другими затребованными лицами и И. Тимофееву с дочерью⁹³. Первая жена Тимофеева, по-видимому, к этому времени скончалась, оставив ему не только сына Андрея, но и дочь, имя которой пока неизвестно (от второго брака, как увидим, детей у дьяка не было). Среди доброхотов, помнивших об И. Тимофееве, могли быть князь И. М. Воротынский, причастный как раз в это время к дипломатическим делам, и некоторые расположенные к дьяку приказные деятели, такие, как думный дьяк Сыдавной Васильев и особенно его «названный сын», тогда еще подьячий Иван Грязев. Последний в 1615 г. был направлен гонцом в Англию вместе с Андреем Кельдерманом, отцом известного английского купца Томаса Кельдермана, что предполагало наличие у него каких-то связей среди англичан, проживавших в России⁹⁴. Не могла не беспокоить участь отца и сестры и родного сына дьяка Андрея.

Выехать из Новгорода в Москву в 1615 г. И. Тимофееву не удалось. И тогда дьяк совершил свой главный патриотический подвиг — приступил к созданию «Временника». О начале интенсивной творческой работы уже

⁸⁸ «Временник Ивана Тимофеева», комм. 300 и 301, стр. 499.

⁸⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V. М., 1961, стр. 44.

⁹⁰ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII в., стр. 293, 342.

⁹¹ С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. О Записном приказе, стр. 62—63.

⁹² Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры, стр. 457—467.

⁹³ ДАИ, т. VI, стр. 211; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, стр. 95.

⁹⁴ «Дворцовые разряды», т. I. СПб., 1850, стр. 261, 265, 274.

в старости дьяк пишет сам во «Временнике», заключая его известной евангельской притчей о виноградарях и сокрушаясь об упущенном времени и возможностях: «Мы бо... деланию время состаревшеся и средовечие недеянне препустихом, егда деланию бяше время, а не отложенью, ни празности, неже старости»⁹⁵.

Дьяк с большой силой воссоздал обуревавшие его сомнения: писать или не писать? Один за другим выдвигались доводы против — собственное невежество, одиночество, отсутствие помощников, опасность кары врагов, осуждения и насмешек «единоверных», боязнь начать дело и не довести его до конца — и все они отвергались. Мысль о создании «Временника» все более властно овладевала им: «Та же отречанию моему не внимаша, но елико аз сию отрехах, елико она безстудствуя ми належа»⁹⁶. Впервые в русской исторической литературе сложный психологический процесс зарождения и воплощения замысла, неотвратимые побудительные причины творчества описаны так глубоко и проникновенно.

Решившись же всецело отдаться своему призванию, «мухоподобный» дьяк обрел орлиные крылья и вознесся ввысь, обозревая трудные и сложные перипетии недавнего прошлого. Пусть не до конца нарисовал он картину Смуты, с открытой враждой относясь к классовой борьбе народных масс, но многие кардинальные вопросы, вставшие тогда перед современниками, завязал он в своем «Временнике» в тугой узел, распутывать который предстоит не одному поколению русских историков. Возможно, что и ранее он делал отдельные разрозненные заметки о тех или иных поразивших его событиях, происходивших на его глазах. Но историк пробудился в нем сразу в результате сильного чувства гнева за страдания, обрушившиеся на любимый город Новгород, столицу Москву, Россию, от лица которых осмелился теперь говорить дьяк. И он бичует властолюбие и жестокость царей, предательство вельмож, продажность выскочек из приказной среды, столь ему знакомой, с такой силой, что его обвинения стали по-существу грозным обвинительным актом представителям господствующего класса, поставившим страну в начале XVII в. на грань национальной катастрофы.

И. Тимофеев вернулся в Москву лишь после освобождения Новгорода в 1617 г. И не остался в столице, а уже в мае 1618 г. выехал в Астрахань, далекий и еще не замиренный до конца край. Здесь он пробыл два года, служа под начальством воевод князей Хованского и А. М. Львова. У него в подчинении был его приемный сын Иван Кириллович Грязев, вскоре после возвращения из Англии пожалованный в дьяки⁹⁷. Среди астраханских толмачей упоминается какой-то Андрей Тимофеев⁹⁸. Князь А. М. Львов, наряду с князьями И. М. и А. И. Воротынскими, был известным почитателем писательского таланта дьяка И. Тимофеева⁹⁹. Кстати сказать, Приказ Казанского дворца, ведавший всей Волгой, возглавлял с декабря 1619 г. по апрель 1624 г. князь И. М. Воротынский¹⁰⁰.

Хитроумная политика воевод и дьяков в Астрахани в 1618—1620 гг. в отношении Ногайской орды, по свидетельству А. А. Новосельского,

⁹⁵ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 167, 346.

⁹⁶ Там же, стр. 116, 290.

⁹⁷ «Дворцовые разряды», т. I, стр. 261, 265, 274.

⁹⁸ Толмачу А. Тимофееву, названному в майской отписке 1619 г. «Андрюшей», было дано задание получить закладчиков от ногайских князей. Отписки, помещенные в этом деле, заслуживают особого внимания, так как в их составлении принимал участие и дьяк И. Тимофеев. В отдельных выражениях за приказным штампом чувствуется его рука. См., например: «И помня его Иштерека князя службу и правду, вы, великий государь, по своему царскому милосердому праву и осмотренью (курсив мой. — В. К.), детей его Иштерекых пожалуешь свыше прежнего, смотря по их службе и достоинству, только б оне по своей правде и шерти... служили в прямом холопстве» (ЦГАДА, ф. Ногайские дела, д. 1, 1619 г., лл. 14, 17—18).

⁹⁹ С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. О Записном приказе, стр. 62—63.

¹⁰⁰ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 61.

«на этот раз могла торжествовать полный успех. Удалось разделить и ослабить орду, уничтожить наиболее энергичных противников, привести часть улусов к более тесной зависимости от Астрахани. Достигнута была и другая цель — освобождение значительного количества русского полка, оставшегося в орде от предшествующих лет»¹⁰¹. Итак, по возвращении из Новгорода дьяк оказался под начальством и в окружении лиц, хорошо к нему расположенных, ценивших не только его профессиональные знания, но и заслуги в области литературы. Административная и дипломатическая деятельность И. Тимофеева в Астрахани увенчалась крупным успехом.

Этот период деятельности Ивана Тимофеева получил отражение в Описи Архива Посольского приказа 1626 г. В главе 51 «Рознь ногайская» указана «Выписка из отписок астраханских воевод князя Ондreja Хованского да князь Олексея Лвова, да дьяков Ивана Тимофеева да Ивана Грязева» и другие документы, связанные с приведением ногайцев «под государеву руку», и материалы о том, «что в Посольском приказе диаком астраханские ж воеводы князь Ондрей Хованской с товарищи, *приезжав к Москве* (курсив мой. — В. К.) в роспросе сказали, ково учинить князем и в нурадынах и в кекуветех»¹⁰².

Очевидно, с успешным завершением астраханской службы связано оставление дьяка И. Тимофеева в Москве «у приказных дел». Им в июне 1621 г. была направлена в Устюжскую четверть к думному дьяку Томилу Луговскому память с предписанием выдать льготную грамоту жителям Погорелого городища, которое сжег в 1616/17 г. присланный сюда из Москвы Гаврило Пушкин. Он не дал жителям вывезти из острога имущество, так что, жаловались они, «и дворы и животы их все погорели». Челобитье погорельцев было удовлетворено царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом¹⁰³.

Однако пребывание дьяка в столице было недолгим. Он опять испытал какие-то превратности судьбы, в результате чего его положение при крутом и гневливом Филарете пошатнулось.

И вот что любопытно. В ноябре 1626 г. князь А. М. Львов подал челобитную о пожаловании его вотчиной «за астраханскую службу», мотивируя свою просьбу тем, что «все (так. — В. К.) приказные люди, посланные по городам до прихода королевича (Владислава. — В. К.), награждены вотчинными дачами». Князь А. М. Львов подробно перечислил свои заслуги в Астрахани. Его челобитье было удовлетворено сначала в обычном порядке, а затем в январе 1627 г. он был пожалован наравне с такими государевыми «комнатными людьми», как Б. Морозов и К. Михалков, получив вотчины на 600 четвертей¹⁰⁴. Следом за ним бил челом о пожаловании «за астраханскую службу» и дьяк И. К. Грязев, служивший в Астрахани под началом И. Тимофеева. Его наградили, как и других приказных людей: «...за те службы по государеву указу велено ему из его поместья дать в вотчину с поместного его оклада с 700 четвертей со 100 по 20 чети»¹⁰⁵. О дьяке Иване Тимофееве, полностью разделявшем заслуги челобитчиков, не сказано ни слова.

В 1622—1626 гг. И. Тимофеев был дьяком в Ярославле, а в 1626—1628 гг. — в Нижнем Новгороде¹⁰⁶. В Архиве Посольского приказа в 1626 г. хранились обыски и отписка, присланные в 1622/23 г. из Ярославля от

¹⁰¹ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М. — Л., 1948, стр. 142.

¹⁰² ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 2, лл. 592—593. На сведения о дьяке Иване Тимофееве в Описи Архива Посольского приказа 1626 г. автору любезно указал В. И. Гальцов, подготовивший эту опись к изданию. См. также Архив ЛОИИ СССР, ф. 178, № 576, л. 3

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 137 (Приказные и городовые книги), городовая книга по Чаронде, № 1, лл. 255 об. — 256.

¹⁰⁴ «Акты Московского государства», т. I, стр. 205.

¹⁰⁵ «Акты Московского государства», т. II. СПб., 1894, стр. 42.

¹⁰⁶ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени, стр. 166.

воеводы Богдана Воейкова и дьяка Ивана Тимофеева, «про князь Ортемья Шейдякова, что он в поместье своем в Ярославском уезде в селе в Ширенге старую свою жену мусульманского закона к себе взял и с нею жил, и с татары шил и ел, и крестьяном своим чинил налогу»¹⁰⁷. В числе документов 1623/24 г., связанных с убытками, понесенными московскими и ярославскими купцами в Юргенской земле, упомянута «роспись подлинная юргенским товаром и животом, какова прислана из Ярославля, за приписью дьяка Ивана Тимофеева». Эти документы, согласно описи 1626 г., находились «в 3-х мешечках в суконных, которые носили за Иваном Грамотиным в доклад ко государю и к отцу ево государеву, к великому государю светейшему патриарху»¹⁰⁸.

К нижегородскому периоду деятельности дьяка Ивана Тимофеева относится упоминание о грамоте, посланной воеводе князю М. Шаховскому и ему по памяти из Разбойного приказа от 12 февраля 1627 г., о губных старостах¹⁰⁹. Конфликт с нижегородскими стрельцами приказа А. И. Сухотина произошел по поводу откупов. Стрельцы жаловались в Москву на князя М. М. Шаховского и дьяка И. Тимофеева, которые заставляли их насильно держать откупа, срок на которые уже прошел, и сажали в тюрьму¹¹⁰. 18 марта 1627 г. в Нижний Новгород к князю М. М. Шаховскому и дьяку И. Тимофееву была направлена грамота патриарха Филарета с предписанием, чтобы они взяли поручную запись «по крестьянине» нижегородского Печерского монастыря Л. Пятове с товарищами с обязательством явиться в Москву к ответу по челобитью чебоксарца И. Городецкого¹¹¹.

Таким образом, и будучи вне Москвы, дьяк Иван Тимофеев находился в поле зрения патриарха Филарета, который направлял ему грамоты со своими распоряжениями и использовал материалы, поступавшие от дьяка, при решении тех или иных вопросов.

Дьяками Казанского дворца, когда И. Тимофеев служил в Ярославле и Нижнем Новгороде, были И. К. Грязев (с 1624 г. по 1631 г.), покровительствовавший своему «названому отцу», и И. И. Болотников (с 1621 по 1631/32 г.), составлявший в 1626 г. Опись Архива Посольского приказа, где были отмечены документы, связанные с деятельностью дьяка И. Тимофеева¹¹².

Поместий у И. Тимофеева не было, а вотчина в Верейском уезде, приобретенная еще в 1584 г., находилась в запустении¹¹³. Однако в 1629 г. положение резко изменилось. Об этом свидетельствуют обнаруженные нами в фонде Поместного приказа поземельные дела конца 20-х — 30-х годов XVII в. Из дела 1629 г. узнаем, что дьяку И. Тимофееву 7 июня этого года были пожалованы в поместье рязанское поместье Б. Михалкова в Понисском стане сельцо Костино и его же рязанская вотчина в Перевитцком стане д. Гурьевская, «Ларино то ж». 29 июня 1629 г. пушкарь П. Васильев составил на эти земли отказные книги, отосланные в Москву¹¹⁴. Дьяк Иван Тимофеев в своем челобитье просил выдать ему на отделенное по-

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 2, лл. 568, 683.

¹⁰⁸ Там же, лл. 603, об. — 604.

¹⁰⁹ РИБ, т. IX. СПб., 1884, стлб. 455; «Описание актов собрания гр. А. С. Уварова». М., 1905, стр. 164—165.

¹¹⁰ РИБ, т. II. СПб., 1875, стлб. 990.

¹¹¹ ГПБ, Собр. Погодина, № 1994, № 83.

¹¹² С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века, стр. 61. Небезынтересно отметить, что духовным приказчиком дьяка И. И. Болотникова стал «боярин Алексей Михайлович Львов с товарищи», известный как почитатель И. Тимофеева (ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, г. Суздаль, стлб. 27709, ч. I, лл. 64, 122 и др.).

¹¹³ В. Б. Кобрин. Новое о дьяке Иване Тимофееве, стр. 246.

¹¹⁴ Сохранилась описка Ст. Хирина в Поместный приказ об этом отказе (ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 41697, ч. I, по г. Рязани).

местье ввозную грамоту, которая и была дана 21 августа 1629 г.¹¹⁵ Из другого, позднейшего дела, ведшегося в середине 30-х годов XVII в., открываются некоторые дополнительные подробности, связанные с этим пожалованием. Патриарший стольник Г. М. Петров предъявил тогда права на пожалованные в 1629 г. И. Тимофееву земли, объявив их своими родовыми владениями. Он относил это пожалование в своем челобитье всецело заботам и влиянию дьяка И. Грязева, который «бил тебе, государь, аб отце своем названом И[ва]не Тимофееве. И ты, государь, ево пожаловал тем нашим старинным поместейцем и вотчинкою, а наше, государь, челобитье утоил, потому што прочил наше поместейца и вотчинку атьбу своему названному Ивану Тимофееву. И как, государь, Ивана Тимофеева не стало, и я, холоп твой, а том родственном поместьеце и о вотчинке бил челом. И дьяк Иван Грязев др[у]жа своей матери названай Ивановой жене Тимофеевай подписал челобитную, што бутто ты, государь, пожаловал ее вдову тем нашим поместейцом и вотчинкою не в образец. И ныне та вдова пошла замуж за Бориса за Пушкина, а то, государь, наша родственная помест[ей]ца и вотчинку сменяла на пустую землю брату свое[му] Богдану Иванову сыну Булгакову. А тот, государь, бр[а]т ее служит по Ерославцу по Малому и поместья, государь, и вотчины за ним есть...»¹¹⁶

Раздача поместий и вотчин Б. А. Михалкова была вызвана тем, что «Богдан... те вотчины имал, воровские грамоты наряжал и подпечатывал, и то воровство сыскано в приказе у боярина у Федора Ивановича Шереметева»¹¹⁷.

О землях Б. А. Михалкова в числе других челобитчиков били челом князь А. М. Львов и П. Соковнин. Первый 28 марта 1629 г. получил переяславскую вотчину Б. А. Михалкова, второй — лихвинскую¹¹⁸. 13 апреля дьяк И. Грязев подал челобитную о рязанском поместье Б. А. Михалкова¹¹⁹. Кроме него подали челобитные: 24 марта — Ю. Редриков, 15 апреля — дьяк Степан Угоцкий, 18 апреля — Г. М. Петров, на челобитье которого дьяком Ф. Лихачевым была сделана помета: «Государь пожаловал, велел выписать доложить себя государя». Но рязанские земли Б. А. Михалкова получили не они, а дьяки И. Грязев и И. Тимофеев, даже не упоминавшийся среди челобитчиков. В приказной выписке далее сказано: «Да подал Якову Михайловичу Боборыкину да дьяком Неупокою Кокошкину да Венедихту Махову да Василию Ключареву дьяк Иван Грязев письмо, а сказал, что то письмо Богданове рязанской вотчине и поместью Михалкова, а дал то письмо сам Богдан своею рукою...»¹²⁰ 5 июня 1629 г. Я. М. Боборыкин (записанный, как отмечено выше, вместе с дьяком Иваном Тимофеевым во вкладной и кормовой книге Симонова монастыря)¹²¹ и дьяки представили эту выписку царю и патриарху: «И государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии и отец ево государев великий государь святейших патриарх Филарет Никитич московский и всеа Русии сее выписки слушав в Крестовой и пожаловали, указали Богданова Михалкова, резанское да суздальское поместья и вотчину за ево воровство у него взяти и роздати в роздачу: резанское по росписи, какова взята у дьяка у Ивана Грязева поместья в Окологородном стану в селе Ходынине 53 чети дати дьяку Ивану Грязеву к резанскому же да к муромскому да к володимерскому ево поместьям к 525 четям с полуосминою в его оклад в 800 чети. Да Богданово же поместья в Пониском стану в селе Костине 83 чети с осминою да в Перевицком стану вотчину дерев-

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 40935, ч. II, по г. Рязани, лл. 424—430.

¹¹⁶ Там же, стлб. 41390, ч. II, по г. Рязани, л. 394.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 41390, ч. II, по г. Рязани, л. 400.

¹¹⁸ Там же, лл. 400—401.

¹¹⁹ Там же, л. 403.

¹²⁰ Там же, л. 405.

¹²¹ С отцом Я. М. Боборыкина Михаилом Борисовичем Иван Тимофеев служил в Новгороде в 1609—1610 гг. (В. И. Корецкий. К истории восстания И. И. Болотникова, стр. 137—139).

ню Гурьевскую, Ларино то же, чем Богдан владел, *указали оне, государи, дати дьяку Ивану Тимофееву мимо челобитчиков, которые о тех поместьях били челом* (курсив мой. — В. К.)»¹²².

Приказная ссылка на то, что рязанские земли Б. А. Михалкова по распоряжению царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета давались дьяку Ивану Тимофееву «мимо других челобитчиков, которые о тех поместьях били челом», включая и патриаршего стольника Г. М. Петрова, претендовавшего на эти земли как на родственные, ясно говорит о том, что Филарет теперь благоволил дьяку, незадолго перед тем обиденному при раздаче наград «за астраханскую службу». Объяснять эту благосклонность лишь ростом влияния дьяка И. Грязева, приемного сына И. Тимофеева, как это пытался делать Г. М. Петров в своем позднейшем челобитье, поданном уже после смерти И. Грязева, вряд ли правильно. Как мы имели возможность убедиться, И. Грязев не утаивал челобитья Г. М. Петрова. Перемену в отношении Филарета к дьяку И. Тимофееву, на наш взгляд, следует связывать с недавней его «елецкой службой». В Ельце в 1628 г. дьяк верой и правдой послужил дому Романовых, оказал личную услугу Филарету, которую тот не забыл. В этом году все елецкие служилые люди, доведенные до отчаяния произволом ближайшего родственника царя и патриарха боярина И. Н. Романова, подали на него коллективное челобитье. Делу на Москве была придана политическая окраска и в Елец послана для расследования специальная комиссия в составе Н. Д. Вельяминова и дьяка И. Тимофеева. Посланцы в ходе многотрудного «разбирательства», не считаясь с очевидными фактами, собрали материал, послуживший для обвинения в январе 1629 г. ельчан и оправдания И. Н. Романова¹²³.

Земельные пожалования дьяку не ограничивались лишь рязанскими «воровскими» землями Б. А. Михалкова. Вскоре, в 1629/30 г., И. Тимофееву было передано вологодское поместье незадолго перед тем умершего постельничего К. И. Михалкова¹²⁴ в Сямской волости с. Никулинское с деревнями, на которое были составлены подьячим Б. Колзаковым «отдельные книги 138 (1629/30)-го году»¹²⁵.

Облагодетельствованный дьяк составил во «Временнике» панегирик Филарету, в котором называл его «трисвятейшим», «благочестия любителем и красоту церковную»¹²⁶, связывал с его прибытием из польского плена окончание Смуты и установление порядка во «вдовствующей» стране. Панегирик составлялся уже после возвращения И. Тимофеева в Москву, где он жил, очевидно, на почетном пенсионе, ибо в нем дьяк вспоминает о своем пребывании на царской службе в других городах после возвращения из Новгорода: «Потом же, мало прецуская время, в протчих городах пребывание наше на уреченных службах царским по бозе повелением бысть»¹²⁷. В то же время в «Летописце вкратце» отсутствует упоминание о смерти матери Михаила Федоровича Ксении Ивановны, последовавшей 27 января 1631 г.¹²⁸ Напротив, здесь говорится, что «рождышая рождшему-

¹²² ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 41390, ч. II, по г. Рязани, лл. 406—407.

¹²³ Дело это частично опубликовано Е. Сташевским (Е. Сташевский. К истории колонизации юга. Великий боярин Иван Никитич Романов и его слободы в Елецком уезде). Обращение к подлиннику (ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Приказный стол, стлб. 30, л. 442) показало, что в деле сохранились скрепы И. Тимофеева и правка, принадлежавшая, возможно, ему.

¹²⁴ К. И. Михалков был жив еще в мае 1629 г. В описи неоклеенных столбцов по г. Вологде (ЦГАДА, ф. Поместный приказ, опись 1188, л. 104) среди столбцов 1629 г. значится «дело Константина Иванова сына Михалкова да Дмитрия Калинина сына Самарина о росписке меновных поместий мая в 18 день».

¹²⁵ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 38167, ч. I, по г. Вологде, лл. 16, 19.

¹²⁶ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 165, 344.

¹²⁷ Там же, стр. 163, 342.

¹²⁸ «Русский биографический словарь», т. 9, Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903, стр. 510—511.

ся от нею и донныне спребладает ему от вопарения его»¹²⁹. Следовательно, панегирик составлялся дьяком в 1629/30 г., скорее всего во второй половине 1629 г., после щедрых земельных пожалований. Писался он наспех и не был приведен в согласование с предыдущим текстом о все еще длящихся многолетних страданиях патриарха в польском плену, относящимся ко времени до 1619 г.¹³⁰

Однако лесть действовала. Филарет до конца благоволил дьяку и его семье. Посредником между ними выступал дьяк И. Грязев. Не исключено, что какую-то роль здесь сыграли также князья М. А. Львов и И. М. Катырев-Ростовский, зять Филарета. Еще В. С. Иконников предположил, что И. М. Катырев-Ростовский был знаком с «Временником» и использовал его в своей Повести¹³¹, которая была положена в основу так называемой «Рукописи Филарета», где давалась официальная трактовка Смуты. Через него о существовании «Временника» мог узнать Филарет. Так что, составляя панегирик, дьяк думал не только о своем материальном благополучии, но и о судьбе своего любимого детища — «Временника». Дело в том, что «Временник» существенно расходился со взглядами Филарета на Смуту, а цензура при нем была исключительно строга, даже сочинение собственного зятя не могло вполне удовлетворить все сильного и крутого патриарха. Поэтому, возможно, восхваления Филарета дьяком послужили сохранению «Временника».

Если «Временник» был известен Филарету, а это весьма вероятно, то нужно признать, что резкие обличения Ивана Тимофеева, направленные против думного дьяка Ефима Телепнева, его давнего недруга, имели и злободневное значение. В конце 1629 г. могущественный думный дьяк Е. Телепнев испытал гнев Филарета, был уволен от управления Посольским приказом и в следующем году сослан в Пошехонье. Вернулся он в Москву лишь после смерти Филарета (1 октября 1633 г.) вместе с другими опальными приказными деятелями — И. Грамотиным и Т. Луговским¹³². Но ведь имея в виду недостойное поведение Е. Телепнева в Новгороде, И. Тимофеев писал во «Временнике», что «им же (такого рода людям. — В. К.) прочее не достоин в правление таковая превелие господствие стран вверяти по предварших деспод наших законоположению»¹³³. Заявивший место главы Посольского приказа думный дьяк Ф. Ф. Лихачев (с 21 сентября 1630 г. по 25 декабря 1631 г.) оказался фигурой переходной и с 1 октября 1632 г. на этом посту утвердился приемный сын И. Тимофеева думный дьяк И. К. Грязев¹³⁴. В этих приказных перемещениях отразилась борьба в правящих верхах накануне Смоленской войны. В ней принял участие и дьяк И. Тимофеев, выступивший во «Временнике» в качестве публициста, обличавшего такого крупного приказного деятеля противной стороны, как думный дьяк Е. Телепнев.

Большой интерес для характеристики последних дней И. Тимофеева и его распоряжений представляет дело 1631 г.¹³⁵, возникшее сразу же после смерти дьяка по челобитью вдовы Марьи, его второй жены, в девичестве Марии Юшмановны Булгаковой¹³⁶. В этом челобитье, поданном

¹²⁹ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 161, 339.

¹³⁰ Там же, стр. 160, 339.

¹³¹ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1845.

¹³² С. А. Белокуров. О Посольском приказе. — ЧОИДР, кн. III, 1906 г., стр. 109—110.

¹³³ «Временник Ивана Тимофеева», стр. 133, 309.

¹³⁴ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования, стр. 532; С. А. Белокуров. О Посольском приказе, стр. 109—110.

¹³⁵ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 40943, ч. I, по г. Рязани, лл. 85—98.

¹³⁶ Ее братом был Богдан Юшманов сын Булгаков, служивший по Малому Ярославцу, названный в деле шурином И. Тимофеева (там же, л. 86).

до 14 марта 1631 г. на имя царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, она писала: «Судом, государи, божиим мужа моево, Ивана, не стало, а оклад, государи, был мужю моему восемьсот чети¹³⁷, а вашего государева жалованья поместейца за мужем моим в Рязанском уезде в Пониском стану в сельце в Костине да деревня Гурьева, а Ларино то ж, сто семнатцать четвертей с осминою, а вотчинки, государи, после мужа моего не осталось ни одной чети». Очевидно, ранее И. Тимофеев ликвидировал вотчину в Верейском уезде, известную по писцовой книге 1626/27 г. Вдова, оставшаяся бездетной¹³⁸, просила пожаловать ей на прожиток рязанское поместье И. Тимофеева, «как вам, государем, обоим бог известит. А что, государи, останетца у меня, горькой вдовы, поместейца за указною статьею, пожалуйте, государи, меня ж, горькую вдову, не велите, государи, пустити ко мне соседа, чтоб мне, горькой вдове, было чем прокормитца»¹³⁹.

Из дьячей пометы на л. 85 следует, что просьба вдовы И. Тимофеева была полностью удовлетворена: «Государь и святейший государь патриарх пожаловали ей то мужа ее рязанское поместье сто семнатцать чети дати на прожиток, а иным не в образец (курсив мой. — В. К.)». При выдаче ввозной грамоты, датированной 10 (так! — В. К.) марта, было подчеркнуто, что «велено ей (вдове Марье. — В. К.) то поместье дать по государеву царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и отца его государева великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русии имянному приказу (курсив мой. — В. К.), а вперед иным людям то не в образец и дать грамоту»¹⁴⁰. Таким образом, несмотря на то, что в течение 28 февраля — 7 марта 1631 г. был подан целый ряд челобитных о рязанском поместье И. Тимофеева и среди челобитчиков были люди из окружения Филарета — его боярин С. В. Колтовский, патриаршие стольники Г. М. Петров и Ф. Р. Шаховской и другие, а также государевы дьяки — С. Бредихин, С. Угоцкий, И. Детков — в силу личного вмешательства Филарета, по его «имянному приказу» поместье оказалось все-таки за вдовой И. Тимофеева¹⁴¹.

Из приказной выписи, составленной в Поместном приказе в связи с этим делом, узнаем, что перед смертью И. Тимофеев большую часть своих поместных земель передал родственникам: «Да за ним же (помимо рязанского поместья. — В. К.) было поместье на Вологде 199 чети да на Костроме 36 чети¹⁴². Всего на Рязани и на Вологде и на Костроме 349 чети

¹³⁷ Высший оклад московских приказных дьяков (Н. Ф. Демидова. Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования). — «Исторические записки», т. 80, 1972, стр. 341).

¹³⁸ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 40943, ч. I, по г. Рязани, л. 86.

¹³⁹ Там же, л. 85.

¹⁴⁰ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 40943, ч. I, по г. Рязани. Дьячья помета по склейкам лл. 85—97 и окончание на л. 97. Датирована она 19 марта 1631 г.

¹⁴¹ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 40943, ч. I, по г. Рязани, лл. 88—97. «За вдовой Марьею дьяка за Ивановою женою Тимофеева» это поместье значится в рязанских писцовых и платежных книгах начала 30-х годов XVII в. (ЦГАДА, ф. Поместный приказ, писцовая книга по г. Рязани, № 405, д. 242, лл. 419—420 и писцовая книга № 414, д. 292, лл. 206—207, платежная книга № 409, д. 178 и 391, лл. 42 и 102; см. также: А. Н. Пискарев. Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854, стр. 64). Дело 1633/34 г. по челобитью вдовы дьяка Ивана Тимофеева об освобождении из тюрьмы ее беглого человека Б. Семёнова сохранилось в столбцах Разрядного приказа (ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, столбцы Разрядного стола, № 69, лл. 371—377). На это дело обратил мое внимание А. Л. Станиславский.

¹⁴² Ранее было известно о существовании костромского поместья И. Тимофеева, отданного в раздачу «ис-под Москвы иному помещику» до 25 декабря 1611 г. (Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Коллекция актов П. М. Строева, № 89). Локализовать костромское поместье, которым владел И. Тимофеев в 1631 г., как и предыдущее, известное из его челобитья 1612 г., не удается, так как столбцы по Костроме за конец 20-х — начало 30-х годов XVII в. в фонде Поместного приказа не сохранились. Обращение к костромским писцовым книгам 1628—1629 гг. также не дало результата.

с осминою. И по даче нынешнего 139(1631)-го году у дьяка у Ивана Тимофеева вологодское и костромское его поместья 232 чети по его челобитью взято и дано зятю ево суздальцу Ивану Карпову сыну Немцову да шурина ево Ярославца Малова Богдану Юшманову сыну Булгакову. А им с того поместья велено государева служба служить и дьяка Ивана Тимофеева до его живота кормить. А за Иваном поместья осталось на Резани 117 чети с осминою, а оклад ему 800 чети»¹⁴³.

Дело 1632 г. родственников дьяка И. Тимофеева И. К. Немцова и Б. Ю. Булгакова позволяет датировать эту передачу. У выписки они заявили: «Дано де им государево жалованье поместье в Вологодском уезде в Сямской волости дьяка Ивана Тимофеева, ево Иванова тестя, а ево Богданова зятя (так! — В. К.), деревня Тарасово з деревнями и с пустошми. И как де писал на Вологде писец Федор Вельяминов-Воронцов с товарищи, и ту де деревню Тарасовскую з деревнями и с пустошами написал писма своего и меры в книги за прежним помещиком за дьяком за Иваном Тимофеевым»¹⁴⁴. И. К. Немцов и Б. Ю. Булгаков подали челобитье, чтобы из Поместного приказа была послана к писцам память о записи этого поместья в писцовые книги за ними.

Обращение к делопроизводству Поместного приказа показало, что соответствующая грамота о разделе вологодского поместья дьяка И. Тимофеева поровну между челобитчиками была послана 1 марта 1631 г.: «И сыскано в Поместном приказе в даче прошлого 139-го марта в 1 день послана государева грамота на Вологду к воеводе к Ивану Плещееву да к дьяку Семену Дохтурову по челобитью дьяка Ивана Тимофеева да суздальца Ивана Немцова да Ярославца Малого Богдана Булгакова...»¹⁴⁵ К сожалению, дела за начало марта 1631 г. по Вологде отсутствовали уже в XVII в.¹⁴⁶, и поэтому приходится довольствоваться лишь пересказом последнего челобитья дьяка И. Тимофеева 1631 г.

Указанные два дела вдовы И. Тимофеева Марьи 1631 г. и его родственников И. К. Немцова и Б. Ю. Булгакова дают возможность довольно точно определить дату смерти знаменитого дьяка. Еще 1 марта 1631 г. по его челобитью из Поместного приказа посылалась грамота на Вологду. Ввозная же грамота его вдове датирована задним числом — 10 марта. Следовательно, И. Тимофеев умер в промежуток между 1 и 10 марта 1631 г. Несколько противоречит этой датировке то, что первое челобитье о рязанском поместье дьяка было подано 28 февраля 1631 г. Но, возможно, к этому времени положение И. Тимофеева стало уже критическим, и претенденты на его рязанское поместье стремились не терять времени.

Подведем краткие итоги. Обнаруженные материалы позволяют полнее представить жизненный путь И. Тимофеева, его окружение, его земельные владения. Происходя из подмосковной служилой мелкоты, он начал свою карьеру с простого подьячего в 80-х годах XVI в., достигнув московского дьячества лишь в последние годы царствования Федора Ивановича. В дальнейшем его продвижение по службе замедлилось, а при В. Шуйском он подвергся даже опале, обстоятельства которой пока остаются неясными. Высылка в Новгород закончилась лишениями и бедствиями шведского плена. Не было благосклонно к дьяку и правительство Михаила Федоровича. Его обходили при наградах, дорога в столицу была для него надолго закрыта, несмотря на то, что ему покровительствовали и его ограждали такие влиятельные люди, как князя И. М. Воротынский,

¹⁴³ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 40943, ч. I, по г. Рязани, л. 86.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, стлб. 38159, ч. II, по г. Вологде, л. 230.

¹⁴⁵ Там же, л. 231 об.

¹⁴⁶ См. опись неоклеенных столбцов по г. Вологде (ЦГАДА, ф. Поместный приказ, оп. 1188, л. 118 об.). Последнее дело, ведшееся в феврале, помечено 28 числом: «Февраля в 28 день (1631 г. — В. К.) Григорей Засецкой дано ему из порозжих земель — черной грамоты нет. Следующее дело датировано уже 10 марта.

А. М. Львов, почитатели литературного таланта И. Тимофеева, и дьяк И. К. Грязев, его приемный сын. Взгляды И. М. Воротынского отразились в какой-то мере во «Временнике».

Перелом наступил лишь в последние годы жизни. Личная услуга, оказанная дьяком в 1628 г. в Ельце Романовым, и панегирик Филарету во «Временнике» резко изменили отношение к нему всесильного патриарха. Дьяк, за которого, наряду с князем А. М. Львовым и дьяком И. К. Грязевым, перед Филаретом ходатайствовал, по-видимому, и князь И. М. Катырев-Ростовский, получил богатые земельные пожалования, в обход других, весьма влиятельных челобитчиков из патриаршего окружения, возвращен в Москву. Свои благодеяния Филарет распространил не только на дьяка, но и на его семью. Умер И. Тимофеев в начале марта 1631 г., предварительно передав большинство своих поместных земель, полученных в конце 20-х годов XVII в., своим родственникам.

Судьба не благоволила дьяку вплоть до последних лет жизни. Он испытал царскую опалу, ненависть, клевету, служил под началом враждебно настроенных к нему людей, а затем шведских захватчиков. И когда, казалось, фортуна ему улыбнулась, его окружили почитатели его таланта и сам Филарет изъявил ему благосклонность, за это пришлось заплатить дорогой ценой пристрастного расследования и льстивой похвалы. Но там, где другие сгибались и надламывались, превращаясь в слепое орудие чужой воли и собственного своекорыстия, дьяк проявлял исключительную душевную стойкость, верность призванию, принимая все, что ни выпадало ему на его трудном и сложном жизненном пути, как должное, способствующее в конечном счете главному — его творчеству, его работе над «Временником», сохранению «Временника» для потомства.

А. А. Турилов

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЯРОСЛАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIV — НАЧАЛА XVII В.

(Сказания о ярославских иконах)

Сказания или повести о явлении и чудесах икон относятся к числу малоизученных и сравнительно редко привлекаемых для исторического исследования источников. В отличие от житий святых, которым посвящен ряд капитальных исследований, например работы В. О. Ключевского¹ и Н. И. Серебрянского², и справочных изданий, подобных труду Н. П. Барсукова³, этот жанр плохо изучен в литературе. Правда, в последнее время сказаниям об иконах посвящаются главы монографий и статьи⁴, в основном историков литературы. В них авторы, рассматривая отдельные памятники, выдвигают ряд положений, интересных для изучения жанра повестей об иконах в целом.

Древнейшим на Руси памятником этого жанра признается повесть о чудесах Владимирской иконы богородицы (в редакции Милютинских миней), восходящая к 60-м годам XII в. Последние же сказания, как официально-церковные, так и происходящие из старообрядческой среды, создаются уже в XIX в. Такая живучесть жанра может быть объяснена лишь популярностью его в различных слоях населения, в значительной мере связанной с популярностью культа богородицы в России. Не случайно подавляющее большинство сказаний посвящено именно богородичным иконам, прочие же (Никола, Параскева и т. д.) составляют малый процент, несмотря на большое почитание этих святых.

Исторические корни жанра связаны, видимо, с записями о посмертных чудесах святых, которые принципиально не отличаются от чудес, даруемых чудотворной иконой; в сущности, уже само явление иконы есть чудо⁵. В то же время хронологическая последовательность фиксации чудес сближает сказания о иконах с летописанием. (Перерастание записи чудес от иконы в ведение местной летописи отмечается А. Н. Насоновым

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (далее — В. О. Ключевский. Древнерусские жития...).

² Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

³ Н. П. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882.

⁴ С. О. Шмидт. К истории монастырской колонизации XVII в. («Повесть о начале Оранского монастыря»). — «Вопросы истории религии и атеизма», т. XII. М., 1964, стр. 297—309; Т. Ф. Волкова. Вновь найденная повесть XVII века о Мезенской иконе Троицы. — «Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Л., 1972, стр. 136—143; В. П. Гребенюк. Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери». — «Древнерусское искусство. Рукописная книга», вып. I. М., 1972, стр. 338—363; Л. А. Дмитриев. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, стр. 95—148; Е. К. Ромодановская. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973, стр. 137—159.

⁵ Так смотрели на это и сами древнерусские книжники. Например, в перечне чудес от Толгской иконы богородицы явление иконы значится как чудо первое (Ярославский музей-заповедник, № 653, л. 98 об.).

в связи с возникновением владимирского летописания⁶.) Так же, как и в обычном летописании, в летописании чудес можно заметить сочетание погодных записей чудес с вполне самостоятельными произведениями, попавшими в состав чудотворной хроники, вероятно, уже в результате позднейшего редактирования. Это сходство подчеркивается и тем обстоятельством, что сказания об отдельных чудесах имели самостоятельное хождение в рукописной традиции⁷.

Чудеса от икон, как и посмертные чудеса святых, являются исторически наиболее ценной частью жанра, что уже не раз отмечалось исследователями⁸. Даже при сухой констатации фактов хроники чудес сообщают обильный материал по социальному положению «прощенных» и, в особенности, по исторической географии. Но время безжалостно к сказаниям и хроникам чудес. В поздних списках герои чудес постепенно превращаются в аморфную массу «неких людей от некоторых градов и всеей».

В тесной связи со сказаниями о явлениях и чудесах икон стоят службы чудотворным иконам. Однако вопрос о соотношении служб и сказаний является совершенно невыясненным. Можно лишь предполагать, что дошедшие до нас тексты служб, как правило, вторичны по отношению к текстам сказаний и содержат несравненно меньше исторических сведений. Необходимо отметить также тот факт, что местночтимые иконы не имеют своих служб. В первую очередь это относится к иконам «вторичным» по отношению к своим прославленным прототипам, например Владимирской-Красногорской, Казанской-Ярославской и т. п. Вероятно, в дни празднования их явлений пользовались службами в честь тех икон, списками с которых они являлись, либо в честь определенного типа богородичной иконы (Одигитрия, Елеуса и т. д.). В целом вопрос о соотношении текстов сказаний и служб требует самостоятельного исследования и не входит в задачи данной статьи, целью которой является обзор ряда памятников, происходящих из одного центра (Ярославля), и усиленная оценка их в качестве исторического источника.

Сказания об иконах составляют, несомненно, значительную часть ярославских литературных памятников XIV — начала XVIII в. Если житий ярославского происхождения насчитывается лишь два (князя Федора Ростиславича и его чада и князей Василия и Константина), то сказаний и повестей об иконах — семь⁹. Рассмотрим некоторые из них.

Самой популярной среди ярославских сказаний являлась, безусловно, повесть о явлении и чудесах Толгской иконы. Она известна не менее чем в 100 списках, находящихся в различных книгохранилищах страны. С повести уместно начать обзор местных сказаний потому, что этот памятник — древнейший среди прочих, хотя и не восходит к началу XIV в., когда происходили события, которым посвящена повесть. Содержание ее вкратце таково.

В августе 1314 г. ростовский владыка Трифон, объезжая епархию, остановился ночевать на берегу Волги, близ Ярославля. Пробудившись ночью, он увидел на противоположном берегу столп света. Перейдя по нерукотворному мосту за Волгу, Трифон обнаружил там икону богороди-

⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 138—143.

⁷ Примером может служить чудо о бездождии от Толгской иконы (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), Соловецкое собрание, № 1475, лл. 1—5). Часто отдельно от повести о Тихвинской иконе встречается повесть об осаде Тихвинского монастыря.

⁸ В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 417—418; Х. М. Лопарев. Греческие жития святых VIII и IX веков. СПб., 1914, стр. 5—6.

⁹ Сказания о Толгской иконе, о явлении Казанской иконы в Тетюшах, о построении девичьего монастыря в Ярославле, о Смоленской иконе ярославского Успенского собора, о Смоленской иконе Смоленского монастыря, о иконе Спаса Обдынного, о построении Федоровской церкви и хроники чудес от иконы Николая в Успенском соборе.

цы, стоящую на «воздусях». На другой день владыка заложил на этом месте монастырь. В дальнейшем от иконы случались многочисленные чудеса.

Долгое время икона оставалась местночтимой¹⁰. Первое неместное упоминание о ней находим в Святцах 1649 г. московской печати. Не позднее 60-х годов XVII в. она уже известна на Украине¹¹. Большую роль в популяризации местной святыни сыграл, вероятно, архимандрит Троице-Сергиева монастыря Адриан (1640—1656), бывший прежде (1635—1640) игуменом на Толге¹². Но еще больше как для почитания самой иконы, так и для популярности повести о ней имел тот факт, что в 1705 г. сказание было издано Димитрием Ростовским в 4-м томе его *Миней-Четий*, столь популярных в конце XVII—XVIII в.

Старейший список повести может быть отнесен, согласно филиграммам¹³, к 30—40-м годам XVII в. (ГБЛ, собрание Тихонравова, № 587). Время составления повести определяется довольно трудно. В 1314 г. епископом Ростовским был Прохор, бывший настоятель Спасского монастыря в Ярославле, видный церковный и политический деятель первой трети XIV в. Под этим именем он местно чтился в Ростове в XVII—XIX вв., о чем свидетельствуют рукописные святцы этого времени¹⁴. Возможно, имя Трифон он принял в схиме, уйдя на покой в Спасский монастырь. В этом случае повесть могла быть написана после его кончины в том месте, где он был более известен под своим последним именем, т. е. в ярославском Спасском монастыре. При позднейшем редактировании он был перепутан с его тезкой, жившим в XV в. и также похороненным в Спасском монастыре, поэтому в списках пространных редакций Трифон фигурирует как архиепископ¹⁵.

Ранней датировке сказания мешает также фраза о том, что владыка «ехал ис Кирилова водою в судех»¹⁶. Сказание, по всей видимости, возникло не ранее второй половины XV в., когда Белое озеро ассоциировалось прежде всего с обителью Кирилла.

Большое значение для датировки сказания имеет чудо пятое (о великом князе Иване Васильевиче). В краткой редакции год не указан, но в пространной (хотя там Иван IV назван царем) есть дата — 1545 г.¹⁷ Действительно, в этом году будущий грозный царь был в Ярославле¹⁸. Фиксация чуда произошла, можно полагать, сразу, во всяком случае не позднее 1547 г., когда Иван IV венчался на царство. Поскольку в краткой редакции это чудо — последнее, то наиболее вероятное время возникновения повести — конец XV — середина XVI в.

В течение XVII в. повесть неоднократно редактировалась. Первая пространная редакция была составлена после спасения города от засухи в 1652 г.¹⁹, при этом хроника чудес была доведена до этого года, а текст сказания расширен за счет словесных украшательств. В этой редакции

¹⁰ В пределах бывшего Ярославского княжества и его Заозерских уделов, где к концу XIV в. вырабатывается особый тип иконы — Толгская-Подкубенская.

¹¹ *Иоанникий Галатовский*. Небо Новое с новыми звездами. Львов, 1666, лл. 78 об. — 79.

¹² П. М. Строев. Списки иерархов российской православной церкви. М., 1877 (далее — П. М. Строев. Списки...), стлб. 139, 344.

¹³ Филигранные сборники № 1136—1141 (1636—1644 гг.) и № 198—199 (1643—1644 гг.) альбома А. А. Гераклитова (А. А. Гераклитов. Филигранные XVII века. М., 1963).

¹⁴ ГПБ, собрание Титова, № 2024, л. 1; № 2787, л. 1.

¹⁵ Государственный Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее — Ярославский музей-заповедник), № 653, л. 41.

¹⁶ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), собрание Тихонравова, № 248, л. 245.

¹⁷ Ярославский музей-заповедник, № 653, л. 63 об.

¹⁸ «Полное собрание русских летописей», т. 13, изд. 2. М, 1965, стр. 147.

¹⁹ Сохранилась в большом количестве списков с добавлением позднейших чудес. В чистом виде см.: ГБЛ, ф. 256, лл. 111—135 об.

повесть послужила сюжетом для клейм иконы «Богоматерь Толгская», написанной в 1656 г. (Ярославский художественный музей). Новая редакция повести была составлена в 1694 г. монахом Толгского монастыря Михаилом, написавшим и первую службу Толгской иконе. Эта редакция не дает ничего нового в сравнении с предыдущими²⁰. В потоке книжных оборотов тонут немногочисленные факты.

Димитрий Ростовский, издавший повесть в своих Минеях-Четьях, взял за основу краткую редакцию, подвергнув ее минимальной обработке и проявив при этом свойственную ему в отношении к источникам деликатность²¹. Кроме того, Димитрий выдвинул предположение, что Прохор летописец и Трифон сказания — одно лицо. Он сделал единственное упущение: не обратил внимания на анахронизм в отношении Кириллова монастыря, и подкрепленный авторитетом составителя Минеи-Четий анахронизм пошел гулять по страницам популярной церковно-краеведческой литературы.

Такова вкратце история сказания. Обратимся теперь к сведениям, им сообщаемым. Помимо известий о неурожаях и эпидемиях XVII в., в нем содержатся и более ранние сведения. Особенно интересно чудо первое (о истечении мира от иконы)²². Чудо датировано 1391 г. и сообщает два имени: ярославского князя Ивана Васильевича (в рукописи ошибочно — «Федорович») и толгского игумена Германа. А. В. Экземплярский в своем исследовании указывает время правления Ивана Васильевича приблизительно: конец XIV — начало XV в.²³; первое упоминание об игуменах Толгского монастыря относится уже к XVI в.²⁴ В целом сказание о Толгской иконе сообщает ряд сведений, не отмеченных другими источниками.

Другой памятник ярославской письменности XVI в. — запись чудес от иконы Николы в ярославском Успенском соборе, в отличие от предыдущего дошел до настоящего времени в единственном (правда, современном событиям) списке²⁵. Он представляет собой именно ту сжатую хронику чудес, о которой мы упоминали выше. В свое время памятник был изучен и издан известным краеведом А. А. Титовым²⁶. Это избавляет нас от необходимости рассматривать памятник подробно. Достаточно будет упомянуть, что он содержит ряд ценных сведений по географии Ярославского Поволжья и топографии Ярославля и Романова середины XVI в. Писцовые книги этого времени, относящиеся к Верхнему Поволжью, не сохранились. Это обстоятельство делает указанный памятник ценным источником.

Интересны повести, связанные с ярославским образом богоматери Казанской.

Истари главной святыней Руси почиталась Владимирская икона. Традиции ее почитания на Северо-Востоке восходят еще к домонгольскому времени, княжению Андрея Боголюбского. Позднее популярность ее возросла еще больше, так как ее заступничеством объясняли причину неудач походов на Русь Тимура и Едигея. С превращением Московского княжества в Российскую державу Владимирская икона становится святыней общегосударственного масштаба. О ее популярности в это время свидетельствуют сотни сохранившихся списков сказания о ней. Роль и значение Владимирской иконы на протяжении XVI в. остаются непоколебленными.

²⁰ Ярославский музей-заповедник, № 653.

²¹ «Книга житий святых на три месяца четвертая: июнь, июль, август». Киев, 1705, лл. 633—635.

²² ГБЛ, ф. 256, № 364, л. 116.

²³ П. М. Строев. Списки..., стлб. 344 (игумен Кассиан — 1541 г.).

²⁴ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период 1238—1505 гг., т. I. М., 1887, стр. 78.

²⁵ ГБЛ, ф. 178, № 1817.

²⁶ А. А. Титов. Запись чудесных исцелений от иконы Николая в Ярославском Успенском соборе по рукописи XVI века Румянцевского музея. М., 1904.

Но положение меняется с наступлением Смутного времени. Перед тем как Нижегородское ополчение двинулось на борьбу с интервентами, князь Д. М. Пожарский послал в Казань за списком с чтимой Казанской иконы. Этот список (по другой версии — сама икона) проделал весь трудный путь до Москвы и отблеск ратной славы пал на образ, бывший знаменем Второго ополчения. Популярность Казанской иконы в России резко возрастает, ее уже можно сравнить с популярностью Владимирской иконы. Казанской иконе был посвящен один из первых храмов, воздвигнутых после Смутного времени. В 1683 г. было предпринято печатное издание повести о Казанской иконе и службы ей. Для популярности иконы большую роль сыграло и то обстоятельство, что автором повести о ней был патриарх Гермоген, имя которого освящалось ореолом мученичества за Россию и православную веру. Кроме того, первые Романовы, вероятно, стремились создать для себя такую государственно-династическую святыню, какой была Владимирская икона для дома Рюриковичей²⁷.

Высоко чтилась Казанская икона и в Верхнем Поволжье, но здесь, помимо перечисленных выше причин, культ ее опирался на местную традицию, восходящую еще к концу XVI в. С этим временем, концом XVI — началом XVII в., и связаны два памятника ярославской книжности — «Сказание о явлении Казанской иконы в Тетюшах» и «Повесть о построении нового девичья монастыря в Ярославле». Сказания дошли до нас в списках конца XVII — начала XIX в. Будучи связаны одной темой, они обычно помещались в рукописных сборниках вместе. Наибольший интерес представляют списки конца XVII в. (ГБЛ, собрание Ундольского, № 398) и 1720 г. (приписка к хронографу, хранящемуся в ГИМ).

В первоначальном варианте сказание о явлении богородицы в Тетюшах было составлено не позднее 1603 г.; вероятно, между 1588 и 1603 гг. — годом явления и датой последнего чуда²⁸. Сказание повествует о явлении в Тетюшах богородицы романовцу Герасиму Трофимову в 1588 г. По свидетельству сказания, богородица поучала Герасима проповедовать людям, чтобы они жили праведно, почитая небесную власть более земной. Кроме того, она приказала юноше купить, не торгуясь, список с Казанской иконы и восстановить бывший Никольский монастырь на посаде в Романове с посвящением основного престола Казанскому образу. Наиболее вероятным автором этой редакции сказания следует признать самого Герасима Трофимова, от имени которого ведется рассказ.

Содержание повести — явление богородицы, поучающей о праведной жизни и почитании небесной власти выше земной, — довольно обычно. Но повесть необходимо рассматривать в тесной связи с временем ее возникновения. Отошли уже в прошлое дни правления Ивана Грозного, когда воля монарха значила действительно больше, чем воля небесного владыки, теперь во всем начала чувствоваться неустойчивость, шатания — предвестники недалекого уже Смутного времени. В то же время у нас нет оснований считать повесть произведением Смутного времени, облеченным в форму пророчества: богородица не угрожает ничем конкретным — ни смутой, ни нашествием иноземцев, что, вероятнее всего, имело бы место, будь памятник создан в эпоху войны и иностранной интервенции. Вся повесть проникнута стремлением упорядочить происходящее, ликвидировать неустойчивость. Спасение автор видит в обращении к богу — пренебрежение христианскими добродетелями и устремление к мирским страстям чревато грозными последствиями, еще не известными, но где-то под-

²⁷ Династия Романовых почитала также иконы Знаменья и Федоровскую, но более как родовые святыни.

²⁸ Хроника чудес дошла лишь в сборнике «Звезда Пресветлая» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 398, лл. 91—93). Текст чудотворной хроники был также в руках у издателя переложения сказания Флегонта (Морева), см.: *Флегонт (Морев)*. Сказание о чудотворной иконе Божией Матери Ярославско-Казанской и основании Ярославского Казанского монастыря. Ярославль, 1890.

спудно предчувствующимися. Значительный интерес представляет хроника чудес 1588—1603 гг. В 63 чудесах содержатся сведения о 43 населенных пунктах в Ярославском, Романовском и Пошехонском уездах.

Не позднее 1610 г. было создано произведение, тематически связанное с предыдущим, — «Повесть о пострении нового девича монастыря в Ярославле». Первая научная публикация повести была осуществлена Ф. А. Бычковым по рукописи, принадлежавшей императорской Публичной библиотеке²⁹. Список относится к 1720 г. и является припиской к хронографу конца XVII в., сделанной рукой владельца — священника ярославской церкви Николы Рубленого Федора Петрова. Этот сравнительно поздний список представляет собой, несомненно, первоначальную редакцию повести. Содержащая в себе ценнейшие сведения о событиях 1609—1610 гг. в Верхнем Поволжье, повесть, однако, до сих пор не явилась предметом исследования. Даже С. Ф. Платонов, крупнейший знаток памятников литературы Смутного времени, в своем труде не говорит об этом сказании³⁰.

Повесть составлена из двух разнородных частей: хроники борьбы за Верхнее Поволжье между тушинцами и Первым ополчением и разрывающей ее вставки — рассказа о перенесении Казанской иконы из Романова, где она находилась с 1588 г., в Ярославль. Сказание содержит уникальные сведения об участии романовских татар в войне на стороне интервентов и о постройке ополченцами в Ярославле укреплений вокруг посада и слобод.

Время возникновения повести, вероятно, 1610 г., во всяком случае не позднее 1613 г., так как о Втором ополчении и Романовых не упоминается, законный царь — Василий Шуйский. Место возникновения повести — скорее всего Ярославль: автор очень хорошо знает топографию города.

Можно определить вероятное социальное происхождение автора. Главное действующее лицо повести — посадский человек, государевой гостинной сотни гость, земский староста Василий Юрьев Лыткин, который, «берегучи град от разорения и мирских людей жалеючи, свои многие животы за мир истощил»³¹. Невольно вспоминается другой посадский человек — нижегородец, предложивший ради спасения отечества «жен и детей заложить». Лыткин, конечно, не Минин, его деньги идут не на борьбу с врагом, а для его умиротствования, но в фигуре земского старосты уже предвидится все возрастающее значение посада в XVII в. Лыткин дан в повести в образе страдальца за город и подвиг его не остается без награды: именно ему, в обход архимандрита Спасского монастыря, приносит захваченный в Романове образ поручик Стравинского полка Яков Любский и дарит безвозмездно. Действительность была прозаичнее: из грамоты патриарха Гермогена от 28 июня 1610 г. узнаем, что Лыткин оказался единственным, кто был в состоянии уплатить выкуп «литвину греческой веры» Любскому³².

Можно, таким образом, заключить, что повесть возникла в посадской среде и является, вероятно, одним из первых памятников посадской литературы XVII в.

В XVIII в. сказание и повесть подверглись основательной переработке³³. Уменьшилось число фактических сведений за счет усиления назидательности.

²⁹ Ф. А. Бычков. Заметки о хронографе ярославского священника Федора Петрова. Ярославль, 1890 (далее — Ф. А. Бычков. Заметки...). Шифр рукописи: ГПБ, IV, 679.

³⁰ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913.

³¹ Ф. А. Бычков. Заметки..., стр. 11.

³² Ярославский музей-заповедник, № 780, л. 32.

³³ Списки этой редакции см.: Государственный Исторический музей, собрание Вахрамеева, № 428, лл. 1—28; ГПБ, собрание Титова, № 1667; Ярославский музей-заповедник, № 91, 437, 780.

тельности повествования. Рассказ Герасима Трофимова переделан в изложение событий от третьего лица. Особенно пострадало сказание о построении монастыря: в нем исчезли все даты и топонимы, отступление поморцев из Романова в Пошехонье не аргументировано (в ранних редакциях говорится о том, что «смятились поморские люди, что городок Романов окрестити и им неким и отошли... в Пошехонье») ³⁴, земский староста превращен в бурмистра.

В редакции XVIII в. много места уделено чудесам и видениям, практически отсутствующим в ранних списках. В состав сказания были включены известия о видениях Казанской иконы старцам Галактиону (в миру — Герасим Трофимов, автор первой редакции сказания о явлении богородицы в Тетюшах) и Елеазару, о письме воевод Гагарина и Вышеславцева к вологодскому владыке Иоасафу с просьбой дать благословение на закладку Казанского монастыря и заметка о построении в монастыре в 1646 г. каменных церквей. Кроме того, неотъемлемой частью редакции XVIII в. является грамота патриарха Гермогена о разрешении спора между романовцами и ярославцами по поводу постоянного местонахождения иконы. В целом, несмотря на утрату ряда сведений, сказания даже в редакции XVIII в. являются интересным источником, повествующий о событиях Смутного времени в провинции.

Подводя итоги обзора памятников ярославской литературы, нужно отметить следующее. Помимо того, что сказания являются источником для изучения местной истории и быта, содержат богатые сведения по исторической географии, они, безусловно, интересны в аспекте историко-культурном. XVII век, от которого дошло наибольшее количество повестей и сказаний, был веком расцвета посадской культуры вообще и литературы в частности. Развитие этой литературы нередко шло в рамках традиционных жанров — житий, повестей. В этом смысле памятники названных жанров, созданные в XVII в., могут дать значительный материал для изучения местных особенностей и общих закономерностей этого развития ³⁵.

³⁴ Ф. А. Бычков. Заметки..., стр. 11.

³⁵ В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Староверова. Из архива академика М. Н. Тихомирова (о плане монографии «Посадская литература XVII века»). — ТОДРЛ, т. 25. М. — Л., 1970, стр. 213—214.

Н. Н. Воронин

«СКАЗАНИЕ О РУСИ И О ВЪЧЕМЪ ОЛЪЗЪ»
В РУКОПИСЯХ А. Я. АРТЫНОВА

(К истории литературных подделок начала XIX в.)

А. А. Титов, известный собиратель рукописей и издатель многочисленных брошюр и книг по истории и древностям Ростово-Ярославского края неоднократно цитирует и пересказывает данные сочинений «ростовского летописца» — крестьянина с. Угодич А. Я. Артынова¹. Авторитет А. А. Титова и публикация им ряда артыновских сочинений не привлекли исследовательский интерес к рукописному наследию А. Я. Артынова².

Надеясь найти какие-либо новые материалы по истории и истории культуры Ростово-Суздальской земли, автор впервые познакомился с этим наследием и составил представление о трудах Артынова в 1935 г. в Ростовском музее³, где хранились тогда коллекции А. А. Титова.

Фигура Артынова и его труды заслуживают специального историографического или скорее источниковедческого и историко-литературного изучения. А пока важно дать общее представление об этом авторе, составе и характере его сочинений, так как до сих пор сочинения Артынова, в особенности в глазах местных ростовских и ярославских краеведов, пользуются славой исторического источника, а сам Артынов идеализируется как «крестьянин-краевед», «патриот» и «основоположник изучения Ростовского края»⁴.

Жизнь А. Я. Артынова до 1850 г. хорошо освещена в опубликованных в 1882 г. А. А. Титовым «Воспоминаниях» Артынова⁵.

Александр Яковлевич Артынов родился 22 августа 1813 г. в селе Угодичах под Ростовом, в семье богатого крестьянина Якова Дмитриевича Артынова, занимавшегося огородничеством и поставками рыбы в монастыри. Страсть к истории и сочинительству была, видимо, наследственной.

¹ А. А. Титов. Ростовский уезд. М., 1885; *он же*. Предания о ростовских князьях. М., 1885 и др.

² О рукописях А. Я. Артынова см.: Н. Н. Розов. Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрании А. А. Титова. — «Сборник ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. II. Л., 1954, стр. 142; *он же*. Новые поступления из собрания А. А. Титова. — Там же, т. III. Л., 1955, стр. 171—186.

³ Приношу сердечную благодарность бывшим сотрудникам Ростовского музея О. М. Белкиной и З. К. Ксеновой за оказанную мне помощь при работе в музее. В настоящее время почти все рукописи собрания А. А. Титова находятся (под теми же номерами) в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

⁴ 60-летию со дня смерти А. Я. Артынова было посвящено собрание совета Ростовского музея и Ростовского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, состоявшееся 1 марта 1956 г., на котором П. А. Сергеевым был сделан доклад «Труд и труды А. Я. Артынова».

Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить доктора филологических наук Н. Н. Розова за помощь в уточнении и пополнении хронологического списка сочинений А. Я. Артынова.

⁵ «Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова». — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1882, кн. I, III (далее — «Воспоминания...»).

По словам А. Я. Артынова, его дядя М. Д. Артынов в 1793 г. написал историю родного села Угодич⁶, а отец вел записи рассказов старожилов.

Обучившись в 1820—1821 гг. грамоте, А. Я. Артынов вместе с отцом и его приказчиками много ездил по разным местам России — был в Тихвине, Устюжке, многих монастырях. Любознательный и обладавший великолепной памятью, он любил слушать сказки и небылицы о «ростовских князьях» и «богатырях» камердинера бывшего угодичского помещика Карра — Григория Ильина, помещичьего шута Ивана Бебнева, «великого говоруна» угодичского крестьянина Грачева, грамотея и сказочника, старого гвардейского инвалида, кантониста Якова Питерца, называвшегося им «ростовской Шехерезадой».

Вероятно, пристрастие к истории развил в Артынове и учитель духовной семинарии в Тихвине Н. К. Пашеозерский, который завершил его образование и, кроме Часослова и Псалтыри, «учил более истории» и давал читать какую-то книгу по русской истории⁷.

После смерти отца в 1823 г. Артынова отдают в мальчики в лавку к родственнику — ростовскому купцу В. А. Малышеву. Здесь он каждый день слушал споры собиравшихся у лавки «на стоянку» гостинодворцев «про старину». Вместе с опекуном и матерью, а потом и самостоятельно Артынов много ездил по стране, побывал в Москве, Переяславле-Залесском, Нижнем Новгороде, Свияжске, Казани, Грузине, Петербурге и др. В эту пору он много читал, а во время поездок в Петербург пользовался библиотекой Смирдина и через приказчиков книжного магазина Глазунова получил доступ в Публичную библиотеку⁸. Объемистая, в 1020 страниц рукопись 1831—1847 гг. «Разные сочинения, собранные А. Артыновым», характеризует круг его чтений. Здесь содержатся выписки из Пушкина, Жуковского, Нагибина, Граматина, Слепушкина, Загоскина, Карамзина, Бенедиктова, Ломоносова и других авторов⁹.

Он записывал и слышанные им «предания» и «сказки», которые, как мы видели, исходят из среды гостинодворских приказчиков, господской челяди или крестьян, начитавшихся лубочной псевдоисторической литературы и сочинявших в этом духе и свои «сказания»; его интересовали диспуты гостинодворцев на «исторические» темы. Для характеристики этих споров и домыслов «сказителей» достаточно указать, что, например, говорили об основании города Тулы еще во времена библейского царя Давида, так как в Библии сказано: «уготоваша стрелы в туле (в колчане. — Н. В.)». Название села Сулость производили от имени князя-волшебника Ласти и его дочери Сулы; содержатель постоянного двора в Грузине якобы рассказывал Артынову о новгородском князе Перее-Туче, жившем здесь во времена... апостола Андрея Первозванного, и т. д. и т. п.¹⁰ Фольклор этого рода густо насыщает позднейшие сочинения Артынова.

В 1837 г. коммерческие дела Артынова пошатнулись так, что он должен был в 1841 г. поступить в услужение в железную лавку своего тестя купца Ф. Ф. Бабурина; в 1843 г. он открыл свою мелочную лавку в Угодичах. В 1837 г. в его руки попала рукопись его дяди М. Д. Артынова «Книга истории с. Угодич и о городе Ростове и его округе» (1793 г.) и найденная в архиве Угодичской церкви рукопись стольника А. Б. Мусина-Пушкина «От Ноя праотца до великаго князя Рюрика... книга о великих князьях русских, отколе произыде корень их» («писана в лист кудреватой скорописью XVII в., кажется 710 г.»)¹¹.

⁶ ГПБ, собрание А. А. Титова, № 3344, «Село Угодичи», прим. 78 (далее — ГПБ, № ...).

⁷ «Воспоминания...», стр. 28—29.

⁸ Там же, стр. 139—140.

⁹ Государственный Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник, библиотека (далее — РЯМЗ), р-435.

¹⁰ «Воспоминания...», стр. 38, 39, 51—52.

¹¹ Там же, стр. 118—119.

А. Я. АРТЫНОВ

Эти находки оживляют интерес Артынова к прошлому, и он «по-прежнему (стал ездить на любимом своем коньке», т. е. писать о ростовской старине¹². Около 1850 г. он сочиняет историю своего родного села Угодич, которая привлекает к нему внимание историков¹³. В 1849 г. он познакомился с приехавшими в Ростов И. С. Аксаковым, редактором «Ярославских губернских ведомостей» Ф. Я. Никольским, ростовскими и ярославскими купцами — коллекционерами рукописей П. В. Хлебниковым, М. И. Морокуевым, Е. В. Трехлетовым и С. А. Серебренниковым¹⁴. Появление в «Ярославских губернских ведомостях» статьи Артынова об Угодичах посеяло в нем уверенность в том, что его призвание — стать ростовским историографом; у него «родилось непреодолимое желание посвятить себя истории Ростова Великого»¹⁵. К тому же Артынова в 1850 г. избрали церковным старостой Угодичской церкви, что еще более подняло его дух. «С этого времени началась другая половина моей жизни», — пишет, заключая свои воспоминания, Артынов¹⁶.

Жизнь Артынова после 1850 г. (он умер в 1896 г.) и ознаменовалась гигантским писательским трудом. Только в собрании А. А. Титова хранится более 30 рукописей, вышедших из-под его пера, общим объемом

¹² Там же, стр. 139.

¹³ Черновой автограф дефектной рукописи (№ 1540), перемешанной со стихами и разными заметками автора, датирован 1850 г. (?)

¹⁴ «Воспоминания...», стр. 145—146.

¹⁵ Там же, стр. 161—162.

¹⁶ Там же, стр. 164. Последующие страницы «Воспоминаний...» Артынова, изданные А. А. Титовым (М., 1884), интереса не представляют, они доведены до 1852 г. и посвящены рассказам о колдунах, знахарях, о ремонте и расширении Артыновым Богоявленской церкви в Угодичах.

более 19 000 страниц, в лист, убористым почерком. Последняя рукопись «Летопись бытия временных лет Ростова Великого» писалась под диктовку уже ставшего слепнуть Артынова и записывалась его внуком Сергеем в 1890 г. Хронологический список сочинений Артынова в собрании Титова дан в Приложении № 3 настоящей статьи. Там раскрывается содержание некоторых сочинений Артынова, а также приведены указания автора на источники и обстоятельства появления его трудов. Поэтому ограничимся общей характеристикой его сочинений, оставляя последующим исследователям анализ всего артыновского рукописного наследства.

Воспитанный на случайной и пестрой литературе конца XVIII — первой половины XIX в., ободренный вниманием М. П. Погодина и ростовско-ярославских купцов-коллекционеров, всячески поддерживавших его творчество, А. Я. Артынов склонялся к тому направлению, которое, в целях утверждения ретроградных исторических взглядов, не останавливалось даже перед подделкой источников¹⁷. С особым постоянством Артынов берет эпиграфом своих трудов слова Николая I: «Надо сохранить в России, что искони бе». На одном из своих сочинений он пишет: «Цель оправдывает средства — правило иезуитов»¹⁸.

Артынов был на I Археологическом съезде и на ужине у графа А. С. Уварова, где М. П. Погодин «составил план, как расположить ростовский летописец», показанный Артыновым в рукописи. Его трудам оказывали внимание граф А. С. Уваров, И. П. Сахаров, М. В. Толстой и другие, он был избран действительным членом Ярославского статистического комитета¹⁹.

Артынов возмнил себя «Омиром», т. е. Гомером, Ростова и Угодич и писал о себе в своих стихах:

«Не будь Омир — не знал бы Трои мир,
Вот нова Троя — Артынова покроя...
Теперь не будь ево — никто не знал бы ничего!
За труд, сказал ум здравый, не требую и не
чуждаюсь славы...»²⁰

Нужно признать в то же время, что Артынов горячо и искренне увлекался своими изысканиями и писательством. Он находил старые документы и рукописи, списывал их, пересказывая своими словами, пользовался рукописями ростовских коллекционеров, наконец, собирал «предания» и «сказки». Для поисков последних в ростовских деревнях он даже получил в 1870 г. от ярославского губернатора Унковского «открытый лист»²¹. Но Артынов, судя по его трудам, не столько собирал местные предания, сколько сочинял их сам, его больше пленяло собственное творчество²².

Он работал необычайно капитально. Его огромные фолианты снабжены сотнями примечаний, указателями, ключами и т. п. Но самое страш-

¹⁷ А. Н. Пылин. Подделки рукописей и народных песен. [СПб.], 1898.

¹⁸ ГПБ, № 4549, «Ростовский летописец Александра Артынова», первый чистый лист.

¹⁹ Там же, л. 8 об.; К. Д. Головищikov. Деятели Ярославского края, вып. II. Ярославль, 1899, стр. 219. В одной из своих рукописей (РЯМЗ, р-378 «Сборник Ярославской губернии Ростовской округи села Угодич крестьянина Александра Артынова») автор поместил в прим. 654 (лл. 492—493 об.) копию своего письма от 29 марта из Москвы в Ростов к своим детям и куцу Лубенскому. Это письмо ярко характеризует прежде всего самого Артынова с его самохвальством, ханжеством, малограмотностью и пр. Кроме того, там дана картина заседаний I Археологического съезда, бытовой обстановки и ужина у графа А. С. Уварова. Попутно Артынов очерчивает фигуры некоторых участников съезда. См. текст письма в Приложении № 2 настоящей статьи.

²⁰ ГПБ, № 1938, «Сборник отрывков работ Артынова», л. 1 об. Позднее, незадолго до смерти, Артынов написал «Оду на продолжительное молчание славного историка с. Угодичи А. Я. Артынова» (ГПБ, № 4628, папка бумаг А. Я. Артынова).

²¹ ГПБ, № 3493, «Великий Ростов, его князья, их уделы...», «Вместо предисловия».

²² Здесь и далее разрядка моя. — Н. В.

ное для читателя его трудов это то, что Артынов не ощущал и не считал необходимым проводить границу между подлинным источником и догадкой, между правдой и вымыслом (и его любимым эпитафам было изречение Фаддея Булгарина: «Во всякой правде есть вымысел — во всяком вымысле есть правда», поощрявшей его сочинительскую страсть). Так, в числе источников «ростовской истории» числятся на равных правах и исчезнувшая «летопись на бересте» и якобы записанные со слов сказителей предания, и цитата из исчезнувшей «Летописи П. В. Хлебникова», и Библия, и «Русские сказки издания Иоганна Клаудиуса», и «Шесть русских сказок о знаменитых царях» (1799 г.), и «Древние сказки славян древлянских» (1778 г.), и «Инсквизиция книга» и т. д. и т. п.

Характерно при этом, что письменные источники Артынова, часто «исчезнувшие», мы видим лишь в его весьма вольном пересказе. Но и то, что было в его руках подлинного, видимо, относилось в огромном большинстве к кругу баснословных исторических сочинений XVII—XVIII вв. Кажущийся наиболее интересным исчезнувший Хлебниковский «Ростовский летописец», доведенный до времени Иоанна IV, вызывал сомнения даже у ярославских историков-краеведов прошлого века. Больше доверие ярославских историков вызывала позднейшая часть летописца, в которой имелись такие «точные» сведения, как определение древних владельцев селений по именам последних, например, деревня Согила — князь Согила, село Гари — князь Гарь и т. п.²³ Вероятно, этот «источник» во многом определил особенности сочинений Артынова.

Причудливая ткань его «преданий» наполнена образами «щастливых любовников», «злых волшебников» и т. п. В них действуют такие герои, как князь Силоволь, Карачун, Гвоздь, Яслав-Хлобысть (!), богатыри Верзило, Рача-Пурча и даже персонажи с чудовищными тройными именами вроде Рамир-тук по дереву, Вадим Русин Демьян, Тугарин Бор Закедь, Буриной Сабур Вайдевут и пр. Им сопутствуют Добрады и Прилепы, Тихонравы и Миловзоры. В одной из своих рукописей Артынов, начав переписывать «предание о Громобое дивном», зачеркнул написанное и приписал: «Снял. Есть отдельный роман»²⁴.

В свои фантастические баснословия в духе сентиментально-романтического направления и псевдоисторической лубочной литературы Артынов, видимо, вводит и реальные исторические данные, заимствованные из рукописей местных коллекционеров или преданий, но выделить их почти невозможно. Артынов чистосердечно заявляет, что и сам он тоже «п и ш е т п р е д а н и я», пишет «д р е в н ю л е т о п и с ь», и признается, что его постоянное желание состоит в п р и у р о ч е н и и к Ростову «исторических событий» и «знаменитых людей», способных прославить «многонародный великий Ростов». Язык Артынова представляет смесь слащавых оборотов с грубоватой речью крестьянина, порой раешника, ярмарочного балагура, и нарочито книжными, учеными пассажами; этот язык скрывает единообразным покровом и сочиненное Артыновым, и те крупницы подлинных устных и письменных источников, которыми он, видимо, все же располагал.

²³ А. А. Титов. Ростовский уезд, стр. VI—VII. Можно думать, что этот летописец был подделкой. Сам Артынов так описывает его: «П. В. Хлебников и Е. В. Трехлетов свои ростовские летописи выдавали хотя не за оригинальные рукописи князя Константина, но за в е р н ы е с н и х к о п и и, писанные в XV столетии. Летописец Хлебников писан мелким убористым полууставом под названием: «Книга-сказание о святом и великом граде Ростове и о весе его, како тии стапа и что ради иже слышахом от очев наших и яже видехом очима нашими и яже слышахом ушима нашими...» Трехлетовской ростовской летописец был подобен Хлебниковскому в... переплете, в лист, писан почти таким же полууставом под именем «Книга, а в ней собрание всех живущих на лице вся земля племен и народов, от коле корень их произыде, образ и подобие их». У обоих этих летописцев главные листы раскрашены кинovarью и другими красками...» (ГПБ, № 4549 «Ростовский летописец», ч. II, стр. 311—312).

²⁴ ГПБ, № 1940, [Сказки и легенды Ростовского края], л. 136 об.

Рукописное наследие Артынова велико лишь количественно. По существу же он неоднократно «переиздает» себя с теми или иными дополнениями или вариантами (см. Приложение № 3). В этой страсти писать и переписывать самого себя есть нечто маниакальное. Так, он несколько раз переписывает свою «Историю села Угодичь» — в собрании А. А. Титова восемь списков и фрагментов этого сочинения. «История» Ростова и его округи строится по существу на одном материале и репродуцируется в кратком или распространенном виде под разными названиями: «История Ростова Великого», «Скаски и легенды Ростовского края», «Памятники старины», «Ростовские скаски», «Ростова Великого князя, иерархи и знаменитые люди», «Ростовский летописец», «Ростовская мифология», наконец, «Летопись бытия временных лет Ростова Великого».

Такова общая оценка «ростовского летописца XIX в.» А. Я. Артынова и его трудов.

* * *

В рукописях Артынова встречаются отрывки любопытного текста «Сказание о Руси и о вѣчемъ Олзѣ». Целиком оно помещено лишь в одной рукописи: «Сборнике Ярославской губернии Ростовской округи села Угодичь крестьянина Александра Артынова». Сборник содержит «Повесть о древних обитателях Ростовской области временных лет о народе словенех и мери от коле корень их произыде на земли», а затем сжатый очерк истории Ростовского края и особенно села Угодичь²⁵. В других рукописях (№ 1926, 1940, 2200, 4131, 4524) часты отрывки «Сказания». Ниже, в Приложении № 1, мы перепечатаем его.

Первое впечатление от «Сказания» обманчиво. Текст пестр по языку и состоит как бы из нескольких «наслоений», которые позволяют восстановить «историческую последовательность» сложения текста и дать ее схему.

Текст имеет два заголовка. Первый заголовок (распространенный) принадлежит, очевидно, руке последнего переписчика «Сказания», якобы списавшего его «с харатейного листа». «Сказание» повествовало о двух сюжетах: о Руси и «о вѣчемъ Олзѣ». В тексте рассказа об Олеге нет, но есть рассказ о Крепкомысле — старейшине новгородском и о происхождении имени «Русь». Этому тексту и соответствует второй заголовок: «Сказание о том, како оуставися прозвание Руси». Поэтому в тексте имеем как бы «два слоя»: 1. «Сказание», содержавшее рассказ «о вѣчемъ Олзѣ», «первоначально» записанное на «харатейном листе»; 2. «Позднейшая вставка» о Крепкомысле и дополнение к заголовку, принадлежащее руке списавшего предание с «харатейного листа ветхости его ради».

За вставкой следует «приписка», охарактеризовать которую чрезвычайно трудно. Ее автор, если верить содержанию, не последний переписчик «с харатейного листа», а тот, кто записал предание «отъ гораздыхъ бающихъ старъ человекъ», т. е. записал его с устного рассказа. Отсюда как будто следует, что эта приписка была уже в «харатейном листе». Но это же лицо — «автор приписки» — приписало в конце рассказа о Крепкомысле: «аминь и три креста». Возникает вопрос, не принадлежит ли ему и последняя фраза «Сказания» о Крепкомысле, упоминающая «Русь». В первой его части «Русь» ни разу не упоминалась. Если это так, что же он имеет в виду в приписке, говоря, что переписал «все то въ купѣ», когда текст содержит один рассказ?

Очевидно, речь идет о трех сюжетах: о переселении славян, о «бълванной гѣсне», которую «автор приписки» считает отдельной составной частью; «о вѣчемъ Олзѣ», рассказе, уже исчезнувшем к моменту последней переписки и замененном вставкой «позднейшего писателя» о Крепко-

²⁵ РЯМЗ, р-378. «Сказание» помещено в прим. 745, лл. 502—503.

мысле. Таким образом, «харатейный лист» скорее всего содержал «Сказание о Руси и о вѣчемъ Олзѣ», имел этот заголовок, включал «бѣлванную пѣсню» в первой части и заканчивался амином, тремя крестами и ремаркой «первого писца».

Как видим, текст таков, что даже позволяет как будто нарисовать его «постепенное усложнение и искажение содержания» и т. п. Но доверие к тексту решительно падает при ближайшем знакомстве с ним и разрушается попыткой вскрыть его действительную историю.

При чтении текста бросается в глаза чрезвычайно резкая разница между «Сказанием о Крепкомысле», не дающим вариантов, построенным в виде связного рассказа, с многочисленными вспомогательными предложениями и эпитетами и очень сумбурной первой частью, в которой кроме ряда совершенно непонятных, явно сочиненных слов не ясна также и структура речи, теряется подлежащее и сказуемое и возможны самые разнообразные осмысления одного и того же места. Такой же характер носила и «бѣлванная пѣсня».

В первой ее части, с одной стороны, упоминаются какие-то «священные» курганы Ярилы с лежащими под ними предметами, а с другой — стремление отнять у Ярилы закопанные ценности; по распределению их наступил бы некий «золотой век». Картина этой идиллической будущности в «бѣлванной пѣсне» также более чем подозрительна. Сама орфография текста, неуместная замена о — ѣ, злоупотребление ѣ, обилие разнородных терминов для одного и того же или близких понятий (рок, год, век, пора и т. п.), неустойчивость орфографии, разнообразие «диалектных особенностей» языка (роки, вота[гы], ракъчина, пороздник, заплескалы, стюдный и др.) сообщают тексту черты грубой подделки.

Эти черты особенно свойственны именно «Сказанию о Крепкомысле». Например, слова «озъорованье», «неруханы», «спросямы», «сбориче», «сюмѣжны», «жултѣ обликѣ», «изюжаны», «славаки», «древник», «оповедь» и др. являются результатом нарочитого словотворчества «под древний язык». Сами литературные приемы выдают наличие разнородных «образцов», послуживших материалом для «Сказания», здесь налицо и летописные тексты, и былинные обороты речи, и народные сказки и проч. «Сказание» обнаруживает с полной очевидностью грубое сочинительство очень позднего фальсификатора.

Самый характер разночтений и погрешностей при переписке Артыновым всего «Сказания» в целом и в различных отрывках, из которых ниже мы приведем примеры, дает возможность установить, что за рукопись была в руках Артынова в качестве оригинала при переписке. Характерно множество описок, например: «трист» — «пристр», «мены» — «лены», «просинца» — «просница»²⁶, «а останы» — «на станы», «наклады» — «поклады»²⁷. Описки такого рода могли произойти лишь при переписке не с оригинала, а со скорописной копии XIX в., причем писанной, безусловно, рукой самого Артынова. При «кудреватости» его почерка данного типа описки особенно понятны.

Следовательно, Артынов с п и с а л где-то «Сказание» и затем пользовался уже с в о е й к о п и е й. Особенности написания словосочетаний и ошибки при их переписке в примечаниях и отрывках позволяют углубить наши наблюдения и представить себе, как выглядел оригинал «Сказания», с которого копировал Артынов.

Имеется, например, такая группировка слов:

- 1) «три Стръжена Марѣа» (списки Артынова 1869 и 1872 гг.),
- 2) «тристрѣ жена Марѣа» (список Артынова 1882 г.).

²⁶ ГПБ, № 2200, ср. ГПБ, № 1940.

²⁷ ГПБ, № 1926, ср. ГПБ, № 4131.

Артынов не понимает смысла этих слов и не уверен в правильности их переписки; очевидно, было неясным и написание слов в его оригинале; они, видимо, сливались. Он пытается их осмыслить и в списке 1882 г. вместо «Марья» пишет «Марьа», отрезает начало предыдущего слова, получается «жена Марья»; а потерявшее всякий смысл «тристръ» пишется вместе.

Другой пример: 1) «подъ пръвымъ марымъ подъ пръвымъ оуладнымъ яръина чрълена» (1869 г.). 2) «под яръ вым Марымъ подъ [пропуск] усладнымъ яръ ина черлена» (1872 г.). 3) «подъ пръ вымъ Марымъ [пропуск] усладнымъ яръ ина черълена» (1882 г.).

Эти примеры указывают на неясность разделения слов в оригинале или на их слитное написание, а может быть, и на нечеткость или «стертость» письма. Видимо, эти особенности «подлинника» были причиной различных разрывов и написаний слов, к которым прибегал Артынов в целях их осмысления; так, Артынов в рукописи 1872 г. попробовал выделить слово «яръ» вместо «пръ» («пръвымъ»). Непонятность слов не смущала Артынова, так как он считал, что в «Сказании» выступает и «мерянский» язык!

Неясность членения слов в оригинале могла произойти по двум причинам: или оригинал был написан скорописью или же был, в свою очередь, копией с рукописи, написанной скорописью. Устав или полуустав не дал бы стольких недоразумений даже при копировании малограмотным переписчиком.

Представляют интерес обстоятельства появления «Сказания» в руках Артынова.

Рукопись № 378, откуда взят основной текст и где «Сказание» помещено впервые и полностью, относится к периоду 21 мая — 20 декабря 1869 г.²⁸ В более ранних рукописях упоминаний о «Сказании» нет. В марте 1869 г., как сказано выше, Артынов по приглашению графа А. С. Уварова был в Москве на I Археологическом съезде. В экземпляре «Истории села Угодичь», показанном автором на съезде, «Сказание» также не упоминается. Ясно, что Артынов получил возможность с ним ознакомиться в промежутке между I Археологическим съездом и началом работы над расширенной редакцией «Истории села Угодичь», т. е. в апреле—мае 1869 г.

В примечании, где приведено «Сказание», Артынов пишет: «Дмитрий Иванович Минаев в постоянных странствованиях своих собрал весьма много древних рукописей, донныне не известных нашим археологам. В том числе находится весьма важный памятник древности, объясняющий спорный и донныне плохо разрешаемый вопрос о происхождении названия Руси. Эта рукопись важна еще более в отношении к языку, который один ручается за ее подлинность. С признательностью помещаю эту драгоценность в моем сочинении, для наслаждения и упражнения любителей русской старины. Прибавлю только, что хотя сказание списано, как упомянуто в заглавии, с харайейного ветхого листа»²⁹.

Упомянутый Артыновым владеец «древней рукописи» отец поэта Д. Д. Минаева Дмитрий Иванович Минаев³⁰, так же как и сын, известен рядом поэтических произведений. В Петербурге в 1846 г. он напечатал написанный им в Симбирске перевод «Слова о полку Игореве». По замечанию С. К. Шамбинаго, «переложение Минаева до крайности странно, развязно и часто с текстом ничего общего не имеет»³¹. В 1847 г. Д. И. Ми-

²⁸ «Указатель» к этой рукописи написан Артыновым позже, в апреле—мае 1881 г.

²⁹ РЯМЗ, р-378, прим. 745, л. 502.

³⁰ Д. И. Минаев родился в 1808 г. в Симбирске, с 1823 по 1826 г. учился в Петербургском саперном батальоне, был смотрителем провиантского магазина, после длительного пребывания в Петербурге вернулся в Симбирск («Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», т. 37, стб. 331).

³¹ «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1934, стр. 213.

минаев издаёт самостоятельное произведение «Слава о вещем Олеге»³². Наконец, в Симбирске он публикует книгу стихов «Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях, первого отдела хартия первая» (1857). Два последних произведения правильно охарактеризованы самим автором: «Представляемая мною Баянка — чисто историческая фантазия, но с русской речью на языке, в своеземной однородке на теле». В примечаниях к «Славе о вещем Олеге» выступает облик автора — реакционера и националиста, ненавидящего «иностранный дикушу», «перемальваемую... ветряными мельницами» современной русской литературы. «Кто против бога и русских народных восторженностей?» — восклицает воинственный сочинитель... «Первая хартия» стихов Минаева о тысячелетии Руси свидетельствует о растущих стихотворных навыках автора. В его словарном обиходе мы встречаем слова, знакомые нам по артыновскому «Сказанию»: «пуца», «ватага», «лады» (т. е. девушки), «просинец», «лисы-огневки», «ярушки», «словак», «глеб» (хлеб), «мар», «плесканье», «стоероский», «древник» и др. Однако характер стихотворного творчества автора, создававшего более или менее в русском стиле свои «баянки» XIX в., не позволяет думать, что он и был сочинителем артыновского «Сказания»; скорее следует предполагать обратное, что «Сказание», попав к нему в руки, оказало влияние на его язык, и, воспользовавшись им, Минаев мог кое-что добавить в него от себя еще до ознакомления Артынова со «Сказанием». Но все же его основной текст попал в руки Минаева, видимо, уже в законченном виде.

Откуда же пришло «Сказание» в руки Минаева?

С этим вопросом мы должны обратиться к известным торговцам «древностями», поставлявшим на потребу историков и любителей отечественной старины наряду с ценными подлинниками множество фальшивок. Их характеристика дана в указанном выше очерке А. Н. Пыпина и работе М. Н. Сперанского³³.

Особый интерес представляет А. И. Сулакадзев — коллекционер и фальсификатор древних рукописей, одержимый страстью к сочинительству и выдумке «новых» древних фактов. По справедливому замечанию М. Н. Сперанского, деятельность Сулакадзева характерна для эпохи «общевропейского романтизма», вызвавшей на Западе и в России полосу подделок старины в области истории и литературы. Для Сулакадзева типичен интерес к долетописной древности или первым столетиям Русского государства. Его подделки характеризуются полным незнанием древнерусского языка и изобилуют замысловатыми вымышленными, непонятными словами или представляют бессвязный набор слов; характерны «древние» имена, изобретаемые автором по типу известных по подлинным источникам, такие, как Мовеслав, Болодмай, Оаз, Олгослав, Древослав и др.³⁴

Мы потому остановились на Сулакадзеве, что, кажется, именно с ним связано первоначальное появление в столичных кругах оригинала артыновского «Сказания». В письме Капнисту Державин указывает, что А. И. Селадиев (Сулакадзев) был отставным офицером Семеновского полка³⁵, т. е. принадлежал к тому же кругу петербургских военных, в котором вращался и Д. И. Минаев. Более чем вероятно их сближение на почве общих интересов к истории фантастических «славных предков» и к покупке Минаевым списка «Сказания». Это накладывает еще более «тяжкие улики» на текст «Сказания», так как, если Артынов не мог его сочинить, а лишь по безграмотности добавил множество сомнительных чтений и написаний, если Д. И. Минаев, писавший свои «славы» и «баянки» «под-

³² «Слава о вещем Олеге». СПб., 1847.

³³ А. Н. Пыпин. Указ. соч.; М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев). — «Проблемы источниковедения», вып. V. М., 1956, стр. 44—101.

³⁴ Подробнее см.: М. Н. Сперанский. Указ. статья, стр. 62—74.

³⁵ А. Н. Пыпин. Указ. соч., стр. 4.

старинным» языком XIX в., также вряд ли был способен на тонкую подделку, то Сулакадзев был хотя и малограмотным, но собиравшим и настоящие рукописи и знавшим их, опытным «подстаринщиком», своими «документами» вводившим в заблуждение современных ему историков.

Однако стоит прочесть одни названия «Каталога» Сулакадзева, чтобы увидеть фантастичность и топорность его изделий³⁶. Сопоставление изданных и описанных в литературе подделок Сулакадзева и их особенностей с артыновским «Сказанием» показывает некоторую общность приемов подделки и в то же время рост ее качества. Вот, например, ранние подделки, все же принятые Державиным за чистую монету и удостоенные его «перевода»³⁷.

Подделка Сулакадзева

Перевод Державина

Гмъ послукси Бояна
Умочи Боян снов удыч
О ком плъ блгъ тому
Суди Велеси не убѣгти
Слвы Словенси не умлети
Мчи Боян на языци оста
Памети зл горь Волхови глоти
Одину памети Скифу гамъ
Злтымъ пески тризны сыпи.

Не умолчи, Боян, снова воспой
О ком пел, благо тому;
Суда Велесова не убежать,
Славы Славянов не умалить.
Мечи бояновы на языке остались.
Память Злогора волхвы поглотили.
Одину воспоминание, Скифу песнь.
Златым песком тризну посыпем.

Угли хрцу говор Еролку

Пакоща свада
Дюжу убой
тяжа начата
тощ перелой.

По злобе свара —
Сильному смерть,
тяжба с богатством —
худ передел.

«Оповедь» о начале Валаамского монастыря Сулакадзева, введшая в заблуждение игумена Дамаскина, является более поздней и остроумной фальсификацией³⁸, вот ее текст и вероятное содержание, вложенное в эту заумную «словесность» автором.

Подделка Сулакадзева

Перевод

Ондри Отерслима пребрете голиди

К соути родени скефи скифи
и словени и рели соумежни.
Броде насмленсе пакси скофи
словенсти Влики Адлгу вланде.

Боури хриславе окроужси нево

и навалмо измѣсли сюду и
союду иже и прѣи Хрстї пстави

камени и моужа камени содела.

Андрей от Иерусалима прошел голяди,
Касоги, родени [?], скефи-скифи
и словени, и племена [?] смежные,
Шел на Смоленск, Псков и
Словенск великий [и в] Ладогу пришел [?]
Бури принесли, окружили [?] его
[или озеро Нево?]
и на волнах выбросили судно и
сойдя который и первые кресты пс-
ставил
каменные и [два?] мужа каменных
сделал.

В способах подделки кое-что очень сходно с артыновским «Сказанием»: употребление нарочитых объединений и разделений слов, введение вымышленных сокращений («отерслима», «насмленсе», «пакси скофи», «Адлгу», «навалмо» и др.), наличие вымышленных слов («удыч», «убѣгти», «гамъ», «пакоща», «начата», «сюд» — судно и др.). Встречаем репертуар слов, зна-

³⁶ М. Н. Сперанский. Указ. статья, стр. 90 и др.

³⁷ А. Н. Пыпин. Указ. соч., стр. 1—2.

³⁸ Там же, стр. 6.

комый по «Сказанию» и указывающий на три источника подделки: «Русскую Правду», «Слово о полку Игореве» и летописи («свада», «тяжа», «словени», «соумезни», «Боян», «злымъ пески тризны сыпи», «камени содела» и др.), а также на особый интерес автора фальсификации к сюжетам истории северо-западного края Руси.

Но все же «Сказание» является продуктом большего мастерства подделки; напомним, что Сулакадзев доживал последние годы, когда Минаев был еще молодым человеком. Если приведенные выше подделки были рассчитаны на низкий уровень знакомства с подлинными источниками, то «Сказание» — подделка очень продуманная, с учетом критических методов: «Древняя былина» была «списана с харатейного листа, ветхости его ради», т. е. дается «список» древнего памятника; «список» сделан так, что создается иллюзия его «постепенного искажения» в процессе «многовековой жизни» — налицо «запись автора списка»; придается более или менее однородный стиль отдельным кускам, так, например, первая часть базируется на «Слове о полку Игореве», откуда, видимо, почерпнуты образы мифологического и животного мира (Див, Карна, Хорс, Перун, лисицы, буйтуры, орлы-кречеты и пр.), а также некоторые слова и обороты речи («паполомъ», «чрълений», «бълван», «неготовами дорогами», «не буря соколы занесе чрез поля широкая», «галицы стады бежать к Дону великому»; ср. в «Сказании»: «не вѣхорсь тогда гна белыхъ кречетов чрезъ полѣ в полѣ, а словен гна чръные врани» и др.). Во второй части «Сказания» при словесном репертуаре, аналогичном «Слову о полку Игореве»; чувствуется пользование другим, явно поздним образцом, близким таким книжным «историям», какова, например, «О истории еже о начале Руския земли и создании Новаграда...»³⁹. Таким образом, источники для составления «Сказания» были подобраны автором продуманно и с целью создать именно сложный «список» с «древнейшего памятника».

Статья Н. Макаренко «Молитовник великого князя Володимера й Сулакадзев»⁴⁰ дает материал для сопоставления артыновского «Сказания» с изделиями Сулакадзева. На основании этих данных выясняется, что Сулакадзев был неплохим для своего времени знатоком древности, интересовался литературой, имел большую библиотеку. Н. Макаренко прослеживает путем сличения разновременных описаний одной и той же «рукописи», сделанных Сулакадзевым, как усложнялось и развивалось его фальсификаторское искусство. Таков, например, «Свиток 2 «Амана и Мардохея история или полнейшая книга Эсфири библейской» с п р и п и с я м и н а н е й жреца Имира 910 г., посадников Владимира и Ярослава Владимировича. Сулакадзев отмечает в «Каталоге»; П р и п и с и п и с а н ы р а з н ы м и р у к а м и, ибо Имирова видима была худо, то по некоторым буквам в о з о б н о в л е н а подпись, посадников едва видима, а Ярославова покраснелыми чернилами, или род краски, цвет видим». Другая книга «Перуна и Велеса вещание в Киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим» — «пергамент весьма древний, скорописью и видимо не одного записывателя, и не водно время писано»⁴¹. Здесь мы видим близкие нашему «Сказанию» характерные моменты: разновременность «приписей», продуманная «историческая судьба», накладывающая свой отпечаток на более «древнюю рукопись».

Приведенные соображения, кажется, дают возможность полагать наиболее вероятным, что Минаева познакомил с текстом «Сказания» Сулакадзев. М. Н. Сперанский писал, что в нашем распоряжении нет ни одной

³⁹ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 442.

⁴⁰ «Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР», т. СІ, № 3. «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского». Л., 1928 стр. 484—491.

⁴¹ Там же, стр. 486—487.

подделки, целиком сделанной Сулакадзевым⁴². Думается, что «Сказание о Руси и о вѣчемъ Олзѣ» и является образцом такой продукции Сулакадзева.

Подделки Сулакадзева имели широкое хождение, в частности Н. Макаренко приводит такой случай, когда сулакадзевское произведение «Молитвенник св. князя Владимира, которым его благословлял дядя его Добрыня», сделанся в 1925 г. предметом «исследования» И. Огиенка⁴³.

В заключение следует сказать несколько слов о том, как же Артынов использовал такой «источник», как «Сказание», — это также характерно для его времени. Он, безусловно, верит «Сказанию», но добавляет в эту «правду» свой «вымысел». Артынов пытается приспособить содержание «Сказания» к своим теориям о происхождении Ростова. Так, в рукописи «История Ростова Великого Ярославской губернии»⁴⁴ Артынов относит переселение славян и м е р и с Дуная к I веку н. э. (!), а потому берет из «Сказания» первую часть (до «языческой песни»), приводит ее как «источник»⁴⁵ и вставляет везде рядом со словенами и мерю: «рыдаше землю подунаевску и народ словенск и м е р я бяше на соль... [отъ] преруна...»; «а славян с м е р е й гна черны враны недруги...»; «...а безъ опасие м е р и и словены бѣгоша неторными дорогами...». В «Истории Ростова Великого...»⁴⁶ Артынов пишет о построении стен Ростова также в I веке н. э. (!) и в примечании приводит фрагмент из «Сказания»: «Загремѣ сѣкирами и на Ростовѣ озерѣ соградиша новыя стены, яко дивитися мирови всему и загремѣ пѣснями прежними прадедними». Вставка очевидна, — нужно было привязать «Сказание» к Ростову, и эти сведения интерполируются в текст, но орфография выдает подделку, в особенности замена «е» на «ѣ» и неуместное употребление «ѣ»⁴⁷.

Отрывки «Сказания» использованы Артыновым и в рукописи «Предания старины Ростова Великого, собранные полувековыми трудами крестьянина Александра Артынова». На этот раз речь идет об устройстве вала и рва в Ростове князем Грозославом и князьями ростовскими (в 5547 г.!). Только что приведенный отрывок «Сказания» с интерполяцией о Ростове здесь расширен; перед словами «загремѣ сѣкирами» прибавлено, что стены были в вышину «сорок пядей, а башни и бойницы над воротами два сорока пядей»⁴⁸. В этой же рукописи ведется рассказ о том, как в 5314—5316 гг. князь Печегда-Локтец ходил воевать Мидию, но неудачно, в примечании же находим кусок «Сказания» (со слов: «на пути биша ланей комолыхъ...»), которым Артынов иллюстрирует возвращение Печегда-Локтеца из похода; текст переписан небрежно и с пропусками⁴⁹. Далее под 5431 г. приводится сказка о Мечиславе и Мирославе. Ее герой князь Мечислав поет на морском дне водяному царю «песню русскую»; Артынов делает примечание и помещает в нем песнь из «Сказания»⁵⁰. В примечаниях к копии, снятой Артыновым в 1887 г. с им же ранее копированной книги «Сто двадцать сказок стольника А. Б. Мусина-Пушкина», также использованы отрывки «Сказания», но уже приспособленные к «хронологии» «сказок» Мусина-Пушкина⁵¹.

Как видим, обращение «ростовского летописца» Артынова с его «источником» (новые вставки в его текст) весьма бесперомонно: подделка Арты-

⁴² М. Н. Сперанский. Указ. статья, стр. 67—68.

⁴³ «Найстарша памятника Українського письменства в копіі XIV віку». — «Стара Україна», 1925, ч. V.

⁴⁴ ГПБ, № 4524.

⁴⁵ Там же, ч. 1, л. 187 об., прим. 65.

⁴⁶ ГПБ, № 1926, 1927.

⁴⁷ ГПБ, № 1926, прим. 34. Артынов, приведя в цитате «песню переселенцев», замечает: «Это обращение древнего языка ростовских славян описуемого времени».

⁴⁸ ГПБ, № 2200, стр. 96, прим. 149.

⁴⁹ Там же, стр. 65, прим. 120.

⁵⁰ Там же, стр. 74, прим. 127.

⁵¹ ГПБ, № 4131, ч. I, стр. 138 и прим. 75; ч. II, стр. 187—188.

нова легко отделяется от основного текста поддельного же «Сказания».

Наши выводы способны оттолкнуть исследователей от сочинений А. Я. Артынова: искать в них новые зерна исторических сведений — труд неблагодарный, а скорее всего безнадежный. Однако Артынов и его творчество представляют сами по себе большой историко-культурный и историографический интерес и с этой точки зрения заслуживают дальнейшего изучения.

Приложения

№ 1. «Сказание о Руси и о вѣчемъ Олѣ» списано съ харатейнаго листа вѣтхости его ради а списано вѣрно тожь.

Сказание о томъ како оуставися прозвание Руси¹

Былиной бѣ скаска сия² а начинъ ей такъ². Въ ты вѣки начатные, въ ты роки усобные, въ ты лѣты не плодныя. — Былъ страхъ и поградомъ старымъ и поградомъ Ладогамъ, и страхъ былъ отъ мѣча и огня и быша дивъ знамени во облацѣхъ, въ ты поры въ ставалъ на 4-хъ конехъ вопль и плачь рыняше землю подунаевску инародъ словенскъ бѣше на соль от Преруна. Весь полдень простона человекимъ гласомъ, кровію оумыся онъ по утрию, кровію оупіся онъ повѣчерю и людскіе коши на паполумы и подъяры пойдѣ невѣхорсъ тогда гна бѣлыхъ кречетавъ, черезъ полѣ въ полѣ, а словѣнъ гна чръные врани не другы съ брезеи дунайскихъ въ темныя дебри къ ночи на рѣку что дне — превяной быстрю. Къ себѣ не угоды скика првую Волинь нашу а безопаіе. Словены бѣгоша нетореными дорогами а болоты и лѣсами, и когда объстраляше отлютой карны они напути биша и ланей къмольхъ и буйтуровъ рогатыхъ стрѣлая огневокъ лисиць и чръныхъ кунъ. Асвой держаху слѣдъ: въ день послонцу и вѣтремъ вночь по стѣжару, и когда вотагы задни начельныя напраще; то народъ предній идяху напръсторы оставляху засобою вѣсь знаемо дружню и досамаго дотче озера Ильменя гдѣ и Олегъ посемъ Изъборцѣ, а задние тамо посѣдѣ гдѣ повѣстрѣча красны брезы рѣкъ не отвѣданныхъ горъ не копаныхъ, лузей не травленыхъ, полей не раленыхъ роспуска тамо стады своя, погустымъ пушамъ зазвѣнѣ сѣкирами, загрѣмѣ пѣснями прѣжними прадѣдными, како пояху въ ты вѣремена некарные; оуладьянаашья три Стръжена, Марья, подунаю подунаю, три Стръжена Марья, подъ прывымъ марымъ подъ прывымъ оуладнымъ ярына чрълена то ж... Подъ другимъ марымъ медвянымъ залоты поклады... Ангдѣ останымъ Марымъ оуладнымъ медвянымъ мѣны на полюбы... въ зять бы нам оу яра три Стръжена мары... пѣрвой бы вѣволодѣнне стърьямъ родичамъ... съдругаго поклады нанашы посадки... Аостаны крутмаръ начастъ нашимъ братьямъ насытыя мѣны... Втыю бѣ ракъчину въ тыю порьовѣщину весь свѣтъ свѣтлый Лады былъ бы намъ пороздникъ... Въ тыибъ поры мы заплескалы по неборной роше. Коло его мары оуладнаго яря въ ты поры бѣ запѣли наши дѣти Лады: далечѣ намъ Лады домръзнаго просинца достюдной коляды. — Тако граше словены и сѣруби себѣ вѣжи вышками, тынѣчаху города забораламы оустѣла собои земь неголодну но незнаемо, изажи тихо точію трава съсосѣвинами ту же и поляне и деревляне и зверане и друговичы и кривичы³.

¹ В Приложениях № 1 и 2 орфография, пунктуация и отточия А. Я. Артынова сохраняются. Почерк Артынова мелкий и убогистый, кажущийся ясным. На деле он изобилует неясными написаниями и сочетаниями слов, так что предлагаемое чтение условно.

²⁻² В тексте стоит после слов «въ ты лѣты не плодныя» (перенесено мною. — Н. В.).

³ Далее следует отличающийся по языку и построению фраз текст.

Въты роки гдѣ сташе розньота въсака. Словенска, прибы къ нима наозъорованье съчужь странъ древанъ человекъ: хитрый пополичью, невѣденъ пообраду того для небоясь одинъ исти постороненъ людъ напоглущье и бѣ неруханы. Въстъретоша онъ въполѣ оу рѣки житыхъ старчевъ вѣчѣ спросямы и вывѣдамы; ачи залюдъ се ту; и оу какой рѣцѣ, какъ чѣститъ ваю сбориче; какъ по свѣту повѣдать о семъ градѣ, и въсехъ окольныхъ, и обличнихъ пуцахъ, и объдальныхъ горахъ. Стрѣшина б Крѣпкомыслъ, позрѣ наего боброве черьныи скомѣжны, наего жултъ обликъ чуждымъ изюжоны солнцемъ; главу въ его очи пълны тмы, и что бы непромимоваться бяше то, что вси зна и никто не вѣсть что зна вси. Рось, башедь, ста послѣлилась здѣ, городъ нашъ скорьстенъ, пригородки перѣдивли, загородки посадивли, рѣка самъородина, пуци стѣросовы, горы поколо оу горски, а мы славаки, древникъ изъ коши вынуже свитокъ и написа вѣню камышевой тростію крѣпкомыславу опавѣдъ. Поклониса стѣршынамъ долу нѣ отвѣды глѣба никіа сыти, поиде дорогою прямопѣшею гдѣ одни галицы наемъ летаху. Чръленыи опахъ древника дълго мѣлка межю лузеи, аеще дълше помняше его стѣршыны посадски, а тымъ опахомъ вѣуженъ гомоняху кикъ дѣтескъ. Съ тые поры когда изгасе останныи рогъ сороковаго, когда уже окърепѣ словѣны, и протрубѣ поколо гърмькою славою и прѣшумѣ прѣвыми боями въострогахъ ворожехъ и биша свои недруги оуже не засохожники амечи дѣвурѣзны, прійдѣ книма послы отъ грѣчанъ изъзамора совсякы дары, испросе оустарѣшины тогожъ Крѣпкомысла юже име снѣгъ навласехъ своихъ и тщу мѣглу на очахъ соколихъ, и ркучи; здѣ ли градъ Коростень, исъ того ли коню поидеть русь буй могута? Възя Крѣпкомыслъ дары и поклонясь тымъ посламъ и отвѣче; ту градъ Коростень, здѣ и рѣка днепрѣ, то видѣно отнаю поиде на польночь и русь буи могута. Стои поры и прословѣ земля нашыхъ словенъ росью тоже русью да и слову сему поконь. Аминь ⁴.

Азъ же что слыша по преданію отъ гораздыхъ баюющихъ старъ человекъ, и събълванной пѣсню, то и написахомъ; а написахомъ не напотеху, а наувѣтъ міру сему, что бы задуши своихъ прадѣдѣй язычниковъ молились акіи о погибшихъ. А изъгажены же прозвища; звѣряне, что днесь пописанію стоитъ севѣране, друговичи же; дреговичи; и рѣку нашу днепрѣ, якобы не имущу вътѣи вѣки прозванія, не самъ азъ нарѣкъ рѣкою что днѣ пре, авсе то въ купѣ переписахомъ отъ словъ старъ человекъ глаголющихъ по завѣтамъ предъковъ, азъ точію постави на освятость окаяньства аминь и три креста».

РЯМЗ, р-378, лл. 502—503.

№ 2. Письмо мое в Ростов в дом Бабурина, о съезде

Москва 29. марта 1869 года

Дорогия моему сердцу — Костя, Верочка и г-н Лубенский.

С чего начать письмо, оно будет длинно в роде омировой Илияды начну с приезда в Москву, — куда прибыл 27 числа в вечеру, т. е. в четверг, ночевал в номере, товарищи весь экипаж были друзья, по утру остановился я у Григорья Васильича Юрова, как дома, — часов в 10, утра пошел странствовать по Москве, первоначально отыскал дом Воейковой, на Малой Дмитриевке, отколе потесноте помещения съезд Археологического общества переместился в дом князя Сергия Михайловича Голицына находящейся против храма Христа Спасителя, чрез улицу с западной стороны его. Здесь узнал я что съезд будет в 12 часов дня. До этого пошел за обедню в Успенский собор. Неделя крестопоклонная прикладываца к свя: кресту. Вероятно древнему сделанному ис дерева. От толе прихожу

⁴ Далее в рукописи Артынова начерчены три креста.

на съезд в паратное крыльцо где для входа дали мне билет — вхожу прямо в залу — оставив шубу и калоши у швейцара. — В то самое время, когда какойто почтенной старичек с продолговатою седою бородкою довольно бодрый читал о пользе этого съезда, и заметил в чтении как в духовных книгах хранилищах, А именно патриаршей, Чудовской и других, от сырости гниют кучами, драгоценные рукописи безовсякаго призору — чтением, и силой слова, хотя в старце я так заинтересовался что обратился с вопросом к сидевшему подле меня соседу и спросил его: кто такой это читает? — Почитав его за секретаря или в роде того но представте мое удивление, что это читал Михайло Петрович Погодин. Рядом сним полевою его руку сидел председатель граф Алексей Сергеевич Уваров. Чтение Г-н Погодина часто прерываемо было оглушительными рукоплесканиями в котором и ваш покорнейший слуга тоже постарался не отставать от других чтение продолжалось около часу и тпец за которого я боялся чтобы не утомился, кончил как юноша бодро и громко что было причиною продолжительного рукоплескания. После этого председатель объявил что на пол часа заседание прекращается, тогда только Ваш покорный слуга увидел себя что он посреди черных фраков около двух сот человек один в долгополом сюртуге и господин Лествицын в своем неизменном простом сером пальто и черном галстукe но без лайковых перчаток. Подобно как и я. — Весь съезд разсыпался позалам музеума осматривая достопримечательности собранныя князем Сергием Михайловичем Голицыным, — здесь я между гостями стал отыскивать Афанасия Федоровича Бычкова, — которому из Ростова от г-на Власьевскаго было обомне рекомендательное письмо, который принял меня весьма ласково и радушно и к сожалению моему сказал что ныне последней съезд заседания. — Но для меня и этого было довольно, я видел и слышал Погодина. — разговаривая сним о сочинении моем о селе Угодичах, он об этом сожалел, что я приехал поздно, все уже кончилось. и поспешил о приезде моем чрез секретаря доложить председателю графу Уварову, который с таким радушием и почти бегом подошел ко мне, и стакой лаской и вниманием посреди многочисленной толпы обошелся сомной как будто приехала к нему из за границы какая нибудь европейская знаменитость оставя меня просил по обождать. А сам пошел по залам отыскивать кого то, и проходил мимо меня весьма спешно несколько раз на вопрос его кого он отыскивает? Он отвечал; Михайла Петровича Погодина! — В это время заседание опять уже открылось, и привсем старании графа познакомить меня тут с Погодиным не состоялось. Вероятно до заседания он ушел куда нибудь отдохнуть. — В следствие чего граф с книгой просил меня пожаловать к нему надом часу в 10 вечера где у него будит, знакомыя друзья, которых он послучаю закрытия заседаний пригласил к себе навечер, — после этого с разных концов Россий ученые читали свои сочинения достойные внимания слушателей, между которыми Г-н Мартынов с сожалением говорил речь как русские хранят исторические памятники, и ис числа многих не могли сохранить крестьянской домик в деревне Филях. где у Кутузова был военной совет о сдаче Наполеону Москвы. Что стоило бы не более 200 р. с. «но который волею божиею ат неизвестной причины заколоченный благополучно сторел». Заседание кончилось в 4 часа после полудня из самого собрания озакрытии съезда положили уведомить телеграммой министра народного просвещения графа Толстаго и благодарить его за участие в оном, говорили приветственные речи графу Уварову и памяти князя Сергия Михайловича Голицына за помещение съезда в его доме в след засим собрание разъехалось. — в 10 часов вечера Ваш покорный слуга отправился на квартиру графа Уварова находящуюся близ пожарнаго депо в доме Ерповой; — в прихожей швейцар и лакей смотрят что за особа жалует к ним. — Прошу одного доложить графу о крестьянине Артынове. А сам снял шубу и положил надиван, докладчик заметно пошел докладывать не совсем охотно затворив за собой двери не успел я скинуть своей старой лисьей шубы

хорошенько. Как тот же лакей поспешно растворил обе половины дверей и сказал громко и уже другим тоном; пожалуйста к графу. Покуль я торопясь снимал последнюю и не послушную резинковую калошу наклонясь и вставши хочу идти в залу смотрю а граф стоит предомной и дожидается меня покуль я исправлюсь и представить меня своим гостям. И в ведя в гостиную просил пообождать меня тут а сам ушел в собрание гостей где в это время пили чай и шел громкий говор, смотрю граф ведет ко мне на встречу и кого бы вы думали? Михайла Петровича Погодина. Которому обрекомендовал меня как историка и познакомил с ним, и пошли все вместе в залу пить чай,— Г-н Погодин который просто сказать овладел мной в тот вечер. Сел пить чай против меня. И показывал что брать к чаю с подноса у официанта что скоромное что нет.— Потому я заметил он ест посное.— Часто когда я захочу что нибудь взять, и он тотчас предупредит, что это скоромное и посмеется. Ему и гостям князя я едва успевал отвечать о селе Угодичах и Ростове потом представил графу свое сочинение о селе Угодичах, которое столько заинтересовало его и гостей его, что почти весь вечер занимались чтаньем и расматриванием его, и почти только и был разговор отом сочинении, спрашивали некоторые где я обучался и воспитывался, и отколь получил такия сведения? Так прошло время около двух часов, потом позвали нас на ужин это было уже давно за полночь стоя был роскошной — но хозяйка дома графиня занимала собой всех гостей и успевала везде междупрочим не ускользнуло у нее и то что Ваш покорнейший слуга не кушает скоромного,— не заметив что она это видит берет состола две тарелки, одну с селедками, или сельдями. А другую с икрой и поставив передомной просила кушать.— По простоте народа и такой услуге я неполагал ее быть тем чем она есть. Спрашиваю оней у сидевшаго подле меня какого-то говоруна старичка с седою бородою, которой мне сказал что это графиня хозяйка дома.— Какая досада меня взяла тогда что я не узнал хозяйки которая и была между нами одна из дам. Ужин был холостой.— Меня более сбил столку простой ее костюм. Голова вычесана гладко, без убора, платье застегнуто под горлом самое скромное — настоящая хозяйка! После этого я остальное время не выпускал ее из виду и как Погодину удивлялся как везде она успевае. Занимать и наблюдать гостей.— Подконец стола и Ваш покорный слуга в употреблении пици не отставал уже от других послову; «предлагаемое да ядим!» не стал уже представлять из себя допотопнаго феномена но ел наряду с другими дичь и другия скоромныя кушанья между которыми в зелени держался занопку рябчика и вославу божию кушал.— по теплой температуре в покоях мороженаго было избыльно для прохлады. Под конец всего на прощанье вы можете представить с каким я усердием выпил бокал шампанскаго за здоровье радушных хозяев— которые своими бокалами пожелали по рускому обычаю по чекаться смоим.— На прощанье граф просил к себе после обедни в воскресень тее; 30 числа потому что 29 число он будет на выборах Московскаго градскаго главы.— Как отказать?— По этому я в воскресенье пробуду здесь. О гостях графа занимавшихся сомной вечер и ужин спросишь укого нибудь, и о ком нибудь и не премоно услышишь ответ: князь такойто, граф такойто или какой нибудь профессор университета или знаменитой ученый.— и справедливо как выразился в речи своей Михайло Петрович Погодин. Слышанной мной в заседаний что; «здесь съехались совсех концов Россий» — и Ваш покорнейший слуга между такими людьми был в роде тоже какойто знаменитости, потому что редкой из них не слыхал моей фамилии прежде.— и вероятно потому как мне в заседании сказывал граф Михаил Владимирович Толстой что «видно из предшествовавших заседаний говорил междупрочим Михайло Петрович Погодин о селе Угодичах и о крестьянине Артынове». И думать надобно вследствие этого на спрос когда кому скажешь свою фамилию, то почти каждой скажет; «А! Знаю»— Вот Вам подробное прибывание мое в Москве.— Ныне тоест 29 числа пойду отыскивать по поручению г. Лубенска-

го. — Бани Мамонтовские. — уже не существуют. Об этом я узнал вчера, содной стороны дома поиск был безуспешной — ныне с другава конца начну поиски. И если что задержит меня в воскресенье то об этом уведомялю. Вчера, т: е; в пятницу 28 числа вночи прошла Москва река налед. Смотрел я с двух мостов, у храма Христа Спасителя Вышедши по обедавши в трактире против моста и с москворецкаго отыскивая по поручению г. Лубенскаго. — Засим желаю Вам всего хорошего, ныне как мне сказывал граф он весь день дома nebude а будет на выборах градскаго головы — остаюсь здоров Ваш покорнейший слуга А. А.

РЯМЗ, р-378, лл. 492—493 об.

№ 3. Хронологический список сочинений А. Я. Артынова

ПО СОБРАНИЮ А. А. ТИТОВА¹

1831—1847 гг.

1. «Разные сочинения собранные Александром Артыновым» (РЯМЗ, р-435), 1020 стр.

Выписки из сочинений Пушкина, Жуковского, Нагибина, Глинки, Грамматина, Калинова, Дмитриева, Слепушкина, NN, Муравьева, Загоскина, Карамзина, Фомина, Якубовича, Бенедиктова, Востокова, Ломоносова, Раича и др.

1833

2. «Бархатная книга». Копия (см. № 21).

1842

3. «Сто двадцать сказок стольника А. Б. Мусина-Пушкина». Копия. (см. № 28).

1850

4. «История села Угодичь, сочинение Александра Артынова» (ГПБ, № 1540), 90 л.

Видимо, остатки первой редакции «Истории Угодичь», ее листы перепутаны с разными заметками и стихами автора.

1867

5. «Историческое и статистическое описание села Угодичь», т. I (ГПБ, № 1542), лл. 11—58 (см. также № 10).

На обороте выходного листа: «Первую часть начал писать и исправлять 9 февраля 1867 года [в] четверг сплошной недели кончил 24 февраля в пяток масляной недели. А. Артынов». В предисловии указаны пополнения по сравнению с первым вариантом (см. № 4) П. В. Хлебникова,

Е. В. Трехлетова и С. А. Седебеникова. Использованы их рукописи, «бумаги сельского архива» — «отрывки родного моего дяди Михаила Дмитриевича Артынова»; с 1834 по 1840 г. Артынов пользовался книгами Императорской публичной библиотеки и сведениями, сообщенными крестьянином с. Угодич А. С. Мухиним, торговавшим в Петербурге в «Магазине дедких игрушек» в доме генерала Балабина по Садовой улице.

1869

6. «Сборник Ярославской губернии Ростовской округи села Угодичь крестьянина Александра Артынова» (РЯМЗ, р-378), 586 л.

Сборник составлен с 21 мая по 20 декабря 1869 г.

Предисловие к истории с. Угодичь (л. 4). Вступление: «Повесть о древних обитателях Ростовской области, временных лет о народе словенех и мери от коле корень их произыде на земли» (л. 5). О древних обитателях Ростовской области с I в. н. э. до великого князя Рюрика (л. 8), 862—1328 гг. (л. 10), 1328—1609 гг. (л. 14), 1609—1763 гг. (л. 17), 1763—1809 гг. (л. 19), 1809—1870 гг. (л. 20 об.); о Богоявленской церкви с. Угодичь (л. 23); о Николаевской церкви с. Угодичь (л. 26); о колоколах на Богоявленской и Николаевской колокольнях (л. 28); о «крестных ходах» (л. 29); о месных обычаях» (л. 30); о гульбицах (л. 33 об.); о климате (л. 35); о внешнем устройстве (л. 36); о народонаселении (л. 37 об.); об общественных местах (л. 39); об учебных заведениях (л. 40); о торговле и промышленности (л. 41); о рыболовстве (л. 42 об.); об огородничестве (л. 48); о фамилии господина Кар (л. 53); о фамилии Артыновых (л. 56 об.); об Александре Яковлевиче Артынове (л. 60 об.); «Досуг поселения» (л. 68); «Повесть о Громобое-Вадиме» (л. 85 об.). Примечания к предисловию (л. 232—249 об.); здесь Артынов дословно переписывает старые тексты «Истории села Уго-

¹ После названия сочинения указано место хранения рукописи: ГПБ (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), РЯМЗ (Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник). Объем рукописи показан в листах или страницах в соответствии с ее пагинацией. Далее даются сведения о содержании рукописи.

дич» и всю связанную с нею переписку, цитирует писцовые книги по Угодичам с XVII в. до переписей XIX в. Примечания к вступлению (л. 250). Примечания к истории с Угодич (л. 260—512 об.). Приложения: «о высших духовных властях» (л. 512 об.); «Написание вдового попа Георгия Скриницы из Ростова града о вдовствующих попах» (л. 516—518 об.); история о Георгии Скриницы (л. 518 об.); абшид императрицы Екатерины II Ф. Кару (л. 523); история о купце М. Полежаеве (л. 523 об.); записи Артынова о событиях в Ростове и Угодичах 80-х годов XIX в. (л. 523 об. — 524 об.). Оглавление (л. 525) составлено 19 апреля — 31 мая 1881 г. «Родословные таблицы князей Ростовских с XII по XVII столетие» (л. 577).

1870—1871

7. «История Ростова Великого Ярославской губернии» (ГПБ, № 4524), 278 л. Писана с апреля 1870 по май 1871 г. Ч. I. История Ростова Великого с I по XIX в.; ч. II. История села Угодичи Ростовского уезда; ч. III. Исторические былины и легенды Ростовской области. Примечания к I части (прим. 1—458); ко II части (прим. 1—491); к III части (прим. 1—254).

1872—1873

8. «История Ростова Великого. Сочинение А. Артынова». В 2-х томах. Т. I (ГПБ, № 1926), 400 + XLIII стр. (текст с I по V в. и примечания). Написана в декабре 1872—апреле 1873 г. Изложение в «хронологическом» порядке: I в. — князья: Веска, Звенислав, Ратобор-Кошарь, Буслай, княжна Росса-Ваулиха, князья: Перей, Зонар, Славян, Вандал, Буриной, княжна Рогнеда, старейшина Крепкомысл; II в. — князь Буреслав и царевна Рапсимия, князь Светлосан и Кустья, князь Светозвезд, князь Ратобор и царевна Реми, князь Рамир, княгиня Лева, князья Славолуб и Звенислав; III в. — Декий кесарь Римский, князья: Мечислав, Силовол, Любомир, царевна Велеума, Тугорь и княжна Римна, князь Почекал-Горесвет и княжна Мадалея, князь Тургарин; IV в. — царь-девица Ингра, Трудолюб и Утка, княжна Белунка, князь Аларик, Ларя Шестак, князь Карачуг; V в. — князь Гейзерик, князь Гейзерики, князь Щек Киевский, князь Мечелюб, князь Светид, царевна Прозора и Мертюк, князь Любим. Т. II (ГПБ, № 1927), 400 + XXX стр. (текст с VI по X в. и примечания). VI в. — князь Простен, Трудолюбаргарь, Сота и Любуша, Вадим-богатырь, царь Соломон, дьявол и ад, книга Голубиная, князь Рустан, Мадалея-волшебница, князь Рославль, VII в. — князь Ярослав, Буря-бога-

тырь, князья: Вышата, Велесиль и Гунчак; VIII в. — князья: Гремислав и Ширяй, Верзила-богатырь, князья Светослав, Маргас, Святополк, Рача; IX в. — князья Брючислав и Святослав, Русия-Михей, князья: Услад, Брючислав, Тунило, Олег и Славолуб. X в. — князья Весель и Гвоздь, Вадим и Прелепа, князья: Святослав, Петринка и Звеничъ, Фома епископ ростовский, Иверк чухломской, Ратмир-стальной пояс, Светогор-богатырь.

1874

9. [Сборник отрывков из рукописей А. Я. Артынова] (ГПБ, № 1541), 90 л.; писан разными почерками автора. I Лл. 1—43 об. «История Ростова Великого», вып. V. Княжна Сонильда-Инера, князь Кар, царевна Хайсана и княжна Сонильда, Трудолюб, княжна Веринка-утка, Микутьчище, княжна Белунка и князь Остромир, князь Аларик, Поддуб, Ларя Шестак, княжна Светлана, Милорада и Ларя Шестак, князь Вихреслав-Карачуга, князь Твердосил. II Лл. 44—53 об. Гл. I. «Древние обитатели Ростовской области до великого князя Рюрика» (библейская часть). III Лл. 54—90. Отрывок из «Описания села Угодич» и отдельные листы.

1875

10. «Рассказ о Всехсвятской церкви г. Ростова и попе Георгии Скринице» (ГПБ, № 1542), лл. 1—10. Писан 21 января 1875 г. (см. также № 5).

1877

11. [Сборник отрывков работ Артынова] (ГПБ, № 1938), 61 л. Писаны частью в январе 1877 г. «К читателю» — «Не будь Омир...» (л. 1 об.). Примечания к отсутствующей рукописи и именной указатель к ним (лл. 2—24). «Краткий историко-статистический очерк села Угодич» (лл. 25—30). История Ростовской земли с 860 г. (лл. 31—55. Эпиграф: «Благословите, братцы, старину сказать» — Сахаров), примечания (лл. 56—61).
12. «Угодичи подростовское село Ярославской губернии А. Артынова сочинение второе 1877 г.» (ГПБ, № 1567), 121 стр. Текст стр. 1—37; примечания стр. 38—121.

1878

13. «Книга о великих князьях русских от коле произыде корень их» (ГПБ, № 2046), 121 л. Написана в сентябре 1878 г. Текст — с 3266 г. до н. э. по 1877 г. (лл. 1—70); Примечания № 1—536 (лл. 71—107); «Названия повестей, былин, рассказов и преданий» (лл. 108—110); «Уделы и отчины князей

Ростовских, селения, погосты, деревни» (лл. 111—113); родословные таблицы и ключ к ним (лл. 114—121).

14. [Сказки и легенды Ростовского края], в 2-х томах, т. I (ГПБ, № 1940).

При переплете листы сильно перепутаны, недостает некоторых страниц рукописи. Части рукописи помещены в беспорядке. Нумерация листов двойная — сделанная Артыновым и Титовым. Восстанавливаем первоначальный порядок расположения текста, давая листы по нумерации Титова.

I. «Праотцы славянорусского народа и цари Великого Ростова» (лл. 220—257, примечания, лл. 270—272). Ула-Росс царевич (источник — сказка «О царе Нимроде». М., 1800); царь Нахор и царевна Метевиль, царь Росс, Владимир-Яналец царь, Мечислав-царь, Гуменец, Силослав-топор царь, Веска, Авраам и его домочадцы (источник этих сюжетов — «Шесть русских сказок о знаменитых царях». М., 1799); Киммерис-царевна и Саг-царевич, Еркул-Иракл-Алкид (источник — рукописная тетрадка, подаренная в 1823 г. иеромонахом Тихвинского монастыря грузином Мартирием); Дедал-царевич, Ахей — царь скифский, Печегд — царь Коляга. Примечания № 27—64. После 96 стр. нумерации Артынова идут стр. 73—74 (Силослав), а далее стр. 99—106 (Свенелд, Рамир и пр.).

II. «Князья Ростовские до великого князя Рюрика» (лл. 160—208), примечания лл. 216—218 (указана дата написания: «10 апреля 1878 года. Страстной понедельник»). Князья Светозвезд, Гремисвет, Шурсколадерина, Яслав-Хлобист [!], Судислав-Шмара, Светид-Ворка, Рудак-Стюкай, Рославль-Чосак, Светлан, Вихреслав-Иверец, Курята-Бука-Гремислав. Примечания № 1—25.

III. «Князья и бояра Ростовские от великого князя Рюрика до великого князя Константина Всеволодовича» (лл. 111—156). Князь Громосил-Брячислав и княжна Милослава, Тунило-вихорь князь и Всемила княжна. Олег вещей князь и боярин Свенелд, Славолуб князь и Милолика княжна, Весель князь и княжна Светозара, Гвоздь-булат князь и Щуказора княжна, Петринка князь и Красослава княжна, Ратмир Демьян-стальной пояс, Вадим-Русин и Прелепа, Громобой дивной (только начало — перечеркнуто и запись Артынова: «Снял. Есть отдельный роман» [!!!]). Вадим Бесстрашный, Веслав Позвизд Демьян, Малах и Каптелина, Олег Святославич и Агафия. Примечания № 1—31 (не к этому выпуску).

IV. «Старейшины и богатыри Ростова Великого» (лл. 57—106 об.). Буривой-Сабур-Вайдевуг, Тугарин-Бор-Закедье, Звени-Рог князь, Ларя-Шестак богатырь, Вадим сильный

богатырь, Гистории о премудром царе Соломоне, О праотце Ное, О патриархе Аврааме, О боге и дьяволе, Рустан богатырь, Верзила богатырь, Небослав старейшина, Осой-наложи руку богатырь. Примечания № 1—28.

V. «Витязи и герои Ростова Великого» (лл. 2—48). «К моим внучатам». Ратобор-Копырь, Пимна жрецова дочь, царевна Рапсимия, Гремисвет-Позвизд неулыба, Аларик-Кома-Дунило, Вихреслав-Костер, Светополк рыжей, Рача-Пурча, Ширий Зубастой, Рамир-тук по дереву. (В примечаниях № 1—88, относящихся не к этой части, много сведений о постройках Ростовского Кремля.)

T. II (ГПБ, № 1939). VI. «Потомки великого князя Ростовского Константина Всеволодовича» (лл. 98—153 об.); рассказы «датированы» [!]. Князь Константин Всеволодович Ростовский (1199 г.), Василько князь и Мария княжна, Всеволод князь и Мария княжна, Глеб князь и царевна Газель, Василса княжна и князь Андрей (1283 г.), Юрий Александрович князь и Дарья княжна (1308 г.), Каптелина княжна и Онцыфор Ушкуйник (1394 г.), Дмитрий Третьяк и Владимир Галах (1399 г.), Петр бесчестный князь и Мария Захарина (1401 г.), Борис Иванович Лобанов князь Ростовской (1432 г.), Семен Юрьевич Ворона князь (1432 г.), Иван Голенин Ушатой князь — Скриница, Богдан Касаткин князь (1497 г.), Соломонида Голубых княжна, Никита Борисович Приемков князь (1509 г.), Михайло Приемков нелюб-князь (1539 г.), Анисья Лобанова княжна, Стефан боярин и Дарья княжна (1543 г.), Яков Иванов Лобанов князь (1578 г.), Афанасей Васильевич Лобанов князь (1604 г.), Никита Иванович Приемков князь (1605 г.), Мария Лобанова княжна. В этой же части на лл. 146—153 об.: князь Громосил и княжна Милослава, князь Тунило-вихорь и Всемила княжна, князь Олег Вещий и Свенелд наместник, князь Весель и княжна Светозара, князь Гвоздь-Булат и царевна Щука, князь Петринка и Красослава княжна, князь Борис Володимирович и Кудим, Рамир князь и Твердислава княжна, Юрий Долгорукий князь и Залешана.

VII. «Знаменитые люди Ростова Великого» (лл. 58—91 об.). Трислав-Сар Карь и Запруд-Амгий-гарь (307 г. [!]), Тучегон грозные очи, Лепосил — сокол поднебесной, Горюшь-мерило, Федор Чибарой (1142 г.), Улита княгиня Кучковичи (1174 г.), Богдашко сокольник князей (1212 г.), Георгий Всеволодович князь (1216 г.), Аника воин и князь Кобык (1227 г.), Киприян Кекин-Щеткин (1632 г.), Петр I и Алексей молодой (1702 г.), Петр I и Иван Попович (1702 г.), Николай Питерец юродивый (1761 г.),

Алексей Степанович юродивый (1785 г.), Афанасий юродивый (1612 г.), Афанасий Дмитриевич Пустовской воевода (1791 г.), Петр царевич грузинской (1813 г.), Алексей Садиков кладоицатель (1826 г.), Августин епископ Уфимский и Оренбургский (1820 г.), Инокентий архимандрит (1842 г.), Давыд [ю]родивый Ярославец (1843 г.). Примечания № 1—55. Запись: «Кончена XVI часть (об А. Д. Пустовском. — Н. В.) — 1878 года декабря 24 дня воскресенье в 12 часов ночи».

VIII. «Волшебницы Ростова Великого» (лл. 1—52 об.) Добрада Могущая и Звенислав, Сидония Мерековица и Ратобор Грива, Тихонрава-Шендора и Горесвет, Провора-Чуруниха и Трудолоб, Всеведа-Молчалница и Остромир, Добродей-Колница и Рославль-Юк, Рамзаиха-Кочан и Светослав. Примечания № 1—58.

IX. «Иерархи Ростовские» (лл. 184а — 226 об.); написано 7 декабря 1878 г. Фома первый епископ Ростовский (988 г.), Феодор I епископ (988 г.), Иларион епископ (989 г.), Авраамий архимандрит (992 г.). Епископы: Леонтий (1051 г.), Исаия (1080 г.), Ефрем I (1092 г.), Прохор I (1100 г.), Иоанн I (1141 г.), Нестор (1149 г.), Леон (1155 г.), Феодор II (1171 г.), Николай (1184 г.), Лука (1185 г.), Иоанн II (1190 г.), Симон (1214 г.), Пахомий (1214 г.), Кирилл I (1218 г.), Кирилл II (1231 г.), Игнатий I (1262 г.), Тарасий (1289 г.), Симеон I (1299 г.), Прохор II (1311 г.), Антоний I (1328 г.), Гавриил (1336 г.), Иоанн III (1346 г.), Игнатий II (1356 г.), Петр (1364 г.), Парфений (1366 г.), Арсений I Грива (1373 г.), Матфей (1383 г.), Иаков (1385 г.), Феодор III (1389 г.). Архиепископы: Арсений II (1395 г.), Григорий I (1396 г.), Дионисий (1418 г.), Ефрем II (1427 г.), Феодосий (1454 г.), Трифон (1462 г.), Вассиан I Рыло (1468 г.), Иоасаф I (1481 г.), Тихон Малышкин (1490 г.), Вассиан II (1506 г.), Иоанн IV (1520 г.), Кирилл III (1526 г.), Досифей I (1539 г.), Алексий (1543 г.), Никандр (1549 г.), Корнилий (1567 г.), Иона I (1574 г.), Давыд (1577 г.), Евфимий (1585 г.), Иов (1587 г.). Митрополиты: Варлаам I (1589 г.), Иона II (1602 г.), Кирилл IV (1605 г.), Филарет I Романов (1606 г.), Варлаам II (1620 г.), Иона III Сысоевич (1652 г.), Иоасаф II (1691 г.), Димитрий I (1702 г.), епископ Досифей II (1711 г.), архиепископ Григорий II (1718 г.), архиепископ Иоаким (1731 г.), митрополит Арсений III Мацевич (1742 г.), епископ Афанасий Волховский (1763 г.), епископ Самуил Миславский (1777 г.), архиепископ Арсений IV Верецагин (1784 г.).

Далее идет краткий перечень Ярославских и Ростовских архиереев с 1787 по 1877 г.

X. (Выпуск без начала, разрозненный; лл. 154—180 об.; написан 26 октября 1878 г.) Шуша Муромцева и Омеля Храбрый, Мария Примикова и Симеон Симонов, Фекла Филина дочь и князь Улейбой, Газель царевна и Глеб князь, Соломонид Голубых и Никита Примков, Анисья Лобанова и Иван Глинской, Мария Лобанова и Григорей Валуев, митрополит Иона II, юродивый Фрол. Примечания № 1—53.

XI. (Перепутанная часть рукописи, лл. 227—288); написана 17 ноября 1878 г. Конец сказки о Соколихе (Юрий и Залешана), Мстислав Юрьевич князь и Ингварь князь, Мария Примикова и Симеон Симонов, Фекла Филина дочь и Улейбой, Андрей Юрьевич Боголюбский и Олег князь, княгиня Улита и братья Кучковичи. Примечания № 1—62. Оглавление на 24 рассказа от Громосида до Марии Лобановой. Феодора княжпа Щепина блудница, Глеб Константинович князь Соломский (1392 г.), Алексей Степанович, юродивый. Примечания № 1—33 и 1—45. Отрывок из описания деревень со списочного № 52 (Горы) до № 204 (Утехово) (см. № 16, ч. II). Родословная князей Ярославских и Ростовских².

1878—1879

15. «Памятники старины» в 4-х частях (ГПБ, № 4580), 332 лл.

Ч. I. Повести, предания и события о князьях Великого Ростова (VII + 284 стр.); написаны 1 января — 21 февраля 1878 г. 65 «датированных» рассказов от Рюрика до XVII в.

Ч. II. «Памятники старины» (стр. 1—192); написаны 6 мая 1879 г. рукопись Мусина-Пушкина (стр. 1—38); рукопись Трехлетова (стр. 39—76); рукопись Хлебникова (стр. 77—84); «Ростов в наше время» (стр. 85—92); копии с актов Угодичского архива (стр. 93—126); «История села Угодичь» [М. Д. Артынова] (стр. 127—168); «Угодичи в наше время» (стр. 169—178); «Рыболовство села Угодичь» (стр. 179—188); «Огородничество села Угодичь» (стр. 189—192).

Ч. III. «Знаменитые люди Ростова Великого, часть вторая» (стр. 195—265); написана 4 июня 1879 г.

Ч. IV. «Иерархи Ростова Великого, часть третья» (стр. 278—380); написана 5 июля 1879 г.

Содержание и порядок изложения ч. III и IV тот же, что в № 14

² Приведенный выше подробный перечень сюжетов рукописей № 1939 и 1940 дает представление о характере и темах сочинений Артынова. В последующих рукописях эти «предания» и «сказки» повторяются с вариантами и дополнениями новых аналогичных сюжетов.

16. «Великий Ростов, его князья, их уделы и резиденция их село Угодичи». В 3-х частях. (ГПБ, № 3493), 290 л., коленкорový переплет с тиснением. Написано 15 ноября 1879 г. — 22 января 1880 г.

Ч. I. «Великий Ростов» (стр. 1—198). «Вместо предисловия» — копия с открытого листа ярославского губернатора Унковского, выданного 10 марта 1870 г. Артынову на собрание сведений по истории края. «К читателю» (стихи). Указатель к примечаниям. Эпиграф: «Надо сохранить в России, что искони бе». Текст от Рюрика до 1876 г. (очень сжатый). Примечания № 1—346. «Всякая всячина» (указатель).

Ч. II. «Ростовский округ» (стр. 1—204). Предисловие. Текст по алфавиту названий селений (всего 746). «Всякая всячина».

Ч. III. «Село Угодичи» (стр. 1—163). История. Памятники старины. Примечания № 1—228. «Всякая всячина». Родословные таблицы «князей русских», «черниговско-ярославских и ростовских» и ключ к ним.

1880

17. «Ростовские сказки. Сочинения А. Артынова». В 3-х частях (ГПБ, № 3492). Написаны 15 февраля — 26 июня 1880 г. 94 + 104 + 115 л., коленкорový переплет с тиснением. Ч. I. 15 сказок и 3 «истории». Примечания № 1—144. «Всякая всячина» (указатель).

Ч. II. 25 сказок. Примечания № 1—94. «Всякая всячина».

Ч. III. 26 сказок (в их числе «Мусин-Пушкин и его родословная»). Примечания № 1—90.

18. «Ростова Великого князья, иерархи и знаменитые люди». В 3-х частях (ГПБ, № 3494). Написано 21 октября — 31 декабря 1880 г. 106 + 49 + 91 л., коленкорový переплет с тиснением.

Ч. I. «Князья Великого Ростова» (от Рюрика до князя Никиты Ивановича, 1605 г.). Географический указатель. Текст. Примечания № 1—25.

Ч. II. «Иерархи Великого Ростова» (от епископа Фомы до Арсения IV, 988—1784 гг.). Примечания № 1—81. Географический указатель.

Ч. III. «Знаменитые люди Великого Ростова» (от Перея Тучи до Давыда Юродивого, 78—1843 г.). Примечания № 1—65. Географический указатель. Родословные таблицы.

1881

19. «Сборник сочинений Артынова» (ГПБ, № 1928), 104 л. Написано в апреле — мае 1881 г.

1. «Краткие легенды к Путеводителю Ростова Великого». Волости: Воржская, Гарская, Березинская, Борисоглебская, Вожажниковская, Дубровская, Зверинцевская, Ивановская, Караш[с]кая, Нажгровская, Перов-

ская, Порецкая, Сулоцкая, Угодская, Шулецкая, Щадневская.

2. «Краткий путеводитель по Ростовской округе» и ключ к нему.

1882

20. «Предания старины Ростова Велико-го, собранные полувековыми трудами крестьянина Александра Артынова» (ГПБ, № 2200), 636 стр. Тщательно переписанная рукопись, предисловие написано в июле 1882 г.

Рукопись открывается старательно вырисованным вязью эпиграфом: «Надо сохранить то на Руси, что искони бе. Слова императора Николая I к профессорам». Далее эпиграфы, повторяющиеся в ряде рукописей: «Всякая история бывает приятна хотя и неискусною рукою писана. А особливо отечественная. Плиний Старший»; «Прочтите книгу эту два раза, если хотите судить о ней здраво. А если хотите состязаться со мною публично, то прочтите ее хоть раз. Лафонтен»; «Во всякой правде есть вымысел. Во всяком вымысле есть правда. Ф. Булгарин». Текст излагает «предания» в связанном рассказе с 3266 г. до н. э. по 856 г. н. э.; 752 подстрочных примечания. В конце статья о стольнике А. Б. Мусине-Пушкине. Географический указатель и «План исторических селений, погостов и деревень Ростовской округи».

21. «Бархатная книга или Родословная князей Ростовских списана со старой харатейной рукописи с прибавлением содержания удельной собственности князей Ростовских кто из них чем владел в Ростовском округе, списано с книги Петра Васильевича Хлебникова под именем «Уделы князей Ростовских» рукопись начала XVII столетия Александром Артыновым в 1833 году» (РЯМЗ, р-473), 115 л. Кожаный переплет.

«Родословная князей Ростовских» (лл. 1—11; написана 3 ноября 1882 г.). «Уделы князей Ростовских» (в алфавите селений, лл. 12—90). «Удельная собственность князей Ростовских. Каким уделом и кто владел» (указатель, лл. 91—112). «Селения, погосты и деревни...» (указатель, лл. 112 об., —115 об. написана 8 ноября 1882 г.).

22. «Воспоминания крестьянина села Угодичь Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Яковлева Артынова» (ГПБ, № 1585), 257 л. Ч. I, гл. I—XIV, с 1813 по 1850 г. Лл. 1—81 — автограф А. Я. Артынова с дополнениями и правкой рукой издателя «Воспоминаний» А. А. Титова.

Лл. 100—257 — копия писарским почерком с правкой того же Титова.

1883

23. «Удельная собственность князей ростовских каким уделом и кто из них владел» (ГПБ, № 2411), 25 стр. Написано 3 января 1883 г.

7*

195

- 732 названия селений по волостям с указанием владельцев.
24. «Ростовский летописец», в 5-ти частях (ГПБ, № 2923), 274 л. Написан 1 мая — 14 ноября 1883 г. Ч. I. IX—X вв.; ч. II. XI в.; ч. III. XII в.; ч. IV. XIII в.; ч. V. XIV в. Под текстом 863 примечания.
- 1883—1884
25. «Ростовский летописец». В 2-х частях (ГПБ, № 2768); ч. I. XVIII + 475 стр.; ч. II. 377 + VII + 53 стр. Кожаный переплет; на нем наклеен портрет Артынова. Ч. I. Предисловие. Вступление. Перечень источников устных, рукописных и печатных. Оглавление. Текст (IX—XIV вв.). Ключ к нему. Выписка из Лаврентьевской летописи. Ч. II. Текст (XV—XIX вв.). (На стр. 336: «Закончил этот ростовский летописец в 1884 года апреля в 7 день в великую субботу в 8 часов 32 минуты после полуден за три часа с половиной до святых пасхи 8 апреля. Писать начал с 1 мая 1883 года»). Ключ. Приложения: об Арсении Мацевиче, Повесть о Суде Шемякином Ф. Н. Булгакова, Родословная князей ростовских (с таблицей). Географический указатель к карте. Карта селений. Приложение о селениях.
26. «Село Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда. Сочинение Александра Артынова крестьянина села Угодичь» (ГПБ, № 4418), 173 л. Написано 24 ноября 1884 г.
- 1885
27. «Ростовский летописец Александра Артынова», в 3-х частях (ГПБ, № 4549), ч. I. XII + 406 + 2 стр. непромуерованные; ч. II. 519 стр.; ч. III. 551 стр. На первом (чистом) листе надпись Артынова карандашом: «Цель оправдывает средства — правило иезуитов». Написан с 24 марта по 31 декабря 1885 г. Переплет кожаный с тиснением. Ч. I. Предисловие (другим почерком) и оглавление. Перечень источников. «Книга о славянорусском народе и великих князях русских отколе произыде корень их на Руси». Текст (от Ноя до 861 г.). Родословная. Указатель. «Содержание» (другой указатель). Ч. II. «Ядро ростовской истории или Ростовский летописец Александра Артынова». 2 оглавления (князья Ростовские, княгини, знаменитые люди, иерархи). Текст (от 861 г. до 1399 г.) «Содержание» (указатель). Ч. III. «Ростовский летописец Александра Артынова». Два оглавления. Текст (с 1400 до 1877 г.). Родословные таблицы, уделы. «Содержание» (указатель). Уделы князей ростовских.
28. «Сто двадцать сказок стольника Алексея Богдановича Мусина-Пушкина, списаны с его рукописи в 1842 году крестьянином Александром Артыновым», в 4-х частях, в двух томах (ГПБ, № 4131 и 4132). Части I—III «списаны» с 1 января 1887 г. по 6 апреля 1888 г.; часть IV окончена 29 августа 1888 г. Ч. I. «Книга о славянорусском народе, о великих князях русских и ростовских, от коле корень их произыде на Руси. Стольника Алексея Мусина-Пушкина. 1662». Предисловие (стр. III—V), вступление о Мусине-Пушкине (стр. VII—XXV), оглавление (стр. XXVII—XXXIV). Текст — от Адама до Рюрика (стр. 1—315), примечания № 1—186 (стр. 317—347). Родословие от Ноя до Рюрика (стр. 348—366). Указатель (стр. 367—380). Ч. II. «Сказки и предания Ростовского края». 30 сказок от Адама до Энины (стр. 1—259), примечания № 1—68 (стр. 261—290). Ч. III. 38 сказок от Клебула до Рюрика (стр. 1—342). Примечания № 1—85 (стр. 343—390). Ч. IV. 54 сказки от Мечислава до небослава (стр. 1—728; в том числе о князе Добрыне, жреце Богомиле, Александре Македонском, о слободе Угожь, о Голубиной книге); примечания № 1—169 (стр. 729—790).
29. [Сборник-конволют, состоящий из двух рукописей] (ГПБ, № 4357), 96 л. I. [Ростовская мифология], лл. 1—48. II. «Наместники ростовские», лл. 49—96. Фрагмент того же текста, что и № 30 — кончается князьями Приимковыми.
30. «Ростовские князья» (ГПБ, № 4523), 101 л. Написано 9 августа 1887 г. Содержит главы: наместники ростовские, удельные князья, окупные князья, князья Голенины, Щепины, Приимковы, Бахтияровы, Гвоздевы, Хохолковы, Катыревы, Буйносовы, Явовы, Темкины, Пужбольские, Ласткины, Касаткины, Лобановы, Голубые, Бычковы.
31. «Село Угодичи» (ГПБ, № 3344), 235 стр. Кожаный переплет с тиснением. Приложен портрет Артынова, рисованный художником Башковым в 1850 г. с более раннего — 1835 г., вид и план Угодич. Надпись А. А. Титова: «Писано рукой Артынова и было на Ярославском археологическом съезде 1887 года в Ярославле, подарено автором». В тексте акварельные и карандашные иллюстрации того же Башкова: сон Авраамия, пророчество Авраамия, возвращение Авраамия через озеро, Исаия благословляет угожан иконой Богоявления, встреча царя Ивана с колоколом и иконой, возвращение Томили Лу-

говского в Угодичи с иконой Богородицы Молчанской, Петр I жертвует Мусину-Пушкину икону; образ Богородицы Молчанской; крест, высекаемый во льду во время водосвятия; образ Христа.

1890

32. «Летопись бытия временных лет Ростова Великого сочинение крестьянина Александра Артынова» (РЯМЗ, р-475), 245 л.
Предисловие. Ключ. Вступление. «Ростовская летопись сочинение Александра Артынова» (с 850 по 1885 г.). Оглавление. Родословные. На л. 237 об.: «Сия Ростовская Летопись писана и кончена 1890 году 13-го января крестьянина села Угодич Сергея Артынова по рукописям и со слов деда своего крестьянина села Угодич Ростовского уезда Александра Яковлева Артынова».

*Недатированные рукописи
А. Я. Артынова
и копии с его рукописей*

33. «История села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда. Сочинение крестьянина Александра Артынова» (ГПБ, № 1796), 66 л.
Село Угодичи. Угодичи в наше время. Анекдоты к истории с. Угодичь. Памятники старины, служащие для истории с. Угодичь. «Приложение различных предметов к истории села Угодичь». Родословная автора. Примечания № 1—275.
34. [Папка бумаг А. Я. Артынова] (ГПБ, № 4628), 143 л.
Воспоминания 80-летнего жителя г. Петровска Антона Вагинова, писал в 1892 г. со слов его Яков Артынов (лл. 1—9). Ядро Ростовской истории (сочинение А. Я. Артынова), ч. II, предисловие и предметный указатель (лл. 10—30). Летопись бытия временных лет Ростова Великого до 1160 г. (лл. 31—42 и 59—82). «Князь Никита Иванович Приемков. События начала XVII столетия» (лл. 43—54). Отрывок из летописца А. Артынова (лл. 55—58).
Уделы и вотчины князей Ростовских в нынешних волостях (лл. 83—140). Неутолимая моя печаль (письмо Артынова). Ода на продолжительное молчание славного историка с. Угодичь А. Я. Артынова (лл. 141—143). Позже лл. 83—143 были выделены из папки.
35. «Ядро Ростовской истории сочинение члена-сотрудника Ростовского музея, крестьянина Ростовского уезда села Угодичь Александра Артынова» (ГПБ, № 4561), 388 лл. Копия с артыновского оригинала, списанная 1 января 1897 г.
Предисловие (лл. 2 и 6). Алфавит «кратких деяний князей, иерархов и знаменитых людей Ростова» (лл. 3—5 и 7); текст с IX в. по 1885 г.

(лл. 8—374), поправки, сделанные рукой Артынова (почерк старческий, ломаный и дрожащий). Примечания и родословец (лл. 375—386).

36. «Сказки и предания Ростовского края» (ГПБ, № 2889), 16 л. Копия. Стольник А. Б. Мусин-Пушкин. Два брата с Арбата.

**РУКОПИСИ А. Я. АРТЫНОВА
И КОПИИ С НИХ ВНЕ СОБРАНИЯ
А. А. ТИТОВА**

А. Собрание Ростово-Ярославского архитектурно-художественного музея-заповедника

37. «Летопись Ростова Великого», № 234, 122 стр.
38. «Книга о славянорусском народе отколе корень его произыде, о князьях русских и ростовских», № 235, 126 л.
39. «Крестьянин Александр Артынов Ярославской губернии Ростовского уезда села Угодичь», № 236, 114 л. (из них 4 листа без текста).
40. «Родословная Ростовских князей. Князья и наместники, удельные, откупные их вотчины с планом, перечень князей Ростовских», № 237, 128 л.
41. «Дозорная книга уделов и вотчин князей Ростовских. Сочинение крестьянина Ростовского уезда села Угодичь Александра Артынова, взятое из Государственных грамот и договоров, по руководству и наблюдению секретаря императорского археологического общества в С.-Петербурге Ивана Петровича Сахарова», № 238, 106 л.
42. «Родословная князей Ростовских сочинение Александра Артынова», № 239, 91 л.
43. «Ключ к «Русской старине» и к «Ростовскому летописцу», № 240, 43 л.
44. «История Ростова Великого, о его князьях и иерархах», № 241, 394 стр.
45. «Летопись бытия временных лет Ростова Великого», № 294, 410 стр.
46. [Папка бумаг], № 295; а) «О древностях Ростова Великого», 10 л.; б) «Сказание о Ростовском соборе», 2 л.; в) «Ядро Ростовской истории. 1857 год», 16 л.
47. «Предисловие к Ядру Ростовской истории», № 296, 92 л.
48. «Ядро Ростовской истории», № 297, 92 л.
49. [Летопись Ростова Великого], № 300, 316 стр.
50. «Церковь всемилостиваго Спаса на площади в Ростове и о святителе Якове епископе Ростовском А. Артынова», № 564, 46 л.
51. [Ростовский летописец], № 649, 190 л.

Б. Собрание Н. Я. Колобова в ГПБ

52. «История Ростова Великого», № 81, 242 л. Написана в 1873 г.
53. «История села Угодичь», № 82, 266 л.
54. «Досуг поселянина, или сборник повестей рассказов и преданий Ростова Великого», № 374. Написана в 1870 г.

55. «Село Угодичи», № 375, 211 л. Написано в 1875 г.
В. Основное собрание рукописной книги ГПБ
56. «Сбор рыбаков на лов», Q-XIV, № 181, 51 л., копия
57. «История села Угодичь», Q-IV, № 424, 20 л., копия
58. «Князь удельный Константин Всеволодович». Подзаголовок: «Извлечено из рукописи «Досуг поселянина». Q-IV, № 503; 75 л., автограф. Написано в 1876 г.
Г. Отдел письменных источников ГИМ
59. «Воспоминания крестьянина села Угодичь Александра Артынова, часть II», ф. 450, ед. хр. 838; 120 л. Копия с автографа, принадлежавшего И. А. Мусиной-Пушкиной.
60. «Исторические повести и легенды, находящиеся в третьей части Истории Ростова Великого», ф. 473, № $\frac{86086}{3757/2}$, 400 + LIX стр., 1873 г.
 Эта рукопись также, как и две следующие (№ 61 и 62), приобретена ГИМ из собрания А. А. Титова по рекомендации Б. Н. Эдинга.
61. «Сказки и предания Ярославской губернии Ростовского края Александра Артынова», ф. 473, № $\frac{86086}{4166}$, 380 стр., 1886 г.
62. «Ядро Ростовской истории временных лет. Сочинение члена-сотрудника Ростовского музея крестьянина Александра Артынова», в 2-х частях, ф. 473, № $\frac{86086}{3757}$, ч. I—XII + 472 стр.; ч. II—VII + 383 стр. Написана не раньше 1892 г.

Л. Я. Саен

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕЙ КРИТИКЕ ЖУРНАЛОВ
ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ОБОРОНЕ ГОСУДАРСТВА
(1915 — 1918 ГГ.)

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА) находится на хранении фонд Особого совещания по обороне государства (ф. 369) — главного правительственного органа, созданного для военно-экономической мобилизации России в годы первой мировой войны.

Особое совещание по обороне возникло в августе 1915 г. на основании положения от 17 августа 1915 г. Полное его наименование — «Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» (официально принятое сохраняемое наименование — Особое совещание по обороне)¹.

Документы фонда — около 3 тыс. единиц хранения, среди них 47 ед. хр.², в которых скомпонованы журналы, — являются уникальным источником для изучения состояния промышленности, транспорта, финансов России в период империалистической войны; содержат значительные сведения о производстве, заказах и закупках снаряжения и вооружения для армии внутри страны и за границей, создании новых отраслей промышленности, таких, как авиационная, автомобильная, химическая, и многие другие сведения. Можно сказать, что все вопросы экономики России накануне Великой Октябрьской социалистической революции так или иначе отразились в документах фонда Особого совещания по обороне и, в первую очередь, в журналах заседаний.

Первым из советских историков, еще в 20-х годах обратившимся к документальным материалам фонда, был А. Л. Сидоров. О научном значении журналов он писал: «Журналы давали в общем ответ на вопрос: как шло в России создание военного хозяйства 1915—1917 гг., как протекала экономическая мобилизация страны, какие вопросы правительство ставило и решало»³.

А. Л. Сидоров и многие другие советские исследователи использовали в своих работах материалы фонда Особого совещания, в том числе и журналы⁴. Опубликованы также выдержки из отдельных журналов Особого совещания по обороне⁵.

¹ Так называемое «августовское» Совещание (положение о нем см. ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 5). Предшественником его являлось так называемое «майское» Совещание, существовавшее в период с мая до августа 1915 г., материалы которого также входят в состав фонда.

² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49—58, 173—183, 375—378, 380—384, 518, 598—613; оп. 3, д. 260.

³ А. Л. Сидоров. Некоторые размышления о труде и опыте историка. — «История СССР», 1964, № 3 (далее — А. Л. Сидоров. Некоторые размышления...), стр. 127.

⁴ Мы имеем в виду работы А. М. Анфимова, П. В. Волобуева, В. С. Дякина, В. А. Емеца, Т. Д. Крупиной, А. П. Погребинского, К. Н. Тарновского и многих других (Р. Е. Рутман. Библиография литературы, изданной в 1953—1963 гг., по истории первой мировой войны. — В кн.: «Научная сессия по истории первой мировой войны». М., 1964); историографию вопроса см. также: С. В. Воронкова. Материалы Особого совещания по обороне государства (источниковедческое исследование). М., 1975, стр. 138—143.

⁵ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Документы и материалы, т. I—III. М. — Л., 1957—1967.

Большая и многоаспектная информация, содержащаяся в журналах, ставит их на первое место среди документов всего фонда.

Журналы Особого совещания по обороне представляют собой итоговый документ, вобравший в себя различную подготовительную документацию, с той или иной степенью подробности отразивший ход заседаний Совещания, а, следовательно, в целом работу самого Особого совещания по обороне.

Предметом данной статьи является журнал как разновидность документа, его формуляр, текст журналов⁶. И лишь по мере необходимости коснемся некоторых вопросов критики содержания журналов.

Журналы были принятой формой записи хода различных заседаний в системе делопроизводства государственных учреждений России конца XIX — начала XX в.

Еще при образовании «майского» Совещания встал вопрос о форме записей хода и результатов заседаний Совещания. Вначале ст. 13-я «Положения об Особом совещании по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия» формулировалась так: «О всех решениях Особого совещания составляются назначенными для сего лицами особые журналы, подписываемые председателем и всеми членами Особого совещания»⁷. Впоследствии эта формулировка неоднократно менялась, предполагая и протоколы и журналы⁸. В окончательной же редакции «Положения об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства», утвержденного 17 августа 1915 г., слово «протоколы» заменено на «журналы»: «О всех заседаниях Совещания составляются краткие журналы с указанием мнений большинства и особых мнений, которые пожелают занести в журнал несогласные с большинством члены Совещания. На журналах отмечается и принятое председателем решение по обсуждаемому вопросу»⁹.

Таким образом, можно предполагать, что форма «журналов», а не «протоколов» Особого совещания по обороне государства для записи своих заседаний была выбрана не случайно. Ведение журналов заседаний было поручено делопроизводителям Совещания. А если учесть права председателя Особого совещания по обороне, которых мы коснемся ниже, то именно форма журнала как документа для записи всего происходившего на заседаниях предоставляла широкую возможность для произвольного изложения обсуждаемых вопросов.

В качестве примера составления журналов возьмем порядок ведения и оформления журналов заседаний Совета министров.

На заседании Совета министров от 29 декабря 1915 г. обсуждался вопрос об образовании Совещания по финансово-экономическим вопросам¹⁰. Сохранилась карандашная запись хода заседания, сделанная в процессе самого заседания. Эта первая, непосредственная запись очень сокращенно зафиксировала выступления присутствовавших министров, даже фамилии выступавших не указаны, дается лишь сокращенное название министерств,

⁶ Частичная характеристика журналов заседаний как исторического источника дана в следующих работах: А. Л. Сидоров. Некоторые размышления...; Л. Е. Шенелев. Работа исследователя с архивными документами. М.—Л., 1966; С. В. Воронкова. Обзор материалов Особого совещания по обороне государства.— «История СССР», 1970, № 3; она же. Материалы Особого совещания по обороне государства (историко-ведческое исследование). Автореф. канд. дисс. М., 1970; она же. Опыт классификации материалов Особого совещания по обороне.— «Вестник Московского университета», 1969, № 3; В. В. Журавлев. Важный источник по истории предпринимательских организаций российской монополистической буржуазии.— «Историко-ведческие работы Тамбовского государственного педагогического института», вып. 1. Тамбов, 1970.

⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 1, л. 43.

⁸ Там же, д. 1, лл. 66, 175 об.; д. 169, лл. 81—82.

⁹ Там же, д. 165, л. 55—55 об.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 258, лл. 125—130 об.

которые были представлены (МПС, МФ, МЮ, МЗ и т. п.). Перед сдачей в типографию эта запись расшифровывалась, редактировалась, а затем появлялся проект журнала, напечатанный в типографии. В нем излагались выступления присутствующих на заседании. Такой проект с надписью: «Разослан на замечания... председателю и всем членам Совета...»¹¹ направлялся по соответствующим министерствам. Через несколько дней исправленный, отредактированный журнал поступал в Совет министров, где получал еще одну «препроводительную» перед разрешением печатать окончательный вариант: «Прилагаемый журнал представляется к окончательному пропуску; журнал проверен и замечания ведомств нанесены. Нач. отделения Путилов»¹². Последней была резолюция управляющего делами Совета министров И. Ладыженского: «Пр[ошу] печатать». После утверждения царем журнал приобретал законодательный характер.

Очевидно, что, кроме последнего этапа — утверждения журнала царем, все эти стадии должны были проходить и журналы других руководящих органов и учреждений, к которым относилось, конечно, и Особое совещание по обороне. Но последнее являлось более оперативным органом, собиралось значительно чаще, решения его утверждались только председателем, поэтому процедура составления журналов была значительно упрощена.

После завершения деятельности «майского» Совещания, журналы которого имеют последовательную нумерацию с № 1 по № 24 — по количеству заседаний, Особое совещание по обороне государства, действовавшее на основании положения от 17 августа 1915 г., открыло новую нумерацию своим заседаниям с № 1, а следовательно, и нумерацию журналов заседаний, и продолжало ее до ликвидации Совещания в 1918 г. (хотя в 1917—1918 гг. Особое совещание неоднократно меняло свое название¹³). Благодаря этому устанавливается, что собственно Особое совещание по обороне имело 235 заседаний. Должно было быть и 235 журналов заседаний, однако не все они сохранились¹⁴.

Журналы Особого совещания по обороне государства имеются в двух видах — машинописные подлинники и типографские копии. Исключение составляют три черновых журнала (№ 140, 141 и 187), запись которых была сделана в процессе заседаний Совещания¹⁵. Последние имели также юридическую силу подлинника, ибо должны были рассылаться заинтересованным министерствам и ведомствам в качестве официального документа, имеющего распорядительный характер.

Формуляр журнала состоял из пяти частей, мало чем отличаясь от документа подобного рода, исходящего из других учреждений:

1. Номер журнала, соответствующий номеру заседания Совещания, название учреждения и дата заседания;
2. Список лиц, присутствующих на заседании;
3. Информативная часть — изложение содержания вопросов, обсуждавшихся на заседании;
4. Постановляющая часть — резолюция председателя Особого совещания по обороне;
5. Подписи.

¹¹ Там же, лл. 143—147.

¹² Начальник Канцелярии Совета министров (там же, л. 142).

¹³ Так, в ноябре 1917 г. действовала «Особая комиссия по обороне», в декабре 1917 г. — марте 1918 г. — «Особое совещание по финансированию».

¹⁴ За 1915 и 1916 гг. сохранились полные комплекты журналов Особого совещания по обороне, в том числе за 1915 г. — 36, за 1916 — 95 журналов. За 1917—1918 гг. сохранилось 72 журнала, отсутствуют 32 журнала (№ 145, 146, 151, 153, 154, 155, 156, 158, 190, 194, 195, 197, 198, 204, 205/1, 205/3, 205/4, 205/5, 205/6, 205/7, 207—210, 212, 213, 214—216, 220, 221, 226/3).

¹⁵ ЦГВИА, ф. 29, оп. 3/1810, д. 5290, лл. 53—57 об.; ф. 369, оп. 1, д. 381.

Именной список лиц, присутствовавших на заседании, давался с указанием учреждения и ведомства, ими представляемых, а также их должности, чина или звания. Список присутствовавших на заседании делился на две части: постоянные члены Особого совещания и лица, приглашенные на данное заседание. Последние менялись в зависимости от вопросов, которые обсуждались на заседании. В состав постоянных членов Особого совещания входили представители Государственного совета, Думы, различных ведомств, буржуазных «общественных» организаций, а в 1917 г. должны были входить и представители Советов рабочих и солдатских депутатов¹⁶. Списки присутствовавших на заседаниях Совещания дают возможность судить о социально-политическом составе Совещания, что, естественно, играет большую роль при изучении истории его деятельности¹⁷.

Процесс подписания журнала Особого совещания был обычным для подобного рода документов. После перепечатки журнала очередного заседания делопроизводитель карандашом проставлял фамилии присутствовавших на заседании лиц. Последние расписывались, таким образом, в определенном им месте. Одновременно с этим, естественно, журнал прочитывался и, если было нужно, правился по тексту или изменения оговаривались, редактировались на полях журнала или непосредственно рядом с подписью. Члены Совещания широко пользовались правом особого мнения, которое прилагалось к журналу.

Мы уже отмечали, что в результате широких полномочий, предоставленных Особому совещанию, оно располагало большой экономической и политической информацией. Журналы Особого совещания — важнейшая группа документов фонда, поскольку они отразили всю совокупность обсуждаемых на заседаниях вопросов и принятые по ним решения. В связи с этим выяснение степени полноты и точности отражения в журналах хода обсуждения тех или иных вопросов — одна из основных задач историко-ведческого анализа этих документов.

Записи, как правило, отражают не ход прений, а обобщенное изложение обсуждения того или иного вопроса, когда несколько выступлений одного лица сведены воедино, а близкие мнения нескольких лиц записываются как одно¹⁸. Иными словами, журнал является итогом своеобразного анализа хода совещания, объективность и точность которого подлежат проверке. За спокойным и повествовательным тоном изложения журналов, безликими, обтекаемыми формулировками («Совещание считает», «Совещание решило») зачастую нельзя проследить борьбу мнений и споров по существу вопроса, часто дается просто изложение мнений большинства и меньшинства и решение председателя Особого совещания.

Следует указать и на следующее. Если в «майский» период деятельности Совещания в журналы вносилось все или почти все, что происходило на заседаниях, то журналы «августовского» Совещания представляют собой в этом отношении уже менее полные источники. Дело в том, что в этот период были созданы и действовали различные комиссии и комитеты Осо-

¹⁶ О составе Особого совещания по обороне государства см.: «Положение об Особом совещании...» 17 августа 1915 г. (с изменениями в 1916 и 1917 гг.). — ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 165, 169.

¹⁷ Списки присутствовавших на заседаниях Особого совещания по обороне специально исследователями не изучались. Политический состав Совещания и его предшественников анализировался, как правило, на основе Положений об Особом совещании по обороне (см., например, работы А. Л. Сидорова, а также: Т. Д. Крупина. Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне. — «Исторические записки», т. 83. М., 1969; С. А. Сомов. Последняя страница Особого совещания по обороне (октябрь 1917 г. — февраль 1918 г.). — «Исторические записки», т. 90. М., 1972).

¹⁸ Например, если сравнить имеющиеся в нашем распоряжении черновые записи хода заседаний с окончательными (ЦГВИА, ф. 29, оп. 3/1810, д. 5290, лл. 53—57 об.; ф. 369, оп. 1, д. 375, лл. 213—214, д. 376, л. 28—28 об.).

бого совещания, которые предварительно рассматривали ряд вопросов. Председатели соответствующих комиссий и комитетов, будучи одновременно и членами Особого совещания, выносили на обсуждение последнего уже согласованные и подготовленные вопросы. Поэтому довольно часто вносимые комиссиями вопросы утверждались или отклонялись на заседании Совещания без дополнительного обсуждения. Следовательно, журналы Особого совещания нужно использовать в сочетании с материалами подготовительных комиссий и комитетов¹⁹. Следует отметить, что, в отличие от журналов самого Особого совещания по обороне, первичные журналы некоторых его комиссий и комитетов достаточно хорошо сохранились. По ним можно проверить сведения фактического характера, содержащиеся в журналах²⁰.

О случаях неточной передачи событий, неверном толковании и записи отдельных выступлений участников заседаний можно судить по целому ряду высказываний самих членов Совещания. На заседании 5 сентября 1915 г. председатель Государственной думы М. В. Родзянко заявил, что «считает запись предыдущего журнала неполной...». Его поддержал член Государственной думы И. И. Дмитриюков, который в свою очередь отметил, что «некоторые из обсуждаемых в Особом совещании принципиальных вопросов требуют точного воспроизведения предложений членов Совещания и заключений по ним Особого совещания, что не достигается, как показал опыт, принятым порядком записывания хода прений. Ввиду этого, единственным выходом явилось бы ведение стенографических записей для составления журнала Совещания». Тогда же было принято решение о «возможности привлечь в состав делопроизводства Особого совещания чиновников, знающих стенографию»²¹.

Однако это выполнено не было, о чем свидетельствовало письмо И. И. Дмитриюкова военному министру А. А. Поливанову. Письмо не датировано, но, очевидно, оно относится к октябрю 1915 г.²² В письме автор отмечал неоднократные случаи несовпадения журнальных текстов с высказанными на заседаниях соображениями. «... Причем я затруднился подписывать журнал, — писал И. И. Дмитриюков, — представлять же особое мнение, как это разрешалось, было не всегда удобно». Автор письма предлагал выделить для этого специально ответственных лиц.

Приведем еще одно замечание И. И. Дмитриюкова к журналу от 17 октября 1915 г.: «Ознакомившись с журналом 17 октября, я не могу согласиться с мотивировкой журнала по вопросу о реквизиции лесопильного завода «Экономия». Так как в журнале сказано, что «Особое совещание признало», то можно понять, что состоялось единогласное мнение, между тем я высказывал противоположное мнение...». И далее: «В журнале 17 октября вопрос о реквизиции лесопильного завода помещен не в конце журнала, а в середине, между тем вопрос этот обсуждался в конце заседания. Гораздо легче ориентироваться в журнале, если записи его соответствуют последовательному рассмотрению вопросов»²³. К его мнению присоединился и член Государственного совета А. Ф. Трепов. Все же порядок записи изменен не был, хотя эти замечания были сделаны, очевидно, при подписании машинописного экземпляра журнала 22 октября 1915 г.

¹⁹ 21 июля 1916 г. сенатор Н. П. Гариин — помощник военного министра по Особому совещанию — писал управляющему делами Совещания Н. А. Бабинову: «Редактирование постановлений Особого совещания крайне трудно и ответственно, посему при представлении проекта резолюции прошу представлять и все материалы, т. е. постановления и журналы подготовительных комиссий» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 202, л. 4).

²⁰ Журналы подготовительных комиссий (подлинники, копии, черновики) см.: ЦГВИА, ф. 369, оп. 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, а также Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 13, оп. 87/1, 87/2, 87/5; Журналы Металлургического комитета (стенограммы и подлинники). — ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 1.

²¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 53, лл. 102, 104.

²² Там же, д. 2, л. 145—145 об.

²³ Там же, д. 55, лл. 146—147.

Мы уже говорили выше, что запись происходившего на заседаниях Особого совещания по обороне государства велась непосредственно в ходе заседания. Затем черновые записи обрабатывались, перепечатывались на машинке и, согласно специальной инструкции, уничтожались. Машинописные экземпляры печатались в трех экземплярах. Совершенно определено установлено, что при подписании первого машинописного экземпляра — подлинника журнала — в его текст вносились изменения и дополнения. Особенно широко этим пользовались в 1916 г.²⁴ Первый машинописный экземпляр направлялся в типографию для печати, причем все исправления, сделанные на полях или в самом тексте²⁵, вносились в текст типографских экземпляров журналов уже без всяких оговорок (или вообще не вносились)²⁶. Поправки и исправления носили не только чисто редакционный характер, но касались и существа вопроса, в чем мы уже имели возможность убедиться на приведенных выше примерах. Различные исправления вносились как в информативную часть журнала, так и в постановления заседаний.

Вопрос о поправках, вносимых в журналы заседаний Особого совещания по обороне, требует специального изучения. В данной статье мы рассматриваем его лишь в плане внешней критики источника, не пытаясь пока установить, чем вызваны эти поправки. Известно, что в первых машинописных экземплярах журналов, которые мы принимаем за подлинники, неоднократно встречаются подчистки слов и целых фраз и замена их другими. Для установления первоначального текста и сравнения его с окончательным мы обратились к помощи экспертов, которые провели графическую экспертизу одного дела с журналами и дали заключение о фрагменте журнала № 5 от 1 июня 1915 г.²⁷ В заключении сказано: «При исследовании страниц журнала в коспадающем освещении и с приборами увеличения на многих листах обнаружены следы подчисток первоначальных записей с последующим выполнением на этом месте имеющихся записей... Первоначальный текст... читался: «Принять меры к реквизиции всех могущих быть полезными для отечественных заводов *материалов и механизмов и зданий этого завода*». Выделенные курсивом записи были удалены подчисткой с последующим выполнением в этом месте следующих записей: «...войти с ходатайством к главнокомандующему соответствующего фронта, через начальника Генерального штаба, о минировании фабричных механизмов и зданий этого завода». Как видим, здесь не редакционная правка, а изменение текста журнала по содержанию.

Еще пример. Цитируем запись журнала № 94 от 6 августа 1916 г.: «...председатель Государственной думы М. В. Родзянко сделал следующее заявление. В заседании от 30 июля с. г. при обсуждении недостатков нашего авиационного дела М. В. Родзянко весьма определенно подчеркнул, что основной причиной медленного развития авиации является, по его мнению, подчинение ее безответственному лицу и что без сосредоточения всей авиации в руках одного ответственного лица улучшение ее невозможно. Между тем в журнале Особого совещания № 92 это мнение М. В. Родзянко выражено не было. Подобные намеренные — по образцу цензуры — пропуски в журналах отзывов председатель Государственной думы М. В. Родзянко признает совершенно недопустимым, особенно, как это было в данном случае. К высказанному мнению М. В. Родзянко при-

²⁴ См. журналы Особого совещания № 52, 55, 56, 59 и т. д. (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 174, лл. 39, 92, 99, 101, 104, 165 и др.).

²⁵ Ср., например, машинописные и типографские экземпляры журналов № 51, 59 (там же, д. 174, 175).

²⁶ Например, ср. д. 181, л. 231 и д. 180, л. 101; д. 53, лл. 107—108 и д. 598, л. 28—28 об.

²⁷ Там же, д. 49.

соединились присутствовавшие в заседании члены Государственных совета и Думы»²⁸. Таких примеров можно привести достаточно много²⁹.

Особенно внимательно следует относиться к различным поправкам и изменениям в резолюциях председателя Особого совещания по результатам заседаний, которые нередко меняли первоначальное решение отдельных вопросов по существу³⁰.

Необходимость более критического подхода ко всякого рода поправкам и изменениям в тексте постановляющей части журналов вызывается и следующими обстоятельствами. Если в течение всего существования Особого совещания по обороне формуляр журнала заседаний в целом не менялся, то постановляющая его часть подверглась некоторым изменениям. До середины 1916 г. постановляющая часть журнала была органически связана с его информативной частью, и, таким образом, журнал подписывался председателем и всеми присутствовавшими в заседании лицами уже после вынесения решения.

Начиная с журнала № 78 от 8 июня 1916 г.³¹ построение журнала изменилось. Постановляющая часть была вынесена за подписи и отдельно заверялась в типографских экземплярах делопроизводителем, а в машинописных, — в большинстве случаев, управляющим Военным министерством. Заключительная часть журнала до июня 1916 г. выглядела так: «Председатель Особого совещания в отношении приведения в исполнение требующих того суждений Особого совещания решил: ...». Далее шли пункты решения и подписи. После июня 1916 г. формулировка: «Председатель Особого совещания в отношении приведения в исполнение... решил...» с пунктами решения и заверяющей подписью выносилась за подписи присутствовавших на заседаниях. Постановляющая же часть (ее подлинник) шла теперь только за одной подписью председателя³², и приведенная выше формулировка: «Председатель Особого совещания... решил...» приобретала значение единоличного решения вопросов, поднятых в заседаниях. Это обстоятельство также лишней раз подчеркивало право решающего голоса председателя в сравнении с совещательным правом всех остальных членов Особого совещания по обороне государства. Изменения формуляра давали большие возможности и для всякого рода дальнейших изменений резолюций председателя и внесения в них различных поправок. Можно также предположить, что при процедуре подписания журнала очередного заседания присутствовавшими на нем лицами постановляющая часть журнала могла иногда просто отсутствовать.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Дальнейшее углубленное изучение вопросов внешней критики журналов Особого совещания как исторического источника поможет собрать нужную информацию для целенаправленного решения вопросов внутренней критики указанного источника.

Очень важно учесть и изучить все поправки в тексте журналов как информативной, так и постановляющей его частей (резолюций). Изучение поправок, их персонификация даст возможность заняться реконструкцией хода заседаний Совещания или его отдельных этапов, правильно определить юридическую силу решений, принятых Особым совещанием по обороне государства.

Наконец, изучение журналов позволит также поставить задачу реконструкции отсутствующих по тем или иным причинам журналов Особого совещания за 1917—1918 гг. и тем самым пополнить круг источников о работе этого учреждения в важный период нашей отечественной истории.

²⁸ Там же, д. 175, л. 189.

²⁹ Там же, д. 49, 174, 175, 180, 181 и др.

³⁰ Там же, д. 65, 195, 202, 203 и др.

³¹ Там же, д. 175, л. 128 и др.

³² Там же, д. 65, 68, 202, 203, 395, 397, 399.

В. М. Ериова

О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ — ПЕДАГОГ

(По материалам архива О. А. Добиаш-Рождественской в ГПБ)

Особенность научной деятельности члена-корреспондента Академии наук СССР Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской состояла в том, что она была не только замечательным ученым¹, но и редким педагогом, внесшим настоящий талант и огромную энергию в педагогическую практику, в решение ряда теоретических проблем высшего образования.

В течение 30 лет О. А. Добиаш-Рождественская сочетала неутомимую творческую научную работу с педагогической деятельностью. Эта последняя всегда занимала важное место в жизни О. А. Добиаш-Рождественской, составляя неотъемлемую часть ее исследовательской работы.

Педагогическая деятельность О. А. Добиаш-Рождественской после окончания в 1899 г. Высших женских курсов началась не совсем обычно. Незаурядные научные и педагогические данные своей ученицы отмечал уже И. М. Гревс, предполагая оставить способную слушательницу при курсах для продолжения исследовательской работы. Но из-за исключения О. А. Добиаш-Рождественской с курсов за участие в студенческих волнениях путь к официальному преподаванию для нее был закрыт. Лишь спустя много времени, в течение которого приходилось зарабатывать на жизнь частными уроками, О. А. Добиаш-Рождественской удалось получить право преподавать в вечерних и воскресных школах для рабочих: Смоленской школе для взрослых рабочих, школах при Трубочном и Патронном заводах, в народном доме Паниной².

Существовавшие в царской России так называемые воскресные и вечерние школы являлись одной из разновидностей внешкольного образования, единственно доступного для рабочих и работниц. Известно, что, разрешая открытие воскресных и вечерних школ, царское правительство пыталось при помощи духовенства и специально подобранного состава преподавателей отвлечь рабочих от участия в революционных организациях, от влияния революционных идей. В действительности же все было совсем иначе. Многие воскресные и вечерние школы сыграли большую роль не только в деле обучения рабочих и работниц грамоте, но и в деле развития их классового, политического самосознания. Занятия далеко выходили за пределы официальных программ и циркуляров Министерства

¹ А. Д. Люблинская. О. А. Добиаш-Рождественская как ученый. — «Ученые записки ЛГУ». Серия исторических наук, вып. 12, 1941, стр. 10—26; она же. О. А. Добиаш-Рождественская как историк. — «Средние века», 1942, стр. 212—226; она же. Значение трудов О. А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР. — «Средние века», вып. 29, 1966, стр. 173—178.

² О. А. Добиаш-Рождественская. Моя краткая автобиография. — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ОР ГПБ), ф. 254 (Архив О. А. Добиаш-Рождественской), д. 1, л. 6; обзор Архива см.: Т. П. Воронова. Архив О. А. Добиаш-Рождественской в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Средние века», вып. 29, 1966, стр. 187—190.

*О. А. Добиаш-Рождественская (сидит справа) среди слушательниц
Бестужевских высших женских курсов.
Семинар «Парижский университет в XIII в.». 1914 г.*

народного просвещения. В 90-х годах в составе преподавателей воскресных и вечерних школ были и разделявшие социал-демократические взгляды. Некоторые из них состояли членами «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Так, в 1891 г. в Смоленской школе работали Н. К. Крупская, П. Ф. Куделли и др.³

Работа среди молодежи, близкое знакомство с рабочей средой, с преподавателями этих школ, многие из которых были революционно настроены, оставили глубокий след в сознании О. А. Добиаш-Рождественской. Активная, отзывчивая, с сильно развитой в ней общественной инициативой, О. А. Добиаш-Рождественская, естественно, не стояла в стороне от интересов рабочей школы. События, связанные со школьным движением после январских дней 1905 г., и участие в них Ольги Антоновны дают нам основание считать, что и здесь, в школах для рабочих, она оставалась верна своим демократическим принципам.

С 1903 г. О. А. Добиаш-Рождественская была допущена к преподаванию в частных гимназиях — Таганцевой, Стоюниной⁴.

Годы в средней школе сыграли большую роль в развитии педагогического таланта О. А. Добиаш-Рождественской. Лишенная возможности заниматься научной работой, О. А. Добиаш-Рождественская все свои знания, энергию и способности отдавала работе в школе. Отличительными чертами педагогической деятельности О. А. Добиаш-Рождественской всегда были неутомимость и постоянный поиск. Проявление этой способности мы обнаруживаем уже в первые годы ее преподавательской деятельности. О. А. Добиаш-Рождественская вводит в школьные уроки работу над историческими и литературными источниками, предлагает учащимся сочинения на свободные темы и проводит интереснейшие беседы по этим темам, практикует среди

³ Об этом см.: Н. Паялин. Воскресные школы Невской заставы Петербурга. — «Школа взрослых», 1938, № 9, стр. 57.

⁴ ОР ГПБ, ф. 254, д. 1, л. 6.

учащихся подготовку докладов, которые нельзя было читать, а непременно надо было рассказывать, руководствуясь планом. Доклады эти были с оппонентами и собственным резюме О. А. Добиаш-Рождественской в конце обсуждения доклада ⁵. О. А. Добиаш-Рождественская умела вызвать интерес к занятиям, постоянно развивала в своих учениках навыки самостоятельной работы. Приемы преподавания О. А. Добиаш-Рождественской в средней школе, как видим, приближались к уровню методики преподавания в высших учебных заведениях. В 1904 г., благодаря ходатайству И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рождественская получила возможность вернуться на Высшие женские курсы и стала вести там семинары по истории средних веков. Первые шаги преподавательской работы в высшей школе, естественно, требовали много времени и труда, но, несмотря на это, О. А. Добиаш-Рождественская не оставила работы в школе, которая ее очень увлекала и к которой она относилась чрезвычайно серьезно. О. А. Добиаш-Рождественская продолжала преподавать там вплоть до отъезда в научную командировку за границу в 1908 г.

О. А. Добиаш-Рождественская была не просто учителем своих учеников. Она развивала в них чувство гражданской и общественной сознательности, вводила в курс политических и общественных событий, происходящих в стране, объясняя их значение. Когда в 1905 г. все прогрессивное учительство России и подавляющее большинство учащейся молодежи средних учебных заведений, подхваченное общим революционным подъемом, заявили свой протест против царской школы, О. А. Добиаш-Рождественская приняла самое активное участие в этих событиях. Она в то время работала преподавателем истории в гимназии Таганцевой. По инициативе прогрессивно настроенных преподавателей гимназии, в том числе и О. А. Добиаш-Рождественской, после трагических событий 9 января к протесту всего передового русского общества присоединились и учащиеся гимназии Таганцевой ⁶.

О. А. Добиаш-Рождественская принимала самое живое участие в создании ученической организации в гимназии, помогала учащимся в выработке петиций, выступала против злоупотреблений администрации гимназии и т. п. ⁷ Период с 1904 по 1906 г. был временем оживленной общественной деятельности О. А. Добиаш-Рождественской. Ей в то время пришлось столкнуться, по существу, со всеми видами образования, которые существовали тогда в России. Особенно остро чувствовалась душная атмосфера казенной школы, далеко отстоящей от передовых требований педагогической науки, отсутствие автономии у университетов и, наконец, чудовищная безграмотность трудового народа. Передовая интеллигенция страны, учительство понимали необходимость коренных перемен как в средней, так и в высшей школах.

⁵ В гимназии Стоюниной за неимением места преподавателя истории О. А. Добиаш-Рождественская вела уроки древней русской литературы. Курс этот ей, естественно, пришлось разрабатывать заново, прежде всего для себя. О. А. Добиаш-Рождественская подошла к этой работе творчески, с характерной для нее тщательностью. Она любила и хорошо знала русскую литературу. Вот почему и уроки древней русской литературы были самыми любимыми у учащихся. Об этом рассказала в своих воспоминаниях об О. А. Добиаш-Рождественской ее ученица сначала по стоюнинской гимназии, а затем и по Высшим женским курсам Е. Н. Чехова (Е. Н. Чехова. О. А. Добиаш-Рождественская. — ОР ГПБ, ф. 254, д. 479, л. 54).

⁶ ОР ГПБ, ф. 254, д. 479, л. 39.

⁷ В архиве О. А. Добиаш-Рождественской хранится проект письма на имя начальницы гимназии Таганцевой, составленный Ольгой Антоновной, в котором группа преподавателей гимназии предлагает Таганцевой созвать педагогический совет. «На этом совете, — говорится, в частности, в коллективном письме, — мы хотели бы... обсудить ряд вопросов педагогического и общественного характера, выдвинутых в жизни нашей школы. Мы намерены на этом совете внести предложения об образовании комиссии, которая занялась бы вопросами организации и функций педагогического совета, организации учащихся, отношений педагогического совета и родительских собраний...» (ОР ГПБ, ф. 254, д. 267, л. 2).

О. А. Добиаш-Рождественская становится членом нелегального Всероссийского союза учителей, затем членом его Центрального бюро и принимает самое активное участие в его деятельности⁸.

Весной 1906 г., когда в Петербурге начались репрессии, за участие в нелегальном учительском союзе и за активную пропагандистскую деятельность среди учащихся О. А. Добиаш-Рождественская в числе группы учителей была уволена из гимназии Таганцевой⁹.

Годы работы О. А. Добиаш-Рождественской в средней школе были очень плодотворными. Они сыграли значительную роль и в ее творческой жизни, и в формировании ее педагогического таланта. О. А. Добиаш-Рождественская всегда придавала роли средней школы огромное значение, считая, что от этой предварительной ступени, ведущей в высшую школу, во многом зависит уровень подготовки будущих студентов вузов, наконец, будущее отечественной науки¹⁰. Вплоть до последних лет жизни О. А. Добиаш-Рождественская продолжала проявлять педагогический интерес к задачам средней школы.

Следующим важным периодом в педагогической деятельности О. А. Добиаш-Рождественской было преподавание на Высших женских курсах после возвращения в 1911 г. из научной командировки во Францию.

Блестящая научная подготовка, полученная в Сорбонне и в специальных высших школах Франции у известных ученых-медиевистов и палеографов, значительный опыт предшествующей педагогической работы должны были найти свое естественное завершение в преподавательской деятельности в высшей школе.

Следует отметить, что обстановка на Высших женских курсах в эти годы способствовала расцвету творческих сил молодого ученого и педагога. К этому времени учебный процесс на курсах был построен по принципу так называемой предметной системы, введенной еще в 1906 г.

Предметная система коренным образом отличалась от практиковавшейся в университете традиции широкого общего образования, с ее многочисленными лекциями общеобразовательного характера, с необходимой планомерностью прохождения учебных дисциплин. Предметная система предусматривала введение в программу ряда специальных курсов и самых разнообразных по тематике семинаров. Каждой слушательнице предлагалось сдать в течение четырех лет, в какое угодно время и в любом порядке, наибольшее количество обязательных предметов по особо интересующему ее специальному разделу, также по выбору пройти углубленную разработку вопроса по источникам и два семинара, также соответственно ее интересам. Слушательница имела возможность найти несколько курсов и семинаров в интересующей ее области и построить свои занятия сообразно личным интересам и вкусам¹¹.

Предметная система, таким образом, исключала нередко стеснительную регламентацию обучения, ненужную многопредметность и неизбежное разбрасывание в занятиях. Чтобы дать возможность углубить и специализировать занятия, особое внимание при новой системе уделялось семинарам и подготовительным к ним просеминарам.

⁸ Личное дело О. А. Добиаш-Рождественской (Архив ГПБ, д. 142, л. 1). См. также: «Протоколы второго делегатского съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию 26—29 декабря 1905 года». СПб., 1906. По конспиративным соображениям это издание вышло без указания имени составителя, которым была О. А. Добиаш-Рождественская.

⁹ Интересно отметить, что в знак протеста против увольнения любимых учителей 80 учащихся гимназии Таганцевой также покинули гимназию (ОР ГПБ, ф. 254, д. 267, л. 3).

¹⁰ О. А. Добиаш-Рождественская. История раннего средневековья. Конспект лекций, читанных в 1918 г. (ОР ГПБ, ф. 254, д. 197, л. 2).

¹¹ «Преподавание истории на историко-филологическом факультете С.-Петербургских ВЖК». — «Научный исторический журнал», № 2, 1913—1914; «Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы». Сб. статей. Л., 1973, стр. 81—92.

Большая заслуга в утверждении на Высших женских курсах предметной системы принадлежала И. М. Гревсу, который, будучи в течение ряда лет деканом историко-филологического факультета курсов, много сделал для осуществления новой системы¹².

О. А. Добиаш-Рождественская была горячей сторонницей и деятельным пропагандистом предметной системы. Она не раз указывала на большие возможности овладения методологией науки в связи с работой по новой системе и высказывала мысль о том, что не следует отвлекать внимание студентов на детальное рассмотрение и прочное запоминание сведений, включенных в программу лишь для общего знакомства.

О. А. Добиаш-Рождественская писала, например, по этому поводу в 1918 г.: «*Общие курсы* (курсив О. Д.-Р.) в университетском преподавании неизбежно все больше отстают перед курсами специальными. Эволюция преподавания в эту сторону медленно совершалась за последние десятилетия в университетах Западной Европы, она с быстротой совершается в последние 5—6 лет на ВЖК. Эта эволюция понятна и законна. Она коренится в двух важных культурных уровнях: это, с одной стороны, возрастающая сложность науки, развитие, углубление отдельных ее областей, все большая высота требований, предъявляемых к ее методам, которые делают почти невозможным охватить важнейший материал крупного исторического периода в одном обобщающем курсе. С другой стороны — это по крайней мере относится к европейскому Западу — культурность атмосферы, окружающей университет. Публичная лекция, научно-популярная книга, периодическая пресса, хорошо налаженная библиотека берут на себя те задачи общего образования, какие прежде лежали на университете. Он перестает быть общеобразовательным учреждением и становится *научной школой*. Может быть, придет время, когда не только общие курсы, но и лекция исчезнет как метод университетского преподавания, и высшая школа станет лабораторией научной работы, где старшие товарищи систематическими советами направляют работу младших. В такой организации наилучше была бы соблюдена экономия сил, но чтобы эта форма могла бы осуществиться и оказаться целесообразной, нужны очень исключительные условия: нужна большая высота общей культурности в стране, нужна прекрасная организация ведущих в высшую школу предварительных ступеней»¹³.

Подобную же мысль о необходимости изучения лекционного курса по проблемным, узловым вопросам, а не путем систематического его изложения высказала О. А. Добиаш-Рождественская студентам университета, приступая к чтению курса «История раннего средневековья».

«Этот общий курс, — говорила О. А. Добиаш-Рождественская, — я не представляю систематическим в смысле равномерности разбора всех явлений, считаемых важными в данной эпохе истории. Такой курс я считаю в такой же мере невозможным, как бесполезным. Он дал бы вам то, что называется общие знания, и оказался бы совершенно мертвым и бездейственным в вашей мысли. Он не вызвал бы ее к сотрудничеству, не был бы суггестивным... Намечая вам общие перспективы изучения эпох и отсылая за детальным изучением целого ряда вопросов к книгам, я останавлиюсь с вами детальнее на нескольких крупных моментах, на таких исторических узлах, в которых характер самой жизни и состояние источников дает нам возможность почувствовать сложность истории и взаимную обусловленность разных ее сторон»¹⁴.

В 1911—1917 гг. О. А. Добиаш-Рождественская читала на Высших женских курсах следующие спецкурсы: «История раннего средневековья»,

¹² Е. Ч. Скржинская. И. М. Гревс. Биографический очерк. — В кн.: И. М. Гревс. Тацит. М. — Л., 1946.

¹³ ОР ГПБ, ф. 254, д. 197, лл. 1—3.

¹⁴ Там же, лл. 4—5.

«Западная Европа в VIII—XI вв.», «Крестовые походы», «Франция в позднее средневековье», «Источниковедение XVII, XVIII и XIX вв.», «Феодализм в эпоху Каролингов»¹⁵.

Подробное знакомство с этими курсами лекций открывает нам творческую лабораторию педагога и знакомит с ее методическими приемами. Тема каждой лекции О. А. Добиаш-Рожественской тщательно и глубоко разработана и широко поставлена. Чувствуется, что лекция — это своеобразное исследование, которое потребовало от автора немалых усилий. В каждой из лекций присутствуют все наиболее ценные и последние сведения по обсуждаемому вопросу. Каждой теме, поднятой в лекциях, предшествует обзор источников и литературы. Главное же достоинство лекций в том, что они насыщены материалами источников.

Как правило, каждому лекционному курсу О. А. Добиаш-Рожественской предпосланы историографические введения, в которых со всей полнотой сказались богатая научная эрудиция автора. Начиная, например, чтение курса «История раннего средневековья», О. А. Добиаш-Рожественская отмечала большое значение для студентов вводных историографических обзоров, которые, по ее словам, становятся уже «хорошим обычаем у большинства преподавателей, читающих общий курс». «Задача историографического введения состоит в том, — говорила О. А. Добиаш-Рожественская далее, — чтобы прежде, чем вводить аудиторию *in medias res* — познакомить ее с главными сотрудниками, провести перед нею ряды исследователей на том поле, на которое ее ведут, отметить ценные вклады, внесенные ими в науку, предупредить об ошибках их методов. Прекрасные их характеристики, знакомя аудиторию с важными книгами, являются средством для возбуждения в ней критической мысли»¹⁶.

Особенно большой интерес для характеристики научных и методических приемов О. А. Добиаш-Рожественской представляет обширный курс лекций «Крестовые походы»¹⁷.

В научном плане этот курс интересен тем, что на его примере можно увидеть, как тщательно О. А. Добиаш-Рожественская разрабатывала каждую проблему, приближая лекционный курс к уровню самостоятельного исследования. Показателем этого является тот факт, что многие положения и отдельные фрагменты текста лекций вошли затем в опубликованные работы О. А. Добиаш-Рожественской, посвященные теме крестовых походов¹⁸.

В курсе привлечены в большом количестве материалы источников (цитаты из хроник Фульхерия Шартрского, Роберта Реймского, из «Деяний франков» Анонима, Иерусалимских ассиз и др.), дана исчерпывающая характеристика и анализ источников, а также трудов современных ей немецких и французских авторов.

М. А. Заборов, сделавший очень полный и тщательный разбор этого курса лекций О. А. Добиаш-Рожественской, отметил, что данный курс по своей научной обстоятельности и углубленности может быть отнесен к числу самых квалифицированных спецкурсов по данной проблеме, читавшихся в начале XX в. в русской высшей школе¹⁹.

Лекции О. А. Добиаш-Рожественской пользовались неизменным успехом у студентов. Читала она их просто, но покоряла слушателей исклю-

¹⁵ Конспекты всех этих лекций хранятся в архиве О. А. Добиаш-Рожественской.

¹⁶ ОР ГПБ, ф. 254, д. 197, л. 22.

¹⁷ О. А. Добиаш-Рожественская. Крестовые походы. Конспекты лекций, читанных на ВЖК в 1914—1915 гг. — ОР ГПБ, ф. 254, д. 192.

¹⁸ О. А. Добиаш-Рожественская. Эпоха крестовых походов (Запад в крестовосном движении). Пг., 1918; она же. Западные паломничества в средние века. Пг., 1924; она же. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. Л., 1925.

¹⁹ М. А. Заборов. Из истории изучения крестовых походов в отечественной медиавистике. («Крестовые походы». Курс лекций О. А. Добиаш-Рожественской). —

чительной четкостью и яркостью изложения. Все, кто слушал лекции О. А. Добиаш-Рождественской, единодушно отмечали у нее большой литературный вкус, умение найти меткое выражение, дать в нескольких чертах точную характеристику исторической личности. Слушателей всегда поражало знание О. А. Добиаш-Рождественской общего полотна эпохи, ее способность хранить в памяти массу дат, имен, фактов, просто любопытных подробностей и мелких деталей²⁰.

Следует отметить, что лекции О. А. Добиаш-Рождественской не были «легкими» для слушателей. Каждая лекция представляла собой сложный творческий процесс, и слушающие ее не могли не чувствовать глубокой работы мысли лектора, которая требовала и от них ответной работы мысли. О. А. Добиаш-Рождественская никогда не ориентировала своих лекций на слабую часть студенческой аудитории, наоборот, эта часть менее подготовленных слушателей должна была все время тянуться за остальными.

Большую роль в преподавательской работе О. А. Добиаш-Рождественская отводила семинарским занятиям, так как считала, что именно здесь выявляется и воспитывается научная индивидуальность студента. О. А. Добиаш-Рождественская особенно ценила самостоятельную работу студентов над источниками и литературой и с первых дней занятий воспитывала у молодежи способность к самостоятельной работе над материалом, воспитывала способность критически его оценивать.

О. А. Добиаш-Рождественская показала замечательные образцы исключительно умелого проведения семинарских занятий²¹. В них она внесла и те средства научной работы, которые получила во французской школе у Ланглуа и которыми теперь свободно владела. Глубокое знакомство с вспомогательными историческими дисциплинами, все свои знания в области анализа, критики и интерпретации источников раскрывала теперь О. А. Добиаш-Рождественская в семинарских занятиях.

Главное место на семинарах отводилось критическому анализу источников. По мнению О. А. Добиаш-Рождественской, любой, даже самый маленький источник, содержит в себе много сведений прошлого, их только нужно уметь обнаружить. Сама же О. А. Добиаш-Рождественская обладала замечательным даром воскрешать, можно сказать, из источников историческую действительность, извлекать из казавших бы давно и тщателью изученных источников новые данные. Эта замечательная способность О. А. Добиаш-Рождественской позднее раскрылась во всем блеске и принесла ей мировую славу опытного источниковеда и палеографа. Основывая свою исследовательскую и преподавательскую работу на глубоком изучении обширного круга самых разнообразных источников, О. А. Добиаш-Рождественская всегда уделяла большое внимание источниковедению.

Еще в 1911—1913 гг. она читала на Высших женских курсах курс лекций «Источниковедение XVII, XVIII и XIX вв.». В 1934—1935 гг. О. А. Добиаш-Рождественская читала курс лекций по источниковедению эпохи западного средневековья в Ленинградском университете и в ЛИФЛИ²².

В кн.: «История и историки». М., 1966, стр. 358.

²⁰ По этому поводу Е. Н. Чехова пишет в своих воспоминаниях: «Мне часто казалось, что она знает историю средних веков так, как помнит человек свою жизнь» (*Е. Н. Чехова. Воспоминания о женщинах-профессорах.* — В кн.: «Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. (1878—1918 гг.)». Л., 1965, стр. 181).

²¹ В архиве О. А. Добиаш-Рождественской сохранились материалы только к двум из них: «Парижский университет в XIII в.» (ОР ГПБ, ф. 254, д. 211) и «Спор об инвеституре в начале XII в.» (ОР ГПБ, ф. 254, д. 212). Е. Н. Чехова сообщает, что кроме этих семинаров она была участницей просеминара «Германская земельная община по «Германии» Тацита» и семинара «Французское общество по булдам Григория IX» (*Е. Н. Чехова. Воспоминания о женщинах-профессорах*, стр. 178).

²² О. А. Добиаш-Рождественская. Заявление в секцию научных работников Союза работников просвещения (ОР ГПБ, ф. 254, д. 11, л. 3).

О. А. Добиаш-Рождественской принадлежит много работ историко-ведческого характера, статей, посвященных вопросам источниковедения. Можно сказать, что источниковедение в советской высшей школе в значительной степени благодаря О. А. Добиаш-Рождественской было поднято на должную высоту. В ряде статей, заметок, высказываний О. А. Добиаш-Рождественская подчеркивала важность и необходимость для каждого историка и студента овладения источниковой базой.

«Источниковедение самим именем учит о чем-то живом, о тех ключах истории земли, откуда мы познаем ее сущность», — писала она в своих замечаниях на программу книги «Всемирная история. Средние века», упрекая авторов книги в почти полном умолчании в ней проблем источниковедения. — «Лишить читателя проникновения к этим источникам — археологическим, письменным, устным, вещам и людям прошлого, метода, каким мы его восстанавливаем, боремся за догадки и решения — значило бы очень омертвить нашу книгу»²³. О. А. Добиаш-Рождественская настойчиво пропагандировала необходимость публикации источников по истории средних веков, столь нужных ученым и необходимым для серьезного обучения студентов-историков.

После Великой Октябрьской социалистической революции О. А. Добиаш-Рождественская вернулась работать в университет, возникший на базе слияния в 1919 г. Высших женских курсов с университетом. Она вела там семинарские занятия, читала лекции по истории средних веков, латинской палеографии, дипломатике²⁴. Ее педагогический и исследовательский талант полностью раскрылся прежде всего в университете. С революцией, открывшей свободную дорогу в высшую школу рабоче-крестьянской и революционной молодежи, контингент студентов в значительной степени изменился. В университет пришла молодежь нового типа; в число студентов все больше и больше попадали представители рабочих и крестьян. Была молодежь, побывавшая на фронтах, часто с большим жизненным опытом, жаждущая знаний. Открылись перспективы более широкой, чем когда-либо, подготовки аспирантов. Все свои знания, весь свой опыт научной деятельности О. А. Добиаш-Рождественская с готовностью отдавала новой молодежи. Тематика лекционных курсов, прочитанных ею в эти годы, весьма разнообразна. Это — «Франция в позднее средневековье», «Средневековый быт», «Латинская палеография и дипломатика»²⁵ и др.

Среди этих курсов обращает на себя внимание исключительно интересный и насыщенный материалами первоисточников лекционный курс «Средневековый быт», прочитанный О. А. Добиаш-Рождественской в 1920—1921 гг. В этом курсе характеризовались жилище, одежда, пища, обряды и обычаи людей средневековья (горожан, сельских жителей, духовенства), рассказывалось о том, как люди считали время, чем освещали свои дома, чем занимались и т. п.

Несмотря на идеалистический характер общеметодологических установок, которыми в ту пору руководствовалась О. А. Добиаш-Рождественская, эти лекции благодаря богатству использованных источников сыграли большую роль в деле воспитания молодых научных кадров советских историков-медиевистов; они формировали навыки научной работы, развивали приемы и технику настоящего мастерства в исследовательской работе, приобщали молодежь к традициям той серьезной научной школы, которую прошла сама О. А. Добиаш-Рождественская.

В 1919 г. О. А. Добиаш-Рождественская стала преподавать в университете курс западной палеографии, а в 1920 г. она была избрана профессором латинской палеографии в Археологическом институте и Институте

²³ О. А. Добиаш-Рождественская. Замечания на программу книги «Всемирная история. Средние века». Черновой автограф. 1937 г. (ОР ГПБ, ф. 254, д. 176, л. 7).

²⁴ Автобиографии и материалы к ним. — ОР ГПБ, ф. 254, д. 1, л. 15.

²⁵ Конспекты этих курсов и материалы к ним хранятся в архиве О. А. Добиаш-Рождественской (ОР ГПБ, ф. 254, д. 200, 203—207).

истории искусств²⁶. С этого времени О. А. Добиаш-Рождественская впервые получила возможность в широких масштабах организовать систематическое изучение вспомогательных исторических дисциплин.

Впервые курс латинской палеографии О. А. Добиаш-Рождественская стала читать в 1914 г. на Высших женских курсах, чередуя его с практическими занятиями над рукописями в Публичной библиотеке и в собрании Н. П. Лихачева, а также над многочисленными снимками с рукописей Парижской национальной библиотеки, специально для этой цели ею заказанными.

Как результат таких практических занятий палеографией был напечатан доклад-отчет²⁷.

Следует сказать, что до этого курс латинской палеографии в русских университетах не читался, и О. А. Добиаш-Рождественская по праву является родоначальницей латинской палеографии в России. Пройдя прекрасную подготовку в Парижской школе хартий, уже в то время она обладала солидным запасом знаний в этой области, и И. М. Гревс поэтому имел все основания сказать тогда, что «в сфере вспомогательных исторических дисциплин в О. А. Добиаш-Рождественской открывается не часто встречающийся у нас знаток»²⁸.

О. А. Добиаш-Рождественская всегда придавала исключительно большое значение знанию палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин для историков-медиевистов, что, по мнению О. А. Добиаш-Рождественской, в значительной степени определяло уровень профессионального мастерства, проявляющегося в исторических исследованиях²⁹.

Вот почему в процессе учебной работы она уделяла практическим занятиям вспомогательными историческими дисциплинами очень много внимания и времени. По инициативе и ходатайству О. А. Добиаш-Рождественской был создан специальный кабинет вспомогательных исторических дисциплин (позднее получивший наименование кабинета латинской палеографии)³⁰. Первоначально основу научной библиотеки кабинета составили книги и справочники бывшего кабинета палеографии на Высших женских курсах. Затем, специально с целью сбора необходимых учебников, пособий, справочников, редких палеографических изданий в октябре 1920 г. О. А. Добиаш-Рождественская была командирована за границу — в Париж и Берлин³¹.

Получившуюся таким образом внушительную коллекцию необходимых пособий для кабинета О. А. Добиаш-Рождественская пополнила, кроме того, снимками с рукописей ГПБ. Для своих занятий со студентами она использовала и подлинные средневековые документы из собрания Н. П. Лихачева.

В числе обязательных предметов изучения для студентов-историков были введены дипломатика, историческая хронология и историческая библиография. Студенты не просто знакомились с теоретическими основами знаний вспомогательных дисциплин, но прежде всего приобретали практические навыки в работе над источниками, тренировали графическую память, палеографическую зоркость, так необходимые для исследователя.

Постепенно при кабинете латинской палеографии под руководством

²⁶ ОР ГПБ, ф. 254, д. 11, л. 3.

²⁷ «Заметки и извлечения из латинских рукописей Санкт-Петербургской публичной библиотеки». — «Историческое обозрение», т. XIX, 1914, прилож., стр. 1—20.

²⁸ И. М. Гревс. (рец.) О. А. Добиаш-Рождественская. Церковное общество Франции в XIII в., ч. 1. Приход. Пг., 1914. — «Журнал Министерства народного просвещения», 9, 1915, стр. 153.

²⁹ О. А. Добиаш-Рождественская. Корбийская мастерская письма в VII—IX вв. по ее уనికి в Ленинграде. — «Известия АН СССР». Отдел общественных наук, 1934, № 4, стр. 315.

³⁰ О. А. Добиаш-Рождественская. Стчет о работе Кабинета латинской палеографии. — ОР ГПБ, ф. 254, д. 29, л. 1.

³¹ Там же, л. 3.

О. А. Добиаш-Рождественской образовалась группа ученых, занимающихся вопросами палеографии. Впрочем, не в правилах Ольги Антоновны было замыкаться в узком кругу избранных учеников. Она не жалела своего времени для всех, кто в какой-либо степени интересовался палеографией и другими вспомогательными историческими дисциплинами. Так, кроме этого основного ядра учеников, О. А. Добиаш-Рождественская занималась палеографией с группой работников Рукописного отдела Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и с группой так называемого элементарного обучения, состоящей из студентов университета (отделения древнего мира, отделений западного и восточного)³².

Одновременно с курсом палеографии и дипломатики в университете (этот курс читался студентам исторического отделения, а также на западноевропейском отделении факультета языкознания и материальной культуры) О. А. Добиаш-Рождественская в качестве профессора вела занятия по палеографии в Институте истории искусств (1919—1922)³³.

Когда в конце 1920 — начале 1930-х годов преподавание истории в средней школе страдало схематизмом, а в высших учебных заведениях часы, отведенные для занятий по истории средних веков, были значительно сокращены, О. А. Добиаш-Рождественская как исследователь и педагог тяжело переживала подобное состояние в исторической науке и продолжала верить в его временность³⁴. В Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина осуществлялась в это время работа по истории средних веков, прежде всего в области палеографии, археографии, архивоведения и источниковедения. Эту работу вела О. А. Добиаш-Рождественская, продолжавшая готовить по этим редким специальностям молодые кадры, обращая особое внимание на вопросы археографии средневековых рукописей.

На правительственное решение от 16 мая 1934 г. о восстановлении преподавания истории в школах и вузах и включении научной разработки исторических вопросов и вопросов преподавания в число актуальнейших и настоятельнейших задач народного просвещения О. А. Добиаш-Рождественская откликнулась очень живо и приняла самое деятельное участие в работе по перестройке среднего и высшего исторического образования в нашей стране, по подготовке молодых специалистов, в создании учебной литературы по истории и источниковедению.

С 1934 по 1939 г. О. А. Добиаш-Рождественская преподавала на историческом факультете Ленинградского государственного университета и в ЛИФЛИ. Одновременно она по-прежнему возглавляла большую работу по истории средневековья, особенно в области источниковедения и палеографии, в Рукописном отделе ГПБ.

Эти последние пять лет жизни были годами напряженного труда и активного творчества. О. А. Добиаш-Рождественская с каким-то особым душевным подъемом работала со студентами и аспирантами, и эта огромная, проникутая большим увлечением педагогическая работа создала вокруг нее большую группу учеников и последователей³⁵.

В архиве О. А. Добиаш-Рождественской хранится большое количество материалов (выступления по вопросам методики преподавания, учебные и научные планы, программы, замечания и дополнения к учебным программам и планам, отзывы на работы аспирантов, учебные отчеты и т. п.), относящихся к этому периоду ее деятельности, которые убедительно показывают, как много внимания уделяла О. А. Добиаш-Рождественская вопро-

³² Там же, д. 11, л. 3.

³³ Там же.

³⁴ О. А. Добиаш-Рождественская. Старый и новый истфак. Заметка.— ОР ГПБ, ф. 254, д. 36, л. 2.

³⁵ Среди них А. В. Банк, А. С. Бартевев, В. В. Бахтин, И. В. Гиттис, И. А. Залкинд, А. Д. Люблинская, В. С. Люблинский, Б. Я. Рамм, Е. Ч. Скржинская, С. А. Ушаков и др.

сам преподавания в высшей школе, подготовке аспирантов, как вообще много значила в ее научной деятельности педагогическая работа ³⁶.

В архиве О. А. Добиаш-Рождественской есть такой документ; «План занятий для студента, избирающего своей специальностью средние века. Примечание: это советы начинающему изучать историю» ³⁷. Этот «План занятий для студента», составленный О. А. Добиаш-Рождественской, видимо, в 1935—1936 гг., является замечательным примером ее искренней заботы о молодом поколении ученых, стремления помочь им в овладении методами сложного исследовательского мастерства историка.

«Мы считаем ценной в программе высшей школы не ее полноту, — писала О. А. Добиаш-Рождественская, — но сосредоточенную систематичность. Она возможна лишь при сознательном выделении определенной области интереса в возможно раннее время и на ближайшей второй ступени — также темы изучения и исследования» ³⁸.

Наряду с конкретными советами, с чего и как начать изучение курса, как с большей пользой овладеть всем огромным материалом, в «Плане занятий для студента» есть много ценных замечаний и высказываний методического характера. «Изучающий науку, — продолжала О. А. Добиаш-Рождественская, — должен уметь стать выше своего материала, уметь оценивать его место в общей совокупности знания. Эту способность развивают дисциплины философского характера» ³⁹.

«Главная же особенность, которая должна быть развита в историке, — подчеркивала далее О. А. Добиаш-Рождественская, — это умение дешифровать, критически анализировать свои источники. Но эта задача, — продолжала она, — особенно для медиевиста, чрезвычайно сложна, и, чтобы осуществить ее, он должен владеть многими орудиями и сложной техникой» ⁴⁰.

Среди этих последних О. А. Добиаш-Рождественская называет необходимость знания нескольких новых языков — «четыре, минимум два. Следует совершенно отказаться от мысли выработать из себя скромного медиевиста без знания новых языков» ⁴¹. Однако, «помимо и выше этого требования медиевисту необходима филологическая школа в области, по крайней мере, двух исторических языков. Во всяком случае латинского и одного из исторических языков, в зависимости от области средневековой специальности (греческого, еврейского, арабского, старофранцузского, древненемецкого). Медиевисту необходимо также изучение вспомогательных исторических дисциплин: палеографии латинской или греческой» ⁴².

Эти пожелания, вернее сказать требования, которые предъявляла О. А. Добиаш-Рождественская к студентам, будущим ученым, не были простым декларированием. Она была искренне убеждена не только в необходимости, но и в возможности овладения подобной программой. Вся активная, целеустремленная педагогическая деятельность О. А. Добиаш-Рождественской и ее многочисленные высказывания свидетельствуют о том, что она глубоко верила в научные силы молодых советских ученых. Так, в одном из своих заявлений по поводу необходимости опубликования

³⁶ См., например: О. А. Добиаш-Рождественская. Замечания на программу книги «Всемирная история. Средние века». — ОР ГПБ, ф. 254, д. 176; она же. Заявление в РИСО АН СССР с мотивировкой необходимости неотложного опубликования Кремонских актов X—XIII вв. — Там же, д. 40; она же. Замечания по докладу И. И. Межлаука по вопросу преподавания гуманитарных наук. — Там же, д. 41; она же. Программа занятий с аспирантами ГАИМКа по источниковедению и палеографии. Средние века. — Там же, д. 34; она же. Выступление в прениях по докладу Г. М. Кржижановского «Программа работ Академии наук СССР на 1936 г.». — «Вестник АН СССР», 1936, № 4—5, стр. 49—50 и др.

³⁷ ОР ГПБ, ф. 254, д. 37.

³⁸ Там же, д. 37, л. 25.

³⁹ Там же, л. 26.

⁴⁰ Там же, л. 27.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

Кремонских актов на их подлинном языке, а не в переводе на русский, О. А. Добиаш-Рождественская писала: «Возражение, что работников нужного типа, могущих преодолеть оригинал, у нас мало, относящееся всецело ко вчерашнему дню, уже имеет спадающее значение в отношении сегодняшнего, вовсе не применимо к завтрашнему. Молодая наша смена: аспиранты вузов Москвы и Ленинграда и даже, — мы имели в том случай убедиться, — молодые профессора провинциальных вузов, одушевленные новыми лозунгами, выдвинутыми партией, преодолевают быстро и успешно, мы говорим о растущей смене западных медиевистов, «препятствие латинского языка»... Жадно ищущая для своих исследований свежего, точного материала, наша смена стремится к пище твердой, не разбавленной разжижающими ингредиентами, и уже сегодня способна ее переварить»⁴³.

Особенно большое внимание уделяла О. А. Добиаш-Рождественская аспирантуре. Хранящиеся в архиве материалы (отзывы о работе аспирантов, выступления в качестве оппонента на защитах кандидатских диссертаций, целый ряд высказываний о задачах и недостатках исторической аспирантуры) свидетельствуют об искреннем желании улучшить дело постановки обучения в высшей школе, повысить уровень подготовки молодых кадров⁴⁴.

О. А. Добиаш-Рождественская нередко говорила, что «в науке всегда мало избранных, но чтобы число их не было ничтожно, нужно, чтобы много было званых»⁴⁵, — вот почему она всегда с огромным интересом работала с молодыми учеными, от души радовалась проявлению настоящего исследовательского таланта среди своих учеников, всеми силами старалась создать условия для развития серьезных научных задатков у аспирантов. Важным моментом в научно-исследовательской работе молодых ученых, аспирантов и студентов О. А. Добиаш-Рождественская считала необходимость публикации их работ, справедливо видя в этом «стимул для пробуждения инициативы и ответственности, ибо очевидно, — говорила она, — работа неопубликованная — есть работа неведомая, работа, проходящая в отсутствие критики, есть работа безответственная»⁴⁶. «Атмосфера беспечности, — говорила О. А. Добиаш-Рождественская, — есть атмосфера безответственности»⁴⁷.

Деятельность О. А. Добиаш-Рождественской как педагога имела большое значение в деле формирования системы научных кадров историков-медиевистов и палеографов. Работа, которую О. А. Добиаш-Рождественская вела в советской высшей школе, вкладывая много таланта и сил в обучение студентов и аспирантов искусству научного исследования, во многом способствовала развитию и укреплению советской исторической науки.

Ряд видных советских историков-медиевистов в большей или меньшей степени прошел через эту исследовательскую школу, взяв из нее главное — любовь к науке, высокого уровня исследовательскую технику и научную честность.

⁴³ О. А. Добиаш-Рождественская. Заявление в РИСО АН СССР с мотивировкой необходимости неотложного опубликования Кремонских актов X—XIII вв. (ОР ГПБ, ф. 254, д. 40, л. 2); она же. Сообщение о работе Отдела рукописей ГПБ и об издании работ сотрудников западного сектора. — Там же, д. 62, л. 3; она же. О формах взаимного осведомления в научно-исследовательской работе СССР и Запада. Доклад. — Там же, д. 235, л. 7.

⁴⁴ Материалы о работе О. А. Добиаш-Рождественской с аспирантами ЛГУ и ГАИМКа. Отзывы о работе аспирантов. — ОР ГПБ, ф. 254, д. 34, 35; она же. Заявление в дирекцию ГПБ о необходимости публикации работ Отдела рукописей ГПБ и о Сен-Жерменских рукописях ГПБ. — Там же, д. 64; она же. Замечания по докладу И. И. Межлаука по вопросам преподавания гуманитарных наук. — Там же, д. 41.

⁴⁵ ОР ГПБ, ф. 254, д. 197, л. 3.

⁴⁶ Там же, д. 64, л. 3.

⁴⁷ Там же, д. 45, л. 5.

Л. В. Черепнин

**К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ВОРОНИНА**

70 лет — большой жизненный срок. Но уже давно и мудро говорят: важно не сколько прожито, а как прожито, сколько сделано. Н. Н. Воронин из 70 лет посвятил исторической науке 50 — полстолетия. Да каких полстолетия! — Когда происходило рождение, становление и развитие советской историографии, сказавшей новое слово во всех областях исследования прошлого человечества и прежде всего собственной Родины. В наши дни стремительного роста исторических знаний и совершенствования методов их получения для подлинного исследователя мало идти вровень с наукой, не отставать от нее, надо быть новатором и творцом в науке, прокладывать новые пути. Таким всегда был и остается Н. Н. Воронин, которому в 1974 г. исполнилось 70 лет и с именем которого связаны яркие страницы изучения отечественной истории. Наш долг, долг ученых, друзей, учеников, современников Н. Н. Воронина посмотреть в связи с этой датой на то, что им сделано, и постараться полнее представить себе его творческий облик¹.

Для Н. Н. Воронина характерна прежде всего большая общая культура. Это следствие ненасытного стремления к расширению кругозора, к духовному обогащению, следствие пылкости ума и души. Он получил высшее образование, сформировался как ученый в советское время. Однако он воспринял лучшие традиции дореволюционной исторической науки, не отбросил их как ненужный балласт, но и не остался в их плену, а пошел дальше. Понимание преемственности в науке всегда сочеталось у Н. Н. Воронина и с ломкой того, что стояло на ее пути, и с обогащением тем положительным, что ею добыто.

Н. Н. Воронин как ученый чрезвычайно многогранен. Правоммерно спросить: кто он? Историк? Археолог? Искусствовед? Историк архитектуры? Источниковед? Текстолог? Все эти специальности объединяются в его лице и объединяются гармонично. Н. Н. Воронин заслужил право быть причисленным к любой из них, но всегда он прежде всего историк, причем историк, который понимает, что лишь знание всех памятников прошлого — и письменных источников, и материалов археологии, и произведений искусства — дает возможность проникнуть в былую жизнь человечества.

Большие теоретические раздумья, социологические построения опираются в трудах Н. Н. Воронина на познание фактических данных во всей их полноте и многообразии. А воспроизведение живой реальной действительности ученый сопровождает широкими обобщениями и глубокими итоговыми размышлениями. Исследователь значительного диапазона и редкий знаток памятников культуры, быта, рукописных текстов, Н. Н. Воронин является мастером источниковедения, в совершенстве владеющим

¹ Список работ Н. Н. Воронина см. в кн.: «Культура древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина». [Сборник]. М., 1966, стр. 13—20.

Н. Н. ВОРОНИН

методикой всех вспомогательных исторических дисциплин и успешно ее применяющим.

Яркий ученый-мыслитель, Н. Н. Воронин обладает и большим литературным дарованием; и в этом отношении он столь же многогранен, сколь и в чисто исследовательской области. По-разному, например, написаны его теоретические статьи, содержащие большие философские мысли, и очерки, посвященные памятникам зодчества и передающие их непосредственное обаяние и вызываемые ими в человеке чувства.

Основная тема, которой Н. Н. Воронин посвятил свою жизнь, — история русской национальной культуры эпохи средневековья. Ее разработку можно назвать творческим подвигом советского ученого-марксиста и гражданина. Методологически эта тема поставлена автором в рамки общей проблемы развития феодализма. Политически ее научное раскрытие служит делу воспитания советского патриотизма, сознания национальной гордости. Работы Н. Н. Воронина сыграли патриотическую роль особенно в годы Великой Отечественной войны, в которой и сам он принимал непосредственное участие. Н. Н. Воронин как ученый дорог всем, кто занимается историей. Но каждому он дорог по-своему. Его труды — кладезь знаний, и каждый ищет в них то, что ему особенно близко. Сейчас, в связи с знаменательной датой в жизни Н. Н. Воронина, несомненно появится ряд очерков о нем, в которых будут раскрыты разные стороны его богатой и плодотворной деятельности, всесторонне показан его вклад в науку. Сделать это в одном очерке просто невозможно. Мое внимание будет сосредоточено преимущественно на общеисторических трудах Н. Н. Воронина и его работах в области источниковедения памятников письменности.

Н. Н. Воронин начал свою научно-исследовательскую деятельность в конце 20—начале 30-х годов, когда все более укреплялось марксистское

понимание феодализма. Разработке марксистской концепции феодального развития содействовал труд Н. Н. Воронина «К истории сельского поселения феодальной Руси» (1935), посвященный выяснению социально-экономического содержания таких древнерусских терминов, как погост, слобода, село, деревня. Об интересе, проявленном к этой работе, свидетельствует то, что на нее откликнулся выдающийся историк русского феодализма Б. А. Романов. Заслуживает внимания также то, что Б. А. Романов вместе с исследованием Н. Н. Воронина подверг разбору и аналогичную по тематике книгу крупнейшего знатока актового материала С. Б. Веселовского «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.»². Так тогда еще совсем молодой Н. Н. Воронин занял место в исторической науке рядом с двумя ее крупнейшими представителями.

Изучение истории сельских поселений феодальной эпохи тесно связано в творчестве Н. Н. Воронина с интересом к народным движениям при феодализме. Он — один из первых советских исследователей, занявшихся этой темой. Его статья «Восстание смердов в XI веке» (1940) носит популярный характер, но в ней поставлены важнейшие проблемы ранних крестьянских восстаний в древней Руси: их прогрессивность, роль в смене общественных формаций, всемирно-историческое значение. Продуктивен был и источниковедческий подход к теме — привлечение к исследованию материалов этнографии, фольклора. Ярким примером этого может служить и статья «Песня о Щелкане и тверское восстание 1327 г.» (1944). Комплексный метод источниковедческого изучения проблематики феодальной формации, широко применявшийся Б. Д. Грековым и его школой, дал блестящие результаты и в трудах Н. Н. Воронина.

Среди проблем генезиса и развития феодализма внимание Н. Н. Воронина все более сосредоточивается на истории русского города. Эта тема сопутствует ему всю его жизнь и, несомненно, останется его спутником на долгие годы и в дальнейшем. Археологическое изучение Владимира, Боголюбова, Суздаля, Переславля, Гродно, Смоленска и других городов позволило по-новому взглянуть на город средневековой Руси и на его роль в общественном развитии.

Результаты работ Н. Н. Воронина в этой области можно, думается, свести к трем моментам. Во-первых, наука благодарна ему за тот богатейший археологический материал, который введен в оборот его усилиями и теперь широко используется. Достаточно упомянуть хотя бы о том, как часто ссылаются на материалы его раскопок М. Н. Тихомиров в своей обобщающей монографии, посвященной древнерусским городам. Во-вторых, Н. Н. Воронину принадлежит целый ряд ценных обобщений социологического характера, сделанных на основе обследованного им материала. Наконец, он дал яркие художественные очерки исторического прошлого отдельных городов. Сочетание глубины теоретической мысли и художественно-литературного дарования — характерная черта Н. Н. Воронина как ученого.

Вопросы историко-социологического порядка Н. Н. Воронин поднимает в статье «Некоторые исторические выводы из археологических исследований во Владимире и Боголюбове» (1940), где полемизирует с «плехановским утверждением» о политической инертности городского населения Северо-Восточной Руси. В очерке «Главнейшие этапы русского зодчества X—XV вв.» (1944) он обосновывает принципы периодизации истории строительного искусства в связи с общими историческими судьбами русского народа. В очерке «Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.)» (1954) Н. Н. Воронин касается проблем типологизации

² Отзыв Б. А. Романова «Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма», написанный в 1936 г., был напечатан много позднее («Труды Ленинградского отделения Института истории», вып. 2. М.—Л., 1960).

процесса горообразование, относя Гродно к такому типу, в котором исходной ячейкой города являлась крепость, феодальный замок.

Это лишь несколько примеров общетеоретической направленности изысканий Н. Н. Воронина. Но характерно, что все они связаны с проблемами принципиальными и до сих пор волнующими мир ученых: периодизация, типологизация исторического процесса, активная роль народных масс.

В работах другого жанра Н. Н. Воронин облачает научные понятия и выводы в яркие зрительные образы, широко используя при этом данные всех гуманитарных наук и памятники художественного творчества. Книгу «Древнерусские города» (1945) сам автор определяет как собрание «портретов» 12 русских средневековых городов, при написании которых он основывался на реконструкциях, фактах общественной жизни, материальной культуры, искусства, литературы и т. п. В книге «Владимир, Боголюбково, Суздаль, Юрьев-Польской. Спутник по древним городам Владимирской земли» (1958), неоднократно переизданной и переведенной на иностранные языки, Н. Н. Воронин, обращаясь к читателям, говорит, что он хотел помочь им уловить историческую и художественную связь между памятниками, проходящими перед их глазами. Поэтому автор был бы рад, если бы его книга читалась «не в тиши комнаты», не при свете настольной лампы, а «под открытым небом», «в непосредственном общении с памятниками, у их стен, под их сводами».

Обе названные книги, как и многое другое, написанное Н. Н. Ворониным, и познавательны и эмоциональны. Сила их воздействия на человека — в глубине и выразительности заложенного в них патриотического чувства. Дата «1945», стоящая на одной из них, говорит сама за себя: советский ученый с гордостью и любовью писал о сокровищах русской национальной культуры, которые зверски уничтожали фашистские варвары.

Город для Н. Н. Воронина — это не просто социально-экономическое понятие, история города — не только развитие социально-экономических связей. Город — также центр политической, идейной жизни; в историю города входят история общественно-политической мысли, литературы, искусства. Словом, проблема города — часть проблемы развития национальной культуры. Взаимосвязь этих проблем весьма обогатила творчество Н. Н. Воронина.

Вклад Н. Н. Воронина в разработку вопросов национальной русской культуры неизмеримо велик. На первое место, естественно, должен быть выдвинут его фундаментальный двухтомный труд «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв.» (1958—1962), удостоенный Ленинской премии. Это выдающееся произведение поучительно с точки зрения методологии и методики исторического исследования. Скрупулезный, строго научный во всех художественных и технических деталях анализ целого ряда памятников архитектуры сочетается с общей характеристикой национальных особенностей и мирового значения средневекового зодчества, этапов его развития, творчества мастеров. Г. К. Вагнер удачно назвал двухтомник Н. Н. Воронина, где поднимается вопрос о культурных связях, традициях, наследии, «философией русской истории того важнейшего 400-летнего периода, в течение которого формировались основы русской национальной культуры»³.

Разделы об искусстве, написанные Н. Н. Ворониным для коллективного труда «История русской литературы», его участие в издании «История русского искусства» — заметное научное явление. Много сил вложил Н. Н. Воронин (в качестве автора и редактора) в подготовку коллективного двухтомного труда «История культуры древней Руси. Домонгольский период» (1948—1951). Помимо разделов о поселении, жилище, пище и угвари,

³ «Культура древней Руси», стр. 11.

средствах и путях сообщения, крепостных сооружениях, архитектуре (вместе с М. К. Каргером) он дал (совместно с М. А. Тихановой) заключения к двухтомнику, коснувшись ряда методологических проблем, связанных с изучением истории культуры феодальной эпохи: периодизация, классовая борьба, город и деревня, феодальная государственность, закономерности развития феодализма, взаимоотношение двух культур, связи с внешним миром.

Немалыми заслугами отмечена деятельность Н. Н. Воронина как источниковеда. Прежде всего следует отметить его интерес к теории источниковедения. В этом отношении заслуживает особого внимания его статья «Архитектурный памятник как исторический источник. (Заметки к постановке вопроса)» (1954). Основным объектом рассмотрения являются для автора архитектурные сооружения, но, отправляясь от них, он высказывает ряд положений, касающихся методологии и методики исследовательской работы историка вообще. Н. Н. Воронин выдвигает такие задачи, как значимость того или иного источника, методы его критики, пути реконструкции памятника, приемы восстановления по первоисточникам картины общественного развития.

Тщательностью и изяществом отличается анализ Н. Н. Ворониным смоленских граффити (1964) и граффити на Золотых воротах во Владимире (1968), сохранивших память о татаро-монгольском нашествии 2 февраля 1238 г. на этот древний русский город.

Н. Н. Воронин с большой любовью относится к литературным памятникам древней Руси и многое сделал для того, чтобы добиться их лучшего понимания. Прекрасное знание древнерусского искусства помогло ему глубоко проникнуть в идейное содержание и стилистические особенности ряда литературных произведений, а благодаря историческому подходу открылись их новые стороны как исторических источников, их политический смысл. Так, в статье, изданной в приложении к изданию «Слова о полку Игореве» (1950), Н. Н. Воронин поставил вопрос, каково было русское искусство эпохи «Слова» и попытался найти в искусстве той поры черты, созвучные этому замечательному памятнику. Наши представления о публицистической литературе Киевской Руси значительно пополнились после появления работ Н. Н. Воронина «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор» (1957) и «Политическая легенда в Киево-Печерском патерике» (1955). В первой он доказывает, что автором Сказания был сподвижник Мономаха переяславский епископ Лазарь, написавший его в 1115—1117 гг. Н. Н. Воронин ставит Лазаря как писателя в один ряд с Мономахом и епископом Даниилом, а его произведение считает выдающимся памятником эпохи заката Киевской державы и грозных народных восстаний. В другом очерке Н. Н. Воронин рассматривает рассказ владимирского епископа Симона о построении храмов на Северо-Востоке Руси по образцу Печерского собора как отражение в церковнорелигиозной форме реальной значимости киевского культурного наследия. Ценные замечания сделал Н. Н. Воронин по истории текста такого уникального источника, как Поучение Владимира Мономаха (1962), которое, по мнению исследователя, попало в летопись (свод князя Андрея Боголюбского) в 1177 г.

Излюбленной темой Н. Н. Воронина является литература Владимиро-Суздальского княжества. Исследовав повесть об убийстве Андрея Боголюбского (1963), он пришел к выводу, что автор пространной редакции — вышегородский выходец, духовник князя Андрея и глава капитула владимирского Успенского собора Микула. В ряду памятников владимирской литературы Н. Н. Воронин рассматривает Сказание о победе над болгарями в 1164 г., в составлении которого, как он считает, принимал участие князь Андрей. Проблема русско-византийского соперничества нашла выражение в статьях «Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг» (1962) и «Из истории русско-византийской церковной борьбы в XII в.» (1965). В них показано, какую роль сыграли вопросы культа в борьбе за церковно-

литический приоритет Владимирского княжества над Византией и как эта борьба отразилась в литературе.

Н. Н. Воронин дал новое прочтение «Слова» Даниила Заточника (1967), на толкование текста которого было потрачено так много знаний, таланта, остроумия крупнейшими литературоведами и историками. Он нарисовал творческий портрет Андрея Рублева (1960). Он обследовал лицезовое житие Сергия как источник для оценки строительной деятельности культурной семьи Ермолиных (1958).

Когда читаешь одну за другой работы Н. Н. Воронина, посвященные литературным памятникам и сюжетам XI—XV вв., то перед глазами невольно вырисовываются контуры книги, которая органически продолжила бы «Зодчество Северо-Восточной Руси» и, может быть, стала бы третьим томом этого капитального труда. Какое получилось бы чудесное полотно, и памятники зодчества от соседства с литературными произведениями за-светились бы еще более ярким светом.

В течение десяти, по крайней мере, лет Н. Н. Воронин занимается изучением истории средневековой культуры Смоленска во всех ее проявлениях (архитектура, живопись, письменность), плодотворно используя комплексный метод исследования. Из того, что им уже опубликовано, видно, что рождается новая книга о Западной Руси, столь же интересная, как и исследования о Руси Северо-Восточной.

А в заключение хочется привести слова Николая Николаевича, сказанные в предисловии к его «Спутнику по древним городам Владимирской земли»: он хотел дать пищу не только уму, но и сердцу читателя. У Николая Николаевича большое сердце, и он щедро раздает его дары тем, кому дороги отечественная история и культура.

К 75-летию А. Н. НАСОНОВА ¹

В. А. Кучкин

А. Н. НАСОНОВ КАК АРХЕОГРАФ

С археографической работой А. Н. Насонов впервые столкнулся уже в зрелом возрасте. Ему было 37 лет, когда в 1935 г. его пригласили на службу в Историко-археографический институт, вскоре преобразованный в Институт истории при Академии наук СССР, и поручили готовить к новому изданию русские летописи. До своего перехода в Институт А. Н. Насонов никогда не занимался публикациями. Им не было издано ни одного документа ни по истории средневековой Руси X—XV вв., ни по экономической истории России XIX в., т. е. по тем периодам и проблемам, которые являлись тогда объектами его научных интересов. Но несмотря на то, что А. Н. Насонов не имел навыков публикатора и не соприкасался с археографической практикой, поручение именно ему подготовки к печати летописных текстов было весьма удачным решением администрации Института.

К середине 30-х годов А. Н. Насонов уже зарекомендовал себя тонким и вдумчивым исследователем. Он прекрасно ориентировался в таких сложных источниках, какими являются русские летописи, блестяще владел трудоемкой шахматовской методикой их изучения. Его труд о тверских летописных сводах XIII—XV вв., опубликованный в 1930 г. ², показал, что молодой историк, выступая в роли текстолога, понимает и ценит все различия летописных памятников, точно фиксирует ничем не приметельные на первый взгляд описки, исправления и цезуры в летописных текстах, которые в своей совокупности помогли ему воссоздать историю тверского летописания.

В 1934 г. А. Н. Насоновым была закончена монография «Монголы и Русь» ³. Раскрытие темы потребовало от ученого скрупулезной выборки из многочисленных русских летописных сводов XIV—XVI вв. всех известий о монголах и Золотой Орде. Такие известия необходимо было тщательно сличить между собой, чтобы основываться на наиболее древних и полных. А сравнение сведений русских летописей с показаниями арабских, персидских, византийских и иных иноземных источников заставляло А. Н. Насонова обращать внимание на такие, казалось бы, мелочи, как изменение титулатуры отдельных правителей Золотой Орды, колебания в написании татарских имен собственными различными русскими летописцами и на многое подобное в их безымянных трудах, что порой приводило к неожиданно ценным наблюдениям общего характера над

¹ В основе статей — доклады на совместном заседании Археографической комиссии и группы по изданию Полного собрания русских летописей Института истории СССР АН СССР (см. хронику в «Археографическом ежегоднике за 1973 год». М., 1974, стр. 316).

² А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия АН СССР», Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9 и 10.

³ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М. — Л., 1940, стр. 8, прим. 1.

А. Н. НАСОНОВ

историческим развитием двух крупных государств Европы и Азии. Полученное в ходе практической работы осознание важности разноречий русских летописных сводов как для воссоздания историко-литературного процесса, так и для реконструкции собственно исторического прошлого, предопределило понимание исследователем необходимости максимально возможной точности в передаче текста источника при его публикации. Вот почему нельзя назвать случайным привлечение в 1935 г. А. Н. Насонова к изданию русских летописных сводов, вот почему павший на него выбор был удачным и в дальнейшем полностью себя оправдал.

* * *

Можно сказать, что за свою 30-летнюю археографическую деятельность А. Н. Насонов публиковал исключительно летописные тексты. Даже две исторические повести о взятии Казани Иваном Грозным, напечатанные им в 1962 г., имеют отношение к летописанию, поскольку извлечены из сборников, содержащих Типографскую летопись⁴, и так же, как и летопись, созданы в Троице-Сергиевом монастыре. За многолетнюю работу по публикации русских летописных памятников А. Н. Насонов накопил большой археографический опыт, который обогащался от издания к изданию. При этом как бы ни менялись, ни совершенствовались издательские приемы ученого, они в конечном итоге всегда подчинялись главному — тому высокому значению, какое придавал А. Н. Насонов русским летописям — заме-

⁴ А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского «взятия». — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962 (далее — А. Н. Насонов. Новые источники...); он же. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 402—405.

чательным памятникам отечественной и мировой культуры, источникам, без которых невозможно познание давнего прошлого народов нашей страны⁵. Из высокой оценки русского летописания вытекало постоянное стремление А. Н. Насонова сделать публикуемые им своды более доступными для читателей. Издавать надо было так, чтобы к сокровищнице русской культуры могло обратиться как можно больше людей разных специальностей, разных уровней подготовки. Вот почему ученый возражал относительно сугубо лингвистических публикаций летописных текстов, вроде той, какую осуществил А. А. Шахматов при переиздании в серии ПСРЛ Ипатьевской летописи⁶. Печатаение летописных сводов с сохранением всех аббревиатур, выносных букв, надстрочных знаков и других графических особенностей подлинников резко сократило бы круг читателей, поскольку для чтения и понимания таких текстов нужны соответствующие обучение и навыки. В одном из своих докладов на Ученом совете Института истории СССР, посвященном вопросу об издании новой серии ПСРЛ, А. Н. Насонов говорил: «Я полагаю, что издание ПСРЛ должно быть предназначено в первую очередь для историков и историков литературы, а не для лингвистов, хотя и интересы последних следует учитывать»⁷. И еще: «...издание летописей в первую очередь преследует исторические цели, а не изучение истории летописания, которое все равно потребует непосредственного ознакомления с рукописями»⁸.

Доступность публикаций, за которую ратовал А. Н. Насонов, не шла в ущерб их научности. Ученый предъявлял одинаково высокие требования к этим двум сторонам изданий, и в напечатанных им летописных текстах доступность и научность тесно сочетались. Вслед за А. А. Шахматовым А. Н. Насонов настаивал на том, чтобы издания летописей были критическими, чтобы само издание «являлось бы результатом исследования, изучения и определения списков, классификации их, разбивки на семейства, установления взаимоотношений между отдельными группами и, по возможности, взаимоотношения списков в пределах каждой группы»⁹. Отсюда вытекали три требования А. Н. Насонова к самой подаче материала, требования, исходившие из обязательного предварительного изучения списков того или иного свода: 1. «Не совмещать в одном тексте разнородные редакции памятника» (между тем подобное совмещение неоднократно практиковалось издателями русских летописей, особенно в дошахматовский период); 2. «не привлекать к изданию копии с сохранившихся списков» (из-за незнания точного соотношения списков это часто делалось публикаторами XIX в.) и 3. «своды издавать, как правило, целиком». Для последнего пункта А. Н. Насонов допускал исключения, особенно для сводов, тексты которых печатались в вариантах¹⁰. Эти принципы изучения и отбора летописных текстов для публикаций, самой структуры последних были воплощены ученым в изданных им псковских и Новгородской I летописях и в известной мере в вышедшем под его редакцией XXVII томе ПСРЛ.

Изданию псковских летописей предшествовала большая предварительная работа А. Н. Насонова в определенной степени теоретического характера. Из напечатанной в 1936 г. статьи ученого «О неизданной рукописи А. А. Шахматова: Обзорение летописных сводов» видно, что А. Н. Насонов тщательно ознакомился не только с этой, тогда еще неопубликованной книгой выдающегося исследователя¹¹, но и со всеми другими шахматовскими трудами по истории русского летописания XIV—XVI вв.¹² В ре-

⁵ А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века, стр. 10.

⁶ См. ПСРЛ, т. II, изд. 2. СПб., 1908.

⁷ Архив АН СССР, ф. 1547, ед. хр. 23, л. 19.

⁸ Там же, ед. хр. 24, л. 9.

⁹ Там же, ед. хр. 23, л. 4 об.

¹⁰ Там же, ед. хр. 22, лл. 1—2.

¹¹ В 1938 г. эта рукопись А. А. Шахматова, правда не полностью, с купюрами, была издана: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938 (далее — А. А. Шахматов. Обзорение...).

зультате такого ознакомления выяснилось, какие летописные памятники остались вне поля зрения А. А. Шахматова и, следовательно, изучение и издание какого летописного материала в интересах науки необходимо прежде всего. Так был обусловлен выбор А. Н. Насоновым не рассмотренных в шахматовских работах псковских летописей в качестве первоочередного объекта издания.

В процессе подготовки публикации А. Н. Насонов обнаружил 8 новых списков псковских летописных памятников и их новгородско-софийских переработок¹³. Кроме того, позднее он исследовал еще один неизвестный ранее список псковской летописи — Каликинский, охарактеризовал его состав, но из-за позднего происхождения (XIX в.) не привлек к изданию¹⁴. Если учесть, что до розысков А. Н. Насонова было известно 16 списков псковских летописей, археографические находки публикатора следует признать весьма значительными, тем более, что среди них оказался Тихановский список, содержащий древнейшую редакцию Псковской летописи 1469 г.

Все рукописи, кроме рукописи, хранившейся в Копенгагене, были просмотрены А. Н. Насоновым *de visu* и тщательно изучены со стороны состава. Выяснилось, что 10 списков из 24 являются позднейшими копиями или позднейшими переделками дошедших текстов. Поэтому они были исключены из издания. 5 списков представляли собой не псковское летописание, а новгородско-софийскую переработку псковской летописи, и потому также не были приняты во внимание при подготовке публикации. Таким образом, для последней было отобрано 9 списков. Сличив их между собой, А. Н. Насонов установил, что существует не две редакции псковских летописей, как считалось ранее, а три. К Псковской I летописи исследователь отнес 5 списков, положив в основу публикации обнаруженный им Тихановский список XVII в. и дав к нему варианты по спискам Архивскому I, Погодинскому, Оболенского и Архивскому III; к Псковской II он традиционно отнес единственный Синодальный список и к Псковской III — списки Строевский (основной) и Архивский II (был использован в вариантах). От этих 8 списков были отделены псковские летописные отрывки из копенгагенской рукописи. Большая текстологическая работа, проведенная А. Н. Насоновым, позволила избежать крупных археографических ошибок предыдущих изданий псковских летописей и дать научно обоснованную, построенную на строгом учете всех особенностей имевшихся в его распоряжении текстов публикацию памятников псковского летописания. Псковская I летопись была напечатана А. Н. Насоновым в 1941 г., Псковские II и III летописи, а также копенгагенские отрывки — в 1955 г.

Научный уровень этого издания наглядно виден при сравнении его с изданиями XIX в. Первая публикация псковских летописей была осуществлена М. П. Погодиным в 1837 г. всего по 3 спискам. В основу был положен Архивский III список, представлявший Псковскую III летопись. В вариантах были напечатаны (неполно) Архивский I и Синодальный списки, т. е. Псковская I и Псковская II летописи. Подобное смещение характерно и для второго издания псковских летописей в IV—VI томах ПСРЛ. Правда, публикаторы правильно выделили Синодальный список — Псковскую II летопись, но под названием Псковской I летописи они издали и Псковскую I, и Псковскую III, и новгородско-софийскую переработку псковской летописи. Не располагая достаточным количеством списков и не определив точно взаимоотношения тех, что имелись в их распоряжении, издатели IV и V томов ПСРЛ ошибочно привлекли к печатанию позднейшие копии, сделанные с сохранившихся оригиналов. Из приведенной краткой характе-

¹³ А. Н. Насонов. О неизданной рукописи А. А. Шахматова: «Обозрение летописных сводов». — «Проблемы источниковедения», сб. II. М. — Л., 1936. В данной статье прослежена эволюция взглядов А. А. Шахматова на состав, происхождение и время появления различных русских летописных сводов.

¹³ «Псковские летописи», вып. I. М. — Л., 1941, стр. V—VI.

¹⁴ «Псковские летописи», вып. II. М., 1955, стр. 5.

ристики двух изданий XIX в. становится ясным, что в отношении отбора текстов, деления их на редакции, определения тех, что должны лечь в основу издания или быть использованы в вариантах, публикация А. Н. Насонова стоит на совершенно ином качественном уровне по сравнению с публикациями прошлого столетия.

Правда, одно обстоятельство вызывает раздумья. К Псковской I летописи А. Н. Насонов подвел варианты из так называемого Погодинского I списка. Варианты пришлось подводить только со статьи 1448 г.¹⁵, поскольку до этой статьи список содержал совершенно иной текст, именно текст Новгородской V летописи. А. Н. Насонов, видимо, посчитал такое соединение Новгородской V и Псковской I чисто механическим, почему и подвел варианты отсюда к Тихановскому списку. Ему возражал М. Н. Тихомиров, полагая, что текст Погодинского I списка является особым сводом, где псковская летопись использована лишь в качестве одного из источников¹⁶. Думается, эта точка зрения имеет под собой основания, и, если псковские летописи в дальнейшем будут переиздаваться, она должна стать предметом обсуждения.

Публикация А. Н. Насоновым псковских летописей ценна еще одной своей особенностью. Впервые изданным текстам было предпослано не только обширное введение с обстоятельным палеографическим описанием рукописей и характеристикой их состава, но и специальное текстологическое исследование, в котором выяснялось взаимоотношение списков и редакций псковских летописей, обосновывалось принятое в издании деление списков. Это новшество не было личной инициативой издателя. Оно было введено согласно требованиям, выдвигавшимся в 30-е годы специалистами в области русского летописания и археографии. В 1936 г. Н. Ф. Лавров, С. Н. Балк, А. И. Андреев, Н. С. Чаев, К. Н. Сербина и др., обсуждая план издания новой серии ПСРЛ, пришли к выводу о необходимости включения в каждый том сведений о более раннем издании памятника, истории его изучения и т. д. Это был проект М. Д. Присёлкова. Подготавливавшиеся в то время к изданию А. Н. Насоновым псковские летописи решено было печатать в новой серии ПСРЛ¹⁷. Новая серия так и не увидела света, но правила, по которым проектировалось ее издание, нашли свое осуществление в публикации А. Н. Насонова. Таким образом, первый выпуск «Псковских летописей» отвечал самым высоким требованиям науки того времени. Думается, эти требования не потеряли своего значения и по сей день. Современные издатели летописей из-за сложности и трудоемкости работы не предпочитают публикующимся летописные памятники текстологическим исследованием. В лучшем случае такое исследование печатается отдельно. Между тем, приложенное к публикации, оно лучше бы ориентировало читателей во взаимоотношении списков того или иного свода, давало бы строгие доказательства выбора определенного списка в качестве основного, характеризовало бы памятник в целом и т. д., причем все это можно было бы тут же проверить на текстах. Опыт А. Н. Насонова, соединившего под одним переплетом и тексты памятника, и исследование о них, чрезвычайно важен при решении вопроса о типе изданий русских летописных сводов.

Оба выпуска «Псковских летописей» были снабжены указателями. Последние, к сожалению, были помещены только в конце второго выпуска, вышедшего 14 лет спустя после первого. Более целесообразным было бы давать указатели к каждому выпуску отдельно. Указатель личных имен и географический были сделаны только к текстам памятников. Введение и исследования о псковских летописях, помещенные в первом выпуске, оказались не охваченными указателями. Еще одним минусом явилось отсутствие среди указателей предметного. Впрочем, эти изъяны большой работы не перечеркивают того главного, чего достиг А. Н. Насонов в археографии

¹⁵ «Псковские летописи», вып. I, стр. 48, вар. 5—5.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 1547, ед. хр. 354, л. 2.

¹⁷ Там же, ед. хр. 386.

псковских летописей. Закономерно поэтому, что его публикация этих памятников получила высокую оценку научной общественности¹⁸.

В промежутке между двумя томами «Псковских летописей» А. Н. Насонов подготовил и выпустил в свет «Новгородскую первую летопись старшего и младшего изводов»¹⁹. Это ученое название было дано двум новгородским сводам. Первый из них сохранился в единственном пергаменном списке XIII—XIV вв., ныне хранящемся в Синодальном собрании ГИМ, и был составлен в 30-х годах XIV в. Это древнейший из известных крупных русских летописных сводов. Второй свод, близкий, но не тождественный первому, был составлен в 40-х годах XV в. и дошел до наших дней в нескольких списках XV, XVI, XVIII и XIX вв. Как показали исследования А. А. Шахматова, Новгородская первая летопись младшего извода представляет исключительный интерес для истории русского летописания, поскольку в ее тексте сохранились фрагменты так называемого Начального свода конца XI в. — памятника более древнего, чем знаменитая Повесть временных лет²⁰. Сказанное объясняет, почему А. Н. Насонов взялся за издание именно этих произведений новгородского летописания.

Надо сказать, что и Синодальный список Новгородской I летописи, и ряд списков младшего извода на протяжении XVIII—XIX вв. публиковались неоднократно. Лучшее издание до труда А. Н. Насонова принадлежало П. И. Савваитову²¹. Достоинства публикации 1950 г. наглядно видны при ее сравнении с савваитовским изданием 1888 г. Так, П. И. Савваитов привлек к изданию всего 4 списка летописей: один список старшего извода и 3 списка младшего. А. Н. Насонов, используя тот же Синодальный список старшего извода, текст младшего извода напечатал по 4 спискам²². В основу он положил Комиссионный список 50-х годов XV в. Как было выяснено позднее, более древним списком является Академический. Однако ввиду его дефектности, он был использован лишь в вариантах²³. Кроме того, А. Н. Насонов поместил в своем издании Троицкий список, текстологически весьма близкий спискам младшего извода.

Публикуя Синодальный список, П. И. Савваитов дополнил его текстами списков Новгородской I летописи младшего извода. Делать это было совершенно нельзя, потому что более или менее тождественный текст в списках обоих изводов начинается только со статьи 1075 г.²⁴ В начале же тексты изводов серьезно отличаются друг от друга. В результате соединения текстов, представлявших по сути дела разные, хотя и родственные, летописные своды, П. И. Савваитов напечатал памятник, которого никогда не существовало. В какие противоречия впал П. И. Савваитов, публикуя компилятивный текст, можно видеть на одном простом примере. Синодальный список оканчивается статьей 1333 г. Далее идут сделанные другими почерками приписки 1337, 1345 и 1352 гг.²⁵ Ясно, что Синодальный

¹⁸ С. Н. Ваяк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 142.

¹⁹ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950 (далее — НПЛ).

²⁰ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. XX. СПб., 1908, стр. 193.

²¹ «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888 (далее — «Новгородская летопись...»).

²² Согласно филиграммам, Академический список относится к 40-м годам XV в.; см.: В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 1. М.—Л., 1959, стр. 310. А. Н. Насонов филиграммы Академического списка не различил (НПЛ, стр. 9).

²³ Как установил А. Н. Насонов, из 296 листов, некогда бывших в рукописи, сохранился только 241 лист (НПЛ, стр. 10). Позднее, при цитировании Новгородской I летописи младшего извода А. Н. Насонов предпочитал ссылаться на Академический список (А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века, стр. 18, прим. 10; 24; стр. 25; 42, прим. 51; стр. 49, прим. 57, 58).

²⁴ А. А. Шахматов. Обзорение..., стр. 129.

²⁵ НПЛ, стр. 100, прим. 1, 4, 5.

список был закончен в XIV в. В списках младшего извода под 989 г. имеется перечень русских князей, княживших в Новгороде. Перечень этот кончается именем московского князя Василия Васильевича, занимавшего стол великого княжения и по крайней мере номинально считавшегося новгородским князем с 1425 по 1462 г. (с некоторыми перерывами). Весь перечень П. И. Савваитов, ничтоже сумняшеся, вставил в текст Синодального списка ²⁶, хотя было совершенно очевидно, что перечень XV в. не мог читаться в памятнике XIV в. К изданию П. И. Савваитова целиком приложимы слова М. Д. Приселкова, сказанные им в адрес публикаторов Новгородской I летописи в III томе ПСРЛ, которыми «под именем Новг. I-ой был дан сводный текст двух новгородских сводов XIV и XV вв.». М. Д. Приселков был твердо убежден в том, что «А. А. Шахматов провел бы и разделение на два свода композиции, известной теперь под назв. Новгор. I-ой» ²⁷. К сожалению, ни А. А. Шахматов, ни сам М. Д. Приселков такой работы не сделали. Эта задача была выполнена А. Н. Насоновым. В своем издании он четко отделил Новгородскую I летопись старшего извода (Синодальный список) от Новгородской I младшего извода, хотя и поместил оба свода в одном томе.

При печатании Синодального списка, а также Комиссионного в качестве основного, П. И. Савваитов довольно редко останавливался на их особенностях. Поэтому палеографических примечаний у него мало. А. Н. Насонов же очень внимательно зафиксировал все погрешности и исправления в тексте списков Новгородской I летописи.

Текст в издании 1888 г. в ряде случаев был передан с грубыми ошибками. Так, два слова «и толк» (т. е. «и переводчик») в статье 1444 г. П. И. Савваитов принял за одно имя собственное «Итолк» ²⁸. В приложении, где были напечатаны различные статьи из Комиссионного списка Новгородской I летописи, одна из них была озаглавлена «Кто колико лѣтъ княжилъ» со словом «лѣтъ», которое в подлиннике отсутствует ²⁹. В издании А. Н. Насонова текст был передан точно. Можно отметить лишь одну досадную погрешность: написание «Итолк» вместо «и толк», как и в публикации П. И. Савваитова ³⁰.

Поправки к издаваемому тексту последний делал на основании Тверской и Воскресенской летописей XVI в., изданных соответственно в XV и VII томах ПСРЛ ³¹. Эти своды по своему происхождению и времени написания далеко отстояли от Новгородской I летописи. А. Н. Насонов никаких поправок в самом тексте не давал, но в примечаниях иногда помещал более исправный текст из Новгородской IV летописи ³², и хронологически, и генетически весьма близкой Новгородской I.

Если текст был не основным, а печатался в вариантах, то П. И. Савваитов обращал внимание на далеко не все различия списков, руководствуясь в их отборе произвольными соображениями. Со своей стороны А. Н. Насонов учитывал даже мельчайшие расхождения текстов. Благодаря этому все списки Новгородской I летописи были им впервые изданы полностью.

Наконец, в издании 1888 г. были отмечены листы только Синодального текста. Текст Комиссионного списка печатался без указаний на листы рукописи. В результате помещенные в приложения дополнительные статьи этого списка были даны без точных ссылок на то, какие из них предшеству-

²⁶ «Новгородская летопись...», стр. 69.

²⁷ Архив АН СССР, ф. 1547, ед. хр. 386, лл. 8, 9.

²⁸ «Новгородская летопись...», стр. 423, строка 20.

²⁹ Там же, стр. 433; ср. там же, стр. VII и НПЛ, стр. 8 и 466.

³⁰ Это злополучное соединение двух слов в одно было допущено и во втором выпуске «Псковских летописей», но здесь «итолк» означал уже не имя, а титул («Псковские летописи», вып. II. М., 1955, стр. 155). Ошибка отмечена в литературе. Наиболее подробно о ней писал И. Г. Добродомов (*И. Г. Добродомов*. Хотя слово и есть в словарях... — «Русская речь», 1973, № 1, стр. 124—127).

³¹ «Новгородская летопись...», стр. 1, 2, прим.

³² НПЛ, стр. 26, прим. 2; стр. 56, прим. 4 и т. д.

ют тексту самой летописи, а какие следуют после него³³. Только из предстоящего публикацию «Предисловия», в котором дано археографическое описание Комиссионного списка, можно понять, где именно в рукописи находится та или иная статья³⁴. А. Н. Насонов аккуратно указал листы всех списков, печатавшихся в качестве основных, а кроме того, особыми заголовками выделил две группы дополнительных статей Комиссионного списка³⁵. По соблюдению всех текстологических принципов, тщательности передачи текста насоновское издание Новгородской I летописи вплоть до настоящего времени остается лучшей публикацией русских летописных памятников.

В серии ПСРЛ А. Н. Насоновым был издан единственный том — XXVII. Он был его редактором, определившим состав тома и очень строго, буквально шаг за шагом проверявшим работу его составителей. Высказывая соображения об издании летописных текстов в томах ПСРЛ, А. Н. Насонов говорил, что «в одном томе может быть издан или отдельный летописный памятник, или несколько летописей, но обязательно однородных по типу». Издание разнородных текстов в одном томе исследователь допускал в исключительных случаях: или когда это краткие летописцы, или когда это летописцы местные³⁶. В XXVII томе ПСРЛ были опубликованы Никаноровская летопись, а также Сокращенные общерусские своды 1493 и 1495 гг. Если близость сводов 1493 и 1495 гг. не вызывает сомнений³⁷, то родство с ними Никаноровской летописи ни редактором, ни составителями доказано не было³⁸. А. А. Шахматов, как известно, рассматривал Никаноровскую летопись вместе с Вологодско-Пермской³⁹. В последнее время показана текстуальная связь Никаноровской летописи не с первой, а со второй и третьей редакциями Вологодско-Пермской летописи⁴⁰. В литературе уже было высказано предположение, что Никаноровская летопись — общерусская заготовка местного Вологодско-Пермского свода⁴¹. Все это говорит за то, что Никаноровскую летопись необходимо было печатать вместе с Вологодско-Пермской, но никак не со сводами 1493 и 1495 гг. Помещение в одном томе Никаноровской и указанных сводов — пожалуй, самый серьезный промах в археографической практике А. Н. Насонова. И проистекал он из-за нарушения основного принципа — отсутствия предварительной текстологической работы, именно сравнения Никаноровской летописи с найденными после А. А. Шахматова новыми списками Вологодско-Пермского свода.

Наряду с классификацией и отбором списков, другой важной стороной издания летописных памятников является правильная передача их текста. Характеризуя публикацию А. Н. Насоновым Новгородской I летописи старшего и младшего изводов, мы уже имели возможность коснуться и отдельных моментов передачи текста этих сводов. Теоретические воззрения А. Н. Насонова по данному аспекту летописной археографии были сформулированы им в его докладе об издании новой серии ПСРЛ, прочитанном примерно в 1949 г. Принципы, которых придерживался ученый

³³ «Новгородская летопись...», стр. 431—490. Статьи I—XIII предшествуют летописи, статьи XIII—XX следуют после нее.

³⁴ Там же, стр. VII—VIII.

³⁵ НПЛ, стр. 465 и 477.

³⁶ Архив АН СССР, ф. 1547, ед. хр. 24, л. 15.

³⁷ Родство и отличие обоих сводов показаны в статье С. М. Каштанова «О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 годов)» («Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959, стр. 459—462).

³⁸ Я. С. Лурье отметил только идентичность известий Никаноровской и Сокращенных сводов в статьях 6928—6932 гг. (Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. — «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973, стр. 247, прим. 63). Одинаковый текст пяти небольших статей, конечно, не может свидетельствовать о значительной близости сводов.

³⁹ А. А. Шахматов. Обзорение..., стр. 346—360.

⁴⁰ Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 249. Необходимо заметить, что объяснение, данное Я. С. Лурье отмеченной им текстуальной связи, является спорным.

⁴¹ В. А. Кучкин. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, стр. 109.

в названном вопросе, довольно просты: «1. Возможное приближение напечатанного текста к подлиннику. 2. Удобство чтения летописей и единообразие в их цитировании»⁴². Осуществлялись эти принципы соблюдением ряда практических правил, которым ученый следовал начиная с I выпуска «Псковских летописей». Взяв за основу нормы передачи текста в указанном издании и сопоставив их с нормами более поздних публикаций ученого, можно составить представление как о требованиях, предъявлявшихся А. Н. Насоновым к передаче летописных текстов в целом, так и о изменении этих требований с течением времени.

1. Первое, основное требование гласило, что буквы, отсутствующие в современном гражданском шрифте, как-то: s, ξ, ψ, ω, ⊙, а, ю, љ и т. п., должны заменяться соответствующими буквами: з, кс, пс, о, о, я, я, е и т. п.⁴³ При издании Никаноровской и Сокращенных сводов 1493 и 1495 гг. было указано, что соответствующими буквами современного шрифта заменяются буквы i, θ, а, ψ, ξ и ω⁴⁴. Очевидно, других устаревших букв в этих поздних текстах просто не было, но по сравнению с прежним перечнем устаревших букв были сделаны дополнения.

2. «Сокращенные начертания передаются полностью, причем при раскрытии титл, при введении надстрочных букв в строку издатель руководится правилами современного правописания»⁴⁵. Эта же норма соблюдалась и во II выпуске «Псковских летописей»⁴⁶. Однако при публикации Новгородской I летописи была сделана оговорка: при раскрытии аббревиатур издатель руководился «в некоторых случаях правилами современного правописания, но — мѣць — мѣсяць; нѣче — недѣля; члвкъ — человѣкъ»⁴⁷ (со старинным ѣ вместо современного е). «Некоторые случаи», когда надо следовать современному правописанию, были уточнены А. Н. Насоновым при последующих публикациях. Так, при издании «Летописного свода XV в.» был выдвинут новый и более надежный критерий: «при раскрытии титла принимаются во внимание показания рукописи; в тех случаях, когда рукопись не дает ясных показаний, отдается предпочтение современному правописанию»⁴⁸. Этот критерий был соблюден и при публикации двух повестей о Казанском «взятии»⁴⁹. В XXVII томе ПСРЛ данное правило было сформулировано не столь четко: «при раскрытии титл и при введении надстрочных букв в строку учитывались показания рукописи»⁵⁰.

3. «Паерки опускаются»⁵¹. Исследователь не учитывал, следовательно, один из видов надстрочных знаков. Эта оговорка есть еще только во II выпуске «Псковских летописей»⁵². Но как показывает знакомство с публикациями А. Н. Насонова, в них не учитывались и другие виды надстрочных знаков, кроме знака "и).

4. «Буква i передается буквой и». Данное требование является частным случаем общего правила о замене буквами современного шрифта букв старого шрифта. Еще в двух изданиях А. Н. Насонов специально оговаривал такую передачу⁵³, а в т. XXVII ПСРЛ включил это требование в общее правило.

⁴² Архив АН СССР, ф. 1547, ед. хр. 24, л. 14.

⁴³ «Псковские летописи», вып. 1, стр. XXVIII; НПЛ, стр. 11—12 (нет только указания на букву ⊙); «Псковские летописи», вып. II, стр. 7.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 6.

⁴⁵ «Псковские летописи», вып. I, стр. XXVIII.

⁴⁶ «Псковские летописи», вып. II, стр. 7—8.

⁴⁷ НПЛ, стр. 12 и прим. 1.

⁴⁸ А. Н. Насонов. Летописный свод XV века (по двум спискам). — «Материалы по истории СССР», вып. II. М., 1955, стр. 283 (далее — А. Н. Насонов. Летописный свод...).

⁴⁹ А. Н. Насонов. Новые источники..., стр. 7.

⁵⁰ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 6—7.

⁵¹ «Псковские летописи», вып. I, стр. XXVIII.

⁵² «Псковские летописи», вып. II, стр. 8.

⁵³ НПЛ, стр. 12; «Псковские летописи», вып. II, стр. 8.

5. Сочетание оу, означающее, как известно, букву у, А. Н. Насонов стремился передавать полностью⁵⁴. Только при печатании текстов Новгородской I летописи обоих изводов он заменил оу буквой у⁵⁵. Такая замена вряд ли может считаться удачной, поскольку оба извода представлены очень древними списками, и наблюдения над их графикой позволили бы точнее охарактеризовать особенности русской палеографии.

6. В своих изданиях А. Н. Насонов постоянно сохранял букву ѣ⁵⁶, прекрасно понимая, что она может дать важный материал для лингвистов по истории звуков русского языка.

7. Буквы ѣ и ѣ А. Н. Насонов оставлял только в тех случаях, если они были в рукописи. В отличие от старых изданий он никогда не добавлял букву ѣ в конце слова⁵⁷.

8. «Наименования народов пишутся с прописной буквы, так как под этими наименованиями иногда подразумеваются наименования стран, государств; кроме того, прописные буквы в данном случае служат средством выделения термина, слова»⁵⁸. Подобное обоснование есть и во II выпуске «Псковских летописей»⁵⁹. В других публикациях это правило неукоснительно соблюдалось, но не оговаривалось специально в предисловиях.

9. В своих первых изданиях А. Н. Насонов передавал написанные киноварью фразы подлинника шрифтом в разрядку, а киноварные буквы — жирным шрифтом⁶⁰. В последних публикациях такая передача была уточнена: и киноварные фразы, и киноварные буквы стали одинаково печататься полужирным шрифтом⁶¹. В изданиях 1955 и 1962 гг. А. Н. Насонов сформулировал еще несколько правил передачи текстов:

10. «Явные описки исправляются с оговоркой в примечаниях»⁶².

11. «Явные пропуски слов восполняются словами, взятыми из параллельного списка, причем даются в скобках, с оговоркой в примечаниях»⁶³.

12. «Буквы, отсутствующие в рукописи и добавленные составителем, берутся в квадратные скобки»⁶⁴. При публикации «Летописного свода XV в.» А. Н. Насонов сохранил в тексте не только букву ь, но и букву ю подлинника⁶⁵.

Таковы те основные правила передачи текстов, которые прокламировались А. Н. Насоновым и которым он неукоснительно следовал в своих изданиях. Нетрудно видеть, что со временем эти правила уточнялись и усложнялись, причем делалось это по отношению к поздним текстам, о которых иногда ошибочно думают, что печатать их можно по правилам, весьма упрощенным. Развита система палеографических примечаний, тщательные оговорки относительно различных текстуальных поправок служили главному: наилучшему отражению в публикации особенностей подлинника.

Как свидетельствует приведенный материал, А. Н. Насонов в своей практической работе придерживался одинаковых принципов при передаче летописных текстов и XIII — XIV вв., и XVII в. Однако в идеале ученый считал, что должны быть выработаны разные правила публикации для текстов древних и для текстов поздних. Сам он составил проект правил

⁵⁴ «Псковские летописи», вып. I, стр. XXVIII; вып. II, стр. 7; А. Н. Насонов. Летописный свод..., стр. 283.

⁵⁵ НПЛ, стр. 12.

⁵⁶ «Псковские летописи», вып. I, стр. XXVIII; вып. II, стр. 7; НПЛ, стр. 12; А. Н. Насонов. Летописный свод..., стр. 283; А. Н. Насонов. Новые источники..., стр. 7; ПСРЛ, т. XXVII, стр. 6.

⁵⁷ «Псковские летописи», вып. I, стр. XXVIII; вып. II, стр. 7; НПЛ, стр. 12; А. Н. Насонов. Новые источники..., стр. 7. В ПСРЛ, т. XXVII, стр. 6 есть оговорка только относительно буквы ѣ.

⁵⁸ «Псковские летописи», вып. I, стр. XXVIII.

⁵⁹ «Псковские летописи», вып. II, стр. 8.

⁶⁰ «Псковские летописи», вып. I, стр. XXVIII, прим. 2; вып. II, стр. 8; НПЛ, стр. 12.

⁶¹ А. Н. Насонов. Новые источники..., стр. 7; ПСРЛ, т. XXVII, стр. 7.

⁶² А. Н. Насонов. Летописный свод..., стр. 283; он же. Новые источники..., стр. 7.

⁶³ А. Н. Насонов. Летописный свод..., стр. 283.

⁶⁴ А. Н. Насонов. Новые источники..., стр. 7.

⁶⁵ А. Н. Насонов. Летописный свод..., стр. 283.

издания поздних летописных списков, причем хронологической гранью, разделяющей древние списки от поздних, А. Н. Насонов считал середину XV в. Приводим полностью этот проект.

«При издании летописных текстов по спискам, относящимся ко времени не ранее второй половины XV в., следует соблюдать следующие правила:

Издаваемые памятники воспроизводятся русским гражданским шрифтом. Буквы, которых нет в гражданском шрифте, как-то: џ, ѣ, ѱ, Ѡ, Ѳ, Ѡ, Ѡ, Ѡ, Ѡ и т. п. заменяются соответствующими русскими буквами: з, кс, пс, о, о, я, я, е и т. п. Буква ж передается через у, но в тех случаях, когда через у передать ее невозможно, в предисловии оговаривается, какой буквой передается она в тексте данного списка. Титла раскрываются согласно современному правописанию; надстрочные буквы вводятся в строку и дополняются опущенными буквами согласно современному правописанию. Так, бра^тя-брат^я; Ѡ^темлет^ь-от^ьемлет^ь; бы^с-бы^сть; соу^т-соу^т; пскови^ч-пско-вич^ь. Начертания: от^рекати^с, преста^ви^с передаются: от^рекати^сь, преста^ви^сь, а не: от^рекати^ся, преста^ви^ся (если нет указаний на правописание в самой рукописи); то^я^ж передается: то^я же, а не: то^яж; Довмон^т^ь^ж-Довмон^т же; что^б-что бы, а не что^б и т. п. Если же рукопись дает указания на правописание, несогласное с современным, то такое указание принимается в расчет при раскрытии титла или дополнении опущенных букв. Так, если в рукописи встречаем: от^ьсел^ь, то: о^тселе-от^ьселе, а не: отселе (см., напр., летоп. Син. № 280) или если в рукописи встречаем: сид^ьл^ьцы, то: сид^ьл^ьцы передается: сид^ьл^ьцы, а не: сид^ьл^ьцы (см. Синод. собр. № 1071). В примечаниях по усмотрению редактора может быть указано начертание данного слова; равным образом вставленные буквы могут быть набраны в скобках в тексте. В обоих случаях в предисловии оговаривается прием передачи некоторых слов. Надстрочные знаки над гласными (точки, псилы, каморы и т. д.) в печати не передаются. Паерок в середине слова и в конце предлогов опускается; в конце ж^е (других) слов передается через ъ (ь): княз^ь же-князь же; в середине слов он передается в тех случаях, когда согласно правилам современного правописания требуется вставить ь или ъ. Текст рукописи передается точно, насколько позволяет обыкновенный гражданский шрифт: и и і, различающиеся в рукописи, различаются и в издании, причем і и і передаются: і; оу передается этими двумя буквами; ѣ и е употребляются так же, как в рукописи; и не снабжается знаком краткости.

При обозначении примечаний применяется прием, применявшийся при издании Новгородской⁶⁶ 5-ой л., как наиболее экономичный»⁶⁷.

И свод правил, которых придерживался А. Н. Насонов в своей издательской деятельности, и приведенный проект содержат много ценных рекомендаций и разъяснений относительно непростой системы передачи летописных текстов. Все они должны быть учтены и обобщены современными публикаторами памятников русского летописания.

Живая нить связывала А. Н. Насонова с людьми, заложившими основы новой методики изучения летописей, новых археографических приемов их издания. Переняв от них эстафету, ученый усовершенствовал и летописную методику, и летописную археографию. Его достижения в последней области стоят очень высоко. Почти все публикации А. Н. Насонова — результат большого исследования, тонкой текстологической работы. Они отличаются всесторонним палеографическим описанием списков и редкой тщательностью в передаче текстов. Поэтому изданные им Псковские летописи, Новгородская I летопись и другие памятники вошли в золотой фонд советской исторической науки, а археографические принципы ученого надолго останутся актуальными для его последователей.

⁶⁶ Так в рукописи.

⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 1547, ед. хр. 74, л. 1—1 об.

В. И. Буганов

ТРУДЫ А. Н. НАСОНОВА О РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Значительную часть творчества выдающегося советского ученого Арсения Николаевича Насонова составляет изучение вопросов истории русского летописания. А. Н. Насонов занимает очень заметное место в советской историографии и по тому вкладу, который он внес в разработку ряда проблем отечественного прошлого, и по особенностям своего исследовательского дарования, по своей индивидуальности как ученого оригинального, неповторимого облика. Имеется в виду чрезвычайная тщательность, скрупулезность, свойственные его трудам, привлечение им большого круга источников для исследования, осторожность научных выводов. Исключительно высоко стоит методика его текстологических изысканий. Наконец, следует упомянуть о тесной связи марксистско-ленинской методологии и методики исследования, свойственной этому замечательному ученому.

А. Н. Насонов в области отечественного летописеведения олицетворял живую связь поколений в среде ученых, посвятивших свои усилия изучению русских летописей. Он был одним из продолжателей и последователей великого русского ученого А. А. Шахматова. Исследовательский метод А. А. Шахматова оказал несомненное влияние на А. Н. Насонова, который с большим вниманием изучал его труды, учитывал его наблюдения и выводы в свои разысканиях. Более того, он знакомился и с неопубликованными трудами Шахматова. Одному из них он посвятил специальную статью. Я имею в виду шахматовский труд, который был издан в 1938 г. под названием «Обзорные русские летописные своды XIV — XVI вв.». А. Н. Насонов, давая подробный обзор этой работы по главам, отмечал, что она не закончена автором, что последний по некоторым проблемам русского летописания изменил взгляды к концу своей жизни. Чтобы сделать этот вывод, А. Н. Насонов сравнивает между собой труды А. А. Шахматова, написанные в разные годы, привлекает новейшие исследования советских ученых¹.

А. Н. Насонов, развивая традиции школы А. А. Шахматова, внес в изучение русских летописей много нового как в плане исследования ряда памятников, целых областных центров летописания, описания и издания текстов, так и в методологию исследования этого вида исторических источников, в котором теснейшим образом увязывались классовый, исторический анализ их содержания и анализ текстов — редакций, списков и т. д.

Первые работы А. Н. Насонова по этой проблеме появились в 1926 г., а последний его обобщающий труд был издан в 1969 г. посмертно. Они касались, если рассматривать их в хронологическом порядке, истории летописания: тверского (работы 1926, 1930, 1959 гг.), псковского (1937, 1945,

¹ А. Н. Насонов. О неизданной рукописи А. А. Шахматова «Обзорные летописные своды». — «Проблемы источниковедения» (далее — ПИ), вып. II. М. — Л., 1936.

1946 г.), затем начального киевского (1959 г.), южнорусского и северо-восточного XII в. (1959, 1962, 1963 гг.), общерусского конца XV в. (1961 г.) и середины XVI в. (1962 г.); наконец, несколько работ касаются истории русского летописания на всем протяжении его развития (1955, 1958, 1969 гг.). Таким образом, работы по этой проблеме публиковались на протяжении почти четырех десятков лет; ее изучением автор был занят по существу в течение всей своей научной деятельности. Причем сначала его труды касались малоисследованных звеньев шахматовской схемы. Затем по мере расширения фронта исследований в советской историографии, роста научных интересов и исследовательского опыта самого автора его внимание привлекают сложные узловые вопросы начального и позднего летописания. Одновременно в эти годы накапливаются наблюдения об общем ходе развития русского летописания с XI до конца XVII — начала XVIII в. и размышления о дальнейших путях поисков и исследований.

Прежде всего следует сказать, что работа А. Н. Насонова по изучению памятников русского летописания теснейшим образом связана с разысканием новых летописных текстов, их изданием или переизданием на новых основаниях. Не останавливаясь на этой стороне его замечательной деятельности в области летописной археографии (о ней говорится в статье В. А. Кучкина²), отмечу, что в результате многолетней и кропотливой работы в архивах усилиями А. Н. Насонова фонд рукописных списков с текстами летописей увеличился с 200 до 1000 единиц, т. е. в 5 раз! Описанию этих списков посвящено несколько работ А. Н. Насонова³.

Кратко охарактеризуем вклад А. Н. Насонова в изучение русского летописания различных периодов. В своих работах о летописании времени Древнерусского государства он принимает мнение А. А. Шахматова о существовании в XI в. древнейших летописных сводов — времени Ярослава Мудрого (мнение о его появлении в 1039 г. он считает, очевидно, недостаточно аргументированным), затем свода Никона начала 1070-х годов, Начального свода 1090-х годов. Наоборот, он ставит под вопрос возможность существования свода 996 г., о чем писали Л. В. Черепнин, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, или Повести о первоначальном распространении христианства на Руси, возникшей, по Д. С. Лихачеву, в 1040-е годы⁴. На Начальном своде основана Повесть временных лет, ставшая тем фундаментом, на котором базируется последующее русское летописание. А. Н. Насонов — автор замечательного историко-географического исследования о складывании территории Древнерусского государства — тонко и проницательно заметил, что величайший памятник русского летописания начала XII в. содержал «откровение о русском народе», так как в нем впервые с такой ясностью утвердилось и осмысливалось понятие Руси как совокупности не только южнорусских, но всех вообще восточнославянских этнических групп («племен»).

Ряд исследований А. Н. Насонова имеет своим предметом летописание периода феодальной раздробленности. Так, систематически сравнивая между собой тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей за XII в., посвященные южнорусским событиям, он ставит вопрос о летописном своде Переяславля-Русского (Южного), приходит к выводу, что собственно киевские записи более подробно переданы в Ипатьевской, переяславские — в Лаврентьевской, но лаврентьевская редакция киевского источника древнее ипатьевской его редакции⁵. Столь же интересны наблюдения А. Н. На-

² См. наст. изд., стр. 224—234.

³ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — ПИ, вып. IV. М., 1955; *он же*. Материалы и исследования по истории русского летописания. — ПИ, вып. VI. М., 1958.

⁴ А. Н. Насонов. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием Древнерусского государства. — ПИ, вып. VII. М., 1959, стр. 432—433 и др.

⁵ А. Н. Насонов. Об отношении летописания Переяславля-Русского к киевскому (XII век). — ПИ, вып. VIII. М., 1959.

сонова о ростово-суздальском летописании XII в.⁶ Здесь автор, выявляя записи о Ростово-Суздальской земле, тоже сравнивает тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей и приходит к выводу об отражении в них южнорусского свода, использовавшего местные ростовские летописные записи. Последние, как устанавливает А. Н. Насонов, велись при Ростовском Успенском соборе и отразились в статье «А се князи русьстии», предшествующей Комиссионному списку Новгородской I летописи, в Типографской и Львовской летописях.

Начало владимирского летописания А. Н. Насонов связывает с княжением Андрея Боголюбского, который перенес столицу княжества из Суздаля во Владимир. Он считает, что сначала записи о деяниях этого князя по указанию его отца Юрия Долгорукого (которого он сопровождал в походах, в том числе на юг, в Киев) были вставлены в Киевскую летопись, из которой попали в Ипатьевскую и Лаврентьевскую. С конца же 1150-х — начала 1160-х годов при Успенском соборе начинается ведение собственно владимирских летописных записей. Сказание об убиении Андрея Боголюбского, составленное владимирским автором по свежим следам событий, попало в те же Лаврентьевскую и Ипатьевскую из какого-то северо-восточного источника.

А. Н. Насонов внес вклад и в изучение владимирского летописания XIII в., отразившегося во владимирском же великокняжеском своде 1305 г. (Лаврентьевская летопись) и в Московском своде 1479 г.⁷

С именем А. Н. Насонова связано детальное исследование тверского и псковского летописания. Путем тщательного сравнения текстов Тверского сборника, Рогожского летописца, Лаврентьевской, Симеоновской, Никоновской и других летописей он устанавливает ведение с 1285 г. тверских летописных записей, отразившихся в сводах XIV — XV вв. При князе Александре тверском, современнике Ивана Калиты, составляется тверской великокняжеский летописец. Летописное дело замирает в конце XIV в. в связи с ослаблением Твери во время борьбы с Москвой, но вскоре оживает, особенно в первой половине XV в. В 1409 г. составляется «общетверской» свод, отразившийся в Троицкой летописи. В 1425 г. появляются летописные своды в Твери и соперничавшем с ней Кашине. Тверской свод князя Бориса Александровича 1455 г. возник в обстановке борьбы Твери и Москвы за политическое первенство в русских землях, за наследие второго Рима — Константинополя, взятого турками в 1453 г. В центр событий поставлено Тверское княжество, правители которого характеризуются, как верховные защитники православия⁸. Свод отмечен наличием общерусских тенденций.

Псковское летописание, по наблюдениям А. Н. Насонова, тоже началось в XIII в., оно имело официальный характер и велось под руководством выборных властей. При составлении летописных записей использовались документы из псковского архива (отчеты, реляции для псковского вече). Первый свод появился в Пскове в 1450-е — начале 1460-х годов, при его составлении были использованы, помимо псковских, еще новгородские, смоленско-литовские летописные источники; тем самым не только в Москве, но и в Пскове (а также во Владимире, Новгороде Великом, Твери) составлялись общерусские по своему характеру летописные своды. Впоследствии в Пскове составляются своды в 1464, 1468, 1481 гг., в конце 1480-х

⁶ А. Н. Насонов. Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII в. — ПИ, вып. X. М., 1962.

⁷ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — ПИ, вып. XI. М., 1963.

⁸ А. Н. Насонов. Летописные своды Тверского княжества. — «Доклады АН СССР». Л., 1926, серия В, ноябрь — декабрь; *он же*. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. — «Известия АН СССР», VII серия, отд. гуманитарных наук. Л., 1930, № 9—10.

годов и далее в XVI в., в частности в 1547, 1567 гг. (свод игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия) и в XVII в.⁹

Из московских памятников конца XV в. внимание А. Н. Насонова привлек летописный свод 1479 г. Он выясняет один из его источников — южнорусский летописный свод, использованный через посредство свода Феодосия-Филофея и отразившийся в Ипатьевской летописи. В другой работе А. Н. Насонов показывает близость Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи в части после Повести временных лет и до 1425 г.¹⁰

Для изучения русского летописания середины XVI в. важны выявленные А. Н. Насоновым сказание и повесть о взятии Казани в 1552 г., которые были, по его заключению, составлены очевидцем событий, служившим в Троице-Сергиевом монастыре, и послужили источником для «Казанской истории» и «Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича»¹¹.

Большое значение имеет обобщающий труд А. Н. Насонова¹².

Во введении к книге автор, помимо соображений о методике работы с летописями и историографии вопроса, высказывает некоторые общие соображения: «Исследование я понимаю как устремление к отысканию научной истины, т. е. познание объективного, реального процесса. Обойтись без догадок и предположений нельзя, но всякое исследование будет тем совершеннее, чем меньше в нем догадок и чем больше твердо обоснованных выводов»¹³.

О своей работе А. Н. Насонов пишет, что в ней «излагаются результаты труда автора над изучением путей развития русского летописания», что он не ставил своей целью «дать общую историю летописания». «Автор останавливается или на тех вопросах, о которых в научной литературе существуют противоречивые суждения, или которые мало или совсем не разработаны».

В первой главе автор, опираясь на выводы А. А. Шахматова и других ученых, говорит о летописных сводах XI в., реконструкция которых явилась величайшей научной заслугой Шахматова. А. Н. Насонов, разбирая мнения ученых о киевском летописании XI в., настойчиво подчеркивает мысль о необходимости сочетания и взаимопроникновения «формального» (текстологического) и «идеологического» анализа. Скрупулезное изучение некоторых древнейших текстов позволяет автору выдвинуть вопрос о возможности ведения летописных записей до составления указанных выше сводов. Эти записи начали вести в киевской Десятинной церкви уже, вероятно, в конце X в., затем в Вышгороде, недалеко от Киева, в Киево-Печерском монастыре.

После сводов 70-х и 90-х годов XI в. в начале следующего столетия в Киево-Печерском монастыре появляется (после 1111 г.) знаменитая Повесть временных лет монаха Нестора, которая пропагандировала идею восточноевропейской общности, политической и этнической. Киевская власть в лице Владимира Мономаха прекрасно понимала огромное идейное, политическое значение этого произведения — под ее влиянием вскоре, в 1116 г. и 1118 г., появились новые редакции, обработки Повести вре-

⁹ А. Н. Насонов. Летописные памятники Пскова. — «Историк-марксист», 1937, кн. 5—6 (63—64); *он же*. Из истории псковского летописания. — «Исторические записки», 1946, т. 18; *он же*. О русском областном летописании. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. II, № 4. М., 1945.

¹⁰ А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — ПИ, вып. I X. М., 1961; *он же*. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961.

¹¹ А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского «взятия». — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962.

¹² А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

¹³ Там же, стр. 7.

менных лет. К одной из них имел непосредственное отношение Сильвестр, игумен Михайловского Выдубицкого монастыря, семейного монастыря отца Владимира Мономаха, к другой — сын последнего Мстислав. Именно под влиянием этих князей, придававших большое значение международным связям Руси, расширению брачных связей своего правящего дома, в Повесть временных лет включили понятие о Руси как разновидности варяжского народа, а легенда о варягах, будто бы основавших Русское государство, на долгие столетия пустила корни в сознании многих потомков.

Этот выдающийся памятник получил такую известность и популярность, что его положили в основу всего последующего русского летописания — позднейшие летописные своды, как правило, начинаются именно с Повести временных лет.

А. Н. Насонов, много занимавшийся изучением процесса сложения Древнерусского государства, пишет: «...Я был поражен тем, насколько совпадают этапы процесса с главнейшими этапами древнерусского летописания»¹⁴. В самом деле, расцвет Древнерусского государства во главе с Киевом приводит к появлению первых русских летописных сводов. Выделение из этого государства, начиная с XII в., «областей» во главе с Киевом, Черниговом, Переяславлем-Русским и другими центрами сопровождается составлением в них летописных записей. Начинается время «областного» летописания — киевского, новгородского, черниговского, переяславля-русского, владимири-суздальского, галицко-волынского и др.

Судьбы некоторых из этих «областных» летописных традиций прослеживаются в главах II — V книги А. Н. Насонова. С помощью тонких наблюдений, внимательного анализа текстов автор устанавливает источники различных летописей, их взаимосвязь и взаимовлияние, повторяет и развивает выводы своих более ранних работ о владимирском и южнорусском летописании XII в. и последующего времени.

Татаро-монгольский погром середины XIII в., установление иноземного ига на Руси, дальнейшее феодальное дробление русских земель затормозили развитие русской культуры. Сильно пострадало и развитие летописного дела. Но тем не менее оно продолжалось. Развитие земель, захваченных Литвой, пошло особым путем; там появились свои, так называемые западнорусские летописи. В северо-восточных землях в XIII — XIV вв. ведутся летописные записи и своды.

Ослабление татаро-монгольского ига в XIV в. и его свержение в конце следующего столетия сопровождалось подъемом национального самосознания во всех областях духовной жизни народа. Живопись Андрея Рублева и Феофана Грека, соборы и крепости, памятники литературы, грандиозные летописные своды той поры достаточно ясно говорят о мощном подъеме культуры. В ряде городов создаются летописные своды, общерусские по своему характеру, — в Москве, Новгороде, Твери, Смоленске. Особое значение приобрело московское летописание с его митрополичьей и великокняжеской линиями, которые часто перекрещивались. Уже в начале XV в. появляется первый митрополичий свод — Троицкая летопись. Единственный ее экземпляр, написанный на пергамене, сгорел во время пожара 1812 г. Честь ее реконструкции принадлежит ученику Шахматова — М. Д. Приселкову. Затем своды появляются в 1423, 1441, 1456, 1479 гг., причем последний — в связи с походом московского великого князя Ивана III на Новгород и присоединением последнего. А. Н. Насонов детально исследует состав, источники грандиозного свода 1479 г. Общим источником этого свода и так называемой Ермолинской летописи был общерусский свод, составленный между 1464 и 1472 гг.; в нем обильно использован киевский источник, который местами отличается от Ипатьевской летописи.

¹⁴ Там же, стр. 19.

Свод 1479 г., содержащий большое количество сведений по отечественной истории, особенно XV в. (например, о новгородских походах 70-х годов, постройке кремлевского Успенского собора, свадьбе Ивана III и Софьи Палеолог), был впоследствии положен в основу известной Воскресенской летописи.

Образование в последней четверти XV в. единого Русского государства отмечено созданием многих летописей. В конце XV — середине XVI в. составляется ряд летописных сводов. Некоторые из них впервые обнаружены самим автором.

В еще большей степени это относится к концу XVI — началу XVIII в. Позднее русское летописание с давних пор недооценивается в науке. Во времена Шахматова основное внимание сосредоточено на летописях до XVI в. Считалось, что со второй половины XVI в. летописание в России постепенно замирало, уступая место другим видам исторического повествования.

Исключением признавался разве только Новый летописец, составленный при Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете в 30-е годы XVII в. Правда, давно были известны хронографы, но это особый род исторической литературы, посвященной всеобщей истории (с вкраплением данных и о Руси).

А. Н. Насонов проделал огромную работу по отысканию, сравнительному изучению летописей той поры. Он установил существование ряда летописных сводов. Они составлялись в конце XVI в. в связи с утверждением патриаршества в России (1589 г.), в начале XVII в. при патриархе Гермогене, в 1652 г. — при Никоне. Несколько летописных сводов изготовили по поручению Петра I, который среди многих других дел был озабочен и составлением большой русской истории с описанием славных дел его правления. Все эти «новые данные, — как говорит сам А. Н. Насонов, и с ним нельзя не согласиться, — позволяют внести существенную поправку в наши представления»¹⁵.

Таким образом, автор рассмотрел ряд вопросов истории русского летописания на всем протяжении его существования. В одних случаях он вносит свои коррективы в уже сложившиеся в науке взгляды (особенно это касается ранних этапов летописания), в других — существенно дополняет наши представления, анализируя вновь обнаруженные им летописные своды XV — XVI вв., в третьих — намечает пути дальнейших изысканий, например, в исследовании сводов конца XVI — начала XVIII в., которые он обнаружил, но не успел детально изучить текстологически.

Как видим, А. Н. Насонов сделал большой вклад в разыскание, описание и изучение русских летописей на всем протяжении существования этого исторического и литературного жанра. Будучи ученым-марксистом, он немалое внимание уделил марксистско-ленинской методологии и методике исследования летописного материала. Его научное творчество в свою очередь оказало и оказывает большое благотворное влияние на разработку проблем отечественной истории, в частности русского летописания. Достаточно сказать, что в ряде исследований последнего времени, посвященных начальному русскому летописанию, псковским и тверским летописям, позднему летописанию и т. д., их авторы основываются на выводах, сделанных А. Н. Насоновым, или идут теми путями, которые он наметил.

А. Н. Насонов, внесший такой огромный вклад в изучение русских летописей и отмечавший большие заслуги своих предшественников, прежде всего А. А. Шахматова, написал в конце своей прекрасно прожитой жизни: «Громадный летописный материал остается еще в значительной степени неизученным. Впереди предстоит большая исследовательская работа»¹⁶.

¹⁵ А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века..., стр. 478.

¹⁶ Там же, стр. 10.

А. Л. Станиславский

**ЛИЧНЫЙ ФОНД А. Н. НАСОНОВА
В АРХИВЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Личный фонд Арсения Николаевича Насонова (1898—1965) (ф. 1547) был передан в Архив АН СССР его братом Всеволодом Николаевичем в 1965 г. Сохранившиеся документы и рукописные материалы А. Н. Насонова представлены в Архиве АН СССР практически полностью. Всего сформировано 388 дел. На материалы фонда составлена одна опись.

В фонде имеются рукописи почти всех опубликованных трудов А. Н. Насонова, а также подготовительные материалы к ним (249 дел). В нескольких вариантах сохранилась первая статья историка «Князь и город в Ростово-Суздальской земле», написанная в связи со сдачей магистерского экзамена в Петроградском университете и опубликованная в 1924 г. в сборнике «Века» (д. 93—95).

Еще в университете под руководством профессора А. И. Заозерского А. Н. Насонов начал изучение вотчинного архива крупных русских помещиков князей Юсуповых, которое он продолжил и позднее. Сохранилась студенческая работа «Имущественное и социальное положение в Ракитной», рукописи двух статей, опубликованных в 1926 и 1928 гг., и некоторые другие фрагменты исследования и наброски «Юсуповы и их владения», «О представителях рода Юсуповых», «История малороссийских имений Юсуповых» (д. 92, 96—102).

С 1924 г. А. Н. Насонов работал в Отделе пумизматики Государственного Эрмитажа. К этому времени относится небольшой набросок, озаглавленный «Деловые заметки митрополичьей канцелярии XIV в. как материал для истории денежного обращения древней Руси» (д. 103). Во второй половине 20-х годов Арсений Николаевич пишет свое первое крупное исследование о русском летописании — «Летописные своды Тверского княжества (Опыт реконструкции тверского летописания с XII до конца XV в.)» (д. 1). Сохранилась рукопись и следующей работы А. Н. Насонова о русском летописании — обзор неизданной работы академика А. А. Шахматова «Обозрение летописных сводов» (д. 2).

Ряд материалов фонда связан с кандидатской диссертацией А. Н. Насонова «Монголы и Русь» опубликованной в 1940 г. Это фрагменты нескольких вариантов монографии, доклад «Историография монгольской политики на Руси», тезисы кандидатской диссертации и ответ Арсения Николаевича на замечания рецензента, написанный для Исторической комиссии АН СССР (дд. 117—124). Особый интерес представляет рукопись первоначального варианта книги с неопубликованной вводной главой, в которой рассматривается положение «северо-восточной державы» в системе русских земель в домонгольское время (д. 119). Одновременно с книгой о монгольской политике на Руси была опубликована статья А. Н. Насонова о древнейшей истории Тмутаракани (д. 116).

К 1930-м годам относится начало большой работы А. Н. Насонова по изучению и изданию псковских летописей. Ее итогом явились образцово изданные в 1941 и 1945 гг. два выпуска «Псковских летописей» и статья «Из истории Псковского летописания» (1946 г.). Помимо фрагментов и вариантов этих работ сохранились доклады А. Н. Насонова «К вопросу о предварительных работах по переизданию Псковских летописей» и «О древнейшем псковском летописании», а также выписки и наброски по истории псковского летописания (д. 17, 19 и др.).

В 1941 г. А. Н. Насонов после эвакуации в Ашхабад был назначен заведующим сектором истории Института истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР. Ко времени эвакуации относится неопубликованный «Краткий исторический очерк Узбекской ССР» (д. 125). К истории Средней Азии Арсений Николаевич вернулся уже после войны. В начале 1950-х годов он подготовил главу «Туркмения в эпоху монгольского владычества» для книги «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистан в XVIII—XIX вв.», опубликованной в 1954 г. (д. 146).

В связи с намечавшимся в предвоенные годы изданием пятитомной «Истории СССР» А. Н. Насонов должен был написать очерк по истории Ростово-Суздальской земли. Этого очерка нет в Архиве АН СССР, однако в фонде имеется стенограмма лекции Арсения Николаевича «Ростово-Суздальская Русь», прочитанной 9 февраля 1939 г. (д. 104).

Почти в то же время была написана первая научно-популярная работа историка «Полководец Дмитрий Донской», опубликованная в газете «Вечерняя Москва» в мае 1939 г. Помимо этой статьи (д. 105) в Архиве АН СССР хранятся рукописи нескольких десятков лекций А. Н. Насонова, читанных в годы Великой Отечественной войны: «Александр Невский», «Нашествие монголов и борьба с ними русского народа», «Русские в Семилетней войне», «Ломоносов — основатель русской науки» и др. (д. 187—211).

В 1944 г. А. Н. Насонов представил в качестве докторской диссертации «Очерки по истории древнерусского летописания». Фрагменты этой работы и тезисы диссертации хранятся в архиве (д. 13—14). На материале диссертации написана статья «О русском областном летописании» (1945 г.), вместе с рукописью статьи в фонде находится и выступление А. Н. Насонова на ее обсуждении.

Машинописными и рукописными фрагментами и версткой с авторской правкой представлено в архиве второе большое издание Арсения Николаевича — «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» (1950 г.) (д. 18). К подготовке этого издания относится заметка А. Н. Насонова «О переиздании Новгородской первой летописи» (д. 21). К разработке истории новгородского летописания относится также рукопись написанной совместно с А. А. Зиминим статьи «О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи» (1951 г.) (д. 26).

Самый крупный комплекс материалов в фонде связан с известной монографией А. Н. Насонова «Русская земля и образование территории древнерусского государства» (1951 г.). Это два варианта книги (1949 и 1950 гг.), обширные выписки из литературы и источников, ряд предварительных историко-географических очерков: «Материалы по исторической географии Черниговской, Муромской, Рязанской и Ростово-Суздальской земель в XII — XIII вв.», «О территории Полоцкого княжества», «Населенные местности Смоленской области» (д. 106—112 и др.) и выступление А. Н. Насонова на обсуждении книги (№ 138). Продолжением этой работы явились две статьи: «К вопросу образования древнерусской народности» (написана в 1951 г. и не опубликована), «К вопросу об образовании древнерусской государственной территории» (опубликована в 1954 г. в «Вопросах истории») и доклад «О некоторых вопросах образования древней русской народности» (№ 137, 139, 142). С известной дискуссией о периодизации истории СССР конца 1940-х — начала 1950-х годов связано выступление А. Н. Насонова, неполный текст которого хранится в архиве (д. 133).

Несколько статей и очерков в 1940—1950-е годы А. Н. Насонов посвятил социально-экономической истории России. Некоторые из них вошли в опубликованные в 1955 г. под редакцией Арсения Николаевича «Очерки истории СССР XV—XVII вв.», другие не опубликованы: «Эволюция рыбных поселений на реке Ильмени», «К проблеме изучения хозяйственной истории древнерусского города (Старая Ладога)». В последней статье подробно рассматривается хозяйственная жизнь Ладоги до XVI в. включительно и делаются некоторые выводы о происхождении древнерусских городов.

В 1950—1960-е годы А. Н. Насонов проводит широкое обследование летописных памятников в хранилищах Москвы и Ленинграда, создает ряд крупных статей, а в конце жизни — монографию по истории летописания XI — XVII вв. Рукописи большинства этих работ имеются в фонде (д. 43, 44, 47—49 и др.). К началу 1950-х годов относятся материалы, связанные с подготовкой Полного собрания русских летописей: доклад А. Н. Насонова «О проекте нового издания Полного собрания русских летописей» (д. 22), докладная записка «О плане издания АН СССР Полного собрания русских летописей» (д. 28), тезисы инструкции по изданию летописных текстов (д. 25) и др. Наконец, несколько небольших работ А. Н. Насонова посвящено общим вопросам источниковедения и археографии: выступление о публикации исторических источников, лекция об источниковедении истории СССР, заметка о развитии вспомогательных исторических дисциплин, доклад «О типах публикаций» (д. 27, 68 и др.).

В особый раздел фонда выделено несколько десятков отзывов А. Н. Насонова: на работы Ф. В. Баллода «Приволжские Помпеи» и «Старый и Новый Сарай» (1929 г.), кандидатскую диссертацию Д. С. Лихачева «Новгородские летописные своды XII в.», книгу Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» (1951 г.), кандидатскую диссертацию М. В. Витова «Поселения Заонежья XVI — XVII вв. как предмет этнографического изучения» (1954 г.), издание судебных книг XV — XVI вв. (1949 г.), первый том «Актів социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (1951 г.) и т. д. Здесь же хранятся заметки А. Н. Насонова о докладах Б. Д. Грекова, А. Г. Кузьмина, Я. С. Лурье, Л. Н. Пушкарева, Л. В. Черепнина (д. 212—298).

Кроме того, в фонде находятся отзывы за 1935—1965 гг. ряда крупных советских ученых (К. В. Базилевича, С. В. Бахрушина, Н. Г. Бережкова, Н. Н. Воронина, А. А. Зимина, И. А. Кудрявцева, В. П. Любимова, Е. А. Мороховца, В. Т. Пашуто, М. Н. Тихомирова, Н. В. Устюгова, Л. В. Черепнина, В. К. Яцунского) на труды самого Арсения Николаевича (д. 349—370). Уже в отзыве М. Н. Тихомирова 1935 г. на первые статьи А. Н. Насонова отмечается прекрасное знание печатного и рукописного материала, стремление связать вопросы истории летописания с общими политическими процессами, совершавшимися в Северо-Восточной Руси, «существенный вклад» Арсения Николаевича «в дело изучения летописей, которые являются основным источником для изучения истории, по крайней мере, до XV века» (д. 350).

Своеобразным источником для изучения творчества А. Н. Насонова являются издания летописей с многочисленными заметками ученого на полях (д. 83—90).

Среди биографических материалов А. Н. Насонова (20 дел) в фонде хранятся детские стихи и пьесы, конспекты университетских лекций, автобиографии 1926—1956 гг., списки трудов, диплом доктора исторических наук, удостоверение о награждении медалью «В память 800-летия Москвы», поздравительные адреса, приглашительные билеты, фотографии и рисунки (д. 250—259 и 371—376). В фонде имеется также довольно большое число статей советских и иностранных ученых с дарственными надписями Арсению Николаевичу (д. 287—290).

Из документов о научно-организационной деятельности А. Н. Насоно-

ва (26 дел) имеются характеристики, отчеты о работе, издательские договоры, социалистические обязательства, постановления Президиума АН СССР об утверждении А. Н. Насонова членом Археографического совета Института истории (1951 г.) и членом Археографической комиссии (1956 г.), выступления А. Н. Насонова на производственных собраниях, протоколы производственных собраний сектора истории народов СССР периода феодализма Института истории (1952 г.). Отметим особо письмо вице-президента АН СССР В. П. Волгина 1944 г. в Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии с просьбой об откомандировании А. Н. Насонова в распоряжение Института истории. В письме отмечаются выдающиеся научные заслуги историка (д. 260—286).

Сохранившаяся переписка А. Н. Насонова невелика: письма (черновики) Арсения Николаевича С. Н. Азбелеву, С. Бабаеву, Б. Д. Грекову, Н. К. Гудзию, Б. И. Дубенцову, А. М. Завадскому, А. А. Зиминому, Д. С. Лихачеву, Ф. В. Миллеру, Д. Н. и Е. А. Насоновым, А. А. Новосельскому, М. Д. Приселкову, К. Н. Сербиной, Л. А. Творогову, М. Н. Тихомирову, Б. Т. Третьякову, В. Н. Харламовой и письма к А. Н. Насонову Т. Базилевич, С. Б. Веселовского, В. В. Виноградова, М. В. Витова, Р. П. Дмитриевой, Б. И. Дубенцова, Т. Н. Жирмунской, А. М. Завадского, М. М. Зайцевой, А. А. Зиминова, Д. Г. Исаевича, Н. В. Каменской, В. А. Каменского, Г. Е. Кочина, Н. Ф. Лаврова, Д. С. Лихачева, Г. Ловмянского, Я. С. Лурье, Б. В. Миллера, Ш. Ф. Мухамедьярова, Н. В. Насонова, Д. М. Петрушевского, Н. Я. Полового, М. Д. Приселкова, Ф. И. Салова, К. Н. Сербиной, Р. Г. Скрынникова, М. Н. Тихомирова, Б. Т. Третьякова, И. П. Шаскольского, М. В. Щепкиной, В. К. Яцунского (д. 309—347)¹.

Помимо перечисленных материалов в фонде имеется несколько статей, присланных А. Н. Насонову на отзыв (д. 377 и др.), протокол заседания бригады по изданию летописей, исторических повестей и сказаний от 23 апреля 1936 г., посвященный составленному М. Д. Приселковым плану издания русских летописей, и пояснительные замечания М. Д. Приселкова к этому плану.

Приводим письмо М. Д. Приселкова А. Н. Насонову, интересное и для биографии Арсения Николаевича и для истории шахматовской школы изучения русского летописания.

М. Д. Приселков — А. Н. Насонову

27 мая 1927 г.

Многоуважаемый и дорогой
Арсений Николаевич

Посылаю Вам рукопись Аркадия Акимовича Лященко, которую автор будет читать вечером в воскресенье, 29 мая, у Шахматовых. Т. к. я сегодня уезжаю в Москву, экстренно и по служебным делам, и в воскресенье еще буду в Москве, то на Вас ложится обязанность после доклада Лященко сказать несколько слов. Думал сам, рассчитывая на неподготовленность слушателей, рассказать о методах работ А. А. во всем их охвате, объяснить пресловутую изменчивость его выводов из огромности материала и трудностей методов и похвалить А. А. Лященко за его ратоборство за А. А. М. б. Вы придумаете сказать что-нибудь другое, действуйте по своему, конечно, усмотрению. Мне очень дорого думать, что именно Вы сделаете это. У Вас это будет и солидно и красиво. Я уверен.

Искренне Вас уважающий и любящий М. Приселков.

Архив АН СССР, ф. 1547, оп. 1, д. 333, л. 1

¹ Кроме того, в фонде находятся два письма В. П. Любимова к Н. Ф. Лаврову (д. 348).

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1974 Г.

М. И. Автократова

ДОКУМЕНТЫ ЦГАДА ПО ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

В фондах ЦГАДА хранятся ценные документы по ранней истории Академии наук. Наличие этих документов в материалах архива обусловлено исторически: они отложились в делопроизводстве тех учреждений XVIII в., которые были связаны с созданием Академии и ее последующей деятельностью.

Документы, характеризующие подготовку к созданию Академии, в основном сосредоточены в фонде Кабинета Петра I.

Как известно, в процессе подготовки к созданию Академии Петр изучал иностранный опыт, обменивался мнениями с видными европейскими учеными. Он также получал советы от наиболее образованных отечественных государственных и общественных деятелей, сознававших необходимость создания в России учебного заведения для подготовки кадров русских специалистов и ученых и центра научных исследований.

В ЦГАДА хранится переписка Петра с Лейбницем, в которой обсуждается вопрос о развитии «наук и художеств» в России, о «заведении училищ» и учреждении Академии¹. Вместе с тем известно, что проекты Лейбница на дальнейшую разработку проекта Академии, так же как и предложения другого выдающегося ученого того времени — Х. Вольфа, с которым Петр вел переписку по этому вопросу².

Петр интересовался опытом Академии наук во Франции, об этом в фондах архива сохранились интересные сведения. Находясь в Париже в 1717 г., он присутствовал на чрезвычайном заседании Парижской Академии, имел встречи с крупнейшими учеными Франции. В знак признания особых заслуг Петра в развитии просвещения и науки в России он, как известно, был избран членом Парижской Академии. В фонде Кабинета хранятся письма президента Академии Биньона (от 24 декабря 1717 г. и от 29 сентября 1720 г.) и секретаря Фонтенеля (от 13 января 1718 г.), в которых французские ученые уведомляют Петра об этом избрании³.

В том же фонде Кабинета сохранился отпуск ответного письма французским ученым, подготовленного в конце января 1721 г. по распоряжению царя президентом Коллегии иностранных дел Г. И. Головкиным, с выражением благодарности Парижской Академии за избрание. На отпуске

¹ ЦГАДА, ф. 55 («Сношения России с имперскими чинами»), 1712, д. 21 (см. также: В. Готье. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873); там же, ф. 9 (Кабинет Петра I), отд. II, кн. 17, лл. 814—818; кн. 38, лл. 183—130 и др.

² А. И. Андреев. Основание Академии наук в Петербурге. — В кн.: «Петр Великий». М. — Л., 1947, стр. 112.

³ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 39, лл. 25, 27, 28; кн. 52, лл. 229—234; см. также: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 529—532.

имеется правка, сделанная Петром, где он сообщает о посылке французским ученым в подарок новой карты Каспийского моря ⁴.

Для передачи Парижской Академии ответного письма Петра и подарка в 1721 г. за границу был отправлен библиотекарь И. Шумахер, представивший по возвращении в сентябре 1722 г. подробный отчет о своей поездке. Подлинник отчета хранится в одном из дел Кабинета Петра I ⁵.

Как свидетельствует отчет, Шумахер должен был выполнить, помимо названных выше, ряд других поручений царя ⁶: встретиться и переговорить с известными учеными Делилем, Дювернуа, Х. Вольфом о возможности приглашения их на службу в Россию, заказать некоторые инструменты, приобрести книги ⁷, а главное, установить контакты с учеными «для умножения художеств и наук [в России], ...а наипаче для сочинения общества наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и протчих местах» ⁸.

В Париже, на заседании членов Академии — «ассамблее» — было зачитано письмо Петра I, которое «с великим вниманием слышено было» ⁹. Из отчета же узнаем, что одновременно Шумахер привез в Парижскую Академию письмо лейб-медика Петра I Блюментроста, которому Петр поручил вести свою корреспонденцию с иностранными учеными. В этом письме говорилось о том, что в России уже ведутся приготовления к созданию Академии. На членов Парижской Академии большое впечатление произвели приведенные в письме сведения о предпринятых русским правительством экспедициях с целью естественноисторических и географических исследований территории России, в частности Сибири ¹⁰.

Высокую оценку получила и новая карта Каспийского моря, которая сообщала неизвестные европейским ученым данные.

В ЦГАДА, в делах Кабинета Петра I и некоторых других фондах сохранилось несколько проектов, замечаний, предложений, свидетельствующих о том, насколько российское общественное мнение было подготовлено к созданию Академии.

Наиболее известен мемориал советника Петра I по устройству коллегий Генриха Фика 1718 г., в котором он писал: «... О нетрудном обучении и воспитании российских младых детей, чтоб оных в малое время в такое совершенство поставить, дабы ваше величество все гражданские и воинские чины в коллегиях, губерниях, судах, канцеляриях, магистратах и протчая своими природными подданными [смогли] наполнить, також и собственной своей земли из детей искусных купеческих людей, художников, ремесленников, шикаров и матросов получить могли...»

На полях этого документа Петр впервые определенно написал: «Сделать Академию. А ныне приискать из русских, хто учен и к тому склонность имеет. Также начать переводить книги — юриспруденцию и протчие к тому. Сие учинить сего году начала» ¹¹. В данном проекте Академия рассматривалась, видимо, как высшее учебное заведение ¹².

К числу наиболее интересных проектов создания Академии, который, как увидим далее, был существенно использован при разработке проекта

⁴ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 53, л. 222—222 об.

⁵ Там же, отд. II, кн. 61, лл. 816—862; см. также: П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 533—558.

⁶ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 61, лл. 816—817 об.

⁷ Там же, л. 816 об.

⁸ Там же, л. 817 об.

⁹ Там же, л. 819.

¹⁰ Там же, л. 820.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1451 (Именные указы), оп. 1, кн. 7, л. 340. На л. 341 помета: «Слушано и подписано против пунктов царского величества собственною рукою июня в 11 день 1718 году, внести в указную книгу». Опубл.: ПСЗ, т. V, № 3208 с ошибкой: «...Юриспруденции и прочая, кто сие учинит сего году начало». В такой же неверной редакции опубликовано в кн.: П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 45. В статье А. И. Андреева «Основание Академии наук в Петербурге» дается правильная публикация (стр. 289).

¹² «История Академии наук СССР», т. I. М.—Л., 1958, стр. 30.

1724 г., принадлежит сохранившийся в одной из книг Кабинета документ под названием: «В установлении Академии подобает следующие пункты примечать». На первой его странице внизу, под текстом, помечено: «Руки Петра Алексеева, сына Курбатова»¹³.

А. И. Андреев высказывал предположение¹⁴, что эту приписку следует понимать не только в том смысле, что составленные неизвестным автором «Пункты» были переписаны Петром Курбатовым, одним из подъячих Сената¹⁵, но и как указание на его возможное авторство. П. А. Курбатов был сыном известного «прибыльщика» Петра I А. А. Курбатова, человека для своего времени довольно просвещенного и даже выступавшего с проектами по вопросам народного образования в России. Интересно, что один из своих проектов Курбатов-отец также озаглавил «Пункты о Кабинет-Коллегиуме»¹⁶. Конечно, сын был знаком с проектами отца, и можно предположить, что они оказали определенное влияние на формирование его взглядов.

Сохранившиеся в ЦГАДА «Пункты» об Академии являются подлинными. Документ, состоящий из двойного листа бумаги, написанный мелким почерком, был когда-то сложен вчетверо, внешняя сторона четырехугольника сильно загрязнена, бумага несколько потерта на сгибах. Существует мнение, что П. А. Курбатов передал свои «Пункты» Петру I где-то на верфи Петербурга. Петр сложил записку и положил в карман. Не сделав каких-либо пометок на проекте, Петр, безусловно, ознакомился с этим весьма интересным по содержанию документом (знакомился с ним и автор проекта 1724 г.), затем документ попал в дела Кабинета.

В «Пунктах» Курбатова высказываются принципиальные положения, касающиеся правового и финансового положения будущей Академии. В первых, Академия должна иметь самостоятельный бюджет, ибо ее материальная база будет прочной только при том условии, что ассигнованные суммы не будут расходоваться ни на какие другие нужды. Это положение нашло прочное отражение и в проекте 1724 г. и в указе Сената от 28 января того же года.

Вторым важным положением «Пунктов» был вопрос о месте Академии среди других учреждений того времени. Автор придерживается мнения, что Академия должна иметь «Привилегию» — самостоятельное управление и подчиняться непосредственно императору. Во главе ее должны стоять: президент, вице-президент, инспектор («Президент и вице-президент стараются в науках, а инспектор управляет домостроительством»). Для контроля за ходом учебной и научной работы необходимо «держатъ по вся недели конференцию с учителями] для познания, которыя ученики прилежно, и которые лениво учатся, какая в чем скудость учинилась, и как оную исправить».

Он подробно остановился и на учениках, или «штудентах», будущей Академии: «штуденты могут быть разного чина, но надобно... объявить, что учение их не якобы они тем обременены были силою, но почитали они сие за милость...» «И того ради не всякого надобно к сему допускать, но кто к сему склонность будет иметь»¹⁷. Как человек практичный, автор проекта доказывает «прибыль», которая может быть получена созданием Академии, и первым называет то обстоятельство, что «и из своих подданных ученые люди получит». В заключение автор указывал, что проект носит

¹³ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 93, стр. 492—493; см. также: П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 59—60.

¹⁴ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 307—308.

¹⁵ С августа 1724 г. по 1727 г. Петр Курбатов заведовал Московским архивом Коллегии иностранных дел (после Алексея Почайнова); ЦГАДА, ф. 180, оп. 6, д. 28, л. 52; д. 15, л. 3.

¹⁶ «Проекты реформ в записках современников Петра Великого». СПб., 1897, стр. 47—57.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 93, л. 492 об.

«генеральный» (т. е. общий) характер, но если последует указание, он готов разработать его «пространнее», и, в частности, с точки зрения обоснования объемов и источников ассигнований, которые потребуются на Академию. Здесь особенно сказывается общий настрой проекта на доказательство «прибылей», которые можно получить, и путей, по которым надо идти, чтобы избежать лишних расходов на содержание Академии. (Еще одно соображение в пользу авторства сына известного «прибыльщика» Петра I.)

Таким образом, в процессе подготовки строились разные планы создания Академии, но вначале она мыслилась как учебное заведение. Постепенно складывалось мнение о создании учреждения, совмещающего функции и научно-исследовательского центра и учебного заведения, что и было высказано Петром в письме Х. Вольфу, посланном в конце 1719 г., где он сообщил ему о намерении учредить Академию, а при ней университет и гимназию¹⁸. О «социетете» наук говорилось, как мы помним, и при отправлении за границу Шумахера в 1721 г.

Мысль, сформулированная Петром I в письме к Вольфу, нашла отражение в «Проекте об учреждении Академии наук и художеств» 1724 г., составленном Л. Блюментростом.

Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост родился в России в 1690 г. в семье лейб-медика царя Алексея Михайловича Л. Блюментроста¹⁹. Окончив московскую школу пастора Глюка, он продолжил образование за границей и в Лейдене получил звание доктора медицины. Знал четыре языка и был одним из образованнейших современников и сподвижников Петра I.

После смерти лейб-медика шотландца Арескина в 1719 г.²⁰ был назначен на его место; одновременно Блюментросту было поручено заведование Кунсткамерой и библиотекой. В фонде Кабинета имеются донесения Блюментроста, относящиеся к этому периоду его деятельности, в частности, о выдаче денежных сумм на нужды библиотеки, о пополнении Кунсткамеры и др.²¹

В январе 1724 г. Блюментрост выполнил данное ему поручение и представил на рассмотрение царя «Проект об учреждении Академии наук и художеств». Петр детально ознакомился с проектом и внес в него свои замечания и поправки. Подлинник этого документа со сделанными на нем пометками и замечаниями Петра хранится в ЦГАДА²². Этот важнейший документ и другие документы, непосредственно заложившие основы Академии наук в России, находятся в составе коллекции «Именные указы Петра I» и ценнейшего, огромного по объему фонда Сената и его учреждений.

22 января 1724 г. в Зимнем доме Петра в его присутствии состоялось заседание Сената, на котором обсуждался вопрос об основании Академии наук и рассматривался проект Блюментроста. В ЦГАДА сохранилась запись в книге протоколов Сената об этом знаменательном в истории Академии заседании²³. На нем же обсуждался и вопрос о здании для Академии. В протокольной записи говорится: «при том учинено: на Академию на первое время занять Шафировский двор, а потом достроя дом государынь царевен к тому взять и к тому же пристроить, что надлежит, деревянно».

¹⁸ «История Академии наук СССР», т. I, стр. 30.

¹⁹ В ЦГАДА имеются документы, связанные с приездом в Россию Лаврентия Блюментроста-отца (ф. 84, оп. 1, д. 4 и др.).

²⁰ В ЦГАДА хранится духовное завещание Арескина (ф. 9, отд. I, кн. 53, л. 147).

²¹ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 50, л. 151 и др.

²² ЦГАДА, ф. 1451, кн. 18, лл. 89—100. Оpubл.: ПСЗ, т. VII, № 4443; «Материалы для истории имп. Академии наук», т. I. СПб., 1885, стр. 14—22; «История Академии наук СССР», т. I. В работах: *Б. В. Левшин*. «Начало Академии наук в России» («История СССР», 1974, № 2, стр. 102) и «Уставы Академии наук СССР. 1724—1974» (М., 1974, стр. 39) дается ошибочная ссылка на место хранения подлинника — в ЦГИА СССР.

²³ ЦГАДА, ф. 248 (Сенат), д. 1935/54, лл. 13, 18—18 об.

Обсуждение перечисленных вопросов 22 января 1724 г. по записи в протоколе Сената длилось от 8 часов утра и до 12 дня, когда царь из Сената «вышел». В этот день на заседании присутствовали ближайшие сподвижники Петра: Ф. М. Апраксин, Г. И. Головкин, А. Д. Меншиков, П. И. Ягужинский и др., что придавало делу создания Академии значение важного, государственного мероприятия. К сожалению, в протоколах Сената не сохранилось подробностей обсуждения проекта устава Академии, но, как можно предположить, в числе других вопросов Петром был поднят вопрос о необходимости подготовки переводчиков книг. В фонде Кабинета сохранилась копия его записки по этому вопросу²⁴, на которой имеется помета: «Сообщено из Сената». А в коллекции «Именных указов Петра» сохранился и сам подлинник²⁵, написанный его рукой, в числе записей, сделанных им 24 января 1724 г. Вот этот текст: «Для переводу книг зело нужно переводчики, а особенно для художественных, понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводит, перевести не может; того ради — и заранее сие делать надобно таким образом; которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам; а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам, и чтоб все из русских, или иноземцы, кои или здесь родились, или зело малы приехали и наш язык, как природный знают; понеже на свой язык всегда легче переводить, нежели с своего на чужой». Далее прилагается тематика переводных работ: «Художества же следующие: математическое хотя до сферических триангулов; механическое; анатомическое; хирургическое; [б]отаническое; архитектур; милитарис; цывилис; гидроика и протчии тому подобные... Архитектуры навалис [о корабельном строительстве] нигде книг хороших нет — мочно дома сочинить Ивану Михайловичу [Головину] Генваря 24 дня».

Спустя шесть дней, 28 января 1724 г., был заслушан и подписан указ Сената²⁶, в котором говорилось, что «Петр Великий... указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также протчим наукам и знатым художествам и перевели б книги...» Здесь же записано, что на содержание Академии ассигнуется сумма 24 912 руб., которая отпускается только «в тое Академию по указам из Сената, а против того, ни на какие расходы не употреблять» (один из принципов, высказанных в проекте Курбатова). Так решался вопрос и основания Академии и обеспечения ее материальной базой. К сожалению, после смерти Петра I материальная база Академии, в том числе и финансовое обеспечение, вызывали большие трудности из-за равнодушия к ее судьбе со стороны правительства.

«Проект об учреждении Академии наук и художеств» не был официально утвержден, но являлся фактическим уставом Академии до 1747 г.²⁷

Проект начинается с рассуждения о существующих способах организации «науки и художеств», которые распределяются на университеты и академии (социететы) художеств и наук. Далее дается разъяснение различий между ними. Университет определяется, как «собрание ученых людей, которые наукам высоким... младых людей обучают». Академия же «есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в в своем роде, в том градусе, в котором оныя ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты [исследования, разработки] оныя совершить и умножить тщатся». Признавая, что в других государствах эти учреждения существуют отдельно, проект полагал необходимым не следовать «в протчих государствах принятому образу», так как если создать только научно-

²⁴ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 68, л. 50.

²⁵ ЦГАДА, ф. 1451, кн. 18, лл. 102—103.

²⁶ ЦГАДА, ф. 248, д. 1923/42, л. 98. Опубл.: ПСЗ, т. VII, № 4443; М. И. Автократова. 250 років тому. — «Вісник Академії наук Української РСР», 1974, № 5, стр. 103—104.

²⁷ Г. Д. Кожков, Б. В. Левшин, Л. К. Семенов. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974, стр. 19.

исследовательское учреждение, науки «не скоро в народе разплодятся»; создание же университета, когда «еще прямых школ, гимназиев и семинариев нет», без академий также не принесет пользы. Поэтому, исходя из условий «здешнего государства», следует создать одно учреждение, состоящее из «самолетчих ученых людей», на которое возлагалось: «Науки производить и совершить, однакожде тако, чтоб они тем наукам младых людей (ежели которые из оных угодны будут) публично обучали...»

Таким образом, в соответствии с проектом Академия совмещала функции научно-исследовательского учреждения, университета и гимназии. Собственно Академия состояла из трех отделений («классов»): математического, физического и гуманитарного. Ее структура не была скопирована ни с одного из западных образцов и являлась оригинальной²⁸.

На академиков проектом возлагались серьезные обязанности. «Должность академиков: 1. Все, что в науках уже учинено — розискивать, что к изправлению или приращению оных потребно есть — производить, что каждый в таком случае изобрел — сносить и то секретарю вручать... 2. Каждый академик обязан в своей науке добрых авторов, которые в иных государствах издаются, читать. И тако ему лехко будет экстракт из оных сочинить». Эти экстракты, вместе с результатами научных исследований должны быть «от Академии в назначенные времена в печать отданы быть» (прообраз современной реферативной научной информации).

«Еще же Академия повинна все декуверты (изобретения)... розискивать и свою апробацию откровенно о том сообщать: сиречь — верны ли оные изобретения; великой ли пользы суть или малой; известны ли оные прежде сего бывали или нет». Помимо этого члены Академии должны были подготавливать учебные курсы для студентов; участвовать в еженедельных научных заседаниях, где «каждый мнение свое предлагать, советом и мнением других пользоватца и партикулярно учиненные эксперименты в присудствии всех членов поверять может...»

Университет, по проекту, состоял из трех факультетов: юридического, медицинского и философского. В отличие от большинства университетов Запада его программа была свободной от изучения богословия, которое было оставлено «на попечение Синода».

В делах Кабинета²⁹ сохранилась выписка, относящаяся к январским дням 1724 г. (с пометой: «Сообщено из Сената»), где перечислены предметы, которым должны были обучаться студенты. Круг этих предметов был намечен, вероятно, при обсуждении проекта Академии.

Проектом решался и вопрос о правовом положении Академии, которая должна была подчиняться только императору («под ведением императора, яко протектера своего»), и «сама себя править». (Опять, сравнивая с «Пунктами» Курбатова, видим прямую преемственность.)

В конце проекта был поставлен вопрос о материальном обеспечении Академии и ее сотрудников. Блюментростом была намечена общая сумма на содержание Академии в 20 000 руб. Петр собственноручно написал в конце проекта: «Доход на сие определяетца в 24 912 рублей [вначале написал 24 000, потом зачеркнул], которые збираютца з городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурха таможенных и лицентных».

Таким образом, как совершенно справедливо отмечает в своей работе М. Т. Белявский, проектом была предусмотрена стройная, хотя и сложная система, «которая учитывала и условия того времени, когда создавалась Академия наук, и задачи в области науки и просвещения, стоявшие в то время перед страной»³⁰.

Теперь предстояло укомплектовать созданную Академию кадрами. В феврале 1725 г. Блюментростом было представлено в Сенат первое штат-

²⁸ «История Академии наук СССР», т. I, стр. 34.

²⁹ ЦГАДА, ф. 9, отд. 11, кн. 68, л. 51—51 об.; П. П. Пекарский. Указ. соч., стр. 61.

³⁰ М. Т. Белявский. Основание Академии наук в России. — «Вопросы истории», 1974, № 5, стр. 22.

ное расписание Академии. В ЦГАДА, в составе бывшего Госархива в деле под названием «Бумаги Остермана по Академии наук» хранится копия первого штата Академии, который предусматривал 11 академиков (ежегодное жалованье по 100 руб.), секретаря-библиотекаря (800 руб.), 12 студентов, 4 переводчика, живописца, гравировального мастера, переплетчика³¹.

Документы о состоянии и деятельности Академии в первой половине XVIII в. отложились в делах высших правительственных учреждений, последовательно сменявших друг друга после смерти Петра I, — Верховного тайного совета, Кабинета министров, делопроизводство которых отложилось в составе быв. Госархива Российской империи, вошедшего в ЦГАДА. Поскольку в своей последующей деятельности Академия была тесно связана с Сенатом, в этом фонде также отложилось большое количество документов по ее истории.

Сохранившиеся в фондах Сената³² и Кабинета Петра³³ документы свидетельствуют о том, что в первый же год своего существования Академия наук столкнулась с большими материальными трудностями. Так, 6 ноября 1724 г. Сенат в присутствии Петра I по докладу Блюментроста обсуждал вопрос о материальном положении Академии, в результате чего по указу Сената Академия стала получать ассигнованную ей сумму 24 912 «с денежных дворов, из Берг-коллегии». Однако из этой суммы ею было получено и израсходовано только 21 955 руб.

Правительство Петра I решило пригласить ведущих ученых из-за границы с тем, однако, чтобы готовить для работы в Академии и русские кадры. Блюментрост начал оживленную переписку по приглашению ученых. Был составлен сокращенный текст «Проекта об учреждении Академии наук и художеств» для помещения его в зарубежных газетах. Один из вариантов текста хранится в ЦГАДА, в делах Госархива³⁴.

Уже в 1725 г. при Академии начал работать Карло-Бартоломео Растрелли — скульптор по металлу, отец известного архитектора Растрелли³⁵, некоторые другие ученые и художники. После смерти Петра I Екатерина, в подтверждение его намерений о приглашении зарубежных ученых, подписала в феврале того же года специальные указы русским послам за границей³⁶ о необходимости заключения контрактов с учеными, «чтобы без сомнения следовали сюды».

20 ноября 1725 г. был подписан указ о назначении Л. Блюментроста первым президентом Академии наук. Черновик этого указа также хранится в ЦГАДА в фонде Кабинета Петра I³⁷. «И сей указ велите, господа Сенат, в народе публиковать, дабы о той Академии всяк ведал и имели б тщание отдавать в разные науки детей своих и свойственников. А каким образом оные ученики будут в той Академии содержаны, и каким наукам будут их учить, о том вскоре будет выдан в печать особый регламент». Однако, как известно, только в 1747 г. был принят устав, или регламент, Академии, до этого времени Академия руководствовалась проектом, утвержденным Петром I, который далеко не всегда последовательно соблюдался весьма далекими от науки всемогущими царскими фаворитами.

В августе 1727 г. И. Шумахером было подано доношение в Верховный тайный совет о том, «сколько профессоров и протчих в Академии служителей имеется и их число жалованья, со известием и что они уже зделали,

³¹ ЦГАДА, ф. 17 (Госархив), д. 2, лл. 26—27; «Материалы для истории имп. Академии наук», т. I, стр. 26—27.

³² ЦГАДА, ф. 248, д. 1942, лл. 37—38; д. 1935/54, л. 190.

³³ ЦГАДА, ф. 9, отд. II, кн. 93, л. 50.

³⁴ ЦГАДА, ф. 17, д. 2, лл. 20—24 об.

³⁵ В ЦГАДА (ф. 9, отд. I, кн. 53, л. 57) имеется «Перевод с поданного щету от Растрелли», где содержатся весьма любопытные сведения о происшествии по дороге Растрелли из Франции в Россию.

³⁶ ЦГАДА, ф. 17, д. 3, ч. 1, лл. 449—450.

³⁷ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 33, л. 104.

что касается до наук и об учении молодых людей, и что будут делать впредь»³⁸. В числе профессоров значатся Делиль, Герман, Бюльфингер, Николай и Даниэль Бернулли, Байер, Дювернуа и другие — всего 14 человек. Здесь же приложены штаты академической типографии и обслуживающего персонала.

Из поданного отчета можно сделать вывод, что к этому времени учеными была уже проведена значительная работа в области математики, астрономии, геометрии, анатомии и других наук. В реестре учеников, которые были приняты в гимназию при Академии и учились в ней с 1726 г., записано 153 студента³⁹; кроме того, «при профессорах обретается» 12 студентов (будущие адъюнкты), в числе которых Антиох Кантемир, Василий Ададу-ров⁴⁰.

Сохранившаяся в ЦГАДА в составе фондов Госархива обширная переписка высших правительственных учреждений с Академией содержит другие интересные сведения о ее научной и учебной работе; об организации экспедиций, о пополнении академической библиотеки и Кунсткамеры, а также о пожаре Кунсткамеры в 1747 г., о проекте Нартова по созданию Академии художеств, об обстановке, которая сложилась в Академии при преемниках Петра I, в частности, о неблагоприятной роли Шумахера, о финансовых затруднениях Академии и т. д.

В делах Сената, в собрании Госархива, в других фондах архива имеется более 300 документов о М. В. Ломоносове, которые характеризуют его разностороннюю деятельность ученого-энциклопедиста, а также научно-организационную деятельность по Академии⁴¹. В 1745 г. он был назначен профессором химии. Вместе с ним профессором был назначен В. К. Тредьяковский и адъюнктом «натуральной истории» студент С. П. Крашенинников. В архиве, в фонде Сената, имеется целый комплекс документов, связанных с этим назначением; среди них интерес представляет «Клятвенное обещание» (присяга) М. В. Ломоносова при вступлении его в должность профессора с личной подписью ученого от 30 июля 1745 г.⁴² С 1747 г. М. В. Ломоносов стал членом академической канцелярии. С его приходом начинается новый период в деятельности Академии, превратившейся в центр национальной русской науки. В связи с тем, что хронологические рамки данной статьи ограничиваются первой половиной XVIII в., этой группы документов мы касаться не будем.

В фондах ЦГАДА нашла отражение замечательная страница из истории первых десятилетий деятельности Академии — организация и проведение научных экспедиций и создание карт для атласа России. Организованные Академией в XVIII в. экспедиции собрали огромный естественногеографический и историко-этнографический материал и явились большим вкладом в развитие не только русской, но и мировой науки.

Особенно плодотворным было участие ученых Академии во Второй Камчатской экспедиции, организованной в 1732 г. во главе с В. Берингом и А. Чириковым, отряды которой завершили открытие Курильских островов, исследовали Сибирь и Камчатку, открыли Командорские острова и Алеутский архипелаг. Комплекс документов по ее проведению отложился в фонде Сената. Интересные сведения об экспедиции содержатся в «Портфелях Миллера» и в некоторых других фондах. Так, в составе книг канцелярии Сената имеются дела о подготовке и формировании экспедиции, списки ее участников⁴³. В частности, здесь хранится отпуск указа

³⁸ ЦГАДА, ф. 17, д. 3, ч. 1, лл. 422—506.

³⁹ Там же, лл. 441—444.

⁴⁰ Там же, л. 444.

⁴¹ См. описание документов о М. В. Ломоносове, хранящихся в ЦГАДА, составленное Е. А. Александровой, в кн.: «Ломоносов». М.—Л., 1951, стр. 376—422.

⁴² ЦГАДА, ф. 248, кн. 1205, л. 182.

⁴³ Там же, кн. 664, л. 666.

Сената Сибирскому приказу от 15 мая 1732 г. о целях и порядке организации экспедиции, в задачи которой входило описание побережья Северного Ледовитого океана, составление морских карт, сбор исторических материалов в архивах Сибири и естественнонаучных коллекций⁴⁴.

Для изучения Сибири в состав экспедиции по указу Сената включалась группа ученых Академии наук, в связи с чем отложилась большая переписка Сената с Академией наук. Так, 10 июля 1732 г. президент Академии Блюментрост направил в Сенат доношение, в котором обосновывал необходимость увеличения первоначально намеченного Сенатом состава «ученого» отряда экспедиции. «По присланному из Правительствующего сената в Академию наук прошедшего июня 20 дня указу велено в Камчатку послать капитана-командора Беринга ... да от Академии всем собранием с ним Берингом в ту посылку определить из членов одного профессора с двумя российскими студентами, которые бы надлежащая астрономическая, географическая, физические наблюдения делали, также бы натуральную историю о плодах земных, камнях и минералах, вместе с обычаями, языками и древностями тамошняго народа разыскивали...»⁴⁵

Однако Академия, рассмотрев этот вопрос, решила, что надо послать минимум двух профессоров, один из которых «астрономическая и географическая наблюдения делал, а другой бы натуральную историю и прочее исследовал», так как хотя и можно было бы найти одного ученого, который бы «все сие разумел, однако ж бы время до того не допустило, чтоб он все то один исправить мог».

В этом же доношении Блюментрост говорит о целесообразности включения в состав экспедиции большего количества студентов, которые пройдут там хорошую практику и в науках в совершенство «прийдут», «дабы со временем в какой-нибудь профессии отечеству действительные услуги показывать могли».

В конечном итоге в состав экспедиции от Академии наук вошли: профессор Миллер, Гмелин, Делиль де ля Кройер, адъютанты Штеллер и Фишер, а также пять студентов, в числе которых был С. П. Крашенинников, будущий академик и известный исследователь Камчатки.

В указанных делах Сената находятся прошения профессоров Миллера и Гмелина о зачислении их в экспедицию и выдаче жалованья; роспись отпущенных экспедиции от Академии наук книг, инструментов, транспорта, бумаги и т. д., свидетельствующая о том, что снаряжение экспедиции было весьма солидным. Среди этих же дел имеется список 12 студентов Московской славяно-греко-латинской Академии, в котором первым значится «Степан Крашенинников, лейб-гвардии Преображенского полка солдатской сын»⁴⁶. Пять из этих студентов были направлены в экспедицию.

Студенты материально очень нуждались, о чем свидетельствует написанное рукой С. Крашенинникова и подписанное всеми студентами доношение в Сенат от 2 марта 1733 г. о выдаче им хотя бы трети жалованья на время пребывания при Академии до отправки экспедиции. Сенат соответствующим постановлением дал указание в Штатс-конттору о выплате жалованья С. Крашенинникову «с товарищи» через Академию⁴⁷.

Академия приняла меры к созданию на пути следования экспедиции благоприятного приема со стороны местных властей, Сенатом был послан об этом же специальный указ, также имеющийся в деле.

В архиве сохранились документы о результатах научных изысканий Второй Камчатской экспедиции, и, в частности, ее академического отряда, который с 1737 по 1743 г. работал самостоятельно, продолжив исследования от Сибири до Камчатки. Так, большой интерес представляет

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 248, кн. 664, лл. 51—54 об.

⁴⁵ Там же, кн. 666, л. 31.

⁴⁶ Там же, кн. 664, л. 121.

⁴⁷ Там же, лл. 174—175.

реестр научных трудов, открытий и находок ученых в Сибири и на Камчатке, занимающий 30 страниц текста в одном из дел ⁴⁸. Даже из этого лаконичного документа можно заключить, какая огромная работа по изучению истории, географии, этнографии, животного и растительного мира, геологии Сибири была проведена. Результаты научных изысканий сообщались в ходе экспедиции в Академию наук. Так, были представлены: «Описание всяких в Сибири находящихся древностей»; «Описание трав, находящихся при реке Лене, сочиненное проф. Гмелиным»; «Обсервации о приливе и отливе морской воды при Охоцке, сочиненные студентом Крашенинниковым»; «Обсервации профессора Гмелина до натуральной истории касающиеся, в которых находятся описание разных зверей, птиц и рыб»; «Описание Енисея реки от Енисейска вниз до Мангазеи, сочиненное профессором Миллером»; «Восемьдесят пять рисунков разных прежде не описанных трав на 72 листах»; «Проспект города Мангазеи»; «Реестр всякому, разных сибирских народов платью... от профессора Миллера»; «Присланные от студента Крашенинникова с Камчатки разные описания...».

В том же комплексе документов Госархива хранится записка академика С. Крашенинникова о горячих ключах в Восточной Сибири и на Камчатке, описание реки Иртыша, составленное им же ⁴⁹.

Как известно, итогом этой экспедиции явилось издание таких капитальных трудов, как «История земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, «Флора Сибири» И. Г. Гмелина и др.

Хотя многие документы ЦГАДА по истории Академии наук XVIII в. введены в научный оборот, дальнейшее детальное исследование всего комплекса источников архива по данной теме представляется весьма перспективным. В фондах ЦГАДА могут быть найдены малоизвестные или вовсе неизвестные документы по истории русской культуры, в том числе и о выдающихся ученых нашей страны.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 17, д. 3, ч. 1, лл. 394—408 об.

⁴⁹ Там же, д. 322, лл. 340—348, 369—399.

С. Р. Долгова

О РЕДКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII В. В БИБЛИОТЕКЕ ЦГАДА

Кроме широко известных собраний публичных библиотек в научных учреждениях, в том числе и архивах, существуют книжные собрания, которые мало известны ученым и широкой общественности. Между тем библиотека ЦГАДА по своим отдельным, особо ценным собраниям не уступает таким крупным книгохранилищам, как Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Библиотека Академии наук, Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Библиотека ЦГАДА — одна из старейших в нашей стране, она возникла почти 300 лет назад и содержит большое количество редких изданий XV — XVIII вв., имеющих важное научное значение¹.

В настоящей статье рассматриваются издания типографии Академии наук XVIII в., поступившие в архив вместе с коллекцией известного историкографа Г.-Ф. Миллера. Историк академик Герард-Фридрих Миллер (1705—1783) в течение долгих лет собирал книги и рукописи по истории России; во время его пребывания в Сибири он собрал в сибирских архивах (в подлинниках и копиях) богатейшие документальные материалы по русской истории². В 1772—1783 гг. Миллер состоял управляющим Московским архивом коллегии иностранных дел; несмотря на различные предложения (в том числе и знаменитого Потемкина), начиная с 1779 г. Миллер предпринимает решительные шаги для передачи своей коллекции в этот архив.

Сохранилась записка Миллера, поданная в 1781 г. Екатерине II, где он пишет следующее о ценности своей библиотеки; «Сбереженные у меня деньги употреблял я на книги и манускрипты, дабы тем лучше исполнить по моей должности³, потому что в библиотеке Академии наук многих весьма нужных книг недоставало. Представлял же я себе наиболее предметом книг о истории Российской, и о всем состоянии Российской империи; кои по возможности собирал полное число в России и в других государствах на всяких языках печатных; да и притом не пренебрегал книг о соседственных с нами государствах, без коих российскому историку обойтись невозможно... Между сими книгами есть немалое число таких, кои по их редкости и важности наинако как с великим трудом и за чрезвычайную цену сысканы быть могут⁴.

¹ Подробнее об истории книжных коллекций ЦГАДА см.: С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1889; И. Ф. Токмаков. Обзорение библиотеки МГАМИД. М., 1879; А. М. Назарова. Научная библиотека ЦГАДА. — «Исторический архив», 1960, № 5; С. Р. Долгова. Древнейшее книгохранилище страны (к истории книжного собрания МГАМИД). — «Советские архивы», 1971, № 6.

² Н. В. Голицын. Портфели Миллера. М., 1899, лл. 3—4.

³ С 1731 г. Миллер — профессор Академии наук.

⁴ ЦГАДА, Госархив, р. XVII, ед. хр. 260, л. 13 об.

Библиотека и рукописи Миллера были приобретены Московским главным архивом коллегии иностранных дел в 1782 г. Основная часть коллекции Миллера (так называемые портфели Миллера) в настоящее время хранится в ЦГАДА. Печатные издания из коллекции в первые годы после Октябрьской революции были выделены и рассеяны в основном фонде русских и иностранных книг. Сейчас книжное собрание Миллера частично восстановлено. При описании редких книг из этой коллекции удалось выявить несколько чрезвычайно редких изданий, которые отсутствуют в других крупных книгохранилищах страны. Это дает основание полагать, что они сохранились в библиотеке архива в единственном экземпляре⁵.

Из редких изданий XVIII в. особую ценность представляют сочинения М. В. Ломоносова, которые Г.-Ф. Миллеру удалось приобрести благодаря его особому положению конференц-секретаря Академии наук.

Две редакции «Слово похвальное Петру Великому»

В 1912 г. в России праздновали 200-летие со дня рождения М. В. Ломоносова. В честь юбилея была устроена выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Среди книг, представленных на выставку Московским главным архивом Министерства иностранных дел, экспонировался единственный сохранившийся экземпляр «Слово похвальное блаженным и вечнодостойным памяти государю имп. Петру Великому в торжественное празднество рождения е.и.в. всепресветлейшия, державнейшия великия государыни имп. Елизаветы Петровны, самодержицы всероссийския в публичном собрании имп. Академии наук говоренное коллежским советником и химии профессором Михайлом Ломоносовым в Санкт-Петербурге декабря 19 дня 1754 года. Печ. при имп. Академии наук». Этот экземпляр в настоящее время хранится в Отделе редких изданий библиотеки ЦГАДА (№ 2607). На первой внутренней стороне обложки рукой Г.-Ф. Миллера сделана запись: «Von dieser Rede sind nicht mehr als die ersten 5 Bogen gedruckt worden, und da eine Verhinderung vorgefallen, weswegen sie nicht gehalten werden konnte; so hat nachmahls der Hr. Verfasser dasjenige, was in diesem Exemplar mit Strichen am Rande bezeichnet ist, seiner Lob-Rede, die er den 26. April 1755 gehalten, einverleibt». Здесь же помещен перевод записи Г.-Ф. Миллера: «Сей речи напечатаны только первые 5 листов, и как по многим препятствиям она не могла быть говорена, то сочинитель после все то, что в сем экземпляре очерчено, поместил в Похвальном слове, говоренном им апреля 26 дня 1755 года»⁶.

Таким образом, современник Ломоносова, человек, как известно, враждебно к нему настроенный, свидетельствует о том, что «по многим препятствиям» речь Ломоносовым не могла быть произнесена. Каковы же были эти «препятствия»?

В современной и дореволюционной научной литературе утвердилось мнение, что «Слово похвальное» Ломоносовым не было написано в срок, т. е. к предстоящей в декабре 1754 г. ассамблее⁷. Так ли это? Восстановим историю создания этого сочинения.

Описание этих изданий отсутствует в «Сводном каталоге русской книги XVIII в. 1725—1800», тт. I—V (М., 1962—1967) и войдет в дополнительный VI том этого издания.

⁵ Перевод, по-видимому, сделан И. Г. Жидэ для составителя каталога выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» Г. З. Кунцевича, за что последний приносит ему благодарность (см.: «Российская Академия наук. Выставка Ломоносов и Елизаветинское время», т. VI. Пг., 1918, стр. 22). Иван Германович Жидэ — преподаватель училища при реформаторской церкви в Петербурге («Весь Петербург на 1912 г.», [отдел III]. СПб., 1912, стр. 317).

⁷ П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; П. П. Пекарский. История имп. Академии наук, т. II. СПб., 1873; М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1959, стр. 1045. «Сводный каталог русской книги XVIII века».

М. В. Ломоносова особенно привлекала история Петра Великого, и он издавна собирал для нее материалы. В течение 1752—1753 гг. Ломоносов в своих письмах И. И. Шувалову неоднократно упоминает о своей работе над «Российской историей», а в письме от 4 января 1753 г. сообщает ему о своем желании выступить на публичном Академическом собрании с речью о Петре I:

«Когда ваше превосходительство меня удостоверить изволите, что мои сочинения в прозе не противны, то можете иметь в том новый опыт, ежели мне в будущий 1754 год повелено будет говорить похвальное слово Петру Великому в публичном Академическом собрании, на что я готов положить все свои силы»⁸.

По пункту 29 «Регламента Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» следовало: «Всякий год должно иметь три ассамблеи публичных... первое такое собрание быть должно в память основателя Академии, Петра Великого...»⁹.

18 апреля 1754 г. Ломоносов выступил на Академическом собрании со своим «Мнением о будущем публичном собрании», где поднял вопрос о торжестве в честь Петра I. «Ежели акт публичный к новому году, в честь государя императора Петра Великого отложится, то, может быть, г. Гришов со своим трудом поспеет: задача будет пристойна; а я буду иметь случай приготовить и говорить панегирик блаженной памяти государю императору Петру Великому, который ему давно должна Академия»¹⁰.

Точная дата, когда Ломоносов приступил к работе, нам неизвестна, но можно предположить, что материал и готовый план у него имелись, в связи с чем он мог заявить о своей готовности выступить к определенному времени.

4 июля 1754 г. на Академическом собрании Ломоносов еще раз подтвердил свою готовность произнести речь на торжественной ассамблее¹¹.

Известно также, что в конце ноября Ломоносов отложил все другие занятия, в том числе и работу над теорией происхождения цветов, так как, сообщает он Эйлеру, «мешает мне недостаток времени, ибо я спешу написать похвальное слово Петру Великому, которое должно буду произнести 19 декабря»¹².

К первым числам декабря «Слово» было написано и представлено президенту Академии К. Г. Разумовскому, который 9 декабря распорядился «Сочиненную сов[етником] и проф[ессором] господином Ломоносовым на российском языке речь, которую он имеет читать на публичной при Академии н[аук] сего декабря 19 числа, с российского перевести на французский язык господину профессору Штрубе, и по переводе напечатать 100 экземпляров»¹³.

На следующий день, 10 декабря 1754 г., советник Г. Н. Теплов прислал в академическую канцелярию «первые два листа» русского текста «Слова». Канцелярия, не дожидаясь остального текста, в тот же день отправила полученные листы в типографию с приказанием «как наивозможно поспешать»¹⁴.

1725—1800, т. II. М., 1963, стр. 176. В последней работе сказано, что М. В. Ломоносов готовил «Слово похвальное Петру Великому» к 18 декабря 1754 г., но не успел закончить к этому сроку.

⁸ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. X. М.—Л., 1957, стр. 475.

⁹ «Полное собрание законов Российской империи» (далее — ПСЗ), т. XII. СПб., 1837, № 9425.

¹⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. IX. М.—Л., 1955, стр. 331; «Протоколы конференции Академии наук», т. II. СПб., 1899, стр. 302 (А. Н. Гришов (1726—1760) — академик, астроном).

¹¹ «Протоколы, конференции Академии наук», т. II, стр. 309: «...Ломоносов, готовясь к похвальному слову в честь Петра Великого, покинул коллег для необходимой подготовки к научным изысканиям и слушанию» (перевод с латин.).

¹² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. X, стр. 515—518.

¹³ П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, стр. 277.

¹⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 1045.

14 декабря Ломоносов был вынужден через секретаря П. И. Ханина предупредить Канцелярию, «что тем панегириком, который он, г. советник, сочиняет и который ему говорить надлежало в публичной при Академии сего декабря 19 числа ассамблее, не поспеет, ибо-де ему, г. советнику, желательнее было, чтоб тот панегирик напечатать после ассамблеи, однако ж того у него не принято, итак-де теперь вдруг оный панегирик сочинять, да и корректуры его править в таком кратком времени пришло невозможно»¹⁵.

Академия наук, сославшись формально на свой регламент, по которому предназначенное для выступления сочинение должно быть отпечатано и роздано перед ассамблеей «званным в собрании слушателям»¹⁶, отменила назначенную на 19 декабря ассамблею.

Типография, отпечатав три листа «Слова», приостановила дальнейшую работу. Единственный отпечатанный экземпляр сохранился в личном архиве Миллера.

Запрещение Академией наук Ломоносову произнести речь без предварительной перепечатки выступления и является, на наш взгляд, тем «препятствием», о котором глухо упоминает Г.-Ф. Миллер в своей помете на книге.

Кроме того, к концу 1754 г., в связи с обсуждением вопроса о пересмотре регламента, в Академии сложилась столь тяжелая для Ломоносова обстановка, что он не смог найти поддержку со стороны членов Академии, и ассамблея была отложена.

Обстоятельства складывались для М. В. Ломоносова неблагоприятно. В мае 1753 г. в Академии было решено ближайшее собрание посвятить вопросам, которые разрабатывали тогда Ломоносов и Рихман в области электричества. Через полтора месяца после того, как был утвержден день ассамблеи и ее программа, основной докладчик Г. В. Рихман погиб во время опытов с атмосферным электричеством.

В день смерти Рихмана (26 июля 1753 г.) Ломоносов в письме к Шувалову выражал опасение, что враги науки используют это событие в своих черных целях. Так оно и случилось. Оппоненты подвергли сомнению ряд положений великого ученого. Шумахер спешно разослал видным иностранным ученым диссертацию Ломоносова, надеясь получить о ней отрицательные отзывы. Результаты получились совсем иные: в заключении Эйлера давалась высокая оценка трудов Ломоносова.

Через 10 дней после отмены ассамблеи, 30 декабря 1754 г., Ломоносов написал Шувалову письмо с просьбой перевести его из Академии наук «в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имея случай употреблять вспоможение архивы к продолжению «Российской истории». Как видно из содержания письма, оно написано после состоявшейся накануне беседы с И. И. Шуваловым, в которой Ломоносов выразил желание быть «произведен в Академии для пресечения коварных предприятий», т. е. получить такое назначение, которое давало бы ему возможность активно противодействовать реакционной группе Шумахера, Тауберта и Теплова. Шла ли речь о производстве Ломоносова в члены Канцелярии или вице-президенты Академии, неизвестно. Ломоносов ставил вопрос решительно: либо ему дают академическое звание, о котором он просил, либо он уходит из Академии в другое ведомство¹⁷.

И. И. Шувалов, вероятно, со слов К. Г. Разумовского, дал повячь Ло-

¹⁵ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 523, лл. 428 об.— 429; М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 1045.

¹⁶ ПСЗ, т. XII, № 9425, § 29.

¹⁷ П. П. Пекарский. История имп. Академии наук, т. II, стр. 575; М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. X, стр. 518—519, 837; Назначение Ломоносова советником Канцелярии состо ялось только два года спустя, 3 февраля 1757 г.

моносову, что его «всепокорнейшее прошение» едва ли может рассчитывать на успех.

В начале 1755 г. положение Ломоносова в Академии еще больше ухудшилось; 23 февраля 1755 г. произошло резкое столкновение Ломоносова с Тепловым в связи с обсуждением, как уже указывалось, вопроса о пересмотре академического регламента¹⁸.

В письме к Шувалову 12 марта 1755 г. Ломоносов разъясняет, что столкновение произошло из-за того, что Теплов отстаивал значение президента в Академии: «коварник (Теплов. — С. Д.) говорил, что хочу отнять власть и полномочество президентское. Я отвечал, что желаю снять с него бремя, которое выше сил одного человека, каков бы он ни был. Но должно общим согласием всему производиться...»¹⁹

Ссора с Тепловым на заседании повлекла письменный выговор президента. Разумовский запретил Ломоносову являться в Академическое собрание. Ломоносов был вынужден обратиться за содействием к своему покровителю Шувалову и через него к самой императрице.

29 марта 1755 г. К. Г. Разумовский отменил под давлением высокопоставленных покровителей Ломоносова свой запрет и одновременно приказал Канцелярии объявить Ломоносову, чтобы он «как возможно стараться ему изготовить к будущей ассамблее, т. е. наступающего апреля 26 числа, «Слово похвальное государю императору Петру Великому», которое-де им обещано давно сочинить»²⁰.

Нет сомнения, что отмена наложенного на Ломоносова взыскания произошла не без участия Шувалова. Возможно даже, что весь этот инцидент был доведен Шуваловым до сведения императрицы: об этом упоминает Ломоносов, говоря, что «он был при дворе законно оправдан». Всемиловнейшее участие накладывало на Ломоносова определенные обязательства. «Слово похвальное», как указывал сам автор в одном из своих отчетов, ему пришлось в 1755 г. «сочинять» заново²¹.

28 апреля 1755 г. в «Санктпетербургских ведомостях» появилась заметка, где сообщалось, что 26 числа в Академии наук было публичное собрание, причем «коллежский советник и химии профессор г. Ломоносов при многочисленном собрании знатных министров, придворных кавалеров и других знатных персон говорил похвальное слово блаженныя и вечнодостойныя памяти государю императору Петру Великому на российском языке»²².

В Полном собрании сочинений М. В. Ломоносова, изданном Академией наук СССР (т. VIII. М., 1950—1957), «Слово похвальное» 1754 г. приводится в сносках как вариант «Слову похвалному» 1755 г.; текстологический анализ двух редакций этого сочинения отсутствует как в советской, так и в дореволюционной литературе.

Путем сопоставления текстов можно установить, что во втором издании (1755) Ломоносов значительно изменил содержание своей речи. Это относится прежде всего к вступлению:

Издание 1754 г.

Российскому государству, досто­дол­жной его славе, божественным делам и намерениям Петровым, нынешне­му нашему благополучию и общему бла­жеству великой части света, не-

Издание 1755 г.

Священнейшее помазание и венча­ние на Всероссийское государство все­миловнейшия самодержицы на­шей празднуя, слушатели, подоб­ное видим к ней и к общему оте-

¹⁸ В. И. Ломанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865, стр. 401.

¹⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. X, стр. 521.

²⁰ П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, стр. 293.

²¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. X, стр. 392. Отчет Ломоносова за 1755 г.: «В словесных науках: 1) сочинил и говорил в публичном собрании слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому...».

²² «Санктпетербургские ведомости», 1755, № 34.

изреченным божьим смотрением, спасение, воскрешение и возвышение в несравненной монархии нашей рожденьи обетованное паки празднуем, слушатели.

честву божие снисхождение, каковому в ея рождении и в получении отеческого достояния чудимся.

Уже здесь мы видим серьезные изменения в тексте — нет ни Петра, ни государства, ни народа. Осталось только посвящение Елизавете. Видимо, тяжелые обстоятельства, неприятности в Академии наук, покровительство императрицы заставили Ломоносова изменить политический смысл панегирика. Свое отношение к Петру Ломоносов переносил на его дочь; он хотел видеть в ней живое воплощение дел Петра. «Похваляя Петра, похвалим Елизавету», — восклицает он в «Слове». Петр для Ломоносова прежде всего «строитель, плаватель, в полях, в морях герой», создатель сильного, стремительно развивающегося Русского государства.

В издании 1755 г. отсутствуют следующие строки о деятельности Петра, бывшие в первой редакции 1754 г.: «Велико есть дело на земли устроенныя крепости пустить на море и скорым прохождением приближаться к местам, отдаленным пучиною в тесное соседство. Но ходить по суше судами еще того более, еще чуднее! Возносят похвалами древние писатели Ганнибалово удивительное дело, что чрез высокия Альпийские горы не токмо провел свое воинство, но и слонов, вооруженных собою, но и наложенным бременем тяжких. Труд великий! Но земные животные по земли переходили. Петровых чудеса времен в большее приводит удивление!»

Всего по тексту насчитывается 54 больших и мелких разночтений.

Изучение фактических данных и текстовое сравнение двух редакций «Слова похвального» позволяет высказать мнение, что Ломоносов к 19 декабря 1754 г. успел написать свой труд, он просто не был перепечатан типографией Академии наук к определенному сроку; кроме того, отпечатанное в 1754 г. «Слово похвальное» Петру Великому, несмотря на незаконченность, имеет право на самостоятельное существование как оригинальное сочинение М. В. Ломоносова.

Учитывая все вышеизложенные события, которые сопутствовали работе Ломоносова над «Словом похвальным», можно предположить, что Академия умышленно строго придерживалась регламента с целью не дать Ломоносову произнести подготовленную им речь. В связи с тяжелыми обстоятельствами Ломоносов пересмотрел первоначальный текст «Слова» и частично изменил его, делая упор на возвеличивание имп. Елизаветы.

Прспект М. В. Ломоносова «Известие о сочиняемой минералогии»

Прошедший в годы учения школу горняка и металлурга Ломоносов, как известно, вскоре после возвращения на родину временно отошел от этого рода деятельности, хотя сам он писал, что «главное мое дело есть горная наука, для которой и был нарочно в Саксонию послан, также химия и физика...»²³.

Геологические науки и в дальнейшем не стали главным предметом его творчества и все же минералогические проблемы и горное дело всю жизнь интересовали Ломоносова, находя отражение и в его трудах по физике, химии, географии и в его поэтическом творчестве.

В последние годы жизни Ломоносов с увлечением приступил к осуществлению своего грандиозного замысла — написанию «Российской минералогии». Смерть ученого оборвала в самом начале этот труд. Об этой начатой им работе мы знаем из особого, напечатанного Академией наук

²³ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 462. Письмо М. В. Ломоносова В. Н. Татищеву 27 января 1749 г.

«Известия», с которым Ломоносов обратился к русскому обществу. В 1760 г. Ломоносов выступил с обширным планом минералогических исследований России. В 1761 г. Ломоносов призвал через Сенат местные власти, старост и сотских собирать образцы минералов, камней, песков и глин. Поиски минеральных богатств в такой обширной стране, как Россия, говорил Ломоносов, требуют много людей; специальных экспедиций для этой цели недостаточно, надо привлечь весь народ к изучению недр страны. Ломоносов составил подробную инструкцию для этой работы и обязался сам промывать пески и пробовать их на золото изобретенным им способом, осматривать породы для выявления в них обломков дорогих камней, исследовать глины на содержание металла и т. д.

В декабре 1763 г. в академической типографии было напечатано «Известие о сочиняемой минералогии»: автор обращался с воззванием ко всем заводчикам России помочь в этой работе, давал точные указания, как организовать сбор образцов минералов и пересылать их.

В январе 1764 г. состоялось определение Берг-коллегии об организации доставки Ломоносову руд с подведомственных ей заводов, а так как «всех заводов в ведомстве Берг-коллегии состоит многое число, нежели и заводчикам с показанного Известия для рассылки списывать копии, оттого продолжится время немалое. Того ради, объявив об оном, сообщив к статскому советнику и профессору господину Ломоносову, и требовать дабы он благоволил прислать в Берг-коллегию таких печатных известий до двух сот экземпляров для рассылки ко всем заводчикам»²⁴.

8 января 1764 г. Берг-коллегия сообщила Ломоносову о своем решении²⁵. Экземпляры «Известия» были посланы в Московскую Берг-контору и Екатеринбургскую канцелярию главного правления сибирских и казанских заводов, а также в канцелярии Петровских (Олонецких) заводов и Нерчинского горного начальства.

Обращение Ломоносова получило горячий отклик. Сохранившиеся в ЦГАДА документы свидетельствуют о том, что Ломоносов в ответ на свое обращение получил ценные материалы. Особенно внимательно отнеслись к начинаниям Ломоносова на уральских горных заводах, где были быстро распространены экземпляры указа Берг-коллегии и печатного «Известия» Ломоносова.

Около 120 казенных и частных горных заводов приняли участие в сборе руд и минералов для Ломоносова, многочисленные образцы со всех концов России начали поступать в его распоряжение, например на Алтайских рудниках в окрестностях Барнаула руда отбиралась и отправлялась в Петербург для Ломоносова в большом количестве («пудами»).

Особый интерес представляют документы о Невьяновском и Нижне-Тагильском заводах, принадлежавших братьям Демидовым. По ним можно проследить путь, по которому образцы руд доставлялись к великому ученому.

Нижне-Тагильская заводская контора в точности выполнила предписание горного начальства о содействии работе М. В. Ломоносова. Образцы руд были собраны, составлены их описания и чертежи рудников, и 10 октября 1764 г. они были отосланы заводовладельцу Никите Акинфиевичу Демидову. Всего послано было 14 образцов руды, песка и камня с Нижне-Тагильского и Выйского заводов. Они поступили к Н. А. Демидову в январе 1765 г. и были отосланы им в его петербургскую контору. Заводчик писал при этом своему петербургскому приказчику, что руды должны быть немедленно вручены «господину статскому советнику и профессору Ломоносову к сочинению им Российской минералогии». На этом же письме Демидова имеется приписка, свидетельствующая о том, что посылка дошла по назначению. Ломоносов получил ее почти за два месяца

²⁴ ЦГАДА, ф. 271 (Берг-коллегия), кн. 1233, л. 319 об.

²⁵ Там же, л. 322.

до своей смерти, последовавшей 4 апреля 1765 г.²⁶ Все материалы «Российской минералогии» при невыясненных обстоятельствах исчезли, и следы их пока не найдены. В связи с этим «Известие» — проспект монументального труда М. В. Ломоносова — является ценным историческим источником для изучения замыслов великого ученого.

«Азбука российская и грузинская»

Небольшая книжка в старинной цветной обложке по внешнему виду мало чем отличалась от других изданий XVIII в. Не имеющая титульного листа, а следовательно, и выходных данных, эта книга долгое время значилась в старинных «реестрах» и в библиотечных каталогах под заглавием, которое ей дал первый владелец. Книга также в свое время принадлежала Миллеру. На внутренней стороне обложки им сделана надпись: «Букварь грузинского языка с русским».

Книгу под таким заголовком в библиографии разыскать не удалось, поэтому возник вопрос об установлении точного названия и об известности этой книги в научной литературе. Об одной русско-грузинской азбуке, как о «величайшей библиографической редкости», упоминал в прошлом веке ученый С. К. Булич.

Булич утверждал, что азбуки «нет ни в одном из главных книгохранилищ Петербурга, библиотеках имп. Публ[ичной], Академической (I отдел[ение]), Азиатского музея и университетской. В библиотеке С-Петербургской духовной академии, впрочем, есть одна подобная азбука, озаглавленная у Родосского «Азбука российская с грузинским»²⁷. Возникло предположение, что найденный «Букварь» является этой русско-грузинской «Азбукой».

Известный библиограф А. Родосский, датируя «Азбуку» 1730 годом, дает ей следующее описание: «Первая страница начинается небольшою фигурною заставкою, — под нею «Во имя отца, и сына, и святого духа, аминь»; за ним следует алфавит гражданского шрифта... Далее, до страницы 14 включительно, идут склады; как алфавит, так и склады с грузинскими, причем, в складах (стр. 6) русские на правой, а грузинские на левой странице. На 15-й странице помещено число «арифметическое и грузинское» (до 10 000), для означения которого употреблены арабские цифры и грузинские буквы... С 28 по 31 стр. следуют алфавиты латинский, грузинский и немецкий, последняя 32-я страница содержит молитву «Отче наш» на грузинском и латинском языках»²⁸. Экземпляр «Азбуки» имел владельческую запись: «Из книг монаха Никодима Селлия...»²⁹ Сопоставление «Букваря» с этим описанием «Азбуки» подтвердило догадку: оба издания тождественны друг другу. Описанный Родосским единственный известный до революции экземпляр до наших дней не сохранился. Все книги и рукописи Никодима Селлия, чья владельческая надпись была на «Азбуке», поступили в 1746 г. в библиотеку Александро-Невского монастыря, а оттуда в 1809 г. в библиотеку Санкт-Петербургской духовной академии. После революции «Азбука» из собрания Никодима Селлия попала в Библиотеку Академии наук в Ленинграде; в настоящее время, по свидетельству исследователя А. З. Абрамшвили³⁰, она утрачена.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1267 (Демидовы), оп. 1, д. 704. Донесения Невьяновской заводской конторы, лл. 132 об. — 133.

²⁷ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в. — 1825 г.). СПб., 1904, стр. 475.

²⁸ А. Родосский. Описание книг гражданской печати XVIII столетия, хранящихся в Библиотеке С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1896, стр. 36—37, № 47.

²⁹ Никодим Селлий (в миру Адам Селлий) — учитель Александро-Невской семинарии, видный ученый XVIII в.; Евгений (Болговитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийской церкви, т. II. СПб., 1848, стр. 107).

³⁰ А. З. Абрамшвили. Из истории грузинского книгопечатания за пределами Грузии. — «Книга. Исследования и материалы», сб. III. М., 1960, стр. 287.

Таким образом, обнаруженный нами новый экземпляр «Азбуки» (так с полным основанием мы можем теперь называть «Букварь») является единственным сохранившимся в нашей стране.

Создание такой «Азбуки» — свидетельство поисков путей сближения России и Грузии. Это было одно из ранних пособий по изучению грузинского языка, изданное в России.

В течение многих столетий Грузия, находясь в зависимости от персидских шахов и турецких султанов, искала сближения с христианскими государствами. Первые грузинские типографии были открыты в Риме, Петербурге, Москве и в других европейских городах. В XVII в. грузинские цари находят убежище в России; основателем первой грузинской типографии в Москве (1703—1705) был грузинский царь Арчил.

Русское правительство в своих распоряжениях неоднократно обращало внимание на важность знакомства с грузинским языком. Так, в 1737 г. Кабинет министров «накрепчайше рекомендовал» иметь при Синоде знающих по-грузински людей, которые могли бы «сами оные книги на грузинском языке освидетельствовать»³¹. Примерно в это же время, 17 июня 1737 г., Академия наук слушала доношение игумена Христофора Гурамишвили, в котором написано: «...желает он, чтоб соблаговолила Академия наук напечатать на российском и грузинском языках 500 экземпляров, которое грузинского языка наборное дело он будет исправлять сам, а что он на оную азбуку (курсив наш.— С. Д.) бумаги коментарной издержано будет, также и за напечатание оной, то он в Академию наук по настоящей цене деньги заплатит». Академия наук определила: «Показанные экземпляры на российском и грузинском диалектах в российской типографии печатать». В том же году последовало распоряжение Академии наук, чтобы по словесному требованию игумена Христофора «отлить вновь литер грузинских, также и цветков (для орнамента.— С. Д.)»³². После этих распоряжений в Петербурге в типографии Академии наук была издана «Азбука российская и грузинская». Напомним, что А. Родосский относит появление «Азбуки» ко времени до 1735 г., другие исследователи (С. К. Булич и Хр. Шарашидзе) датируют ее 1737 г. Приведенные выше материалы, а также изучение типографских особенностей «Азбуки» позволяют нам отнести это издание непосредственно к 1737 г., тем более что водяные знаки, имеющиеся на страницах книги — двуглавый орел в однолинейном круге,— не противоречат этому³³. Была проведена также сверка русского, немецкого и латинского шрифтов «Азбуки» с другими изданиями Академии наук за 1737 г. Например, русский шрифт сравнивался с книгой: «Юзии с указов... Петра Великого, имп. и самодержца всероссийского, в 1722 году состоявшихся», изданной Академией наук в 1737 г. Размеры букв, инициалы, особенности шрифтов «Азбуки» полностью совпадают с академическими изданиями 1737 г., что дает окончательное подтверждение тому, что «Азбука российская с грузинским» была напечатана в это время.

В заключение несколько слов о том, почему уже в XIX в. «Азбука» считалась библиографической редкостью. Несомненно, что учебники, подобные «Азбуке», были наиболее читаемыми книгами как в России, так и в Грузии; туда, кстати, отправлялась часть тиража изданных в Петербурге и Москве грузинских книг. Таким образом, имеется возможность обнаружить «Азбуку» в грузинских собраниях.

³¹ ПСЗ, т. X. СПб., 1835, № 7411.

³² «Материалы для истории имп. Академии наук», т. III (1736—1738). СПб., 1886, ст. 411—412, № 462, № 463.

³³ С. А. Клепиков. Филигранные и штемпели. М., 1959, № 861.

Н. М. Митрякова

**ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЗА СОВЕТСКИЕ ГОДЫ В АРХИВЕ АН СССР**

250-летний юбилей Академии наук СССР привлек большое внимание к ее истории. Оно вызвано прежде всего тем, что в нашей стране впервые в мировой практике в результате победы пролетарской революции изменились социальные функции науки и роль Академии наук в жизни общества.

Комплексное изучение проблем становления и развития советской науки приобретает первостепенное значение в связи с курсом XXIV съезда КПСС на ускорение научно-технического прогресса страны как одного из главных условий построения коммунистического общества.

Уникальными по своей значимости для исследования этих процессов являются документы, образовавшиеся в результате деятельности Академии наук СССР, которые хранятся в Архиве АН СССР.

О составе материалов академического архива сообщается в систематически выходящих информационных изданиях, таких, как путеводитель, научные описания, обзоры, публикации документов. Значительная часть их посвящена документам советского периода. Наряду с этими традиционными изданиями в последние годы по материалам Архива АН СССР вышел ряд источниковедческих работ.

В настоящем сообщении делается попытка осветить основные категории источников по истории Академии наук за советские годы, которыми располагает Архив АН СССР. По своему составу они многообразны, как многопланова и вся деятельность ведущего научного учреждения страны. В общем комплексе документы академического архива отражают все основные этапы развития Академии наук СССР за советские годы — от перестройки ее деятельности на социалистических началах до преобразования в руководящий центр советской науки. Они содержат богатейшие данные о результатах научных исследований и становлении социалистических организационных принципов в системе академических учреждений. Как и сами процессы организации науки и научного творчества, все источники взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Основные категории источников составляют документы, образовавшиеся в результате деятельности партийных и государственных органов, учреждений Академии наук СССР, других ведомств, зарубежных научных учреждений, а также в процессе научного и организационного творчества ученых.

В документах Коммунистической партии и высших органов государственной власти отражена государственная политика в области науки. В них намечались перспективы развития советской науки и ее задачи на всех этапах строительства нашего общества. По ним прослеживается работа партийных и государственных органов по укреплению материальной базы академических учреждений, совершенствованию системы организации и расширению масштабов научных исследований, повышению их эффективности.

Особую ценность представляют материалы первых послереволюционных лет, раскрывающие огромную организационную работу Коммунистической партии и Советского государства по перестройке работы Академии наук на социалистических началах. В документах отражена неутомимая деятельность В. И. Ленина по развитию советской науки и его постоянная забота об ученых. Они разнообразны по своему составу — государственные акты, письма и записи В. И. Ленина (в копиях). Их данные существенно дополняются сведениями из протоколов заседаний Общего собрания Академии наук и ее учреждений, выступлений, писем и воспоминаний ученых.

Задачи и пути развития науки в молодой Советской республике были определены «Наброском плана научно-технических работ», составленным В. И. Лениным в апреле 1918 г., и Программой партии, принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. В свете этих документов можно оценить всю важность сохранившейся переписки Академии наук с Наркомпросом в январе — марте 1918 г., в ходе которой Академия наук дала согласие работать на Советскую власть. Эти переговоры завершились известным постановлением СНК РСФСР от 12 апреля 1918 г. о финансировании работ Академии наук. Документы Архива АН СССР показывают важнейшие начинания в области научного строительства, связанные с именем В. И. Ленина, — развертывание научных исследований в области освоения Курской магнитной аномалии, минеральных богатств Карабогазгола, создание плана ГОЭЛРО и основ радиевой промышленности, организация ЦЕКУБУ, помощь работам академика И. П. Павлова и многие другие. Итоги исторической для судеб советской науки встречи В. И. Ленина с А. М. Горьким, вице-президентом Академии наук академиком В. А. Стекловым, непременным секретарем Академии наук академиком С. Ф. Ольденбургом и начальником Военно-медицинской академии В. Н. Тонковым запечатлены в дневниковых записях одного из ее участников — академика В. А. Стеклова¹.

Ленинские принципы научного строительства развивались и проводились в жизнь Коммунистической партией и Советским государством на последующих этапах строительства нашего общества. Определяющее значение для становления советской науки и преобразования Академии наук в ведущий научный центр имели постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июля 1925 г. «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением СССР», СНК СССР от 25 апреля 1934 г. «О переводе Академии наук СССР в Москву», ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 апреля 1963 г. «О мерах по улучшению деятельности Академии наук СССР и академий наук союзных республик»². Последнее постановление возложило на Академию наук СССР координацию исследований в области естественных и общественных наук в общегосударственном масштабе. По материалам Архива АН СССР прослеживается история подготовки указанных выше постановлений и других партийных и правительственных документов, касающихся деятельности Академии наук и развития советской науки, которая свидетельствует о широком привлечении ученых к выработке научной политики. В фондах аппарата Президиума АН СССР имеются проекты и варианты решений партийных и государственных органов, заключения и предложения по ним крупных специалистов и академических учреждений, протокольные записи их обсуждений. Аналогичная группа источников освещает участие ученых в разработке постанов-

¹ Более подробно об источниках по истории Академии наук в первые послереволюционные годы см.: М. С. Бастракова. Формирование основ государственной политики по отношению к науке в первые годы Советской власти (по материалам Архива АН СССР). — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970.

² «Известия», 28 июля 1925 г.; «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР», 1934, № 22, ст. 175; «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». М., 1968, т. 5, стр. 304—309.

лений партии и правительства по важнейшим вопросам коммунистического строительства.

Материалы Академии наук СССР отражают все основные направления ее научной и организационной деятельности. Их можно подразделить на следующие основные группы: документы руководящих органов, исследовательских учреждений и личные фонды ученых.

Состав и содержание документов руководящих органов Академии наук СССР обуславливались их структурой и компетенцией, которые постоянно совершенствовались соответственно расширению масштабов деятельности системы академических учреждений и возрастанию роли науки во всех сферах деятельности нашего общества. Первый советский устав АН СССР (1927 г.) утвердил следующий их состав: Общее собрание, Президиум и два отделения — физико-математических и гуманитарных наук³, которые в 1930 г. были преобразованы соответственно в ОМЕН (Отделение математических и естественных наук) и в ООН (Отделение общественных наук)⁴. В отделения в качестве их подразделений входило одиннадцать групп по дисциплинам. В начале 30-х годов непродолжительное время в целях координации научных исследований действовали ассоциации учреждений. Уставом 1935 г. в Академии наук было утверждено Отделение технических наук⁵, включавшее пять групп. Эта структура просуществовала до 1938 г., когда в целях рационализации системы управления вместо ранее существовавших отделений и групп было создано восемь отделений: физико-математических, химических, геолого-географических, биологических, технических наук, истории, экономики, права и философии, литературы и языка⁶. Задачи, возложенные на Академию наук СССР постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 апреля 1963 г., потребовали большей специализации в руководстве важнейшими исследованиями в области естественных и общественных наук. В составе Президиума АН СССР были созданы четыре секции: физико-технических и математических наук; химико-технологических и биологических наук; наук о Земле; общественных наук, которые объединили шестнадцать отделений⁷. Основные разновидности документов, образовавшихся в результате деятельности руководящих органов, как правило, идентичны — это протоколы и стенограммы заседаний, распорядительная документация, планы и отчеты, переписка с партийными и государственными органами, другими ведомствами, исследовательскими учреждениями и предприятиями, международными организациями и зарубежными научными учреждениями. Они содержат ценнейшие данные о постановке и результатах научных исследований во всех областях научного знания, разрабатываемых в Академии наук, и о возрастающем участии ученых в решении социально-экономических проблем, выдвигаемых развитием нашего общества. По ним прослеживаются основные организационные тенденции советской науки: становление систем планирования и координации научных исследований, выработка наиболее эффективных форм внедрения научных достижений, развитие сети учреждений, совершенствование структуры и рост научных кадров, международное сотрудничество.

До начала 40-х годов делопроизводство всех руководящих органов Академии наук велось канцелярией и в ее фонде была сосредоточена вся их документация. Позднее она стала документировать деятельность Общего собрания и Президиума АН СССР. Секции и отделения ведут собственное делопроизводство и выделены в самостоятельные фонды.

³ «Уставы Академии наук СССР. 1724—1974». М., 1974, стр. 120, 124—125.

⁴ Там же, стр. 134.

⁵ Там же, стр. 142.

⁶ ААН СССР, ф. 2, оп. 7, д. 8, лл. 20—23.

⁷ «Уставы Академии наук СССР. 1724—1974», стр. 176—177. Состав отделений см. там же.

Рассмотренный выше комплекс материалов значительно дополняется документами других подразделений аппарата Президиума АН СССР.

Фонд Научно-организационного отдела сконцентрировал ценнейшие материалы по планированию научной работы, ее координации и отчетности, по организации и реорганизации учреждений Академии. Значительную группу составляют документы по подготовке проектов постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, решений Общего собрания и Президиума Академии наук СССР, а также по контролю за выполнением принятых решений.

В более ранние годы (1930—1935) вопросами планирования научно-исследовательских работ занимались Планово-организационная комиссия и Плановый отдел. В материалах этих структурных частей отражен переход к принципиально новой системе организации науки — планированию научно-исследовательских работ, который стал осуществляться в годы первых пятилеток. Сохранились протоколы заседаний Планово-организационной комиссии, работы по методологии планирования, материалы по проведению плановых конференций. Особый интерес представляют планы Академии и ее учреждений на первую и вторую пятилетки. К планам приложены объяснительные записки, иногда составленные непосредственно руководителями учреждений. Таковы записки и отзывы В. А. Кистяковского, А. Н. Крылова, Н. С. Курнакова, Н. Я. Марра, М. А. Мензбира, С. Ф. Ольденбурга, А. Н. Северцова и других ученых⁸. Фонд содержит также сведения о структуре Академии, записки отчетного и обзорного характера о ее деятельности, представленные в высшие правительственные и плановые органы, договоры с наркоматами о выполнении специальных работ по обслуживанию промышленности и сельского хозяйства, материалы статистического обследования научных учреждений.

Перспективное планирование кадров Академии, их учет и распределение осуществляет Управление кадров. В фонде этого управления сосредоточены ценнейшие статистические источники по динамике и структуре кадров, материалы по личному составу членов Академии, членов-корреспондентов и научных сотрудников всех академических учреждений. Имеющиеся статистические источники свидетельствуют о стремительном и пропорциональном росте кадров Академии в советские годы. Большую группу составляют материалы по подготовке научных кадров. Как известно, в этих целях в 1926 г. в системе Академии наук был создан институт практикантов, преобразованный в 1929 г. в аспирантуру, централизованное руководство которой осуществляла Аспирантская комиссия, позднее Комитет по подготовке кадров и в настоящее время Управление кадров АН СССР. К фондам этих подразделений примыкает документация специализированных кафедр: философии и иностранных языков и отделов аспирантуры институтов. В общем комплексе эти материалы содержат перспективные и текущие планы подготовки специалистов, распоряжения Президиума и Управления кадров АН СССР по этим вопросам, программы занятий и статистические данные.

В фонде Планово-финансового управления имеются сметы и годовые балансы Академии наук и всех учреждений, штатные расписания и другие сводные и обобщающие материалы по финансированию, соответствующая переписка.

Советская наука развивается в едином процессе мировой науки. Показателем широкого международного признания Академии наук СССР и ее роли в мировой науке являются ее многосторонние связи с зарубежными научными учреждениями. В довоенный период Академия не имела специального органа, занимающегося международными связями, поэтому источниками для исследования этих проблем могут служить материалы

⁸ «Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов», т. II. М.—Л., 1946, стр. 39—40.

Общих собраний, Президиума, канцелярии, а также планы и отчеты Академии, личные фонды ученых. В послевоенные годы, когда роль Академии наук как одного из ведущих мировых научных центров еще более возросла, для организации международного сотрудничества были созданы Иностраный отдел (1948 г.) и Отдел научных связей с социалистическими странами (1958 г.), которые были в 1968 г. объединены в Управление внешних сношений. Материалы фондов этих подразделений свидетельствуют о растущих международных контактах советских ученых, особенно о сотрудничестве с учеными социалистических стран. В них хранятся договоры о научном сотрудничестве с академиями всех социалистических стран, протоколы их пролонгации и отчеты советских ученых о командировках. В фондах имеется также обширная переписка с международными организациями и зарубежными научными учреждениями и учеными об участии в работе международных конгрессов, съездов и симпозиумов, о научных командировках и совместных экспедициях. Сохранились письма таких выдающихся ученых, как Ф. Жолио-Кюри, М. Борна, Д. Бернала и др.

Ленинская национальная политика нашла яркое отражение в материалах фондов Комиссии по базам (1931—1935 гг.), Комитета по филиалам и базам (1935—1942 гг.), Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик (с 1945 г. по настоящее время), которые раскрывают огромную работу ученых Академии наук СССР по развитию науки у ранее отсталых народов царской России. Большой интерес представляют документы о создании сети филиалов и баз АН СССР, организации их работы, преобразовании в академии наук союзных республик. О первых практических результатах научной деятельности филиалов и баз можно судить по материалам конференций по изучению производительных сил республик — Узбекской, Казахской (1932 г.), Таджикской, Киргизской, Туркменской (1933 г.), Бурят-Монгольской АССР (1934 г.) и др., которые наметили перспективу их развития на основе научных достижений. Приведем такой интересный документ, как договор о социалистическом соревновании между Всесоюзной, Всеукраинской и Белорусской академиями наук, подписанный 3 марта 1930 г., который положил начало координации научных исследований между этими академиями⁹. Протоколы и стенограммы координационных совещаний, отчетные данные свидетельствуют о том большом вкладе, который внесли союзные академии и филиалы в развитие советской науки. В фонде Совета по координации представлены также материалы по организации крупнейших научных центров на Востоке страны — Сибирского отделения, Дальневосточного и Уральского научных центров, созданных для решения комплексных проблем по использованию производительных сил этих районов и развития теоретических и экспериментальных исследований.

Источниками для изучения издательской деятельности Академии наук СССР являются материалы Редакционно-издательского совета, которые включают перспективные и годовые планы изданий Академии, протоколы заседаний, отзывы о работах и переписку. Она отражена также в материалах издательства и редакций журналов Академии.

Процессы развития советской науки по всем основным научным направлениям, создание крупных специализированных институтов, складывание научных школ отражены также в двух следующих комплексах материалов Архива АН СССР: в фондах научных учреждений и личных фондах ученых.

По составу материалов фонды научных учреждений в значительной степени идентичны. Они содержат две основные группы материалов: научную и научно-организационную. Состав научной документации определяется специализацией института. Фонды институтов естественного про-

⁹ ААН СССР, ф. 2, 1930, д. 62, лл. 37—40 об.

филя включают первичную научную документацию (дневниковые записи, регистрацию опытов на всевозможных пленках, звукозаписи, записи показателей приборов и т. п.) и итоговую (отчеты по темам, доклады, статьи, диссертации, неопубликованные рукописи). В гуманитарных институтах откладываются рукописи научных работ, их варианты, материалы к ним. В эту группу входят также протоколы и стенограммы заседаний ученых советов, семинаров, коллоквиумов и других научных совещаний, проводимых институтом. Во вторую группу входят плановая и отчетная документация института, его отделов, лабораторий и отдельных сотрудников, материалы по внедрению научных достижений в народное хозяйство, координации исследовательских работ с научными учреждениями СССР и научному сотрудничеству с зарубежными странами. В фондах учреждений содержится также документация по личному составу, финансированию, обеспечению оборудованием и приборами.

Несколько особое положение среди фондов академических учреждений занимает фонд Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), преобразованный в 30-е годы в Совет по изучению естественных производительных сил России (СОПС), куда влились также Комиссия по экспедиционным исследованиям, Комиссия по исследованию союзных и автономных республик, Комиссия по изучению Якутской АССР. Материалы этих учреждений представляют бесценный источник по изучению природных ресурсов страны и созданию первых специализированных институтов: Физико-химического анализа, Оптического, Керамического, Радиового и целого ряда других. В фонде КЕПС (позднее СОПС) сохранились: докладные и объяснительные записки о целях и задачах Совета, материалы по планированию работ и координированию экспедиционной деятельности учреждений Академии наук, отчеты, материалы по организации, созыву и работе совещаний, посвященных изучению отдельных проблем, как, например, Большого Днепра, Волго-Каспия, Байкало-Амурской магистрали. С большой полнотой представлены материалы по изучению производительных сил всех союзных республик и содействию их хозяйственному и культурному развитию.

Комплекс личных фондов ученых представляет бесценный источник для истории советской науки как с точки зрения развития отдельных ее направлений, так и изучения творческого наследия и деятельности наиболее выдающихся ее представителей. Личные фонды ученых неравноценны по своей полноте и значимости, но в них достаточно четко можно выделить следующие группы: научные труды и материалы к ним, материалы по деятельности и биографические, переписка.

В научных трудах и материалах к ним зафиксированы процессы научного творчества ученого и его результаты. Они характеризуют уровень развития научного знания в тот или иной период, освещают творческий путь исследователя. Особую ценность представляют рукописи неизданных и незавершенных работ, различные варианты изданных, подготовительные наброски и заметки. Такого рода материалы по целому ряду фондов, в том числе академиков В. И. Вернадского, С. Б. Веселовского, А. Ф. Иоффе, М. Н. Тихомирова уже изданы или подготавливаются к печати в томах научного наследия этих ученых¹⁰.

В личных фондах находит отражение также многогранная государственная, общественная, организационная и педагогическая деятельность ученых. Так, в фонде академика А. А. Байкова имеются документы по деятельности его в качестве депутата Верховного Совета СССР: заметки и

¹⁰ С. Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974; М. Н. Тихомиров. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; «Научное наследие д. и. н. Н. В. Устюгова. Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XIII—XVIII вв.». М., 1974.

дневники по I—X сессиям первого созыва, дневники с записями выступлений на предвыборных и отчетных собраниях, переписка с избирателями, заметки о VIII Чрезвычайном съезде Советов, статьи, доклады и выступления, посвященные сессиям Верховного Совета СССР. Материалы об участии ученых в государственной деятельности содержатся также в фондах академиков А. П. Карпинского, В. Л. Комарова, И. М. Губкина, О. Ю. Шмидта и многих других. В фонде члена-корреспондента М. А. Шателена содержатся записки о задачах и структуре Энергетического института в связи с его организацией, планы и программы работ в первые годы его существования. В материалах академика Д. С. Рождественского сохранились заметки о задачах и основных направлениях развития Государственного оптического института, предложения о постановке исследований по физической оптике, о координации работ этого института с Ломоносовским институтом геохимии, кристаллографии и минералогии.

Несомненный интерес представляют дневники, записные книжки, воспоминания и переписка ученых, которые являются дополнением к их творческому наследию, помогают показать организационную деятельность, их научные контакты с советскими и зарубежными учеными. В качестве примера можно привести дневник академика Л. Д. Шевякова «Записки об учреждениях и людях Академии наук СССР на Урале во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», который является ценным документом для изучения деятельности Академии наук СССР в годы войны¹¹. Уникальные собрания писем находятся в фондах В. И. Вернадского (свыше 2 тыс. только русских корреспондентов и свыше 300 — иностранных), И. П. Павлова (свыше 2 тыс. корреспондентов), Н. А. Морозова, С. Ф. Ольденбурга, П. П. Лазарева, К. Э. Циолковского.

Всего в Архиве АН СССР за советские годы сосредоточено 260 фондов с общим количеством 180 тыс. дел. Этот документальный комплекс является ценнейшим источником по истории Академии наук СССР и по истории советской науки. Приятно отметить, что в его создании горячее участие принимал М. Н. Тихомиров, особенно в тот период, когда он возглавлял Отделение истории АН СССР и был председателем Ученого совета Архива АН СССР.

¹¹ Опубликовано Б. В. Левпиным в журнале «Исторический архив» (1961, № 1, 3—4).

Л. И. Блинова

РАБОТА АРХИВА АКАДЕМИИ НАУК СССР НАД МАТЕРИАЛАМИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

В связи с 250-летием Академии наук СССР особое внимание исследователей привлекает сокровищница ценнейших первоисточников по истории Академии наук, истории науки, техники, просвещения, искусств — Архив Академии наук СССР. Основанный в 1728 г. Архив АН СССР за время своего существования накопил более 3 тыс. фондов и собраний, отражающих важнейшие события и вехи в развитии русской и советской науки.

В дореволюционной России основной функцией Архива было собирание и хранение академического документального наследия. Вместе с тем с первых лет существования Архива началось использование его материалов в научных и практических целях. В работах академических заседаний, а также в индивидуальных исследованиях члены Академии нередко обращались к протоколам предшествующих собраний, использовали материалы экспедиций и многочисленную корреспонденцию, сосредоточивавшуюся в Архиве.

Первым шагом обстоятельного научного использования материалов Архива явилось написание в 1734 г. первым конференц-секретарем Академии наук Х. Гольдбахом по поручению Академического собрания правил «для составления истории С.-Петербургской Академии наук»¹.

С большим интересом работал над документами Архива М. В. Ломоносов. В 1764 г. на обширном материале ученым была составлена «Краткая история о проведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени»², вскрывшая причины недостатков в организации академического управления.

В середине XVIII в. материалы академического архива использовал известный историк Сибири и историограф Г.-Ф. Миллер, которому было поручено написать историю Академии наук к ее 50-летию юбилею³.

Усилившийся в XIX в. интерес к истории академического прошлого увеличил приток исследователей в Архив Академии наук. Объектами изучения стали протоколы, журналы, переписка о деятельности академических учреждений XVIII в.: гимназии, университета, Кунсткамеры, библиотеки, географического и исторического департаментов, типографии, различных академических палат, а также рукописное наследие академиков М. В. Ломоносова, Л. Эйлера, Д. Бернулли, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, П. С. Палласа. В Архиве работали видные ученые академики К. С. Веселовский, П. П. Пекарский, А. А. Куник, М. И. Сухомлинов, Я. К. Грот. П. П. Пекарским было широко использовано документальное наследие ученых в процессе работы над историей Академии

¹ Х. Гольдбах. Начертание правил для составления истории С.-Петербургской Академии наук. СПб., 1734.

² Впервые опубликована в кн.: В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. СПб., 1865, стр. 25—73.

³ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. VI. СПб., 1890.

наук ⁴, составленной им в форме описания жизни и деятельности членов Академии, вступивших в нее между 1725 и 1742 гг.

Благодаря историкам П. С. Билярскому и В. И. Ламанскому, изучавшим документальное наследие М. В. Ломоносова, увидели свет многие интереснейшие материалы ученого-энциклопедиста, почти 100 лет хранившиеся в Архиве, его первые литературные труды, проект регламента Академии наук ⁵.

В 80-х годах XIX в. под руководством академика М. И. Сухомлинова было начато монументальное издание документов по истории Академии наук ⁶, охватившее первые 25 лет ее существования.

Однако уровень постановки архивного дела и загруженность работников Архива посторонними поручениями ⁷ препятствовали непосредственной разработке академических фондов. Лишь в 70-х годах XIX в. архивариусу В. Б. Шелиоту удалось составить описи на некоторые хранящиеся в Архиве материалы XVIII в.; долгое время эти описи служили единственным пособием при пользовании Архивом ⁸. Документы извлекались из Архива бессистемно, иногда их уносили домой, где они терялись; случалось, что документы вырезались из переплетенных в XVIII в. томов. Вследствие этого до сих пор не найден ряд ценнейших документов, например несколько писем Вольтера.

Необходимо отметить также, что большинство дореволюционных исследователей интересовались внешними формами деятельности Академии наук или общими биографическими данными ученых. Собственно истории отечественной науки уделялось крайне мало внимания. Так, например, из дореволюционных историков химии только Б. Н. Меншуткин, едва ли не единственный, глубоко знал фонды Архива, другие же пользовались, как правило, опубликованными источниками.

В 1912 г. в результате реформы Архива и приглашения на должность заведующего члена-корреспондента Академии наук Б. Л. Модзалевского Архив занял соответствующее место в системе академических учреждений. Его материалы были разобраны и систематизированы. В последующие годы началась их научная разработка. В 1913—1917 гг. сотрудники Архива под руководством Б. Л. Модзалевского осуществили подготовку и издание «Материалов для биографического словаря членов Академии наук и истории академических учреждений за 1889—1914 гг.» ⁹. В издании собран богатый фактический материал, выявленный на основании академических отчетов и других источников, хранящихся в Архиве Академии наук, в том числе личных воспоминаний.

Систематическая и глубокая разработка материалов Архива Академии наук началась только в советское время. Первый ее опыт был связан с активным участием Архива в подготовке к празднованию 200-летия Академии наук в 1925 г. ¹⁰

Начавшийся в 30-е годы приток в Архив исследователей, занимавшихся историей физики, математики, химии, геологии, но не имевших навыков работы с архивными документами, поставил перед Архивом новые задачи. Стремясь быть не просто хранилищем ценных источников, но действующим научным учреждением, Архив АН СССР предпринял под-

⁴ П. П. Пекарский. История имп. Академии наук, т. I, II. СПб., 1870, 1873.

⁵ П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

⁶ «Материалы для истории имп. Академии наук», тт. I—X. СПб., 1885—1900.

⁷ Например, с середины XIX в. на архивариуса было возложено и заведование книжным магазином Академии наук.

⁸ «Архив Академии наук СССР. Обзорные архивные материалы». Л., 1933, стр. 15 («Труды Архива АН СССР», вып. 1).

⁹ Издание было задумано в 3-х томах. Однако первый том, включавший историческую часть, остался неизданным. В свет вышли: т. II. «Материалы для истории академических учреждений». Пг., 1915; т. III. «Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук», ч. 1—2. Пг., 1915—1917.

¹⁰ Перечень изданий см. в кн.: Г. Д. Кожов, Б. В. Левшин, Л. К. Семенов. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974, стр. 10.

готовку «Трудов» с целью дать широкое представление о своих материалах.

Для правильной систематизации, полноценного описания и публикации хранящихся в Архиве документов требовалось, помимо усовершенствования археографических навыков, овладеть основами естественных наук; для разработки материалов XVIII и XIX вв. важно было знание латинского, немецкого, французского, английского языков. Вскоре выявилась и необходимость привлечения к работе ученых-естествоиспытателей и техников. В силу всех этих обстоятельств Архив АН СССР занял особое положение в сети архивов страны.

В октябре 1937 г. по постановлению Президиума АН СССР в Архиве был учрежден Ученый совет¹¹. Первым его председателем был избран академик С. Д. Рождественский¹². С 15 января 1939 г. Ученый совет возглавлял академик И. Ю. Крачковский¹³. В его составе работали академики Б. Д. Греков, А. С. Орлов, Л. А. Орбели, С. И. Вавилов, А. Н. Крылов, С. А. Жебелев, В. В. Струве, В. И. Смирнов. Его председателем был академик М. Н. Тихомиров. С 1966 г. Ученый совет Архива возглавляет академик Н. М. Дружинин. Широко развернулась работа по выявлению, публикации и изучению документальных источников по истории Академии наук. С этой целью в 1938 г. при Архиве была создана специальная Комиссия во главе с академиком С. И. Вавиловым.

Была разработана и система информационных изданий Архива. Наиболее действенной формой ознакомления исследователей как с основными материалами Архива, так и с новыми поступлениями явились обзорно-путеводители по архивным фондам. Первый выпуск обзоров вышел в свет в 1938 г.¹⁴, последний — шестой — в 1971 г.¹⁵ Они содержат сведения почти о 700 фондах и коллекциях Архива, в том числе о фондах различных академических учреждений и более чем о 400 личных фондах академиков, членов-корреспондентов Академии наук и других видных ученых. Достаточно назвать имена крупнейших ученых, чьи фонды хранятся в Архиве АН СССР: И. П. Павлов, А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, А. М. Ляпунов, В. В. Бартольд, С. Б. Веселовский, Д. Н. Прянишников, В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, С. И. Вавилов, Е. В. Тарле, М. Н. Тихомиров, И. В. Курчатов и др.

В первые два выпуска обзоров включены преимущественно описания фондов ученых и учреждений XVIII—XIX вв. Последующие выпуски выходили в свет по мере накопления новых поступлений; они посвящены в основном обзорам фондов советских ученых.

Большинство обзоров фондов составляются работниками Архива, проводящими их разбор, систематизацию и описание при поступлении в Архив. В процессе работы составители консультируются со специалистами в различных областях науки, обычно учениками или коллегами фондообразователя.

Другим видом изданий Архива Академии наук СССР являются «Труды», посвященные научным описаниям фондов выдающихся деятелей науки и техники. С 1937 по 1969 г. были подготовлены и вышли в свет 12 томов «Трудов», состоящих из описаний и публикаций наследия М. В. Ломоносова, И. П. Павлова, Л. Эйлера (2 тома), Б. Б. Голицына, Е. С. Федорова, И. И. Мечникова, В. Ф. Шишмарева, И. П. Кулибина, В. Ф. Моисеенко, К. Э. Циолковского, А. Н. Крылова.

Сотрудниками Архива было выявлено большое число документов, относящихся к личным фондам ученых, но рассеянных по различным фондам и разрядам. При выявлении, например, материалов академика

¹¹ Архив АН СССР, ф. 7, оп. 1, д. 208, л. 27.

¹² Там же, л. 11.

¹³ Там же, д. 326, л. 33.

¹⁴ «Архив Академии наук СССР. Обзорные архивные материалы». Л., 1933 («Труды Архива АН СССР», вып. 1).

¹⁵ «Архив Академии наук СССР. Обзорные архивные материалы», вып. VI. Л., 1971 («Труды Архива АН СССР», вып. 24).

А. Н. Крылова значительное число документов было обнаружено в фондах других лиц и учреждений, а также в Центральном государственном архиве Военно-Морского флота СССР¹⁶.

Учитывая характер этого вида издания, работники архива совместно с научными редакторами стремились к максимальной тщательности отбора документов и вместе с тем — ограничению описания кругом важнейших документов об основных этапах научной или общественной деятельности того или иного ученого. В поисках наиболее компактной формы составители часто обращались к описательной статье (об одном или целой группе документов), где содержались сведения об истории научных работ и творческом методе ученого, несомненно имевшие большое справочно-вспомогательное значение для работы над фондом.

Индивидуальность каждого ученого, естественно, наложила свой отпечаток на характер и состав личных фондов, а следовательно, сказалась и на описаниях. Так, дневниковые рабочие записи изобретателя-самородка И. П. Кулибина, много лет проработавшего в Академии наук, систематизировались по направлениям его изобретательской деятельности, что в значительной мере облегчило исследователям доступ к его материалам¹⁷. Расшифровка и изучение текстов этих записей дали возможность не только раскрыть творческие замыслы И. П. Кулибина, но и пролить свет на многие ранее неизвестные стороны его многообразной деятельности.

Описания фондов выдающихся ученых способствуют дальнейшей разработке многих областей науки и техники. Так, научное описание рукописей М. В. Ломоносова¹⁸ послужило основой для многочисленных исследований. Получили широкое признание монографии сотрудников Архива АН СССР Н. М. Раскина¹⁹ и Е. С. Кулябко²⁰, в которых на основе широкого привлечения документальных источников раскрыты важные стороны академической деятельности великого русского ученого. На основе материалов описания при участии Архива АН СССР впервые были изданы 10-томное Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова²¹, сборник «Ломоносов»²².

Важным видом изданий Архива являющиеся тематические обзоры и описания материалов, выявленных в различных фондах и разрядах Архива. Первым из них было издание научного описания «ученой корреспонденции» Академии наук XVIII в.²³ — книга, получившая широкую известность среди советских и зарубежных историков науки. Понятно значение научной и официальной переписки русских и иностранных ученых XVIII в. — Л. Эйлера, Д. Бернулли, П. С. Палласа, Д. Дидро, Ж.-Л. Лессажя, А.-Л. Шлёцера, И.-Л. Лагранжа и других — не только для специалистов в соответствующих отраслях знаний, но и для изучения истории русской культуры XVIII в., связей Академии наук России с научным миром Западной Европы в период определенного расцвета академической деятельности в 60—80-е годы XVIII в.

Издание «ученой корреспонденции» XVIII в. явилось первой весьма удачной попыткой научного сотрудничества работников Архива АН СССР и специалистов Института истории науки и техники АН СССР. В процессе работы составителем сборника историком И. И. Любименко было прочитано около 2000 писем с извлечением из них главного содержания и со-

¹⁶ Н. М. Раскин. Издания Архива Академии наук СССР. — «Академические архивы за 50 лет Советской власти». М., 1968, стр. 72.

¹⁷ «Рукописные материалы И. П. Кулибина в Архиве Академии наук СССР. Научное описание с приложением текстов и чертежей». М. — Л., 1953 («Труды Архива АН СССР», вып. 14).

¹⁸ «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание». М. — Л., 1937 («Труды Архива Академии наук СССР», вып. 3).

¹⁹ Н. М. Раскин. Химическая лаборатория М. В. Ломоносова. М. — Л., 1962.

²⁰ Е. С. Кулябко. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М. — Л., 1962.

²¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. I—X. М. — Л., 1950—1957.

²² «Ломоносов». Сб. статей и материалов, тт. I—VI. М. — Л., 1940—1965.

²³ «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. Научное описание». М. — Л., 1937 («Труды Архива АН СССР», вып. 2).

ставлением кратких аннотаций, которые затем сотрудниками Архива были отредактированы при участии ученых-специалистов. Академики В. И. Вернадский, В. Н. Любименко, Ю. А. Крачковский, С. И. Вавилов, Д. С. Рожественский, В. И. Смирнов принимали участие и в составлении систематического указателя по отдельным отраслям науки.

Тематическое обозрение материалов по истории экспедиций Академии наук XVIII—XIX вв.²⁴ (составитель В. Ф. Гнучева) позволило в хронологической последовательности представить ход изучения территории нашей Родины с 1717 по 1803 г. Сочетание сведений об истории каждой экспедиции в отдельности и экспедиционной деятельности Академии наук в целом придало изданию характер справочника, достаточно полно охватывающего весь хранившийся в Архиве экспедиционный материал за указанный период.

Последовательное изложение хода работ Географического департамента в период расцвета экспедиционной деятельности Академии наук с 1739 по 1799 г. дает другой том «Трудов» Архива, составленный также В. Ф. Гнучевой²⁵. На основе детального изучения архивных документов автором написан подробный исторический очерк картографических работ Академии с момента их возникновения в 1726 г. до прекращения в период царствования Павла I, восстановлена история первых картографических работ, завершившихся созданием в 1745 г. «Атласа Российского», и страницы деятельности Географического департамента в годы руководства Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова. Недавно Архив принял издание научного описания материалов еще одной экспедиции прошлого века — в Бразилию в 1821—1829 гг. во главе с академиком Г. И. Лангсдорфом²⁶. Составителями сборника Д. Е. Бертельс, Б. И. Комиссаровым и сотрудником Архива Т. И. Лысенко была проделана огромная работа по выявлению, систематизации и описанию материалов экспедиции. В книгу вошло около 800 описаний документов, хранящихся в Ленинградском отделении Архива и других архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Описание было обусловлено характером материалов и историей самой экспедиции (из-за болезни Г. И. Лангсдорфа она была прервана). Поэтому наибольший интерес представляют не законченные материалы путешествия, а документы подготовительного периода и дневники.

В период Великой Отечественной войны разработка материалов Архива проводилась главным образом по оборонной тематике. В 1945 г. Архив принял активное участие в подготовке к 220-летию юбилею Академии наук СССР. Директором Архива Г. А. Князевым под редакцией академиков С. И. Вавилова и В. П. Волгина был подготовлен первый популярный очерк деятельности Академии наук за всю ее историю²⁷.

В послевоенные годы изучение истории отечественной науки и выявление ее роли в мировом масштабе стало важной задачей и было поставлено на широкую основу. «Давно пришла пора отдать должное достижениям нашей науки, наших отечественных ученых, правильно и по достоинству оценить многие их великие открытия... и с научными аргументами в руках доказать и показать всему человечеству роль науки нашей страны в создании мировой науки»²⁸, — подчеркивал академик С. И. Ва-

²⁴ «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. Хронологические обзоры и описания архивных материалов». М.— Л., 1940 («Труды Архива АН СССР», вып. 4).

²⁵ В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.— Л., 1946 («Труды Архива АН СССР», вып. 6). Работа была подготовлена еще в предвоенные годы.

²⁶ «Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание». Л., 1973 («Труды Архива АН СССР», вып. 25).

²⁷ Г. А. Князев. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.— Л., 1945. В 1957 и 1964 гг. книга была переиздана Г. А. Князевым в соавторстве с А. В. Кольцовым.

²⁸ «Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5—11 января 1949 г. Доклады». М.— Л., 1949, стр. 12.

вилов в выступлении на январской сессии АН СССР 1949 г., посвященной истории отечественной науки. Тогда же было решено сосредоточить в Архиве АН СССР фонды всех выдающихся отечественных ученых, в том числе и тех, которые не входили в состав Академии.

В связи с новыми задачами расширилось поле деятельности Архива. В конце 40-х годов сотрудники Архива включились в работу Комиссии по истории Академии наук над изданием, осуществленным под редакцией академика С. И. Вавилова²⁹. Эта летопись-обзор основных дат и событий академической жизни за советские годы может служить ценным справочным пособием для историков науки.

Постановления сессии 1949 г. способствовали активизации работы по изданию обзоров и других видов «Трудов» Архива. В начале 60-х годов коллектив Архива участвовал в подготовке двухтомного справочника о личных фондах в государственных хранилищах нашей страны³⁰. Содержащиеся в нем сведения о местонахождении и объеме личных фондов ученых в значительной мере облегчили работу исследователей. Обращаясь к истории Академии, Архив посвятил очередной том «Трудов» научному описанию документального наследия химиков второй половины XVIII в., хранящегося в Архиве АН СССР. Фонды М. В. Ломоносова, В. И. Клементьева, И.-Г. Лапласа, Э.-Г. Лаксмана, И.-Г. Георги, Н. П. Соколова и Т. Е. Ловица³¹ раскрывают ранее неизвестные или незаслуженно забытые страницы становления русской химической науки. Библиография к книге, составленная сотрудником Архива А. М. Скоркиным (под редакцией К. И. Шафрановского), содержит подробный список печатных работ химиков второй половины XVIII в., впервые дает описание всех без исключения трудов М. В. Ломоносова по химии.

Публикация отдельных документов или их групп осуществляется не только в приложениях к большинству изданий Архива АН СССР. Ряд этих изданий целиком посвящен публикации документального наследия ученых. Среди них можно назвать переписку об истории изобретения фотографии³², письма А. О. Ковалевского к И. И. Мечникову³³, письма Мечникова³⁴.

Совместно с другими учреждениями Архив неоднократно предпринимал издания трудов ученых. В 1937 г. вышел первый том «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, подготовленный Институтом этнографии АН СССР и Институтом Севера совместно с Архивом АН СССР. В 1941 г. вышел и второй том, в который вошли главы, восстановленные по рукописям, хранящимся в Архиве АН СССР. Опубликована хранящаяся в Архиве рукопись выдающегося геолога академика А. П. Павлова (1854—1929) «Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека»³⁵.

В послевоенный период был тщательно изучен и описан архив Л. Эйлера, возвращенный в СССР в 1949 г. из Швейцарии, куда он был отправлен в 1913 г. в связи с подготовкой международного издания «Opera omnia». В результате совместной работы, выявившей огромное число неопубликованных материалов, сотрудниками Архива и Института истории естество-

²⁹ «Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947)». М.—Л., 1950.

³⁰ «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», тт. I, II. М., 1963.

³¹ «Рукописные материалы химиков второй половины XVIII в. в Архиве Академии наук СССР. Научное описание». М.—Л., 1957 («Труды Архива АН СССР», вып. 15).

³² «Документы по истории изобретения фотографии. Переписка Ж. Н. Ниепса, Ж. М. Даггера и других лиц». М.—Л., 1949 («Труды Архива АН СССР», вып. 7).

³³ «Письма А. О. Ковалевского к И. И. Мечникову (1866—1900)». М.—Л., 1955 («Труды Архива АН СССР», вып. 13).

³⁴ «И. И. Мечников. Письма (1863—1916)». М., 1974.

³⁵ А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. Л., 1939.

знания и техники АН СССР было подготовлено два тома описания рукописного наследия великого математика ³⁶.

Проводится обширная публикация текстов документов научного наследия виднейших советских историков С. Б. Веселовского, М. Н. Тихомирова и Н. В. Устюгова, материалы которых составляют золотой фонд русской исторической науки.

С 1963 г. по постановлению Бюро Отделения истории АН СССР осуществляется издание научного наследия академика С. Б. Веселовского. Архивом была подготовлена к печати целая серия ранее неопубликованных трудов ученого, содержащих ценнейшие материалы по социально-политической истории феодальной Руси ³⁷.

Издание научного наследия академика М. Н. Тихомирова, предпринятое Отделением истории АН СССР, Археографической комиссией и Архивом АН СССР, было подготовлено членами-корреспондентами АН СССР В. И. Шунковым и Ю. В. Бромлеем, учениками М. Н. Тихомирова — С. О. Шмидтом, М. Т. Белявским, В. А. Александровым, А. И. Роговым, А. В. Муравьевым, В. Б. Павловым-Сильванским при участии директора Архива Б. В. Левшина и сотрудника Архива И. П. Старовой. Вышли в свет четыре тома трудов М. Н. Тихомирова, в которые включен и ряд ранее неопубликованных работ; каждый из них представляет собой тематический сборник исследований и публикаций по истории русской культуры, политических и классовых отношений феодального государства X—XVIII вв. ³⁸ Описанию рукописного наследия М. Н. Тихомирова посвящен специальный том «Трудов» Архива (вып. 7), подготовленный сотрудником Архива И. П. Старовой под редакцией С. О. Шмидта ³⁹.

В 1974 г. увидел свет том научного наследия выдающегося советского историка Н. В. Устюгова ⁴⁰, подготовленный сотрудниками Архива при непосредственном участии учеников Н. В. Устюгова. Книга содержит конспект лекций спецкурса по истории феодальной Руси, прочитанных ученым в Московском государственном историко-архивном институте в 1947—1963 гг. Текст спецкурса был восстановлен по материалам, сохранившимся в Архиве, и записям учеников.

Публикации не ограничиваются материалами, хранящимися в самом Архиве. В 1968 г. совместно с Институтом истории естествознания и техники АН СССР было осуществлено издание сборника документов по истории становления науки в первые годы Советской власти ⁴¹. Привлечение материалов из других архивохранилищ страны (Центрального государственного архива народного хозяйства СССР и Центрального государственного архива РСФСР) позволило с наибольшей полнотой осветить важный этап в истории Академии наук СССР. Сборник по достоинству был оценен исследователями истории науки. В 1971 г. авторский коллектив (ответственный редактор — академик К. В. Островитянов; редакционная комиссия; А. В. Кольцов, Б. В. Левшин, В. Н. Макеева; составители:

³⁶ «Рукописные материалы Л. Эйлера в Архиве Академии наук СССР», т. I. «Научное описание». М. — Л., 1961; т. II. «Труды по механике». М. — Л., 1965 («Труды Архива АН СССР», вып. 17, 20).

³⁷ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1968; *он же*. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *он же*. Древнерусские имена, фамилии и прозвища. (Ономастикон). М., 1974.

³⁸ М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968; *он же*. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; *он же*. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; *он же*. Российское государство XV—XVII вв. М., 1973.

³⁹ «Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание». М., 1974 («Труды Архива АН СССР», вып. 25).

⁴⁰ Н. В. Устюгов. Научное наследие. Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XVI—XVIII вв. М., 1974.

⁴¹ «Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925)». Л., 1968.

М. С. Бастракова, Л. В. Жигалова, В. Н. Макеева, Г. Е. Павлова, Е. В. Соболева, В. М. Суринов) был награжден почетным дипломом Советского национального комитета историков естествознания и техники. Продолжением этого издания явился сборник «Организация советской науки в 1926—1932 гг.» (Л., 1974). Сотрудниками Архива Л. Г. Дубинской, Н. И. Винокуровой и А. С. Ксенофонтовой были подобраны документы, освещающие историю Коммунистической Академии — научного учреждения, руководившего в 20—30-х годах изучением вопросов обществоведения и социалистического строительства на базе марксизма-ленинизма.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина вышла в свет подготовленная сотрудниками Архива книга «Ленин и Академия наук» (М., 1970) под редакцией академика П. Н. Пospelова, посвященная неоценимой поддержке В. И. Лениным Академии наук в первые годы после революции, перестройке научной работы в стране. Она впервые включила архивные документы, письма, воспоминания государственных деятелей и деятелей науки.

Научными сотрудниками Архива в различных изданиях Академии наук опубликовано около 100 работ, раскрывающих содержание хранящихся в Архиве документов и посвященных различным вопросам академической истории и деятельности русских и советских ученых — членов Академии наук. Таковы статьи Е. С. Кулябко «Н. Н. Зинин и Академия наук»⁴², Н. Г. Михайловой «Переписка военных лет Н. В. Устюгова»⁴³, Б. В. Левшина «Источники по истории Академии наук СССР периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)»⁴⁴, «В. И. Ленин и советская наука», «К истории Российской Академии наук»⁴⁵, М. С. Бастраковой «Формирование основ государственной политики по отношению к науке в первые годы Советской власти (по материалам Архива АН СССР)»⁴⁶ и др.

Переписке замечательных ученых В. Г. Хлопина и В. И. Вернадского посвящена публикация, подготовленная директором Архива Б. В. Левшиным и сотрудником Архива Л. П. Зайцевой⁴⁷. Тщательно составленный научно-справочный аппарат к ней содержит важные исторические сведения о деятельности многих ученых, работавших в области радиохимии.

В 1963 г. Архивом совместно с Отделением литературы и языка АН СССР было предпринято издание писем выдающегося слависта И. В. Ягича⁴⁸.

В 1967 г. увидел свет сборник воспоминаний об И. П. Павлове⁴⁹, подготовленный сотрудником Архива Е. С. Кулябко совместно с сотрудниками Института экспериментальной медицины АМН СССР Н. М. Гуреевой и В. Л. Меркуловой. Воспоминания отечественных и иностранных ученых, учеников и коллег великого физиолога, родных, друзей и деятелей культуры, опубликованные впервые или специально написанные для сборника, придали ему большую ценность. Этим же коллективом составителей подготовлено издание переписки И. П. Павлова⁵⁰, охватывающей период с конца 70-х годов прошлого столетия до самой кончины ученого.

Научной переписке двух выдающихся физиков нашего века — А. Ф. Иоффе и П. С. Эренфеста⁵¹ — посвящен сборник, подготовленный сотрудниками Архива АН СССР Н. Я. Московченко и Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе В. Я. Френкелем. Охватившая четверть века переписка раскрывает картину состояния физики в предреволюционной

⁴² «Вестник АН СССР», 1962, № 9, стр. 118—119.

⁴³ «Вопросы аграрной истории», вып. 3. Вологда, 1970, стр. 57—63.

⁴⁴ «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 409—413.

⁴⁵ «Природа», 1970, № 4, стр. 2—4; «Вестник Академии наук», 1972, № 10, стр. 131—136.

⁴⁶ «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 360—379.

⁴⁷ «Письма В. Г. Хлопина к В. И. Вернадскому». М.— Л., 1961 («Труды Архива АН СССР», вып. 19а).

⁴⁸ «Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865—1886». М.— Л., 1963.

⁴⁹ «И. П. Павлов в воспоминаниях современников». Сб. статей. Л., 1967.

⁵⁰ «Переписка И. П. Павлова». Л., 1970.

⁵¹ «Эренфест. Иоффе. Научная переписка (1907—1933 гг.)». Л., 1973.

России, рассказывает о первых шагах советской физики, организации ее научных центров, научных связях ученых.

Творческому наследию М. В. Ломоносова посвящена монография Е. С. Кулябко и Е. Б. Бешенковского «Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова» (Л., 1975).

Важную группу работ сотрудников Архива составляют обзоры документальных материалов личных фондов выдающихся ученых. Среди них можно отметить сообщения Б. В. Левшина «Обзор документальных материалов фонда академика С. Б. Веселовского»⁵², Н. Г. Михайловой «Обзор документальных материалов фонда Н. В. Устюгова», «Обзор документальных материалов фонда В. И. Шункова»⁵³, И. П. Старовой «Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР»⁵⁴, М. Я. Ржезниковой «Обзор личного фонда академика Е. А. Косминского»⁵⁵, А. Л. Станиславского «Личный фонд С. К. Богоявленского в Архиве АН СССР»⁵⁶, знакомящие исследователей с новыми фондами, еще не вошедшими в тома научного обозрения.

К 250-летию Академии наук СССР Архив выпустил в свет два фундаментальных издания по материалам Архива. Двухтомный сборник «Академия наук СССР. Персональный состав» (М., 1974; составители Б. В. Левшин, Н. Г. Михайлова, Б. М. Малькевич, П. Н. Корявов), включает в себя список 4096 членов Академии наук, с портретами ученых, за весь период ее существования. Это первое издание подобного рода. В сборнике документов «Уставы Академии наук СССР» (М., 1974; составители Б. В. Левшин, Л. Н. Киселева, Е. С. Кулябко, Б. М. Малькевич, Н. В. Филиппова) впервые объединены все уставы, которыми Академия руководствовалась на протяжении своей истории. Всего за период с 1961 по 1974 г. было опубликовано 43 фундаментальных издания.

Сотрудниками Архива опубликован ряд материалов, освещающих различные этапы деятельности Академии наук СССР и ее ученых. В. С. Неаполитанской и Н. В. Филипповой подготовлена публикация отрывков из рукописи академика В. И. Вернадского «Очерки по истории естествознания в России в XVIII веке», посвященных периоду создания Академии наук⁵⁷, вышли в свет статьи Б. В. Левшина «Академия наук в годы социалистической индустриализации»⁵⁸, Н. М. Митряковой «Международные научные связи АН СССР в 30-е годы»⁵⁹, В. Б. Гендрикова и Г. И. Греховой «Из истории научных связей. Первые французские ученые — почетные члены Петербургской Академии наук. Ранние русско-американские научные контакты»⁶⁰, Е. С. Кулябко «Первые президенты»⁶¹, И. А. Шафран «Из академического собрания портретов ученых»⁶² и др.

Обширная и разнообразная деятельность Архива внесла ценный вклад в науку, открыв новые страницы ее истории. Такую оценку деятельности Архива дал выдающийся ученый академик В. И. Вернадский: «Научный архив собирался и сохранился не случайно. Ничто не делается само собою, без воли, мысли и труда, хотя бы безымянных деятелей, и не случайно в нашем распоряжении оказался в XX веке такой драгоценный для истории наук архив, каким является Архив Академии наук»⁶³.

⁵² «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 257—266.

⁵³ «Археографический ежегодник за 1968 год», стр. 395—400; «Археографический ежегодник за 1970 год». М., 1971, стр. 318—322.

⁵⁴ «Археографический ежегодник за 1968 год», стр. 304—314.

⁵⁵ «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 325—330.

⁵⁶ «Археографический ежегодник за 1972 год». М., 1974, стр. 283—285.

⁵⁷ «Природа», 1973, № 9, стр. 51—63.

⁵⁸ «История СССР», 1974, № 3, стр. 31—46.

⁵⁹ Там же, стр. 47—62.

⁶⁰ «Вестник АН СССР», 1974, № 4, стр. 67—73.

⁶¹ Там же, № 2, стр. 144—151.

⁶² Там же, стр. 152—154.

⁶³ «Академия наук СССР за 10 лет (1917—1927 гг.)». Л., 1927, стр. 156.

В. Д. Есаков

ОБ ИЗДАНИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Круг публикаций, посвященных истории науки за годы Советской власти, не так уж велик. Их общий обзор сделан в интересном сообщении Л. И. Блиновой¹. Остановимся на нескольких общих замечаниях по рассматриваемой теме.

В последние годы все чаще говорят и пишут об информационном взрыве, росте числа научных публикаций, ускоренном развитии научных идей и методов, о складывании новых научных направлений, об интенсивном организационном строительстве науки и т. п. Все это находит отражение на страницах многочисленных научно-технических журналов, количество которых постоянно увеличивается, в возрастающем числе издающихся монографий, коллективных трудов и сборников. Огромные штаты библиографов и сотрудников специальных информационных центров и институтов, секторов и групп едва справляются с переработкой этой информации. Из года в год становятся все более объемными издающиеся с 1957 г. ежегодники «Библиография изданий Академии наук СССР».

Но какими бы новейшими ни были научные открытия, как бы совершенно ни разрабатывалась технология, какой бы продолжительной ни была жизнь научно-технических идей, — все это является лишь этапом в развитии советской науки. Практически каждая работа становится и источником по истории советской науки.

Творческая деятельность постоянно обобщается в бесчисленных реферативных журналах, в специальных трудах «Итоги науки», систематизируется в многотомной библиографии «История естествознания», в выпусках «История техники» и т. п.

Рассматривая проблему издания документов по истории советской науки, мы имеем в виду прежде всего издание материалов об организации науки.

Научное творчество по своему содержанию и характеру, как правило, опережает развитие его организационных форм. Подведение же библиографического итога научно-организационной деятельности советского государства и научных учреждений на многие десятилетия отстало от итогов научного творчества.

Это можно хорошо проследить на примере Академии наук СССР. За годы Советской власти Академия неоднократно подводила итоги целым этапам своей деятельности. Празднование юбилеев всегда сопровождалось изданием многочисленной литературы по общим и частным проблемам развития советской науки и о работах самой Академии. Но лишь в связи с празднованием 250-летнего юбилея АН СССР сотрудниками Сектора научно-библиографической информации по науковедению Института научной информации по общественным наукам АН СССР впервые создан

¹ См. наст. изд., стр. 271—279.

сводный указатель литературы о научно-организационной деятельности Академии наук СССР (1917—1972 гг.)².

Этот указатель представляет собой первое издание библиографии по всей совокушности научно-организационной деятельности Академии как центра советской науки, показывает развитие основных научных направлений, динамику становления и совершенствования структуры академических научных и научно-организационных учреждений, раскрывает формы связи научных исследований с развитием народного хозяйства и т. п. В указатель вошло около 7000 названий, его объем — более 40 авт. листов. Но это лишь начало работы по подведению библиографического итога организации советской науки. Его завершение поможет всем историкам науки лучше понять и оценить процесс становления и развития науки в нашей стране, даст ключ к оценке содержания и значимости тех документальных богатств, которыми располагают государственные архивы по истории организации науки.

В развитии публикаций документов по истории науки за годы Советской власти можно наметить два периода, вернее два эпизода их становления.

Первый связан с попыткой систематического издания томов «Научного наследства».

Академия наук СССР начала издание томов «Научного наследства» в 1948 г. по инициативе президента АН СССР акад. В. Л. Комарова. В программу «Научного наследства» входила публикация неизданных научных произведений, дневников, воспоминаний и переписки выдающихся отечественных ученых, издание подобных же трудов иностранных ученых, соприкасавшихся с нашей страной, и публикация в оригиналах и переводах малоизвестных или незаслуженно забытых научных произведений.

Выход в свет первого тома³ получил высокую оценку на сессии АН СССР, посвященной истории отечественной науки (январь 1949 г.). «Возложить, — говорилось в постановлении сессии, — на Институт философии, Институт истории и Институт истории естествознания задачу идейно-теоретического руководства основными работами в области истории науки и техники, проводимыми в системе учреждений АН СССР»⁴.

Однако работ в этом направлении в Институте истории не велось, кроме исследований по истории исторической науки. Институт истории в целом проблемами исторического опыта развития и организации науки не занимался.

Второй том «Научного наследства»⁵ был подготовлен под руководством авторитетной редколлегии во главе с президентом Академии наук СССР акад. С. И. Вавиловым. Сборники «Научного наследства» в дальнейшем перестали систематически издаваться. Их подготовка продолжалась лишь по инициативе отдельных энтузиастов. Третий том, посвященный И. М. Сеченову, вышел через пять лет, в 1956 г.⁶, а четвертый том, в котором опубликованы письма русских химиков к А. М. Бутлерову, был издан еще через 5 лет⁷.

Это был последний, выпедший в свет том «Научного наследства», хотя время от времени вопрос о возобновлении подобного издания, посвященного публикации материалов о творчестве выдающихся деятелей отечественной науки, возникал вновь.

² «Деятельность Академии наук СССР. 1917—1972. Указатель литературы». М., 1974.

³ «Научное наследство», т. 1. М.—Л., 1948.

⁴ «Постановление Общего собрания АН СССР от 11 января 1949 г. о развитии научно-исследовательских работ в области истории отечественного естествознания и техники». — «Вестник АН СССР», 1949, № 2, стр. 128.

⁵ «Научное наследство», т. 2. М., 1951.

⁶ «Научное наследство», т. 3. «Иван Михайлович Сеченов. Неопубликованные работы, переписка и документы». М., 1956.

⁷ «Научное наследство», т. 4. «Письма русских химиков к А. М. Бутлерову». М., 1961.

Таким образом, издание «Научного наследства» превратилось в эпизод публикаторской деятельности по истории науки. Но работа в этом направлении продолжается. Регулярно выходят сборники, посвященные выдающимся представителям советской науки, главным образом в связи с их юбилеями, в которые наряду с воспоминаниями включаются и подборки документов. Таковы, например, сборники о жизни и деятельности А. Е. Ферсмана, О. Ю. Шмидта, Д. Н. Прянишникова, Г. М. Кржижановского и др. Специальных публикаций практически нет, за исключением сборника «Переписка И. П. Павлова» (Л., 1970), подготовленного Архивом АН СССР, Комиссией по документальному наследию академика И. П. Павлова и Институтом экспериментальной медицины Академии медицинских наук СССР. В этом интересном издании представлен огромный фактический материал о творчестве великого физиолога, об организации и развитии физиологических исследований в СССР и во всем мире. Следует отметить и издание научной переписки А. Ф. Иоффе и П. Эренфеста за 1907—1933 гг., раскрывающей многие интереснейшие страницы истории отечественной и мировой физики первой трети XX в.⁸

Второй период в издании документов начался в конце 1960-х годов, и его с полным основанием можно связывать с тем вкладом историков, который был внесен ими в развитие исторической науки в связи с подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Это прежде всего сборники документов «Ленин и Академия наук» (М., 1969) под редакцией академика П. Н. Поспелова и «Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925 гг.)» (Л., 1968).

Сборник «Ленин и Академия наук» — не столько переиздание известных ленинских документов по истории становления советской науки, сколько удачная попытка собрать воедино и полно представить ленинское наследие и архивные документы, письма и воспоминания ученых и государственных деятелей о роли В. И. Ленина в изменении направления работ Академии наук — старейшей и авторитетнейшей организации русской науки, показать деятельность Академии по ленинским заданиям в области освоения природных ресурсов страны, ее роль в исследовании Курской магнитной аномалии, создании научных основ радиевой промышленности, вкладе в дело электрификации страны, в исследование богатств Карабугаза, Севера и других районов.

Говоря о теме «Ленин и наука», нельзя пройти мимо такого интереснейшего издания, как 80-й том «Литературного наследства» — «В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы» (М., 1971). В нем 265 писем, из которых около 200 опубликованы впервые, и среди них ряд ценнейших свидетельств о становлении советской науки, о заботе Советского государства об улучшении жизни ученых и т. д.

Историки науки с некоторой завистью держат в руках этот солидный том «Литературного наследства», сожалея, что нет подобного тома «Научного наследства» с документами, письмами и материалами одного из виднейших организаторов советской науки и выдающегося ученого академика А. В. Луначарского.

Вышедшие в свет Полное собрание сочинений В. И. Ленина, многотомные публикации «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1971 гг.)» (Изд. 8-е, тт. 1—10. М., 1970—1972) и «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1972 гг.)» (тт. 1—8. М., 1967—1972) полностью раскрыли принципы и практическую деятельность Коммунистической партии и Советского государства в области науки. Они конкретно показали, что с первых же дней существования Советской республики научно-технический прогресс впервые в мире стал рассматриваться в качестве одной из наиболее ответственных, общенародных задач социа-

⁸ «Эренфест. Иоффе. Научная переписка (1907—1933 гг.)». Л., 1973.

листического государства, в качестве составной части строительства социализма.

Издание сборников «Организация науки в первые годы Советской власти. 1917—1925» и «Организация советской науки в 1926—1932 гг.» (Л., 1974) положило начало всестороннему документальному освещению политики Коммунистической партии и Советского государства в области науки, созданию документальной базы для исследования многообразных проблем государственного руководства наукой и чрезвычайно расширило наши представления в этой области.

В сборниках документов по организации советской науки освещается партийно-государственное руководство и деятельность государственных органов по управлению наукой, представлены документы о перестройке деятельности Академии наук СССР и превращении ее в центр советской науки, раскрывается роль Социалистической академии общественных наук и Коммунистической академии в организации советской науки, показывается создание и развитие сети научно-исследовательских институтов Наркомпроса РСФСР и Научно-технического отдела, затем управления ВСНХ СССР, их роль в развитии научных исследований и в научном обслуживании промышленности, публикуются материалы о мероприятиях партии и правительства по обеспечению условий для научной работы и о развитии международных научных связей.

Эти публикации в условиях огромного, все возрастающего интереса к историческому опыту организации и развития советской науки приобрели особое значение, ибо широкое развертывание исторических исследований по изучению этого опыта сдерживалось почти полным отсутствием документальных изданий. Их несомненная научная и познавательная ценность состоит не только в самих изданных документах, но и в том обширном и квалифицированном комментарии, которым сопровождается практически каждый изданный документ, с точными ссылками на другие архивные материалы, помогающие исследователям полнее и глубже проследить изучаемые ими проблемы.

Определенный вклад в освещение проблем организации науки вносит серия документальных публикаций по истории культурной революции и культурного строительства в СССР⁹, где представлены материалы о развитии научных исследований в различных регионах страны.

Изданные сборники наглядно показывают, что в архивохранилищах нашей страны сосредоточено огромное количество ценнейших источников по истории организации советской науки. Не только возможна, но и необходима их дальнейшая широкая публикация. Ведь каждый из разделов, подразделов сборников и даже отдельные комплексы публикуемых в них документов — самостоятельная тема для новой публикации или исторического исследования. В сборниках не получили отражения или только затронуты такие важные вопросы, как практика государственного финансирования и планирования научно-исследовательских работ, деятельность научных обществ, развитие исследовательской работы в высшей школе, создание сети научных учреждений в сельском хозяйстве, формирование научных центров на местах и т. д.

Необходимо дальнейшее систематическое и централизованное издание документов о всемирно-историческом опыте истории организации и развития советской науки.

Однако работа Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР, подготовившего два сборника по организации советской науки, будет переключаться на другой, тоже очень интересный аспект истории русской науки — на историю академических экспедиций XVIII—XIX вв. Это, конечно, тоже нужно, но в настоящее время

⁹ Л. И. Шежанова. История культурного строительства в документах. — «Советские архивы», 1972, № 1.

нет другой организационно оформленной ячейки, которая бы в плановом порядке занималась изданием материалов по истории советской науки. Может получиться, что и этот, так плодотворно начавшийся период превратится в эпизод публикации документов по актуальнейшей проблематике исторической науки и складывающегося науковедения.

Исходя из изложенного, хотелось бы поставить также вопрос о необходимости возрождения издания томов «Научного наследства», которые систематически вводили бы в научный оборот, делали достоянием исследователей и всех интересующихся историей науки (а число их растет с огромной быстротой) богатства наших архивов по истории отечественной и мировой научной мысли, по истории организации и развития русской и советской науки.

Сделаны лишь первые шаги в подходе к материалам первого государственного органа по руководству наукой — Научного отдела Наркомпроса, созданного при активнейшем участии В. И. Ленина Научно-технического отдела ВСНХ, Постоянного бюро по изучению производительных сил Госплана, проведшего первый опыт планирования науки. Не начато изучение деятельности Главнауки, Комиссии содействия работам АН СССР и Отдела научных учреждений СНК СССР, Ученого комитета ЦИК СССР. Нет работ о Коммунистической академии, ВАСХНИЛ и т. п.

Совсем не разработана тема возникновения научных институтов и научных центров в нашей стране. Не изучены такие оригинальные явления в организации советской науки, как Секция научных работников — первый профсоюз ученых, Российская ассоциация физиков, многочисленные общества. Советские историки совершенно не разрабатывают такой важный вопрос, как рост научного сознания советского народа и всего нашего общества.

Чтобы поднять и разработать эти темы, необходима широкая публикация архивных документов. Систематическое издание «Научного наследства» создаст необходимую основу для написания подлинно научных исследований по истории отечественной науки, будет иметь огромное культурно-историческое значение.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ]

К. Ф. Шацилло

ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ КРУЖКА «БЕСЕДА» И «СОЮЗА ОСВОБОЖДЕНИЯ» В ФОНДЕ Д. И. ШАХОВСКОГО

В статье А. С. Красавина «Обзор документальных материалов кружка «Беседа» в фонде В. А. Маклакова»¹, опубликованной в «Археографическом ежегоднике за 1968 год», приводятся очень интересные данные о деятельности земских либералов в 1901—1905 гг. (персональный состав кружка «Беседа» и 15 протоколов заседаний). Автор статьи справедливо обратил внимание на то, что не все материалы кружка отложились в фонде Маклакова и что, ввиду неполноты материалов «Беседы», сейчас трудно выяснить, были ли на первом заседании сформулированы основные направления деятельности и задачи кружка².

В Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР хранится фонд Д. И. Шаховского (ф. 334) — активного участника «Беседы», а позже секретаря «Союза освобождения». В его фонде сохранились выписки из протоколов «Бесед», которыми он пользовался при подготовке статьи «Союз Освобождения»³. Д. И. Шаховской более или менее подробно обработал 30 протоколов «Беседы», составленных на 17 ее заседаниях в 1899—1904 гг.⁴ (некоторые собрания «Беседы» проходили дважды в день, а иные тянулись по 2 и даже 3 дня). Д. И. Шаховской поименно называет каждого из участников 15 заседаний⁵, иногда выписывает обширные цитаты из протоколов, иногда кратко излагает их. Особую ценность представляет то обстоятельство, что имевшиеся в распоряжении Д. И. Шаховского протоколы почти не повторяют тех, которые хранятся в фонде В. А. Маклакова. Из 17 обработанных Д. И. Шаховским заседаний только три — за 22—24 августа 1902 г., 24—25 августа 1903 г. и 11—12 января 1904 г. — совпадают, да и то частично, так как у В. А. Маклакова есть протоколы заседаний только за 25 августа 1903 г. и 12 января 1904 г.⁶

Выписки из протоколов, сделанные Д. И. Шаховским, так же как и некоторые другие материалы, хранящиеся в его фонде, позволяют значительно расширить наши представления о цели создания «Беседы», постепенной ее эволюции, назревавшей в ней кризисе и происшедшем фактическом расколе, когда часть ее членов решила организовать нелегальный «Союз земцев-конституционалистов», ибо уже не удовлетворялась теми задачами, которые первоначально были поставлены при создании «Беседы». Отсюда же можно почерпнуть сведения о связях «Беседы» с нелегальным

¹ «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 354—359. Обзор А. С. Красавина привлек внимание и зарубежных историков (см. *Terence Emmons. The Beseda Circle, 1899—1905.* — «Slavic Review», vol. 32, № 3, September 1973, p. 463).

² «Археографический ежегодник за 1968 год», стр. 355.

³ «Зарницы», вып. II. [СПб.], 1909. Некоторые сообщаемые факты включены автором в статью «Новое о «Союзе Освобождения»». — «История СССР», № 4, 1975.

⁴ ИРЛИ АН СССР, ф. 334, оп. 1, д. 651, лл. 44—61, 38 и др.

⁵ См. Приложение № 1 к наст. обзору.

⁶ А. С. Красавин. Указ. соч., стр. 356.

«Союзом освобождения» (что, кстати говор , и послужило одной из причин ее раскола) и некоторые весьма ценные сведения об этом «Союзе».

Первое заседание «Беседы» состоялось 17 ноября 1899 г. Инициатором его был Павел Дмитриевич Долгоруков, кроме него собралось всего пять «собеседников». Задача «Беседы» и способ действия ее были сформулированы весьма конкретно, хотя, как видно из выписки Д. И. Шаховского, уже на первом заседании обнаружилось разногласия среди шести первых членов. «Цель, — выписал из протокола не присутствовавший на заседании Д. И. Шаховской, — пробуждение общественной деятельности, общественного мнения, столь в России слабого и искусственно подавленного, чтобы оно было более авторитетным для Петербурга. Способ достижения этой цели должен заключаться в том, чтобы действовать через земские и дворянские собрания, а также путем печатного и живого слова, после того, как обменявшись мыслями, придут к определенным выводам. Петрово-Соловово указывает на практическую сторону. Петр Долгоруков — об идеале, как мыслить. Не может даже быть написано: «выборное представительство». Общий лозунг — сочувствие земству. Но Д. А. Олсуфьев даже это минимальное условие при подборе членов не считает обязательным. В общем выводе беседы сошлись на том, чтобы участниками съездов были: лица, сочувствующие широкому развитию местного самоуправления в смысле движения вперед на законном основании»⁷.

Мы привели столь обширную цитату из материалов Д. И. Шаховского, ибо она дает точное представление об исходной, весьма умеренной и сугубо легальной позиции, с которой началась деятельность «Беседы».

Однако уже на втором заседании 4 января 1900 г., наряду с вопросом о всеобщей мелкой земской единице (доклад на эту тему на следующей «Беседе» поручено было сделать Петру Д. Долгорукову), был предпринят и не совсем «этичный», с точки зрения Департамента полиции, шаг: П. С. Шереметев сообщил, что он за 100 руб. «достал» записку С. Ю. Витте о земстве⁸. Так, буквально с первых же шагов, легальная деятельность «Беседы» стала переплетаться с элементами нелегальной, причем «нелегальной» не брезговали и люди вроде П. С. Шереметева, который в будущем, после революции 1905—1907 гг., стал одним из активных деятелей крайне правого «Союза объединенного дворянства». Как здесь не вспомнить сказанные приблизительно в это же время (в 1901 г.) слова В. И. Ленина о «предводителе дворянства, которому осточертела поганая российская казенщина» (напомним, что среди собравшихся на первую «Беседу» шести человек было пять предводителей дворянства!)⁹ и который «ворчать будет, а станет помогать — той партии, которая сумеет двинуть против самодержавия грозную (не в ее только глазах, а в глазах всех и каждого) силу»¹⁰. По мере возникновения и усиления революционной ситуации и развития революционной борьбы российского пролетариата и крестьянства («Обуховская оборона», восстания крестьян в Харьковской и Полтавской губерниях в 1902 г., массовое забастовочное движение пролетариата юга России летом 1903 г., студенческие волнения и т. д. и т. п.), в «Беседе» стала наблюдаться все более и более резкая дифференциация.

Некоторое представление о постепенной эволюции «Беседы» дает письмо ее организатора Павла Д. Долгорукова к Трубецкому (по всей вероятности Петру Николаевичу — московскому губернскому предводителю

⁷ ИРЛИ АН СССР, ф. 334, оп. 1, д. 651, л. 49.

⁸ Позже она была издана под заглавием «Самодержавие и земство» марксистским научно-популярным журналом «Заря» с предисловием П. Б. Струве в социал-демократическом издательстве «Дитца» в Штутгарте, там же, где печаталась ленинская «Искра». Подробный разбор этой брошюры см.: В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. — Полн. собр. соч., т. 5, стр. 21—72.

⁹ Д. И. Шаховской. Союз Освобождения, стр. 103.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 347.

дворянства)¹¹. Хотя автор письма о многом умалчивает и явно стремится преуменьшить «накал оппозиционности» наиболее радикальных членов «Беседы», из письма видно, что, начав с развития местного самоуправления, часть из «собеседников» заговорила и о конституционной монархии. Убеждаясь в бесплодности своих бесед, некоторые члены кружка все чаще и чаще возвращались к мысли о необходимости радикализировать свои действия. «Такова логика жизни, — пророчески предсказывал неизбежность этого процесса В. И. Ленин в сентябре 1901 г. в газете «Искра», — добросовестные земцы, как они ни отрещиваются порой от радикализма и нелегальной работы, силою вещей наталкиваются на необходимость незаконных организаций и более решительного образа действий»¹².

Едва ли не решающую роль в этом процессе имела политика царского правительства, которое совершенно сознательно «изуродовало самоуправление городское и земское и с ослиной последовательностью замахнуло свой топор над последними остатками земских учреждений»¹³. В результате уже на седьмой «Беседе» 8 января 1902 г., когда число участников кружка возросло до 22 человек, впервые был поднят вопрос о необходимости заняться и «голой» политикой. «Разные мелочные, или чисто технические специальные вопросы земского движения, — заявил Петр Д. Долгооруков, — не должны быть предметом настоящих бесед. Такие вопросы должны подлежать обсуждению земских собраний и различных съездов. В программу же занятий «Бесед» следует вносить вопросы общего характера, так сказать вопросы политические». Он советовал подумать об издании специальной земской газеты или журнала внутри страны, так как издание органа за границей представляет весьма большие затруднения¹⁴.

Еще решительнее выступил В. М. Петрово-Соловово. Напомнив о прошедших в 1901 г. студенческих волнениях, он говорил, что возникшее в связи с этим «возбуждение» либерального общества не нашло выхода. «Если бы наша Беседа взялась за это дело, и результат быть может был бы иным. Весьма вероятно, что скоро обществу не придется молчать. Администрация решила принять самые суровые меры для подавления готовящихся беспорядков, может быть скоро прольется кровь. При таких исключительных условиях едва ли общество будет вправе сохранять молчание и тогда-то наша Беседа может явиться выразительницей мнения общества». Не исключал он и другой причины для создания специального органа; «... в дворянских или земских собраниях могут когда-нибудь возникнуть вопросы общегосударственного значения. Тогда нам надо будет сговориться, в каком направлении проводить эти вопросы»¹⁵.

Однако состав «Беседы» был слишком пестр и отнюдь не все ратовали за превращение этой чисто земской организации либеральных помещиков в нечто большее, в организацию, выражающую мнение всего (в том числе и не земского) либерального общества. М. А. Стахович настаивал на сохранении за «Беседой» «значения клуба в хорошем смысле этого слова», А. А. Стахович, и П. С. Шереметев высказались за создание «своего» (т. е. чисто земского) печатного органа. Их поддержал Д. Н. Шинов, решительно заявивший, что орган должен быть только земским.

Но умеренная часть «собеседников-славянофилов», считавшая необходимым сохранить самодержавие и призывавшая лишь к смягчению произвола бюрократии и «увенчанию здания» (т. е. созданию общегосударственного земского совещательного представительства при самодержавном царе), не знала, что радикальная часть «собеседников-конститу-

¹¹ См. Приложение № 2 к наст. обзору.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 94.

¹³ Там же.

¹⁴ ИРЛИ АН СССР, ф. 334, оп. 1, д. 651, л. 49.

¹⁵ Там же.

ционалистов», выступавших за ликвидацию самодержавия и введение в России конституционной монархии, уже не один месяц вела довольно активную деятельность по организации за границей нелегального либерального журнала.

Издательская деятельность «Беседы» сблизила земцев-конституционалистов с целым рядом представителей демократической интеллигенции (среди них был и будущий видный деятель большевистской партии Н. М. Покровский). Именно к их помощи и решили обратиться земцы-конституционалисты для издания за границей нелегального журнала. Для этой цели летом 1901 г. «собеседники» собрали около 100 тыс. руб., значительную часть из которых пожертвовал богатый либеральный помещик Д. Е. Жуковский. Редактировать новый журнал, получивший название «Освобождение», согласился П. Б. Струве, выговорив себе полную независимость в ведении журнала. Земцы-конституционалисты охотно пошли на это, ибо они сами были в высшей степени заинтересованы в том, чтобы их связь с будущим нелегальным органом была возможно тщательнее завуалирована.

Однако полностью упускать из рук нити управления журналом «собеседники», естественно, не захотели. Почти за два месяца до выхода первого номера «Освобождения», 27 и 28 мая 1902 г., состоялось девятое заседание «Беседы». Д. И. Шаховской сделал из ее протоколов довольно обширную выписку. Ввиду ее крайнего интереса и важности в дальнейшей судьбе всего кружка «Беседа» приведем эту выписку полностью:

«27 мая 1902. Долгоруков сообщает об «Освобождении» и прочитываются три руководящих статьи (г. е. все программные статьи, помещенные в первом номере «Освобождения». — *К. Ш.*). Говорится о той или иной форме поддержки издания.

Петрово-Соловово: Должна быть одна определенная идея. Такой идеей может быть только представительство и, следовательно, ограничение самодержавия. Теперь ясно, что при самодержавии никакая самостоятельность земства немислима, почему «Беседе» и предстоит категорически высказаться, солидарна ли она с конституционалистами или нет.

Шаховской: Надо, наконец, признать, что общественное правосознание уже переросло наши современные политические формы и, пока в этом отношении не произойдет соответствия, все остальные действия в общественном смысле будут только напрасной тратой денег и даже жизней.

Пав. Долгоруков: Несомненно желательно заняться политическими вопросами. Цель «Беседы» — бороться против произвола, вырабатывать формы его ограничения.

Шереметев: Борьбу с произволом бюрократии я считаю нравственным долгом всех тех людей, еще не совсем изверившихся в возможности развития России. Но формы деятельности Ш[ереметев] не признает правильными, именно речь — «нам нужно творческое созидательное течение, основанное на исключительных началах народных, на твердом знании прошлых судеб России и глубоко изучении настоящего». Сохранение самодержавия. Является вопрос, возможно ли рассчитывать на успех такого течения, на совместимость создания правового порядка при существовании самодержавия? Я не сомневаюсь, что это возможно».

Гейден: Он возражает против присоединения к конституционалистам, но признает выяснение этих вопросов необходимым. Замечательная критика самодержавия и Шереметева.

Петрово-Соловово: Надо предотвратить революцию. Мы слишком апатичны. Самодержавие неизбежно ведет к бюрократии. Поэтому непременно нужно примкнуть к конституционалистам¹⁶.

Перед нами ясно обнажились все разнородные течения в «Беседе» (конституционалисты, славянофилы и мечущийся между ними Гейден),

¹⁶ ИРЛИ АН СССР, ф. 334, оп. 1, д. 651, л. 49.

а также главная причина ускорения ее дифференциации — страх перед приближавшейся революцией и ее последствиями. В этом отношении очень характерна позиция Гейдена. Запись Д. И. Шаховского кончается его повторным выступлением: «Самодержавие так же несовместимо со свободой, как солнце с ночью. Гейден — уходя — самодержавие есть путь к революции. Для сохранения династии и монархии необходимо его ограничить».

Подведение итогов [?] отложено».

Как видим, размежевание среди «собеседников» зашло столь далеко, что до чего-либо договориться они так и не смогли.

Бурные споры шли и на дальнейших заседаниях «Беседы». На следующем собрании кружка, состоявшемся уже после выхода «Освобождения», 24 августа 1902 г., Н. Н. Львов, вторично собиравшийся ехать в Штутгарт для встречи с П. Б. Струве (первый раз он, С. А. Котляревский и Д. И. Шаховской ездили на встречу с редактором «Освобождения» в мае 1902 г., еще до выхода его первых номеров), «попросил высказать свой взгляд на его журнал»¹⁷. Материалы Д. И. Шаховского не содержат сведений о характере развернувшихся прений, но об остроте их дает представление заявление П. С. Шереметева 6 января 1903 г. Отметив, что «Беседа» скатывается на слишком активную роль, он объявил о возможности своего выхода из нее. Его возмутило, что «Петр Долгоруков хотел создать связь с органом Струве. Особенно же поразила меня, — продолжал будущий вождь «Союза объединенного дворянства», — последняя летняя беседа, когда ставилась на баллотировку политические убеждения. Я нахожу вообще, что «Беседа» сбивается со своего пути»¹⁸.

«Собеседники» оказались перед угрозой полного провала их планов. Создав «Беседу» для «пробуждения и объединения общественного мнения... чтобы оно было более авторитетным для Петербурга», они не смогли стать единомышленниками даже в своем узком кругу. Земцам-конституционалистам стало ясно: если они хотят выполнить свою задачу по пробуждению общественного мнения, то надо искать новых союзников и создавать новую организацию, чтобы, не взрывая «Беседу» изнутри, давить на нее извне и «толкать» все «общественное мнение» влево. Только так, по их мнению, можно было заставить царское правительство дать реформы, заставить встать его на эволюционный путь и тем избежать революции с ее пугающими их последствиями.

Новых союзников искать далеко не приходилось. Это была та демократическая интеллигенция, которая объединилась вокруг выходящего «Освобождения», а еще до этого активно участвовала в организации его издания. Новый нелегальный журнал нашел своего читателя и своих сторонников. Ими оказались те, кто, отрицая революционные методы борьбы, не мог в то же время мириться со «свинцовыми мерзостями» царской действительности. В этом отношении очень характерно мнение великого русского писателя Л. Н. Толстого, приведенное на «Беседе» 23 августа 1902 г. после выхода первого номера «Освобождения»: «Толстому Л. Н. «Осв[обождение]» очень понравилось по верности тона, по удачному заглавию, «ибо, — сказал Л. Н. Толстой, — Россия действительно теперь нуждается в освобождении»»¹⁹.

Стремление к созданию организации более радикальной, чем политически разноликая «Беседа», и желание более тесно объединить вокруг журнала «Освобождение» его сторонников привело к известным в литературе совещаниям земцев-конституционалистов и представителей демократической интеллигенции сначала за границей в Швейцарии (20—23

¹⁷ Там же, л. 51 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, л. 59 об.

июля 1903 г.)²⁰, а затем в Харькове²¹ в сентябре того же года во время выставки животноводства. Именно здесь, на нелегальном собрании в Харькове, решено было назначить учредительный съезд «Союза» (позже, уже во время самого учредительного съезда, названного «Союзом Освобождения») на январь 1904 г., выработать и разослать приглашенным на этот съезд проект программы и устава, которые тоже хранятся в фонде Д. И. Шаховского²². Здесь же имеются списки составов центрального комитета «Союза Освобождения», называвшегося Советом «Союза Освобождения», избравшегося на I и II съездах в январе и октябре 1904 г., а также списки делегатов всех четырех «освобожденческих» съездов²³.

Собравшиеся в Харькове, среди которых преобладали земцы, решили усилить работу среди конституционалистов в своей среде, чтобы «продвинуть вперед и вербовку земских сил в учреждаемый союз»²⁴. Причем специально было решено «подойти к земским деятелям, от которых можно было ожидать конституционных убеждений, не с прямым предложением войти в конспиративную организацию, где бы их ожидала встреча с неизвестными элементами, а с приглашением на съезд земского характера, но с весьма ярко выраженной на нем политической целью, и путем такого съезда, помимо его непосредственной цели, еще подготовить вступление в союз тех элементов, которые окажутся для этого годными и на это готовы»²⁵.

Так возникла идея параллельно с «Союзом Освобождения» организовать и «Союз земцев-конституционалистов», причем порядок возникновения их был обратный тому, который определили некоторые историки²⁶, основываясь на том факте, что хронологически «Союз земцев-конституционалистов» возник раньше «Союза Освобождения» (соответственно начало ноября 1903 г. и начало января 1904 г.).

Как видим, материалы, хранящиеся в фонде Д. И. Шаховского, служат весьма существенным дополнением к характеристике деятельности кружка «Беседа», сыгравшего заметную роль в истории организационного оформления российского либерализма. Ниже даны даты заседаний «Беседы» и краткое содержание их, сделанное автором настоящего обзора на основании выписок Д. И. Шаховского, с приложением списка участников заседаний²⁷.

1. «17 ноября 1899». Выработка цели и способов действия «Беседы» (л. 48).

2. «4 января 1900». Сообщение Шереметева о записке Витте. Предложение Петру Долгорукову сделать доклад о всесословной мелкой земской единице (л. 49).

3. «16 апреля 1900. У[тро] и веч[ер]. Разговор Шер[еметева] с Чичерин[ым]». Доклад Петра Долгорукова и его обсуждение. «Составлены программные вопросы и много говорили о дальнейших занятиях — м[ежду] пр[очим] об истории самоуправления» (л. 49).

²⁰ И. И. Петрункевич. Из записок общественного деятеля. Берлин, 1934, стр. 338.

²¹ И. П. Белокопский. Земское движение до образования партии народной свободы. — «Былое», № 9/21, сентябрь 1907 г. СПб., стр. 257.

²² См. Приложение № 3 к наст. обзору; Terence Emmos. The Statutes of the Union of Liberation. — «The Russian Review», Jan. 1974, vol. 33, № 1, p. 80—85.

²³ ИРЛИ СССР, ф. 334, оп. 1, д. 651, лл. 39—41, 63.

²⁴ Д. И. Шаховской. Указ. соч., стр. 107.

²⁵ Там же, стр. 108.

²⁶ А. Г. Слоимский. Контрреволюционная роль либеральной буржуазии накануне и во время первой русской революции. — «Ученые записки Таджикского государственного университета», т. IX, 1955, стр. 121—163. обстоятельный разбор ошибок А. Г. Слоимского см.: А. С. Красавин. Кружок «Беседа». Обзор и характеристика источников (Дипломная работа. МГИАИ, 1969, стр. 16—21).

²⁷ Заседания и их нумерация даются в хронологической последовательности, как у Д. И. Шаховского (ИРЛИ АН СССР, ф. 334, оп. 1, д. 651, л. 39). Текст Шаховского взят в кавычки.

4. «17 ноября 1900. У[тро] и веч[ер]. Обсуждение проекта попечительства с Шиповым». В материалах Шаховского всего одна фраза: «Проект наказа учил[ищным] советам» (л. 49).

5. «7 февр[аля] у[тро] и в[ечер] 1901.

8 февр[аля] у[тро]. Разговор Шер[еметева] с Боголеповым. Передача слов Сипягина». В материалах Шаховского всего несколько слов: «Ст[атья]» кн. Львова». Тактика борьбы по вопросу о наказе.

6. «1 сент[ября] и 2 сент[ября] у[тро]». Шипов делает сообщение о комиссии по введению государственного контроля в земских учреждениях. Вырабатывается план сборника о мелкой земской единице (л. 49).

7. «8 янв[аря] 1902 у[тро] и в[ечер]». Предложение Петра Долгорукова перейти в беседах к рассмотрению политических вопросов. Дискуссия по этому поводу. Сообщение о ходе работы над сборником о мелкой земской единице. Обсужден вопрос об издании специального периодического органа (л. 49 об.).

8. «Не записано. В Пет[ербурге] у Шер[еметева] во время куст[арного] съезда — март 1902». В материалах Шаховского об этом заседании никаких сведений нет.

9. «27 мая 1902 у[тро] и в[ечер] 28 мая утро». Оглашение Долгоруковым трех программных статей первого номера «Освобождения» и дискуссия по ним (л. 51).

10. «22 авг[уста] 1902». В материалах Шаховского есть выписки из заседаний за три дня — 22, 23 и 24 августа (л. 51 об. и л. 59 об.). Обсуждалась записка Н. Н. Львова²⁸ и записка П. С. Шереметева «О современном положении России».

11. «6, 7 и 8 янв[аря] 1903». Обсуждение тактики деятельности «Беседы» и различных точек зрения на ее задачи. О протоколах за 7 и 8 января Д. И. Шаховским написано: «Изложение особ[енно] последнего протокола в высшей степени отрывочно» (л. 51 об.).

12. «6 февр[аля] 1903». Приглашение в «Беседу» новых членов. Сообщение об издательской деятельности кружка. Определение «демаркационной линии между правительством и земством. Это как бы основной вопрос». Поднимается вопрос о Земском соборе, об организации специального земского совещания в Петербурге (л. 51 об.— л. 53).

13. «26 мая у[тро] и веч[ер] 1903». Обсуждение вопроса о направлении издательской деятельности «Беседы» и ее дальнейших задачах. Решено, не реорганизуя ее в политическую партию, активизировать работу в земской среде и продолжать «партизанские наскоки на правительство» (лл. 53—55).

14. «24 авг[уста] и 25 авг[уста] у[тро] и веч[ер] 1903». «Школьный вопрос. Доклад Ершова. Организационный вопрос: А. Стахович» (л. 55). Шла дискуссия вокруг предстоящей в сентябре встречи в Харькове. Большинство выступавших признает сохранение «Беседы» полезным, но считает необходимым создать и чисто конституционную земскую политическую партию. Итоги дискуссии Н. Львов формулирует так: «Надо идти дальше Беседы с недоговоренностью: вне такой Беседы необходима организация без малейшей недоговоренности с раскрытием основ даже самой конституции, желательной для России (вопрос первостепенной важности, но громадной трудности, над которым придется немало поработать)» (л. 55 об.).

15. «10—[11?] ноября 1903». Обсуждаются итоги съездов председателей земских управ, губернских предводителей дворянства и Харьковского съезда. Острая дискуссия о дальнейшей тактике «Беседы» и всего земского движения (лл. 57—59).

16. «11 и 12 янв[аря] 1904 г.» В материалах Шаховского об этих заседаниях есть всего несколько строк: «11 янв[аря] 1904. Сообщение Долго-

²⁸ «Археографический ежегодник за 1968 год», стр. 356.

рукого Петра о двух Пет[ербургских] съездах. Правительство растеряно. Но Плева имеет решительный перевес над Витте». 12 января обсуждались издательские дела «Беседы» (л. 59).

17. «15 фев[аля] 1904. Продолжение — после войны». У Шаховского об этой последней в его выписках «Беседе» запись очень коротка: «Отношение к войне. Шаховской сообщает о своей беседе с Плева. Решено: не образовывая отдельной организации в Петербурге, предоставить тем, настоящим и будущим членам «Беседы», которые проживают или часто бывают в Петербурге, устраивать там особые собрания» (л. 59).

Приложения

№ 1. Список участников кружка «Беседа» *

Бобринский Владимир Алексеевич, граф—Богородицк Тульской губ. (4, 15, 16)
Волконский Николай Сергеевич, князь — ст. Зимарово Рязано-Уральской ж. д. (16)

Всеволожский Михаил Владимирович — Тверь (5, 16)

Гейден Петр Александрович, граф — ст. Званы Псковской губ. (6 на второй день, 7, 9, 11, 13, 16)

Голицын Михаил Владимирович, князь — Клетокта Тульской губ. (3, 4, 6, 9, 11, 12, 16)

Головин Федор Александрович — Москва (5—7, 10—12, 14, 15)

Демидов Игорь Платонович — Москва (13—16)

Демидов Лев Платонович — ст. Кустаревка; Московско-Казанской ж. д. (16)

Долгоруков Павел Дмитриевич, князь — Москва (1—7, 9—12, 14, 16)

Долгоруков Петр Дмитриевич, князь — Суджа Курской губ. (1—4, 6, 7, 9—16)

Ершов Михаил Дмитриевич — ст. Волово Сызрань-Рязанской ж. д. (13—16)

Ковалевский Николай Николаевич — Лебедин (15, 16)

Кокочкин Федор Федорович — Москва (12, 14, 15)

Котляревский Сергей Андреевич — Москва (12, 15)

Львов Георгий Евгеньевич, князь — Тула (5, 11, 12, 16)

Львов Николай Николаевич — Саратов (5 на второй день, 7, 10—12, 14, 15)

Мазарович Николай Иванович — г. Красный Смоленской губ. (15, 16)

Маслов Сергей Николаевич — Орел (5, 7, 9)

Новосельцев Юрий Александрович — Москва (1—3, 5, 7, 10, 11, 15, 16)

Олсуфьев Дмитрий Адамович, граф — Саратов (1—3, 5, 7)

Олсуфьев Михаил Адамович, граф — Дмитров Московской губ. (2, 3, 6, 11, 16)

Орлов Михаил Николаевич — Балашов Саратовской губ. (2—4, 5, 15)

Петрово-Соловово Василий Михайлович — Тамбов (1—3, 5, 7, 9, 10, 13—15)

Писарев Рафаил Алексеевич — Москва (3—5, 7, 9—13, 15, 16)

Поленов Александр Дмитриевич (10, 11, 13)

Русинов Александр Федорович — г. Лохвица Полтавской губ. (15)

Скобельцын Петр Александрович — Москва (5, 9—11)

Стахович Александр Александрович — Елец Орловской губ. (5, 6, 9, 11, 13—16 только 12 числа)

Стахович Михаил Александрович — Орел (5, 7, 9—12, 15)

Татаринов Федор Васильевич — Орел (9, 13)

* Список составлен на основании материалов Д. И. Шаховского (л. 47), где дан перечень фамилий участников заседаний, кроме двух — 8-го (в марте 1902 г.) и последнего, из которого он сделал выписки, — 17-го (за 15 февраля 1904 г.). Д. И. Шаховской давал лишь первую букву имени (и то для однофамильцев) и подчеркивал членов «Беседы», явившихся на ее заседание впервые. Адреса членов «Беседы», их имена и отчества взяты нами из работы А. С. Красавина («Археографический ежегодник за 1968 год», стр. 358—359). В скобках после адреса дан номер беседы, в которой принимал участие данный человек.

Толстой Павел Михайлович, граф — Петербург (13)
Толстой Сергей Львович, граф — Чернь Тульской губ. (9, 11—16)
Трубецкой Сергей Николаевич, князь — Москва (4)
Челноков Михаил Васильевич — Москва (16)
Шаховской Дмитрий Иванович, князь — Ярославль (9—13, 15, 16 только 12 числа)
Шереметев Павел Сергеевич, граф — Москва (1—4, 6, 7, 9—11, 15)
Шипов Дмитрий Николаевич — Москва (6, 10, 11, 16 только 12 числа)
Шипков Николай Александрович — Симбирск (11—13, 15, 16)
Хомяков Николай Алексеевич — Москва (5).

№ 2. Письмо Павла Долгорукова Трубецкому от 25 января 1903 г.

«Любезный друг.

Ты мне как-то мельком сообщил, что Плеве знает, что у меня в Москве собирается известный кружок лиц. Из твоих слов я понял, что Плеве придает этим собраниям какой-то конституционный характер и косо на них смотрит, считая их нелегальными (!). Очевидно или Плеве неверно осведомлен о характере наших собраний, или то, что я и мои друзья считаем вполне легальным и корректным, Плеве считает незаконным. Пусть Пл[еве] смотрит на нас, как ему хочется и поступает с нами соответственно своему толкованию закона, но я хочу воспользоваться кратковременным пребыванием в деревне, чтобы объяснить тебе характер и цель наших собраний. Мы собираемся уже три года совершенно *частным* образом раза два-три в год; мы все земские деятели, преимущественно предводители дворянства, но есть в нашей среде и председатели управ и просто гласные. Это тесный кружок личных друзей и знакомых. Единственная задача наша — обмен мнений относительно способов пробуждения в самих себе и в окружающих общественной деятельности и развитии самодеятельности на местах. Т. к. мы все земские деятели, то на первом плане у нас стоит земское самоуправление. Так как, — ты, я уверен, и сам в этом не сомневаешься, — никакой политической агитационной деятельности у нас нет, то я совершенно недоумеваю, к чему можно было бы на *законном* основании к нам придраться, хотя бы наши взгляды на земство и общественность и расходились со взглядами Плеве и других лиц, власть имеющих. А поэтому, если бы паче чаяния Пл[еве] начал открыто вторгаться в совершенно частные беседы, то это было бы уже *произволом* власти и действительно, он имеет право судить о нас исключительно по нашим действиям уже вне этих стен моей квартиры, являющимся результатом наших собраний. Такими действиями нашего кружка является преимущественно его издательская деятельность, которая подлежит широкому контролю как общества, так и правительства. Когда грозила опасность общественной самодеятельности от издания наказа училищным советам, мы издали справочную книгу о положении 1874 года о начальных училищах в связи с статьями проектируемого наказа. Пожалуй и это можно назвать *противоборством правительству!* Для развития той же общественной самодеятельности нами издан сборник статей о мелкой земской единице. Теперь приступлено к изданию словаря (вроде энциклопедического) земского самоуправления, а также проектируются обзоры деятельности сельскохозяйственных комитетов и органов призрения (с целью развития общественной самодеятельности в этом направлении). Вот результаты, к которым привели собрания тесного кружка лиц у меня на квартире, вот те *действия*, которые подлежат критике Плеве, все же остальное — повторяю, будет произвольным толкованием, основанным на сплетнях или доносах, и всякое соответствующее действие было бы произволом и вторжением в частную жизнь.

Я не отрицаю, что в наших интимных разговорах и впредь могут затрагиваться более общие политические вопросы до самодержавия с конституцией включительно. Но даже если бы речь зашла о республиканском образе правления, раз что это совершенно частный разговор, не приводящий к каким-либо решениям или действиям, то разве возможно, не вдаваясь в область произвола, что-либо заключить относительно нелегальности разговаривающих лиц. Я убежден, что тогда не только тебя, но и Плеве, а также и всех без исключения министров можно обличить в неподобающих разговорах, так как произвол не имеет границ, а кому же не случилось в тесном кругу знакомых говорить и об общеполитических вопросах? Если бы, паче чаяния, пришлось прекратить наши невинные частные собрания у меня на квартире, то стали бы собираться у другого, у третьего. Нельзя же серьезно думать, что можно полицейскими мерами воспрепятствовать всякому общению между собою знакомых.

Если только я верно понял из твоих слов, что Плеве действительно придает какой-то агитационный и подпольный характер нашим собраниям, то надо надеяться, что это произошло не вследствие узко жандармских взглядов и склонности к произволу, а вследствие неверного освещения и неточных сведений, доходящих до него, чему уже было столько других примеров».

ИРЛИ, ф. 334, оп. 1, д. 651, лл. 44—45

№ 3. Программа и устав «Союза Освобождения» *

Политическое освобождение народа, по нашему глубокому убеждению, является самую насущною и самую неотложною задачею русской государственной жизни. Составляя существенную часть того людского блага, к которому человечество стремится в своей социальной жизни, политические свободы для нашей страны в настоящий исторический момент являются вместе с тем необходимым условием его дальнейшего культурного роста и экономического развития. В рамках нынешнего государственного строя самые насущные нужды народа остаются неудовлетворенными, самые неотложные задачи государственной жизни оказываются неразрешенными. Только в условиях широкой, ничем не стесняемой личной и общественной самодеятельности русский народ, по нашему убеждению, может найти необходимые силы и средства, чтобы поднять до надлежащей высоты свой культурный уровень и упрочить свое донельзя расстроенное хозяйство. Только участие народных представителей в государственном управлении может предотвратить окончательное разорение страны и обеспечить внимательное отношение государственной власти к потребностям населения. Поэтому политическое освобождение России мы ставим главною своею целью.

При определении конкретных форм, в которых свободные политические учреждения могут быть осуществлены в России, мы будем, конечно,

* Название документа дано мною. В архивном деле (ИРЛИ АН СССР, ф. 334, оп. 1, д. 918, л. 1—1 об.) документ ошибочно назван «Листовкой Союза Освобождения». Анализ текста и внешний вид документа (мимеограф) убеждают в том, что это тот самый проект программы и устава, которые были выработаны после встречи в Харькове 15 сентября и разосланы для ознакомления во все приглашенные на учредительный съезд «освобожденческие» кружки (*Д. И. Шаховской. Союз Освобождения. — «Зарницы», стр. 107—110*). Как свидетельствует Шаховской, после некоторых изменений и дополнений (о них см.: *Д. И. Шаховской. Указ. соч., стр. 111—113*) устав и программа были приняты Учредительным съездом «Союза Освобождения» 3—5 января 1904 г., затем продолжалась переработка программы. Ее второй (и окончательный) вариант был заслушан на втором съезде «Союза Освобождения» 20—22 октября 1904 г. в Петербурге, передан на обсуждение в местные группы «Союза» и принят на третьем съезде 25—27 марта 1905 г. в Москве (*Д. И. Шаховской. Указ. соч., стр. 151*). Эта окончательная программа была опубликована в журнале «Освобождение» (№ 69—70, 20/7 мая 1905 г., стр. 305—306) и в «Сборнике программ политических партий в России» (вып. II. СПб., 1906).

считаться с историческими условиями данного момента и с тем соотношением сил, какое окажется в стране в решительную минуту. С своей стороны мы употребим все усилия, чтобы при этом были обеспечены самые широкие и непременно равные для всех граждан права, а также самое широкое и притом непременно одинаковое для всего народа участие в государственном управлении. Считая понимаемую в этом смысле политическую свободу, даже в самых минимальных ее пределах, совершенно несовместимую с абсолютным характером русской монархии, мы будем добиваться прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима. Имея в виду, что политическая задача, которую мы ставим перед собою, неразрывно связана с целым рядом экономических и культурных проблем, мы считаем невозможным затягивать безразличное отношение к последнему. Мы хорошо понимаем, что на почве экономических и культурных нужд населения нам придется вести борьбу с теперешним режимом и что многие из относящихся сюда вопросов государственной жизни придется решить одновременно и в непосредственной связи с политической реформой. Изложенная выше формулировка политических задач нашего Союза достаточно определенно намечает его демократический характер. Такой же характер он будет иметь и в других отношениях. Во всех экономических и культурных вопросах, с которыми нам придется встречаться, мы будем руководиться интересами трудящихся масс.

Организация Союза

1. Управление Союзом принадлежит съезду представителей, входящих в состав его: 1) Губернских территориальных организаций, 2) Общерусских профессиональных организаций и 3) Приглашенных Советом, в исключительных случаях, отдельных лиц, состоящих членами Союза.

2. Количество представителей на первом съезде будет определено Советом, с тем чтобы представительство было по возможности равномерным.

3. Съезд собирается не менее 1 раза в год в сроки, определенные предыдущими съездами. В промежутках между обыкновенными сессиями съезда, по решению Совета, могут быть чрезвычайные сессии съезда.

4. Съезду принадлежит право принимать обязательные для всего Союза постановления, если в нем принимают участие представители не менее половины групп, имеющих право представительства на съезде.

5. На очередных сессиях съезда избирается на год Совет союза из 10 лиц, имена членов его не оглашаются. Избранному съездом Совету предоставляется право пополнять свой состав путем кооптации, причем приглашение каждого нового члена Совета производится лишь по единогласному решению всех состоящих членами Совета лиц, имеющих возможность подать голос.

6. Совет представляет съезду Союза отчет о деятельности Союза за истекший год и о состоянии его денежных средств. Общее распоряжение денежными средствами Союза принадлежит съезду.

7. На обязанности Совета лежит: а) исполнение постановлений съезда; б) принятие постановлений по вопросам, не терпящим отлагательства; в) прием в Союз новых групп и отдельных членов; г) обращение к обществу от имени Союза; д) сношение с другими политическими организациями.

8. Право исключения групп и отдельных членов Союза, не входящих в местные группы, принадлежит съезду.

Местные группы

9. Союз представляет собой добровольную федерацию самоуправляющихся организаций и групп местного, профессионального и смешанного характера, принимающих программу Союза и принятых в его состав.

10. Группам предоставляется полная самостоятельность действий в пределах программы, поскольку они не противоречат уже принятым постановлениям съезда.

11. Группы имеют право обращаться по местным делам к местному обществу от своего имени, как местные группы Союза. (Действие этого параграфа временно приостановлено.)

12. Прием и увольнение членов предоставляется усмотрению местных групп.

13. Группы одной губернии, чтобы иметь право представительства на съезде, обязаны соединиться в общий губернский союз.

14. Местные группы и губернские союзы имеют право образовывать районные организации.

15. Местные группы и районные организации имеют право созывать областные съезды, о созыве которых обязательно уведомлять Совет.

16. Местным группам рекомендуется образовывать около себя вспомогательные группы, не состоящие членами Союза, но оказывающие ему различные услуги.

Денежные средства Союза

17. Размер членских взносов устанавливается в каждой группе по ее усмотрению.

18. Со всех поступлений в местные группы, кроме пожертвований, имеющих специальное назначение, они обязаны отчислять четвертую часть в центральную кассу.

Отношение к органу «Освобождение»

19. Как Союз, так и местные группы публикуют в «Освобождении» все заявления, сообщения и постановления, которые они находят нужным предать огласке. Все обращения к Обществу, как Совета, так и местных групп, обязательно доставляются в редакцию «Освобождения».

20. Союз всеми имеющимися в его распоряжении силами будет поддерживать и распространять «Освобождение».

ИРЛИ, ф. 334, оп. 1, д. 918, л. 1—1 об.

Р. Ф. Хохлов

ФОНД П. А. КРОПОТКИНА В СОБРАНИИ ДМИТРОВСКОГО МУЗЕЯ

Личный фонд известного ученого и революционера Петра Алексеевича Кропоткина (1842—1921)¹, хранящийся в Дмитровском музее (ф. 91, 562 ед. хр.), представляет собой важную составную часть его документального наследия.

Вернувшись после Февральской революции из эмиграции (1876—1917) в Россию, Кропоткин некоторое время жил в Петрограде, затем в Москве, а с весны 1918 г. поселился в Дмитрове, где и прошли последние годы его жизни. Здесь он продолжал научную и литературно-публицистическую деятельность, вел переписку и поддерживал тесную связь с сотрудниками Музея Дмитровского края и кооператорами, объединявшимися вокруг Дмитровского союза кооперативов. Большой резонанс в культурной и общественной жизни Дмитрова вызвали его выступления на съездах учителей уезда (в 1918 и 1920 гг.) и собраниях уполномоченных Союза кооперативов.

Архив Кропоткина сложился в основном в период его пребывания в эмиграции. Возвращаясь в Россию, он привез только часть документов и книг, а остальная часть была вывезена из Англии уже в 1925 г. его вдовой — С. Г. Кропоткиной. Большая часть этих материалов была передана ею в Музей П. А. Кропоткина в Москве, откуда после закрытия музея (в 1940 г.) поступила в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). В настоящее время документальные материалы Кропоткина распределены между тремя хранилищами: ЦГАОР СССР (ф. 1129), ГБЛ (ф. 410)² и Дмитровским краеведческим музеем. Небольшие комплексы материалов имеются также в Архиве Географического общества СССР, ЦГАЛИ и других хранилищах, а также у частных лиц.

Рассматриваемый фонд состоит, с одной стороны, из материалов, отложившихся в научном архиве Дмитровского музея в 1918—1921 гг., с другой — из материалов, переданных сюда после смерти С. Г. Кропоткиной в 1941 г. В 1959 г. значительная часть архива Кропоткина была передана из Дмитровского краеведческого музея в Отдел рукописей ГБЛ. В 1967 г. составителем данного обзора в музее был обнаружен ящик с документами кропоткинского архива, которые были присоединены к оставшимся после передачи в ОР ГБЛ материалам. Таким образом, в музее сформировался значительный документальный комплекс. Его обработка

¹ Биографические труды о П. А. Кропоткине довольно многочисленны. На русском языке наиболее полные: *Н. К. Лебедев*. Кропоткин. Биографический очерк. М., 1925; *Н. М. Пирумова*. П. А. Кропоткин. М., 1972. Библиографию трудов П. А. Кропоткина см. в кн.: «Петр Кропоткин». Сб. статей. Пг.—М., 1922; *Е. В. Старостин*. Источники о жизни и деятельности П. А. Кропоткина. (Из истории русской общественной мысли конца XIX — начала XX в.). Автореферат канд. дисс. М., 1972.

² Обзор данного фонда см.: *Л. В. Галочко, Е. В. Старостин*. Архив П. А. и А. А. Кропоткиных. — «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 34. М., 1973, стр. 5—70.

проводилась в 1968—1969 гг. и продолжается в настоящее время, поэтому в обзоре не указываются полные поисковые данные документов. Хронологические рамки фонда, включая материалы С. Г. Кропоткиной, — с 1854 по 1940 г. Материалы фонда частично использованы К. А. Соловьевым и Е. В. Старостиным³.

Структуру фонда можно представить в следующем виде: 1) творческие рукописи П. А. Кропоткина и материалы к ним; 2) рукописи и черновые материалы С. Г. Кропоткиной; 3) переписка: а) письма П. А. Кропоткина; б) письма к П. А. Кропоткину; в) письма к С. Г. Кропоткиной⁴; 4) материалы разных лиц; 5) книги, периодика и другие печатные материалы; 6) изобразительные (в том числе иконографические) материалы.

Представленные в фонде творческие материалы Кропоткина (32 ед. хр.) — рукописи, выписки и т. п. на трех языках (русском, французском и английском) характеризуют широту и разнообразие его литературных, научных и общественно-политических интересов. Большинство рукописей его опубликованных работ хранятся в фонде в фрагментах, и рассмотрение их гораздо более эффективно с привлечением материалов других фондов (в ЦГАОР и ГБЛ), что не является задачей данного обзора. Однако имеются и неопубликованные материалы, особенно последних лет жизни и деятельности Кропоткина. Из ранних неопубликованных материалов в фонде хранится небольшая тетрадь, озаглавленная самим автором «Собрание сочинений в стихах П. А. Кропоткина за 1854—1855—1856 годы» (1856 г., автограф, 6 л.). Среди других материалов: неопубликованные заметки о народничестве (1918 г., машинопись, 7 л.); текст выступления Кропоткина на съезде учителей в Дмитрове 30 августа 1918 г. (автограф, 5 л.), в том же году вышедшего отдельным изданием⁵; доклад «Образовательное значение местных музеев» (1920 г., машинопись, 8 л.)⁶, главы для русского издания 1920 г. мемуаров Кропоткина с дополнениями, написанными им в том же 1920 г., — о И. С. Тургеневе (машинопись, 1 л.), Н. Н. Ге (машинопись, 1 л.), русской опере (машинопись, 5 л.) и другие, частично использованные (по фонду ОР ГБЛ) при подготовке последнего их советского издания⁷; материалы к последнему большому труду Кропоткина «Этика»⁸ (1919, машинопись, 16 л.), к докладу «Ледниковый и озерный периоды» в Комиссии по изучению болот при Музее Дмитровского края (1919, машинопись, 9 л.) и др.

Наиболее значительной частью фонда, как по числу единиц хранения (более 200), так и по охвату вопросов, выходящих далеко за пределы изучения собственно жизненного и творческого пути фондообразователя, является переписка. Письма Кропоткина охватывают период с 70-х годов XIX в. по 1920 г.

Полнее всего представлены его письма к жене (1879—1920 гг.). Интересны письма из Дмитрова, содержащие сведения о его не прекращавшейся даже в последние месяцы жизни общественной и научной деятельности. Так, в письме от 17 сентября 1920 г. Кропоткин сообщает о своем выступлении на собрании уполномоченных Дмитровского союза кооперативов: «Сегодня утром говорил на Союзе. Говорил минут 20. Сошло ладно. — Публике понравилось». В другом, датированном 24 октября,

³ К. Соловьев. П. А. Кропоткин и краеведный музей. (К 90-летию со дня рождения). — «Советское краеведение», № 11—12, 1932, стр. 55—64; Е. В. Старостин. О встречах В. И. Ленина и П. А. Кропоткина. (К вопросу датировки). — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 225—229; он же. Источники о жизни и деятельности П. А. Кропоткина. (Из истории русской общественной мысли конца XIX — начала XX в.). Пользуясь случаем выразить признательность Е. В. Старостину за ряд ценных сведений, сообщенных автору данного обзора.

⁴ Материалы С. Г. Кропоткиной нами не рассматриваются.

⁵ П. А. Кропоткин. Приветствие съезду учащихся. Дмитров, 1918.

⁶ Опубликовано К. А. Соловьевым (Указ. соч., стр. 60—64).

⁷ П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1966.

⁸ Первый том его был опубликован посмертно: П. А. Кропоткин. Этика, т. I. Происхождение и развитие нравственности. М., 1922. Рукопись второго тома была утеряна и судьба ее в настоящее время неизвестна.

содержатся такие строки: «Вчера особенно интенсивно работал. Напал на интересное обобщение и ночью записал».

Среди других адресатов Кропоткина — его родные и близкие, ученые, издатели, общественные деятели разных стран. В письме ботанику В. В. Половцову от 30 марта 1890 г. Кропоткин сообщает о работе над серией статей, собранных затем в книге, выдержавшей ряд изданий на разных языках⁹: «Я теперь погрузился в статьи о взаимной помощи в борьбе за существование — развитие мысли, некогда высказанной Кесслером. Богатая тема, как видите».

Здесь же хранятся представляющие преимущественно биографический интерес письма Г. Брандесу (G. Brandes), Э. Гарнетту (E. Garnett), Ж. Граву (J. Grave), Ф. Мошелесу (F. Moscheles), М. В. Сабашникову, С. М. Степняку-Кравчинскому и Ф. М. Степняк, Ш. Рош (Ch. Roche), Э. Реклю (E. Reclus), Б. Шоу (B. Shaw) и другим лицам.

В отличие от писем самого Кропоткина, чаще всего сохранившихся в виде черновиков и копий, письма различных корреспондентов к нему представлены намного полнее. Даже простое перечисление иностранных корреспондентов Кропоткина говорит о широте его связей и международном авторитете. Среди них — общественные деятели, ученые и литераторы: Г. Альберти (G. Alberti), Дж. Андерсон (J. Anderson), Л. Бертони (L. Bertoni), Ж. Герен (J. Guérin), Ж. Грав (J. Grave), В. Джефферсон-Дэвис (V. Jefferson-Davis), Дж. Кейр Харди (J. Keir Hardie), Р. Кенней (R. Kenney), Кобден-Сандерсон (Cobden-Sanderson), Х. Корнелиссен (Ch. Cornelissen), Ф. Леру (F. Leray), Дж. Люлли (J. Lully), А. Линдхаген (A. Lindhagen), Ч. Ломброзо (C. Lombroso), Том Манн (Tom Mann), В. Менсфорд (W. Mansford), А. Оулу (A. Oulu), С. Рассел-Зеефридж (S. Russel-Seeffridge), Поль (Paul) и Элизе (Elisèe) Реклю (Reclus), Р. Рокер (R. Rucker), Ж. Рот (J. Roth), Ш. Рош (Ch. Roche), Л. Харт (L. Hart), Б. Шоу (B. Shaw) и др. Значительнейшая часть корреспонденции посвящена вопросам перевода и издания трудов Кропоткина: письма Г. Аллена (G. Allen), А. Бутта (A. Butti), Г. фон Гижицкого (G. von Giżycki), Е. Дидерикса (E. Diederichs), Я. Дюкмалайнена (J. Ducmalainen), Г. Ландауера (G. Landauer), Б. Лельярика (B. Lehlyarik), А. Майнарда (A. Maynard), Л. Молилари (L. Molinari), К. Оссиан-Нильсона (Ossian-Nilsson), А. Файфильда (A. Fifield), В. Хейнемана (W. Heineman) и др.

Письма русских корреспондентов относятся в большинстве своем к последним годам жизни Кропоткина. Среди их авторов общественные деятели, ученые: А. М. Атабемян, А. А. Боровой, В. Ф. Булгаков, Е. Н. Вавилова (секретарь Общества сближения с Англией, почетным председателем которого Кропоткин был избран в 1917 г.), П. В. Виттенбург, А. А. Тилло, В. Н. Фигнер, В. Г. Чертков и другие, а также родные и друзья семьи Кропоткиных. На некоторых письмах имеются пометки Кропоткина. Примечательно в этом отношении письмо А. В. Долинина-Иванского (20 августа 1913 г.), в котором он просит Кропоткина поделить себя взглядами на задачи воспитания. На последней странице письма содержатся карандашные заметки адресата. Довольно широко представлены в фонде письма издателей, редакторов и переводчиков трудов Кропоткина на русский язык — А. Борисовой (корректора издательства «Посредник»), С. А. Венгерова, А. К. Дживелегова, А. Коншина, Е. Луковникова, С. П. Мельгунова, Н. Николаевского, М. В. Сабашникова, А. М. Хирьякова, Е. К. Яковлева и др.

В фонде сохранилось немало писем разных лиц к П. А. и С. Г. Кропоткиным с просьбами о высылке книг Кропоткина.

Среди материалов других лиц (8 ед. хр.) представляют интерес неопубликованные работы брата П. А. Кропоткина — Александра Алексеевича

⁹ Например: «Mutual Aid. A factor of evolution». By P. Kropotkin. London, 1902. На русском языке (в сокращенном виде) книга впервые издана в 1904 г.: П. Кр-ин. Взаимопомощь среди животных и людей. СПб., (6/г).

(1840—1885) — талантливый популяризатор и пропагандист передовых естественнонаучных идей: «Выписки о психологии животных» (1859—1866, автограф, 15 л.), «Заметки по динамике и соматологии» (1885, автограф, 6 л.), а также копия «Исповеди» М. А. Бакунина (машинопись, 18 л.).

Значительное место в фонде (более 30 книг, брошюр и отписков) принадлежат книгам, дающим представление о круге чтения Кропоткина и его связях. Среди них книги с дарственными надписями авторов, переводчиков и редакторов — В. Н. Фигнер «Шлиссельбургские узники» (1919), Р. К. Пённета «Менделизм» (последняя подарена редактором ее русского издания В. С. Елпатьевским), профессора Московской сельскохозяйственной академии А. Ф. Фортунатова. О научных и общественно-политических интересах Кропоткина свидетельствуют и такие издания, как оттиск статьи Н. А. Морозова «Вновь открытые превращения эманации радия с точки зрения эволюционной теории атомов» (1907 г.), русский перевод «Философии зоологии» Ф. Ламарка (1911 г.), брошюры с текстом первой Конституции РСФСР (1918 г.) и «Положение о социальном обеспечении трудящихся» (1918 г.) и др. Здесь же присоединенная к фонду позднее книга Кропоткина «Великая французская революция. 1789—1793» (Лондон, 1914) с его дарственной надписью: «Библиотеке Дмитровского союза кооперативов от автора. П. Кропоткин», а также издание «Записной книжки члена кооператива на 1919 год»¹⁰, содержащей записи Кропоткина за 1919 и 1920 гг. Широко представлена и периодика, отложившаяся в архиве как в последние годы жизни Кропоткина, так и в более ранний период — номера «Известий» и других газет первых лет Советской власти. Библиографический и специальный интерес представляют листовки, воззвания, афиши и анархистские издания — газета «Вольный голос труда» (1918 г.), журнал «Почин» (1919—1920 г.), а также другие редкие печатные материалы. Многочисленны подборки вырезок из английских, французских, русских периодических изданий, которые использовались Кропоткиным для работы, о чем свидетельствуют содержащиеся на них пометы. Среди изобразительных материалов (26¹ед. хр.) главное место занимают фотографии — одиночные и групповые — Кропоткина, членов его семьи и других лиц, в том числе известной русской революционерки В. И. Засулич. Полнее всего представлены фотографии, относящиеся к периоду жизни Кропоткина в Дмитрове, — виддома и интерьеров, снимки Кропоткина в рабочем кабинете, за роялем. Интересны фотографии, сделанные во время одного из первых посещений Кропоткиным Музея Дмитровского края в августе 1918 г., а также П. А. и С. Г. Кропоткиных среди уполномоченных Дмитровского союза кооперативов (1918 и 1919 гг.). В фонде имеются также рисунки Кропоткина, открытки.

В фонде хранятся и документы, отложившиеся уже после смерти П. А. Кропоткина, — переписка С. Г. Кропоткиной с разными лицами о судьбе творческого наследия ее мужа, материалы Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина.

Краткий обзор материалов личного фонда П. А. Кропоткина в Дмитровском музее, главным образом переписки, дает основание сделать вывод о необходимости обращения к ним для исследования его биографии, творческого наследия, истории науки и общественно-политической мысли России и Западной Европы последней трети XIX — первого десятилетия XX в. В более узком плане материалы последних лет жизни Кропоткина могут рассматриваться как источники о культурной и общественной жизни Дмитрова и его уезда в первые послереволюционные годы и, в частности, об истории подмосковного краеведения. Актуальной в этой связи представляется задача публикации наиболее интересных материалов фонда.

¹⁰ Р. Ф. Холлов. Книжные фонды личного происхождения как исторический источник. (По материалам собрания Дмитровского музея). — «Проблемы отечественной истории», т. 1. М., 1973, стр. 317—319.

Д. В. Карев

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. К. ЛЮБАВСКОГО

М. К. Любавский (1860—1936) — автор многих трудов по отечественной истории, истории славянских народов, исторической географии, архивоведению.

Рукописное наследие академика Матвея Кузьмича Любавского, сосредоточенное в трех московских хранилищах (Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Архив АН СССР, Центральный государственный архив г. Москвы), насчитывает в общей сложности около 11 500 листов рукописного и машинописного текстов. В ЦГА г. Москвы хранится белая рукопись дипломного сочинения М. К. Любавского, совсем не связанная с остальными двумя комплексами документального наследия ученого. Последние же два имеют общую «предысторию» и идут от одного корня. Их судьба такова. После смерти Любавского по завещанию архив его был передан другу Матвея Кузьмича, известному советскому историку члену-корреспонденту АН СССР А. И. Яковлеву. В семье Яковлевых архив Любавского хранился до 1955 г. В 1955 г. он был передан Яковлевыми в ОР ГБЛ. Этот комплекс содержит около 90% всего известного нам творческого наследия М. К. Любавского (9700 л.). Наиболее ранние документальные материалы фонда М. К. Любавского можно датировать 80-ми годами XIX в., наиболее поздние — 1935 г.

Но Яковлевы передали в ОР ГБЛ не все завещанное М. К. Любавским документальное наследие. Часть его еще до войны они вернули дочери Любавского — В. М. Ливановой. Эта сравнительно небольшая по объему часть рукописного наследия была ею передана в Архив АН СССР в 1968 г. В основном это выписки и заметки из литературы по истории: русского права, судопроизводства в древней Руси; исследований по истории его отдельных источников; конспекты работ: Н. М. Карамзина, П. А. Полевого, Штрубе-Пирмонта, Пахмана, А. А. Дмитриева, Ланге, К. Н. Бестужева-Рюмина, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, С. М. Соловьева, В. И. Сергеевича, И. И. Дитятина, А. Н. Попова и др. Кроме того, хранится черновая рукопись дипломного сочинения и отдельные отрывки из курсов лекций по древней русской истории и истории западных славян (в общей сложности около 1300 л.). В основном это документы, являющиеся источниками для изучения лаборатории ученого¹.

В фонде Московского университета, хранящемся в ЦГА г. Москвы, имеется небольшая переплетенная тетрадь. На титульном листе ее стоит надпись «Служилые люди Московского государства, городовые дворяне и дети боярские. Критический обзор мнений, существующих в русской исторической литературе по вопросу об их происхождении и состав-

¹ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее — ОР ГБЛ), ф. 364.

ве»². Это рукопись дипломного сочинения студента 4-го курса историко-филологического факультета университета Любавского. Научным руководителем его был Н. А. Попов. Сочинению была присуждена золотая медаль. Оно состоит из введения и двух глав. Источниками автору послужили произведения русской исторической и историко-юридической литературы XVIII—XIX вв. Во введении Любавский рассматривает политическое, социально-экономическое положение дворянства и его географическое распределение по территории Московского государства в XVII в.

Уже в этой самостоятельной работе молодого ученого видно умение и желание работать в области исторической географии. Историко-географический элемент во введении весьма значителен. Любавский дает ценный перечень городов — военно-административных центров для служилого сословия. Это позволяет ему составить представление о направлении установившихся границ государства. По месту рассредоточения он делит дворян и детей боярских на четыре группы: пограничных округов, военно-административных центров (уездные города стратегического значения), городов — центров для поддержания порядка у инородцев, и, наконец, центральных городов³.

Повышение «социального статуса» дворянства в русском государстве XVII в. связывается у Любавского с тем, что дворяне и дети боярские были, по его мнению, главной фундаментальной частью военных сил государства — конницы. Многолетний характер борьбы Руси с кочевыми и полукочевыми народами, с частыми набегами татар и литовцев поставили именно конницу в первенствующее положение перед другими родами войск, как наиболее оперативный и мобильный отряд вооруженных сил⁴. Во введении же рассматривается разновидность и характер служебных обязанностей дворян и детей боярских. Любавский отметил, что «Московское государство не знало еще разграничения между гражданской и военной службой: военный класс общества служил и по потребности гражданского управления»⁵.

Во введении затрагивается и вопрос об основных средствах для поддержания жизни у дворян и детей боярских — поместье и вотчине, бегло рассматриваются происхождение, юридическое положение, формы поместного и вотчинного землевладения⁶, делаются порой очень интересные замечания о политике государства по отношению к этим формам земельной собственности.

Разбирая в I главе произведения русской историографии XVIII — первой трети XIX в., а во II-й — 30—70-х годов XIX в., Любавский часто наряду с оценкой выводов авторов дает свое решение вопроса. Таким образом, разбираемое произведение является для него своего рода «трамплином», отправной точкой, от которой он ведет цепь своих доказательств и догадок. При разборе произведения Любавский излагает взгляд автора на проблему, выявляет ошибочные и слабые, недоказанные места в данном произведении и дает собственный вариант решения вопроса и обоснование его правильности. Из авторов, чьи произведения анализировал Любавский, он особенно высоко с научной точки зрения оценивал для XVIII в. — И. Н. Болтина⁷, а для XIX в. — Рейца⁸ и Н. П. Загоскина⁹.

Любавский видел два источника и два пути комплектования служилого сословия. Первый — сверху, из аристократических слоев обедневших

² Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА г. Москвы), ф. 418, оп. 513, ед. хр. 5023.

³ Там же, лл. 5—7.

⁴ Там же, л. 3 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же, лл. 10—20.

⁷ Там же, л. 28 об.

⁸ Там же, л. 60 об.

⁹ Там же, л. 70.

княжеских и боярских служилых родов (до XVI в.), а второй — снизу, из простолюдинов «за службу» (начиная с XVI в.). Городовых дворян и детей боярских он считал двумя юридическими слоями одного класса¹⁰. Интересны замечания об особенностях положения дворян и детей боярских в зависимости от района службы¹¹. Оригинальному решению многих вопросов немало способствовала тщательная проработка таких первоисточников по данной проблеме, как разрядные книги.

В фонде Любавского, хранящемся в ОР ГБЛ, можно выделить шесть основных тематических групп: 1) исследования по истории Западной Руси и западных славян и материалы к ним; 2) семинары и лекции источниковедческого и историографического характера и материалы к ним; 3) историко-географические работы и материалы к ним; 4) материалы по истории и организации отечественного архивоведения; 5) исследования и материалы по истории Башкирии XVI—XIX вв.; 6) картографические материалы.

Исследования и материалы Любавского по истории Великого княжества Литовского и западных славян дошли до нас в очень незначительном количестве. Особенно плачевно положение с рукописями по истории Великого княжества Литовского. Фактически из всего дореволюционного «литовского» творческого наследия Любавского имеются лишь материалы к его магистерской диссертации (выписки из архивных источников, около 200 листов) и семинарию по изучению внутреннего строя Великого княжества Литовского на основании законодательных памятников (1901/02 учебный год)¹². Первый комплекс представлен материалами преимущественно из Литовской Метрики, выписками из памятей, жалованных, челобитных грамот, судебных листов, привилеев, судебных вырочков. Выписки можно датировать концом 80-х — началом 90-х годов XIX в.

Второй комплекс, пожалуй, может служить неплохим источником для изучения творческой лаборатории ученого. От этих практических занятий 1901/02 учебного года дошло «Начало вступительной лекции», конспекты книг Ярошевича и Каменецкого по истории Литвы и Польши, заметки о летописи Быховца, наброски по истории Статута 1529 г. и Краткого летописца Литовского. Всего сохранилось около 100 листов рукописного текста, хотя в тексте есть интересное указание, что всего таких материалов насчитывалось 10 тетрадей¹³. Сюда же можно причислить и небольшую (на четырех листах) носящую библиографический характер заметку о картографических источниках по истории Польши и Литвы и местах их хранения¹⁴.

В фонде Любавского из работ по близкой тематике, написанных до революции, имеется небольшой «Исторический очерк Киевской Руси» (1914 г.)¹⁵ на 11 листах. Очерк был подготовлен к печати, на его полях имеются редакторские пометки, но он, очевидно, не был опубликован. Очерк научно-популярного характера. В характеристике Любавским социальных и экономических процессов в Киевской Руси ощутимо влияние работ В. О. Ключевского.

В послереволюционный период творчества «западнорусская» и славянская тематика отошли у Любавского на второй план. В этот период жизни фундаментальных трудов по этой тематике им не создавалось, было написано лишь несколько статей. Пять из них дошли до нас в составе его фонда. Из истории Великого княжества Литовского — это небольшая источниковедческого характера статья «Кто был Михайло Литвин, напи-

¹⁰ ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 513, ед. хр. 5023, л. 18 об.

¹¹ Там же, л. 42 об.

¹² ОР ГБЛ, ф. 364, к. 1, ед. хр. 7а, 7б.

¹³ Там же, к. 10, ед. хр. 12, л. 4.

¹⁴ Там же, к. 1, ед. хр. 5.

¹⁵ Там же, ед. хр. 6.

савший в половине XVI века трактат о нравах татар, литовцев и москвитян»¹⁶ и статья «Литва и славяне в их взаимоотношениях в XI—XIII веках»¹⁷.

Из «западнославянских» исследований самое значительное — историко-географический этюд «Западные славяне», готовившийся, по-видимому, к опубликованию в первом издании БСЭ. Используя данные топонимики, исторического языкознания, археологических исследований и свидетельства письменных источников, Любавский дает живую картину славянской колонизации во II—VIII вв. н. э., отмечает места расселения западных славян, древние центры торговли. Уделено внимание и вопросам политической истории западного славянства, вплоть до XIV в., особенно ярко показана борьба прибалтийских славян с немецкой колонизацией края (войны с Генрихом Птицеловом, Оттоном I, борьба Никлота против крестоносцев)¹⁸.

К «западнославянской» тематике в творчестве Любавского можно отнести и две небольшие статьи ученого о первом польском археографе и коллекционере древних памятников письменности М. Догеле и польском историке XIX в. Ф. Духинском. Обе они опубликованы в первом издании БСЭ (т. 22, стлб. 825 и т. 25, стлб. 651)¹⁹.

Таким образом, из всего значительного «литовского» и «славянского» творческого наследия ученого до нас дошли сравнительно небольшие «обломки». Возможно, что беловые рукописи его монографий и статей следует искать в архивах редакций и издательств. Но ведь были еще и черновики работ — документальный массив по объему ничуть не меньший, если не больший, чем беловые рукописи.

Материалы, связанные с семинарами и лекциями источниковедческого и историко-географического характера сохранились полнее, хотя то, что дошло, составляет, по нашим предварительным подсчетам, не более 15—20% от написанного. Сюда входит и «Вступительная лекция к практическим занятиям по русской истории» (Общее вступление, Начальная летопись, судопроизводство по Русской Правде)²⁰. Занятия велись в 1902/03 учебном году.

В 1902 г. Любавский был утвержден заведующим кафедрой русской истории в Московском государственном университете²¹. С этого года он начинает вести общеобязательные семинары источниковедческого и общео- исторического характера. В фонде Министерства народного просвещения имеется письмо В. О. Ключевского на факультет, характеризующее Любавского-педагога: «По практическим занятиям со студентами мне известно, как охотно и с какой пользой они слушают обязательные и не обязательные курсы приват-доцента Любавского и принимают участие в его семинарах»²².

Цель практических занятий, по словам самого Любавского, показать результаты, добытые совместными усилиями многих ученых, и «как добыты эти материалы»²³, научить начинающих историков умению добывать материалы из аналогичного типа источников.

Лекции позволяют судить о методе и стиле работы ученого. Круг вопросов, рассматриваемых Любавским при изучении Начальной лето-

¹⁶ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 1, ед. хр. 10. Опубликовано в «Ученых записках Института истории РАН ИОН», т. 4. М., 1929.

¹⁷ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 1, ед. хр. 11. Опубликовано в «Записках адм. д-ла гуманитарных наук Беларускай Акадэміі навук. Працы клясы гісторыі», т. II, кн. 8. Менск, 1929.

¹⁸ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 1, ед. хр. 12, лл. 1—10.

¹⁹ Там же, ед. хр. 9, лл. 1—2.

²⁰ Там же, к. 10, ед. хр. 1.

²¹ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 733, оп. 151, ед. хр. 372, лл. 328—329.

²² Там же, л. 330.

²³ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 10, ед. хр. 1, л. 3—3 об.

писи, сравнительно невелик, но вопросы эти, пожалуй, узловые при разборе такого рода источников: авторство, место составления летописного свода, источники свода. Помимо этого, делается попытка разрешить и ряд других «вспомогательных» вопросов: о роли Киево-Печерского монастыря как центра древнерусского летописания, о списках и редакциях «Повести временных лет». Поднимается вопрос о достоверности летописи как исторического источника²⁴.

Во многих вопросах Любавский не отступает от взглядов на летописание, характерных для современной ему исторической науки. Но имеются и оригинальные замечания и догадки: о датировке свода 1116 г., о происхождении названия «Повесть временных лет», замечания о процессе летописания в Древней Руси, о роли местных погодных записей в составе свода.

Источниковедческие семинары велись Любавским и в последующие годы. Так, до нас дошли вступительные лекции (автограф) семинара по русской истории (1904/05 г.), где разбирались источники XV и XVI веков²⁵. Семинарий велся для студентов III и IV курсов. Основными источниками изучения были Судебники Ивана III, Ивана IV и Федора Иоанновича. Любавский не случайно обратился к этой тематике. Именно в этот период (конец XV — середина XVI в.), по его мнению, происходит окончательное складывание русского национального государства²⁶. В связи с изучением и разбором памятников намечалась и индивидуальная разработка студентами тем, связанных с вопросами, затронутыми в Судебниках.

Присущее ученому стремление к самостоятельному исследованию пробивается и здесь. Судебник Ивана III он называет своего рода инструкцией для великих князей, их детей, для наместников волостей и окольных²⁷. Он считает, что данные Судебника позволяют отнести образование приказов в Московском государстве ко времени Ивана III (грамота Успенскому Владимирскому монастырю 1512 г.)²⁸. Интересно решаются вопросы о степени распространенности норм Судебника по территории России, о соотношении норм Судебника и реальной русской действительности XVI в., о характере отношений между великими и удельными князьями в XV—XVI вв.²⁹ Материалы семинара — ценный источник, свидетельствующий о высоком уровне исследовательского и педагогического мастерства ученого, находившегося в расцвете творческих сил.

Третья уцелевшая группа работ источниковедческого характера — материалы просеминария по русской истории XVII в., где основным разбираемым источником было сочинение Котошихина³⁰. Просеминарий велся в 1909/10 г. До нас дошло около 370 листов авторизованной рукописи этой работы³¹. Разбор сочинения Г. Котошихина — не самоцель Любавского. Оно — ядро, стержень, от которого ученый отталкивается, чтобы дать свои собственные выводы при исследовании вопросов, затронутых в сочинении Г. Котошихина. Причем Любавский расширяет хронологические рамки рассматриваемых явлений. Характеризуя классы, группы, социально-политические институты Московского государства XVII в., он часто делает экскурсы в «глубинку» XVI, XV, а то и XIV вв. Схема разбора такова: 1) высказывание Котошихина по определенному вопросу, 2) эти сведения дополняются данными из большого количества других разнородных источников, 3) после дополнений сведений Котоши-

²⁴ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 10, ед. хр. 1, лл. 12—13 об., 22—22 об.

²⁵ Там же, ед. хр. 2.

²⁶ Там же, л. 2.

²⁷ Там же, л. 3.

²⁸ Там же, л. 16 об.

²⁹ Там же, лл. 26—34, 39—40.

³⁰ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1907

³¹ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 1, ед. хр. 1а, 1б, 2, 3а, 3б, 4

хина Любавский дает его известиям источниковедческую оценку, а затем следует резюме автора по рассматриваемому вопросу. Так, сочинение Котошихина предстает важным, но лишь одним из источников в «рассказе-размышлении» ученого о XVII в. В материалах просеминария много оригинальных, сильных мест (характеристика и история приказного управления, история Боярской думы, небольшой этюд о титулатуре царей, о местничестве).

Ученый привлек огромный материал из источников и литературы. Использовались данные дворцовых разрядов, актовый материал из таких публикаций, как: «Собрание государственных грамот и договоров» (тт. II, V), «Акты археографической экспедиции» (тт. I, III), «Акты исторические» (тт. I, II, IV, V), «Дополнения к Актам историческим» (тт. III, V), ПДС, Судебники 1497 и 1550 гг., боярские книги, Уложение 1649 г., ПСРЛ (тт. V—VIII). Из литературы чаще всего использовались данные Н. М. Карамзина, К. А. Неволлина, А. Н. Попова, С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, В. О. Ключевского. Привлекалось большое количество записок иностранцев, Герберштейна, Поссевина, Флетчера, Буссова, Маржерета, Олеария, Мейерберга и др.

Из лекций и семинаров историографического характера до нас дошли в относительной полноте материалы лишь вступительных лекций к семинарию по разбору основных памятников русской историографической мысли XVIII—XIX вв. Семинар велся в 1903/04 г. Из 40 часов занятий семинара 8 отводилось вступительным лекциям по разбору памятников русской историографии XVIII в. Остальные 32 намечались для заслушивания 15 рефератов и резюме руководителя семинара³². Любавский собирался уделить внимание трудам Н. М. Карамзина, «скептикам» славянофильской школы, юридической школы (К. Д. Кавелин, Б. М. Чичерин, И. Е. Забелин, С. М. Соловьев, Хлебников, А. И. Никитский), А. П. Шапову, В. О. Ключевскому, сравнительно-исторической школе, народническим теориям и последним трудам современной ему исторической науки (М. А. Дьяконов, П. Н. Милюков, С. Ф. Платонов)³³. В дальнейших лекциях разбор кончается на памятниках XVIII в. включительно (82 л. авторизованной рукописи). Здесь Любавский определяет задачи историографии, рассматривает летописи, сказания, Степенную книгу и хронографы как памятники русской историографической мысли. Высоко оцениваются им сказания и повести начала XVII в. (сочинения А. Палицына, И. Тимофеева, Катырева-Ростовского)³⁴. Значительное место в лекциях занимает характеристика первых «учебников» по русской истории: Ф. Грибоедова, И. Гизеля, С. Пуффендорфа, А. И. Манкиева³⁵.

Любавский считал, что настоящая научная историография у нас началась с Г. З. Байера и В. Н. Татищева, особенно высоко ценил В. Н. Татищева как отца русской исторической науки³⁶. Из других историков XVIII в. большое внимание уделялось Г. Ф. Миллеру и М. В. Ломоносову. Оценив деятельность С. И. Елагина и Эмина как подражательную (последнего он считал таким же авантюристом в своих работах, как и в жизни), Любавский заканчивает свой обзор общей характеристикой трудов М. М. Щербатова и И. Н. Болтина, которые по своим политическим взглядам «были типичные стародумы Екатерининской эпохи, предтечи позднейшего славянофильства»³⁷.

К материалам историографического наследия ученого можно отнести и сохранившийся в составе фонда отрывок неоконченного очерка или

³² ОР ГБЛ, ф. 364, к. 10, ед. хр. 3, л. 8—8 об.

³³ Там же, л. 1—1 об.

³⁴ Там же, лл. 10—21.

³⁵ Там же, лл. 23—37.

³⁶ Там же, л. 37, 49 об.

³⁷ Там же, л. 79.

публичной лекции под названием «Конституционное движение в России»³⁸. Рассматривая этапы движения русского общества на пути к конституционной монархии, Любавский характеризует отношения между самодержавием и обществом на этих этапах (от Михаила Романова до царствования Николая II). Дается своеобразное толкование таким явлениям в истории русского общества, как заговоры «верховников», проекты Панина, Екатерины II, Сперанского, Мордвинова, Новосильцева, адрес тверского дворянства царю в 1862 г., действия комиссии Лорис-Меликова³⁹.

Материалы лекций и семинаров ученого приоткрывают нам окно в лабораторию его творчества.

Историко-географические работы и материалы к ним — самая большая по объему часть документальных материалов в составе фонда Любавского, наиболее полно сохранившаяся. Она насчитывает около 2300 листов авторизованного и машинописного текста. Целесообразней начать обзор этих материалов с рассмотрения ранних более мелких работ и материалов Любавского по историко-географической тематике. В этих небольших по объему историко-географических этюдах нередко встречаются ценнейшие замечания конкретно-исторического характера. Так, в материалах доклада «Расселение русского народа ко времени нашествия татар», сделанном Любавским в Институте истории РАНИОН (не ранее 1924 г.)⁴⁰, поставлена цель дать сводку историко-географических данных о территории древней Руси Киевского периода с дальнейшей задачей составления наиболее полной карты. Здесь же дается историография рассматриваемого вопроса, отмечаются «белые пятна» в исследованиях по исторической географии и картографии, в частности географии древнего Новгорода, делается ценное замечание об устойчивости географической номенклатуры древней Руси в современных названиях, несмотря на многочисленные разрушения самих городов и селений⁴¹. К сожалению, до нас дошла только часть доклада.

К этой же группе относятся 11 листов доклада «Расселение русского народа к моменту окончательного сложения государств Московского и Литовского», тоже прочитанного в Институте истории РАНИОН (24 марта 1924 г.)⁴². Основная цель доклада — выяснить, какое влияние оказали татарские набеги на размещение русского населения в конце XIII — середине XV в. Дан краткий исторический обзор положения окраинных областей Руси в середине XV в., перечислены города этих земель, старые и новые, появившиеся в начале XVI в.

Интересны и материалы к работам по исторической географии⁴³, тесно связанные как с вышеназванными докладами, так и с последующими крупными монографиями. Это, в основном, черновые автографы подготовленных материалов (выписки и библиография) для работ по истории колонизации Степной Украины, Сибири, земель Области Войска Донского, Северного Кавказа, Слободской Украины. Материалы являются важными источниками для истории создания историко-географических работ Любавского. Здесь же находится ценный список около 200 городов юга России XVII в., сгруппированных ученым по речным бассейнам (Оки, Дона, Ворсклы, Псла, Сулы, Десны).

Большую научную ценность представляют находящиеся в составе фонда работы Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра», ч. I (опубликована в 1929 г.) и «Образование основной государственной территории

³⁸ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 1, ед. хр. 4, лл. 1—41.

³⁹ Там же, лл. 17—40.

⁴⁰ Там же, к. 4, ед. хр. 10.

⁴¹ Там же, лл. 1—5.

⁴² Там же, ед. хр. 9.

⁴³ Там же, ед. хр. 8, 11.

великорусской народности. Заселение и объединение с центром территории Новгорода и Пскова. Историко-географический этюд», ч. II⁴⁴. Вторая работа, являющаяся продолжением первой, была готова уже в 1927 г.⁴⁵, но не была опубликована.

Во второй работе главными источниками для исследования послужили летописи и писцовые книги Новгородской и Псковской земель. Особенно высоко оценивал Любавский писцовые книги как источник, так как они «дают возможность приподнять завесу над тем, как происходило заселение Новгородской и Псковской территорий славянскими колонистами, к чему в конце концов оно привело, какая судьба постигла прежних насельников»⁴⁶. Широко привлекался актовый материал из почти всех крупных дореволюционных публикаций. Литература использовалась в меньших масштабах. Это, в основном, исследования по истории церкви в России Амвросия, Досифея, Зверинского, специальные историко-географические исследования П. И. Кешена, К. А. Неволлина, Е. К. Огородникова, А. А. Спицына, А. С. Уварова, Н. П. Тихомирова. Использовались работы общесторического характера: А. В. Экземплярского, А. И. Никитского, Гневушева, А. А. Шахматова, М. М. Богословского, А. А. Савича⁴⁷. Использовался даже такой, несколько неожиданный здесь источник, как перепись 1920 г. по Карельской АССР. Данные письменных источников часто дополняются и проверяются показаниями географической номенклатуры и ономастики, которые занимают в исследовании значительное место.

Вторая работа состоит из пяти глав. Текст I—III глав — машинопись с авторской правкой, а текст IV—V глав — авторизованная рукопись. История освоения Новгородской земли до XIII в. посвящена I глава «Борьба новгородских славян с финскими племенами и занятие их земель»⁴⁸. В качестве основного двигателя славянского освоения земель указывалась особенность экономического быта новгородских славян.

II центральная и самая большая глава работы «Ход новгородской колонизации и ее результаты к концу XV века»⁴⁹ решает задачу реконструкции истории раннего освоения земель по более поздним фактам и географической номенклатуре. Любавским были подняты три основных, как нам кажется, вопроса истории этого периода: о форме и типе поселений, об участии разных социальных слоев населения и организаций в заселении Новгородской земли, о роли «Заволочья» в Новгородской земле.

В главе III «Соединение Новгородской государственной территории с Московской»⁵⁰ рассматривается история взаимоотношений Новгорода и Москвы с середины XIII по XV в. и политика Московского государства по отношению к Новгороду — «мирная и военная». Основную причину столкновений в XV в. между двумя государствами Любавский видел в отношениях Новгорода с Великим княжеством Литовским. В главах IV и V «Заселение Псковской земли и образование самостоятельной государственной территории Пскова» и «Падение Пскова и соединение его государственной территории с Московской»⁵¹ исследуется по тем же примерно вопросам и направлениям история складывания и освоения Псковской земли, ее взаимоотношение с Московским государством. Причину относительно безболезненного его присоединения к Москве Любавский видел в осо-

⁴⁴ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 1, ед. хр. 6; 4, лл. 1—153.

⁴⁵ «Ученые записки Института истории», т. 7. М., 1928.

⁴⁶ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 4, ед. хр. 4, л. 2 об.

⁴⁷ Там же, л. За — За об.

⁴⁸ Там же, лл. 1—31.

⁴⁹ Там же, лл. 32—109.

⁵⁰ Там же, лл. 111—125.

⁵¹ Там же, лл. 126—140 об., 141—148 об.

бенностях внешнеполитической обстановки, в которой приходилось существовать Пскову⁵².

Большой интерес для исследователей представляют многочисленные списки городов, монастырей, данные о границах земель в работе Любавского, определять которые ученый был большим мастером.

До нас дошло и любимое детище Любавского, которому он посвятил фактически всю свою жизнь, — «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века»⁵³. Монументальный труд ученого, так и не увидевший свет, содержит около 750 листов машинописного с авторской правкой текста. Основная задача работы — дальнейшее развитие и доказательство тезиса, выдвинутого С. В. Ешевским, А. П. Шаповым, К. Н. Бестужевым-Рюминым, развитого С. М. Соловьевым и, особенно, В. О. Ключевским⁵⁴ о том, что русская история есть история непрерывно колонизирующейся страны.

Основные концепции и общетеоретические положения Ключевского о ходе и особенностях процесса освоения земель и его влиянии на экономический и общественный быт русского народа были тем «костяком», на котором выросла «плоть» конкретно-исторических наблюдений в работе Любавского. История создания этой работы такова.

В 1909 г. был опубликован по запискам слушателей курс лекций Любавского по исторической географии⁵⁵. Этот курс он уже читал в университете около 10 лет. Содержание курса стало ядром «Обзора истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века», претерпев значительные изменения, и дополнилось новыми данными. Объем «Обзора» в 2 раза больше объема опубликованного курса лекций. Но основная схема и идея, положенная в основу работы, остались почти без изменения. Добавились отдельные главы и значительно пополнились фактическим материалом старые. Первое упоминание о начале работы относится к 1918 г. В письме к Любавскому известный книгоиздатель М. В. Сабашников предлагает подготовить к печати книгу об истории расселения русского народа⁵⁶. К 1922 г. вариант книги, уже подготовленный к печати под названием «Историческая география России в связи с историей расселения русского племени», был готов. Во всяком случае в списке книг, подготовленных издательством Сабашниковых к опубликованию, он значится⁵⁷, однако в списке книг, выпущенных издательством в 1922 и 1923 годах, ее нет⁵⁸. Книга по неизвестным причинам так и не вышла. Но восемь первых глав сверстанного текста этой работы дошли до нас в «портфеле» редакции издательства Сабашниковых⁵⁹. О планах намечавшейся работы и о характере их изменений могут свидетельствовать материалы оглавлений и проспектов исследования⁶⁰. Материалы этой (назовем ее первой редакцией) работы дошли до нас частично в черновых автографах, написанных чернилами и карандашом, частично как вырезки из текста корректуры отдельных глав⁶¹ (около 300 листов). Второй, окончательный, вариант работы, значительно расширенный по сравнению с первым, был

⁵² ОР ГБЛ, ф. 364, к. 4, ед. хр. 5, лл. 141—148.

⁵³ Там же, к. 3, ед. хр. 3, лл. 1—774.

⁵⁴ С. В. Ешевский. Сочинение по русской истории. М., 1905; А. П. Шапов. Неизданные сочинения. — «Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете», т. XXX, вып. 2—3. Казань, 1926, стр. 12—13; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. I. М., 1959; В. О. Ключевский. Сочинение т. I. М., 1956, стр. 28—29, 31, 310, 349.

⁵⁵ М. К. Любавский. Историческая география в связи с историей русской колонизации. М., 1909.

⁵⁶ ОР ГБЛ, ф. 261, к. 1, ед. хр. 29, л. 2.

⁵⁷ Там же, ед. хр. 22, л. 2 об.

⁵⁸ Там же, ед. хр. 21.

⁵⁹ Там же, к. 16, ед. хр. 8, стр. 1—96.

⁶⁰ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 2, ед. хр. 1, 8, 9.

⁶¹ Там же, ед. хр. 2а—6а, 7а, 10.

готов к 1933 г.⁶² Дошли до нас и полностью уцелевший машинописный экземпляр работы и черновой его вариант. Содержание работы мы будем характеризовать по подготовительному, черновому ее варианту, так как он позволяет проследить историю источников работы. Преобладание в рукописях карандаша или чернил — довольно четкий ориентир, позволяющий судить, в какой степени в работу вошли материалы лекционных курсов 1909 и 1922 гг. Наблюдения показали, что работа примерно на 60—70% состоит из материалов курса 1922 г. и конца 20-х годов.

В первых восьми главах освещается история этногенеза восточного славянства до времени нашествия татаро-монголов на Русь, детально характеризуется влияние природного фактора на ход и судьбы процессов освоения восточным славянством территории нынешней европейской части СССР⁶³. Наиболее интересными местами этой части работы, на наш взгляд, являются размышления ученого о типах поселений у древнерусской народности, особенностях ее экономического и культурного быта в эпоху Киевской Руси.

Главы IX—XVI дают историко-географическую характеристику России, Украины, Белоруссии и Литвы на протяжении XIV—XVII вв.⁶⁴

Географическое разобщение восточного славянства в XIII—XIV вв., территориальные изменения в новых государственных образованиях Восточной Европы (XIII—XV вв.), состав и границы расселения входивших в них народностей — вот основные направления исследований ученого в этих главах.

В них дается своего рода «словесная карта» территории Русского государства первой трети XVI в. (границы, уезды, волости, города), уделяется большое внимание вопросам истории борьбы Русского государства со степными кочевниками Крыма и Казани (строительство засечных черт, возникновение станичной и береговой службы на окраинах, наступательная политика правительства в XVII в.)⁶⁵.

Любавский обращает внимание и на соотношение форм освоения земель (казацкая, государственная, военная, народная) и показывает, что в зависимости от обстоятельств в различные периоды времени господствовали разные формы. Главы XV, XVII и XVIII условно можно назвать «казацкими». В них исследуется история, происхождение, быт, организация, состав и военная деятельность Уральского, Донского, Запорожского, Кубанского и Терского казачьих войск, прослеживается политика правительства по отношению к казачьим войскам. В них подробно рассматриваются отношения внутри самого казачества, его отношения к аборигенному населению и беглым. В одной из этих глав (XV) содержится материал об освоении Новороссии в XVIII — начале XIX в.⁶⁶

Особого внимания заслуживает XIX глава об освоении русскими людьми Северного Приуралья, Сибири и Дальнего Востока. В ней большое внимание уделяется истории строительства городов и острожков в этих районах, их заселению, истории географических открытий русских землепроходцев, быту русского населения в новых местах заселения⁶⁷.

Главы XX и XXI посвящены истории освоения степного Юго-Востока нашей страны: Башкирии, Казахстана, Средней Азии. В них дается обзор отношений между кочевыми ордами Казахстана и государствами Средней Азии и России в XVIII—XIX вв., рассматриваются формы, пути и периодизация расселения русского населения в этих районах. Ученый особо останавливается на переселенческой политике царского правительства в конце XIX в.⁶⁸

⁶² ОР ГБЛ, ф. 364, к. 2, ед. хр. 3, стр. 1—774.

⁶³ Там же, к. 3, ед. хр. 4, лл. 7—228.

⁶⁴ Там же, ед. хр. 2, лл. 1—250.

⁶⁵ Там же, к. 4, ед. хр. 2, лл. 125—130, 175—212.

⁶⁶ Там же, лл. 210—212; к. 2, ед. хр. 76, 11.

⁶⁷ Там же, к. 4, ед. хр. 2, лл. 251—347.

⁶⁸ Там же, л. 348—401.

Пространное резюме содержит «поглавные» выводы о формах, путях, типах и особенностях освоения земель русскими на различных этапах истории государства. Ученым было подсчитано, что к 1912 г. в России из 22,7 млн. кв. км ее территории на долю областей, присоединенных, но не колонизованных, приходилось около 2,5 млн. кв. км, т. е. не более 12% всей территории огромной страны⁶⁹.

Этот труд Любавского по широте затронутых вопросов, по богатству множества ценных конкретных наблюдений, пожалуй, единственное в своем роде произведение в отечественной историографии среди исследований по аналогичной тематике.

Архивная тематика в творчестве М. К. Любавского представлена небольшим по объему, но качественным комплексом документальных материалов.

Из него наибольшего внимания заслуживают проект-записка «Об организации архивно-археографического института в Москве»⁷⁰ и курс лекций «История архивного дела в России»⁷¹.

Первую работу, вероятно, можно датировать 1921 г. (в описи — 1918 г.). Именно тогда М. К. Любавский делал доклад по этому вопросу на I конференции архивистов РСФСР. Во всяком случае данных о более ранней дате ее создания мы пока не имеем. Вторая ценная рукопись — курс лекций «История архивного дела в России», читанных автором на архивных курсах в Москве и студентам архивного цикла этнологического факультета 1-го МГУ. Он рассматривался как вводное руководство по истории архивного дела для начинающих архивистов, по источниковедению, а в части, касающейся документов, — для начинающих историков. Главная задача курса — дать общий обзор истории архивов и архивного дела в России, в «связи с внешнею историею государственных и сословных учреждений»⁷².

В десяти главах курса прослеживается история складывания и функционирования архивов центральных и местных государственных учреждений России начиная с X в. и до начала XX в. включительно. Любавский рассматривает основные виды документальных материалов, откладывающихся в этих архивах, их происхождение, условия хранения, архивное законодательство. В курсе дается анализ ряда важнейших дореволюционных публикаций архивных источников. Курс этих лекций, отпечатанных на ротапринте, хранится в библиотеке Московского государственного историко-архивного института. До нас дошли материалы к этому курсу: его программы, выписки и библиография⁷³.

В составе фонда есть вступительная лекция на архивных курсах, организованных Московским управлением архивным делом в 1918 г.⁷⁴ В лекции популяризуется идея централизации архивного дела, определяются задачи архивистов республики, зафиксирована программа курсов и состав преподавателей. К ней примыкает и докладная записка в Коллегию ГУАД об организации московских архивов⁷⁵, где ставится задача немедленной приемки и сохранения материалов московских учреждений XIX — начала XX в. (дан подробный список этих учреждений).

Очень интересна программа семинария по истории архивного дела, касающаяся учреждений дореволюционной России⁷⁶ (1920-е годы — 14 л.) Здесь намечены названия около 20 тем по истории складывания и состава

⁶⁹ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 4, ед. хр. 2, л. 415.

⁷⁰ Там же, к. 11, ед. хр. 11.

⁷¹ Там же, к. 11, ед. хр. 10, лл. 1—131.

⁷² Там же, ед. хр. 11, лл. 8, 7.

⁷³ Там же, ед. хр. 13, 14.

⁷⁴ Там же, ед. хр. 9, лл. 1—6.

⁷⁵ Там же, ед. хр. 22.

⁷⁶ Там же, ед. хр. 12.

содержания центральных русских архивов XVI — XX вв., истории архивных реформ в России.

В целом материалы фонда по архивной тематике являются ценнейшими источниками как для изучения архивной деятельности такого крупнейшего специалиста в этой области, как М. К. Любавский, так и по истории архивного строительства и архивного образования в РСФСР в первые годы Советской власти.

Исследования и материалы по истории Башкирии были недавно описаны в статье В. С. Тольца⁷⁷. В основном это обзор содержания монографий по истории Башкирии; в гораздо меньшей степени рассматривались сборники документов по истории Башкирии, подготовленные Любавским к печати, почти совсем не было уделено внимания материалам к работам (выписки, картотека по истории Башкирии). Поэтому, рассматривая эту группу материалов в составе фонда, ограничимся краткой характеристикой, останавливаясь главным образом на моментах, не затронутых или мало освещенных в обзоре Тольца.

Наиболее интересна рукопись работы Любавского «Очерки по истории башкирского землевладения в XVII — XVIII и XIX вв.» (машинопись с авторской правкой, 1933 г.)⁷⁸. В работе детально рассматривается характер башкирской вотчины и земельная политика царского правительства в Башкирии, борьба между вотчинниками за землю. Написанная по материалам фонда Оренбургского генерал-губернатора, она впечатляет искусным, тонким анализом и оригинальностью многих выводов, представляет, несомненно, большую научную ценность и нуждается в опубликовании.

Близка к ней по тематике и работа «Вотчинники-башкиры и их припущенники в XVII — XVIII вв.»⁷⁹. В ней дается анализ социальных групп (их происхождение и эволюция) в Башкирии, много места уделяется взаимоотношениям между вотчинниками и пришлым населением и выяснению интересного исторического явления в истории Башкирии — социального и юридического положения института припущенничества. К работе даны ценные приложения (документы)⁸⁰.

Большой интерес представляет и рукопись «Очерк башкирских восстаний в XVII — XVIII вв.» (начало 1930-х годов)⁸¹, где рассматривается политика царской администрации в Башкирии и отношение к ней местного населения в XVII — XVIII вв. Подробно разбираются причины, ход и движущие силы восстаний. Ученый дал оценку этих явлений (явлений очень противоречивых), очень близкую к оценке их в трудах Н. В. Устюгова. Единственное, как будто, упоминание об этой неопубликованной работе в советской печати находится у А. П. Чулошникова⁸². Работа, на наш взгляд, также нуждается в опубликовании.

Не меньшее значение для исследователей представляют и материалы работы, которую Любавский так и не успел завершить, — «Русская помещицья и заводская колонизация Башкирии в XVII — XVIII и первой четверти XIX в. Свод и первоначальная обработка архивных материалов»⁸³. Основными источниками работы были копии из переписных книг 1647, 1718 гг., а также ревизские книги. На основании этого свода материалов можно составить подробный историко-географический атлас Башкирии⁸⁴. Это своего рода и генеалогические изыскания по истории башкирского дворянства и купечества. В работе даются очень подробные сведения о

⁷⁷ В. С. Тольц. Материалы М. К. Любавского по истории Башкирии. — «Из истории феодализма и капитализма в Башкирии». Сб. статей. Уфа, 1971, стр. 221—229.

⁷⁸ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 6, ед. хр. 1, 2, лл. 53—392.

⁷⁹ Там же, к. 7, ед. хр. 1, лл. 1—102 об.

⁸⁰ Там же, ед. хр. 2а, 2б, 3, 4.

⁸¹ Там же, к. 5, ед. хр. 1—3.

⁸² «Материалы по истории Башкирской АССР», т. I. М., 1936, стр. 17.

⁸³ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 7, ед. хр. 5а—5б.

⁸⁴ Там же, ед. хр. 5а, л. 1—1 об.

башкирских заводах (истории, владельцах, количестве рабочих), отмечаются особенности этапов и темпов колонизации Башкирии в различное время⁸⁵. Здесь исследуется история происхождения географической номенклатуры Башкирии и даны ценнейшие списки помещичьих и заводских деревень, возникших в Уфимской округе в XVII — XVIII вв., и списки помещиков отдельных административно-территориальных единиц Башкирии по материалам V—VIII ревизий⁸⁶. В целом даже этот первоначальный вариант предполагаемой большой работы представляет источник первостепенной важности по исторической демографии и социальной истории Башкирии XVII—XVIII вв. О масштабах предполагаемого труда позволяют судить подготовительные материалы к нему⁸⁷.

В Башкирии Любавским было подготовлено к печати два сборника документов из предполагававшихся к изданию серий «Материалы по дореволюционной истории Башкирии». Первый сборник «Выборы в Уфимской провинции депутатов в Екатерининскую комиссию 1767 года и данные им от различных национальных сословных групп населения наказы» (1933 г., 137 л., машинопись)⁸⁸ состоял из дел, взятых из фонда Оренбургского губернского правления.

Документы сборника были разделены на шесть групп: 1) распоряжения высшей местной власти о производстве выборов с приложением списка «сходцевых» деревень, 2) частные «рапорты» уфимскому воеводе от офицеров и чиновников, командированных для избрания поверенных (выборщиков) от властей, 3) общие рапорты офицеров и чиновников об избрании поверенных и отправке их в Уфу, 4) списки поверенных, явившихся в Уфу, 5) рапорты от лиц, руководивших избранием депутатов, об избрании депутатов с приложением копий, данных им наказов от различных национально-сословных групп, 6) переписка с оренбургским губернатором по вопросам избрания депутатов. В предисловии Любавский характеризует особенности прохождения выборов депутатов и специфику публикуемых документов как источников. Материалы сборника — ценный исторический источник, отражающий расстановку социальных сил в Башкирии накануне восстания Пугачева.

Второй сборник «Акты и документы по истории башкирского землепользования»⁸⁹, составленный из материалов фонда канцелярии оренбургского губернатора, включает в себя законодательные источники XVIII — XIX вв. по землевладению башкир, которые не были напечатаны в Полном собрании законов. Сюда входят также наиболее характерные частные акты и документы, касающиеся прав башкир на их земельные владения, акты, отражающие конфликты между землевладельцами, и документы, отражающие законодательные меры царского правительства по урегулированию земельных отношений в Башкирии⁹⁰. К материалам этого сборника по своему характеру примыкают документы, не вошедшие в него⁹¹.

В сравнительно большом количестве дошли до нас в составе фонда и подготовительные материалы работ: выписки из источников по истории Башкирии, отрывки и варианты текстов будущих работ⁹². Особенно ценна картотека по истории Башкирии⁹³, в частности, для работы «Помещичья и заводская колонизация Башкирии», составленная по трем основным разделам: башкирское землевладение, помещики Башкирии, топография поселений Башкирии. Картотека не только позволяет судить о

⁸⁵ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 7, ед. хр. 5а, лл. 2—3 об., 38.

⁸⁶ Там же, ед. хр. 5б, лл. 110—110 об., 115—135.

⁸⁷ Там же, ед. хр. 7—11.

⁸⁸ Там же, к. 8, ед. хр. 1.

⁸⁹ Там же, ед. хр. 2.

⁹⁰ Там же, л. 4.

⁹¹ Там же, ед. хр. 3.

⁹² Там же, ед. хр. 4—14.

⁹³ Там же.

масштабах будущей работы и ее источниках, но и сама по себе является важным источником по истории Башкирии XVIII — XIX вв.

К а р т о г р а ф и ч е с к и е м а т е р и а л ы представляют собой небольшую группу карт, составленных лично самим Любавским. Значительная часть печатных карт из материалов Любавского, переданных ОР ГБЛ, теперь хранится в отделе картографических материалов той же библиотеки. В фонде остались очень ценные рукописные карты: русских феодальных княжеств XII — XIV вв., Новгородской земли в XIV—XV вв. (две карты), карта-схема великого княжества Московского в середине XV в., карта-схема Великорусского центра после объединения (1563 г.), карта заселения Поволжья, лесостепных и степных пространств Восточной Европы конца XVI — XVIII в. (границы, места расположения русских городов, пути татарских нападений, укрепленные линии), карта-схема населенных пунктов Московской области, имеющих архитектурные памятники, карта центра европейской части Российской империи ⁹⁴.

Подводя итоги обзора, можно с уверенностью утверждать, что до нас дошла ценная для будущих исследователей часть творческого наследия Любавского — рукописи его неопубликованных работ. Они позволяют расширить наши знания о творчестве крупного отечественного историка, по-новому оценить многие моменты в творческой биографии ученого, пересмотреть ряд неверных суждений о нем, имевших место в нашей литературе.

Введение в научный оборот творческого наследия ученого позволяет, во-первых, полностью опровергнуть мнение о Любавском как историке «одной темы» (история Великого княжества Литовского) ⁹⁵. Документальные источники показывают его и как крупнейшего знатока исторической географии и истории Южного Урала. Во-вторых, историко-географические исследования Любавского позволяют критически отнестись к бытующей в ряде работ советских ученых точке зрения о том, что дореволюционные поколения историков, «занимавшиеся исторической географией, видели свои задачи лишь в локализации на карте политических событий, политических и племенных границ» ⁹⁶.

Думается, что неопубликованные историко-географические монографии М. К. Любавского и его работы по истории Башкирии нуждаются в публикации.

⁹⁴ ОР ГБЛ, ф. 364, к. 8, ед. хр. 4—14.

⁹⁵ «Историография истории СССР», изд. 2. М., 1971, стр. 410.

⁹⁶ И. Л. Шаскольский. Историческая география.— «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. 1. Л., 1968, стр. 95.

С. Б. Филимонов

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ АРХИВ В. И. СМИРНОВА

Эпистолярный архив, состоящий из писем, адресованных Василию Ивановичу Смирнову¹ (1882—1941), представляет несомненный интерес для истории культуры. Отражая круг вопросов, занимавших одного из ведущих отечественных краеведов, архив ценен прежде всего для истории краеведческого движения 1920-х годов. Его материалы дают разностороннее представление о краеведении в Костромском крае (во главе которого стоял В. И. Смирнов) и других районах нашей страны, содержат данные о деятельности руководящего органа советских краеведов — Центрального бюро краеведения (ЦБК). Вместе с тем письма видных деятелей науки и культуры В. И. Смирнову, подчеркивая значимость краеведческих исследований, дополняют наши представления о жизни и творчестве их авторов, служат источниками по истории различных областей знаний. Архив включает и семейную переписку.

В. И. Смирнов родился 26 января 1882 г.² в селе Большая Брембола Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии, в большой и одаренной семье местного священника: отечественной науке хорошо знакомы труды его братьев — С. И. Смирнова (1870—1916), буржуазного историка, ученика В. О. Ключевского и Е. Е. Голубинского, и М. И. Смирнова (1868—1949), руководителя краеведения на Переславщине и создателя Переславского музея.

Обучение в Переславском духовном училище (1891—1895), Владимирской семинарии (1895—1901) и Московской духовной академии (1902—1906) В. И. Смирнов сочетал с углубленным самообразованием, ставшим возможным благодаря причастности его к существовавшей в семинарии нелегальной библиотеке³. В 1905—1906 гг. как член социал-демократи-

¹ Архив находится у вдовы В. И. Смирнова — Лидии Сергеевны Китицыной — его соратницы по краеведческой работе. Согласно ее завещанию он подлежит передаче в Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Л. С. Китицыной за любезно предоставленную возможность ознакомиться с архивом, использовать ее обширную рукопись «Материалы для биографии В. И. Смирнова», снабженную списком опубликованных работ краеведа и перечнем хранилищ, содержащих теперь собранные им археологические, этнографические и другие материалы.

² О жизни и деятельности В. И. Смирнова см.: Л. С. Китицына, П. Н. Третьяков. Памяти Василия Ивановича Смирнова. — «Советская археология», № 4, 1968, стр. 239—243; А. Куратов. Энтузиаст изучения Севера. — «Правда Севера», 25 октября 1966 г.; В. Бочков. Призвание. — «Северная правда», 17 февраля 1972 г.; он же. Подвижник костромского краеведения (Василий Смирнов, Леонид Казаринов, Дмитрий Дементьев). — «Второе свидание. Глазами краеведов». Ярославль, 1974, стр. 42—80.

³ «Из материалов по истории подпольной библиотеки и тайного кружка Владимирской семинарии». — «Библиотека общественных движений в России XIX и XX вв.», вып. IV. Кострома, 1921, стр. 1—26. (Предисловие написано В. И. Смирновым).

ческого кружка Переславля-Залесского В. И. Смирнов подвергся многомесячному тюремному заключению ⁴.

В 1906 г. он поступает в Московский университет, но вскоре прерывает обучение и служит в Костроме помощником инспектора духовной семинарии (1907—1908), преподавателем истории I мужской гимназии (1908—1917), директором Коммерческого училища (1917—1919).

Костромской период жизни В. И. Смирнова — время формирования его как исследователя-краеведа: он был одним из организаторов открывшегося в 1912 г. Костромского научного общества по изучению местного края (КНО), его секретарем (1912—1919) и председателем (1919—1929), заведующим Музеем местного края (1919—1928), главой Комитета по делам музеев и охране памятников при губернском отделе народного образования.

Краеведческое движение по всестороннему изучению Костромской губернии в первые годы Советской власти получило особый размах, его считали образцовым в общероссийском масштабе ⁵. КНО, насчитывающее несколько сот человек, превратилось в стройную организацию, имевшую уездные и волостные отделения и ячейки, биологическую, геофизическую, этнологическую станции и геологическую лабораторию. Деятельность Общества по собиранию, сохранению, изучению и использованию естественных и культурных богатств края, нашедшая отражение в его «Трудах», «Отчетах» и других изданиях, способствовала пополнению коллекций музея, организации Губернского архива и Центральной научной библиотеки, предопределила создание местной картинной галереи. Вдохновителем, руководителем и популяризатором этой работы являлся В. И. Смирнов: он составлял многочисленные краеведческие программы и инструкции, устраивал губернские и уездные краеведческие съезды, конференции и курсы, организовывал местные и активно содействовал центральным экспедициям (возглавлявшимся А. Я. Брюсовым, В. А. Городцовым, Д. А. Золотаревым и др.), вел обширную переписку.

Будучи председателем Костромского общества народных университетов, В. И. Смирнов в 1918—1922 гг. сыграл заметную роль в организации и деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета ⁶; он же преподавал здесь археологию и историческую географию.

Признанием организаторских, научных и культурно-просветительных заслуг В. И. Смирнова стало избрание его членом ЦБК, Русского географического общества, Национального географического общества в Вашингтоне, многих отечественных краеведческих организаций. В 1923 г. за руководство собиранием экспонатов для I сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР Главный Выставочный комитет награждает В. И. Смирнова дипломом I степени, в 1925 г. краевед принимает участие в юбилейных торжествах Академии наук, в 1926 г. за работы по этнографии ему присуждается малая серебряная медаль Русского географического общества ⁷.

В 1929 г. В. И. Смирнов оставляет Кострому и работает заведующим культурно-историческим отделом Ивановского областного музея (1929—1930), научным сотрудником Северного геологоразведочного треста в Архангельске (1931—1941). Умер В. И. Смирнов 22 октября 1941 г.

⁴ К. Иванов. Письма из тюрьмы. — «Коммунар», 25 августа 1963 г.; 15 января 1964 г. В основу данных очерков положены письма В. И. Смирнова из тюрьмы к товарищам, переданные Л. С. Китицыной Переславскому музею в 1962 г.

⁵ «Костромские научные праздники. (К XV-летию Костромского научного о-ва по изучению местного края)». — «Известия Центрального бюро краеведения», № 5, 1927 (далее — «Известия ЦБК»), стр. 149—151.

⁶ Об университете см.: М. Магнитский. По декрету Ленина. — «Северная правда», 29 марта 1970 г.

⁷ «Известия ЦБК», № 5, 1926, стр. 157.

Диапазон научных интересов В. И. Смирнова необычайно широк: ему принадлежат несколько десятков печатных работ по библиографии, археологии, этнографии, фольклору, диалектологии, палеонтологии, геологии, экономике Костромского и Северного краев, общим вопросам краеведения⁸.

Эпистолярный архив В. И. Смирнова насчитывает 6014 писем от 712 корреспондентов за 1905—1941 гг.⁹ Среди них видные деятели науки и культуры, а также краеведы: М. К. Азадовский (5 писем, 1925—1926 гг.), Ю. И. Айхенвальд (3 письма, 1922 г.), Н. В. Альбов (10 писем, 1936, 1940 гг.), Н. Ю. Андерсон (2 письма, 1923 г.), А. И. Андреев (1 письмо, 1924 г.), Н. П. Андреев (1 письмо, 1930 г.), А. И. Анисимов (3 письма, 1920, 1928 гг.), Н. П. Андиферов (3 письма, 1927 г.), А. А. Апушкин (18 писем, 1915, 1918—1919, 1925—1927, 1930, 1936 гг.), В. А. Апушкин (1 письмо, 1919 г.), Б. В. Асафьев (3 письма, 1926—1927 гг.), Н. С. Апушкин (4 письма, 1926—1927 гг.), О. Н. Бадер (25 писем, 1926—1930, 1935, 1938, 1940—1941 гг.), В. А. Бальц (1 письмо, 1934 г.), В. П. Бархатова (4 письма, 1934, 1940, 1941 гг.), В. И. Барыков (2 письма, б/д), С. А. Безбах (1 письмо, 1927 г.), Л. М. Белоруссов (14 писем, 1919, 1921—1924, 1927—1928 гг.), А. Л. Бенинг (1 письмо, 1924 г.), Л. С. Берг (1 письмо, 1924 г.), В. В. Богданов (8 писем, 1922, 1927, 1930 гг.), И. М. Богданов (15 писем, 1918—1923 гг.), В. Д. Бонч-Бруевич (9 писем, 1937—1938, 1940 гг.), В. Н. Бочкарев (1 письмо, 1929 г.), А. Я. Брюсов (12 писем, 1924—1929 гг.), А. А. Бялыницкий-Бируля (1 письмо, 1932 г.), А. Н. Вершинский (2 письма, 1926 г.), Г. С. Виноградов (1 письмо, 1925 г.), К. Я. Виноградов (1 письмо, 1926 г.), Н. Н. Виноградов (11 писем, 1915—1918 гг.), Ф. И. Витязев (1 письмо, 1925 г.), М. М. Вишневская (3 письма, 1927 г.), Б. Н. Вишневский (17 писем, 1920—1927, 1929—1930 гг.), И. И. Власов (11 писем, 1925, 1928—1930 гг.), В. П. Воскресенский (8 писем, 1923—1924 гг.), Э. А. Гаркави (4 письма, 1925—1926 гг.), Н. А. Гейнике (7 писем, 1928—1929 гг.), С. Д. Георгиевский (1 письмо, 1924 г.), С. А. Голубцов (1 письмо, 1916 г.), Н. Г. Городенский (95 писем, 1907—1908, 1910—1913, 1915—1924, 1926—1929 гг.), В. А. Городцов (4 письма, 1923—1924 гг.), Т. И. Горшкова (2 письма, 1930, 1936 гг.), И. М. Гревс (4 письма, 1925—1926 гг.), Б. С. Грезе (2 письма, 1924—1925 гг.), В. П. Грибунин (1 письмо, 1920 г.), С. П. Григоров (2 письма, 1925—1926 гг.), Н. П. Гринкова (2 письма, 1925—1926 гг.), В. И. Громова (20 писем, 1926—1927, 1934—1936, 1938, 1941 гг.), В. Ф. Груздев (1 письмо, б/д), П. Н. Груздев (4 письма, б/д), А. В. Гуреев (8 писем, 1925—1927 гг.), Н. Н. Гурина (1 письмо, 1933 г.), Н. Н. Гусев (2 письма, 1928 г.), Н. К. Дексбах (4 письма, 1922—1924 гг.), Д. П. Дементьев (43 письма, 1915—1917, 1919—1920, 1922, 1925—1926 гг.), Г. Н. Демидов (11 писем, 1924—1930 гг.), И. Д. Дмитриев (2 письма, 1923 г.), Н. А. Дорогутин (23 письма, 1923—1928 гг.), В. С. Дохтуровский (4 письма, 1924, 1926 гг.), Н. А. Дубровин (5 писем, 1926—1928 гг.), А. Ф. Дубынин (1 письмо, 1929 г.), С. Н. Дурьлин (1 письмо, 1928 г.), Е. Ф. Дюбюк (19 писем, 1916—1920, 1923—1926 гг.), В. Е. Евгеньев-Максимов (1 письмо, 1927 г.), П. И. Едемский (3 письма, 1932, 1935—1936 гг.), С. А. Еремин (15 писем, 1924—1929 гг.), П. П. Ефименко (1 письмо, 1919 г.; адресовано Е. М. Чепурковскому), В. И. Жадин (2 письма, 1926 г.), А. Е. Жадовский (29 писем, 1914—1917, 1921, 1924, 1926—1927 гг.), Б. С. Жуков (1 письмо, 1926 г.), А. В. Збруева (2 письма, конец 1920-х — начало 1930-х гг.), В. В. Звездин (1 письмо, 1918 г.), Е. А. Звягинцев (4 письма, 1916, 1928 гг.),

⁸ Помимо общего списка трудов В. И. Смирнова, составленного Л. С. Китицной, библиографию работ по археологии см.: *Л. С. Китицна, П. Н. Третьяков. Указ. соч.*

⁹ Описание архива, составленная Л. С. Китицной, раскрывает авторство писем, указывает их количество, хронологические рамки и краткое содержание.

Н. В. Здобнов (2 письма, 1925, 1928 гг.), Я. Д. Зекель (1 письмо, 1940 г.), Д. К. Зеленин (17 писем, 1916—1941 гг.), М. М. Зимин (25 писем, 1916—1922 гг.), А. А. Золотарев (13 писем, 1925—1928, 1930, 1933—1934, 1936, 1940—1941 гг.), Д. А. Золотарев (12 писем, 1923—1925, 1927, 1929 гг.), П. В. Зорин (13 писем, 1915—1918 гг.), А. И. Зоричева (3 письма, 1939—1940 гг.), Б. В. Иваненко (1 письмо, 1927 г.), Н. М. Иезуитов (1 письмо, 1925 г.), А. Ф. Изюмов (1 письмо, б/д), В. Т. Илларионов (2 письма, 1928—1929 гг.), Е. И. Исполатов (2 письма, 1927 г.), Е. Г. Кагаров (2 письма, 1928—1929 гг.), Л. Н. Казаринов (202 письма, 1919—1939 гг.), Ю. В. Казаринова (11 писем, 1931—1941 гг.), П. В. Калачев (4 письма, 1923, 1926 гг.), И. М. Калинин (1 письмо, 1934 г.), Л. Э. Каруновская (1 письмо, 1926 г.), В. В. Касторский (21 письмо, 1922—1927 гг.), С. В. Касторский (2 письма, 1925—1926 гг.), Е. Катенин (2 письма, после 1922 г.), Б. И. Клушин (2 письма, 1924, 1928 гг.), А. К. Ковальковский (6 писем, 1915—1918, 1922 гг.), Н. А. Кожин (1 письмо, 1928 г.), С. В. Короленко (1 письмо, 1929 г.), В. И. Кошелев (3 письма, 1928—1929 гг.), С. Ф. Красильников (1 письмо, 1922 г.), А. А. Красюк (13 писем, 1923—1926 гг.), М. П. Кудрявцев (8 писем, 1940—1941 гг.), И. М. Кулишер (1 письмо, 1922 г.), В. Н. Кун (2 письма, б/д), Н. Н. Купрянов (1 письмо, не ранее 1918 г.), Б. М. Кустодиев (1 письмо, 1927 г.), В. И. Лавров (5 писем, 1919—1926 гг.), Д. А. Ласточкин (3 письма, 1925, 1929 гг.), А. А. Лебедев (3 письма, 1928—1929 гг.), Г. И. Лебедев (82 письма, 1922—1929, 1932, 1934—1935, 1940—1941 гг.), Н. И. Лебедева (1 письмо, 1926 г.), А. П. Лебедеванская (1 письмо, 1927 г.), Н. Р. Левинсон (8 писем, 1925—1928 гг.), Ю. А. Ливеровский (1 письмо, 1934 г.), П. Н. Луппов (1 письмо, 1929 г.), А. А. Малахов (7 писем, 1939—1941 гг.), Д. И. Малинин (11 писем, 1924, 1928—1929 гг.), Н. В. Малицкий (3 письма, 1918, 1925 гг.), Д. А. Марков (57 писем, 1916, 1921—1929 гг.), С. Н. Марков (29 писем, 1934—1941 гг.), Н. Я. Марр (3 письма, 1926—1927 гг.), Г. С. Маслова (1 письмо, 1927 г.), М. И. Маташов (17 писем, 1926—1929 гг.), В. В. Матренинский (5 писем, 1917—1918 гг.), Н. Г. Машковцев (2 письма, 1927 г.), И. В. Мешалин (3 письма, 1925 г.), О. В. Милорадович (1 письмо, 1939 г.), А. В. Михайлов (1 письмо, 1925 г.), Г. Ф. Морозов (6 писем, 1917 г.), М. В. Муратов (3 письма, 1925 г.), Л. А. Невский (41 письмо, 1923—1929 гг.), Г. А. Недошивин (2 письма, 1938 г.), А. И. Некрасов (26 писем, 1919—1920, 1922—1926, 1928, 1932 гг.), Л. В. Некраш (3 письма, 1924—1926 гг.), А. В. Немилова (3 письма, 1938—1941 гг.), Г. А. Никитин (1 письмо, 1935 г.), С. Ф. Ольденбург (3 письма, 1924—1925, 1927 гг.), Н. Е. Ончуков (6 писем, 1926—1927, 1933—1934 гг.), И. А. Орбели (1 письмо, 1938 г.), Н. Н. Павлов-Сильванский (6 писем, 1924—1926, 1928 гг.), Л. А. Парийский (8 писем, 1915—1923 гг.), Н. Г. Первухин (13 писем, 1924—1929 гг.), В. И. Переход (5 писем, 1921—1922, 1924 гг.), Ф. А. Петровский (1 письмо, б/д), Н. К. Пиксанов (2 письма, 1926, 1928 гг.), С. Ф. Платонов (2 письма, 1927 г.), Ф. И. Покровский (2 письма, 1923, 1925 гг.), Е. М. Полянская (24 письма, 1926—1930 гг.), Н. Н. Поппе (1 письмо, 1924 г.), Ф. Поспишил (Pospíšil František) (1 письмо, 1926 г.), И. Ф. Правдин (31 письмо, 1921—1924, 1926—1928 гг.), И. Д. Преображенский (10 писем, 1914—1915 гг.), Н. Ф. Преображенский (1 письмо, б/д), С. К. Просвиркина (6 писем, 1926 г. и б/д), С. Н. Рейпольский (11 писем, 1926—1929 гг.), Г. Т. Робинсон (G. T. Robinson) (2 письма, 1927 г.), А. Г. Розенберг (2 письма, 1924 г.), В. Розепин (11 писем, 1924—1927 гг.), Н. С. Розов (11 писем, 1924—1926 гг.), Ф. А. Рязановский (22 письма, 1920—1927, 1934 гг.), А. Я. Садовский (1 письмо, 1923 г.), Т. В. Самойлова (42 письма, 1925—1930 гг.), А. Н. Самойлович (2 письма, 1924 г.), А. Н. Световидов (2 письма, 1938—1939 гг.), М. Ф. Святская (16 писем, 1931—1932, 1934, 1940 гг.), Д. О. Святский (101 письмо, 1922—1930, 1932—1939 гг.), Ю. [В.] Сергиевский (1 письмо, 1935 г.), М. Д. Сигорский (5 писем, 1924—1926 гг.), Н. Л. Скалозу-

бов (1 письмо, 1915 г.), А. Л. Скалзубова (3 письма, 1915—1916 гг.), М. И. Смирнов (206 писем, 1906—1941 гг.), С. И. Смирнов (80 писем, 1907—1916 гг.), Б. М. Соколов (5 писем, 1919, 1925, 1927—1928 гг.), М. И. Соколов (5 писем, 1927—1929 гг.), Н. Н. Соколов (43 письма, 1926—1929, 1932 гг.), Ю. М. Соколов (2 письма, 1926—1927 гг.), М. П. Сокольников (20 писем, 1924—1928 гг.), Н. А. Солнцев (2 письма, 1937 г.), К. А. Соловьев (2 письма, 1926, 1929 гг.), Ф. К. Сологуб (2 копии писем, 1917—1918 гг.), А. А. Спичын (23 письма, 1915, 1925—1930 гг.), В. А. Сушицкий (2 письма, 1928 г.), К. П. Счастливец (34 письма, 1922—1929 гг.), Б. И. Сыромятников (3 письма, 1918 г.), А. М. Тальгрэн (8 писем, 1923—1927 гг.), Д. А. Терновский (2 письма, 1928 г.), Н. И. Толмачевская (2 письма, 1924—1925 гг.), П. Н. Третьяков (10 писем, 1926—1934, 1938 гг.), А. Я. Тугаринов (1 письмо, 1939 г.), Н. Н. Умнов (3 письма, 1925 г.), М. И. Успенский (1 письмо, 1927 г.), Д. А. Ушаков (16 писем, 1922, 1924—1929 гг.), Б. В. Фармаковский (1 письмо, 1927 г.), М. В. Фармаковский (1 письмо, 1929 г.), С. В. Фарфоровский (1 письмо, 1921 г.), А. Н. Федоров (1 письмо, 1941 г.), А. В. Федосов (11 писем, 1926—1928 гг.), М. Я. Феноменов (15 писем, 1925—1927 гг.), Ганс Финдензейн, (H. Findensein) (2 письма, 1925—1926 гг.), М. Е. Фосс (3 письма, 1925, 1928, 1941 гг.), В. Н. Харузина (1 письмо, 1919 г.), П. А. Царев (66 писем, 1926—1929 гг.), Е. М. Чепурковский (3 письма, 1923 г.), А. А. Чернов (2 письма, 1935, 1939 гг.), Г. А. Чернов (8 писем, 1940 г.), С. Н. Чернов (2 письма, 1928 г.), Г. П. Чернышев (2 письма, 1925 г.), В. П. Чистяков (53 письма, 1918—1929 гг.), А. А. Шахматов (1 письмо, 1906 г.; адресовано Н. Л. Туницкому), В. Я. Шишков (4 письма, 1924 г.), В. Ф. Шинмарев (5 писем, 1912—1918 гг.), К. С. Шохор-Троцкий (3 письма, 1926—1927 гг.), И. В. Шумский (129 писем, 1922—1930, 1934—1937 гг.), В. А. Щавинский (2 письма, 1923 г.), И. В. Шулепников (1 письмо, 1912 г.), П. В. Шулепников (1 письмо, 1926 г.), П. М. Экземплярский (14 писем, 1925—1929 гг.), Н. М. Элиаш (1 письмо, 1929 г.), К. Ф. Юон (1 письмо, 1920-е годы), А. А. Языков (12 писем, 1914, 1916—1917, 1919, 1925—1927 гг.), А. Н. Яковлев (5 писем, 1928—1929 гг.), Д. Т. Янович (6 писем, 1915, 1923—1924, 1929 гг.).

Около 1,5 тыс. писем (преимущественно — 1920-х годов) принадлежат почти 150 краеведам и лицам, интересующимся изучением Костромского края. Эти письма убедительно свидетельствуют о широком участии местного населения в краеведческом движении: В. И. Смирнову пишут крестьяне, школьники, студенты, работники просвещения, агрономы, общественно-политические деятели. Лесовод В. И. Переход (ныне — действительный член АН Белорусской ССР) так оценивал костромское краеведение: «Работа Костромского научного о-ва вызывает всеобщее удивление. В то время, как здесь, в Минске, еще только приступают к работе, думают ее развить, Кострома имеет уже пройденный путь, пройденные этапы своей славной эволюции. И я горжусь, что состоял членом этого о-ва, хотя и сделал весьма немного... Кострома... стоит выше многих и многих городов»¹⁰. Колоритны письма краеведа-самоучки крестьянина Д. П. Дементьева, занимавшегося историей Варнавинского и Ветлужского уездов, автора 239 томов местной летописи¹¹, в период бумажного голода

¹⁰ Из письма от 13 декабря 1921 г. Корреспондент даже собирался написать воспоминания «Пять лет в Костр[омской] губ[ернии]», если они «представят интерес для Общества» (письмо от 28 мая 1924 г.).

¹¹ Д. П. Дементьев так характеризует содержание своего труда: «Излагаю свои созерцания, впечатления и отголоски важные, если не всего русского народа, то хотя бы своего Петушихинского прихода, о котором более описываю»; «...если не каждый день, то каждую еще неделю и каждый месяц пишу, не только что современное замеченное отмечаю, но поминаю дни древни и поучаюсь, излагая отдельные статьи» (из писем от 4 февраля 1917 г., 11 декабря 1919 г.). О Дементьеве см. очерк В. Н. Бочкова в книге «Второе свидание».

заявлявшего: «Не будет простой бумаги, летописец Бармин-Дементьев принужден будет писать на заячьих шкурах или на скатах береста, а свою охоту изучения истории Костромского края удовлетворит»¹². Интересны письма руководителей местных отделений КНО: Л. М. Белорусова (Солигалич), Л. Н. Казаринова (Чухлома)¹³, В. В. Касторского (Галич), Д. А. Маркова (Ветлуга), М. И. Матасова (Буй), Л. А. Невского (Нерехта), К. П. Счастливцева (Кологрив), И. В. Шумского (Солигалич). Они информируют о находках¹⁴, делятся замыслами¹⁵, сообщают об опыте ведущих ученых¹⁶, об установлении научных контактов с краеведами других городов и республик¹⁷, радуются успехам, сетуют на неудачи, просят советов.

Характер и содержание повсеместно развивающегося краеведческого движения раскрывается в письмах из городов Дмитрова (К. А. Соловьев), Иваново-Вознесенска (П. М. Экземплярский), Переславля-Залесского (М. И. Смирнов), Рыбинска (А. А. Золотарев¹⁸), Твери (А. Н. Вершинский), Ярославля (Н. Г. Первухин), а также Карелии (Н. Н. Гурина).

Деятельность ЦБК получила отражение в письмах ученого секретаря Бюро Д. О. Святского. Здесь содержится немало сведений об издательской, организационной работе ЦБК, о руководящей роли в ней П. Г. Смидовича и Ф. Н. Петрова (по словам корреспондента, Ф. Н. Петров не раз высказывал определенный «взгляд на краеведение как на комплексное понятие, назвав его на этот раз «гармоническим» сочетанием всех начал...»¹⁹), а также о научных изысканиях Д. О. Святского в области истории отечественной метеорологии и астрономии²⁰.

¹² Из письма от 21 декабря 1919 г.

¹³ О нем см. очерк В. Бочкова в книге «Второе свидание». Как явствует из письма вдовы Л. Н. Казаринова Юлии Васильевны В. И. Смирнову от 28 января 1940 г., краеведом была составлена рукопись воспоминаний о полувековой (с 1880 г.) истории Чухломы.

¹⁴ Так, Л. М. Белорусов сообщает о найденном в имени Насоновых списке «Евгения Онегина» 1827 г. (письмо от 5 июля 1921 г.); Л. Н. Казаринов — о копии с уставной грамоты и с «условия», заключенного А. Ф. Писемским с крестьянами, о своих записях рассказов крестьян, помнивших писателя; о картине «А. С. Пушкин играет в пашки с П. А. Катениным» (письма от 22 июня 1922 г.; 16 декабря 1926 г.). Правда, С. Ф. Платонов, которому посылался фотоснимок с этого полотна, не согласился с мнением, что там изображен поэт (письмо от 15 марта 1927 г.).

¹⁵ Ими насыщены письма И. В. Шумского: краеведы Солигалича планировали составление географического словаря, собрание демографических сведений, исследование промыслов, разведку полезных ископаемых, изучение местной истории дореволюционного времени (в частности, истории ссылки сюда В. И. Засулич) и советской эпохи (письмо начала 1924 г.); издание бюллетеня для информации населения о краеведческой работе (письмо от 20 марта 1924 г.); составление солигаличской летописи и антологии местных поэтов (письмо от 25 марта 1925 г.); устройство «Дня науки» под девизом «Наука трудящимся» (письмо от 20 сентября 1928 г.).

¹⁶ Так, Л. Н. Казаринов информирует о методах раскопок А. Я. Брюсова, пересказывает предположения А. А. Спицына о жизни первобытных людей (письма от 10 июля и 14 марта 1925 г.).

¹⁷ Л. Н. Казаринов, обнаружив в архивных материалах сведения о поставке в Чухлому для гончарных работ глины из Владимирской губернии, сообщает об этом тамошним краеведам и пишет В. И. Смирнову: «Прошло более 100 лет, и возможно, что об этих естественных богатствах забыли и там не знают» (из письма от 1 февраля 1928 г.). И. В. Шумский замечает: «Сажусь писать ответ на просьбу [Центрального] Б[юро] К[раеведения] Наркомпроса Армении — сообщить программы, инструкции и т. д. по нашей сельской работе... С самой Арменией говорим» (из письма от 31 октября 1927 г.).

¹⁸ Содержат и автографы двух стихотворений А. А. Золотарева.

¹⁹ Из письма от 13 января 1927 г.

²⁰ По его мнению, государственная метеослужба в России началась при Алексее Михайловиче в 1650 г. (письмо от 4 апреля 1929 г.); «В Ярославле сделал для себя замечательное открытие. При осмотре церкви пр. Илии обнаружил на фресках сцены «Яко твое есть царство и сила» глобус с меридианами. В монографии об этой церкви глобус объясняется как земной. Но мой глаз рассмотрел на нем знаки зодиака, которые не вышли на фотографии в монографии, т. к. сделаны очень тонко. Итак, в 1680 г. (год росписи) наш живописец уже видел небесный глобус, а полагаю,

Краеведение как «живое творчество академий наук на местах»²¹ высоко оценивалось научной общественностью. Так, председатель ЦБК академик С. Ф. Ольденбург пишет: «Меня поддерживает мысль, что краеведение — жизненное течение, которое нужно, и особенно теперь, когда мы рассчитываем, что и широкие массы приобщатся к труду умственному»²². Вместе с тем он отмечает: «...Костромское общество считаю одним из самых лучших краеведческих обществ, образцовым по размаху и интенсивности работы»²³. Личные заслуги в этом направлении В. И. Смирнова подчеркивал Д. К. Зеленин, приветствовавший краеведа «как создателя и душу Костромской Академии наук»²⁴.

«Труды» КНО приобрели широкий научный резонанс: их просили выслать Ю. И. Айхенвальд, В. Ф. Груздев, П. Н. Луппов, Ю. М. Соколов, С. В. Фарфоровский, немецкий этнограф Ганс Финдензейн; за них благодарят А. И. Андреев, Л. С. Берг; интересуются работами по этнографии чешский профессор Ф. Поспишил, американский профессор Г. Т. Робинсон, по археологии — В. Т. Илларионов, по фольклору — Н. П. Андреев, Е. Г. Кагаров, по истории промышленности — И. М. Кулишер, «Литературным сборником»²⁵ — С. Н. Дурылин; высоко оценивают историко-революционные издания Общества С. Н. Чернов²⁶, этнографические — Б. А. Куфтин²⁷, библиографические — М. К. Азадовский, Н. В. Здобнов²⁸, Ф. И. Покровский.

Обширен и комплекс писем-запросов к краеведу. Б. В. Асафьев интересуется материалами по истории русской музыки²⁹, Н. С. Ашукин — документами о солигалических предках В. Я. Брюсова, В. Д. Бонч-Бруевич — фольклорными и рукописными собраниями для Литератур-

что они появились у нас лишь при Петре в начале XVIII в. Случай беспримерный — зодиак в русской церковной живописи» (из письма от 16 августа 1927 г.). Судя по письму вдовы Д. О. Святого Марии Федоровны от 22 мая 1940 г., ученым были составлены 4720 карточек по истории астрономии с 801 по 1939 г.

²¹ Из письма М. П. Сокольниковой от 11 декабря 1927 г.

²² Из письма от 24 марта 1925 г.

²³ Из письма от 16 мая 1927 г.

²⁴ Из письма от 17 апреля 1927 г. Д. К. Зеленин высоко оценивал деятельность местных научных обществ по изучению этнографии русского народа: «В своем курсе «этнографии русского народа», который я читаю студентам-филологам Петроградского университета и который надеюсь со временем напечатать, я уделяю особое внимание этнографическим работам областных русских обществ и кружков» (из письма от 8 марта 1916 г.).

²⁵ «Труды» Костромского научного общества, вып. XLII. Кострома, 1928.

²⁶ По поводу «Записок предателя П. Гребнева» («Библиотека общественных движений в России XIX и XX в.», вып. II. Кострома, 1918) он замечал: «Наш молодой историк революционного движения в крае В. А. Сушицкий тоже очень высоко ставит «Гребнева», а отзывами Сушицкого, как фактиста, я очень дорожу...» (Из письма от 1 февраля 1928 г.).

²⁷ Письмо С. К. Просвиркиной от 4 марта 1926 г.

²⁸ М. К. Азадовский пишет: «Мне очень приятно отметить, что наши библиографические методы сходятся» (из письма от 10 апреля 1925 г.). Н. В. Здобнова библиографическая работа В. И. Смирнова «радует серьезностью» (из письма от 30 марта 1925 г.).

²⁹ Письма Б. В. Асафьева содержат развернутую программу изучения истории русской музыки. Он пишет: «... я убедился, что без попытки проникнуть в краевую музыкальную культуру всякая история русской музыки будет историей музыки Петербурга и Москвы». Он интересовался старообрядческими нотными рукописями, памятниками светской музыки XVIII и XIX вв., народным музыкальным творчеством, исследованиями о письменных и устных памятниках музыкального прошлого и о современных проявлениях музыкальной жизни (письмо от 31 ноября 1926 г.). Б. В. Асафьев писал: «...важны не только песни, а следы городской музыкальной культуры и значения музыки в быту края. О музыкантах и музицировании, и не только о высококонцертной, но и о «домашней» и «уличной» музыке. Что когда пели и играли и что теперь поют и играют? Какие инструменты любили в Вашем крае и когда появились?! Воспоминания, старые программы, рецензии или просто рассказы, например о музыке и музыкантах, оркестрах, хорах в крепостном быту и в крепостном театре — вот что особенно ценно» (из письма от 28 декабря 1926 г.).

ного музея ³⁰, Ф. И. Витязев — библиографическими дополнениями В. И. Смирнова к «Словарному указателю по книговедению» А. В. Мезьер, Н. Н. Гусев — письмами Л. Н. Толстого, В. Е. Евгеньев-Максимов — записями воспоминаний крестьян о Н. А. Некрасове, Е. А. Звягинцев — данными об отхожем промысле — точильщиках, С. В. Короленко — биографическими справками о корреспондентах Л. Н. Толстого, М. В. Муратов — сведениями о сектанстве и старообрядчестве, И. А. Орбели — отчетом об археологических работах В. И. Смирнова на побережье Белого моря, Н. К. Пиксанов — материалами о семье Грибоедовых ³¹, А. Г. Розенберг и Н. М. Иезуитов — источниками по истории легенды о Китеже ³². К этой же группе писем следует отнести и письмо А. А. Шахматова, запрашивавшего копии документов о ранней истории Руси из собрания Московской духовной академии ³³.

Письма видных ученых, демонстрируя взаимосвязь и взаимовлияние краеведения и науки в целом, важны и как источники по истории археологии, этнографии, диалектологии, топонимики, искусствоведения и т. д.

Проблемы, волновавшие археологов 1920-х годов, получили отражение в письмах А. Я. Брюсова ³⁴, П. П. Ефименко ³⁵, А. М. Тальгрена ³⁶, Б. В. Фармаковского ³⁷.

Об этнографических исследованиях пишут М. В. Фармаковский ³⁸, М. Я. Феноменов ³⁹, В. Н. Харузина ⁴⁰.

Вопросы диалектологии затрагивают С. А. Еремин ⁴¹, В. Ф. Шишмарев ⁴²; И. Д. Дмитриев, Н. Я. Марр ⁴³, Н. Н. Поппе, А. Н. Самойлович

³⁰ Кстати, он запрашивал и по поводу писем, отложившихся у В. И. Смирнова (письмо от 3 ноября 1937 г.).

³¹ Особо интересовался Н. К. Пиксанов документами о буште крестьян в имении Троицком Кологривского уезда, принадлежавшем матери Грибоедова; письмами, портретами, списками «Горя от ума». Обоснованность этих запросов подтверждается письмом Е. Катенина, вспоминавшего о находившемся в семье списке «Горя от ума», согласно преданию подаренном П. А. Катенину А. С. Грибоедовым (письмо написано после 1922 г.).

³² А. Г. Розенберг интересуется фольклорными и летописными сведениями о легенде, Н. М. Иезуитов — археологическими находками на берегу озера Светлояр; он пишет, что заметка В. И. Смирнова «Потонувшие колокола» («Третий этнографический сборник». — «Труды» Костромского научного общества, вып. XXIX. Кострома, 1923, стр. 1—4) «представляет чрезвычайный интерес, выходящий далеко за пределы изучения местного края. Для моей работы — прямо ценный клад».

³³ Это письмо Н. Л. Туницким было переадресовано В. И. Смирнову с указанием требований, предъявляемых А. А. Шахматовым к снятию копий.

³⁴ А. Я. Брюсов излагает свои взгляды на причины различий русских и западноевропейских археологических датировок (письмо от 25 августа 1924 г.), характеризует творческое направление Б. С. Жукова в археологии (письмо от 28 января 1927 г.), делится мыслью о колонизационной волне из Центральной промышленной области к Прибалтике в III—II тысячелетия до н. э. (письмо от 17 марта 1928 г.).

³⁵ В письме изложена развернутая программа археологических исследований в Костромском крае.

³⁶ В письме от 6 марта 1926 г. излагает свои взгляды на эпоху неолита в Костромском крае.

³⁷ Выдавая В. И. Смирнову открытый лист на раскопки, Б. В. Фармаковский замечает: «Исследователь [В. И. Смирнов. — С. Ф.] — первый из русских археологов возымел счастливую решимость начать раскопки на болотистой площадке и нашел богатый костный материал».

³⁸ М. В. Фармаковский предлагает В. И. Смирнову ознакомиться со своими рукописными отчетами по изучению быта рабочих.

³⁹ В письме от 2 марта 1925 г. излагает план трехэтапного обследования деревни.

⁴⁰ Отказываясь от преподавания в Костромском университете, указывает на задачи этнографов-собираателей.

⁴¹ 10 марта 1928 г. С. А. Еремин пишет: «Моя мечта — составить лингвистический атлас русск[ого] народн[ого] языка, только уж поле-то очень широкое для выполнения этой полезной, весьма важной задачи, одному не под силу».

⁴² В письмах В. Ф. Шишмарева раскрывается также его деятельное участие в создании Костромского университета.

⁴³ В письме от 8 мая 1926 г. Н. Я. Марр трактует происхождение слова «Кострома».

пытаются определить топонимические термины Костромского края не-славянского происхождения.

Охраны памятников и изучения древнерусского, костромского городского, усадебного и деревенского искусства касаются письма А. И. Анисимова, Н. А. Кожина, Ф. К. Сологуба; письма Н. Н. Купреянова, Б. М. Кустодиева⁴⁴, Н. Г. Машковцева, А. И. Некрасова, К. Ф. Юона связаны с созданием художественного отдела музея⁴⁵.

Существенным дополнением к рассмотренному эпистолярному архиву как источнику по истории отечественного краеведения являются и немногие сохранившиеся (учитывая правило краеведа отвечать на каждое письмо) черновики и копии писем самого В. И. Смирнова (142 копии и черновика деловых писем к 74 адресатам 1907 — 1941 гг.), а также его письма к Л. С. Кितिцной (484 письма 1925—1941 гг.). Они содержат большой запас информации по самым разнообразным вопросам⁴⁶, раскрывают взгляды краеведа-подвижника на значение движения по изучению края, его задачи и перспективы развития: «Краеведение станет служить девизу: уразумевать, работать и радоваться...»⁴⁷

⁴⁴ В ответ на просьбу В. И. Смирнова о присылке в музей картин Б. М. Кустодиева художник 26 апреля 1927 г. пишет: «...буду помнить о Вашем предложении и буду прилагать все усилия, чтобы прислать Вам что-ниб[удь] из моих работ: у меня самые трогательные воспоминания из прошлого — это именно мои поездки в Кострому, которая мне много дала для понимания русской провинции, так что я всегда чувствую себя с ней связанным и даже должником ей».

⁴⁵ Сюда же следует отнести письмо члена КНО А. А. Алушкина от 10 января 1927 г., содержащее сведения о художниках — уроженцах Костромской губернии.

⁴⁶ В частности, в письме Б. В. Асафьеву от 17 января 1927 г. на запрос о материалах по истории русской музыки В. И. Смирнов указывает на наличие в собрании КНО записей песен, частушек, рукописи С. И. Бирюкова «Из истории Костромского театра и музыки 90-х годов XIX в.», доклада члена КНО «Влияние костромского церковного мотива на музыкальную сторону народных песен».

⁴⁷ Из недатированного письма солигалическому краеведу В. Розецину.

М. Я. Стецкевич

**СПРАВОЧНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ
ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ И РЕДКИХ КНИГ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
(Аннотированный список)**

Раскрытие содержания уникальных рукописных фондов Государственной публичной библиотеки, являющейся крупным мировым хранилищем памятников письменности и источников по отечественной и всеобщей истории, истории литературы, искусства, культуры и науки России, стран Запада и Востока, имеет важное значение для исследователей. Небезынтересны также формы и методические приемы описания, логическое историко-культурное осмысление документов, выраженное в различных принципах их систематизации.

Информация о сокровищах Отдела рукописей и редких книг многообразна: отчеты о новых приобретениях, каталоги, научные описания, обзоры фондов, публикации и исследования отдельных памятников, устные доклады и сообщения. Основные этапы и итоги деятельности Отдела в этом направлении нашли уже некоторое освещение в литературе¹.

На протяжении последних лет (с 1960 г.) Отдел издавал множительным способом (ротатор, ротапринт) каталоги, описания, методические инструкции по обработке различных видов документального материала. Их тираж колебался от 50 до 200 экземпляров, что не могло сколько-нибудь удовлетворительно обеспечить распространение весьма ценной содержащейся в них справочной и методической информации. Они, к сожалению, не нашли отражения и в вышедших за последнее время архивных справочниках. Так, в разделах «Каталога архивоведческой литературы»², посвященных описям, описаниям и каталогам, нет малотиражных изданий Публичной библиотеки, ставших уже библиографической редкостью. Не получили справочники значительного отклика и в печати³. В связи с этим представляется целесообразным обобщить сведения об изданиях, выпущенных множительным способом, и ввести их в широкое научное обращение⁴.

¹ «История Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина». Л., 1963; А. С. Мьяльников. Печатные каталоги и обзоры рукописных фондов Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 455—457.

² «Каталог архивоведческой литературы и сборников документов (1960—1963 гг.)». М., 1964; «Каталог архивоведческой литературы и сборников документов (1964—1967 гг.)». М., 1970.

³ Исключением являются отзывы Э. С. Паиной на «Каталог фонда М. М. Сперанского» и «Каталог фонда ревизии сенатора А. А. Половцова Киевской и Черниговской губерний» («Вопросы архивоведения», 1964, № 2, стр. 129; 1964, № 4, стр. 104), на «Инструкцию по описанию документальных материалов фондов личного происхождения». — «Вопросы архивоведения», 1964, № 2, стр. 128—129.

⁴ В данный каталог не включены издания Отдела, напечатанные типографским способом. Их перечень см.: «Издания Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина за сорок лет Советской власти (1917—1957)». — «Труды

Сведения о некоторых наиболее важных изданиях Отдела приводятся в кратком справочнике ⁵, изданном Комиссией по рукописным фондам при Ленинградском межведомственном библиотечном совете. Однако неполный учет изданий, связанный с задачами этого справочника, а также его малый тираж (200 экземпляров на ротапринте) практически не способствовали информации об интересующих нас изданиях Отдела рукописей и редких книг.

Множительным способом было издано 35 каталогов (пофондовых, тематических) и методических инструкций. Их композиционный строй соответствует принятым в Отделе археографическим правилам публикации описаний, поэтому, при всем разнообразии и специфике материала, предисловия в каталогах однотипны. В них кратко излагаются сведения о содержании рукописей, их происхождении, истории комплектования, наличии рукописных материалов того или иного деятеля в других фондах Отдела или архивохранилищах страны, а также раскрываются принципы описания и систематизации материалов в каталоге, даются биографические сведения о фондообразователе, характеристика его общественно-политических взглядов и творческих приемов. Иногда составители рассказывают в предисловиях о методе датировки рукописей и изданий, результатах анализа различных списков произведений, творческой истории рукописей, способах библиографических разысканий, а также называют издания, в которых публиковались документы фонда ⁶.

Описания рукописей в каталогах делались по инструкциям, утвержденным в Отделе. Общие элементы, принятые для описания всего многообразия рукописей, были следующие: данные об авторах, заглавие, содержание, подлинность, степень завершенности рукописи, средства письма, пометы и приписки, количественная и внешняя характеристика, библиографические справки. Систематизация рукописей в каталогах производилась в зависимости от состава материала, по трем принципам: алфавитному, хронологическому, предметно-тематическому.

Представленные в настоящем списке каталоги и другие издания расположены по разделам: история, литература, искусство, история книги, информация, методические пособия, что отражает тематические комплексы материалов. Систематизация внутри разделов: по хронологии содержания (история, искусство, история книги), по хронологии последовательности изданий (информация, методические пособия), в порядке алфавита персоналий (литература).

Аннотации включают краткие сведения о самих изданиях (в некоторых случаях — о вводных статьях к ним), характере и содержании описанных материалов; их главное целевое назначение — привлечь внимание читателей к ценным материалам фондов. В аннотации отмечалась только сложная система указателей, поскольку именной и географический приложены к каждому каталогу. Указания на хронологический охват материалов и количество единиц хранения (если оно приведено в каталоге) являются обязательным элементом аннотации. Так как все каталоги изданы Государственной публичной библиотекой, в библиографических описаниях опущено указание издателя.

ГПБ», т. IV (7). Л., 1957, стр. 187—259; *Н. А. Зубкова*. Рукописные фонды Публичной библиотеки. Л., 1971.

⁵ «Рукописные фонды ленинградских хранилищ. Краткий справочник по фондам библиотек, музеев, научно-исследовательских и других учреждений». Л., 1970, стр. 68—91.

⁶ Эти предисловия использованы в некоторой степени при составлении аннотаций данного списка.

История

Альшиц Д. Н., Шапот Е. Г. Каталог русских рукописей Эрмитажного собрания. Л., 1960, 381 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Описаны все русские рукописи Эрмитажного собрания XI—XIX вв. (816 единиц хранения) с раскрытием всех произведений, входящих в состав сборников. Ввиду широкого хронологического охвата рукописи систематизированы в каталоге по трем рубрикам: XI—XVII, XVIII, XIX вв. Делятся они на памятники древнерусской письменности XI—XVII вв. (или копии, снятые с них в XVIII в.) и документальные материалы и рукописи XVIII—XIX вв.

Среди многочисленных литературных и историко-повествовательных памятников — сочинения Андрея Курбского, Максима Грека, Авраамия Палицына, Н. Г. Спафария, а также повести и сказания, жития святых, публицистика, драматургия, поэзия, литература богословского содержания, переводная литература. В собрании хранятся труды и материалы к ним В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова, сочинения Вольтера, Екатерины II.

Важное значение имеют географические описания и карты России и отдельных ее районов, морей и рек, военно-исторические карты, карты стран мира. Рукописи собрания содержат ценные сведения о состоянии промышленности, сельского хозяйства, торговли, финансов; раскрывают историко-экономические описания отдельных губерний, местностей, городов, дают представление о внутривосточной и культурной жизни России, классовую борьбу (в частности, крестьянском движении под руководством Е. И. Пугачева), законодательных преобразованиях, состоянии просвещения и военного дела. Многие материалы характеризуют внешнюю политику России и иностранных государств.

Дворецкая Н. А. Каталог собрания автографов М. П. Погодина. Л., 1960, 128 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Каталог охватывает лишь незначительную часть — собрание автографов из «Древлехранилища» М. П. Погодина, насчитывающего более 6 тыс. единиц хранения — русских и славянских рукописных, старопечатных книг, актов, грамот, автографов, изобразительных материалов. В нем описано 429 единиц хранения за 1517—1887 гг.: рукописей произведений, писем, юридических документов русских и иностранных государственных и военных деятелей, деятелей науки, литературы и искусства, представителей церкви. Автографы Б. Хмельницкого, Петра I и его сподвижников, А. В. Суворова, Екатерины II, А. А. Безбородко, Г. А. Потемкина, И. И. Бецкого, М. И. Кутузова, Д. В. Давыдова, Н. В. Гоголя, В. И. Даля, Вольтера, Гёте, В. Карджича, И. Шафарика и других содержат ценный фактический материал по

русской и зарубежной истории середины XVII—XVIII в., истории Отечественной войны 1812 г., а также русской литературы, науки и техники, отражают связи русской культуры с западноевропейской.

Гейман В. Г. и Гранстрем Е. Э. Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. 1647—1660 гг., вып. 5. Л., 1960, 247 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Каталог является продолжением ранее изданных четырех выпусков описания подлинных древнерусских грамот и списков с них⁷ и охватывает 731 грамоту. Среди них: послужные, царские, жалованные, зазывные, ввозные, отказные, правые, челобитные, допросы, мировые записи, купчие, служилые кабалы; межевые, писцовые, разрядные книги, памяти, отписки, приговоры и др. Они характеризуют землевладение, положение крестьянства, налоговую политику, состояние ремесел и промыслов, военное дело.

К каталогу приложены указатели: именной, географический (включены названия монастырей и церквей), разновидности документов, государственных учреждений.

Стецкевич М. Я. Каталог фонда М. М. Сперанского. Л., 1962, 422 с. Ротатор. Тираж 60 экз.

В каталоге описано 2340 единиц хранения за 1788—1848 гг.

В нем представлены проекты, указы, записки, доклады, мнения о государственном и административном устройстве России, финансах, промышленности, о крестьянстве, тайных обществах, просвещении, судоустройстве и судопроизводстве, внешней политике. Ряд документов характеризуют деятельность М. М. Сперанского по управлению Сибирью. Большую группу составляют его труды, связанные с деятельностью в Комиссии составления законов, с изданием Полного собрания законов и Свода

⁷ А. И. Андреев. Краткая опись грамот, хранящихся в Рукописном отделении Российской публичной библиотеки, вып. 1. Пг., 1923, 46 стр.; В. Г. Гейман. Краткая опись древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. 1269—1612, вып. 2 (далее — «Краткая опись...»). — «Краткий отчет о новых поступлениях за 1939—1946 гг.». Л., 1950, стр. 115—161; В. Г. Гейман и Е. Э. Гранстрем. Краткая опись... 1613—1629, вып. 3. — «Краткий отчет о новых поступлениях 1947—1949 гг.». Л., 1952, стр. 81—130; В. Г. Гейман и Е. Э. Гранстрем. Краткая опись... 1630—1643, вып. 4. — «Краткий отчет о новых поступлениях 1950—1951 гг.». Л., 1953, стр. 83—142.

законов Российской империи («Руководство к познанию законов», «О законах. Беседы гр. Сперанского с е.и.в. государем наследником цесаревичем вел. кн. Александром Николаевичем»), заметки по вопросам правоустройства, труды философского и религиозного содержания. Рукописи Сперанского являются чрезвычайно интересным источником для изучения приемов и методов его археографической работы. Значительна переписка М. М. Сперанского с русскими и иностранными корреспондентами, среди которых Александр I, А. А. Аракчеев, А. Д. Балашов, М. А. Балугьянский, А. Х. Бенкендорф, Д. Н. Блудов, П. М. Волконский, М. С. Воронцов, В. Ганка, С. Н. Глинка, А. Н. Голицын, Д. М. Гурьев, Е. Ф. Канкрин, М. А. Корф, Н. Н. Муравьев, К. В. Нессельроде, Фридрих Карл Савиньи, Е. Ф. Тимковский, А. И. Тургенев, С. С. Уваров, А. А. Чарторижский, А. С. Шишков и др. В фонде биографические материалы М. М. Сперанского (автобиография, грамоты на орден, дипломы почетного члена различных обществ, дневники) и его брата К. М. Сперанского. В каталог включены также недатированные сочинения философско-правового, историко-политического, богословского характера, принадлежащие неустановленным авторам. Материалы фонда освещают сущность и социальную направленность реформаторской деятельности Сперанского, его стремление приспособиться к буржуазным отношениям при сохранении основ феодально-монархического порядка, его философско-политические воззрения, правовые теории и представляющие большую ценность для изучения внутренней политики эпохи Александра I и Николая I.

Мандрыкина Л. А., Воронова Т. П., Вялова С. О. Каталог рукописных материалов о войне 1812 г. Л., 1961, 169 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

В каталоге описано 467 русских и 74 иностранных документа. Среди них манифесты, рескрипты, указы Александра I, приказы, рапорты М. И. Кутузова, командующих армиями П. И. Багратиона, М. Б. Барклай де Толли и других военачальников, донесения губернских почтмейстеров о настроении населения на территории, занятой французами, донесения комиссаров тайной полиции Вестфалии, «обзор» России, составленный для Наполеона, и др. Большую группу составляют дневники и воспоминания участников войны: «Записки гр. К. Ф. Толля», «Воспоминания о русском походе 1812 г.» принца Евгения Вюртембергского, «История кампании 1812 г.» А. А. Михайловского-Данилевского, журналы военных действий. Представляют интерес переписка М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, М. Б. Барклая де Толли с Александром I, письма Л. Л. Беннигсена, Л. И. Гейдена, И. И. Траверсе П. К. Сухтелену, а также работы военного историка Г. С. Габаева «Война и

мир» Л. Н. Толстого с военно-исторической точки зрения», «Роспись русским полкам 1812 года». Указанные материалы содержат данные о ходе войны, общественных настроениях, организации Московского ополчения 1812 г., дипломатических переговорах в Эрабро в июле—августе 1812 г., а также разложении глубокого тыла французской армии в конце 1812—1813 г.

К каталогу приложены указатели; аннотированные именные — русский и иностранный; список учреждений, воинских соединений, частей и кораблей; список использованных фондов.

Стецкевич М. Я. Каталог фонда ревизии сенатора А. А. Половцова Киевской и Черниговской губерний. 1880—1881 гг. Л., 1960, 376 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

В каталоге описано 1895 единиц хранения за 1860—1895 гг.

Ревизия Киевской и Черниговской губерний была организована наряду с ревизиями в другие губернии России; ее документы отражают необходимость собрать материал для реорганизации системы административного и крестьянского управлений, выяснить результаты проведения буржуазных реформ на местах, что явилось, в свою очередь, демагогической попыткой успокоить общественно-политические настроения, обострившиеся в 1860—1880-х годах.

По своему происхождению материалы ревизии разнообразны. С одной стороны, это документы о деятельности ревизионных губернских учреждений в целом (канцелярий губернаторов; губернских правлений; губернских по крестьянским и городским делам присутствий; казенных палат; банков; мировых судебных, полицейских, земельных органов; удельных контор; городских общественных управлений; учебных округов, управлений государственными имуществами и др.), с другой — свидетельства должностных лиц и административных учреждений по отдельным вопросам, стоявшим в плане ревизии (положение крестьян, межевание земель, городское общественное управление и др.).

Ревизия возглавлялась канцелярией сенатора А. А. Половцова, материалы которой представлены в фонде перепиской, отчетами, донесениями, сводными материалами ревизирующих чиновников, а также прошениями и жалобами крестьян, мещан, ремесленников, чиновников, дворян и др. Из всей этой документации известен общий, суммарный отчет сенатора А. А. Половцова, который, как и отчеты других ревизоров, публиковался в свое время Особой комиссией для составления проектов местного управления.

Документы фонда служат важнейшим источником для исследования социально-экономической, политической истории, а также истории культуры и революционного движения в Киевской и Черниговской губерниях.

Стецкевич М. Я. Каталог рукописных материалов по социально-экономической истории империализма в России. Л., 1960, 59 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Каталог является первым опытом раскрытия данной тематической группы материалов. Состояние промышленности, транспорта, техники, сельского хозяйства, торговли, финансов, городского благоустройства, положение рабочего класса и крестьянства нашли отражение во многих рукописных материалах обработанных и необработанных фондов Отдела. Эти разрозненные, отрывочные документальные свидетельства были обнаружены в дневниках, мемуарах, переписке, рукописях работ. В каталоге они представлены обобщенными суммарными описаниями за 1880-е—1917 гг.

Стецкевич М. Я. Воспоминания участников общественно-политического и революционно-демократического движения в России. (Аннотированный каталог по материалам Дома Плеханова). Л., 1973, 129 стр. Ротапринт. Тираж 1000 экз.

В каталоге описано 250 единиц хранения, сгруппированных в 199 описаний. В него включены воспоминания 65 авторов — профессиональных революционеров, рабочих, ученых, публицистов, студентов, врачей, характеризующие деятельность революционного народничества 1860—1870-х годов, организацию и деятельность группы «Освобождение труда». Материалы освещают положение рабочих, рабочее и крестьянское движение в стране, положение заключенных и ссыльных, судьбу социал-демократической фракции II Государственной думы, а также знакомство русских эмигрантов с опытом западноевропейского движения.

Общую ценность имеют воспоминания, хотя и немногочисленные, о В. И. Ленине и А. И. Ульянове.

Значительный интерес представляют сведения о жизни и деятельности П. Д. Баллода, Л. Г. Дейча, В. И. Засулич, А. И. Зуделевича, Д. А. Клеменца, С. М. Кравчинского, П. Л. Лаврова, Г. А. Лопатина, В. П. Обнорского, С. Л. Перовской, Я. В. Стефановича и других, а также большая группа воспоминаний, связанных с общественно-политической и творческой деятельностью Г. В. Плеханова.

Добиаш-Рождественская О. А. Древнейшие латинские рукописи. Каталог, ч. 2 (VIII — начало IX в.). Подгот. к печати Е. В. Бернадской и Т. П. Вороновой. Л., 1965, 153 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Научное значение и особенность каталога, являющегося продолжением изданного в 1929 г. каталога латинских рукописей V—VII вв.⁸, отмечены в вводной

статье А. Д. Люблинской. О. А. Добиаш-Рождественская изучала рукописи не только с точки зрения их палеографической значимости, но и как памятники по истории культуры раннего средневековья. Каталог является итогом длительного комплексного историко-палеографического исследования, методическая программа которого изложена его составителем во введении и содержит подробные сведения кодикологического характера. В каталоге описано 27 рукописей. Среди них: Кассиан. «Беседы отцов»; папа Григорий I. «Комментарии на книгу Иезекииля»; Беда. «Церковная история английского народа»; Юстин. «Извлечение из истории Трота Помпея»; Аврелий Августин. «Переложения»; фрагменты медицинских трактатов и другие сочинения.

Каталог имеет резюме на французском языке.

Люблинская А. Д. Документы из Бастильского архива. Аннотированный каталог. Л., 1960, 327 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Бастильские документы, хранящиеся в Публичной библиотеке, составляют самое крупное собрание из числа тех, которые не входят в состав огромного Бастильского архива Парижской Арсенальной библиотеки⁹. Вводная статья к каталогу содержит данные по истории Бастилии XVII—XVIII вв. — оплота абсолютистского режима во Франции, а также сведения о судьбе ее архива и истории ленинградского собрания.

В собрании около 600 документов и 25 рукописных книг за 1700—1789 гг.: политические дела узников, осужденных за участие в восстаниях, сочинение и распространение запрещенной литературы, ведение антиправительственных разговоров, за шпионаж и пр.; уголовные дела; дела лиц, заключенных *lettres de cachet*¹⁰ по семейным делам и за придворные интриги; дела кальвинистов, яansenистов, конвульсионеров и др.; рукописные парижские газетки, содержащие разнообразную хронику столичной жизни (они регулярно собирались парижской полицией). Большую группу представляют материалы о деятельности полицейской и тюремной администрации: донесения начальнику полиции, документы Бастилии (списки караулов, сведения о хранении и уничтожении запрещенных изданий, ведомости расходов по содержанию заключенных и др.), документы о Венсенской тюрьме, а также надзоре за больницами, рынками. Имеются документы из личных архивов офицеров Бастилии и заключенных. Интересны мате-

64 стр. («Средневековье в рукописях Публичной библиотеки», вып. 3).

⁹ При описании документов ГПБ А. Д. Люблинская указывает наличие однородных копий в Арсенальной библиотеке.

¹⁰ По королевскому приказу, без суда и следствия.

⁸ «Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки (41)», ч. I. Рукописи V—VII вв. Под ред. и со вступит. статьей О. А. Добиаш-Рождественской. Л., 1929,

риалы, относящиеся к истории России и международным отношениям XVIII в.; переписка французского резидента в Петербурге д'Альона с французским министром иностранных дел маркизом д'Аржансоном за 1745—1746 гг. и письма русского тайного агента в Париже Бона к русскому послу в Голландии А. Г. Головкину за 1734 г. (последние опубликованы в приложении к каталогу, на франц. яз.). *Малевиц С. М., Алексеева М. Н., Тенер Е. М.* Французские издания периода Парижской Коммуны 1871 г. Аннотированный каталог коллекции Государственной публичной библиотеки, вып. 1—3. Л., 1961, 577 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Вводная статья А. И. Молока освещает состояние историографии и источниковедения истории Парижской Коммуны, отмечает неисследованные вопросы и дает высокую оценку материалам коллекции, восполняющим серьезный пробел в документальной базе по истории и предстории Парижской Коммуны.

В коллекции 130 комплектов газет и журналов, свыше 200 листовок и брошюр, около 800 листов изобразительного мате-

риала — всего 2751 единица хранения.

Каталог содержит описание брошюр, газет, журналов, плакатов, листовок, афиш, портретов, карикатур, относящихся к событиям франко-прусской войны, Коммуны и периоду после ее падения. Отражая различные политические направления, материалы коллекции освещают политику Коммуны, характеризуют проекты декретов и систему государственного устройства, разоблачают версальскую контрреволюцию, информируют о некоторых изданиях (листовках) соглашательского и контрреволюционного толка.

Аннотации каталога указывают количество вышедших номеров издания, дают перечень соавторов, характеристику содержания и политического направления издания. К каталогу приложены указатели: названий изданий; именной, издателей, типографов, продавцов; газет, листовок, брошюр, карикатур изданных в Париже; художников; хронологический указатель периодических изданий.

Литература

Заборова Р. Б. Рукописи А. А. Блока. Каталог. Л., 1970, 59 стр. Ротапринт. Тираж 100 экз.

Каталог раскрывает содержание и значение рукописного наследия поэта за 1898—1921 гг., составляющего в Отделе рукописей 207 единиц хранения. Среди автографов произведений — стихотворения: «Пусть светит месяц — ночь темна...», «Из газет», «Забывшие Тебя», «Мадонна», «Современнику», «После грозы», «Ушли в туман мечтания...» и другие, а также диалог «О любви, поэзии и государственной службе», статья «О романтизме».

Большую группу автографов представляют письма поэта к 35 адресатам — ученым, писателям, деятелям культуры и искусства: Ф. Д. Батюшкову, Э. Ф. Голлербаху, Н. В. Дризену, А. А. Измайлову, М. А. Кузмину, А. В. Луначарскому, Н. Ф. Монахову, А. М. Ремизову, Д. В. Философову, И. И. Ясинскому и др. Они важны для характеристики работы поэта над своими произведениями и переводами из Гейне, его связи с общественно-литературной жизнью, деятельности в Обществе ревнителей художественного слова и Союзе поэтов, в управлении Большого драматического театра и других учреждениях, сотрудничестве в альманахах и журналах, отношения к творчеству А. Белого, Ф. Сологуба, А. М. Ремизова, П. И. Карпова и др.

Неопубликованные письма в каталоге проаннотированы.

Маргиналии Блока на сочинениях Н. А. Некрасова, автографы — дарственные надписи на книгах, с одной стороны, дают дополнительные сведения о его литературно-критических и философских

взглядах, с другой — свидетельствуют о характере и форме общения поэта с представителями литературы и искусства (З. Н. Гишпиус, Б. М. Кустодиевым, В. Э. Мейерхольдом и многими другими). В материалах о служебной и общественной деятельности поэта имеются сведения о студенческом движении 1901—1902 гг. в Санкт-Петербургском университете, о докладе А. А. Блока «Россия и интеллигенция» на заседании Санкт-Петербургского религиозно-философского общества в 1908 г. Интересен протокол заседания управления Государственного Большого драматического театра под председательством А. А. Блока от 26 декабря 1920 г.

Во введении к каталогу зафиксированы воспоминания об А. Блоке (А. Белого, А. А. Ахматовой, Е. М. Тагер, В. А. Рождественского и др.), статьи о нем, рецензии на его произведения, не вошедшие в каталог.

Заборова Р. Б. Рукописи Ф. М. Достоевского. Каталог. Л., 1963, 65 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Рукописное наследие Ф. М. Достоевского в фондах Отдела является небольшой, но ценной частью его материалов, находящихся в различных архивохранилищах страны¹¹. В каталог вошло 146 единиц хранения за 1849—1918 гг.

Особый интерес представляет черновой автограф «Речи о Пушкине, произнесенной 8 июня 1880 г. в заседании Общества любителей российской словесности в

¹¹ «Описание рукописей Ф. М. Достоевского». М., 1957, 588 стр.

Москве», отразивший сложный творческий процесс ее создания и отделки. Характер работы над «Неточкой Незвановой», «Преступлением и наказанием», «Униженными и оскорбленными», «Братьями Карамазовыми», а также литературные связи и отношения Достоевского прослеживаются в его письмах к писателям, журналистам, общественным деятелям: Д. В. Аверкиеву, Ф. Н. Бергу, В. П. Гаевскому, А. А. Краевскому, Е. П. Ковалевскому, А. П. Философовой. Представляют интерес переработки романов и повестей писателя для театра. Ценные сведения об общественной деятельности писателя имеются в его официальной переписке по делам Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литфонда), в журналах заседаний Комитета и других материалах Общества.

В каталоге отражены работы и письма брата писателя М. М. Достоевского, вместе с которым он издавал журналы «Время» и «Эпоха», письма его жены, А. Г. Достоевской, характеризующие ее деятельность по собиранию, библиографированию, изданию сочинений и организации Музея Ф. М. Достоевского.

В предисловии указаны не вошедшие в каталог воспоминания, труды и сообщения о Достоевском Е. П. Летковой-Султановой, А. П. Молченко, Г. А. Кушелева-Безбородко, К. К. Истомина, письма с упоминанием о писателе М. М. Антокольского, К. Д. Кавелина, А. Ф. Кони, А. А. Краевского, О. Ф. Миллера, А. Н. Серова, К. М. Станюковича, А. И. Эртеля.

Копылева И. А. Каталог рукописей А. И. Герцена. Л., 1966, 41 стр. Ротапринт. Тираж 100 экз.

Рукописи Публичной библиотеки дополняют наследие А. И. Герцена, хранящееся в архивах СССР, Западной Европы, США. В каталоге описаны 64 рукописи с авторскими примечаниями и маргиналиями за 1842—1869 гг. Они послужили первоисточником для академического издания Полного собрания сочинений Герцена. Среди автографов сочинений главным образом публицистические статьи: «Дурные оружия», «Зарево», «Злодейство белевской помещицы Муромцевой», «Молодая и старая Россия» и др. Важное значение имеют списки отрывков из «Былого и дум», списки произведений «Екатерина Романовна Дашкова», листовки «Вольная русская община в Лондоне русскому войнству в Польше», автографы которых остаются до сих пор неизвестными. Переписка с И. С. Гагариным, В. П. Гаевским, Г. П. Данилевским, А. А. Ивановым, А. А. Краевским, В. В. Стасовым, Д. Маццини и другими касается вопросов, связанных с литературно-публицистической деятельностью Герцена, отражает его литературно-общественные связи на Родине и за рубежом. В предисловии к каталогу дополнительно охарактеризованы рукописи, содер-

жащие отзывы, упоминания и другие сведения о Герцене, собранные разными лицами.

Федосеева Е. П. Рукописи С. Н. Глинки. Каталог. Л., 1963, 23 стр. Ротапринт. Тираж 70 экз.

Каталог рукописей писателя и журналиста, участника Отечественной войны 1812 г. С. Н. Глинки включает описание 34 рукописей за 1807—1877 гг., хранящихся в его личном фонде, а также в других фондах и коллекциях. Это рукописи его воспоминаний, исторических трудов, художественных произведений: «Записки Сергея Николаевича Глинки», отрывки «Записок о 1812 годе», «Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества», «Переходы жизни», «Беда от богатства», «Не все из денег, хоть деньги и камни долбят. Рассказ москвича» и др. Письма С. Н. Глинки государственным деятелям, писателям, ученым, издателям, книгопродавцам (А. А. Аракчеву, Н. И. Гречу, Г. Р. Державину, М. Н. Загоскину, И. Т. Лисенкову, К. Ф. Калайдовичу, Д. П. Руничу, И. П. Сахарову, И. М. Снегиреву и др.) характеризуют его служебную и журналистскую деятельность, литературные связи, общественно-политические настроения в России первой половины XIX в.

Заборова Р. Б. Рукописи С. А. Есенина. Каталог. Л., 1970, 17 стр. Ротапринт. Тираж 100 экз.

В каталоге описано 29 рукописей за 1914—1924 гг., хранящихся в личном фонде С. Есенина и фондах его современников-писателей; большая их часть относится к 1915—1916 гг., периоду пребывания поэта в Петрограде. В Публичной библиотеке 12 стихотворений: «Марфа Посадница», «Егорий», «Гой ты, Русь моя родная» и др.; автографы стихотворений «О красном вечере задумалась дорога», «О товарищах веселых», «Твой глас незримый, как дым в избе», «Калики», «Русь», сохранившиеся в фондах И. И. Ясинского и А. М. Ремизова, о чем не упоминается в примечаниях к последним собраниям сочинений поэта. Список стихотворения «В багровом зареве закат шишуч и пенен...» приобрел большую ценность ввиду утраты подлинника. В каталог включены автобиографическая заметка, письма Есенина К. К. Владимирову, А. Л. Волинскому, И. И. Ясинскому, а также автографы — дарственные надписи на книгах, фотопортретах и др.

Копылева И. А. Каталог фонда М. Н. Загоскина. Л., 1960, 28 стр. Ротапринт. Тираж 100 экз.

Рукописные материалы писателя в Публичной библиотеке являются наиболее значительной частью его личного архива. В каталоге описано 177 единиц хранения за 1783—1889 гг. Черновые автографы романов, повестей, комедий содержат различия по сравнению с печатными изданиями. Среди автографов, помимо опубликованных романов «Брянский лес», «Вечер на Хопре», «Юрий Милославский»

и другие, хранятся неопубликованные части рукописей «Репетиция на станции, или доброму служить сердце лежит», «Опыт разговоров на русском и французском языке», часть полемической статьи с откликом на «Философические письма» П. Я. Чаадаева. Переписка содержит отклики на произведения Загоскина, освещает литературную и театральную жизнь Петербурга и Москвы, журнальную полемику, вопросы цензуры. Среди корреспондентов Загоскина — ученые, театральные деятели, писатели: Ф. В. Булгарин, М. Ю. Вильгоровский, А. М. Геденов, Н. И. Гнедич, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, М. П. Погодин, А. С. Пушкин, С. С. Уваров, С. П. Шевырев и др. Неопубликованные письма аннотированы. Незначительную часть фонда составляют биографические материалы.

Заборова Р. В., Петрова В. Ф. Каталог фонда А. Н. Пыпина. Л., 1962, 258 стр. Ротатор. Тираж 50 экз.

Фонд литературоведа академика А. Н. Пыпина насчитывает 1150 единиц хранения за 1847—1904 гг.; он состоит в основном из переписки. Это более 5 тыс. писем от 1000 корреспондентов — деятелей науки, литературы, искусства. Среди них М. М. Антокольский, М. А. Балакирев, П. А. Брюллов, Ф. И. Буслаев, А. Н. Бутлеров, А. Н. Веселовский, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, Э. Золя, К. О. Иречек, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, А. А. Краевский, И. Н. Крамской, А. Н. Майков, Т. Г. Масарик, Н. К. Михайловский, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. М. Сеченов, К. М. Станюкович, В. В. Стасов, И. С. Тургенев, Г. И. Успенский, И. В. Ягич и др. Аннотации писем в каталоге раскрывают содержание ценного эпистолярного материала, в котором комментируются события общественной и научной жизни, отражены социально-политические взгляды эпохи, выявляется отношение к творчеству Рылеева и Белинского, Добролюбова и Чернышевского, к движению народников, имеются отклики на студенческие волнения и т. п. Большое место в переписке занимают вопросы изучения фольклора, этнографии, проблемы славяноведения, различные направления в искусстве и литературе. Корреспонденция М. М. Стасюлевича посвящена работе по изданию «Вестника Европы» в 1867—1904 гг.; она дает сведения об А. К. Толстом, М. Е. Салтыкове-Щедрине, И. С. Тургеневе, Э. Золя и др. В каталоге учтены также труды А. Н. Пыпина («Очерки из старинной русской литературы», заметки о М. Е. Салтыкове-Щедрине и др.) и биографические материалы, в том числе фотопортреты и родословная таблица семьи Пыпина и Н. Г. Чернышевского, воспоминания В. А. Пыпиной-Ляцкой об А. Н. Пыпине и М. А. Балакиреве. Особый раздел составляют автографы — дарственные надписи на книгах М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского и др. Среди мате-

риалов других лиц — стихотворения К. Д. Бальмонта, В. И. Немировича-Данченко, С. Г. Фруга, заметки М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В предисловии указаны материалы А. Н. Пыпина в других хранилищах Москвы и Ленинграда.

Заборова Р. В. Рукописные материалы, относящиеся к Л. Н. Толстому. Каталог. Л., 1966, 64 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Каталог охватывает 159 рукописных текстов за 1854—1927 гг., сохранившихся в Отделе после постановления 29 августа 1939 г. о передаче автографов писателя в Государственный музей Л. Н. Толстого. Это записи Л. Н. Толстого в альбомах, а также другие физические не отделяемые от материалов других лиц тексты; они способствуют уточнению хронологической канвы жизни и творчества писателя. Большую ценность представляет автограф письма Л. Н. Толстого П. В. Анненкову (на обороте посланных ему воспоминаний М. Н. Пушина о Пушкине), напечатанного в 90-томном издании сочинений по неисправной копии. Ценны ввиду отсутствия подлинников копии писем Л. Н. Толстого к С. П. Дятлиеву и Берте фон Зутнер.

Для уяснения истории создания и распространения бесцензурных произведений писателя, носивших обличительный характер, важны сохранившиеся списки севастопольских песен, «Крейцеровой сонаты», «Исповеди», статей «Церковь и государство», «Голод или не голод?», «Рабство нашего времени», «Царю и его помощникам», «Исследование Евангелия» и др. Несомненный биографический интерес имеют «всеподданнейшая» записка А. В. Головинна о педагогической деятельности Л. Н. Толстого, дела департамента полиции, характеризующие его деятельность в качестве мирового посредника, защищавшего крестьян, и его связи со студентами и пропагандистами-народниками, документы об отлучении его от церкви, обвинительный акт по поводу издания произведения «Где выход?», сведения об издании журнала «Ясная Поляна» и др.

В каталоге учтены письма Л. Н. Толстого к П. В. Анненкову, С. П. Дятлиеву, Д. Ф. Кобеко, А. А. Краевскому; письма к нему К. А. Военского, Н. П. Гилярова-Платонова, московских рабочих и других, а также воспоминания о нем А. Белого, З. Н. Гиппиус, В. Н. Давыдова, литературно-критические работы о его произведениях, отразившие борьбу различных общественных группировок (рецензии Н. О. Лернера о «Казаках», Г. С. Габаева о «Войне и мире», Н. П. Андреева «О трех старцах»), инсценировки «Анны Карениной», «Воскресения», «Войны и мира», портрет Толстого работы И. А. Владимирова, шаржи и карикатуры Д. С. Стелленко и Н. Э. Радлова, яснополянские зарисовки И. Я. Гинцбурга и П. А. Сергеевко, альбомы фотоснимков.

Искусство

Ляпунова А. С. Творческое наследие М. А. Балакирева. Каталог произведений, вып. 1—3. Л., 1960, 674 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

В каталоге объединены нотные издания (в том числе посмертные) и рукописи. Он включает 513 изданий произведений М. А. Балакирева; из 943 описанных рукописей (1851—1920 гг.) 590 хранятся в Публичной библиотеке, остальные в других архивохранилищах Ленинграда и Москвы. Сочинения композитора представлены по жанрам: инструментальные, музыка к сценическим произведениям, вокальные, «неустановленные» произведения, обработки произведений других авторов.

Во введении большое внимание уделено истории изданий произведений Балакирева. Составителем проделана большая работа по определению времени сочинения, установлению самого факта издания, датировке изданий.

В каталог включены описания некоторых автографов Мусоргского, Кюи, Канилле, Блуменфельда, Глазунова и других, представляющих собой переложения оркестровых произведений Балакирева, сделанные при его жизни, а также автографа С. Ляпунова — соавтора ряда произведений Балакирева и наследника его авторских прав.

К каталогу приложены: хронограф творческой деятельности композитора, указатель названий его произведений; указатель имен; список архивных учреждений, фонды которых были использованы в работе.

Федосеева Е. П. Каталог материалов по архитектуре СССР, вып. 1—3. Л., 1960, 539 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Описаны историко-архитектурные материалы о городах СССР (за исключением Москвы и Ленинграда¹²) и документы о творчестве архитекторов, скульпторов, художников; многие из них не только не использованы, но и не учтены в литературе. Оценка всех этих материалов дана во вводной статье доктора искусствоведения Г. Г. Гримма. Они характеризуют градостроительные тенденции второй половины XVIII — начала XIX в. и представляют немалый практический интерес для воссоздания и реставрации памятников архитектуры.

В каталоге учтены планы Ростова-на-Дону 1768 г., Белой и Вязьмы 1781 г., Григориополя-на-Днестре 1792 г., Евпатории 1790-х годов, Рыбинска конца XVIII в., Херсона конца XVIII в., Ковно 1798 г., серия крупных планов горо-

дов 1850-х годов: Архангельска, Астрахани, Калуги, Орла, Саратова, Смоленска, Чернигова. Среди изображений, представляющих иконографическую ценность, — проект казарм в Торжке Н. А. Львова, план Ростовской митрополии XVIII в., акварели Н. и Г. Чернецовых по Ревелю 1832 г. Интересны альбомы В. Гесте 1798 г. с рисунками построек Бахчисарая, Кафы (Феодосии), Старого Крыма и Козлова (Евпатории), альбом видовых акварелей А. Е. Мартынова, выполненных в пути «От Москвы до Китайской границы» 1805 г., альбом путешественника К. М. Бороздина 1809—1810 гг. Важнейшее значение имеет альбом по усадьбе Грузино, в создании ансамбля которой принимали участие И. П. Мартос, В. П. Стасов, С. И. Гальберг, интересен альбом с обмерными чертежами сооружений Кирилло-Белозерского монастыря архитектора М. Праве 1831 г.

Рассматривая чертежи и рисунки раздела «неустановленных местностей», Г. Г. Гримм устанавливает их авторов и дату исполнения (один из чертежей в варианте ворот ограды Летнего сада, ранее приписывавшийся Ю. М. Фельтену, определен как произведение архитектора И. Б. Фока).

В каталоге учтены также письма А. Н. Воронихина, часть личного архива Д. Кваренги, экземпляр гравировального альбома 1806 г. Т. Томона, чертежи К. Росси и А. Рипалди, записная книжка и письмо О. Монферрана, документы о деятельности В. П. Стасова, пенсионерские рапорты из заграничных поездок В. Глинки, А. Брюллова, К. Тона, А. Резанова и других, записки, письма, отчеты Д. Валериани, Э. М. Фальконе, И. Мартоса, В. Демут-Малиновского, С. Гальберга, Н. Пименова и др.

Каталог содержит описание документальных материалов о заводах, имеющих народнохозяйственное значение.

К каталогу приложены указатели: именной, географический,¹ предметный.

Федосеева Е. П. Каталог архитектурных материалов из архива Н. Л. Бенуа. Л., 1965, 135 стр., 5 л. илл. Ротатор. Тираж 100 экз.

В предисловии даны биографический очерк, анализ и оценка сохранившихся материалов Н. Л. Бенуа.

В каталоге учтены чертежи и рисунки учебной поры (1827—1840 гг.), альбомы с зарисовками, чертежами и заметками, сделанными во время пенсионерских поездок по Германии, Италии, Чехии, Швейцарии (1840—1846 гг.), «Альбомы воспоминаний» с рисунками и материалами к биографии Н. Л. Бенуа, К. А. Тона, М. А. Щурунова и др. Описаны также проекты общественных зданий, дворцов и особняков, жилых домов и хозяйственных построек, церквей для строительства в Высоком (Смоленской губ.), Гельсингфорсе, Енисейске, Красном Селе, Навяжье (Псковской губ.), Павлограде,

¹² Имеются специальные издания: *Е. П. Федосеева*. Описание архитектурных материалов. Москва и Московская область. Л., 1956, 88 стр., 21 л. илл. («Труды Отдела рукописей ГИИ»); *Е. П. Федосеева*. Описание архитектурных материалов. Ленинград и пригороды. Л., 1953, 118 стр. с илл. («Труды Отдела рукописей ГИИ»).

Петербурге, Петергофе, Петровском-Разумовском (Московской губ.) и др.

Интересны и проекты: двух крупнейших построек в Петергофе — вокзала «Новый Петергоф» и конюшенных корпусов, пострадавших во время Великой Отечественной войны; неосуществленный — здания «зимнего сада» около Ижжерного замка; реконструкции здания Большо-

го театра; деревянного летнего театра в Павловске, а также выполненные по заказам частных лиц (в том числе для имения Шереметевых «Высокое»). Каталог фиксирует и работы в области прикладного искусства.

К каталогу приложены: перечень проектов и построек Н. Л. Бенуа; библиография; иллюстрации.

История книги

Быкова Т. А. Каталог изданий Острожской типографии и трех передвижных типографий. Л., 1972, 80 стр. Ротапринт. Тираж 100 экз.

Типографии К. К. Острожского, Гедона Балабана, Павла Домжива-Лютковича и Кирилла Транквиллиона Ставовецкого издавали книги богослужебного обихода православной церкви, полемические и антикатолические сочинения. Эти издания отразили острую религиозно-политическую борьбу, развернувшуюся на Украине в конце XVI — начале XVII в. против стремлений Польши оплотнить украинское население и намерений римской церкви оторвать его от православия.

Каталог содержит 32 описания старопечатных книг, отсутствующих в других хранилищах страны. К нему приложены указатели: именной; названий книг; географических наименований; список библиотек, из которых книги поступили в ГПБ; список изданий, напечатанных Иваном Федоровым и отсутствующих в ГПБ; список изданий, напечатанных в Остроге и установленных по литературе, в настоящее время не обнаруженных.

Быкова Т. А. Каталог русской книги кирилловской печати петербургских типографий XVIII в. Л., 1971, 178 стр. Ротапринт. Тираж 100 экз.

Во введении указаны и прокомментированы предшествующие описания. Каталог впервые сконцентрированно дает описание 161 издания собрания книг кирилловской печати Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Издания разделены по типографиям: Санкт-Петербургской типографии, типографий Александровского монастыря, Синода.

Каталог снабжен указателями: именным; названий книг; географическим; списком библиотек, из которых книги поступили в ГПБ, или упоминаемых в тексте; списком изданий по типографиям.

Дмитриева Н. А., Иоффе Т. В., Курбатова, И. Н. и др. Каталог библиотеки Г. В. Плеханова, вып. 1—3. Л., 1965, 1273 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Библиотека собиралась в конце XIX — начале XX в., в ней насчитывается 16,5 тыс. единиц хранения. В предисловии к каталогу излагается история приобретения в 1928 г. библиотеки и архива Г. В. Плеханова, ранее хранившихся в Женеве и Сан-Ремо. Научная ценность библиотеки определяется подбором книг и журналов, часть которых стала библиографи-

ческой редкостью, собственноручными записями и пометами Плеханова, раскрывающими его творческий процесс, дополняющими материалы его архива, свидетельствующими о неосуществленных замыслах, а также дарственными надписями выдающихся политических и научных деятелей. Среди них Ф. Энгельс, Элеонора Маркс-Эвелинг, Поль и Лаура Лафарг, К. Либкнехт, К. Цеткин, Д. Благоев и др.

В библиотеке представлены книги и периодика на 18 языках мира. Это произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина; произведения Г. В. Плеханова; книги по истории, экономике, философии, религии и атеизму, естественным наукам, этнографии, истории государства и права, культуры, просвещения, литературоведению, искусствоведению, художественная литература, справочные издания, газеты и журналы.

К каталогу приложены указатели: именной; названий; издательств; серий коллективов.

Костыгова Г. И. Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Алфавитный каталог. Л., 1973, 349 стр. Ротатор. Тираж 200 экз.

В каталог включены описания 527 единиц хранения (777 номеров описаний). Хронологический охват — с 1407 г. (самая древняя датированная рукопись) до XX в.

«Персидская новая серия» — одно из крупнейших собраний восточных рукописей Публичной библиотеки, сложившееся из поступлений, начиная с 1852 г. до настоящего времени. Собранию присущи черты, которые ставят его в один ряд с другими первоклассными персидско-таджикскими собраниями — Института востоковедения АН СССР (в Ленинграде), Института востоковедения АН Узбекской ССР (в Ташкенте), Британского музея в Лондоне, Национальной библиотеки в Париже. В нем преобладают списки исторических и литературных сочинений исключительной художественной ценности.

К каталогу приложены указатели: имен авторов, комментаторов, переводчиков, переписчиков и лиц, упоминаемых в аннотациях; тематический; дат переписки; мест переписки рукописей; рукописей с миниатюрами; алфавитный; указатель соответствий шифров рукописей номерам описаний в каталоге.

Информация

Михалева А. Н. Новые поступления в Отдел рукописей за 1957—1958 гг. (Каталог). Л., 1960, 108 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Михалева А. Н. Краткий отчет о новых поступлениях в Отдел рукописей за 1964—1968 гг. — «Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в 1964—1968 гг.». Л., 1969, стр. 154—208. Ротапринт. Тираж 100 экз.

Отчеты о поступлениях — исторически сложившаяся в Публичной библиотеке форма первичной информации о новых приобретениях, ставшая давней традицией Отдела¹³. Они обеспечивают оперативность текущей информации, облегчают поиски ученым, дают возможность судить об основных тенденциях комплектования. Путем унификации приемов описания и методики систематизации достигнуто краткое изложение содержания вновь поступивших материалов. Сведения о фондообразователе, собирателе или авторе, содержание материала, его хронологические рамки и объем — таковы элементы описания для характеристики каждого поступления.

В каталогах отмечены принятые на хранение за 1957—1958, 1964—1968 гг. фонды личного происхождения, собрания, отдельные поступления. Материалы первого вошли почти полностью в изданную типографским способом книгу¹⁴ и поэтому не требуют аннотации. Среди поступлений 1964—1968 гг. зарегистрированы личные фонды Н. П. Анциферова, А. А. Ахматовой, М. А. Балакирева, А. Белого, Ф. Ф. Вентцель, А. Г. Лебедева, С. М. Ляпунова, А. С. Новикова-Прибоя, А. Н. Толстого и др. Была приобретена также коллекция документов XVI—XIX вв. европейских государственных и политических деятелей, ученых, писателей и художников, собранная неустановленным шведским коллекционером в первой половине XIX в. Пополнилось собрание рукописей XIV—XIX вв. на персидском, таджикском и арабском языках по философии, этике, медицине, богословию. Отдельные поступления включают акты и грамоты, памятники письменности, дневники и мемуары, письма, художественные произведения, работы по литературоведению, музыке, театру, изобразительному искусству, краеведению XIV—XX вв.

Альбина Л. Л., Андреев В. Н., Быкова Т. А. и др. Путеводитель по фондам Отдела редкой книги. Л., 1961, 202 стр. Тираж 100 экз.

Во введении отмечается значение книгопечатания в распространении общест-

венных идей, науки и культуры, его связь с политическими, экономическими, социальными и материально-техническими сторонами жизни общества в определенную историческую эпоху, раскрывается роль книги как источника для изучения вопроса по содержанию и как памятника идеологической, технической значимости, а также формулируется понятие редкой книги, принципы отбора изданий и экземпляров, излагается история Отдела.

В Публичной библиотеке 14 коллекций редких изданий, составляющих более 40 тыс. томов. Путеводитель раскрывает следующие группы коллекций. I. Историко-революционные коллекции. Они включают редкие издания классиков марксизма-ленинизма, издания Парижской Коммуны, подпольные революционные издания (1861—1865 гг.) периода польского восстания. II. Историко-типографские коллекции, которые охватывают русские и славянские фонды (издания кириллического шрифта, глаголического шрифта, гражданского шрифта петровского времени) и западные фонды (инкунабулы, издания XVI в., издания типографии Альдов, коллекция Эльзевиров). III. Историко-полиграфические и книжно-оформительные коллекции (образцов и памятников оформления книги, переплетов, минималий). IV. Коллекции книг, принадлежавших выдающимся историческим лицам (библиотека Вольтера, коллекция исторических экземпляров). V. Фонд истории книги и печати.

В путеводителе дается характеристика коллекций книг, указывается их расположение и наличие справочного аппарата. **Зубкова Н. А.** Рукописные фонды Публичной библиотеки. Л., 1971, 118 стр. Ротапринт. Тираж 100 экз.

Данный справочник — первый библиографический свод указателей к рукописным фондам Публичной библиотеки; его цель — информировать о каталогах, обзорах и других типах научных описаний рукописей. В первую часть издания включены каталоги и обзоры, во вторую — список фондов, имеющих описания в «Отчетах» Публичной библиотеки. В первой части — каталоги и обзоры: 1) по славяно-русской рукописной книге, актам и грамотам; 2) по личным фондам XVIII—XX вв. (Н. Л. Бенуа, Г. Н. Геннади, А. К. Глазунова, М. И. Глинки, В. А. Десницкого, Н. А. Добролюбова, М. П. Погодина, А. А. Половцова, М. М. Сперанского, А. В. Суворова, М. Н. Толстой и др.); 3) тематические — по петровскому периоду, социально-экономической истории России, освободительному и революционному движению, истории крестьянства XIX—XX вв., военной истории России, народному образованию в Литве и Белоруссии XIX в., истории Ленинграда и Москвы; 4) по истории русской литературы, сведения о

¹³ «История Государственной ордена Трудового Красного Знамени библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина». Л., 1963.

¹⁴ «Новые поступления в Отдел рукописей. 1952—1966 гг.». Л., 1967.

рукописях писателей и поэтов (В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, Г. Р. Державина, Н. А. Добролюбова, Ф. М. Достоевского, И. А. Крылова, А. Н. Островского, Ф. М. Решетникова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова и др.); 5) описания по истории театра и музыки, о творчестве композиторов (М. И. Глинки, М. П. Мусоргского и др.); 6) описания и обзоры изобразительных материалов и материалов по ар-

хитектуре СССР; 7) сведения по библиотекведению и библиографии.

В справочнике указаны также научные описания, каталоги и обзоры греческих, западноевропейских рукописей, а также польских, чешских, словацких. Справочник дает полное представление о восточных рукописных фондах на арабском, персидском, таджикском, туркменском, древнееврейском, самаритянском, сирийском и других языках.

Методические пособия

1) *Альшиц Д. Н., Гранстрем Е. Э.* Инструкция по описанию древнерусской рукописной книги XI—XVII вв. Л., 1961, 39 стр. Ротатор. Тираж 50 экз. 2) *Мандрыкина Л. А.* Инструкция по описанию документальных материалов фондов личного происхождения XVIII—XX вв. Л., 1963, 70 стр. Тираж 100 экз. 3) *Ляпунова А. С.* Инструкция по каталогизации нотных рукописей. Л., 1963, 53 стр. Ротатор. Тираж 40 экз. 4) *Фомичева Э. И.* Инструкция по описанию рисунков и архитектурных чертежей XVIII—XX вв. Л., 1966, 53 стр. Ротатор. Тираж 100 экз. 5) *Мандрыкина Л. А.* Рабочая инструкция по описанию материалов ведомственного происхождения в личных фондах. Л., 1973, 73 стр. Ротапринт. Тираж 500 экз.

Необходимость издания этих инструкций была вызвана специфичностью и особенностями рукописных материалов, их видовым разнообразием, требующими особых методических приемов обработки и описания. Отличительная черта инструкций — в соединении опыта работы архивистов и специалистов рукописной книги с практикой библиотек, обобщенной в «Единых правилах описания произведений печати для библиотечных каталогов» (использование стандартных библиотечных карточек, формы расположения на них элементов описания, применение системы вспомогательных описаний и заимствование отдельных терминов). Инструкции предусматривают описание документальных материалов XVIII—XIX вв. (текстовых, нотных,

изобразительных) для алфавитного каталога, произведений древнерусской письменности — для систематического или предметно-тематического. Общие положения «Инструкции по описанию документальных материалов фондов личного происхождения» и «Рабочая инструкция по описанию материалов ведомственного происхождения в личных фондах» регламентируют и унифицируют практические приемы описания разного вида материалов личных фондов XVIII—XIX вв. на русском и иностранных языках. Особенности описания текстовых, нотных, изобразительных и картографических документов потребовали специальных инструкций, обоснование и принципы которых убедительно доказаны в предпосланных им предисловиях.

Варбанец Н. В., Демин А. С., Ефремова Т. Н., Лукьяненко В. И. Сборник методических материалов. (Опыт работы Отдела редкой книги), вып. 1. Л., 1968, 241 стр. Ротатор. Тираж 100 экз.

Это первая попытка обобщения опыта организационной и методической работы Отдела, нашедшей отражение в отдельных положениях и инструкциях. В сборник включен материал об организации и обработке фондов, принципах и структуре хранения редких книг, формах учетной и учетно-организационной работы, а также методике научного описания старопечатных изданий кириллического шрифта и принципах иркунабуловедческого исследования.

Л. И. Киселева

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ЛАТИНСКОГО ПИСЬМА

Имя польского ученого профессора А. Гейштора пользуется международной известностью. В 1973 г. в Варшаве вышла его книга «Общая история латинского письма»¹. Ее оформление сразу привлекает внимание: коричневая суперобложка с изображениями характерных типов латинского письма. Текст снабжен многочисленными воспроизведениями строк из рукописей, рисунками форм и составных элементов букв, сравнительными таблицами алфавитов (финикийского, греческого, латинского), диаграммами, схемами и картами, характеризующими развитие латинского письма в Европе и его распространение во всем мире. Книга издана офсетным способом, причем столь совершенно (четкие шрифты, хорошо выполненные рисунки), что может служить образцом издания подобного рода. Каждое описание типа письма сопровождается воспроизведением нескольких строк из соответствующих рукописей или отдельных специфических форм букв и их элементов, что придает необычайную наглядность тексту книги и облегчает задачу сложного словесного описания, к которому обычно прибегают палеографы в связи с трудностями воспроизведения текста типографским способом.

Но главным достоинством работы А. А. Гейштора является, конечно, ее содержание. Хронологический охват ее — со времени возникновения латинского письма (VII в. до н. э.) до наших дней. В ней пять глав, каждая из которых разделена на несколько мелких параграфов, что чрезвычайно удобно для восприятия и усвоения сложного материала книги.

Краткое вступление вводит читателя в историю латинской палеографии; одновременно указываются современные направления ее развития в Европе и Америке. Вступление дополнено списком основных работ за последнее тридцатилетие. В подстрочном аппарате книги учтено почти все, что сделано специалистами в области изучения латинского письма, включая и небольшие заметки и рецензии.

В первой главе, написанной с большим мастерством, свойственным крупным специалистам, показано развитие письма — от пиктографического, клинописного, пероглифического к алфавитному; убедительно и наглядно раскрыта связь финикийского, греческого и латинского письма.

Следующая глава посвящена становлению и раннему этапу развития латинского письма. В ней характеризуются применявшийся в древности материал (камень, восковые таблички, папирус) и орудия письма. В тесной связи с палеографией рассматривается эпиграфика. Автор постепенно вводит сложную палеографическую терминологию, учитывая при этом современные исследования и нововведения. Четко разделяются типы письма по целевому назначению — монументальное, книжное, курсивное.

¹ *Aleksander Gieysztor. Zarys dziejów pisma łacińskiego. Warszawa, 1973, 236 стр., 42 табл.*

История римского письма рассматривается как составная часть истории латинского. В вопросе его происхождения и развития автор придерживается самых современных концепций: им принята точка зрения Ж. Маллона на историю развития римского письма и его методика исследования.

Третья глава лаконично и, главное, наглядно знакомит читателя с письмом раннего средневековья V — VIII вв. Характеристика каждого типа письма сопровождается таблицами и воспроизведениями отдельных букв; благодаря этому отчетливо выделяются особенности областных типов латинского письма. Автор рассматривает отдельно письмо книг и документов. Не остались без внимания рукописное и огамическое письмо.

Самой обширной главой является четвертая, посвященная письму IX—XV вв. Она сопровождается двумя картами: 1. Распространение письма в Европе; 2. Применение латинского письма в национальных европейских языках. В этой главе характеризуются материал и орудия письма, использовавшиеся в IX—XV вв.; детально рассматриваются существовавшие тогда способы создания рукописей (складывание пергамента в тетради, линование и пр.). Автор знакомит и с теориями происхождения каролингского минускула. Он отмечает более интенсивное развитие феодального общества в VIII в., давшее толчок дальнейшему общественному развитию, и роль так называемого каролингского возрождения, а также очерчивает области распространения каролингского минускула.

В той же главе излагаются теории происхождения готического письма. Автор умело отбирает наиболее рациональные выводы и приходит к заключению, что готическое книжное письмо появилось в результате двух тенденций — экономии материала для письма, отчего буквы вытягивались и сжимались, и развития эстетических воззрений. По мнению автора, не последнюю роль в формировании готического письма играла особая заточка пера. При анализе готического письма А. А. Гейштор применяет терминологию, выработанную палеографами в последние годы и обсуждавшуюся Международным палеографическим комитетом.

Отдельно рассмотрены в книге национальные особенности готического письма, которые начинают появляться, по мнению автора, с XIII — XIV вв. Особо выделено письмо, применявшееся в текстах научной и университетской литературы; оно сочетает в себе простоту начертаний и некоторые черты, характерные для готики. Типы такого письма получили названия от университетов, откуда происходят рукописи: парижское, болонское, оксфордское и др.

Отдельные параграфы посвящены канцелярскому письму. Автор называет письмо IX—XII вв. минускулом документов, а письмо XIII — XV вв. — канцелярским. Приводя примеры и подробные описания, он различает и национальные типы канцелярского письма XIII—XV вв., рассматривает применение канцелярского письма в книгах.

Специальный параграф посвящен возникновению книгопечатания. Автор подчеркивает, что формы шрифта первой печатной книги повторили формы книжного письма рукописей, что с очевидностью показывает преемственность печатной книги от рукописной.

В удачном разделе о сокращениях представлены немногочисленные, но основные их группы, применявшиеся в средние века. Последовательно рассмотрены сокращения раннего каролингского и готического периодов. Каждой группе дается характеристика, отмечаются отличительные особенности. Большим достоинством раздела является то, что в него включены сокращения, употреблявшиеся в юридических рукописях и рукописях на национальных языках. Приводятся многочисленные примеры раскрытия сокращенных юридических формул, чего не дают многие другие учебники палеографии.

Затем в книге рассмотрены происхождение и начертание цифр, а также знаки препинания. Довольно значительное место отведено средневековой эпиграфике.

Знаменательная заключительная глава о новом письме, которая начинается гуманистическим периодом и заканчивается XX в. В ней подробно освещен процесс возникновения гуманистических школ письма и гуманистического курсива, письмо XVI—XVIII вв. рассмотрено отдельно по странам — Англия, Франция, Германия, Нидерланды, Испания, Италия, Польша. Автор отметил важную роль появившихся в то время печатных трактатов по каллиграфии и уделил большое внимание ее расцвету в XVII—XVIII вв. В главу включены также материалы по эпиграфике. Письмо XX в. рассматривается автором в тесной связи с развитием печатных шрифтов и реформами орфографии в ряде европейских стран. Книга знакомит с основными европейскими школами каллиграфии и их ведущими мастерами, такими, как Эд. Джонсон, С. Морисон. Завершается книга параграфом, посвященным основам и принципам стенографии.

В книге три указателя: именной, географический и предметный. Она снабжена также прекрасно подобранным альбомом таблиц, составленным из воспроизведений рукописей, многие из которых публикуются впервые.

Наши небольшие критические замечания сводятся к следующему. В разделе, посвященном островному письму, следовало бы рассматривать ирландское письмо отдельно от англосаксонского, поскольку, при значительном сходстве, каждый из типов письма имеет свои характерные особенности. На наш взгляд, отсутствует единство в оценке канцелярского письма средневековья, не показан генезис готического курсива. Хотя автором учтены все новейшие исследования и теории происхождения типов латинского письма, однако отсутствует единство в употреблении терминологии, применяются старые термины, утратившие свой смысл. Наиболее неудачным кажется применение термина «полуунциал», так как в этом названии скрывается неверная генетическая связь между двумя типами письма. И, наконец, относительно числа рукописей, происходящих из Монте-Кассино и связанных с ним скрипториев: в настоящее время их известно более 700.

В целом книга профессора А. А. Гейштора, отличающаяся широтой охвата и постановки вопросов, логичностью изложения, правильностью оценок и умением сосредоточить внимание на главном, может служить прекрасным пособием для студентов исторических и филологических факультетов, справочником для специалистов-палеографов и с увлечением будет прочтена всеми интересующимися историей латинского письма.

Я. Д. Исавич

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ФИЛИГРАНОЛОГИИ

Начало научной разработке филигранологии в нашей стране было положено более 150 лет назад выходом книги И. П. Лаптева «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи» (СПб., 1824).

Несмотря на наличие ряда серьезных работ, не так давно этой науке отводили только чисто прикладную, в прямом смысле слова, роль. Однако потребности дальнейшего развития исторического и филологического источниковедения определили существенное расширение круга вопросов, включаемых в предмет филигранологии. Ее применение для датировки рукописей и печатных книг, как подчеркивают в последнее время исследователи, не следует отделять от изучения технологии и организационной структуры производства бумаги. С другой стороны, для изучения ранних этапов истории бумажной промышленности филиграния являются незаменимым источником. Поэтому наиболее перспективным является комплексное изучение филиграния и вопросов истории производства бумаги с использованием как самих филиграний, так и письменных источников. Именно в таком плане выполнена работа О. Я. Мацюк, состоящая из двух частей — очерка истории производства бумаги на Украине и альбома филиграний бумаги украинского производства XVI — начала XX в.¹

Применявшаяся в бумажной промышленности технология освещена не только на основании письменных источников, но и по материалам предпринятых автором экспедиционных исследований. О. Я. Мацюк обследовал все населенные пункты Украинской ССР, где, по данным документов или топонимики, были бумажные предприятия, а также все ныне действующие предприятия, основанные до первых десятилетий XX в. включительно. Это дало ему возможность не только уточнить расположение многих предприятий, но и найти ценные образцы старого оборудования.

Значительный интерес вызывает раздел о сортах, мерах и форматах бумаги. Переходя к характеристике филиграний, исследователь обстоятельно излагает юридическую регламентацию их применения. Содержательный раздел посвящен источниковедческому значению филиграний. По этой теме автором опубликовано несколько статей², что позволило в

¹ О. Я. Мацюк. Папір та філіграні на українських землях (XVI — початок XX ст.). Київ, 1974, 655 вод. знаків.

² О. Мацюк. До історії українських папірень XVI ст. та їх водяних знаків. — «Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР». Київ, 1962, № 5; *он же*. Водяні знаки на папері друків Івана Федорова. — «Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР», 1964, № 3; *он же*. Водяні знаки документів — джерело для вивчення історії паперової промисловості України кінця XVIII — першої половини XIX ст. — «Друга Республіканська наукова конференція з архівознавства та інших спеціальних історичних дисциплін. Матеріали. Друга секція». Київ, 1965; *он же*. Роль філігранології у встановленні часу написання недатованих документів. — «Історичні джерела та їх використання» вип. 2. Київ,

рецензируемой монографии изложить лишь важнейшие выводы и наблюдения. Рассматриваются особенности рисунка филиграней в разное время. В частности, указано, что на западноукраинских землях начиная с конца XVIII в. филигранные отличаются крупными размерами, в них преобладает сюжетная часть, а геральдическая играет незначительную роль.

Следующую часть книги составляли расположенные в алфавитном порядке статьи о 146 бумажных мельницах и бумажных фабриках³. О некоторых из них сохранились лишь фрагментарные сведения, но по всем наиболее важным предприятиям автор смог дать содержательные монографические очерки, в которых освещены вопросы техники производства, условия труда и оплата рабочих, приводятся разнообразные справочные материалы. На основании анализа филиграней и архивных документов уточняются сведения о времени действия ряда бумажных мельниц. Так, О. Я. Мацюк сделал вывод, что Бусская папирня (так называли на Украине бумажные мельницы) действовала уже в 1541 г. По архивным документам автор установил, что папирня в Остроге действовала до 50-х годов XVII в. включительно. Интересно и предположение, что Ливчицкая бумажная мельница, возможно, была основана до 1549 г. Доказательством является то, что именно с этого времени появляется филигрань в виде герба «Елита», которым пользовались собственники Ливчиц — украинские шляхтичи Корытки. Конечно, как указывает и сам О. Я. Мацюк, филигрань такого рисунка применялась и другими бумажными мельницами, в частности в Великом княжестве Литовском. Поэтому вопрос о времени основания Ливчицкой бумажной мельницы требует дальнейшего исследования. Спорной остается и дата возникновения бумажной мельницы в Новом Ставе близ Луцка. М. Гембарович на основании филиграней с буквами NS относит ее создание к 60-м годам XVI в. О. Я. Мацюк считает сомнительной принадлежность указанной филиграней Новоставской мельнице, однако не выдвигает каких-либо новых аргументов по этому вопросу и не предлагает другой атрибуции.

Ценным дополнением статей по истории отдельных предприятий являются репродукции старых рисунков и планов, фотографии нынешнего вида отдельных производственных сооружений и выявленных автором элементов оборудования. Опубликованные в книге снимки представляют несомненный интерес для изучения архитектуры промышленных зданий — отрасли, не привлекающей еще должного внимания искусствоведов и историков народного хозяйства.

По ряду предприятий автор публикует извлеченные из архивных фондов описания. Вызывают, в частности, интерес подробные описи оборудования бумажных мельниц в Ретках, Наварии, Козачине и другие.

Альбом филиграней включает 655 репродукций, систематизированных по названиям изображений в алфавитном порядке. Почти все филигранные воспроизведены в натуральную величину с применением простой, но надежной методики (филигранные копировались тушью на кальку, с которой делались отпечатки контактным способом на фотобумагу). Большинство филиграней взяты непосредственно из документов, некоторые — из существующих альбомов. Из старопечатных книг использованы вышедшие

1966; *он же*. Водяные знаки армянских рукописных книг на Украине XIV — XIX вв. — «Вестник АН Армянской ССР». Ереван, 1968, № 11.

³ Автор указывает во вступлении, что предприятия размещены «по алфавиту наименований местностей, а не по наименованиям предприятий». Так, Радомышльская бумажная мельница находилась в существующем ныне селе Папирня близ Радомышля, Паткульская — в хуторе Паперовый Завод. По названиям этих местностей автор и именует указанные предприятия. Однако село Папирня возникло после основания Радомышльской «папирни», современники считали, что предприятие находится в Радомышле. Более целесообразно было бы вывести в заглавие статьи общеизвестное наименование «Радомышльская бумажная мельница», а не название села Папирня (это относится и к другим аналогичным случаям).

на Украине издания Ивана Федорова. Следует отметить, что более полно можно было бы использовать издания XVIII в. Так, в альбоме нет филиграней Креховской и Зашковской бумажных мельниц. По данным О. Я. Мацюка, первая из них действовала с конца XVI в. по 1630 г., вторая — с 1611 по 1655 г. Основание Куткирской бумажной мельницы автор относит к 1789 г. Однако есть сведения, что в 1750—1751 гг. Львовское братство покупало для своей типографии бумагу у зашковского «папирика» Ивана Тучинского⁴, а в 1754 г. на бумаге, приобретенной у него, был напечатан Букварь⁵ (экземпляры этого издания имеются в Львовской научной библиотеке им. В. Стефаника АН УССР и в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве)⁶. В 1759 г. часть тиража Служебника печаталась на креховской бумаге⁷, а в 1768 г. «Полуставцы» (Молитвослов полууставный) — на креховской бумаге (320 экз.) и на зашковской бумаге (1000 экз.)⁸. Наконец, в 1769 г. 320 экз. Акафистов седмичных были напечатаны на бумаге Куткирской мельницы (430 экз. — на бумаге, привезенной из Вроцлава, и 100 экз. — на бумаге из Гданска)⁹. Экземпляры всех названных здесь книг сохранились в достаточном количестве¹⁰. Использование их обогатило бы альбом филигранями, до сих пор не известными исследователям.

Ссылаясь на книгу австрийского исследователя Г. Айнедера, О. Я. Мацюк относит первое упоминание о бумажной мельнице в Завадове к 1798 г. Однако в статье Ф. И. Стеблия «К истории мануфактурного производства бумаги в Восточной Галиции» использована инвентарная опись этого предприятия, датированная 1778 г.¹¹ Эта содержательная статья не вошла в перечень использованных источников и литературы.

Называя Гурку основателем Бусской бумажной мельницы, исследователь не высказывает своего отношения к имеющимся в литературе¹² сведениям об основании этого предприятия горожанином Иваном Господаровичем. Равская бумажная мельница, по-видимому, действовала и в середине XVII в. Во всяком случае в 1653 г. у одного из львовских торговцев была на складе турецкая, итальянская и равская бумага¹³.

Хорошо продуман научно-вспомогательный аппарат книги Мацюка, включающий хронологический перечень предприятий, описание и расшифровку филиграней, указатель изображений на филигранях, хронологический перечень, указатель источников, из которых взяты изображения филиграней и штемпелей, указатель филиграней и штемпелей по бумажным мельницам и, наконец, библиографию. Книгу завершают резюме на русском, английском и французском языках. К сожалению, в английском тексте Куткир превращен в «Куткорск», Козачина — в «Козачинск» (очевидно, переводчик образовал такие формы топонимов от соответствующих прилагательных).

Работа О. Я. Мацюка — первый фундаментальный труд по филигранологии Украины. Она заполняет существенный пробел в филигранологической литературе. Книга надолго станет незаменимым пособием для исследователей рукописей и архивных документов.

⁴ Центральный государственный исторический архив УССР в г. Львове (далее — ЦГИА УССР в г. Львове), ф. 129, оп. 1, д. 1214, лл. 4, 5.

⁵ Там же, д. 1215, л. 29.

⁶ «Львівські видання XVI—XVIII ст. Каталог». Укл. Ісаевич. Львів, 1970, № 178.

⁷ Я. Д. Ісаевич. Издательская деятельность Львовского братства в XVI—XVIII вв. — В сб.: «Книга. Исследования и материалы», сб. 7. М., 1962, стр. 227.

⁸ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, д. 1222, л. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ «Львівські видання XVI—XVIII ст.», № 183, 196, 197.

¹¹ Ф. І. Стеблій. З історії мануфактурного виробництва паперу у Східній Галичині. — «Нариси з історії природознавства техніки», вип. 15. Київ, 1961, стр. 78.

¹² М. Horn. Rzemiosło miejskie Województwa bełskiego w pierwszej połowie XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966, s. 77.

¹³ W. Łozinski. Patrycyat i mieszczactwo lwowskie w XVI i XVII w. Lwów, 1892, s. 372.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Д. А. ЧУГАЕВА

(к 75-летию со дня рождения)

Творческий путь члена Бюро Археологической комиссии доктора исторических наук профессора Дмитрия Агеевича Чугаева (1899—1973), ученого-коммуниста, начался полвека назад статьями о культурно-просветительной работе в деревнях Удмуртии. В 20—30-х годах Д. А. Чугаевым было написано более 20 брошюр и статей по вопросам партийного и национально-культурного строительства, идеологической и политико-воспитательной работы (публиковались в газетах «Правда», «Джетысуйская искра», «Красный пахарь», журналах «Дальневосточный партработник», «В помощь партучебе», «Коммунистическая революция», «Красная Башкирия», «Революция и национальности» и др.), а также учебных программ для сети партийного просвещения.

Настоящий список¹ включает научные работы по отечественной истории и специальным историческим дисциплинам.

1938

Ред.: «Всеобщая» стачка на Юге России в 1903 году». Сб. документов. М., 212 стр.

1939

Ред.: «Большевики в годы империалистической войны. 1914—февраль 1917». Сб. документов. М., 229 стр.

Отв. по выпуску: «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г.». Стенографический отчет. М., 742 стр.

Изд. под наблюдением Д. Чугаева и Л. Петерсона. С. М. Киров. Избранные статьи и речи. 1912—1934. М., 699 стр.

Ред.: «Листовки петербургских большевиков (1902—1917)», т. I. 1902—1907 гг.; т. II. 1907—1917 гг. М., 566 стр., 273 стр.

Ред.: Я. М. Свердлов. Избранные статьи и речи. 1917—1919. М., 190 стр. (совместно с Н. Елизаровым, Г. Гриф)

1940

«Морозовская стачка». — «Боевая подготовка», 18 января.

1942

«Как создавалась Красная Армия». — «Магнитогорский рабочий», 21 января

«Ледовое побоище». — «Магнитогорский рабочий», 5 апреля.

«Основные принципы марксистско-ленинской военной стратегии». — «Магнитогорский рабочий», 21 января.

1947

«Конституционное закрепление Советского государственного строя». — «Большевик Запорожья», 10 декабря.

«Шестой том сочинений В. И. Ленина». — «Большевик Запорожья», 15 июля

1948

«Как была создана первая Конституция Советского государства». — «Большевик Запорожья», 10 июля

«Как родилась Советская Армия». — «Большевик Запорожья», 21 февраля

1949

«Первая Конституция Советского государства (1918 г.)». М., 176 стр.

1951

«Борьба за упрочение Советской власти». Лекции. М., 79 стр.

«Образование Союза Советских Социалистических Республик». М., 68 стр.

1952

«СССР в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Лекции. М., 198 стр. (совм. с А. А. Матюгиным)

1953

«Борьба Коммунистической партии за упрочение Советской власти. Разгром «левых» эсеров». — «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской». Труды кафедры истории СССР, вып. 2, стр. 177—226

Сост. и ред.: «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах». Сб. статей. М., 623 стр.

«Триумфальное шествие Советской власти». — Там же, стр. 15—131

¹ Составитель С. Л. Макарова.

1954

- «Анализ источников по истории образования Советского многонационального государства». Лекции 1—2. М., 30 стр., 31 стр. (гектограф)
- «Коммунистическая партия — организатор Советского многонационального государства (1917—1924 гг.)». М., 120 стр.

1957

- «О публикации источников по истории Октябрьской революции». — «Исторический архив», № 5, стр. 237—246
- «Слом буржуазной государственной машины и создание Советского государственного аппарата». — «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сб. статей. М., стр. 413—474
- Ред.: «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Сб. документов. М., 628 стр. (совместно с А. Ф. Бутенко)
- Вступит. статья «Историческое значение II Всероссийского съезда Советов». — Там же, стр. 7—30
- Подгот. к печ.: «История гражданской войны в СССР», т. 3. «Упрочение Советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (нояб. 1917 — март 1919)». М., 402 стр.
- Отв. ред.: Х. Т. Турсунов. Образование Узбекской ССР. Ташкент, 243 стр.

1958

- «Борьба за упрочение Советской власти. Начало строительства социалистической экономики. Образование Союза Советских Социалистических Республик». — «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957)». Уч. пособие. М. (гл. III, стр. 96—143; гл. VIII, стр. 276—290)
- Отв. ред.: «Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М., 562 стр.

1959

- «К вопросу о публикациях документов по истории Октябрьской революции». — «История СССР», № 3, стр. 159—167.
- Отв. ред.: «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация». М., 662 стр.; «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис», 626 стр.; «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа», 696 стр.
- Отв. ред.: «Материалы по истории СССР, т. VII. Документы по истории советского общества». М., 488 стр.
- Ред.: «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг.». Сб. статей. М., 728 стр.

1960

- «В. И. Ленин — основатель Советского многонационального государства». М., 40 стр.

Отв. ред.: «К истории образования автономной области калмыцкого народа (октябрь 1917 — ноябрь 1920 г.)». Сб. документов. Элиста, 100 стр. (совместно с Б. С. Санджиевым)

1961

- «К итогам развития советской археологии от XX к XXII съезду КПСС». — «Исторический архив», № 5, стр. 179—193 (совм. с Н. А. Ивницким)
- Отв. ред.: «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-политический кризис». М., 631 стр.

1962

- «Археология истории СССР советского периода». — «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., стр. 539—556
- «Задачи источниковедения советского периода истории СССР в свете решений XXII съезда КПСС». — «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 165—173
- «Образование Союза ССР (Историографический обзор)». — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 6, стр. 173—181
- [Выступление на обсуждении статьи С. М. Каштанова и А. А. Курносова «Некоторые вопросы теории источниковедения»]. — «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 195—196.
- Отв. ред.: «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1—24 октября 1917 г.)». М., 579 стр.
- Отв. ред.: «Очерки истории Коми АССР», т. III. 1917—1961. Сыктывкар, 543 стр.

1963

- «О методике археологии Советской эпохи». — «Археологический ежегодник за 1962 год». М., стр. 359—365
- Ред.: «Протоколы и постановления Центрального Комитета Балтийского флота. 1917—1918». М.—Л., 479 стр.
- Вводная статья «Центральный комитет Балтийского флота». — Там же, стр. 5—30 (совместно с С. С. Хесным)
- Отв. ред.: «Великая Октябрьская социалистическая революция. Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы, ч. I, II. М., 559 стр., 495 стр.

Ред.: «Хрестоматия по истории СССР. 1917—1925». М., 695 стр.

1964

- «История создания и упрочения Советского государства». Докл. на соискание уч. степ. доктора ист. наук. М., 78 с.
- «История СССР. Эпоха социализма. (1917—1961 гг.)». М., 647 стр. (совместно с М. П. Кимом, Д. М. Кукиным, Э. Н. Бурджаловым и др.)

«Публикации документов по национальному движению в десятилетии по истории Великой Октябрьской социалистической революции». — «Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции» (Материалы к сессии Научного совета). М., стр. 73—75

Ред.: «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата». Сб. документов и материалов. М., 404 стр.

Член редколл.: «Источниковедение истории советского общества». Сб. статей, вып. 1. М., 375 стр.

1965

«XX и XXII съезды КПСС и проблемы источниковедения истории советского общества». — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела СССР», т. I. М., стр. 133—141

«Образование Союза Советских Социалистических Республик». — «Очерки по историографии советского общества». Сб. статей. М., стр. 220—246

1966

«Победа народных революций и образование народных советских республик в Хорезме и Бухаре». — «История СССР», 1966, № 2, стр. 66—83 (совместно с Х. Ш. Иноятовым)

Отв. ред.: «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Документы и материалы. Элиста, 551 стр.

Отв. ред.: «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. I—II. М., 584 стр.; 558 стр.

Ред.: «Очерки по истории Башкирской АССР», т. II (Советский период). Уфа, 643 стр. (совместно с В. П. Иванковым, Р. Г. Кузеевым и др.).

Отв. ред.: Д. В. Оганович. От Бреста до Юрьева. Из истории внешней политики Советской власти 1917—1920 гг. М., 328 стр.

1967

«Опыт публикации архивного фонда (Петроградского ВРК)». — «Советские архивы», № 1, стр. 68—72

Отв. ред.: «Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. III. М., 743 стр.

Ред.: «Очерки истории Калмыцкой АССР». М., 479 стр.

Член редколл.: «Советы в период Октябрьской революции и гражданской войны». кн. 2. Окт. 1917—нояб. 1918. М., 419 стр. Гл. VIII. Создание стройной советской организации. Первая Конституция РСФСР (июль 1918 г.). — Там же, стр. 299—332.

1968

Подгот. материалов о партийном и советском строительстве: «История КПСС», т. 3, вып. II. М., 607 стр.

Отв. ред.: «История национально-государственного строительства в СССР»,

т. I (1917—1936 гг.). М., 501 стр. «Введение», стр. 3—19; гл. I, § 1 (совм. с О. И. Чистяковым), стр. 20—38; § 4, § 6, стр. 75—93; 135—147; гл. II, § 2 (совм. с С. Н. Иконниковым), стр. 161—177; § 6 (совм. с С. В. Хармандаряном), стр. 219—233; § 8 (совм. с Х. Ш. Иноятовым), стр. 277—302; гл. IV, § 2, стр. 405—412.

Отв. ред.: «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 502 стр.

Зам. гл. ред.: «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны». Сб. документов. М., 707 стр.

1969

«Археография и источниковедение». Сб. статей и докладов (1957—1967 гг.). М., 128 стр.

Руководитель авт. колл.: «Правила издания исторических документов в СССР». М., 112 стр.

1970

«К вопросу об освещении истории современных национальных отношений в СССР». — «Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР». Душанбе, стр. 145—153

«В. И. Ленин — основатель Советского многонационального государства». М., 48 стр.

«Октябрь и вопросы национальных отношений в СССР». — «Записки Калм. НИИЯЛИ», вып. 9. Элиста, стр. 3—19

Отв. ред.: «История национально-государственного строительства в СССР», т. II. «Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма (1937—1967 гг.)». М., 277 стр.

«Предисловие». — Там же, стр. 3—16; гл. IV, § 5 (совм. с Ю. Б. Стракач, М. Н. Борисовым). — Там же, стр. 171—192

Отв. ред.: «Очерки истории Калмыцкой АССР», т. II. «Эпоха социализма». М., 432 стр.

«Введение» (совместно с И. И. Ореховым). — Там же, стр. 5—17

«Заключение» (совместно с И. И. Ореховым). — Там же, стр. 415—420

Отв. ред.: Д. А. Коваленко. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 412 стр.

1971

«Сближение социалистических наций и народностей СССР в свете решений XXIV съезда КПСС». — «Ленинская национальная политика в действии» (Тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар, стр. 8—12

Рец.: «Новые книги татарских историков». — «История СССР», 1971, № 1, стр. 175—176 (совм. с У. В. Беляловым).

Ред.: «Первый общекалмыцкий съезд Советов 2—9 июля 1920 года. Протоколы». Элиста, 220 стр. (совместно с А. И. Наберухиным)

- «Великое единение». М., 133 стр. (совместно с А. В. Лихолат)
- «Вопросы историографии национально-государственного строительства в СССР». — «Торжество ленинской национальной политики». Чебоксары, стр. 112—129
- «Коммунистическая партия — организатор Союза Советских Социалистических Республик». М., 412 стр.
- «Образование СССР». М., 48 стр.
- Отв. ред.:* «История национально-государственного строительства в СССР», т. I. «Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917—1936 гг.)», изд. 2-е. М., 516 стр.
- «Введение». — Там же, стр. 5—25; гл. I, § 1. «Образование Российской Советской Республики», стр. 26—44 (совм. с О. И. Чистяковым); § 4. «Советское государственное строительство в Латвии, Эстонии, Белоруссии, Азербайджане», стр. 82—101; § 6. «Первая Конституция Советского многонационального государства», стр. 142—155; гл. II, § 2. «Образование Литовской, Белорусской и Литовско-Белорусской ССР», стр. 169—186 (совм. с С. Н. Иконниковым); § 6. «Образование Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР», стр. 229—243 (совм. с С. В. Хармандаряном); § 8. «Победа советских народных революций и создание народных советских республик в Хорезме и Бухаре», стр. 288—313 (совм. с Х. Ш. Иноятовым); гл. IV, § 2. «Национально-государственное размежевание Средней Азии. Образование Узбекской, Туркменской, Таджикской ССР», стр. 403—419
- Отв. ред.:* «История национально-государственного строительства в СССР», т. II. «Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма (1937—1972 гг.)», изд. 2-е. М., 326 стр.
- «Введение». — Там же, стр. 5—20; гл. IV, § 5 (совм. с Ю. Б. Стракач, М. Н. Борисовым). — Там же, стр. 176—196

1973

- Ред.:* «Установление и упрочение Советской власти в Калмыкии (январь 1918 г. — апрель 1919 г.)». Сб. документов. Элиста, 352 стр.
- Член редколлегии и главный редакция серий:*
- «Великая Октябрьская социалистическая революция». Документы и материалы. «Революционное движение в России после свержения самодержавия». М., 1957, 857 стр.; «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис», 1958, 934 стр. «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», 1957, 1041 стр.; «Хроника событий», т. I. 27 февраля—6 мая 1917 г., 1957, 471 стр. «Декреты Советской власти». М., т. II. «17 марта — 10 июля 1918 г.», 1959,

686 стр.; т. III. «11 июля — 9 ноября 1918 г.», 1964, 664 стр.; т. IV. «10 ноября 1918 — 31 марта 1919 г.», 1968, 498 стр.; т. V. «1 апреля — 31 июля 1919 г.», 1917, 701 стр.

«История индустриализации СССР». Документы и материалы. «Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района (1925—1928 гг.)». Л., 1964, 394 стр.; «Индустриализация Северо-Западного района в годы первой пятилетки (1929—1932 гг.)». Л., 1967, 454 стр.; «История индустриализации Западной Сибири (1926—1941 гг.)». Новосибирск, 1967, 392 стр.; «История индустриализации Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1967, 479 стр.; «История индустриализации Грузинской ССР (1926—1941 гг.)». Тбилиси, 1968, 870 стр.; «Индустриализация СССР. 1921—1928», т. I. М., 1969, 535 стр.; «Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941 гг.)». Л., 1969, 496 стр.; «Индустриализация СССР. 1929—1933», т. II. М., 1970, 633 стр.; «История индустриализации Северного района (Архангельская, Вологодская обл. и Коми АССР)». Архангельск, 1970, 670 стр.; «История индустриализации Центрального Черноземного района. 1926—1932», т. I. Воронеж, 1970, 494 стр.; «Социалистическая индустриализация и развитие рабочего класса Советской Молдавии (1926—1958 гг.)». Кишинев, 1970, 596 стр.; «Индустриализация СССР. 1933—1937», т. III. М., 1971, 654 стр.; «История индустриализации Северного Кавказа (1926—1932 гг.)». Грозный, 1971, 564 стр.; «История индустриализации Центрально-Черноземного района (1933—1941 гг.)». Курск, 1972, 555 стр.; «Индустриализация СССР. 1938—1941», т. IV. М., 424 стр.

«История коллективизации сельского хозяйства СССР». Документы и материалы. «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 — июнь 1941 г.)», ч. I—II. Алма-Ата, 1967, 576 стр.; 604 стр.; «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)». Смоленск, 1968, 678 стр.; «Победа колхозного строя в Туркменистане (1930—1937 гг.)». Ашхабад, 1968, 646 стр.; «Коллективизация крестьянских хозяйств в правобережных районах Молдавской ССР». Кишинев, 1969, 612 стр.; «Колхозно-кооперативное строительство в Киргизии (1918—1929 гг.)». Фрунзе, 1969, 438 стр.; «История коллективизации сельского хозяйства Грузинской ССР (1927—1937 гг.)». Тбилиси, 1970, 770 стр.; «Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927—1937 гг.)». Л., 1970, 424 стр.; «Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927—1937 гг.)». Куйбышев, 1970, 670 стр.; «Коллективизация сельского хозяйства Центрального промышленного района (1927—1937 гг.)». Рязань, 1974, 502 стр.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ОПИСЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КОНЦА XVI В.

Публикуемый И. А. Балакаевой документ представляет значительный интерес и для изучения политической истории Российского государства XVI в., и для истории архивного дела и делопроизводства того времени. Судя по палеографическим данным (почерк, бумага с водяным знаком типа сферы, выявленным в польских посольских книгах 1581 г. и упоминаемым в альбоме Н. П. Лихачева под № 3993), это — рукопись (в четверть) последних десятилетий XVI в. Таким образом, это вторая дошедшая до нас опись дел главного государственного архива. Самая ранняя из дошедших описей его — опись Царского архива, более пространная, составлена в середине 1570-х годов. Из этой описи, а также из описей архива Посольского приказа XVII в. узнаем о составлении в XVI в. нескольких описей архивных дел в «книгах» и в «тетратех»¹. Публикуемая архивная опись — кратчайшая опись, лишь перечень ящиков с делами, напоминающий даже оглавление более пространной описи. Поэтому ее можно условно назвать «перечневой описью».

В описи упомянуто 195 ящиков. Пропусков в нумерации ящиков нет. Однако нумерация ящиков иная, чем в известных нам описях — описи 1570-х годов и описи архива Посольского приказа 1614 г. По сравнению с этими описями перечневая опись отличается и неполнотой. Особенно бросается в глаза отсутствие упоминания о делах династического архива московских государей — о документальных материалах XIV — первой половины XVI в., в том числе о духовных и договорных грамотах, в значительной своей части уцелевших до нашего времени², и в других старинных архивных описаниях, выделяемых особо. Однако это, видимо, полный перечень дел, хранившихся тогда в описываемом архиве (конец описания занимает только несколько строк на последнем листе публикуемого документа, остальная часть листа чистая).

Быть может, помимо «сей тетради», кратким описанием которой является публикуемый документ, имелась тогда и другая тетрадь с описанием династического архива? Династический архив мог находиться в то время и в другом хранилище, даже в личной казне государя (в 1626 г., по наблюдениям В. И. Гальцова, сопоставлявшего черновик и чистовик описи архива Посольского приказа 1626 г.³, династический архив хранился в особых ящиках — «красном» и в ящике с печатями и ценными вещами).

¹ С. О. Шмидт. К истории составления описей Царского архива XVI века. — «Археологический ежегодник за 1958 год». М., 1960; «Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года». М., 1960, стр. 8 и след.

² Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I. М.—Л., 1948; «Государственное древлехранилище хартий и рукописей». Опись документальных материалов фонда № 135 (ЦГАДА). М., 1974.

³ Опись 1626 г. ранее издавалась лишь частично. В настоящее время полностью подготовлена к изданию В. И. Гальцовым, впервые изучившим в ЦГАДА и черновые материалы, предшествовавшие ее составлению.

В публикуемой описи ящики с делами, касающимися внутренней политики, описаны суммарно (такой прием описания замечен и в описи Царского архива). Видимо, это — дела не ранее времени правления Ивана Грозного, так как документы Свяжска (Новгорода Свяжского), основанного в 1551 г., охарактеризованы как «старое дело». Это же наблюдение, вероятно, можно отнести и к «делам» «великого князя Семиона», «как на Москве был» (1575—1576 гг.), и к делам о сношениях с ливонскими городами. Названы только дела удельных князей — современников царя Ивана. (Эти ранние дела могли попасть в описываемый архив и тогда, когда царь «пересматривал» в 1560—1570-е годы Царский архив.)

Выделены наименования документов, имеющих отношение к митрополитам, — возможно, именно для того, чтобы обратить внимание на эти несветские дела и передать их в митрополичью «казну» — такого рода документы (упомянутые в описи Царского архива и в публикуемой) не названы в описях архива Посольского приказа XVII в. Безусловно интересны для историков упоминания о «деле» митрополита Филиппа (видимо, 1568 г.), пока не обнаруженном в архивах, и словоупотребление «дела соборные и на иконоборцов» (не названы ли так церковные соборы 1550-х годов или один из этих соборов?.)

При перечислении дел внешних сношений не упомянуты, однако, «угорские» (венгерские) дела, названные в описях 1570-х годов и 1614 г. (Быть может, они оставались еще в личной казне государя, куда их взял, видимо, в 1550-е годы Иван IV⁴.)

Так как в публикуемой описи читаем о ящиках, которые были «при Ондрее Щелкалове», можно полагать, что перечень этот составили после того, как он отошел от дел, связанных с описываемым архивом, т. е. не ранее 1594 г.⁵ Не была ли смена лиц, ответственных за архив, поводом для пересмотра архивных документов и составления новых описей, и не причастен ли к этому делу сменивший брата Василий Яковлевич Щелкалов, или причину следует искать в воцарении Бориса Годунова в 1598 г.? На эти и другие вопросы можно будет ответить лишь после детального сравнительного изучения публикуемой И. А. Балакаевой описи с другими документами XVI — XVII вв.

С. О. Шмидт

По сей тетра[ти]*...**

З греческим делом ящики 15, 38

З с цесарским делом ящики 26, 163, 182

Папы римского ящик 10

С турским делом ящики 22, 177

С литовским делом ящики 4, 5, 23, 35, 48, 55, 171, 173, 189 //

З [датцким] делом ящики 63, 176

С свейским делом и с королевским Арцы Магнуса короля делом ящики 44, 58, 64, 139, 149, 160, 164, 178, 184, 191

Францовского маистра ящик 52

С крымским делом ящики 6, 8, 19, 20, 25, 50, 51, 142, 166, 169, 174, 175

С нагайским делом ящики 24, 36, // 39, 49, 56, 60, 61, 115, 143, 165, 172, 190

л. 1

л. 1 об.

л. 2

⁴ «Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года», стр. 18.

⁵ Об А. Я. Щелкалове написана интересная дипломная работа В. Н. Егорова «Андрей Щелкалов — русский государственный деятель XVI века» (МГИАИ, 1973).

* Здесь и далее в квадратные скобки поставлен утраченный текст предположительно, по смыслу.

** Здесь и далее многоточие поставлено на месте утраченного текста, восстановить который не представляется возможным.

Маистра прусского ящик 30

Ангилейской ящик 40

- С кизылбашским и с шемахейским и з бухарским и с самарханским делом и с юргенчским и с тюменским и с визюрским и с сибирским и с казацким и с туркосанским и с ташкенским и с крымшевкаловым и з барколским делом ящичи 1, 43 //
- л. 2 об. С в[олоским] делом ящичи 13, 29, 59
С черкасским делом ящичи 138, 194
С казанским и с астороханским и з свияжским и с нижегородским с старым делом ящичи 2, 7, 12, 16, 17, 18, 28, 31, 37, 46, 53, 57, 95, 129, 136, 148, 151, 124
- л. 3 Ливонских и семидесят трех городов и юрьевских и ругодивских немец с старыми и с новы//ми дела ящичи 32, 47, 54, 128, 135, 145, 146, 156, 161, 193
- Резанских и черниговских и смоленских великих князей и стародубского и шемяичева и ярославских и волоцких и мещерских и удельных старых, и князя Юрья Васильевича и князя Володимера Одреевича и великого князя Семиона, как на Москве был, с старыми и с новыми дела ящичи 3, 9, 11, 21, 33, 34, 45, 62, 81, 98, 108, 157 //
- л. 3 об. З з... и с поручными в отъездах и в ьных винах старье и новые ящичи 27, 69, 80, 141. По боярех и по дворянех и по всяких людех с приказными дела и с розменными и с четвертными и с митрополичьим Филиповым делом и со всякою рознью при дьяке при Одрее Васильеве ящичи 41, 42, 65, 66, 97, 110, 111, 112, 119, 120, 121, 122, 125, 126, 131, 132, 133, 134, 137, 140, 150, 154, 155, 185 //
- л. 4 Городец[кие]... 14, 96 с приказными дела и со всякою рознью ящичи при дьяке при Одрее Щелкалове 113, 114, 116, 117, 118, 123, 127, 130, 144, 147, 152, 167, 168, 170, 179, 180, 181, 183, 186, 187, 188, 192, 195
- л. 4 об. С приказными ж дела и с соборными на иконоборцов с старыми и со всякою рознью с старою ящичи 67, 68, // 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 153, 158, 159, 162.

ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 1а.

Документ подготовлен к печати И. А. Балакаевой

ОПИСЬ ПОСОЛЬСКИХ ДЕЛ, ПЕРЕДАННЫХ В 1708 Г. ИЗ КАЗЕННОГО ПРИКАЗА В ПОСОЛЬСКИЙ

Важность изучения древних архивных описей Посольского приказа не раз отмечалась дореволюционными и советскими историками¹. Это важнейший источник для целого ряда исторических дисциплин, в том числе и для истории архивного дела в России².

В одной из описей архива Посольского приказа, составленной под руководством окольного А. С. Матвеева в 1673 г., имеются любопытные сведения о комплектовании своеобразного архивного собрания наиболее ценных дипломатических документов преимущественно XVII в. Как указано в описи 1673 г., 24 августа 1635 г. по «имянному приказу» царя Михаила Федоровича «дьяки думной Федор Лихачев да Максим Матюшкин, собрав государственные начальные великие дела со окрестными государями докончальные и перемиренные грамоты и договорные посольские записи и всякие большие крепости, положили в сундук; и за печатью думного дьяка Федора Лихачева ис Посольского приказу отнесен тот сундук на Казенный двор и поставлен в Большой полате, и приказан беречь казенному дьяку Гаврилу Облезову»³. Около 100 документов, 5 книг и 15 тетрадей были размещены в семи ящиках, поставленных в сундук. Кроме того, в один из ящиков, «бархатной спетлею серебряной», положили мешочек с государственными и «властелинскими» печатями.

Среди архивных материалов, отобранных на Казенный двор, были отдельные важные документы династического и церковного характера («книга в камке» об избрании царя Федора Ивановича, грамота об избрании патриарха Иова, утвержденная грамота избрания на царский престол Михаила Федоровича, «книга в бархате» — «поставление» патриарха Филарета Никитича) и дипломатические документы: «запись» докончания императора Максимилиана I с великим князем Василием Ивановичем; посольская книга 1488—1500 гг. (сношения России с Литвой), которая в 1635 г., после заключения Поляновского мира, была возвращена России⁴; грамота папы римского Григория XIII царю Ивану Грозному; Тявзин-

¹ Н. П. Лихачев. Библиотека и архив московских государей в XVI ст. СПб., 1894; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I. М.—Л., 1948; С. О. Шмидт. К истории составления описей Царского архива XVI века. — «Археологический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 54—65.

² В последнее время архивные описи Посольского приказа и Царского архива все чаще используются в исследованиях ученых-филологов (Ф. П. Сергеев. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кипишев, 1971).

³ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, ед. хр. 4, л. 1117. Интересно отметить, что незадолго до этого, в 1632 г., архив Посольского приказа был вновь приведен в порядок, а документы, поступившие в приказ с 1626 по 1632 г., были переписаны под руководством окольного Л. И. Далматова-Карпова и дьяка И. Переносова.

⁴ Во время польско-шведской интервенции эта книга с частью посольского архива, вместе с известной описью Царского архива XVI в., была вывезена из Москвы и включена в Литовскую Метрику (И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960, стр. 82).

ский мирный договор 1595 г., документы о русско-шведских переговорах в 1617 г.; Деулинский мирный договор 1618 г.; документы периода польско-шведской интервенции начала XVII в.; документы ряда посольств, преимущественно в Польшу: князя А. М. Львова, князя В. В. Голицына, дьяка А. Власьева.

В течение XVII в. архивное собрание на Казенном дворе периодически пополнялось новыми посольскими документами. Такие поступления были 20 мая 1646 г., 11 января 1650 г., 30 декабря 1651 г.; в феврале 1663 г. появляется уже новый ящик, оклеенный красной кожей, его, в свою очередь, 15 марта того же года определяют в новый сундук, «в котором быть и иным государственным старым делам»⁵.

Реорганизация государственного аппарата, проводившаяся в начале XVIII в., коснулась и архивов, в частности архива Посольского приказа⁶. Прежде всего уточняется профиль этого архива. В 1700 г. была создана Посольская походная канцелярия, дипломатические документы которой разделили по принципу построения Посольского приказа — по повьятам. В 1710 г. переписные, писцовые и дозорные книги княжества Смоленского, хранившиеся в архиве приказа, были переданы в Смоленскую губернию⁷.

В феврале 1708 г. дьяки В. Посников, И. Волков, М. Родостамов под руководством печатника Н. М. Зотова пересмотрели и переписали документы, хранившиеся на Казенном дворе, и передали их в Посольский приказ. Опись этих документов, предлагаемая читателям, хранится ныне в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 138, оп. 3, д. 17). Публикуемая рукопись представляет интерес как для исследователей, изучающих историю архивного дела в России, так и для широкого круга историков, в частности, изучающих внешнюю политику России в конце XVII — начале XVIII в.

В «росписи» 1708 г. дается подробное описание таких важных дипломатических документов, как «Свейская запись договорная ... Столбовского договору» 1617 г.; грамоты шведских послов 1684 г., подтверждающие Кардисский договор 1661 г.; польские грамоты, подтверждающие Андрусовское перемирие 1667 г., польский вариант «Вечного мира» 1686 г. за подписью посла К. Гжимултовского; «статьи» на латинском языке, данные китайским послом Сонготу окольникову Ф. А. Головину во время русско-китайских переговоров под г. Нерчинском в 1689 г.

Документы, отмеченные в «росписи» 1708 г., в большинстве своем относятся ко второй половине XVII в. Здесь уже нет важнейших материалов династического и церковного характера, бывших на Казенном дворе в 1635 г., а среди дипломатических документов раннего периода упомянут лишь Тявзинский мирный договор 1595 г. Посольские документы, описанные в 1708 г., сохранились почти все, за исключением «розъезжего» письма, данного в 1678 г. польскому послу М. Черторийскому («о заходящих трудностях», л. 3 рукописи); польской отписи о «зачетных деньгах» (л. 3 об.); письма польских послов 1719 г. о посожских селах (л. 3 об.). В «росписи» 1708 г. имеются фактологические неточности: «договорная свейская запись» (л. 2) была привезена послом Б. И. Пушкиным не «во 188-м году», а в ноябре 1649 г.⁸; «подтверженную» польскую грамоту 1677 г. (л. 3) привез в Москву в мае 1678 г. посол М. Черторийский, а не русский посол И. В. Бутурлин, который был в Польше в январе — феврале 1679 г.⁹; польская договорная запись, «какова постановлена

⁵ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, ед. хр. 4, л. 1141 об.

⁶ И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР; А. В. Чернов. История и организация архивного дела в СССР. (Краткий очерк). М., 1940.

⁷ Г. А. Дремина. Московский архив Коллегии иностранных дел. — «Государственные архивы СССР». М., 1959, стр. 33—34.

⁸ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (по 1800 год), ч. 4. М., 1902, стр. 165—166.

⁹ Там же, ч. 3. М., 1897, стр. 150—151.

чрез послы» Ф. И. Шереметева и Я. Жадика в 1644 г. (л. 5 об.), — это Поляновский мирный договор 1634 г.

Представляют интерес сведения «росписи» о документах, взятых в октябре 1699 г. с Казенного двора «на пример» «для свейского посольства», которое прибыло в Москву для подтверждения Кардусского, Плюского и Московского 1684 г. договоров между Россией и Швецией. Данные «росписи» позволяют выяснить систему хранения документов на Казенном дворе, проследить комплектование этого архивохранилища в начале XVIII в.

Рукопись имеет вид тетради, состоящей из 8 листов размером 200 × 320 мм, последние два листа чистые. На каждом листе имеются левые и правые поля, отчерченные прямыми линиями чернилами. Судя по всему, это беловой вариант «росписи»: почерк аккуратный, текст выверен, на полях несколько разборчивых помет того же времени. Тетрадь в обложке из плотной бумаги, на которой виден водяной знак с датой: «1803 году»; на обложке заголовок, сделанный, судя по бумаге, в XIX в.: «1708-го февр. 16. Дело о принятии из Казенного в Посольской Приказ двух сундуков с государственными договорными грамотами и Посольскими записями, запечатанными в 1635 году».

Рукопись публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969). Текст передается в современной транскрипции. Выносные буквы и слоги опущены в строку, к мягкозвучающим выносным добавлен мягкий знак. Пунктуация дана по правилам современного правописания.

В. И. Гальцов

1708 года февраля в 16 день по имянному великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу и по писмам, каковы писал из военного походу постельничей и кавалер Гаврило Иванович Головин к думному дворянину и печатнику Никите Моисеевичю Зотову, и по писмам же, каковы ис того ж военного походу писал тайной секретарь Петр Павлович Шафиров государственного Посолского приказу к дьяком за подписанием рук своих, он, думной дворянин и печатник Никита Моисеевич, и при нем дьяки Василей Посников, Иван Волков, Михайло Родостамов, обослався Казенного приказу с судьями, с стольником со князем Лукою Долгоруково с товарищи, пришед на Казенной двор и обще с товарищем ево, с стольником же Андреем Эверлаковым, которой им учинил вход в Казенную полату, где стоят для охранения государственныя вещи и с Посольского приказу государственныя ж великия и нужныя дела; и в той полате осмотрели * в целости два сундука да ящик, запечатаные государевою печатью воротною съ ярлыки, в которых объявлено, что в тех сундуках и въ ящике государственныя Посольского приказу дела. А по осмотру те сундуки и ящик ис той Казенной полаты для лутчаго удобства, к осмотру и переписки в них дел, перенесены в государеву Мастерскую полату.

И того ж числа в Мастерской полате при нем, думном дворянине и печатнике Никите Моисеевиче, вышписанные Посолского приказу дьяки у тех сундуков и у ящика государевы печати сняли и в них дела, осмотря и розобрав, переписали и с роспискою в Посольской приказ приняли. А что каких дел по той их росписке и по приему явилося, и то подлинно писано в росписи ниже сего за их руками. //

В 1700-м году октября в 7 день поставлено на Казенном дворе государственных крепостей в дубовом окованом сундучке **.

* В рукописи осмотрели.

** Справа на поле помета: Особой сундучек другой.

1. Договорная подлинная крепость латинским писмом за руками и за печатями цесарских министров, да посланника дьяка Козмы Нефимонова, да венецыйского посла о постановлении союза в Вене в 205-м году против турок и татар на три года *.

И на тот вышеписанной трехлетней союзной договор цесарская ** подтвержденная грамота латинским писмом на поргаминовых листах полудестевых, в перешлете, в бархатной оболочке красной; печать цесарская большая на красном воску в чашке воцаной же белова воску, а ковчег деревянной точеной с кровлю деревянною ж, и превешена на золотном среднем снуру бес кистей и без варварок. Да венецыйского князя на тот же договор подтвержденной лист на целом паргаминовом листу латинским же писмом за оттворчитою вислою печатью, привешена на снуру, шолк красной з золотом, а печать золотая на смоле против того ж, каковы печати и снуры и у протчих венецыйских же листов всегда присылаютца. А положен в мешке красном, отласном.

2. Подлинное договорное писмо турецких послов на александрийском глаженом листу тонком, каково они за руками и за печатями своими, будучи на съезде в Сирмии, дали великому и полномочному послу думному советнику и наместнику балховскому Прокофью Богдановичю Вознищину в 207-м году о двулетнем с ними примирении. //

а. 2 Свейскые.

3. Грамота докончальная свейского Каролуса короля прислана с великими и полномочными послы с окольниким с Ываном Афонасьевичем Прончищевым с товарищи во 192-м году; печать в ковчеге серебряном золоченом на снуру *** з гербами.

4. Подтвержденная грамота того ж свейского короля, какова прислана с послы с Кандратьем Гиндерстермом с товарищи в том же в 192-м году; печать в ковчеге серебряном золоченом на снуру з гербами.

5. Договорное писмо, каково учинено на Москве в пополнение к прежнему Кардийскому договору и Плюскому совершению с теми свейскими послы во 192-м году, за руками посольскими и за печатями.

6. Подтвержденная грамота свейского Королуса короля, какова прислана с послы ево съ Яганом Бертенгельмом с товарищи в 208-м году; печать в ковчеге серебряном на снуру без гербов.

Да старых свейских дел, что взяты были для примеру ис Казенного приказу в прошлом в 1699-м году октября в 28 день.

7. Договорная свейская запись о перебешиках, какову привезли из Свеи государевы великие послы окольникчей Борис Ивановичь Пушкин с товарищи во 188-м году за четырьми сенаторскими печатями на снурах золотных в костяных ковчехах. //

а. 2 об. 8. Подтвержденная грамота свейской Христины королевы на Столбовской договор, прислана с послы ея с Филипом Шейдингом с товарищи во 143-м году, на которой великий государь подтверждения чинить не изволил; печать в ковчеге серебряном гладком.

9. Докончальная грамота ея ж свейские Христины королевы, прислана с послы с окольниким з Григорьем Гавриловичем Пушкиным с товарищи во 154-м году; печать в ковчеге серебряном гладком.

10. Свейская запись договорная Густава Адольфа короля Столбовского договору 125-го году; печать ростошила вся, в ковчеге серебряном.

11. Грамота договорная свейских послов з государевыми послы с окольниким со князем Иваном Самсоновичем Турениным с товарищи 1595-го году на съездах, за шестью печатями в ковчехах серебряных.

* *Справа на поле помета: А первому сундуку особая переписка, и положена в том же первом сундуке, и из ящика писма выбраны и положены в том же первом сундуке, и переписаны обще с ыными писмами.*

** *Последние буквы ая исправлены из ой.*

*** *Буква р исправлена из г.*

12. Грамота свейская верующая Христины королевы на послов ее на Филипа Шойдинга 143-го году.

Да польских дел.

13. Перемирная договорная польская запись, какову подали послы окопничей Афонасей Лаврентьевичь Ордин-Нащокин с товарищи во 175-м * году.

14. Подлинная запись польских послов Станислава Беневского с товарищи 176-го году, каков союз против турка учинен во время перемирья. //

15. Розъезжее письмо, каково было дано полским послом князь Михайлу Черторийскому во 186-м году о заходящих трудностях; русское [и полское] **.

л. 3

16. Подтверженная грамота полского Яна—Казимера короля на Андрусовской договор, за двумя печатями, за корунною и литовскою, в серебряных ковчехах; прислана во 176-м году.

17. Другая подтверженная грамота полского Михаила короля на тот же Андрусовской договор, прислана с послы съ Яном Гнинским во 180-м году, за такими ж двумя печатями с серебряными ковчехами.

18. Статьи, каковы учинены на Москве с теми ж послы, з Гнинским с товарищи, во 180-м году, о союзе.

19. Подлинная запись на турецком языке, какова прислана на торговаго армянина на *** Григорья Лусикова и на всю компанею во 181-м году, о повольной их в Московском государстве торговле.

20. Подтверженная грамота короля польского Яна Третяга, какова подана в Варшаве во время сейму в 1677-м году апреля в 30 день поновому, на полском языке; писана на александрийской бумаге в десть, переплетена в обьяр золотную лазореваго цвету; у той грамоты две серебряные печати, одна поменше; за канцлеровою рукою; подали послы боярин Иван Васильевичь Бутурлин с товарищи. //

21. Запись подлинная за руками и печатями польских послов Хриштофа Гримультовскаго с товарищи вечного миру с польским королем 194-го году, на польском языке; переплетена в отлас золотной, на александрийской бумаге в десть.

л. 3 об.

22. Ящик малой за печатью, а в нем две отписи великих и полномочных послов за их руками, одна во 100 000, 194-го году, а другая в достальных 46 000 рублех; тут же отпись канцлерова в зачетных деньгах в 1215 рублех.

23. 194-го письмо полских послов за руками и печатями, каково у них взято о посожских селех, что убытков царского величества с стороны не спрашивать.

24. Грамота ж полского Яна Третьяго короля подтверженная на вечной мир 194-го году, переплетена в золотную материю з двумя большими серебряными печатями на шнурах золотных висящими; писана во Льове во 194-м году, отдана великим и полномочным послом боярину Борису Петровичю Шереметеву с товарищи.

25. Договорные статьи з дацким королем о посольских чинех и о кормех московскаго постановления с чрезвычайным посланником съ Яганом фон Горном 192-го году.

26. Договорные статьи о посольских чинех с курфистром брандебургским, постановления посланника дьяка Василья Посникова при дворе курфистрове во 195-м году. //

27. Договорные ж статьи о посольских чинех и о кормах курфистровым посланником московскаго постановления с чрезвычайным посланником с Людвиком Марквордом фон Принцом, 207-го году.

л. 4

* Цифра 7 исправлена из 5.

** Так в рукописи.

*** на вписано позже.

28. Статьи ж, каковы дали под Нерчинским на съезде царского величества великим и полномочным послом околничему Федору Алексеичю Головину с товарищи китайского хана послы, на латинском языке, во 197-м году.

29. Новые союзные статьи * с польским Августом королем 1699-го году; да з дацкими — Христианусом 1699-го ж две, да с новым Фридериком королем 1699-го ж и 1700-го годов — две; и того, пять крепостей относили на Казенной двор Посолского приказу дьяки Василей Посников, Борис Михайлов да старые подъячие Максим Алексеев, Иван Губин, Михайло Волков, Михайло Ларионов, Александр Симинов.

И на Казенном дворе в Казенную полату те крепости приняли околничей Михайло Тимофеевич Лихачов, думной дворянин и печатник Дементей Миничь Башмаков, да дьяки Роман Смирной, да Петр Шварт.

И приняв и осмотря в том ящике те крепости, думной дворянин и печатник запечатал во обоих пробоях государевою воротною печатью, и поставлены на сундуке, в котором лежат государственные ж крепости, поставленные на пред сего; и приложен к тому сундуку ярлык, в котором написано: // 1700-го октября в 7 день в сем сундуке государственные крепости старые, которые иманы были для свейского посольства в прошлом 208-м году, и новые.

30. Да в прошлом 1702-м году генваря в 16 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по памяти из государственного Посолского приказу переставлены на Казенной двор государственные крепости: подлинная договорная запись, что привес ис Царягорода чрезвычайной посланник думной дьяк Емельян Игнатъевич Украинцов в прошлом в 1700-м году ноября в 15 день; да подлинная подтвержденная Мустафы салтана турского на те перемирные договоры грамота, кокову привез ис Царяграда великой посол ближней человек и наместник смоленской князь Дмитрий Михайлович Голицын в том же 1702-м году генваря в 8 день.

Переставлены те крепости въ ящик кипарисной оклееном отласом красным с лица и внутри; а крепости положены: перемирные договоры в мешке отласном белом, а подтверждающая салтанская грамота в мешке объяринном — земля белая, по ней травы золотные; и положены в них ярлыки с подписми. И поставлен тот ящик в дубовой старой сундук с ыными крепостми. Переставливали боярин князь Петр Иванович Прозоровской да ** думной дворянин и печатник Никита Моисеевич Зотов, дьяк Михайло Родостапов. И запечатан тот сундук государевою воротною печатью. //

Да сверх переписной книги и осмотру вышеписанных крепостей меж теми ж крепостми явилось и положено в вышеименованной сундук.

31. Запись, кокову прислал к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси меретинской Александр царь (в которой написано, что ему, царю, с сыном ево, царевичем Багротом, и з братом ево, царевичем Мамуком, и со всеми ево служители и з духовными особы быть у великого государя у его царского величества под его, великого государя, высокодержавною рукою вечно в подданстве) *** с посланники с Никифором Толочановым да з дьяком Алексеем Иевлевым во 161-м году сентября в 20 день. У той записи печать чернилы, и с печати перевод на словенском языке.

32. Запись Короны Полской и Великого княжства Литовского панов-рад, и урядников, и послов поветовых, кокову дали на Варшавском волном **** сейме великого государя царя и великого князя Михаила

* Слева на поле помета: За печатми дьяков Василья Посникова да Бориса Михайлова.

** да приписано позже.

*** Скобки рукописи.

**** Справа на поле приписано болшом.

Феодоровича всеа Русии великим послом боярину князю Алексею Михайловичю Лвову ярославскому с товарищи; а в той записи написано, что прежняго обрания полского королевича Владислава на Московское государство за государя ныне и впредь не причитать, и что сыскано в Польше о том обрании московских писем, те вышписанным послом отданы, а буде и впредь московские писма о том же сыщутся, и те отдадут. У той записи вышписанных // полских особ руки приписаны и печати л. 5 об. приложены. Запись писана в тетрадь на александрийской бумаге белоруским писмом при Владиславе короле Четвертом в 1635-м году.

33. Грамота полскаго короля, прислана з гонцом з Гаврилом * Сколком во 153-м году.

34. Записи межевых судей, в том числе две путивльские, 1 трупчевская, 153-го, 154-го, 155-го годов.

35. Писма посолства государевых великих послов околичего Василья Семеновича Волынского ** с товарищи Плюского съезду 174-го и 175-го годов.

Договорная запись государевых послов.

Королевская верующая грамота и договорная запись свейских послов, и с нее два переводы.

36. Полская договорная запись на полском писме великого государя царя Михаила Феодоровича всеа Росии с Владиславом королем полским во обновление покою и брацкой дружбы и любви, какова постановлена чрез послы боярина и намесника псковского Федора Ивановича Шереметева и Якуба Жадика бискупа хелминского, канцлера корунного, лета от рожества Христова 1644-го; у ней 8 печатей в деревянных ковчехах. // л. 6

37. Договорное писмо Гаврила Стемпковскаго каштеляна бреславского, что поляком в Московское государство в города с вином и табаком не везжать.

38. Договорная запись 1677-го году полских *** послов Адама Киселя, каково постановлено с московскими послы з боярином с князь Алексеем Никитичем Трубецким.

39. Договорное писмо полское польских полномочных послов Казимера Паца с товарищи, каково постановлено **** з бояры с князем Алексеем Никитичем Трубецким, з Григорьем Гавриловичем Пушкиным с товарищи о способах воединение войны на крымцов в 7156-м году, за их руками.

40. Писмо королевского величества полского великого посла Адама Иверста, каково он дал за своею рукою и печатью царского величества бояром и думным людем о обидных делех, которые учинены людем царского величества с стороны королевской, чтоб ему о том донести, королю, дабы учинена была в тех обидах скорейшая справедливость, и взятое и грабежное отдано было без мотчания; а которого ***** году и где то писмо писано, того в подлинном писме не написано.//

41. Грамота польских и литовских сенаторей Андрея Шондрского бискупа познанского с товарищи 1644-го, какову они дали боярину и намеснику суздальскому князю Алексею Михайловичю Лвову с товарищи, что им говорено о Иване Дмитриеве сыне, которой назывался Дмитрием царевичем российским Московского государства и жил в Бресте-Литовском, чтоб ево никогда в Полском государстве не держать и прислать с своими послы к великому государю. л. 6 об.

И те все вышеимянованные крепости в нынешнем 1708-м году февраля в 16 день приняли Посолского приказу дьяки, и отдали для бережения

* Буква а исправлена из р.

** В рукописи Волынского.

*** Справа на поле помета 1647-го.

**** Буквы новле написаны по подчищенному.

***** Буква р исправлена из г.

и присмотру тех и иных государевых дел того ж приказу старым подъячим: Михайлу Ларионову, Ивану Губину, Петру Пасынкову для того, что все государевы дела и казна в приеме у них, подъячих.

Такая переписная роспись отдана думному дворянину и печатнику Никите Моисеевичю Зотову за приписми дьяков Василья Посникова, Ивана Волкова, Михайла Родостамова.

У той же переписной росписи подъячие руки приложили:

Михайло Ларионов руку приложил;

Иван Губин руку приложил;

Петр Пасынков руку приложил.

ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 17.

ПИСЬМА Е. В. ТАРЛЕ В. Я. БОГУЧАРСКОМУ

Усилившийся в последнее время интерес к жизни и творчеству академика Евгения Викторовича Тарле (1875—1955) привел к введению в научный оборот малоизвестных материалов о его научной и общественной деятельности, в частности, дореволюционного периода¹. Важные данные для изучения этого аспекта биографии Тарле в годы первой русской революции в России имеются в архиве известного историка революционного движения и общественного деятеля буржуазно-либерального направления В. Я. Богучарского — псевдоним Василия Яковлевича Яковлева (1861—1915)². Знакомство Богучарского с Тарле произошло, вероятно, около 1905 г., когда последний был приглашен, в числе других, сотрудничать в журнале «Былое» (1906—1907), одним из редакторов которого был Богучарский. Идеино-методологические взгляды Богучарского и Тарле в этот период были близкими, а их творческие пути пересекались до самой смерти Богучарского: в 1906—1907 гг. Тарле сотрудничал в «Былом», в 1907 г. они публиковали свои статьи в «Галерее шлиссельбургских узников», в 1912 г. — в юбилейном сборнике «Русское общество и Отечественная война 1812 г.». После смерти Богучарского Тарле поместил в газете «День» статью памяти его, которая дает основание предполагать, что дружеские отношения между ними сохранялись до конца жизни Богучарского³.

В Государственном литературном музее (ГЛМ) находятся девять писем Е. В. Тарле к В. Я. Богучарскому за 1906—1912 гг.⁴ Три из них воспроизводятся в предлагаемой публикации. В этих письмах Тарле содержатся сведения о работе историка над некоторыми его произведениями и его участии в журнале «Былое». Письма интересны для рассмотрения общественно-политических взглядов Тарле, протестовавшего против политики самодержавия, понимавшего историческую обреченность царизма. В определенной мере проявляются в письмах и политические симпатии историка. Письма дополняют представление о круге знакомств

¹ В. И. Рутенбург. Тарле — ученый и общественный деятель. — «Проблемы истории международных отношений». Сборник статей памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972; С. Н. Валк. Е. В. Тарле и литература советского архивоведения. — Там же; В. А. Дунаевский и Е. И. Чапкевич. К портрету академика Тарле. — «Советские архивы», 1968 № 5; З. М. Цыпкина. Два письма Тарле. — «Французский ежегодник, 1965». М., 1966; Е. И. Чапкевич. Жизнь и деятельность Е. В. Тарле в дореволюционный период. — «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 249. М., 1966; Е. И. Чапкевич. Е. В. Тарле под надзором полиции. — «Прометей», т. 3. М., 1967; В. И. Дурновцев. Проблемы истории дореволюционной России и в научно-литературном наследии академика Е. В. Тарле. Автореф. канд. дисс. М., 1974.

² Архив В. Я. Богучарского хранится в ЦГАОР СССР (ф. 854, оп. 1); ЦГАЛИ (ф. 1696, оп. 1); ГЛМ (ф. 2); ИРЛИ (Пушкинский Дом, Р. I, III и др.).

³ Е. В. Тарле. Историк вчерашнего дня. (Памяти В. Я. Богучарского). — «День», 13 мая 1915 г.

⁴ ГЛМ, ф. 2, д. 375. (Листы не нумерованы.)

Тарле, его научных и общественных интересах. Письмо от 26 июня 1906 г. является несомненным образцом высокого эпистолярного искусства.

Остальные письма менее интересны. В письме от 5 июня 1906 г. историк приводит свой парижский адрес, на который просит прислать журнал «Былое»; в письме от 2 сентября Тарле сообщает о желании лично просмотреть корректуру своей статьи «Николай I и французское общественное мнение»; в письме от 4 июля 1907 г. сожалеет, что не смог участвовать в издании «Историко-революционного альманаха» и выражает готовность написать на него рецензию. В письме от 24 октября (предположительно, 1911 г.) Тарле сообщает Богучарскому часы приема крупного французского историка Г. Моно — зятя А. И. Герцена (Богучарский готовил в это время работу о Герцене). Письмо от 21 июня 1912 г. представляет ответ на просьбу Богучарского выяснить, нет ли материалов Герцена во Французском Национальном архиве. Тарле не обнаружил таких материалов, но указывает литературу, упоминаемую Герценом (сочинения Курдериуа). В недатированной записке Тарле сообщает, что не может посетить Богучарского ввиду занятости.

Отобранные для публикации письма Е. В. Тарле В. Я. Богучарскому печатаются в соответствии с современными «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

М. Ф. Шумейко

29 января 1906 года

Многоуважаемый Василий Яковлевич!

С удовольствием войду в состав сотрудников «Былого»¹. Раздумывая над тем, чем я мог бы быть полезен Вашему журналу, я решил, что если в предстоящее лето удастся съездить из Парижа в Лондон — я непременно скопирую переписку между Джорджем Каннингом и русским правительством (в 1826 г.) по поводу выдачи Тургенева. Это еще нигде не опубликовано — и редакция ответов Каннинга должна быть любопытна: человек был крутой и грубый, — и отказал Нессельроде — с полным удовольствием. Кажется, такого рода материал подойдет к Вашему журналу². Очень рад буду как-нибудь зайти к Вам или Вас увидеть у себя.

Преданный Вам Евг[ений] Тарле.

СПб., Ямская, д. 4, кв. 30

19 апреля 1906 года

Парижский обр[атный адрес]
Paris, poste restante. Tarle *

Многоуважаемый Вас[илий] Яковлевич!

На днях я уезжаю в Париж и предварительно хотел бы узнать Ваше суждение об одной статье, которую я замышляю написать, сидя там. Я хочу дать обзор франц[узских] работ (мемуаров, путешествий, публицист[ических] статей) эпохи 1825—1855 гг., посвященных Николаю I и его режиму. Газеты времени Людовика-Филиппа в этом смысле очень интересны (у нас же, кроме Кюстина³, из всей этой литературы мало что известно).

Нужна ли была бы подобная статья «Былому»?⁴

Черкните об этом.

Уважающий Вас Е. Тарле.

* Далее помета рукой Богучарского ответил.

Р. С. Бесконечно хотелось бы получить «Былое» в Париже, но у Вас на обложке нигде не обозначено, сколько приплачивается за пересылку за границу, а мне просто совестно и этот расход взваливать на контору, которая и так даром высылает мне журнал.

26/13 июня 1906 г. из Парижа

Многоуважаемый Вас[илий] Яковлевич!

Спешу ответить на Ваше письмо. В альбом-сборник о Бакунине я напишу непременно (черкните только, к какому крайнему сроку нужно доставить)⁵. А вот насчет биографич[еского] очерка * (для Русск[ой] историч[еской] библиот[еки]) * нужно рассчитать время. Во всяком случае думаю, что удастся и это взять на себя. Здесь, в Париже, удобно писать о его [Бакунине.— М. Ш.] участии в интерна[циональных], испанских, славянских делах, о контрoверсах с Марксом,— но русская часть здесь обставлена несколько хуже, чем в Петербурге. Ведь эта биография ** не так скоро потребуется?

«Былое» я здесь получаю, спасибо. Вы знаете, что я читаю «Былое» не отрываясь пока не кончу, сбрасывая все занятия, все чтения и т. п. И едва ли я один это делаю. «Дегаевщина» и все, что Дегаева касается⁶,—убедило меня, что история иногда бывает Федором Михайловичем Достоевским — и *** показывает такие мрачные пучины человеческой души, какие только Достоевский умел показывать. Вообще, этот ваш журнал — событие в умственной жизни русского общества, его нельзя читать без таких глубоких эмоций, каких от чтения почти никогда не испытываешь. «Бегство Алеши Поповича», показания о себе Веры Фигнер⁷, воспоминания Тыркова⁸— все это стояло и стоит в уме — и чувствуешь, что никогда этого не забудешь.

А жизнь спешит готовить материал для будущих лет издания «Былого»...**** Что эти мерзавцы выцедят из России максимум крови, какую только смогут выцедить, что им терять абсолютно нечего, и возвращаться нельзя, что бессмысленно их упрекать в том, что они не думают о завтрашнем дне,— ибо они-то ведь инстинктом чувствуют, что у них этого завтрашнего дня все равно не будет,— все это я теоретически давно уже понял и признал социологическую неизбежность всего того, что они делают. И нервы все-таки не выдерживают. В торжестве революции я убежден вполне без оговорок; до свержения абсолютизма у нас общественная реакция — социологически немыслима; армия разлагается не по дням, а по часам, и если только удастся удержать активное выступление масс до более полной и всесторонней их организации, то самодержавие погибнет в ближайшем же шквале (впрочем, если и не удастся удержать массы, и самодержавие еще одну победу одержит,— то и тогда отсрочка будет нулевая — в месяцах, а не в годах, ибо на годы реакции нет материальных средств ни у правительства, ни у народа).

Все это я сознаю отлично,— и все-таки чувствую себя временами так, как чувствовал себя зимою, читая о Спиридоновой⁹, т. е. хочется никого не видеть, ни с кем не говорить, ни о чем не думать. Здесь, в Париже, все газеты, кроме «Humanité» Жореса, куплены русским правительством,— кроме скупых телеграмм ничего не дают о России, а «Humanité» — газета честная, но ее никто не читает ***** и денег на свои телеграммы у нее нет *****. 3000 номеров в день печатается: 300 подписчиков и 270 розницы. Вы понимаете, что это равно нулю в смысле влияния. Зато «Temps», у которой огромное влияние и колоссальный тираж,— с одной стороны, убеждает Николая II в необходимости расстаться с Горемыкиным¹⁰,

— Вписано над строкой.

** Слово вписано над строкой.

*** Далее зачеркнуты два слова.

**** Отточие в тексте.

*****—***** Вписано над строкой.

с другой стороны, печатает «вдумчивые» статьи Ицки Рафаловича¹¹ о религиозности русского мужичка, как о факторе, делающем немислимою революцию в России.

Вот почему ораторствует этот хам, — вот почему нечего играть на понижение русских фондов! — Согласитесь, впрочем, что если уж у Рафаловича осталась надежда единственно на св[ятую] Троицу православную, — то это признак утешительный... *

Статью «Самодержавие Николая I и французское общественное мнение» я кончаю¹². Но боюсь, что она займет несколько больше двух листов, — а также и того, — что не будет ли обзор литературы франц[узской] — о николаевской России слишком академичен по теме (и eo ipso — скучен) для такого журнала, который с первой строки и до последней полон такого драматического интереса. Во всяком случае рукопись я Вам пришлю, и если Вам придет в голову об этой статье то же, что мне, то, конечно, Вы, ни минуты не колеблясь, не печатайте. И еще затрудненьице: Николая Павловича некоторые французы поминают чуть ли не по женской восходящей линии: я-то их пропускаю по возможности, слишком крепкие места, — но все-таки ** кое-что оставляю из эпитетов. Es macht nichts *** теперь — или все-таки с этой стороны дела редакции нужно особенно считаться?

Ведь я не в курсе цензурного дела. Окончательно статья будет готова, верно, недели через две. Крепко жму Вашу руку. Желаю основательно отдохнуть. Преданный Вам Е. Тарле.

Ад[р]ес Paris, poste restante, мне.

ГЛМ, ф. 2 (Богучарский), ед. хр. 375

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1906 г. Е. В. Тарле уезжает во Францию, где работает во многих архивах, извлекает новые документы для своих исследований о рабочем классе во Франции в годы Французской революции 1789—1794 гг. В журнале «Былое» за 1906 г. № 9 (стр. 12—42) и № 10 (стр. 138—159) была опубликована статья Е. В. Тарле «Самодержавие Николая I и французское общественное мнение»; в № 3 за 1907 г. была опубликована рецензия на книгу: *U. Guillaume. L'Internationale. Documents et souvenirs (1864—1878)*, v. 2. Paris, стр. 310—313. ² О переписке между Дж. Каннингом и К. В. Нессельроде упоминается в статье Е. В. Тарле «Английская годовщина 1827—1902 (к 75-летию со дня смерти Джорджа Каннинга)». — *Е. В. Тарле. Соч.*, т. I. М., 1957, стр. 290. ³ Имеется в виду четырехтомный труд де Кюстина «*Le Russe en 1839*» (Paris, 1843). В России часть труда Кюстина была издана позже в виде книги «Николаевская эпоха. Воспоминания французского путешественника маркиза де-Кюстина. С приложением дневника А. О. Смирновой» (М., 1910), переиздавалась в советские годы. ⁴ Имеется в виду статья «Самодержавие Николая I и

французское общественное мнение» (см прим. 1). ⁵ Статья Е. В. Тарле «М. А. Бакунин» была напечатана в книге «Галерея шплицельбургских узников» под ред. Н. Ф. Анненского, В. Я. Богучарского, В. И. Семевского, П. Ф. Якубовича, ч. I. СПб., 1907, стр. 56—71. ⁶ «Былое», 1906, № 4, стр. 1—39. ⁷ В пятом номере «Былого» за 1906 г. были опубликованы статья бывшего члена Исполнительного комитета «Народной воли» М. Ф. Фроленко под названием «Побег Алехи Поповича» (о Викторe Костюрине) (стр. 67—77), материалы к биографии В. Н. Фигнер (Речь, произнесенная ею в Петербургском военно-окружном суде 27 января 1884 г., выдержки из обвинительного акта), воспоминания А. А. Спандони о В. Н. Фигнер. ⁸ *А. В. Тырков. К событиям 1 марта 1881 года.* — «Былое», 1906, № 3. ⁹ Спиридонова М. А. — член партии эсеров, смертельно ранила главаря черносотенной организации и карательных экспедиций в Тамбовской губернии Г. Н. Луженовского. ¹⁰ Горемыкин И. Л. в апреле 1906 г. назначен председателем Совета министров, в июле 1906 г. был заменен П. А. Столыпиным. ¹¹ И. Рафалович — публицист, публиковавший статьи о России во французской прессе. ¹² См. прим. 1.

* Опущены фразы, содержащие сведения личного характера.

** Далее зачеркнута неразборчивая фраза.

*** Делать нечего (нем.)

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1974 Г.

3 октября 1974 г. было принято постановление Президиума Академии наук СССР об утверждении следующей структуры Археографической комиссии АН СССР: Ленинградское отделение (г. Ленинград); Северное отделение (г. Вологда); Сибирское отделение (г. Новосибирск); Уральское отделение (г. Пермь); Южно-Уральское отделение (г. Уфа).

Во исполнение распоряжения Президиума Академии наук СССР от 27 марта 1972 г. об улучшении работы по выявлению, приобретению и научному описанию памятников древней письменности и литературы и решения Бюро Отделения истории АН СССР от 27 марта 1973 г. по отчету Археографической комиссии проводилась следующая работа.

Археографической комиссией разработан план основных направлений исследований в области археографии на 1976—1980 гг., одобренный Отделением истории АН СССР. План предусматривает деятельность Комиссии по основным направлениям археографии и смежных научных дисциплин в тесной связи с отделениями Археографической комиссии, институтами Отделения истории и Отделением литературы и языка АН СССР, учреждениями АН союзных республик, Главным архивным управлением при Совете Министров СССР, Министерством культуры СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, высшими учебными заведениями, архивами, библиотеками и музеями.

Планом предусмотрены следующие направления:

1. Разработка теории, истории и методики советской археографии. Проведение научных конференций и совещаний по основным проблемам развития советской археографии и смежных научных дисциплин. Продолжение издания «Археографического ежегодника», сборника «Вспомогательных исторических дисциплин», региональных археографических ежегодников и сборников.

2. Полевые археографические исследования. Организация, координация и проведение археографических экспедиций. Обобщение их опыта и совершенст-

зование методики; информация научной общественности об их результатах.

3. Описание памятников письменности. Составление «Сводного каталога древних рукописей, хранящихся в СССР». Издание серии научных описаний «Рукописные богатства СССР», составление тематических каталогов и описание отдельных рукописных собраний, издание научно-справочных пособий, раскрывающих состав и содержание рукописных хранилищ.

4. Публикация памятников письменности: факсимильное издание важнейших памятников древней письменности, издание серии документальных публикаций «Памятники отечественной истории». Координация публикационной деятельности.

В связи с подготовкой Археографической комиссией проекта координационного плана на 1976—1980 гг., Комиссия обратилась в высшие учебные заведения страны с запросом о преподавании археографии, вспомогательных и специальных дисциплин, о научно-исследовательской работе, проводимой вузами в этой области. Полученные и обобщенные данные свидетельствуют о значительном расширении за последние годы преподавания этих дисциплин, росте научных кадров, более тесных контактах в работе вузов, научно-исследовательских учреждений и архивов. Дальнейшее обобщение полученных данных позволит выработать рекомендации по дальнейшему улучшению преподавания указанных дисциплин.

Распоряжение Президиума АН СССР от 27 марта 1972 г., в частности, возложило на Археографическую комиссию АН СССР координацию и перспективное планирование археографических экспедиций. Новые функции Комиссии и практические нужды полевой археографии поставили задачу собирания и обобщения разрозненных и часто неопубликованных сведений о проведенных археографических экспедициях. Археографическая комиссия обратилась к более чем 200 научно-исследовательским и культурно-просветительным учреждениям и высшим учебным заведениям с просьбой

сообщить сведения об организованных экспедициях и результатах их работы (время и продолжительность работы; обследованные участки, районы, области и населенные пункты; количество собранных рукописей и старопечатных книг, их распределение по векам; публикации отчетов, сведений, сообщений (включая газеты); наличие у населения рукописей, не соответствующих профилю собрания учреждения; планы продолжения работы в обследованных районах и перспективный план организации экспедиций. Полученные данные (от 102 учреждений) обобщаются с привлечением литературы. Комиссия продолжает начатую работу.

31 января 1974 г. на совместном заседании Археографической комиссии и Сектора комплексных проблем истории социалистического и коммунистического строительства Института истории СССР АН СССР, посвященном 50-летию со дня смерти В. И. Ленина, состоялся доклад Ю. П. Шарапова (Институт истории СССР АН СССР) «Личная библиотека В. И. Ленина (Опыт источниковедческого анализа маргиналий и дарственных надписей)»¹. В прениях по докладу В. М. Далин (Институт всеобщей истории АН СССР) подчеркнул значение карандашных помет, сделанных классиками марксизма-ленинизма К. Марксом и В. И. Лениным, в том числе помет карандашами разного цвета, которые дают возможность установить время и цели обращения их к тем или иным произведениям. Э. Б. Генкина (Институт истории СССР АН СССР), отметив научную ценность доклада, высказала пожелание о скорейшем издании всей работы Шарапова в виде книги, а также поставила вопрос о необходимости обобщения опубликованных помет В. И. Ленина в отдельном издании. К. Ф. Богданова (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС) поддержала предложение о необходимости обобщения данных об опубликованных ленинских пометах и подчеркиваниях и рассказала, как пометы В. И. Ленина на документах позволяют проследить историю возникновения декретов и других важнейших документов Советского правительства. Пометы и подчеркивания на книгах и статьях помогают при датировке ленинских документов и записок, при составлении комментариев. Сотрудниками ИМЛ при ЦК КПСС (Р. М. Савицкой и др.) выявлены пометы на брошюре В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти»; В. И. Ленин дважды, в 1918 и 1920 гг., обращался к брошюре (пометы 1920 г. выполнены красным карандашом). Установлено наличие помет (синим карандашом) и на издании «Песни северных народов» из библиотеки В. И. Ленина. Ленинские пометы, обнаруженные на страницах «Капитала» К. Маркса, драгоценны и для изучаю-

щих творческое наследие В. И. Ленина и для специалистов в области политэкономии. В заключение С. О. Шмидт отметил, что Шараповым проделана большая работа — научная по существу и в то же время доступная широкому кругу читателей по форме изложения. Высказав пожелание при напечатании доклада дополнить его историческим обзором проблемы, Шмидт указал на важность исследования разновременных слоев помет и двойных подчеркиваний. Поддержав предложение о скорейшем опубликовании помет в одном из изданий, Шмидт отметил необходимость и научного фототипического издания помет В. И. Ленина, снабженных комментариями и научно-справочным аппаратом.

12 июня 1974 г. Археографической комиссией проведены очередные «Тихомировские чтения», посвященные 250-летию Академии наук².

15 октября 1974 г. на совместном заседании Группы по изданию Полного собрания русских летописей Института истории СССР АН СССР и Археографической комиссии с докладом «Археографическая деятельность А. Е. Преснякова»³ выступил С. В. Чирков. В докладе, основанном на материалах рукописного наследия и архивных материалах Петербургской Археографической комиссии, автор затронул некоторые общие вопросы понимания Пресняковым задач археографии и ее взаимосвязей с источниковедением, охарактеризовал работу историка по собиранию, описанию и изданию русских летописей. В ходе этой работы Пресняковым был введен в научный оборот ряд неизвестных и забытых памятников летописания XV—XVII вв., осуществлено образцовое по тому времени издание Симеоновской летописи. Он принимал участие в подготовке и координации других летописных публикаций, в разработке правил издания. Изучение вклада Преснякова в дело публикации летописных источников дает материал для разработки истории отечественной летописной археографии в начале XX в.

При обсуждении доклада В. И. Корецкий (Институт истории СССР АН СССР) отметил важность воссоздания творческой лаборатории Преснякова. Существенным звеном в этом направлении является изучение подготовленных им изданий как начального этапа пропихновения в летописи. Работы Преснякова показали, насколько капитально перерабатывались редакции официальных сводов в XVI в.; ясно, что своды XV в. подверглись переработке в ходе политической борьбы времен Василия III и Ивана IV, поэтому перед современной исторической наукой встает задача реконструкции сводов XV в. Быть может, реконструкция даст ключ к разгадке «татищевских известий».

¹ На основе этого доклада написана статья, опубликованная на стр. 3—12 наст. тома.

² См. стр. 246—286 наст. изд.

³ Текст доклада положен в основу статьи, публикуемой в наст. изд., стр. 24—37.

В историографическом плане было бы интересно проследить отношение Преснякова к этим «известиям». *Ф. А. Грекул* (Институт истории СССР АН СССР) подчеркнул актуальность темы доклада в связи с усиливающимся интересом к истории русской археографии. *В. Ю. Афиани* (Археографическая комиссия) отметил, что проблемы русской археографии начала XX в. и деятельности Петербургской Археографической комиссии в частности изучены еще недостаточно. Необходимо изучать археографическую деятельность и организацию учреждений дореволюционной России, археографическую деятельность отдельных ученых. В настоящее время выявляется все больше данных о такого рода деятельности. Появилась возможность обобщения этих наблюдений, и доклад в этом плане имеет и методическое значение. В заключение *В. И. Буганов* (Институт истории СССР АН СССР), отметив значительную важность рассмотрения связи археографической работы Преснякова с источниковедческой методикой и историческими взглядами историка, остановился на важности уточнения особенностей классового подхода Преснякова при изучении им источников. Советская историография — в работах *М. Н. Тихомирова*, *М. В. Нечкиной*, *Л. В. Черешнина* — дает образцы классового анализа мировоззрения буржуазных ученых. Буганов поддержал предложения выступавших о целесообразности напечатания материалов творческого наследия Преснякова.

25 октября 1974 г. на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и Центрального архива древних актов состоялся доклад *В. Н. Малова* (Институт всеобщей истории АН СССР) «Из истории частных рукописных коллекций. (Происхождение коллекции Ламуаньона в ЦГАДА)»⁴.

Археографический и источниковедческий анализ коллекции привел автора к выводу о том, что она восходит не к личному фонду коннетабля Монморанси, как считалось ранее, а к служебному архиву французского государственного секретаря Жана Дютье, занимавшего эту должность в 1547—1560 гг., что полностью соответствует хронологическим рамкам массовой документации московского фонда. Тематическая специализация коллекции Ламуаньона (итальянские и турецкие дела) объясняется тем, что Дютье ведал перепиской именно с Италией и Турцией. Другая часть фонда Дютье была использована французским публикатором XVII в. Гийомом Рыбье; сейчас ее местонахождение неизвестно.

Третья часть, очевидно, попала в коллекцию Геньера и ныне хранится в Парижской Национальной библиотеке.

Выступивший в прениях *В. А. Черных* (Археографическая комиссия) подчеркнул особую важность доклада не только для уяснения происхождения ценной коллекции документов по истории Франции XVI в.; большой интерес вызывает методика исследования, показывающая, как анализ внешних особенностей документов, библиотечных и владельческих помет с привлечением других сведений дает возможность проследить историю создания и бытования коллекции, историю деятельности аппарата государственных секретарей Франции XVI в. В отечественных хранилищах находится много ценных собраний источников по русской и зарубежной истории. Этот доклад мог бы стать первым в серии докладов — археографических исследований. *С. О. Шмидт* (Археографическая комиссия) особо отметил перспективность методики исследования, приложимой к изучению коллекций источников по истории России. Изучение истории создания, складывания и перемещения отечественных коллекций и собраний, успешно начатое Ю. Ф. Кононовым, не успевшим сделать всего задуманного им, необходимо продолжить. Доклад затрагивает и проблему отложения документов в личных архивах государственных «функционаров» (выражение Ф. Броделя), зарождение личных архивов или элементов архивов у государственных деятелей, а скорее у непосредственных исполнителей — в России XVI—XVII вв. у дьяков. Исследование еще раз показывает возможность нахождения ценных документов не только в коллекциях, но и в личных архивах. Обращение автора к материалам русского происхождения, например к фонду П. А. Строганова, купившего коллекцию Ламуаньона, возможно прольет свет на некоторые неясные места в истории коллекции. В заключение заседания Малов сообщил о том, что выводы исследования будут использованы в совместном с А. Д. Люблинской предисловии к очередному тому публикации документов из коллекции Ламуаньона.

26—30 ноября 1974 г. в Перми состоялась *Уральская археографическая конференция*, организованная Уральским отделением Археографической комиссии АН СССР, Пермским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Пермским ордена Трудового Красного Знамени государственным университетом им. А. М. Горького.

⁴ Доклад предполагается опубликовать в «Археографическом ежегоднике за 1975 год».

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И ЕЕ ОТДЕЛЕНИЙ

В 1974 г. вышли в свет: «Археографический ежегодник за 1973 год». М., 1974. «Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV вв. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». Ротапринт. М., 1974. Составители: Л. П. Жуковская, Н. Б. Шеламова.

«Вспомогательные исторические дисциплины», сб. 1. Свердловск, 1974, 122 стр. Отв. ред. А. Г. Козлов.

Сборник статей и сообщений посвящен разработке общих и частных проблем вспомогательных и специальных исторических дисциплин (архивоведения, биографии, геральдики, гербоведения, историографии, источниковедения, истории государственных учреждений, метрологии, хронологии), методике исторического исследования на основе использования исторических источников Урала. Сборник открывается кратким предисловием С. Н. Валка и статьей М. Я. Сюзюмова «Вспомогательные исторические науки и внутренняя критика источников при датировке событий».

«Уральский археографический ежегодник за 1971 год». Свердловск, 1974, 202 стр. Отв. ред. А. Г. Козлов.

Сборник является продолжением «Уральского археографического ежегодника за 1970 год» (Пермь, 1971), подготовлен к печати Свердловской секцией Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР и состоит из разделов: статьи и сообщения; обзоры и описания; публикации, хроника, заметки. Ежегодник открывается статьей М. С. Селезнева о вопросах собирания и публикации документов в письмах В. И. Ленина послеоктябрьского периода. Материалы сборника затрагивают широкий круг археографических проблем: собирание и публикация источников по истории СССР, Урала и Сибири, описания и обзоры материалов местных и центральных архивов, относящихся, в основном, к истории Урала и др. В числе авторов научные сотрудники хранилищ, научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений Москвы, Свердловска, Перми и других городов. «Южноуральский археографический сборник», вып. 1. Уфа, 1973, 405 стр. Отв. ред. Р. Г. Кузеев.

Сборник открывается вступительным словом секретаря Башкирского обкома КПСС Т. И. Ахунзянова и докладом С. О. Шмидта о деятельности Археографической комиссии АН СССР и актуальных задачах научной работы в области специальных исторических дисциплин. Сборник состоит из следующих разделов: статьи и сообщения; обзоры, описания и библиография; публикации; хроника. Опубликовано состав Южноуральского отделения Археографической комиссии. Основное место в сборнике занимают

доклады и сообщения участников Южноуральской конференции по археографии, источниковедению и архивоведению (февраль 1972 г.). Материалы, включенные в сборник, характеризуют состояние археографической, источниковедческой и архивоведческой работы на Южном Урале. Авторами статей выступают сотрудники научно-исследовательских учреждений, преподаватели вузов, работники архивов, библиотек, музеев, а также краеведы Южного Урала и других городов страны.

«Древнерусское искусство. Рукописная книга», сб. 2. М., 1974, 344 стр. Редколлегия: В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова, С. О. Шмидт. Редактор-составитель О. И. Подобедова.

В основу сборника положены материалы конференции по методике идентификации почерков в древнерусской рукописной книге, состоявшейся в апреле 1971 г., организованной Институтом истории искусств Министерства культуры СССР совместно с Археографической комиссией. Включены также материалы, посвященные проблемам орнамента в рукописной книге. Основная тематика статей и материалов сборника посвящена методике отождествления и выявления индивидуальных особенностей почерков; значению изобразительных элементов, выступающих в качестве опознавательных знаков композиции литературных произведений для текстологии; привлекается внимание к экзлитерным признакам, т. е. признакам, не связанным непосредственно с буквенными начертаниями. Включены материалы первого опыта систематического описания орнаментальных рукописей из одного хранилища — Отдела рукописей Государственного исторического музея. Авторы статей — специалисты по палеографии, текстологии, истории искусства рукописной книги и истории средневековой культуры — сотрудники крупнейших книгохранилищ Москвы и Ленинграда, институтов АН СССР, республиканских и областных центров.

«Проблемы палеографии и кодикологии в СССР». М., 1974. Отв. редактор А. Д. Люблинская.

Сборник состоит из разделов: славяно-русская палеография; греческая палеография, латинская палеография; армянская палеография; грузинская палеография и открывается статьей Л. В. Черепнина о взаимосвязи русской палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин. Материалы сборника посвящены широкому кругу проблем русской, украинской, греческой, латинской, армянской и грузинской палеографии, вопросам отождествления почерков русских книг XV—XVII вв., эпиграфики, кодикологии, текстологии, филологии и археологии (описание,

публикации и классификация рукописей). Авторами сборника являются крупнейшие специалисты в этих областях научно-

исследовательских учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана и других городов.

ИЗДАНИЕ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА М. Н. ТИХОМИРОВА

Вышел очередной том трудов Архива АН СССР «Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание». Труды Архива АН СССР, вып. 25. М., 1974, 184 стр. Составитель И. П. Староверова. Под ред. Б. В. Левшина и С. О. Шмидта.

Издание включает 1921 номер описаний материалов личного фонда М. Н. Тихомирова, хранящегося в Архиве АН СССР, а также материалы других фондов (Архива АН СССР, его Ленинградского отделения и других архивохранилищ). В описание входят научные труды

М. Н. Тихомирова (монографии, статьи, рецензии, доклады, подготовленные им публикации документов и многочисленные отзывы о трудах ученых и авторских коллективов), материалы о его педагогической и научно-организационной деятельности, эпистолярные материалы, изобразительные материалы (рисунки и фотографии). В Приложениях впервые опубликованы работы М. Н. Тихомирова: «Исторический очерк о княгине Ольге», доклад о А. А. Шахматове, отзывы о работах А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова, А. К. Касименко, М. Т. Белявского.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

Вышел из печати сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. VI. Л., 1974. 331 стр. Отв. ред. [С. Н. Валк].

Основное место в сборнике занимают статьи по источниковедению отечественной и зарубежной истории. Выпуск состоит из четырех разделов: исследования по проблемам советского периода (история написания и опубликования произведений В. И. Ленина «Государство и революция», «Успехи и трудности Советской власти»; становление законодательной деятельности Советского государства в 1917—1918 гг.); история России с древнейших времен до XVIII в. (исследование различных видов источников: летописных, актовых, вещественных); анализ источников по истории государственности России XVIII—XX вв. (конституционного проекта Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина (1773—1774 гг.) и положение Совета министров 1907 г. о студенческих организациях и устройстве собраний в высших учебных заведениях); в четвертом разделе рассматриваются источники по истории Византии и Италии XI—XVI вв.

Северное

В связи с подготовкой к 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне Северное отделение Археографической комиссии предприняло широкое выявление и сбор писем воюющих с фронта. Собрано у населения и выявлено в архивах и музеях свыше 1,5 тыс. писем. Наиболее интересные из

них будут опубликованы в 4-м выпуске «Северного археографического сборника».

Составлена картотека статей и документов по истории Севера, опубликованных в местных изданиях.

Отделение приняло деятельное участие в подготовке и проведении XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшейся в Вологде в сентябре 1974 г.

Продолжается выявление и подготовка к изданию северных писцовых книг, сотниц и платежниц XVI в., которые будут опубликованы в 5-м выпуске «Северного археографического сборника».

Начата подготовка ко 2-й Северной археографической конференции, которая состоится в Вологде в декабре 1975 г. и будет посвящена 30-летию победы в Великой Отечественной войне и 70-летию революции 1905—1907 гг. в России.

Сибирское

В результате проведенных археографических экспедиций приобретено 454 древних рукописи и старопечатных книги. Найден ряд неизвестных ранее произведений урало-сибирской крестьянской литературы XVIII—XIX вв.

Коллекция научной библиотеки СО АН СССР пополнились несколькими экземплярами книг славяно-русских изданий XVI в., включая произведения типографий Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Уральское

Вышел в свет «Уральский археографический ежегодник за 1972 год». Свердловск, 1974, 221 стр. Гл. ред. [Ф. С. Горовой].

Это третий выпуск сборника. В нем помещены статьи, обзоры и публикации преподавателей высших учебных заведений Москвы и Урала, научных сотрудников архивов и музеев Пермской области.

Сборник состоит из пяти разделов: археографии и источниковедения; обзоров архивных документов; публикаций; библиографии работ сотрудников кафедр истории СССР досоветского периода и истории советского общества Пермского государственного университета за 1970—1972 гг. В разделе хроники помещены сообщения о научной жизни Урала и краеведческие заметки.

В выпуске помещен некролог Ф. С. Горового, известного уральского историка, первого председателя Уральского отделения Археографической комиссии, активно участвовавшего в его создании. К некрологу приложен список печатных работ Ф. С. Горового.

Продолжено комплексное археографическое обследование районов Урала совместными экспедициями Московского, Пермского и Уральского университетов.

Активизируется работа секций Уральского отделения Археографической комиссии. Члены Кировской секции приняли участие в подготовке ряда изданий, в том числе сборников «Вопросы истории Кировской области» и «Вятские песни, сказки, легенды. Произведения народного творчества Кировской области, собранные в 1957—1973 гг.» (Горький, 1974). Продолжается работа по описанию коллекции редких изданий Кировской областной библиотеки.

Члены Удмуртской секции участвовали в подготовке и редактировании сборника документов «Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева на территории Удмуртии» и «Хрестоматии по истории Удмуртии» (Ижевск, 1974).

Челябинской секцией накоплен интересный опыт использования следопытской работы школьников по выявлению, сбору и изучению рассеявшихся исторических источников нового времени. Все собранные школьниками документы поступают на хранение в Государственный архив Челябинской области.

Результаты работ по выявлению, сбору, описанию, публикации и изучению исторических документов на Урале обоб-

щены на состоявшейся в поябре 1974 г. в Перми Уральской археографической конференции.

Южноуральское

Подготовлен к печати второй выпуск «Южноуральского археографического сборника» (23 а. л.), завершена подготовка сборников документов: «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии» (35 а. л.) совместно с Институтом истории АН СССР и «Письменные памятники по средневековой истории Башкирии» (25 а. л.). С участием отделения готовятся сборники документов Институтом истории, языка и литературы БФ АН СССР, архивами Башкирской АССР и Оренбургской области: «Революционное движение 1905—1907 гг. в Оренбуржье», «Октябрь в Башкирии (сентябрь 1917 — июнь 1918 г.)», «Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)»

Проведены две археографические экспедиции. Одна из них, под руководством Г. Б. Хусаинова, обследовала 70 населенных пунктов семи районов Башкирской и Татарской АССР. Собрано свыше 200 рукописей, старопечатных книг и документов на арабском, старотатарском языках и фарси. Кроме литературных произведений (рукописей, поэм и дастанов), найдены материалы по истории, фольклору и этнографии (шежере, материалы по истории сел и деревень). Вторая экспедиция, под руководством В. И. Ахмадиева, обследовала 32 населенных пункта четырех районов Башкирской АССР, где собрано более 100 рукописных книг и документов на тюркских языках.

Памятники на русском языке собирает Оренбургский областной краеведческий музей. В фонды музея поступили списки Хронографа XVII в., Степенной книги и Острожская библия Ивана Федорова.

Государственные и партийные архивы Башкирии и Оренбуржья собирают документы и воспоминания деятелей революционного движения и активных участников социалистического строительства в крае.

Постановлением Бюро Южноуральского отделения от 22 октября 1974 г. решено провести II Южноуральскую археографическую конференцию в Оренбурге 26—27 мая 1975 г. по проблеме «Археография и источниковедение филологии».

Утверждена редколлегия серии документальных публикаций «Памятники истории и культуры Южного Урала». Серия будет издаваться с 1976 г.

РАБОТА СЕКЦИИ РУКОПИСНОЙ КНИГИ НА ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ КНИГОВЕДЕНИЯ

Конференция, организованная Научным советом по истории мировой культуры АН СССР, Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина и Всесоюзной книжной палатой, проходила в Москве 9—11 апреля 1974 г.

На секции рукописной книги (руководитель С. О. Шмидт) обсуждались вопросы, связанные с изучением как славяно-русской рукописной книжности, так и рукописей на греческом языке и языках народов Востока. Было заслушано 3 доклада и 13 сообщений. Основные проблемы, объединившие все доклады и сообщения секции, — проблемы книговедения, археографии, кодикологии, источниковедения, историографии, библиографии во всей их сложной системе взаимосвязей.

Оживленное обсуждение вызвал доклад *Н. Н. Розова* (ГПБ) «Статистика и географическое распространение русской книги XI—XIV вв.», который был построен на анализе 782 рукописей русского происхождения, зафиксированных в «Предварительном списке славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР»¹, и касался прежде всего методов установления числа бытовавших в Древней Руси рукописных книг. В отличие от метода подсчетов, производившихся *Б. В. Сапуновым* на основании археологических данных и фактов истории культуры², *Н. Н. Розов*, оперируя лишь сохранившимися рукописями, предложил произвести работу по отождествлению рукописей одного и того же годового комплекта Миней и Прологов и выяснить, сколько таких годовых комплектов имелось. Это внесло бы большую точность в подсчеты репертуара сохранившихся древнерусских книг.

Совершенно новые пути для статистических исследований в данной области открывает работа *Н. Б. Тиломирова* (ГБЛ). Его сообщение «Типологические особенности славяно-русских богослужебных книг» было посвящено рассмотрению разновидностей древних богослужебных книг, которые следует считать особыми богослужебными книгами. При этом больше внимания уделялось тем типологическим разновидностям, которые до настоящего времени были мало известны или совсем неизвестны в науке. В сообщении подчеркивалась важность выделения таких разновидностей, как самостоятельных богослужебных книг (с особыми названиями) по целому ряду причин, в частности — для уточнения места написания

рукописей, а также для определения комплектов богослужебных книг в церквях и монастырях, так как некоторые из рассматриваемых разновидностей обычно употреблялись вместе с другими, содержащими иные тексты того же богослужебного «памятника».

Несколько докладов и сообщений были посвящены связи рукописной и печатной традиций. Это прежде всего доклад *Г. Н. Моисеевой* (Ин-т русской литературы АН СССР) «К проблеме взаимодействия рукописной и печатной книги в России XVIII в.» и сообщение *А. Л. Гольдберга* (ГПБ) «Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв.». Ряд интересных и ценных наблюдений сделала *Г. Н. Моисеева* касательно русской историографии. На примере текстологических судеб сатира Антиоха Кантемира, переводного сочинения «Житие Петра I» (Антонио Катифора) и др. *Г. Н. Моисеева* показала, как особенности рукописной литературы оказали влияние на историю печатной книги XVIII в.

Плодотворное использование книговедческих методов исследования для решения сложных историографических задач позволило *А. Л. Гольдбергу* убедительно продемонстрировать характер отражения в русской книжности XVI—XVII вв. историко-политических теорий этой эпохи, четко разграничить историю формирования идеи о связи России с мировыми державами (получившей литературное оформление в «Сказании о князьях владимирских») с идеей «Москва — третий Рим», сравнить их литературные судьбы. Думается, что проблема взаимосвязи рукописной и печатной книги должна занять свое место и в тематике докладов будущих конференций.

Удачно проявили себя на конференции украинские исследователи, представив четыре сообщения, свидетельствующие о большой и многообразной работе по изучению рукописной книжности. Сочетание теоретических обобщений с практической археографией и палеографией имеет значение не только для украинского материала.

В сообщении «Некоторые соображения к характеристике и датировке рукописных книг XV столетия Отдела рукописей ЦНБ УССР» *Н. П. Визирь* (ЦНБ АН УССР) остановился на трудных и сложных в палеографическом отношении случаях датировки рукописей XV в., рассказал о драматической судьбе рукописных собраний на Украине, объясняющей, почему мало сохранилось рукописей XV в., созданных на Украине. *Е. М. Апанович* (ЦНБ АН УССР) в сообщении «Записи на рукописных книгах ЦНБ УССР и их источниковедческое значение» продемонстрировала, что обследованные ею записи

¹ «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 177—272.

² *Б. В. Сапунов*. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII вв. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, стр. 323, 330.

на рукописях имеют значение не только для изучения самой книги, ее истории бытования и пр., но и для историографии: это и летописные записи о фактах и событиях, не известных в официальном летописании, записи о политических, военных событиях и отражающие социальные противоречия, историко-экономические отношения и многое другое. Исследовательница ставит вопрос о необходимости выявления записей, систематизации их, публикации и изучения. Сообщение *А. П. Занаско* (Львовский ин-т прикладного искусства) «*Ренессансные мотивы в украинском рукописном искусстве середины XVI в.*» было посвящено анализу пяти украинских рукописей XVI в., художественное оформление которых в какой-то степени занимает промежуточное положение между ранними украинскими рукописями и выдающимися волынскими памятниками середины XVI в. — Пересопницким евангелием и Загоровским Апостолом, в оформлении которых нашел выражение новый художественный стиль с использованием ренессансной орнаментики. *Ю. П. Ясиновский* (Киевская консерватория) в сообщении «*О типах и содержании украинских певческих сборников*» изложил свои наблюдения над типологией певческих сборников: о зависимости их состава от местной традиции, об эволюции их состава и ее причинах.

Процесс создания рукописной книги и организация книжного дела на Руси далеко еще не изучены, необходима серия работ о каждом выявленном книгописном центре. *М. В. Кукушкина* (БАН СССР) последовательно работает над изучением северных библиотек России. В своем сообщении «*Из истории создания рукописной книги на севере Русского государства в XVI—XVII вв.*» она доложила результаты исследования по рукописям пяти северных монастырей. С помощью приходо-расходных книг, описей, записей *М. В. Кукушкиной* удалось выяснить имена писцов, заказчиков, переписчиков и организацию книгописания.

Доклад *Л. П. Жуковской* (Ин-т русского языка АН СССР) «*Типичное в украшении древнерусской пергаменной книги*» касался орнаментов инициалов древнерусских рукописей. *Л. П. Жуковская* говорила о необходимости изучать не рукописные раритеты, а всю массовую рукописную продукцию, что должно являться основой для изучения местных особенностей искусства книжного оформления. В связи с этим *Л. П. Жуковская* подняла вопрос о недостаточности употребляемых в настоящее время типов орнамента (старовизантийский, балканский, гератологический и др.) для определения русского орнамента в разных местностях и необходимости более частных подразделений.

Солитаризируясь с *Л. П. Жуковской* в закономерности разработки такой темы, *Н. Н. Розов* высказал замечание, что инициалы нельзя изучать в отрыве от орна-

мента заставок. Свое несогласие с *Л. П. Жуковской* высказал *Ю. А. Неволин* (ГБЛ), аргументируя его тем, что при современном состоянии информации о древнейших, сохранившихся в Советском Союзе рукописях, имеющих орнаментическую, преждевременно заниматься деталями, не имея полного представления о русских иллюминированных рукописях XI—XIV вв. Традиционные старые названия типов орнамента, принятые в печатных исследованиях (и разработанные, в основном, *В. Н. Щепкиным*), следует сохранить на данном этапе описания иллюминированных рукописей, потому что они позволят объединить материал крупными традиционными «группами». После этого можно приступить к тщательным исследованиям и анализу отдельных явлений внутри каждой «группы», которые позволят выделить характерные местные особенности и дать им название; новое же название можно вводить в информационную литературу только в случае согласия с ним всех исследователей. При изучении книжной иллюминации целесообразно обращаться прежде всего к книжному наследию, а не к утилитарным орнаментированным (вышивка, вязание) и неорнаментированным (косичкам, лаптям) предметам.

Примечательно, что в тематике докладов конференций последних лет постоянно присутствуют кодикологические исследования, дающие основание для аргументированных выводов по истории создания ряда памятников. *В. А. Кучкин* (Ин-т истории СССР АН СССР) в сообщении «*О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария*» на примере тщательного кодикологического анализа трех списков Миней — Софийского, Успенского и Царского — убедительно раскрыл историю их создания, доказал, что дополнения к московским спискам Миней делались уже в Москве, где Макарьевские Миней из местного новгородского памятника превратились в памятник общерусский.

Без обращения к литературным источникам старообрядческих полемических сочинений невозможно уже в наши дни сколько-нибудь серьезное изучение старообрядчества вообще. Выяснению этих источников в описаниях старообрядцев XVII в. посвящено было сообщение *Н. Ю. Бубнова* (БАН СССР). Им установлено использование крупным деятелем старообрядчества дьяконом Федором Ивановым рукописей из Троице-Сергиевой лавры (ныне хранятся в ГБЛ), раскрыта история использования книг из Патриаршей библиотеки иноком Феоктистом, из Соловецкой библиотеки — Герасимом Фирсовым. Это свидетельствует о том, что старообрядческие идеологи имели доступ к крупнейшим библиотекам Московской Руси.

По-новому был поставлен вопрос о значении греческих записей для изучения славяно-русской книжности в сообщении *И. Н. Лебедевой* (БАН СССР) «*Запи-*

си писцов в греческих рукописных книгах (по материалам собрания Библиотеки АН СССР). Записи писцов в русских и славянских рукописях зачастую являются переводами греческих или писаны в подражание им. Любопытен социальный и профессиональный состав писцов.

История восточных текстов представлена была на конференции двумя сообщениями. «Древнетюркская книга VIII в.» — сообщение А. М. Жиренчина (Алма-Ата) было посвящено трем рукописям на древнетюркском языке. Одна из них — уникальное фольклорное произведение о кушанах, как считалось ранее, не зафиксированное в письменности, другая — книга назиданий и третья — происходящая из крепости Ниран и дополняющая сведения известных надписей на надгробных стелах. А. Юнусов (Государственная библиотека Таджикской ССР) выступил с информацией о трех рукописях известного персоязычного поэта и проветителя Эмира Хусрава Дехлави, 700-летие со дня рождения которого отмечалось в 1974 г., приобретенных Государственной республиканской библиотекой имени А. Фирдоуси в 1967—1968 гг. Список 1478 г. поэмы Дехлави «Пятерица» — древнейший в хранилищах СССР.

Задача кардинальной перестройки работы на современном этапе научно-технической революции стоит перед археографами всех стран. Заинтересованно отнеслись присутствовавшие на заседании секции к сообщению доктора Фридрихильды Краузе (ГДР, Немечкая государственная библиотека) о работе над составлением Центральной сводной описи на 10—15 тыс. средневековых рукописей (до 1500 г.) в ГДР и нескольких указателей на ее базе: заглавий, авторов, украшений, происхождения, писцов, хронологического указателя и родины шриф-

тов. В ходе большой предварительной работы доказано огромное преимущество электронно-вычислительной машины (ЭВМ) в создании системы указателей и сделан вывод, что осуществление такой работы возможно только с помощью ЭВМ. В Советском Союзе готовится ряд справочников по рукописным книгам сводного характера, поэтому опыт немецких коллег, который имеет немалое практическое значение, хотелось бы приветствовать и, по возможности, использовать.

Конференция наметила основные направления научно-исследовательской и практической работы, в частности, в области истории рукописной книги — исследование истории древнерусской книги, рукописной книги XVIII в., рукописной книги народов СССР; создание сводного каталога рукописных книг XI—XVI вв.; создание справочника о рукописных книгах Государственной библиотеки СССР им В. И. Ленина.

В рекомендациях Второй Всесоюзной конференции по проблемам книговедения содержится просьба в адрес Президиума АН СССР о содействии через Археологическую комиссию и Библиотеку АН СССР координации и расширению работ по выявлению и изучению рукописной книжности учреждениями систем Академии наук СССР и академий наук союзных республик.

По материалам конференции 1974 г. будет издан сборник статей «Проблемы истории рукописной и печатной книги».

Подводя итог, можно сказать, что работа секции рукописной книги на Второй Всесоюзной конференции по проблемам книговедения оправдала себя, в докладах и сообщениях были всесторонне затронуты важные проблемы современной науки, и остается пожелать, чтобы и на следующих конференциях действовала такая секция.

Л. В. Тиганова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЯ»

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) 31 января — 1 февраля 1974 г. был проведен теоретический семинар, посвященный терминологическим проблемам документоведения, архивоведения и археографии, вопросам улучшения их понятийного аппарата. В современных условиях интеграции научных знаний унификация терминологии в этих областях проводится как в международном, так и в национальном масштабе. В плане сотрудничества стран — членов СЭВ начата подготовка русской редакции нормативно-толкового словаря «Архивное дело»; ВНИИДАД участвует в разработке государственных стандартов

на терминологию в ряде дисциплин, смежных с документоведением и архивоведением, в составлении словарей.

В семинаре приняли участие работники Главного архивного управления при Совете Министров СССР, ГАУ при Совете Министров РСФСР, центральных государственных архивов, преподаватели Московского государственного историко-архивного института, Московского государственного университета и специалисты других научно-исследовательских учреждений: Всесоюзного научно-исследовательского института технической информации, классификации и кодирования (ВНИИКИ), Всесоюзного института научно-технической информации Госу-

дарственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике (ВИНИТИ), Всесоюзного государственного проектно-исследовательского и научно-исследовательского института энергетических систем и электросетей «Энергосетьпроект»), Всесоюзного научно-исследовательского института экономики торговли и систем управления (ВНИИЭТсистем), Центрального проектно-конструкторского и технологического института автоматизированных систем управления (АСУ «Рыбпроект»), Всесоюзного научно-исследовательского института оргтехники (ВНИИ «Оргтехника»).

Материалы семинара нашли отражение в предварительно изданном ВНИИДАД сборнике¹. Помимо тезисов сообщений, в него включены краткий обзор терминологической работы в области документации в нашей стране (подготовлен В. Д. Банасюкевичем, канд. филол. наук П. В. Веселовым, З. А. Мосоловой) и обзор зарубежной практики составления словарей архивной терминологии (подготовлен сектором зарубежной информации ОНТИ ВНИИДАД), где рассматривается терминологическая работа в этой области, освещается план создания единого терминологического словаря архивистов социалистических стран.

Выступления участников семинара касались проблемы в целом и конкретной разработки понятийного и терминологического аппарата в документоведении, архивоведении, археографии, а также лингвистических вопросов, которые ранее не были предметом обсуждения в архивоведческой литературе. Отмечалось важное значение обсуждаемой проблематики терминологии для развития науки, в частности документоведения, архивоведения и археографии, так как терминология связана с постоянным обновлением лексики, появлением новых понятий, которые должны быть терминологически закреплены.

К. И. Рудельсон (ВНИИДАД) в докладе «К вопросу о межотраслевой терминологии документоведения, архивоведения и смежных с ними дисциплин» отметила, что документы как материальные носители информации становятся объектом исследования все более широкого круга научных дисциплин, в связи с чем документоведам и архивистам необходимо иметь в виду различные направления изучения и использования документов. В основу доклада был положен анализ понятий и терминов, определяющих виды и разновидности документов в различных терминологических словарях. Архивная терминология все больше проникает в терминологические словари смежных дисциплин, нередко в сопровождении неточных, а иногда неправильных определений. Поэтому важно разработать

¹ «Тезисы сообщений к теоретическому семинару «Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения» (январь 1974)». М., 1973 (роптапринт) (далее — «Тезисы сообщений...»).

обобщающие дефиниции межотраслевых терминов, на основе которых были бы даны определения конкретных разновидностей документов и других объектов, процессов, операций в каждой из смежных дисциплин. Совершенствование терминологии, отметила К. И. Рудельсон, необходимое для развития системы управления (в частности при автоматизированной обработке документов), развития общей теории документоведения и архивоведения, будет способствовать и подготовке единого терминологического словаря в рамках СЭВ.

А. В. Елпатьевский (ВНИИДАД) в сообщении «К вопросу об определении понятия «документная информация» в свете ленинской теории отражения» остановился на определениях понятий «информация» и «документная информация». Он выделил три основных свойства документной информации². А. В. Елпатьевский в заключение подчеркнул, что, поскольку не существует однозначного определения информации, следует различать понятия информации в разных областях человеческой деятельности; вместе с тем трактовка этих понятий основана на едином материалистическом понимании отражения как общего свойства материи; сложное понятие документной информации интегрирует различные уровни информации: социальный, биологический, живой и искусственной природы.

Н. Н. Коннова (ВНИИДАД) в сообщении «Новые понятия — это новые знания» отметила множественность определений одного и того же понятия в различных научных дисциплинах. Эти определения должны наиболее рационально и полно отражать соотношение общего и конкретного в понимании объективно существующего явления. Механическое заимствование терминологии из других научных дисциплин неоправданно даже при единстве объектов изучения.

Новые понятия оказывают влияние на направленность и содержание существующих и формирование новых приемов и методов исследования. Говоря о применении категорий научной теории информации в теории архивоведения и документоведения, Н. Н. Коннова обратила внимание на роль понятия информации в экспертизе (проблема повторяемости), на связь информации с содержанием документа (проблема источниковой информационной среды и содержания документов как отражения этой среды), а также на значение документирования как специфического способа отражения документной информации в общественных отношениях и трактовку понятий «связь», «отношение», «функция», «система» в свете информационного подхода. По мнению Н. Н. Конновой, понятие функции, раскрывающее «природу содержания документов управления, практически еще не осмыслено». Поэтому принципиальную

² См. «Тезисы сообщений...», стр. 24—26.

важность для архивистов имеет определение системы документов как объекта исследований и ее оценка в связи и различии с архивным фондом. Введение новых понятий должно основываться на глубоком анализе понятийного аппарата науки.

В сообщении В. Д. Банасюкевича (ВНИИДАД) «Функции управленческих документов» охарактеризованы три важнейшие функции документов (информационная, функция реализации процессов управления — основная для управленческой документации, функция документа как исторического источника) и обоснована постановка вопроса об изучении функций управленческих документов. Автор подчеркнул, что, поскольку в управленческих документах отражаются процессы управления, постольку классификация видов управленческих процессов определяет классификацию функций соответствующих документов. Последняя представлена автором в виде иерархической системы: информационная функция, присущая документам независимо от сферы их происхождения; функция реализации процессов управления; функция реализации планирования; функция реализации учета; функция реализации организации системы и процессов управления. Функциональный анализ, отметил В. Д. Банасюкевич, позволяет, «с одной стороны, проводить работу по повышению качества документов как инструмента управления, а с другой — разрабатывать устойчивые приемы исследования их как источников ретроспективной информации». Выказанные В. Д. Банасюкевичем соображения представляют интерес в связи с разработкой дефиниционного аппарата документоведения.

А. Н. Сокова (ВНИИДАД) в сообщении «К вопросу об определении термина «делопроизводство» обращает внимание на то, что необходимость точной формулировки этого термина обусловлена тремя факторами: 1) наличием новых системных разработок в области документации; 2) пересмотром положения о Едином Государственном архивном фонде СССР; необходимостью более точного определения задач и прав архивных органов в сфере документации; 3) архаичностью термина. Выдвигая идею замены термина «делопроизводство» термином «государственная документация», А. Н. Сокова подчеркнула, что это должно проводиться не механически, а путем создания цельной концепции документоведения и разработки системы основных терминов. А. Н. Соковой предложена примерная система понятий, связанных с государственной документацией.

Г. В. Чумин (ВНИИДАД) в сообщении «К вопросу об определении понятия «документ»» остановился на возможных критериях определения понятий. С точки зрения функций документов в управлении Г. В. Чумин выделил два момента: 1) документ — руководство к действию; 2) документ — фиксатор информации, от-

ражающей действие или явление. Определяя документ как целенаправленную, сознательно организованную систему социальной информации первого порядка, Г. В. Чумин считает информационной системой второго порядка систему документов, объединенную функциональными признаками управления; системой третьего порядка — всю совокупность документов, возникающих в управлении.

В сообщении Т. Н. Долгоруковой, Р. Н. Ефименко, В. А. Лебедева (ВНИИДАД) «Система научно-справочного аппарата. (Терминологические вопросы)» было показано, что действующая классификация архивных справочников по их функциональному признаку («по содержанию», «по учету») имеет лишь вспомогательный характер. Она не отражает организацию документов в системе архивов, не дает представления о месте каждого класса справочников в системе научно-справочного аппарата (НСА). Классификация архивных справочников должна стать первым шагом на пути дальнейшего упорядочения терминологии НСА. Авторы предложили такую классификацию по вертикали в соответствии с организацией хранения документов в ГАФ СССР: класс справочников к ГАФ СССР, к анклаву архивов, к архиву, к архивному фонду, к делу, к документу. Определяющим признаком класса по горизонтальному классификационному ряду считается вид записи информации в справочнике — единице системы. Авторы высказались за уточнение определений терминов НСА, приведенных в «Кратком словаре архивной терминологии», и самого термина «система НСА». В сообщении рассмотрены также примеры межнаучной терминологической омонимии и синонимии в архивоведении и информатике, в архивоведении и археографии.

Н. И. Ходаковский (ВНИИЭТ систем) посвятил свое сообщение «Определение понятия «архивная эвристика» в отечественной историографии» различным трактовкам этого термина. Он определил архивную эвристику как теорию и методику ориентации в системе информационного обеспечения источниковедческого исследования или как раздел этой системы, разрабатывающий теорию и методику ориентации в системе НСА ГАФ СССР. Это определение исходит из понимания имеющейся в нашей стране документации как единого информационного фонда. Н. И. Ходаковский отметил, что, с одной стороны, слепое перенесение идей информатики в практику архивного дела может привести к отрыву архивоведения от источниковедения и отрицательно сказаться на состоянии источниковой базы истории СССР, но, с другой стороны, теория источниковедения пока не решает актуальных задач архивоведения. Поэтому идеи информатики и других наук информационного цикла должны использоваться в архивном деле после их «препарирования» в рамках источниковедения. Выявляющиеся все более тесные

связи источниковедения и архивистики, в особенности при установлении информационной значимости содержания исторических документов, подтверждают общую тенденцию развития общественных наук на современном этапе.

А. Д. Вартамян (ВНИИДАД) в сообщении «Классификация документальных изданий и ее понятийный аппарат» подчеркнула, что при разработке классификационной схемы документальных публикаций должны учитываться положения книговедения, источниковедения и текстологии. Она предложила дополнить схему классификационных рубрик следующими: «подтип» — с учетом конкретной читательской аудитории; «разновидность» — с учетом методики использования документов; «способ издания» — в зависимости от воспроизведения текста; «метод издания» — с точки зрения методики передачи текста. А. Д. Вартамян считает необходимым выделять как «тип» «издания трудов классиков марксизма-ленинизма и партийных документов»; в рубрику «вид» включить «издание документа-памятника» и «издание редакции документа (памятника)»; в рубрику «метод издания» — «реконструкцию текста»; в рубрику «формы издания» — «непериодические сборники». В сообщении был предложен проект классификационной схемы документальных публикаций.

В сообщении В. И. Сирота («Энергосетьпроект») «К определению видов нормативно-технических документов» отмечалось отсутствие четких критериев отнесения документов к научно-технической документации вообще и к стандартам и техническим условиям в частности. В. И. Сирота предложил перевести в стандарты категории документов, имеющих силу государственных стандартов (фармакопейные статьи, строительные нормы и правила и др.), которые, наряду с техническими описаниями и прейскурантами, он отнесит к нормативно-технической документации. Руководящие технические материалы, по его мнению, составляют особую группу.

П. В. Веселов (ВНИИДАД) и О. Н. Чирухина (МГУ) в сообщении

«Структура термина в аспекте семиотики» сформулировали требования к термину в семантическом, синтаксическом и прагматическом отношениях. Семантика термина рассматривается ими как синтез языкового и понятийного значений. Выявление наборов понятийных значений и разработка способов их формализации относятся к лингвистическому аспекту стандартизации.

По мнению авторов, установление соответствия между набором языковых и понятийных значений представляет собой задачу оптимизации терминологической системы.

В сообщениях А. Б. Антопольского (ВНИИКИ) «Принципы построения автоматического тезауруса на основе иерархической классификации» и В. А. Контаря (АСУ «Рыбпроект») «Транстерминологические процессы в больших информационно-логических системах с ЭВМ» характеризуются возможности применения математической лингвистики и некоторые аспекты совершенствования терминологии при создании автоматизированных систем.

А. Л. Пумпянский (ВИНИТИ) в сообщении «Лингвистические аспекты терминологической лексики» рассмотрел языковую природу термина и подчеркнул, что терминам свойственны антонимия, синонимия, полинимия, омонимия, идиоматика. А. Л. Пумпянский подверг критике сложившуюся антиномику «искусственный термин» — «естественный термин» и прокомментировал «парадоксы» терминологической практики.

В разразившихся прениях приняли участие: Н. И. Стяжкин, Л. Г. Сырченко (МГИАИ), А. Г. Волков, В. В. Морковкин (МГУ), В. А. Бакулов, В. Л. Налеппин (ВНИИКИ), Н. И. Ходаковский (ВНИИЭТсистем), Ж. Г. Исаджанян (ВНИИ «Оргтехника»), Б. И. Кремер, В. Д. Банасюкевич, Н. М. Шепукова (ВНИИДАД). С заключительным словом выступили заместитель директора ВНИИДАД В. Н. Автократов и ученый секретарь института А. В. Елпатьевский.

С. Л. Богина, П. В. Веселов

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

5 июля 1974 г. в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина состоялось заседание Научно-методического совета Отдела рукописей и редких книг, посвященное 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской (1874—1939). Почтить память этого выдающегося ученого, создавшего научную школу советских палеографов на основе изучения древних латинских

рукописей ГПБ, пришли не только сотрудники библиотеки, где она проработала около 20 лет, и ее ученики — слушатели Высших женских курсов (бывш. Бестужевских) и Ленинградского государственного университета, где она в течение ряда лет читала лекции по истории крестовых походов, средневековому быту, источниковедению западноевропейского средневековья и латинской палеографии, но и молодые специалисты, аспиранты и

студенты, изучающие латинскую палеографию и историю средних веков.

Присутствующие заслушали сообщение А. Д. Люблинской (ЛЮИИ СССР АН СССР) о значении палеографических работ О. А. Добиаш-Рождественской для современной латинской палеографии. А. Д. Люблинская подчеркнула, что палеографические исследования Ольги Антоновны неразрывно связаны с древними латинскими рукописями из коллекции П. П. Дубровского и наличие в ГПБ такого рода рукописей позволило развиваться в полной мере палеографическому таланту Ольги Антоновны. Уже во второй половине 20-х годов ее интересы все более сосредоточиваются на палеографии: выходит под ее редакцией каталог рукописей V—VII вв., затем сборники статей Ольги Антоновны и ее учеников, этюды об отдельных рукописях, монография о Корбийской мастерской письма, второе издание учебника латинской палеографии. Каталог рукописей VIII — начала IX в. она, к сожалению, не смогла напечатать при жизни, и он вышел в 1965 г. (подготовлен к печати Е. В. Бернадской и Т. П. Вороновой, под ред. А. Д. Люблинской). Можно с удовлетворением отметить, что в Институте исследования и истории текстов (Франция) этот каталог переведен на французский язык и готовится к изданию.

Главным трудом Ольги Антоновны, доставившим ей мировую известность, является монография о Корбийской мастерской письма, напечатанная в 1934 г. Ольга Антоновна составила это капитальное исследование, когда подобные работы по истории какого-либо одного скриптория были малочисленны, и можно сказать, что эта книга служит и поныне образцом такого типа исследований. Она дает необыкновенно разностороннюю картину жизни скриптория и библиотеки. Этим и объясняется ее неумирающее значение в наши дни. Другим, очень важным вкладом Ольги Антоновны в изучение латинской палеографии являются выработанные ею при подготовке каталога рукописей V—VII вв. принципы описания раннесредневековых рукописей. В дальнейшем в них были внесены лишь незначительные изменения. В 30-е годы кодикология еще не существовала самостоятельно. Тем более интересно отметить, что кодикологическому описанию уделялось не меньшее значение, чем палеографическому.

Т. П. Воронова (ГПБ) остановилась на практическом значении рукописного наследия О. А. Добиаш-Рождественской для работы сотрудников группы западных фондов. Составленные Ольгой Антоновной печатные каталоги, написанные собственноручно карточки на все пергаменные рукописи, ценнейшее исследование о мастерской Корби, статьи, посвященные отдельным кодексам, наконец, созданная и укомплектованная ее стараниями иностранная справочная библиотека при Отделе рукописей и редких книг — вот

тот основной фундамент, на который сотрудники западной группы опираются в своей работе с древним латинским фондом. Ольга Антоновна считала своим первоочередным долгом советского ученого сделать доступным для мировой науки хранимые библиотекой уникальные сокровища. Окончив описание средневековых пергаменных кодексов, она положила начало каталогизации собрания средневековых пергаменных грамот. В течение ряда лет сотрудники западной группы продолжают описание грамот, которое в ближайшее время будет завершено. 10 лет тому назад, к 90-летию со дня рождения Ольги Антоновны, библиотека издала 2-й выпуск каталога «Древнейшие латинские рукописи ГПБ (VIII — начало IX в.)».

К этому же времени была завершена обработка архива Ольги Антоновны, поступившего в 1940 г. от ее мужа академика Д. С. Рождественского. Сейчас этот фонд широко используется палеографами и историками-медиевистами. Однако его ценные материалы далеко еще не полностью раскрыты и исчерпаны. Это относится прежде всего к неопубликованным трудам Ольги Антоновны, среди которых имеется ее последняя работа — «Повесть о средневековой книге» для юношества.

Наиболее значительную часть архива составляет научная переписка. Большинство писем (633 из 790) принадлежит иностранным корреспондентам — известным французским, английским, немецким, американским ученым (палеографам, историкам, филологам), издателям журналов, хранителям рукописных фондов крупнейших библиотек мира. Наибольший комплекс во французской корреспонденции образуют письма Ш.-В. Ланглуа, директора Национального архива Франции, и Ф. Лота, профессора Сорбонны — учителей Ольги Антоновны, с которыми ее всю жизнь связывали не только общие научные интересы, но и личная дружба. Среди английских корреспондентов Ольги Антоновны — крупнейший западный палеограф Э. А. Лоу и У. М. Линдсей — издатель сборников «Латинская палеография». Немецкие корреспонденты представлены известными палеографами и филологами Паулем Леманом и Карлом Штреккером. Среди корреспонденции, поступившей из Германии, нельзя не отметить письма ученицы Ольги Антоновны переводчицы и поэтессы Райсы Блох, сотрудничавшей в издательстве Monumenta Germaniae Historica и в 1933 г. вынужденной бежать во Францию, где она погибла в концлагере во время второй мировой войны. Именно Р. Блох была для Ольги Антоновны незаменимым посредником во всех ее издательских делах за границей, своего рода референтом и ученым секретарем: составляла краткие аннотации на появлявшиеся новинки по палеографии, посылала рецензии, знакомила с научной хроникой Германии и с учеными коллегами. Ее

письма (64) охватывают восемь лет (с 1928 по 1936 г.). Докладчик прочитала несколько фрагментов из этой удивительной переписки, характеризующей не только талантливую автора писем, но и в какой-то мере настроения ученых Германии перед приходом фашизма.

Архив Ольги Антоновны дает возможность проникнуть в творческую лабораторию одного из крупнейших исследователей истории западного средневековья, отдавшего столько сил раскрытию и изучению сокровищ Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки.

Е. В. Бернадская (ГПБ) познакомила с неопубликованной заметкой Ольги Антоновны, написанной в 1904 г. к 600-летию со дня рождения Франческо Петрарки. Возможно, это текст подготовленного ею юбилейного доклада, который особенно уместно вспомнить сейчас, когда отмечается 600-летие со дня смерти великого поэта. Прочитанные докладчиком отрывки из этого раннего этюда, пронизанного глубокой поэтичностью и созданного как бы на одном дыхании, обрисовывают сложные контуры личности великого гуманиста и разные стороны его творчества. «В красивых переливах только что призванного к жизни итальянского стиха нашла глубокий и живой отзвук жизни южной природы», — писала Ольга Антоновна. «Современник и потомок Петрарки, благодарный ему за то, что он увенчал и возвел в перл создания все живые, обыкновенные его человеческие чувства, набожно повторял вслед за ним: Благославляю день, и месяц, и годину...» Характеризуя погруженность Петрарки в мир античности, Ольга Антоновна заключает: «Если в нас вызывает невольное почтение эта сосредоточенная и страстная напряженность воли и чувства, с какой Петрарка стучался в засыпанную пестрым сором могилу античности, то еще больше нас удивляет обнаруженная при этом твердость, ясность и широта его мысли, глубина и правдивость научного синтеза, с каким он откапывал обломки, умел их соединять в живые ткани, с каким он понял самый дух латинского классицизма и исходя из него верно определяя место отдельных его явлений. Настоящая научная критика ведет свое начало от Петрарки. В этом смысле величайший индивидуалист Возрождения был первым величайшим классиком...»

Редкий и оригинальный талант Ольги Антоновны как рассказчика, ее умение вылепить творческий портрет деятеля прошлой эпохи в его неувядаемой ценности для культуры человечества полностью проявились в этом раннем труде.

Сообщение *С. О. Вяловой* (ГПБ) было посвящено переписке О. А. Добиаш-Рождественской с крупнейшим ученым в области западной палеографии профессором Оксфордского университета Элиасом Авери Лоу (1879—1969), автором монументального издания мирового сводного каталога рукописей V—VIII вв.: «Codices Latini Antiquiores». Письма (12)

относятся к концу 20-х—30-м годам XX в. Именно в это время палеографические работы дали Ольге Антоновне мировую известность и вызвали интерес западных палеографов как к автору, так и к ленинградскому собранию рукописей. Посвященные проблемам, общим для этих ученых, письма рассказывают о работе каждого из них, об интенсивном обмене публикуемыми трудами, об отношениях, характеризующихся глубоким уважением, безоговорочным взаимным признанием научного авторитета и обоюдным стремлением к оказанию научной помощи. Они свидетельствуют также об огромном внимании и восхищении, которые вызывают у западных исследователей материалы, собранные в Отделе рукописей ГПБ.

Общие интересы, особенно в области изучения средневековых мастерских письма, изучения и описания древнейших латинских рукописей, послужили прекрасной почвой для этой научной дружбы, которой, однако, не было суждено выйти за пределы корреспонденции.

При высокой значимости работ обоих ученых вполне естественно, что взаимное использование ими палеографических исследований было постоянным. Особенно широко это проявилось при подготовке Лоу основного труда всей его жизни: «Codices Latini Antiquiores», первый том которого он послал Ольге Антоновне сразу же по выходе его в свет — в 1934 г. Последний подготовленный к печати Лоу XI том, в котором он поместил описания 37 выявленных Ольгой Антоновной древнейших кодексов ГПБ, вышел лишь в 1966 г., т. е. почти 30 лет спустя после смерти Ольги Антоновны. Приведенные Э. Лоу в списке избранной библиографии этого тома работы О. А. Добиаш-Рождественской свидетельствуют очередной раз о непреходящей ценности ее палеографических исследований.

О. Б. Враская (ГПБ) говорила в своем выступлении-воспоминании об Ольге Антоновне как устроительнице выставок рукописей и организаторе экскурсий по ним. Бывший старейший сотрудник библиотеки *Т. А. Быкова* рассказала о годах своего учения в семинариях ВЖК, руководимых Ольгой Антоновной. *И. А. Залкинд* (в прошлом главный методист по истории средних веков Института усовершенствования учителей) поделилась воспоминаниями о добром педагогическом таланте Ольги Антоновны.

В Отделе рукописей и редких книг была открыта выставка, на которой были представлены основные исследования Ольги Антоновны и многочисленные работы, посвященные ее научной деятельности. Экспонировались также материалы из архива О. А. Добиаш-Рождественской. Среди них ее неопубликованная статья о французском часовнике XV в. с великолепными миниатюрами знаменитой парижской мастерской Якова Коны; письма к Ольге Антоновне русских ученых — академиков С. Ф. Платонова и С. И. Вавилова, хранителей крупнейших запад-

ных библиотек (Британского музея, Национальной библиотеки Франции, Государственной Прусской библиотеки), а также ее учителей — Ш.-В. Ланглау и Ф. Лота. В частности, последний в письме от 30 мая 1927 г., представленном на

выставке, написал: «Я знаю, что... благодаря Вам на берегах Невы образовалась целая плеяда палеографов и археографов».

Т. П. Воронова

В ИНСТИТУТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР

18—19 апреля 1974 г. в Институте русской литературы АН СССР состоялась конференция памяти доктора филологических наук Игоря Петровича Еремина (1904—1963).

Открывая конференцию, академик Д. С. Лихачев подчеркнул ту особенность творчества Игоря Петровича, которая позволяет говорить о сходстве между литературоведением и литературой. Произведения Игоря Петровича написаны художественной прозой, так что хочется их перечитывать. Настоящая конференция есть одновременно перечитывание произведений И. П. Еремина и венок из работ его учеников и коллег, принесенный его памяти.

Лейтмотивом всех выступлений первого дня конференции стала древнерусская литература, поэтом и художником которой был Игорь Петрович. Творческий путь ученого обрисовал Л. А. Дмитриев (ИРЛИ) в докладе «И. П. Еремин — исследователь древнерусской литературы». Научная деятельность Игоря Петровича была связана одновременно с Ленинградским государственным университетом и Пушкинским Домом. Формирование Еремина как литературоведа началось под руководством академика В. Н. Перетца, филологическая школа которого проявилась уже в первом печатном труде Игоря Петровича «Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности». Глубокая текстология, исчерпывающее использование всего рукописного материала при изучении любого памятника древнерусской литературы стали обязательным правилом для всех его последующих работ. Охарактеризовав основные направления научной деятельности Игоря Петровича, Л. А. Дмитриев сказал, что главной мыслью работ И. П. Еремина явилось утверждение высокой эстетической ценности древнерусской литературы; статьи и книги И. П. Еремина — это «похвальные слова» ей.

Г. А. Бялый (ЛГУ) рассказал о курсе истории новой украинской литературы, который И. П. Еремин читал в ЛГУ с 1938 г. более 20 лет. Игорь Петрович как бы повторил путь своего учителя В. Н. Перетца, в научных интересах которого украинская литература занимала постоянное место. Яркая индивидуальность И. П. Еремина в полной мере проявилась и в этом курсе. Излюбленным приемом Игоря Петровича было воссоздание человеческого портрета писателя и ха-

рактеристики его общественного поведения. После смерти И. П. Еремина было решено издать этот курс. Но со смертью Н. К. Гудзия, который был назначен его редактором, издание задержалось. В связи с этим Г. А. Бялый выразил надежду, что конференция поспособствует изданию труда И. П. Еремина.

Ю. С. Пширков (Ин-т литературы АН БССР) говорил о вкладе И. П. Еремина в белорусское литературоведение, выразившееся в воспитании кадров молодых филологов для Белоруссии.

С докладом о спецкурсе И. П. Еремина по «Слову о полку Игореве» выступил Е. А. Маймин (Псковский гос. пед. ин-т). Докладчик назвал курс Игоря Петровича, который носил характер размышлений, а не категорических выводов, «беседами» о «Слове». Энциклопедический дух этого курса сказался в том, как широко привлекал Игорь Петрович данные разных наук для комментариев к «Слову».

Характеристику архива И. П. Еремина, хранящегося в Рукописном отделе ГПБ, дал Н. Н. Розов (ГПБ). Наибольшую часть архива составляют многочисленные выписки из источников и литературы, наброски и чистовые варианты лекций и докладов. Широта литературоведческих интересов Игоря Петровича отразилась в его переписке, сохранились письма едва ли не всех выдающихся современных историков русской и украинской литературы. Все основные этапы и направления научной и педагогической деятельности И. П. Еремина отражены в материалах его архива. Они ждут своего изучения, а многие — публикации.

С воспоминаниями о И. П. Еремине выступили Г. П. Макагоненко (ЛГУ), И. Г. Ямпольский (ЛГУ), В. А. Малкин (Воронежский гос. ун-т). Все они говорили о чертах Игоря Петровича, которые навсегда оставили память в душах знавших его людей, — глубоком чувстве такта, неизменном изяществе, сдержанности, скромности.

Заседание 19 апреля было открыто докладом Я. С. Лурье (ИРЛИ), посвященным особенностям древнерусского сюжетного повествования. Я. С. Лурье представил черты древнерусского сюжетного повествования как черты «раннего» искусства, когда оно проходит стадию обучения своему собственному языку. Особенности сюжетного повествования были рассмотрены на примерах «Повести о старце, сватав-

шемся к царской дочери» и «Повести о Басарге». Автора занимал вопрос, что получили эти памятники от фольклора и в чем их своеобразие среди других произведений древней литературы. Те «затруднения» в построении сюжета, которые возникают в обеих повестях, были объяснены как процесс обучения искусства своему собственному языку.

Доклад В. В. Колесова (ЛГУ) «Некоторые стилистические приемы Кирилла Туровского» был посвящен проблеме творчества Кирилла Туровского. Вслед за И. П. Ереминым докладчик показал, что эта проблема по преимуществу лингвистическая и что первоисточник художественности произведений Кирилла Туровского заключается в чрезвычайно последовательном сближении двух «стихий»: языка — заимствованного церковнославянского и народного русского, в умелом и тонком понимании их специфики и пределов.

О малоизученной проблеме художественного времени в «Слове о полку Игореве» говорилось в докладе Н. С. Демковой (ЛГУ). Исследование организации временного потока в «Слове» позволяет разобратся в сложной композиции и поэтической структуре памятника. Докладчица выделила три основных типа организации временного потока в произведении: эпически повествовательное время; спонтанное время отдельных замкнутых эпизодов, «слияние» в одном моменте повествования различных моментов действия. При рассмотрении форм грамматического времени в «Слове» обнаружено особое соотношение форм прошедшего времени и настоящего, соответствующее принципам лирического повествования в устной народной поэзии и торжественному красноречию. Было обращено внимание на такую особую форму описания в «Слове», как система смысловых повторов.

Доклад М. В. Рождественской (ЛЮА АН СССР) «Об истории сюжета «Слова на Лазарево воскресение»» был посвящен памятнику древнерусской литературы старшей поры, которым начинал заниматься И. П. Еремин, но не успел закончить. Памятник построен на сочетании нескольких традиционных сюжетов, из которых главными являются воскресение Лазаря и сошествие в ад. В связи с этим М. В. Рождественская рассмотрела ряд памятников древнерусской станковой живописи на те же сюжеты. Особое внимание было уделено иконе Андрея Рублева «Воскрешение Лазаря

из Благовещенского собора Московского Кремля.

«Повесть о Петре и Февронии» и новеллистическая сказка» — так назывался доклад Р. П. Дмитриевой (ИРЛИ). В нем были рассмотрены те особенности построения сюжета «Повести», которые сближают ее со сказкой о мудрой девице. Сказка задала автору «Повести» также жанр и композицию. Тем не менее «Повесть» не является всего лишь одним из вариантов сказки. В нее по сравнению со сказкой внесены дополнительные материалы, который органично слился с сюжетной линией основного источника, в результате чего возникло литературное произведение, подчиненное собственным законам сюжетного повествования.

В докладе Е. К. Ромодановской (ИИФФ СО АН СССР), посвященном «Повести о царе Аггее», установлено происхождение сюжета повести от «Римских деяний» через посредство «Неба нового» Иоаннкия Голятовского, определено литературное окружение памятника. Чрезвычайная популярность «Повести» в XVII в. объясняется тем, что в ней впервые поставлена социальная проблема современности о царе «истинном» и «неистинном», которая в то время оживленно обсуждалась во всех слоях общества, в том числе и демократическом, памятником которого является «Повесть о царе Аггее».

А. М. Панченко (ИРЛИ) выступил с докладом «Юродство как общественный протест», в котором показал связь юродства с обличением пороков. В юродстве соединились различные формы протеста: против благоустроенного, греховного мира, осмеяние мира, обличение и общественное заступничество. С последним связано то обстоятельство, что юродство расцветает в кризисные для церкви времена, но, будучи в основе своей консервативно, оно не имеет ничего общего с реформаторством. В силу этого деятели реформаторского типа, в основу мировоззрения которых легло понятие прогресса, осознают институт юродства как помеху реформам. Новое время с его понятием прогресса окончательно разрушает юродство.

Заключил конференцию доклад И. П. Смирнова (ИРЛИ) «Барокко и футуризм», в котором были рассмотрены аналогии в эстетике и литературной технике двух хронологически разделенных направлений русской литературы.

Н. В. Поньрко

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗБОРНИКУ 1073 ГОДА

31 октября и 1 ноября 1974 г. в г. Ленинграде проходила научная конференция, посвященная Изборнику 1073 г. В ее организации приняли участие Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Институт литературы Бол-

гарской Академии наук и Научный совет по истории мировой культуры АН СССР. С докладами и сообщениями выступали ученые Софии, Ленинграда и Москвы.

Академик Д. С. Лихачев (Ленинград)

во вступительном слове обратил внимание на своеобразие повода научного содействия — юбилей древней рукописной книги. Он отметил, что рукопись Изборника 1073 г. представляет собой исторический памятник чрезвычайного значения не только для болгарской и русской культуры, но и всего греко-славянского мира. Д. С. Лихачев остановился на вопросе о необходимости полного научного издания памятника и отметил, что его осуществление возможно выполнить только совместными усилиями болгарских и советских исследователей.

Доклад академика П. Динекова (София) «Симеоновский сборник в развитии староболгарской культуры» был посвящен характеристике культурно-исторической обстановки в Болгарии при царе Симеоне, для которого и был составлен славянский оригинал сборника, дошедший до наших дней в древнерусском списке 1073 г. Докладчик убедительно показал, что Симеонов изборник представлял собой произведение большой научной и культурной ценности, свидетельствующее о высоком уровне культуры и науки в Болгарском царстве IX в. Динеков остановился на энциклопедическом характере состава сборника, который служил задаче популяризации знаний. В докладе чл.-корр. Болгарской академии наук Ем. Георгиева «Возникновение Симеоновского сборника и его составители» были освещены проблемы идейной связи содержания Изборника с эпохой Первого болгарского царства и поставлен вопрос о создателе и переводчиках памятника. По мнению Георгиева, непосредственное участие в создании сборника приняли царь Симеон и Иоанн Экзарх. К. Кувев (София) в докладе «Симеоновский сборник и его распространение в старых славянских литературал» основное внимание уделил обзору известных автору 19, преимущественно древнерусских, списков с текстом Изборника XI—XVII вв., что свидетельствует и о большой популярности памятника и о его серьезном влиянии на древнерусскую литературу. Философским проблемам были посвящены доклады В. Велчева (София) «Неоплатоновская традиция в Изборнике Симеона» и Б. Пейчева (София) «Трактат Теодора Раутуцкого как интерпретация категорий Аристотеля в Изборнике 1073 г.». Текстологический анализ «Похвалы царю Симеону» и ее проникновения в старославянские произведения был сделан В. Ангеловым (София). В докладе «Символические и аллегорические мотивы в орнаменте Изборника» Ис. Добрев (София), раскрывая аллегорический характер орнамента рукописи, показал связь элемента с византийской и древнеболгарской культурной традицией.

Доклад Л. П. Жуковской (Москва) «Изборник 1073 г. — состояние и задачи изучения» был посвящен вопросам дальней-

шего всестороннего исследования рукописи в разных аспектах (кодицистическом, палеографическом, лингвистическом и т. д.). Л. П. Жуковская горячо поддержала мысль о научной публикации памятника и привела веские аргументы для ее обоснования. В докладе Н. А. Мещерского (Ленинград) «Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г.» был дан сравнительный анализ графико-орфографических и текстологических особенностей двух древнейших датированных древнерусских рукописей. Мещерский привел ряд убедительных доказательств, свидетельствующих о собственно восточнославянском происхождении рукописи Изборника 1076 г. Изборник 1073 г. был скопирован с оригинала болгарского происхождения, а Изборник 1076 г. был составлен в Древней Руси из произведений различного происхождения.

Доклады Е. Э. Гранстрем и Л. С. Ковтун (Ленинград) «Поэтические термины в Изборнике 1073 г. и развитие их в русской традиции» и Е. М. Верещагина (Москва) «Ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике 1073 г.» были посвящены текстологическому анализу памятника. По своей проблематике к ним примыкает доклад В. Г. Брюсовой (Москва) «Толкование на IX притчу Соломона в составе Изборника 1073 г.». В докладе Р. А. Симонова (Москва) «Числовые обозначения в Изборнике 1073 г.» были приведены данные, свидетельствующие о значительном влиянии византийской традиции в тексте памятника. Выступление академика Б. А. Рыбакова (Москва) было посвящено анализу заключительной фразы Изборника 1073 г. «Оже ти себе не люблю...»

Значительный интерес к рукописи проявили советские историки искусства. О. И. Подобедова (Москва) прочитала доклад на тему «Изборник 1073 г. как тип книги». Г. К. Вагнер (Москва) выступил с докладом «Слово об образе» в Изборнике 1073 г. и русское искусство XI века». Доклад В. Д. Лихачевой (Ленинград) был посвящен византийским источникам архитектурных фронтисписов «Изборника 1073 г.». В докладе Н. П. Розова (Ленинград) «О научном издании Изборника 1073 г.» содержались конкретные предложения о составе публикации.

Принявшие участие в обсуждении докладов Т. Н. Копреева (Ленинград), Е. И. Георгиева (София), З. Г. Самодурова (Москва), С. О. Шмидт (Москва) единодушно высказались о необходимости полной научной публикации памятника. С большим интересом было встречено выступление сотрудников Отдела рукописей библиотеки им. В. И. Ленина Л. П. Грязиной и Н. А. Щербачевой, сообщивших о наличии в фондах библиотеки еще трех списков Изборника 1073 г. XVI—XVII вв. Было принято предложение опубликовать материалы конференции в специальном сборнике.

О. А. Клязевская

Мемориальная доска у входа в аудиторию истфака МГУ, носящую имя академика М. Н. Тихомирова

В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

24 мая 1974 г. в Московском университете на историческом факультете состоялось открытие мемориальных досок академиков М. Н. Тихомирова и С. Д. Сказкина. На открытии доски М. Н. Тихомирова выступили: Ю. С. Кукушкин, член-корреспондент АН СССР И. Д. Ковальченко, Г. А. Новицкий, С. О. Шмидт; на открытии доски С. Д. Сказкина — В. В. Самаркин, А. Н. Чистозвонов.

* * *

14 октября 1974 г. состоялось совместное заседание кафедр источниковедения истории СССР и истории СССР периода феодализма, посвященное памяти Александра Николаевича Мальцева (1921—1964), кандидата исторических наук, доцента исторического факультета Московского государственного университета¹.

С вступительным словом выступил А. В. Муравьев, сообщивший о выходе монографии А. Н. Мальцева «Россия и Белоруссия в середине XVII в.» и о большой работе, сделанной В. А. Александровым и Л. В. Миловым, подготовившими оставшуюся незаконченной моногра-

фию к печати. Предисловие к книге написано А. А. Зиминным.

Выступавшие Г. А. Новицкий, В. А. Александров, Л. В. Миллов, член-корреспондент АН СССР Ю. А. Поляков, С. О. Шмидт, М. Т. Белявский, Г. Н. Анпилогов отметили вклад в историческую науку, внесенный А. Н. Мальцевым. Исследователь темы борьбы украинских и белорусских народов против польских феодалов, А. Н. Мальцев затрагивал широкий круг вопросов, связанных с этой темой, включая источниковедение истории Белоруссии и России этого периода.

Исследования А. Н. Мальцева отличаются цельностью и глубиной разработки, тщательностью и тонкостью методов изучения источников, поэтому не устаревают и в наши дни.

Другой гранью таланта А. Н. Мальцева была педагогическая деятельность. Он преподавал в Московском библиотечном институте, Московском государственном историко-архивном институте, в других учебных заведениях. Но главной была его работа в Московском государственном университете, который он окончил и где под руководством академика М. Н. Тихомирова защитил кандидатскую диссертацию. Преподавание А. М. Мальцева в университете совпало со становлением кафедры источниковедения, в этом большая заслуга и А. Н. Мальцева. За время преподавания в различ-

¹ Некролог памяти А. Н. Мальцева и список его печатных работ см.: «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965, стр. 388—390.

Мемориальная доска академику М. П. Тихомирову, установленная в аудитории истфака МГУ

ных учебных заведениях и в университете им были разработаны и читались курсы: источниковедения, исторической географии и библиографии, палеографии и архивоведения.

В преподавательской работе особенно сказались замечательные душевные качества Александра Николаевича — доб-

рожелательное отношение к людям, особенно к студентам, увлеченность работой и жизнью.

Данью памяти большому человеку и гражданину стало издание монографии А. Н. Мальцева, утвердившей его имя в исторической науке.

В КРУЖКЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА им. Н. К. КРУПСКОЙ

29 ноября 1972 г. состоялось первое заседание кружка. С момента основания по май 1975 г. в кружке было проведено свыше 30 заседаний, на которых присутствовало в среднем по 7—10 человек. В целом же работой кружка было охвачено 50 студентов. Устойчивое ядро кружка включает в себя 12 студентов I—IV курсов. Научный руководитель кружка — доктор исторических наук С. М. Каштанов. Старосты кружка — В. Кулаков (1972—1974 гг.), Г. Семенченко (с 1974 г.), секретарь — Е. Щербак.

Члены кружка работают сейчас над темами по следующим специальным и вспомогательным историческим дисциплинам: источниковедению, документоведению и дипломатике, палеографии и кодикологии, исторической географии, генеалогии и геральдике, истории государственных учреждений.

Некоторые темы находятся на стыке вспомогательных исторических дисциплин и собственно истории. В докладе Г. Семенченко «Экономический и политический кризис уделов в XV — начале XVI в.» большое внимание было уделено дипломатическому анализу духовных и договорных грамот великих и удельных князей. Е. Зуйков, разрабатывая тему развития городской собственности в XVIII в. по материалам Московской ратуши и магистрата, дал подробный документоведческий анализ формуляра протоколов магистрата и данных грамот, по которым земли сдавались на оброк. Доклады Г. Семенченко и Е. Зуйкова отличались тщательностью разбора источников, оригинальностью ряда наблюдений и вызвали большой интерес у кружковцев. Успешно выступали в кружке также А. Андреева, Г. Глумова, Е. Петрухина, Г. Тихонова, Е. Щербак и др.

Существенными событиями в работе кружка были обсуждения недавно вышедших книг А. А. Зимина «Россия на пороге нового времени», С. О. Шмидта «Становление российского самодержавства» и С. М. Троицкого «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.».

Встречи с авторами этих книг оказались очень интересными и полезными. С научными сообщениями перед студентами выступили сотрудники ОР ГБЛ им. В. И. Ленина Е. Б. Бешенковский (о поисках библиотеки и архива М. В. Ломоносова) и Т. П. Быкова (об архиве А. М. Стесселя).

В 1973 г. члены кружка установили контакт с кружком источниковедения МГИАИ и присутствовали на заседании этого кружка, на котором обсуждался новый учебник «Источниковедение истории СССР».

У кружковцев есть материалы, собранные еще до того, как был организован кружок. В 1971 г. группа студентов исторического факультета МОПИ имени Н. К. Крупской (В. Борисов, Е. Зуйков, В. Кулаков, Ю. Павлюченков, Ю. Ручей, Е. Щербак) совершила археографическую поездку в с. Бисерово Ногинского района Московской области. Группу возглавлял кандидат исторических наук В. А. Кучкин.

В Богоявленской церкви с. Бисерова удалось найти ряд рукописей, которые находились в скверном состоянии из-за плохих условий хранения.

Наиболее древняя из найденных рукописей представлена отрывками: два листа Евангелия XVI в. (от Матфея, 11, 26—12, 29). Интересны также документы XIX в., принадлежащие к таким малоизученным разновидностям, как храмозданные грамоты (1 документ), свидетельства о рождении и браке с удостоверительными знаками на них — печатями церковных учреждений XIX — начала XX в. (7 документов), церковные ведомости (1 документ), регистрационные книги (1 документ). Весьма важна церковная летопись села Бисерова, дошедшая в карандашном списке конца XIX в.

Кроме того, были найдены разрозненные листы печатных книг XVIII в. Рукописи сданы в ОР ГБЛ.

В. В. Кулаков

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>Ю. П. Шаранов.</i> Из опыта изучения ленинских маргиналий	3
<i>З. Ю. Копыцкий (г. Минск).</i> Сборники документов по истории Белоруссии, изданные в БССР (1921—1971 гг.)	13
<i>С. В. Чирков.</i> Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в.	24
<i>А. Д. Степанский.</i> К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России	38
<i>Т. В. Дианова.</i> Метод датировки документов с помощью водяных знаков и принципы публикации филигрanei	56
<i>Р. В. Костина.</i> Об изучении бумаги советских документов 1917—1920 гг. . .	62
<i>Г. И. Вздорнов.</i> Архивные материалы по истории древнерусского искусства . . .	77
<i>В. П. Бударагин (г. Ленинград).</i> Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома (к 25-летию)	85
<i>Е. Э. Гранстрем (г. Ленинград).</i> Первоначальные библиографические указатели в древнерусских рукописях	90
<i>С. М. Каштанов.</i> Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.)	94
<i>М. А. Усманов (г. Казань).</i> Официальные акты ханств Восточной Европы XIV—XVI вв. и их изучение]	117
<i>Б. М. Клосс.</i> О рукописях, написанных дьяком Дмитрием Лапшиным	136
<i>Л. А. Юзефович (г. Пермь).</i> Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского	143
<i>В. И. Корецкий.</i> Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в.	145
<i>А. А. Турилов.</i> Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV — начала XVIII в. (Сказания о ярославских иконах)	168
<i>Н. Н. Воронин.</i> «Сказание о Руси и о вѣщемъ Олзѣ» в рукописях А. Я. Артынова (К истории литературных подделок начала XIX в.)	175
<i>Л. Я. Саэт.</i> К вопросу о внешней критике журналов Особого совещания по обороне государства (1915—1918 гг.)	199
<i>В. М. Ершова (г. Петрозаводск).</i> О. А. Добиаш-Рождественская — педагог (По материалам архива О. А. Добиаш-Рождественской в ГПБ)	206
<i>Л. В. Черепнин.</i> К семидесятилетию Николая Николаевича Воронина	218

К 75-летию А. Н. Насонова

<i>В. А. Кучкин.</i> А. Н. Насонов как археограф	224
<i>В. И. Бузанов.</i> Труды А. Н. Насонова о русском летописании	235
<i>А. Л. Станиславский.</i> Личный фонд А. Н. Насонова в Архиве Академии наук СССР	241

Тихомировские чтения 1974 г.

<i>М. И. Автократова.</i> Документы ЦГАДА по истории Академии наук первой половины XVIII в.	245
<i>С. Р. Долгова.</i> О редких академических изданиях XVIII в. в Библиотеке ЦГАДА	255
<i>Н. М. Митрякова.</i> Обзор источников по истории Академии наук СССР за советские годы в Архиве АН СССР	264

<i>Л. И. Блинова.</i> Работы Архива Академии наук СССР над материалами по истории науки.	271
<i>В. Д. Есаков.</i> Об издании документов по истории советской науки	280

II. Обзоры, описания, библиографии

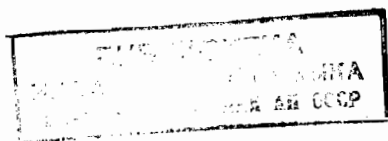
<i>К. Ф. Шацлло.</i> Обзор документальных материалов кружка «Беседа» и «Союза Освобождения» в фонде Д. И. Шаховского	285
<i>Р. Ф. Хозлов (г. Дмитров).</i> Фонд П. А. Кропоткина в собрании Дмитровского музея	297
<i>Д. В. Карев (г. Владивосток).</i> Неопубликованное творческое наследие М. К. Любавского	301
<i>С. Б. Филлимонов (г. Свердловск).</i> Эпистолярный архив В. И. Смирнова	315
<i>М. Я. Стецкевич (г. Ленинград).</i> Справочные и методические пособия Отдела рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Аннотированный список).	324
<i>Л. И. Киселева (г. Ленинград).</i> Новая книга по истории латинского письма	336
<i>Я. Д. Исаевич (г. Львов).</i> Новое исследование по филигранологии.	339
Список научных трудов Д. А. Чугаева; (к 75-летию со дня рождения)	342

III. Публикации

Опись Государственного архива конца XVI в. (Предисловие <i>С. О. Шмидта</i> , подготовила <i>И. А. Балакаева</i>)	346
Опись посольских дел, переданных в 1708 г. из Казенного приказа в Посольский (подготовил <i>В. И. Гальцов</i>)	349
Письма Е. В. Тарле В. Я. Богучарскому (подготовил <i>М. Ф. Шумейко, г. Минск</i>)	357

IV. Хроника

<i>В. Ю. Афиани.</i> Деятельность Археографической комиссии в 1974 г.	361
Новые издания Археографической комиссии и ее отделений	364
Издание научного описания рукописного наследия академика М. Н. Тихомирова В отделениях Археографической комиссии	365
<i>Л. В. Тиганова.</i> Работа секции рукописной книги на Второй всесоюзной конференции по проблемам книговедения	367
<i>С. Л. Богина, П. В. Веселов.</i> Теоретический семинар «Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения»	369
<i>Т. П. Воронова (г. Ленинград).</i> Заседание, посвященное 100-летию со дня рождения О. А. Добиаш-Рожественской	372
<i>Н. В. Поньрко (г. Ленинград).</i> В Институте русской литературы АН СССР	375
<i>О. А. Князевская.</i> Конференция, посвященная Изборнику 1073 г	376
<i>В. Ю. Афиани.</i> В Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова	378
<i>В. В. Кулаков.</i> В кружке вспомогательных исторических дисциплин Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской	380

SOMMAIRE

I. Articles et informations

<i>Yu. P. Charapov.</i> Une expérience de l'étude des notes marginales de V. I. Lénine.	3
<i>Z. Yu. Kopysski (Minsk).</i> Recueils des documents sur l'histoire de la Biélorussie, publiés dans la R. S. S. de Biélorussie (1921—1971)	13
<i>S. V. Tchirkov.</i> Problèmes de la publication des annales par la Commission archéographique au commencement du XX-e siècle	24
<i>A. D. Stépanski.</i> Sur l'histoire des sociétés scientifiques d'histoire en Russie d'avant la Révolution	38
<i>T. V. Dianova.</i> Méthodes de datation des documents au moyen des filigranes et principes de leur publication	56
<i>R. V. Kostina.</i> Sur l'étude du papier des documents soviétiques 1917—1920.	62
<i>G. I. Vzdornov.</i> Les documents d'archives sur l'histoire des beaux arts de l'ancienne Russie	77
<i>V. P. Boudaraguine (Léningrad).</i> Le dépôt de manuscrits vieux russes de la «Maison Pouchkine». Son 25-e anniversaire	85
<i>E. E. Granstrem (Léningrad).</i> Index bibliographiques dans les manuscrits vieux-russes	90
<i>S. M. Kachtanov.</i> Les actes des princes russes des X—XIV-e siècles (jusqu'à 1380).	94
<i>M. A. Ousmanov (Kazan).</i> Les actes officiels des Khanats de l'Europe orientale des XIV—XVI-e siècles et leurs études	117
<i>B. M. Kloss.</i> Sur les manuscrits écrits par le clerc (diak) Dmitry Lapchine	136
<i>L. A. Iouzefovitch (Perm).</i> Stéfan Batori sur la correspondance d'Ivan le Terrible avec Kourbski	143
<i>V. I. Korétki.</i> Nouveaux matériels sur le clerc (diak) Ivan Timoféev, historien et publiciste du XVII-e siècle	145
<i>A. A. Tourilov.</i> Monuments peu connus de la littérature d'Yaroslavl des XIV—XVIII siècles. (Légendes sur les icônes d'Yaroslavl)	168
<i>N. N. Voronine.</i> «Légende sur la Russie et sur Oleg-le-Prophète» dans un manuscrit d'A. Artynov (sur l'histoire des falsifications littéraires au commencement du XIX-e siècle)	175
<i>L. Ya. Saët.</i> Sur la question de la critique extérieure des journaux du Conseil spécial de la Défense d'Etat (1915—1918)	199
<i>V. M. Erchova (Petrozavodsk).</i> O. A. Dobiach-Rojdéstvenskaïa comme pédagogue (sur les matériels de ses archives dans la Bibliothèque publique de Léningrad)	206
<i>L. V. Tchérépnine.</i> N. N. Voronine (à l'occasion de son 70-e anniversaire)	218

A l'occasion du 75-e anniversaire de A. N. Nassonov

<i>V. A. Koutchkine.</i> A. N. Nassonov comme archéographe	224
<i>V. I. Bouganov.</i> Les travaux de A. N. Nassonov sur les annales russes	235
<i>A. L. Stanislavski.</i> Le fonds personnel de A. N. Nassonov aux Archives de l'Académie des sciences de l'U. R. S. S.	241

Les lectures Tikhomirov, 1974

<i>M. I. Avtokratova.</i> Documents des Archives centrales des actes anciens sur l'histoire de l'Académie des sciences de la première moitié du XVIII-e siècle	245
--	-----

<i>S. R. Dolgova.</i> Sur les éditions rares de l'Académie des sciences du XVIII-e siècle dans la bibliothèque des Archives des actes anciens	255
<i>N. M. Mitriakova.</i> Aperçu des sources sur l'histoire de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S. dans les Archives de l'Académie des sciences (période soviétique).	264
<i>L. I. Blinova.</i> Le travail des Archives de l'Académie des sciences de l'U. R. S. S. sur les documents concernant l'histoire de la science	271
<i>V. D. Essakov.</i> Sur la publication des documents concernant l'histoire de la science soviétique	280

II. Aperçus, descriptions, bibliographie

<i>K. F. Chatzillo.</i> Documents du Cercle «Bessóda» («La causerie») et de l'«Union de la libération» dans le fonds de D. I. Chakhovskoi	285
<i>R. F. Khokhlov (Dmitrov).</i> Le fonds de P. A. Kropotkine au Musée de la ville de Dmitrov	297
<i>D. V. Karev (Vladivostok).</i> L'héritage inédit de M. K. Lioubavski	301
<i>S. B. Filimonov (Sverdlovsk).</i> Aperçu des archives épistolaires de V. I. Smirnov	315
<i>M. Ya. Stetzkévitch (Léningrad).</i> Manuels de référence de la Section des manuscrits et des livres rares de la Bibliothèque publique de Léningrad (Liste annotée).	324
<i>L. I. Kisséleva (Léningrad).</i> Un livre nouveau sur l'histoire de l'écriture latine.	336
<i>Ya. D. Issaévitch (Lvov).</i> Une étude nouvelle sur la filigranologie'	339
Liste de travaux scientifiques de D. A. Tchougaev (à l'occasion de son 75-e anniversaire)	342

III. Publications

Inventaire des archives d'Etat de la fin du XVI-siècle (introduction de <i>S. O. Schmidt</i> , publication de <i>I. A. Balakaieva</i>)	346
Inventaire des dossiers d'ambassadeurs, transmis du Département (Prikaz) du Trésor au Département des ambassadeurs en 1708 (publication de <i>V. I. Galtzov</i>)	349
Lettres de E. V. Tarlé à V. Ya. Bogoutcharski (publication de <i>M. F. Choumeiko, Minsk</i>).	357

IV. Chronique

<i>V. Yu. Afiani.</i> Activité de la Commission archéographique en 1974.	361
Nouveaux publications de la Commission archéographique et de ses Sections	364
Edition du Catalogue de l'héritage manuscrit de l'académicien M. N. Tikhomirov	365
Dans les sections de la Commission archéographique	365
<i>L. V. Tiganova.</i> L'activité de la Section des livres manuscrits à la Deuxième conférence sur les problèmes de bibliologie en U. R. S. S	367
<i>S. L. Boguina, P. V. Vesselov.</i> Séminaire théorique sur les problèmes terminologiques dans les domaines de l'études des documents et des archives	369
<i>T. P. Voronova (Léningrad).</i> Réunion commémorative à l'occasion du centenaire de O. A. Dobiach-Rojdestvenskaia	372
<i>N. V. Ponyrko (Léningrad).</i> A l'Institute de la littérature russe de l'Académie des sciences	375
<i>O. A. Kniazevskaia.</i> Conférence consacrée à l'«Izbornik» (le recueil) de 1073	376
<i>V. Yu. Afiani.</i> A l'Université de Moscou	378
<i>V. V. Koulakov.</i> Dans le cercle d'études des sciences historiques auxiliaires dans l'Institut pédagogique «N. Kroupskaia» de la région de Moscou	380

Археографический ежегодник. 1974

Утверждено к печати

Археографической комиссией при Отделении истории СССР АН СССР

Редактор издательства *Р. И. Коробейникова.* Художественный редактор *Н. Н. Власик.*
Технический редактор *Т. А. Прусакова* Корректор *Е. Н. Белоусова*

Сдано в набор 16/VI-1975 г. Подписано к печати 25/IX-1975 г. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 37,2. Тираж 2100 экз. Т-18344. Тип. зак. 2531. Цена 2 р. 69 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

1974